This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII, 1

1848

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОВРЕМЕННИКЪ

VIII, 1

СНВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. НИКИТЕНКО

ТОМЪ VIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1848

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
AUG 1 1975
AP50
S695
[n.s.] V.8:1
1848

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

I.

БОБЫЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Судъ [illegible], [illegible]-ли,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!—

Пушкинъ.

Темная осенняя ночь давнымъ-давно окутала сельцо Комково. Погода стояла бурная, ненастная: мелкій дождь падалъ пополамъ съ снѣгомъ; холодный вѣтеръ гудѣлъ протяжно въ отдаленныхъ поляхъ и равнинахъ.... Но буря, слякоть и темнота нимало не вредили приходскому празднику въ сельцѣ Комковѣ, и гулянка, которой годъ цѣлый ждали обыватели, была въ полномъ своемъ разгарѣ. На улицѣ толпилась тьма народу. Со всѣхъ сторонъ слышались нестройныя пѣсни, восклицанія, говоръ, хохотъ; правда, время отъ времени ихъ заглушалъ суровый голосъ бури, которая съ ревомъ и свистомъ пробѣгала по обвалившимся плетнямъ и лачугамъ, но тѣмъ не менѣе пѣсни и крики раздавались громче и громче, когда вѣтеръ проносился мимо и буря на минуту стихала. Почти въ каждой избушкѣ свѣтились огоньки, и длинная нить ихъ, отражавшаяся багровыми полосами въ лужахъ, давала знать, что и внутри домовъ точно также продолжалась пирушка. Словомъ, жители Комкова веселились и гуляли на славу!

Но тогда какъ веселье такъ единодушно обнаруживалось съ одного конца деревни до другого, въ домѣ самой помѣщицы было что-то особенно спокойно и тихо. Распутица ли помѣшала сосѣдямъ съѣхаться по обыкновенію къ Марьѣ Петровнѣ, ненастье ли, или другое что, а только она сидѣла этотъ разъ почти безъ гостей. Общество составляли всего-на-все — бѣдная вдова, поручица Степанида Артемьевна, проживавшая въ домѣ третій годъ въ качествѣ *приживалки*, и еще ближайшая сосѣдка Марьи Петровны, Софья Ивановна Иванова, или просто *Иванишха*, какъ называли ее крестьяне. Всѣ три дамы расположились въ небольшой уютной комнаткѣ, выходившей на улицу.

Въ углу, подлѣ незавѣшеннаго окна сидѣла особнячкомъ Степанида Артемьевна и вязала чулокъ; противъ нея на столикѣ стояло все нужное для чаю. Огромный неуклюжій самоваръ изъ красной мѣди, занимавшій чуть ли не половину стола, пыхтѣлъ и отдувался какъ толстякъ, обремененный тяжкою ношей въ знойное время; изъ него валили клубясь и журча густыя струи сѣраго пара, то направляясь на сосѣднее окно и обдавая его крупными каплями, то вдругъ обращаясь косою полосою на сальный огарокъ, находившійся тутъ же, между чайникомъ и чашками.

При такомъ неожиданномъ нападеніи со стороны сосѣда, огарокъ бросалъ еще болѣе сомнительный свѣтъ на поручицу, женщину съ наружностію жосткой и деревянной, одѣтую какъ вообще всѣ вдовствующія поручицы-приживалки въ глубокій трауръ. Другія двѣ дамы сидѣли поодаль отъ окна, у лежанки. Красное пламя жарко топившейся печки не только позволяло различать ихъ лица, но даже обозначало на стѣнѣ длинныя, угловатыя профили собесѣдницъ. Одна изъ нихъ, хозяйка дома, была подслѣповатая, маленькая старушонка, съ лицомъ кроткимъ и добродушнымъ, напоминавшимъ скорѣе однакожь безотвѣтную простоту, чѣмъ первыя два качества. На ней былъ черный поношеный платокъ, черный ситцевый капотъ съ бѣлыми крапинами и жиденькій чепецъ съ темными лентами, находившимися постоянно въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи вопреки неподвижности самой владѣлицы; это происходило оттого, что головка старухи, и безъ того уже слабая, приняла дурную привычку трястись съ тѣхъ поръ, какъ разъ ночью испугали Марью Петровну, объявивъ ей, что въ Комковѣ загорѣлась баня.

Наружность Софьи Ивановны представляла самую рѣзкую противоположность съ наружностію ея сосѣдки. Ясно, что эти крутыя, багровыя щоки, готовыя лопнуть каждую минуту вмѣстѣ съ сѣрыми глазами на выкатѣ, этотъ узенькій лобъ, сплюснутый носъ и черные волосы безъ просѣди, несмотря на пятидесятый годъ, могли только принадлежать бойкой и энергической женщинѣ. Всѣ три дамы хранили глубокое молчаніе. Тишина въ комнатѣ прерывалась лишь трескомъ и щелканьемъ печки, метавшей на полъ искры, и пискливымъ напѣвомъ самовара, которому вторило иногда недовольное ворчанье собаченки, лежавшей на диванѣ, за спиною помѣщицы. Извнѣ слышался отдаленный гулъ толпы, бродившей по улицѣ; время отъ времени, гулъ этотъ какъ-будто приближался и, смѣшавшись внезапно съ свирѣпымъ завываніемъ вѣтра и шумомъ дождя, посылаемаго въ окна, производилъ такой грохотъ, что даже канарейка, сидѣвшая нахохлившись въ клѣткѣ надъ головою поручицы, вздрагивала, высовывала изъ-подъ крылушка голову и начинала отряхиваться.

— Цыцъ, Розка, говорила тогда Марья Петровна, обращаясь къ собачкѣ, которая принималась неистово лаять: — цыцъ! Господи благослови, продолжала она: — съ ума они сошли, что ли? того и смотри, деревню сожгутъ.... Степанида Артемьевна, посмотрите, матушка, въ окно, ужь не случилось ли чего?...

Тутъ Марья Петровна поворачивала съ безпокойствомъ худощавое лицо свое къ окошку и крестилась съ особенною выдержкою.

— Не видно ничего-съ, отвѣчала приживалка, обтирая рукою мутное стекло: — все окно до верху занесло снѣгомъ-съ.

— Эхъ, матушка Марья Петровна, охота же вамъ, право, допускать такія буйства, произнесла Софья Ивановна грубымъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ какъ нельзя лучше ея дубовой наружности: — смотрите, когда-нибудь наживете себѣ бѣду съ вашею добротою; ужь когда-нибудь да сожгутъ вамъ ваше Комково вашн же мужики!...

— Пресвятая Богородица, Божья Матерь, св. Сергій угодникъ.... охъ!... моя Анюточка покойница (царство ей небесное!) къ нему прикладывалась.... простонала жалобно хозяйка, возводя очи къ потолку и принимаясь снова креститься.

— Да, конечно сожгутъ вамъ деревню, продолжала сосѣдка: — если станете попускать такія буйства и безчинства; время же стоитъ почти всякой разъ въ этотъ день, какъ нарочно, вѣтренное, разумѣется дѣло осеннее, долго ли до бѣды!

— Охъ! да чтóжъ мнѣ дѣлать-то съ ними, Софья Ивановна?...

— Какъ чтó дѣлать, матушка? вотъ славно! да кто же здѣсь госпожа? сказали: не хочу, не смѣть, молъ, вамъ буйствовать, да и постращать хорошенько, вотъ и будетъ все въ порядкѣ; ато, право, долго ли этакъ до грѣха.... слышите сами, какой вѣтеръ?... слышите?... Софья Ивановна наклонила на бокъ голову, Марья Петровна и поручица послѣдовали ея примѣру.

Пронзительный вѣтеръ люто завывалъ вокругъ всего дома, потрясая ставни и выступы; дождь стучалъ неумолимо, то глухо ниспадая на кровлю, то барабаня по окнамъ.

— Охъ, сколько я думаю, Софья Ивановна, бездомныхъ-то сироточекъ идутъ теперь по міру въ такую-то погодушку, примолвила послѣ молчка Марья Петровна: — и пристанища-то у нихъ, бѣдненькихъ, нѣту....

— А вамъ бы ихъ небось всѣхъ къ себѣ заманить хотѣлось? Много ихъ, матушка Марья Петровна, на всѣхъ богадѣльни въ вашемъ Комковѣ не построишь, да и капиталу-то не достанетъ. Знаете ли, чѣмъ намъ объ этомъ сумлѣваться, погадайте-ка лучше опять въ карточки....

Слова эти произвели магическое дѣйствіе на старушку; лицо ея, обыкновенно безжизненное, осмыслилось вдругъ выраженіемъ живѣйшаго участія; даже что-то въ родѣ улыбки показалось на изсохшихъ губахъ ея. Нужно замѣтить, что она слыла во всемъ околоткѣ мастерицею гадать въ карты, и въ этомъ сосредоточивалась вся дѣятельность, все самолюбіе доброй Марьи Петровны. Она съ самодовольною улыбочкою взяла со стола замасляную колоду, стасовала ее и, тряхнувъ быстрѣе обыкновеннаго головкой, сказала поручицѣ: — «Степанида Артемьевна, поставьте-ка, голубушка, къ намъ огарокъ да присядьте сами сюда».

Приживалка зажгла однако же другую свѣчку, поставила ее передъ помѣщицею и, не отвѣчая слова, усѣлась на прежнее свое мѣсто. Профили старухъ еще значительнѣе вытянулись и рас-

ширились на стѣнѣ: голова Софьи Ивановны приняла видъ исполинской тыквы; носъ Марьи Петровны вытянулся и заострился такъ немилосердно, что досягнулъ до чайнаго стола, такъ-что при малѣйшемъ движеніи пламени, казалось, онъ клевалъ прямо въ сахарницу, а иногда зацѣплялъ даже за чепецъ поручицы, принявшейся снова за свой чулокъ.

— Вамъ, Софья Ивановна, я знаю, вѣрно на червонную даму.... вы всегда на нее загадываете? спросила старушка, утвердительно кивая головою.

— Ну, хорошо, ставьте хоть на червонную, отвѣчала та, придвигаясь ближе.

— Ужь какъ хорошо выходитъ, говорила помѣщица, между тѣмъ какъ худощавые ея пальцы такъ вотъ и бѣгали по столу: — ужь какъ хорошо... интересъ, да, отъ трефоваго короля получите большой интересъ.... постойте, что́ это? да, продолжала она, задумчиво потирая лобъ: — препятствуетъ какая-то бѣлокурая дама, довольно пожилая....

— Гм! бѣлокурая! кто же однакожь?... ну, что́жь еще?

— Письмо получите изъ дальней дороги, вѣсти, вотъ видите ли, дорога?... постойте... вотъ тутъ какъ-будто болѣзнь, но небольшая, такъ, простуда какая-нибудь легонькая.... но вообще все очень, очень хорошо; интересъ, большой интересъ отъ трефоваго короля получите....

— Марья Петровна, Софья Ивановна, перебила сухо поручица: — не будете больше кушать чаю? я прикажу снести самоваръ....

— Погодите, Степанида Артемьевна, можетъ Софьѣ Ивановнѣ угодно будетъ выкушать еще чашечку....

— Нѣтъ, матушка, благодарствуйте, я ужь и такъ по горлышко, больше не могу....

Въ эту самую минуту на улицѣ раздался такой неистовый грохотъ, что всѣ три дамы разомъ вздрогнули. Почти въ тоже время, подлѣ окна, гдѣ сидѣла приживалка, послышался протяжный вой собаки; онъ начался тихо, но потомъ, по мѣрѣ возвращавшейся тишины, вой этотъ поднялся громче и громче, пока наконецъ не замеръ съ послѣднимъ завываніемъ вѣтра.

Собачка, лежавшая на диванѣ, на этотъ разъ не удовольствовалась ворчаньемъ: она проворно спрыгнула на земь, вскочила

на окно и принялась визжать и лаять, царапая стекла какъ бѣшеная.

— Цыцъ, Розка! цыцъ, Розка!! болѣзненно простонала испуганная Марья Петровна: — охъ! что это въ самомъ дѣлѣ? слышите, душенька Софья Ивановна, какъ на дворѣ собака-то воетъ, и вѣдь не въ первый разъ, ужь не къ покойнику ли?...

— Ну, вотъ еще, возразила ея собесѣдница: — у васъ все на умѣ такое.... просто воетъ себѣ собака.

— Охъ, начала снова Марья Петровна, крестясь и возводя очи къ потолку: — Божья Матерь, св. Сергій угодникъ, моя Анюточка покойница (царство ей небесное) къ нему прикладывалась... Степанида Артемьевна, да отгоните же Розку, ишь какъ она мечется, того и смотри окно прошибетъ.

Поручица бросила съ сердцемъ чулокъ, крикнула на собаченку и, бормоча что-то сквозь зубы, вышла вонъ. Минуту спустя въ комнатку вошла высокая, рябоватая, бѣлобрысая дѣвка; она подошла къ самовару и стала убирать чашки.

— Палашка, сказала помѣщица: — какая у васъ тамъ собака воетъ? весь вечеръ покою не даетъ....

— Змѣйка, сударыня, отвѣчала Палашка, глядя изъ-подлобья: — у неи щенятъ вечоръ покидали въ рѣку.... такъ должно быть и воетъ.... мы ее отгоняли отъ крыльца, да никакъ не сладишь съ проклятой-съ.

— Охъ ужь мнѣ эта собака; представьте, какой случай съ ней былъ нынѣшнимъ лѣтомъ; взбѣсилась да Ѳетискѣ, кучерову сыну, всю икру искусала.... ужь какъ же она меня тогда напугала, сказать вамъ не могу....

— Чѣмъ же вы его вылечили, Марья Петровна?

— Обыкновенно чѣмъ: всегдашнее мое средство: сначала мышьякомъ присыпала.... а потомъ давала ему пить по три раза въ день подорожникова листочка....

— Напрасно вы это дѣлали, только лишняя потрата вамъ... если хотите, я вамъ скажу другое средство.... и гораздо дешевле; мнѣ передала его по секрету одна дама.... да я ужь такъ и быть не утаю отъ васъ, для милаго дружка и сережку изъ ушка.... вы же много больныхъ лечите, вамъ оно пригодится.

— Ахъ, матушка Софья Ивановна, ужь какъ же вы меня много обяжете.... вы не повѣрите, сколько мнѣ стоятъ эти лекарства; повѣрите ли, вѣдь изъ чужихъ деревень приходятъ;

разумѣется, больной принесетъ изъ благодарности то яичекъ, то рыбки, то ведку, да Господь съ ними, я вѣдь ничего не беру, народъ бѣдный, а денежки-то все идутъ да идутъ....

— Вотъ то-то и есть, перебила сосѣдка: — слушайте же, что я вамъ скажу; тутъ она придвинулась еще ближе и приговорила съ таинственнымъ видомъ: «Какъ у васъ придется еще такой случай: укуситъ кого-нибудь бѣшеная собака, вы возьмите просто корку чернаго хлѣба, такъ-таки просто на просто корку хлѣба, напишите на ней чернилами или все равно чѣмъ хотите три слова, только три слова: *Огіа, Агіа* и *Елеэіа*, да и дайте больному-то съѣсть эту корку-то: все какъ рукой сниметъ.

— Неужели правда? воскликнула помѣщица, всплеснувъ руками.

— Да вотъ какъ, отвѣчала скороговоркою Софья Ивановна: — та, которая передала мнѣ этотъ секретъ, сказывала, что пятерыхъ сряду вылечила этимъ средствомъ.

— Ахъ, матушка, какъ же я вамъ благодарна; сами знаете, нынѣ дорого стоитъ, да еще и не скоро достанешь его.... ужъ такъ-то я вамъ благодарна, такъ благодарна....

— Очень рада, Марья Петровна, очень рада.... ну, а такъ какъ долгъ платежемъ красенъ, говорятъ добрые люди, и у меня также найдется къ вамъ просьбица....

— Что такое?..

— Вотъ что: вы картофель нынче сѣяли?

— Сѣяла, Софья Ивановна, и такой-то крупный уродился, благодареніе Царю Небесному....

— Въ такомъ случаѣ попрошу я у васъ *безъ зазрѣнія совѣсти*, просто безъ зазрѣнія совѣсти, мѣрочку на мою долю; я не сѣяла.

Софья Ивановна проговорила все это съ той пріятной шутливостію, подъ видомъ которой люди, думающіе быть наверняка, дѣлаютъ самыя начальныя просьбы. Помѣщица съ радостію изъявила готовность пособить горю сосѣдки.

— Экая память, право, у меня, вымолвила она послѣ минуты раздумья:—вотъ вѣдь я ужъ и забыла, что вы мнѣ сказали... что бишь писать-то надо такое.... во...за...за... какъ бишь это?...

— Азія-съ, Озія-съ и Ельзозія-съ.... отвѣчала сосѣдка наилюбезнѣйшимъ образомъ: — *да* вамъ бы лучше записать на бумажкѣ....

— Да, *да*, и то правда.... Степанида Артемьевна, сказала она входившей въ это время поручицѣ: — дайте, матушка, чернильницу и календарь....

Исполнивъ просьбу, приживалка сердито сняла со свѣчки, пошевелила узенькими своими губами и сѣла къ окну. Помѣщица записала рецептъ и, какъ бы утомленная такою продолжительною работой, прислонилась къ спинкѣ дивана.

Въ маленькой комнаткѣ вновь воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое по прежнему ворчаньемъ Розки, шумомъ бури, а иногда пѣснями и криками гулявшихъ комковцевъ.

Минутъ двадцать спустя, въ комнату вошла рябая Палашка, сопровождаемая скотницею Ѳеклой. Послѣдняя выступила съ озабоченнымъ видомъ впередъ и, поклонившись барынѣ въ поясъ, возвѣстила, что пришелъ какой-то старикъ на скотный дворъ, пришелъ да и сѣлъ на порогъ, стонетъ да охаетъ, да госпожу видѣть проситъ. «Ужь такъ плохъ, матушка, барыня, такъ плохъ», присовокупила скотница, качая головою: «лица на немъ, сударыня, нѣтути; и ничего-то не молвитъ, только-что охаетъ, такъ-то охаетъ, что бѣда-съ; больно хилъ, сударыня; побоялась я оставить его до завтра, народу въ избѣ нѣтъ, на праздникъ всѣ ушли.... я и пришла доложить вашей милости...»

— Пресвятая Богородица, заступница наша, произнесла послѣ тяжкаго вздоха помѣщица: — охъ, должно быть больной какой-нибудь, бѣдняжушка! Сейчасъ, Ѳекла, сейчасъ иду, подожди меня въ *аптекѣ*....

— Что̀ это вы, Марья Петровна, воскликнула Софья Ивановна, удерживая ее за руку: — ужь не хотите ли итти въ такую пору, въ такое ненастье на скотный дворъ; помилуйте, Христосъ съ вами! что̀ это вы дѣлаете?!...

— Нѣтъ, отпустите меня, душенька Софья Ивановна, возразила старушка: — у меня и сердце не на мѣстѣ....

— Такъ вотъ нѣтъ же, не отпущу.

— Нѣтъ, отпустите, душенька, право сердце не на мѣстѣ: пойду погляжу, что̀ это за человѣкъ.... можетъ помощь нужна скорая....

— Ну, вотъ ужь и скорая, — да не умретъ, не *бойтесь*; должно быть у васъ же на деревнѣ и употчивали его, *дѣло* праздничное, вотъ и все тутъ....

— Нѣтъ, все равно, душенька Софья Ивановна, а я *пойду* къ нему, все спокойнѣе на сердцѣ-то будетъ.

Сказавъ это, старушка поспѣшно вступила въ комнату еще меньшаго размѣра, увѣшанную съ потолка до полу пучечками сушившихся травъ. Тутъ также находился старинный, вычурный шкафъ; сквозь стекла его можно было различить легіоны пузырьковъ, баночекъ, скляночекъ и ярлыковъ, — это была *аптека* помѣщицы. Марья Петровна немедля натащила на ноги теплыя валенки, закуталась въ старый салопъ на заячьемъ мѣху, намотала на шею платокъ и, сопровождаемая Ѳеклою, державшею фонарь, отправилась на скотный дворъ.

— Сюда, сюда-съ, пожалуйте, матушка барыня, твердила Ѳекла, поддерживая одною рукою барыню, другою освѣщая ей дорогу: — не оступитесь, матушка барыня, извольте вотъ сюда пожаловать; ишь лужи какія....

— Св. Сергій угодникъ, твердила жалобно Марья Петровна, шлепая по грязи: — охъ! чуть было не оступилась....

— Съ нами всѣ святые! присовокупила скотница, удвоивая старанія: — долго ли до бѣды... ишь вѣтеръ какой, такъ съ ногъ вотъ и ломитъ.... да и снѣгъ-то глаза залепляетъ.... пожалуйте сюда-съ.... здѣсь будетъ посуше....

Вскорѣ своротили онѣ за домъ. Скотница направила фонарь прямо по долони черезъ длинный барской дворъ, и обѣ пустились по этому направленію.

Съ улицы все еще слышались крики и пѣсни неугомонныхъ комковцевъ; тамъ и сямъ за заборами сквозь темноту мерцали огоньки, показывавшіе, что пирушка и не думала умолкать. Наконецъ Ѳекла подвела свою госпожу къ скотному двору, мрачной избѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ навѣсами. Посовѣтовавъ Марьѣ Петровнѣ не трогаться съ мѣста, чтобы не быть вымоченной дождемъ, шумно ниспадавшимъ съ навѣсовъ, баба уставила фонарь въ грязь и приблизилась къ зданію; тутъ она неожиданно загремѣла щеколдой, отворила узенькую дверцу, снова подняла фонарь и осторожно ввела барыню въ большія черныя сѣни, гдѣ вмѣсто пола служила твердо убитая земля.

— Не оступитесь, матушка барыня : — говорила Ѳекла, *онъ* тутъ того и смотри гдѣ-нибудь да на полу валяется; какъ пошла-то я къ вашей милости, лежалъ онъ на порогѣ...

Въ сѣняхъ однакожь никого не было, и помѣщица, ступая осторожно въ багровомъ кругу свѣта, бросаемаго фонаремъ, вошла въ избу. Совершенная тишина царствовала повсюду; въ избѣ было темно, хоть глазъ выколи; острый запахъ дыма свидѣтельствовалъ, что лучина не за долго угасла. Когда фонарь освѣтилъ жилище Ѳеклы, взоры помѣщицы встрѣтили прежде всего одни голыя, бревенчатыя стѣны и уголъ закопченой высокой печки; но потомъ, когда она обратила глаза назадъ, ей представилась въ тѣни чья-то фигура, полу-лежачая, полу-сидячая на полу, покрытомъ рѣдкой соломой.

— Посвѣти поближе, Ѳекла, вымолвила смущеннымъ голосомъ помѣщица, принимаясь креститься подъ салопомъ.

Ѳекла вынула изъ фонаря оплывшую свѣчку и поднесла ее почти къ самому полу.

Марья Петровна явственно увидѣла тогда, при желтоватомъ, трепетномъ свѣтѣ огарка, длинный, костлявый образъ старика лѣтъ восьмидесяти. Продолговатое, правильное лицо его, обрамленное рѣденькими, сѣроватыми волосами, мягкими какъ пухъ, склонялось на узенькую, сухощавую грудь, еле-еле прикрытую дырявой рубахой, изъ которой выглядывали также щедушныя плечи и локти. Рубашка была мокра до послѣдней ниточки; казалось, всѣ члены старика съѣживались подъ ней какъ осенніе листья, прохваченные морозомъ. Черная тѣнь, спускаясь отъ сухого подбородка прямо на середину груди, скользила по ней угловатой, глубокой извилиной и выказывала еще рѣзче ея худобу и впадины; но, несмотря на нѣкоторую рѣзкость, придаваемую чертамъ этого человѣка его чрезмѣрною худобою и грубыми пятнами свѣта и тѣни, лицо его сохраняло выраженіе самое кроткое и тихое; даже запекшіяся, побѣлѣвшія губы дышали тѣмъ невыразимымъ добродушіемъ, которое какъ бы просвѣчивалось во всей его наружности. Старикъ, какъ уже сказано, лежалъ на полу; костлявое туловище его, слегка приподнятое локтемъ правой руки, бросало густую тѣнь на стѣну и лавку, въ которую упирались его длинныя ноги, перепутанныя онучами. Лѣвая рука бѣдняка безжизненно покоилась на жиденькой холстяной сумѣ въ заплатахъ и поношенной

шапкѣ. Послѣдніе два предмета обозначали на полу слѣды воды, которою были пропитаны.

Страдальческая наружность бѣдняка, возбуждавшая невольное сочувствіе, успокоила мало-по-малу Марью Петровну. Она нагнулась и сдѣлала шагъ впередъ.

Старикъ, узнавъ въ ней тотчасъ же барыню, хотѣлъ было привстать; но усиліе его оказалось безполезнымъ, и онъ снова опустился на локоть. Поднявъ дрожащую руку на грудь, онъ устремилъ на нее мутные глаза свои и сказалъ съ сильною одышкою:

— Простите, матушка.... встать-то не смогу никакъ.... не взыщите.... сударыня.... силой-то больно плохъ сталъ....

— Не надо, не надо, торопливо проговорила Марья Петровна: — ничего, лежи, старичокъ.... лежи; что съ тобою? чѣмъ ты боленъ?

Старикъ опять попробовалъ было приподняться, закашлялся и вымолвилъ, останавливаясь на каждомъ почти словѣ:

— Грудь одолѣла.... ломитъ все.... матушка, ходить не даетъ.... одышка тяготитъ больно меня.... ужь пятый мѣсяцъ такъ-то бьюсь съ ней.... сударыня....

— Что́жь ты застудилъ ее, что́ ли?

— Нѣтъ, матушка, продолжалъ бѣднякъ, опуская въ изнеможеніи голову: — не застудилъ ее.... Зашибъ добрѣ....

— Э, да какъ же это случилось?

— Я кровельщикъ... сударыня; у насъ въ вотчинѣ... мѣльницу вѣтряную ставили.... народъ-то все молодой.... меня и послали.... кровлю свести вишь понадобилось.... время-то.... ненастное стояло.... по веснѣ было, матушка.... я и скатись съ нее.... да вотъ грудью-то и упалъ на бревна.... охъ!... съ той поры такъ-то вотъ все и бьюсь.... съ ней....

— Э, э, э, старичокъ, перебила Марья Петровна, жалостливо качая головою: — да тебѣ бы тогда надо было кровь пустить... или сходить тотчасъ же въ городъ къ лекарю....

— Былъ, матушка, отвѣчалъ старикъ, ослабѣвшимъ голосомъ: — да не приняли.... мѣста вишь въ ту пору не было.... о.... охъ!...

Усилія, какія употреблялъ бѣднякъ, чтобы говорить съ помѣщицей, казалось, превышали его силы; едва произнесъ онъ послѣднее слово, какъ звукъ уже замеръ на устахъ его;

. . . . . .

— Ну, что у васъ тамъ такое случилось? спросила Софья Ивановна, встрѣчая сосѣдку *въ аптекѣ*. — Что это за старикъ?

— Охъ, душенька, Софья Ивановна, лучше и не спрашивайте, могла только проговорить помѣщица: — охъ! представьте, продолжала она разводя руками: — какой-то старикъ, старый, старый, пришелъ за 90 верстъ въ эту погоду, и ужь чуть-то живехонекъ.... Грудь разшибъ, бѣдненькій, съ мельницы упалъ... охъ, не знаю, право, чѣмъ бы ему помочь.... бузины развѣ съ шалфеемъ сварить.... пусть напьется горяченькаго, оно мягчитъ, а потомъ велю Палашкѣ натереть ему грудь оподельдокомъ.... какъ вы думаете?...

— Смотрите, Марья Петровна, не нажить бы вамъ бѣдъ съ вашими леченьями! сами же вы говорите, что старикъ этотъ чуть живехонекъ.... ну, а какъ онъ вдругъ да отдастъ у васъ Богу душу, умретъ! что вы думаете? Знаете ли, какое это дѣло? Да тутъ отъ суда не отдѣлаешься; развѣ не слышали какихъ хлопотъ нажилъ себѣ чрезъ такой же точно случай Егоръ Иванычъ Рѣдечкинъ третьяго года.... Христосъ съ вами, Марья Петровна, что вы дѣлаете?...

— Охъ, Софья Ивановна, не пугайте меня, душенька, у меня и такъ сердце не на мѣстѣ, воскликнула въ страхѣ старуха. — Палашка! Палашка? поди сюда, дура, влѣзь поскорѣй на стулъ да сними вонъ съ того шестка два пучечка травы; ну, бѣги теперь въ кухню, спроси мѣдный чайникъ у Прасковьи и неси его въ ту комнату; что, печка еще топится?

— Топится.

— Ну, хорошо; такъ бѣги же, смотри, скорѣй... Напою его, Софья Ивановна, тепленькой бузиной, авось Господь не попуститъ такой бѣды...

Минуту спустя, Марья Петровна сидѣла передъ печкой, заставляя рябую Палашку мѣшать цѣлебныя травы и въ тоже время твердя молитвы. Софья Ивановна вмѣстѣ съ поручицей, все еще вязавшей чулокъ, расположилась подлѣ нея. Первая не переставала повторять сосѣдкѣ свои опасенія, подтверждая ихъ каждый разъ случаемъ съ Егоромъ Иванычемъ Рѣдечкинымъ. А между тѣмъ буря по прежнему свирѣпствовала на улицѣ, вѣтеръ жалобно завывалъ вокругъ всего дому и дождь безмилосердно барабанилъ въ окна; заунывный

голосъ Змѣйки также иногда раздавался за окномъ, вторя мрачному напѣву бурной, осенней ночи.... Вода въ чайникѣ начинала уже закипать, когда въ комнату неожиданно вбѣжала Ѳекла; комки мокраго снѣгу, покрывавшіе голову и плечи бабы, свидѣтельствовали, что она не подумала даже второпяхъ отряхнуться и обчиститься въ сѣняхъ; лицо ея изображало сильную тревогу.

Марья Петровна, увидя ее, раскрыла ротъ, глаза и осталась какъ окаменѣлая въ этомъ положеніи; Софья Ивановна одна не растерялась.

— Что ты? спросила она, поднимаясь на ноги:—вѣрно что-нибудь случилось?...

— Бѣда, матушка барыня! проговорила скотница, размахивая руками и посылая при этомъ случаѣ брызги воды на обѣихъ старухъ: — старик-атъ никакъ совсѣмъ отходитъ!!...

— Божья матерь, св. Сергій угодникъ.... простонала наконецъ помѣщица.

— Ну, Марья Петровна, не говорила ли я вамъ, что это будетъ! произнесла торжественно сосѣдка.

— Охъ, что́жь мнѣ съ нимъ дѣлать!

— А вотъ что, вымолвила опять Софья Ивановна, энергически махнувъ рукой: — помоему просто на просто прикажитека скорѣй отвезти его на дорогу, да пусть идетъ себѣ умираетъ куда хочетъ!...

— Вистимо, матушка барыня, возразила Ѳекла, поливая барыню какъ изъ лейки: — оно что́ про то говорить, время ненастное, да все же лучше отослать его до грѣха....

— Видите, Марья Петровна, перебила сосѣдка: — вамъ даже это говоритъ простая мужичка.... что вы дѣлаете, помилосердуйте.... послушайте меня.... я вамъ добра желаю.... Посудите сами, время праздничное, подумаютъ еще, какъ слѣдствіе затѣется, что его здѣсь и убили у васъ, прикажите его, говорю вамъ, отвезти скорѣе, Богъ съ нимъ, своя рубашка ближе...

Марья Петровна минуту цѣлую ничего не могла отвѣчать; глаза ея были устремлены на лампадку, висѣвшую въ углу передъ образомъ, и казалось, все существо ея переселилось мысленно на кончикъ свѣтильни. Наконецъ она обратила добродушное лицо свое къ Ѳеклѣ и сказала болѣе твердымъ голосомъ:

— Бѣги скорѣй къ старостѣ, скажи ему, чтобы велѣлъ запречь телѣжку да отвезъ бы старичка куда ему надо... охъ! да вели ему дать, бѣдненькому, пирожка на дорогу... постой, вотъ я вылью въ посудинку бузины.... пусть прежде напьется хорошенько горяченькаго.... Палашка! вынь ей также бѣлый хлѣбецъ изъ кладовой... а ты, Ѳекла, ступай сюда (тутъ она ввела бабу въ *аптеку*), на тебѣ мазь, скажи ему, чтобъ натиралъ грудь утромъ и вечеромъ.... охъ! съ нами крестная сила!... ну, ступай, ступай.... Господь съ тобою!...

Получивъ что слѣдовало, Ѳекла заблагоразсудила напередъ всего забѣжать домой и поглядѣть на старика. Она увидѣла его распростертаго какъ прежде на полу безъ малѣйшаго признака жизни. Замѣтивъ однакожь послѣ внимательнаго разсмотрѣнія легкое колебаніе рубашки на груди страдальца, она перекрестилась, поставила фонарь и ношу свою на окно и сломя-голову кинулась къ старостѣ.

Изба Демьяна была полна народу, и прежде чѣмъ Ѳекла достигла *краснаго угла*, гдѣ дребезжалъ какъ струна бойкаго шерстобита голосъ старостихи, она должна была протискаться сквозь густую толпу бабъ, дѣвокъ, ребятъ и мужиковъ. Хозяйка дома, краснощокая, румяная баба, стояла противъ дюжаго, багроваго мельника, кланялась ему низменно и упрашивала откушать еще пирожка; она не обращала ровно никакого вниманія на то, что столъ передь мельникомъ былъ покрытъ грудами съѣстного; еще менѣе заботилась старостиха о томъ, что кусочки лепешекъ, пироговъ и каравая, за неимѣніемъ другого мѣста, покоились гуськомъ на колѣняхъ именитаго гостя; она только кланялась да приговаривала:

— Да пожалуйце, да покорнѣйще прошу, да откушайце....

На что гость отвѣчалъ, отдуваясь какъ быкъ:

— Много довольны.... не обезсудьте.... очень довольны....

— Да пожалуйце, продолжала хозяйка: — да хоть скушайте кусочекъ.... вы мало чего получаете.... изъ-подъ себя кусочекъ выкушайце....

— Много довольны, отвѣчалъ опять тотъ: — и такъ передо мной копной-съ наворочено....

Когда Ѳекла объявила во всеуслышаніе причину своего посѣщенія, въ избѣ поднялся такой страшный шумъ, что съ минуту можно было думать, что она разрушается до основанія; въ

сѣняхъ послышалась давка, визгъ, тискотня.... не успѣла одуматься хозяйка, какъ уже изба ея опустѣла, остался только мельникъ; благодаря радушному пріему, одинъ онъ не всилахъ былъ послѣдовать общему примѣру.

— Ахти! матушка! вскричала старостиха, всплеснувъ руками: — а вѣдь мужа-то нѣту дома.... знать, загулялъ гдѣ.... постой, я побѣгу за нимъ.... поди ты дѣло-то какое!...

Не дожидаясь приготовленій старостихи, Ѳекла стремглавъ понеслась домой. Она до того была занята своимъ дѣломъ, что на поворотѣ улицы не замѣтила двухъ пьяныхъ мужиковъ, лежавшихъ въ лужѣ поперекъ дороги и чуть не шлепнулась черезъ нихъ со всего размаху; услыша неожиданно голосъ старосты, она подбѣжала къ одному изъ нихъ и, толкая его, принялась было передавать ему приказаніе барыни; но тщетны были ея старанія: Демьянъ ничего и слышать не хотѣлъ. Обнявъ крѣпко на крѣпко свата своего Стегнѣя, онъ только лобызалъ его въ бороду, повторяя: «Сенька, Сенька, запой! запой!...» вслѣдствіе чего сватъ раскрывалъ ротъ наибезобразнѣйшимъ образомъ, испуская сиплый, раздирающій звукъ, — только-то и было.

Видя, что толку не доищешься, Ѳекла поспѣшно подобрала подолъ и продолжала путь.

Народъ, извѣщенный случаемъ, валилъ на скотный дворъ со всѣхъ сторонъ и успѣлъ уже натискаться въ избу вплоть до самыхъ сѣничекъ. Никто однакожь изъ толпы, окружавшей бѣдняка, не трогался съ мѣста; всѣ глядѣли на него, выпучивъ глаза съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ; и только глухой ропотъ пробѣгалъ иногда съ одного конца избы до другого. Старикъ лежалъ по прежнему на соломѣ; ему какъ будто опять отлегло. Ошеломленный шумомъ, смотрѣлъ онъ въ недоумѣніи на толпу, его окружавшую. Казалось, тяжкое предчувствіе того, что должно было случиться, начинало уже мало-по-малу забираться въ его душу; но когда Ѳекла, продравшись къ нему, тряхнула его за руку и сказала: — «а что, старикъ, тебѣ, кажись, опять легче стало, вставай!» все разомъ прояснилось передъ нимъ. Судорожный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Онъ не сказалъ однакожь ни слова. Медленно, съ неимовѣрными усиліями, приподнялся онъ съ помощію рукъ на

колѣни, и только раздирающій вздохъ отвѣтилъ на шумъ толпы, поднимавшійся все сильнѣй и сильнѣй.

— Постой, дядя, я те помогу привстать-то, вымолвилъ наконецъ дюжій мужикъ, выступая впередъ и пропуская корепастую руку подъ плечо больного. — Митроха, примолвилъ онъ, толкнувъ локтемъ молодого парня: — подсоби, чего стоишь, ротъ-то розинулъ.

Старика поставили кой-какъ на ноги.

Кружокъ значительно расширился.

— Вотъ что̀ старикъ, начала Ѳекла, заглядывая ему пристально въ лицо: — ступай-ка ты лучше отъ насъ съ Богомъ, мы те проводимъ, а то пришелъ ты Господь тебѣ знаетъ откол̀ѣ.... неравно еще бѣда съ тобой случится, всѣмъ намъ хлопотъ наживешь.... ступай, до грѣха....

— Вистимо, перебила какая-то близь-стоявшая старушка, обращаясь къ бобылю: — погляди-ка, касатикъ, на себя, вѣдь на тебѣ лица нѣтъ, родимый, того и смотри, Богу душу отдашь.

— И то, замѣтилъ дюжій мужикъ, всѐ еще поддерживавшій старика: — ишь, уже ноги-то какъ трясутся.... и всего инда дрожь пронимаетъ.... ступай-ка, лучше отъ насъ до бѣды.... ты помрешь, тебѣ что̀, а намъ отъ суда-то житья не будетъ, дѣло знамое, ишь у те какъ глаза-то посоловѣли.... ступай, дядя, лучше отъ насъ, пра, ступай....

— Да что̀ вы съ нимъ больно кобянитесь, послышался чей-то голосъ: — ведите его, и все тутъ; чего ждете, небось хотите, чтобъ померъ да всѣмъ бѣду накликалъ!...

— Погодите! закричала Ѳекла: — барыня велѣла ему дать мази на грудь.... старикъ, гдѣ у тебя сума-то? старикъ?!...

— Ась?

— Мѣшокъ гдѣ?

— А!!...

— Здѣсь, здѣсь! закричало нѣсколько голосовъ, и въ тоже время множество рукъ протянулись къ Ѳеклѣ съ сумою.

— Погодите, продолжала Ѳекла: — барыня велѣла еще положить туда хлѣбъ бѣлый да лекарство; ну, дядюшка, а посудинка гдѣ твоя?... Ей, тетки, крикнула она: — за вами, кажись, на окнѣ посудинка стоитъ.... да что̀ вы тискаетесь, черти, словно угорѣлые, чего не видали, эки безстыжіе какіе!... При этомъ Ѳекла начала угощать подзатыльниками дѣвченокъ и

мальчишекъ, карабкавшихся подъ ея ногами. — Кажись, все теперь, прибавила она, торопливо надѣвая мѣшокъ на плечи старика и нахлобучивая ему на глаза шапку. – Ну, теперь Господь съ тобой, дядюшка!... ступай отъ насъ!...

Старикъ медленно поднялъ костлявыя, сухія руки свои къ головѣ и стащилъ шапку; послѣ этого правая рука его еще медленнѣе поднялась кверху, и трепещущая, невѣрная кисть ея прильнула къ страдальческому челу, потомъ къ груди и робко сотворила крестное знаменіе.

Феклa снова помогла ему надѣть шапку; тогда дюжій мужикъ толкнулъ еще разъ Митроху, и, приподнявъ старика подъ руки, повелъ его вонъ изъ избы. Опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно протащился въ сѣни, преслѣдуемый шумною толпою, которая чуть не сшибала съ ногъ его вожаковъ, ругавшихся на всѣ бока; но когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ бока и спину, когда студеныя лохмотья рубашки, вздуваемыя свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь... старикъ поднялъ голову, и помертвѣлые уста его невнятно прошептали о пощадѣ.... но яростное завываніе бури заглушало слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ.

Вскорѣ не стало старика въ сельцѣ Комковѣ, и толпа, его провожавшая, снова загуляла на славу; и долго потомъ громкіе крики веселившагося народа раздавались на улицѣ, долго еще слышались во всѣхъ ея концахъ звонкія залихватскія пѣсни, говоръ и дружный, безпечный хохотъ, пока наконецъ глубокая полночь не прогнала хмѣльныхъ обывателей въ теплыя избы, на полати и печи. Все понемногу стихло и смолкло. Одинъ лишь свирѣпый вѣтеръ, пробѣгая по кровлямъ и заборамъ, подымалъ свой пронзительный голосъ въ тишинѣ ночи, да изрѣдка вторило ему съ барскаго двора протяжное завываніе Змѣйки, которую не могли никакъ отогнать караульщики . . . . . .

. . . . . .

На другой день утромъ Софья Ивановна собралась ѣхать домой. Не взирая ни на какія убѣжденія со стороны Марьи Петровны, упрашивавшей Христомъ–Богомъ сосѣдку погостить еще денечекъ, она осталась непоколебимою въ своемъ намѣреніи. Дѣлать было нечего; велѣно было рябой Парашкѣ приказать кучеру запречь каурую кобылу. Къ полудню старин-

ныя дрожки Марьи Петровны бойко подкатили къ крыльцу; причемъ рыжій Степка, сидѣвшій кучеромъ (отецъ злополучнаго Ѳетиски находился еще въ разслабленномъ состояніи послѣ вчерашняго праздника), поглядѣлъ на дворовыхъ, столпившихся у застольной, какъ бы похваляясь передъ ними своею удалью. Когда обѣщанный кулечекъ съ картофелемъ былъ привязанъ бѣлобрысою Палашкой къ экипажу, Софья Ивановна, закутанная съ головы до ногъ, стала усаживаться на дрожки, поддерживаемая лакеемъ Ѳедоромъ, у котораго все лицо, отъ стужи ли или отчего другого, было покрыто синяками. Марья Петровна, стоявшая съ поручицей-приживалкой на крыльцѣ, готовилась уже спуститься внизъ, чтобы въ послѣдній разъ поцаловать дорогую сосѣдку, какъ въ это самое время, откуда не возьмись, появился передъ нею староста. На лицѣ Демьяна не было и слѣда вчерашней гулянки; оно выражало однѣ лишь тяжкія заботы.

— Что ты, Демьянъ? спросила помѣщица, останавливаясь на послѣдней ступенькѣ.

— Да къ вашей милости, матушка Марья Петровна, отвѣчалъ онъ съ поклономъ: — вечоръ, матушка, приходилъ сюда хворый мужикъ, такъ вы его отослать приказали.... ну, слава Богу, сударыня, что отдѣлались мы отъ него.... такую было бѣду заварилъ.

— Что такое? вымолвила съ безпокойствомъ старушка.

— Да что, матушка Марья Петровна, сюда пріѣхалъ на мельницу мужикъ изъ Орѣшкова, сказывалъ, старика-то вишь нашли у нихъ нынче къ разсвѣту, на межѣ, мертваго.... пошли, говоритъ, ихніе ребята за кольями, а онъ, сударыня, и лежитъ подлѣ самой-то межи въ канавкѣ, словно, говоритъ, живой.... подлѣ него мѣшокъ, шапка... сказывалъ мужикъ тотъ, къ нимъ и становой вишь пріѣхалъ.... така-то, говоритъ, бѣда завязалась....

Софья Ивановна всплеснула руками и подпрыгнула на дрожкахъ; Марья Петровна прослезилась и подняла очи къ небу; одна лишь поручица прослушала все это съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ.

— Божья Матерь, св. Сергій угодникъ.... охъ! простонала наконецъ Марья Петровна; головка ея тряслась сильнѣе обык-

новеннаго, и теплыя благодарственныя слезы текли по изсохшимъ ея щекамъ.

— Вотъ то-то, произнесла ея сосѣдка, размахивая руками: — теперь, небось, сами, Марья Петровна, благодарите Бога, а вчера, помните ли, и слушать меня не хотѣли.... ну, не предупреждала ли я васъ, а? а вы еще хотѣли оставить его у себя... ну, да славу Царю небесному, что это дѣло такъ благополучно для васъ окончилось, очень рада.... Прощайте, душенька Марья Петровна, благодарю за хлѣбъ, за соль, да къ намъ въ Закуряево скорѣй пріѣзжайте погадать въ карточки.... прощайте!!...

И дрожки укатились, унося съ собою помѣщицу, добрую мѣру картофеля и цѣлый коробъ новостей, которыя Софья Ивановна поспѣшитъ сообщить другой своей благодѣтельницѣ, куда и приказываетъ немедля направить путь рыжему Степкѣ.

Д. ГРИГОРОВИЧЪ.

ИПОХОНДРИКЪ.

ПИСЬМА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

.... Si ton cœur a la témérité de vivre encore et de brûler pour l'idéal, ce feu divin ne servira plus qu'à consumer tes entrailles et à éclairer ton impuissance et la nullité.

28 сентября. С. Петербургъ.

Романъ, въ которомъ довольно долго игралъ я роль героя, наконецъ оконченъ приличнымъ образомъ, то есть бракомъ, бракомъ однакожь не героя съ героинею, но героини съ лицомъ, которое нежданно явилось въ концѣ романа, чтобы ускорить его развязку. Дѣло не обошлось однакожь безъ чувствительныхъ сценъ: весьма въ трогательныхъ выраженіяхъ упомянуто было героинею о роковой волѣ судьбы, о необходимости покориться ей, о любви къ родителямъ, о самопожертвованіи, наконецъ въ неопредѣленныхъ и темныхъ выраженіяхъ о силѣ какихъ-то неотвратимыхъ обстоятельствъ, были слезы, вздохи и жалобы; словомъ, соблюдены всѣ формы разлуки. Я порядочно пострадалъ, но теперь довольно покоенъ. Нечего таиться: еще грущу, еще люблю призракъ, созданный самимъ же мною и съ которымъ свыклось мое сердце; надѣюсь однакожь вскорѣ вполнѣ оторваться отъ прошедшаго и начать жизнь въ настоящемъ. Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю? Ничего покуда.

18 декабря.

Я все еще ничѣмъ не занятъ. Въ душѣ моей возстановилось теперь совершенное спокойствіе, невозмущаемое болѣе ни грустью, ни сожалѣніемъ, ни воспоминаніями. Только вотъ что́ плохо: я чувствую внутри себя ужасную пустоту. Я скучаю, очень скучаю! Однакожь надѣюсь, что наконецъ буду же я порядочнымъ человѣкомъ и возьмусь за какое-нибудь дѣло.

20 января.

Я все еще ни за что не могу приняться, а вотъ ужь года три, какъ я окончилъ университетскій курсъ. Почти всѣ мои товарищи уже давно избрали себѣ родъ жизни: кто поступилъ на службу, кто уѣхалъ въ деревню, иные продолжаютъ учиться, нашлись и такіе, которые отправились прямо уже къ готовымъ невѣстамъ. Я же, любезный другъ, рѣшительно не знаю, что́ съ собою дѣлать, просто — не придумаю. Затрудненіе не въ томъ, чтобы я не былъ способенъ ни къ какому дѣлу; я только не могу рѣшиться ни на какое дѣло. Я вотъ все смотрѣлъ и разспрашивалъ, что́ дѣлаютъ другіе люди, и, кажется, могъ бы дѣлать все тоже и также, но рѣшительности во мнѣ нѣтъ, совершенно нѣтъ рѣшительности! Право, даже досадно на себя. Иныхъ товарищей я встрѣчаю уже въ зеленыхъ фракахъ; они уже говорятъ о дѣлахъ, о приключеніяхъ и перемѣнахъ служебнаго міра, о своихъ отношеніяхъ къ начальникамъ, о видахъ въ будущемъ. Многіе очень веселы, пріобрѣли уже какую-то рѣшительность, какую-то увѣренность въ себѣ, и все это такъ скоро, такъ легко и безъ всякихъ усилій. Что́ж у меня-то за раздумье такое? что́ж я ни на что не могу рѣшиться? Наконецъ это мучительно. Чортъ знаетъ! нападаетъ какое-то сомнѣніе, колебаніе, приходятъ разныя странныя мысли, овладѣваетъ мной несносное недовѣріе ко всему: и къ себѣ, и къ людямъ, и ко всему окружающему меня. Представить ты себѣ не можешь, какое несносное, мучительное, тяжкое мое положеніе!

Вчера встрѣтилъ я одного изъ своихъ университетскихъ товарищей, который теперь уже чиновникъ особыхъ пор
Только — говоритъ онъ мнѣ — возвратился въ городъ, (

слѣдствіи. Я ужь съ нѣкотораго времени не могу не разспросить, что и какъ дѣлаютъ люди, и тотчасъ пустился въ разспросы. Дѣло — говорилъ мнѣ онъ — такого рода: баба чуть было не убила мужа. Слѣдствіе по этому дѣлу было запутали, наконецъ послали меня преслѣдовать дѣло. Я открылъ все, преступница сама созналась. Сначала было куда! только я, знаете, пригрозилъ, тотчасъ же и созналась, и молодая баба — продолжалъ онъ — всего съ полгода за-мужемъ, хорошенькая такая! Дѣло, видите ли, такого рода, что она еще въ дѣвкахъ водилась съ какимъ-то парнемъ, за-мужъ была выдана насильно; мужикъ-то, какъ кажется, бивалъ ее частенько. Это я ужь стороной дозналъ; сама баба при допросѣ только и твердила, что дурной часъ нашелъ. Я выяснилъ все дѣло. Я уже пріучился къ дѣламъ и вижу, знаете, что труды мои замѣчены.... я надѣюсь....» Я уже ничего не слыхалъ далѣе: мучительныя мысли зашевелились въ головѣ моей, сердце сжалось. Товарищъ мой показался мнѣ совершенно рѣшительнымъ человѣкомъ. Несчастная женщина! вырвалось у меня. «Это вы въ отношеніи бабы, подхватилъ мой прежній товарищъ, и, Боже мой! сколько рѣшительныхъ, твердыхъ убѣжденій высказалъ онъ! Въ заключеніе онъ попенялъ мнѣ, что я никогда не посѣщаю его, сказалъ, что теперь какой-то совѣтникъ ожидаетъ его на преферансъ, что дочка совѣтника очень недурна, хотя у нея нѣсколько толста нижняя губа, и, крѣпко пожавши мою руку, побѣжалъ отъ меня быстрыми шагами дѣлового человѣка. Я остался съ самымъ гнуснымъ чувствомъ и повторялъ себѣ: да, онъ правъ, съ моимъ расположеніемъ мыслей нельзя ничего дѣлать. И вотъ такъ-то безпрерывно сталкивается слабость моего характера съ рѣшительностію другихъ людей. Родня моя все спроваживаетъ меня на службу; особенно сильно напираетъ дядюшка. «Грѣхъ и стыдно», говоритъ дядюшка самымъ рѣшительнымъ тономъ: «болтаться молодому человѣку безъ дѣла. Должно служить, должно трудиться, должно приносить пользу себѣ и другимъ.... вотъ я вѣкъ на службѣ.... вотъ какъ должно!» Иногда говоритъ, говоритъ дядюшка, и просто стыдно станетъ за свое бездѣлье, угрызеніе совѣсти такое, что вотъ сейчасъ же бы и взялся за какое ни попалось дѣло; а подумаешь о дядюшкиной службѣ и сейчасъ чувствуешь, что слабъ характеромъ, что ни на что подобное не можешь рѣшить-

ся. Что у него толстое брюхо и онъ важнымъ тономъ читаетъ нравоученія, это еще ничего не значитъ. Признаюсь, дядюшка почему-то опротивѣлъ мнѣ. Это, кажется, оттого, что я сдѣлался нѣсколько раздражительнымъ, жолчнымъ. Я стараюсь воздерживаться отъ раздражительности.... Вотъ только бѣсятъ меня знакомые: встрѣтятся — здравствуйте, говорятъ, что̀ подѣлываете хорошенькаго? Много сами хорошаго надѣлали! Чего, подумаешь, они хотятъ отъ меня. Глупые болтуны, а порой смущаютъ своими вопросами! Вообще я сильно начинаю скучать. Недавно былъ я у М. Вотъ тоже вѣдь чудакъ, хоть и хорошій человѣкъ, обрадовался, что напалъ на меня, и давай возбуждать къ дѣятельности. «Что̀ вы», говоритъ, «на себя напустили? Дѣло дѣлайте. У васъ превосходная голова, прекрасныя познанія, поѣзжайте, говоритъ, въ Берлинъ, возвращайтесь къ намъ, будемъ трудиться, работать.» Насилу я отъ него отдѣлался; этотъ человѣкъ всѣхъ суетъ въ ученые. Я завелъ было много знакомствъ, много толкался между людьми, и что̀ же? Вездѣ овладѣвали мной скука, раздумье; сблизиться съ людьми я не могъ, и все мнѣ надоѣло. Читаю много: иногда съ интересомъ, иногда по привычкѣ. Чувствую однакожь, что и книги становятся скучны для меня: читаешь, читаешь, и что̀жь изъ всего этого? Скверное приходитъ время! Какъ не вспомянуть студентческую жизнь, гдѣ свои интересы, цѣли, толки, свой міръ, за гранями котораго все же было какое-то будущее, неопредѣленное, туманное, а все-таки манящее къ себѣ! А теперь что̀? чего мнѣ ждать отъ будущаго? да наконецъ долго ли еще смотрѣть въ будущее? Когда же остановишь на чемъ-нибудь свои желанія, когда перестанешь томиться длинною настоящаго дня, тоскливымъ ожиданіемъ завтрашняго, когда же наконецъ рѣшишься хоть на что-нибудь! Всѣ вокругъ меня знаютъ, чего хотятъ, чего добиваются: кто хлопочетъ изъ чиновъ и крестовъ, кто выжидаетъ хорошаго мѣста, кто сватается, кто наживаетъ деньги, кто ведетъ процессы, кто занятъ литературой, кто музыкой, кто просто бѣгаетъ по кандитерскимъ и заглядываетъ въ магазины, и у всѣхъ есть дѣло, у всѣхъ, кромѣ меня! Одинъ я остаюсь вѣчнымъ зрителемъ и зѣваю, зѣваю! Отчего это? Это отъ нерѣшительности, именно оттого, что я ни на что не могу рѣшиться. Да это-то отчего? Эта нерѣшительность-то что̀ такое? Господи, какая мука! Ну,

что ты скажешь на это? Ты подумай хорошенько, пойми все это и напиши мнѣ свое мнѣніе. Да напиши мнѣ, какъ и что ты дѣлаешь, да поподробнѣй. Ты все глухо пишешь, что занятъ службою; напиши, что и какъ ты дѣлаешь. Вотъ и ты занятъ... нѣтъ, я просто никогда ни на что не рѣшусь! Прощай.

19 марта.

Такъ ты думаешь, что я самъ во всемъ виноватъ, что все мое страданіе происходитъ отъ праздности, что я самъ поддался безпокойнымъ мыслямъ, и что еслибъ я былъ занятъ дѣломъ, то не овладѣла бы мною мучительная нерѣшительность. Упрекаешь меня въ недостаткѣ энергіи, твердости, обвиняешь меня въ эгоизмѣ и совѣтуешь мнѣ сдѣлать надъ собою усиліе и укрѣпиться. Ты не можешь себѣ представить, какъ сильно поразили меня твои упреки, какъ глубоко я почувствовалъ свою слабость, свое гнусное бездѣйствіе, все свое жалкое положеніе. При чтеніи твоего письма чувство всего этого и рѣшительное стремленіе вполнѣ измѣнить себя овладѣли мною въ сильнѣйшей степени. Самъ не помню, какъ надѣлъ я пальто, схватилъ шляпу и очутился на улицѣ. Я чувствовалъ необыкновенное волненіе, сильное біеніе сердца, трепетъ во всѣхъ членахъ, и шелъ скорыми шагами, шелъ впередъ, не оглядываясь ни на что, шелъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ приняться за дѣло. Такимъ образомъ прошелъ я весь Невскій проспектъ, Адмиралтейскую площадь и очутился надъ Невою. Здѣсь только пришло мнѣ въ голову спросить себя: куда я иду? Здѣсь только почувствовалъ я, что шелъ безъ цѣли, увлекаемый неопредѣленнымъ желаніемъ, хотя и казалось мнѣ, что стремился я на какое-то рѣшительное дѣло. Вокругъ себя я видѣлъ съ одной стороны Сенатъ, съ другой, за Невою, Академію Художествъ, Университетъ, Биржу, средоточія разнородной дѣятельности. Мое обычное раздумье, мука моего темнаго значенія, достигли тогда высшей степени напряженія. Я не чиновникъ, не художникъ, не ученый, не торговецъ, что я такое? тоскливо спрашивалъ я себя. Для чего живу, зачѣмъ не рѣшусь ни на какое дѣло? Я повторилъ себѣ всѣ твои упреки и, съ чувствомъ горькаго стыда, поспѣшно возвратился домой. Дома я опять прочелъ твое письмо; оно навело на меня раздумье, окончившееся почти тѣми же во-

просами, съ какими я уже обращался къ тебѣ. Конечно ты правъ, твои упреки и обвиненія совершенно справедливы. Не могу не сознаться, что я виноватъ, что живу праздно, поддаюсь безполезнымъ и безпокойнымъ мыслямъ, нахожусь въ безпрерывномъ колебаніи и въ нерѣшительности. Конечно я слабъ, и эгоистъ я, если строго разсудить: ибо ни для кого не живу я, хоть и нельзя сказать, чтобы я очень любилъ себя. Конечно ты, какъ человѣкъ трудящійся, дѣльный, вправѣ обвинить меня: но отчего происходитъ мое странное состояніе, моя праздность? Я полагалъ, что отъ нерѣшительности, какъ писалъ тебѣ, но отчего же у всѣхъ есть рѣшительность, кромѣ меня? Отчего у меня нѣтъ рѣшительности? Человѣкъ я не глупый, не безъ способностей, труда я не боюсь — праздность томитъ меня — а вотъ какъ нужно приняться за опредѣленное дѣло, рѣшительно приступить къ дѣятельности, тутъ-то и пошло чортъ знаетъ что̀ такое! Откуда моя нерѣшительность? Нѣтъ! мое мучительное положеніе происходитъ не отъ нерѣшительности. Оно, когда ты хочешь знать, проçто происходитъ отъ неохоты ни къ чему. Будь у меня къ чему-нибудь охота, былабъ и рѣшительность. Какая же можетъ быть рѣшительность, когда нѣтъ ни къ чему охоты? Такъ оттого мое положеніе, что ни къ чему нѣтъ у меня охоты, именно все это происходитъ отъ неохоты. Да почемужь нѣтъ у меня ни къ чему охоты-то? Это-то отчего? А? Что̀ ты мнѣ на это скажешь? Что̀ за адъ, о Боже мой! Вотъ, мой другъ, въ какомъ я состояніи. Обдумай все хорошенько и пиши мнѣ, ради Бога. Ты опытнѣе меня, сильнѣе духомъ. Ты можешь и долженъ помочь мнѣ совѣтами. Прощай.

30 мая.

Опять ты пишешь мнѣ много чрезвычайно справедливаго и вѣрнаго. Ты по-дѣломъ бранишь меня, не могу не сознаться. Совѣты твои также какъ нельзя болѣе дѣльны; я всей душой тебѣ за нихъ благодаренъ. Дѣйствительно, я ничѣмъ не занятъ и тревожусь только безполезными мыслями о своемъ положеніи. Ты дѣльно совѣтуешь не вникать въ самого себя, не копаться всегда, какъ говоришь ты, внутри себя, а стараться жить въ средѣ людскихъ интересовъ, сблизиться съ жизнію и предаться дѣлу. Такимъ образомъ мало-по-малу—говоришь ты—ты объяснишься самъ

слѣдствіи. Я ужь съ нѣкотораго времени не могу не разспросить, что̀ и какъ дѣлаютъ люди, и тотчасъ пустился въ разспросы. Дѣло — говорилъ мнѣ онъ — такого рода: баба чуть было не убила мужа. Слѣдствіе по этому дѣлу было запутали, наконецъ послали меня переслѣдовать дѣло. Я открылъ все, преступница сама созналась. Сначала было куда! только я, знаете, пригрозилъ, тотчасъ же и созналась, и молодая баба — продолжалъ онъ — всего съ полгода за-мужемъ, хорошенькая такая! Дѣло, видите ли, такого рода, что она еще въ дѣвкахъ водилась съ какимъ-то парнемъ, за-мужъ была выдана насильно; мужикъ-то, какъ кажется, бивалъ ее частенько. Это я ужь стороной дозналъ; сама баба при допросѣ только и твердила, что дурной часъ нашелъ. Я выяснилъ все дѣло. Я уже пріучился къ дѣламъ и вижу, знаете, что труды мои замѣчены.... я надѣюсь....» Я уже ничего не слыхалъ далѣе: мучительныя мысли зашевелились въ головѣ моей, сердце сжалось. Товарищъ мой показался мнѣ совершенно рѣшительнымъ человѣкомъ. Несчастная женщина! вырвалось у меня. «Это вы въ отношеніи бабы, подхватилъ мой прежній товарищъ, и, Боже мой! сколько рѣшительныхъ, твердыхъ убѣжденій высказалъ онъ! Въ заключеніе онъ попенялъ мнѣ, что я никогда не посѣщаю его, сказалъ, что теперь какой-то совѣтникъ ожидаетъ его на преферансъ, что дочка совѣтника очень недурна, хотя у нея нѣсколько толста нижняя губа, и, крѣпко пожавши мою руку, побѣжалъ отъ меня быстрыми шагами дѣлового человѣка. Я остался съ самымъ гнуснымъ чувствомъ и повторялъ себѣ: да, онъ правъ, съ моимъ расположеніемъ мыслей нельзя ничего дѣлать. И вотъ такъ-то безпрерывно сталкивается слабость моего характера съ рѣшительностію другихъ людей. Родня моя все спроваживаетъ меня на службу; особенно сильно напираетъ дядюшка. «Грѣхъ и стыдно», говоритъ дядюшка самымъ рѣшительнымъ тономъ: «болтаться молодому человѣку безъ дѣла. Должно служить, должно трудиться, должно приносить пользу себѣ и другимъ.... вотъ я вѣкъ на службѣ.... вотъ какъ должно!» Иногда говоритъ, говоритъ дядюшка, и просто стыдно станетъ за свое бездѣлье, угрызеніе совѣсти такое, что вотъ сейчасъ же бы и взялся за какое ни попалось дѣло; а подумаешь о дядюшкиной службѣ и сейчасъ чувствуешь, что слабъ характеромъ, что ни на что подобное не можешь рѣшить-

ся. Что у него толстое брюхо и онъ важнымъ тономъ читаетъ нравоученія, это еще ничего не значитъ. Признаюсь, дядюшка почему-то опротивѣлъ мнѣ. Это, кажется, оттого, что я сдѣлался нѣсколько раздражительнымъ, жолчнымъ. Я стараюсь воздерживаться отъ раздражительности.... Вотъ только бѣсятъ меня знакомые: встрѣтятся — здравствуйте, говорятъ, что̀ подѣлываете хорошенькаго? Много сами хорошаго надѣлали! Чего, подумаешь, они хотятъ отъ меня. Глупые болтуны, а порой смущаютъ своими вопросами! Вообще я сильно начинаю скучать. Недавно былъ я у М. Вотъ тоже вѣдь чудакъ, хоть и хорошій человѣкъ, обрадовался, что напалъ на меня, и давай возбуждать къ дѣятельности. «Что̀ вы», говоритъ, «на себя напустили? Дѣло дѣлайте. У васъ превосходная голова, прекрасныя познанія, поѣзжайте, говоритъ, въ Берлинъ, возвращайтесь къ намъ, будемъ трудиться, работать.» Насилу я отъ него отдѣлался; этотъ человѣкъ всѣхъ суетъ въ ученые. Я завелъ было много знакомствъ, много толкался между людьми, и что̀ же? Вездѣ овладѣвали мной скука, раздумье; сблизиться съ людьми я не могъ, и все мнѣ надоѣло. Читаю много: иногда съ интересомъ, иногда по привычкѣ. Чувствую однакожь, что и книги становятся скучны для меня: читаешь, читаешь, и что̀жь изъ всего этого? Скверное приходитъ время! Какъ не вспомянуть студентческую жизнь, гдѣ свои интересы, цѣли, толки, свой міръ, за гранями котораго все же было какое-то будущее, неопредѣленное, туманное, а все-таки манящее къ себѣ! А теперь что̀? чего мнѣ ждать отъ будущаго? да наконецъ долго ли еще смотрѣть въ будущее? Когда же остановишь на чемъ-нибудь свои желанія, когда перестанешь томиться длиннотою настоящаго дня, тоскливымъ ожиданіемъ завтрашняго, когда же наконецъ рѣшишься хоть на что-нибудь! Всѣ вокругъ меня знаютъ, чего хотятъ, чего добиваются: кто хлопочетъ изъ чиновъ и крестовъ, кто выжидаетъ хорошаго мѣста, кто сватается, кто наживаетъ деньги, кто ведетъ процессы, кто занятъ литературой, кто музыкой, кто просто бѣгаетъ по кандитерскимъ и заглядываетъ въ магазины, и у всѣхъ есть дѣло, у всѣхъ, кромѣ меня! Одинъ я остаюсь вѣчнымъ зрителемъ и зѣваю, зѣваю! Отчего это? Это отъ нерѣшительности, именно оттого, что я ни на что не могу рѣшиться. Да это-то отчего? Эта нерѣшительность-то что̀ такое? Господи, какая мука! Ну,

что ты скажешь на это? Ты подумай хорошенько, пойми все это и напиши мнѣ свое мнѣніе. Да напиши мнѣ, какъ и что ты дѣлаешь, да поподробнѣй. Ты все глухо пишешь, что занятъ службою; напиши, что и какъ ты дѣлаешь. Вотъ и ты занятъ... нѣтъ, я просто никогда ни на что не рѣшусь! Прощай.

19 марта.

Такъ ты думаешь, что я самъ во всемъ виноватъ, что все мое страданіе происходитъ отъ праздности, что я самъ поддался безпокойнымъ мыслямъ, и что еслибъ я былъ занятъ дѣломъ, то не овладѣла бы мною мучительная нерѣшительность. Упрекаешь меня въ недостаткѣ энергіи, твердости, обвиняешь меня въ эгоизмѣ и совѣтуешь мнѣ сдѣлать надъ собою усиліе и укрѣпиться. Ты не можешь себѣ представить, какъ сильно поразили меня твои упреки, какъ глубоко я почувствовалъ свою слабость, свое гнусное бездѣйствіе, все свое жалкое положеніе. При чтеніи твоего письма чувство всего этого и рѣшительное стремленіе вполнѣ измѣнить себя овладѣли мною въ сильнѣйшей степени. Самъ не помню, какъ надѣлъ я пальто, схватилъ шляпу и очутился на улицѣ. Я чувствовалъ необыкновенное волненіе, сильное біеніе сердца, трепетъ во всѣхъ членахъ, и шелъ скорыми шагами, шелъ впередъ, не оглядываясь ни на что, шелъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ приняться за дѣло. Такимъ образомъ прошелъ я весь Невскій проспектъ, Адмиралтейскую площадь и очутился надъ Невою. Здѣсь только пришло мнѣ въ голову спросить себя: куда я иду? Здѣсь только почувствовалъ я, что шелъ безъ цѣли, увлекаемый неопредѣленнымъ желаніемъ, хотя и казалось мнѣ, что стремился я на какое-то рѣшительное дѣло. Вокругъ себя я видѣлъ съ одной стороны Сенатъ, съ другой, за Невою, Академію Художествъ, Университетъ, Биржу, средоточія разнородной дѣятельности. Мое обычное раздумье, мука моего темнаго значенія, достигли тогда высшей степени напряженія. Я не чиновникъ, не художникъ, не ученый, не торговецъ, что я такое? тоскливо спрашивалъ я себя. Для чего живу, зачѣмъ не рѣшусь ни на какое дѣло? Я повторилъ себѣ всѣ твои упреки и, съ чувствомъ горькаго стыда, поспѣшно возвратился домой. Дома я опять прочелъ твое письмо; оно навело на меня раздумье, окончившееся почти тѣми же во-

просьми, съ какими я уже обращался къ тебѣ. Конечно ты правъ, твои упреки и обвиненія совершенно справедливы. Не могу не сознаться, что я виноватъ, что живу праздно, поддаюсь безполезнымъ и безпокойнымъ мыслямъ, нахожусь въ безпрерывномъ колебаніи и въ нерѣшительности. Конечно я слабъ, и эгоистъ я, если строго разсудить: ибо ни для кого не живу я, хоть и нельзя сказать, чтобы я очень любилъ себя. Конечно ты, какъ человѣкъ трудящійся, дѣльный, вправѣ обвинить меня: но отчего происходитъ мое странное состояніе, моя праздность? Я полагалъ, что отъ нерѣшительности, какъ писалъ тебѣ, но отчего же у всѣхъ есть рѣшительность, кромѣ меня? Отчего у меня нѣтъ рѣшительности? Человѣкъ я не глупый, не безъ способностей, труда я не боюсь — праздность томитъ меня — а вотъ какъ нужно приняться за опредѣленное дѣло, рѣшительно приступить къ дѣятельности, тутъ-то и пошло чортъ знаетъ что̀ такое! Откуда моя нерѣшительность? Нѣтъ! мое мучительное положеніе происходитъ не отъ нерѣшительности. Оно, когда ты хочешь знать, проçто происходитъ отъ неохоты ни къ чему. Будь у меня къ чему-нибудь охота, былабъ и рѣшительность. Какая же можетъ быть рѣшительность, когда нѣтъ ни къ чему охоты? Такъ оттого мое положеніе, что ни къ чему нѣтъ у меня охоты, именно все это происходитъ отъ неохоты. Да почемужь нѣтъ у меня ни къ чему охоты-то? Это-то отчего? А? Что̀ ты мнѣ на это скажешь? Что̀ за адъ, о Боже мой! Вотъ, мой другъ, въ какомъ я состояніи. Обдумай все хорошенько и пиши мнѣ, ради Бога. Ты опытнѣе меня, сильнѣе духомъ. Ты можешь и долженъ помочь мнѣ совѣтами. Прощай.

30 мая.

Опять ты пишешь мнѣ много чрезвычайно справедливаго и вѣрнаго. Ты по-дѣломъ бранишь меня, не могу не сознаться. Совѣты твои также какъ нельзя болѣе дѣльны; я всей душой тебѣ за нихъ благодаренъ. Дѣйствительно, я ничѣмъ не занятъ и тревожусь только безполезными мыслями о своемъ положеніи. Ты дѣльно совѣтуешь не вникать въ самого себя, не копаться всегда, какъ говоришь ты, внутри себя, а стараться жить въ средѣ людскихъ интересовъ, сблизиться съ жизнію и предаться дѣлу. Такимъ образомъ мало-по-малу—говоришь ты—ты объяснишься самъ

себѣ, и вся темнота твоего значенія разсѣется. Именно и я понимаю теперь, что нужно сблизиться съ жизнію, а не оставаться заключеннымъ въ самомъ себѣ, что нечего отгадывать себя въ безпрерывномъ раздумьи, а нужно сознавать себя въ дѣлахъ. Это такъ, это именно такъ! Я все это время только о томъ и думалъ, чтобы сблизиться съ жизнію, и напрягалъ всѣ мои силы къ тому, чтобы войти въ сферу людскихъ интересовъ. Я старался вполнѣ выполнить твои совѣты: я снова возобновилъ было оставленныя знакомства, посѣщалъ театры, концерты, литературные и всякіе вечера, обходилъ улицы, сталъ думать о какомъ-нибудь мѣстѣ, для чего наводилъ разныя справки и подробно разузнавалъ что и какъ гдѣ дѣлается, какія есть вакантныя мѣста и въ чемъ состоитъ служба. Я видѣлся нѣсколько разъ съ М. и подвергался многократнымъ поощреніямъ къ ученой дѣятельности. Я прилежно принялся за чтеніе и прочелъ нѣсколько новыхъ, интересныхъ сочиненій, посѣщалъ Академію и Эрмитажъ, гдѣ долго и внимательно обозрѣвалъ произведенія знаменитыхъ художниковъ, не разъ заглядывался на дѣятельность и движеніе на Биржѣ, забѣгалъ въ Университетъ и нѣсколько разъ выслушалъ уже знакомыя лекціи, и послѣ всего этого я почувствовалъ наконецъ, что повторяю зады, что все это я уже и прежде дѣлалъ и все это было оставилъ именно потому, что оно ни къ чему меня не привело, что все это мнѣ давно извѣстно и давно мнѣ наскучило. Тогда пришло мнѣ на мысль, что конечно ты справедливо упрекаешь меня, что я закопался въ самомъ себѣ, и что конечно это безнравственно; но отчегожь я и закопался-то въ себѣ, какъ не оттого, что сблизиться съ жизнію не могъ и попасть въ сферу людскихъ интересовъ не удалось мнѣ. Такъ зачѣмъ же приниматься мнѣ за прошлое, за пережитое? И вотъ теперь я чувствую себя еще хуже и темнѣе прежняго. Я опять всѣхъ и все оставилъ и заперся дома, меня не перестаютъ осаждать скука и разныя тоскливѣйшія мысли. Конечно ты чрезвычайно справедливо замѣтилъ, что слѣдуетъ сблизиться съ жизнію и предаться дѣлу; но можно ли, позволь спросить тебя, насильно сблизиться съ жизнію, и какъ я передамся дѣлу, когда у меня нѣтъ ни къ чему охоты? Да сверхъ того, я еще долженъ признаться тебѣ, что въ дѣятельности, какая по крайнему моему разумѣнію была бы для меня возможна, предчувствуются и чудятся мнѣ разныя тяжкія и обременительныя для совѣсти стороны

и отношенія. Ужь и не знаю, поймешь ли ты меня! Я прежде не рѣшался признаться тебѣ, зная твою строгость и опасаясь показаться тебѣ уже совершеннымъ чудакомъ; теперь же передаю тебѣ это, чтобы ты яснѣе могъ судить и понимать меня. Подробнѣе объ этомъ я напишу когда-нибудь послѣ, теперь же разныя печальныя мысли до того меня разстроили, что я не полагаю возможнымъ въ моемъ состояніи говорить отчетливо о такомъ предметѣ. Итакъ, послѣ когда-нибудь! Изъ этого письма ты увидишь, что я все въ прежнемъ положеніи, хотя признаю вполнѣ вѣрность твоихъ замѣчаній и совѣтовъ, равно какъ и справедливость твоихъ упрековъ въ бездѣйствіи, причина котораго, какъ я уже тебѣ объяснялъ, заключается въ неохотѣ ни къ чему. Въ послѣдніе дни размышляя объ этой неохотѣ, я невольно наконецъ прихожу къ той мысли, что она главнѣйшимъ образомъ имѣетъ своимъ источникомъ мое физическое разстройство или даже можетъ быть какую-нибудь органическую неправильность моей натуры. Возьми ты во вниманіе мою печаль, скуку, нерѣшительность, странность мыслей, наконецъ неохоту ни къ чему: что̀ это все, если не признаки болѣзни? Развѣ все это естественно у здороваго человѣка? Я просто должно быть боленъ, непремѣнно боленъ. Что я не чувствую никакой болѣзни — это ничего не значитъ, болѣзнь все-таки есть. Такъ главнѣйшая-то причина всему болѣзнь. Какъ ты думаешь? Я посовѣтуюсь съ докторами. Какъ ты полагаешь? Я хочу непремѣнно посовѣтоваться. Напиши мнѣ свое мнѣніе объ этомъ, а также, случалось ли тебѣ испытывать что-нибудь подобное; непремѣнно увѣдомь. Можетъ быть не порадуютъ тебя мои тоскливыя письма; но что̀ дѣлать, что̀ дѣлать!

11 іюля.

Получилъ я еще одно письмо отъ тебя. Отъ полноты души благодарю тебя, что ты вникаешь въ мое положеніе, указываешь мнѣ причины его и наконецъ справедливо упрекаешь меня; я почти не могу не согласиться съ тобою. Особенно благодарю тебя за послѣднее письмо; оно заставило меня сильно призадуматься. Я нахожу, что ты чрезвычайно глубоко заглянулъ въ мое положеніе и съ удивительною отчетливостью разобралъ всѣ обстоятельства; я думаю, что ты наконецъ совершенно разга-

далъ мое положеніе. Въ физическомъ моемъ разстройствѣ ты сомнѣваешься, а приписываешь все нравственному разстройству, хандрѣ и мнительности, въ чемъ видишь необходимое слѣдствіе односторонняго и какого-то, какъ говоришь, болѣзненнаго направленія моихъ мыслей. Это правда, это все во мнѣ есть, и хотя ты начинаешь, кажется, просто ругать меня, справедливость однако же требуетъ согласиться съ тобою: физическаго разстройства точно во мнѣ нѣтъ, это рѣшительно могу сказать тебѣ. Я совѣтовался со многими умными и учеными медиками; они тоже говорятъ, что нѣтъ физическаго разстройства, и тоже все относятъ къ мнительности и хандрѣ и совѣтуютъ прибѣгать къ моціону. Я уже и прибѣгнулъ къ моціону, но покуда еще не замѣчаю въ себѣ никакой перемѣны. Видишь, какъ ты вѣрно судишь о моемъ положеніи: точно, физическаго разстройства нѣтъ, есть только хандра, мнительность и какое-то болѣзненное направленіе мыслей; это справедливо, въ этомъ все мое положеніе. Позволь однако же замѣтить, мой другъ, что можно же предположить какую-нибудь причину всего этого, вѣдь должна же быть какая-нибудь причина? Боже мой, Боже мой! что со мною дѣлается, что это такое, отчего все это происходитъ? еслибъ я хоть наконецъ достигъ твердаго убѣжденія въ причинѣ моего состоянія! Вѣчная праздность, неспособность сблизиться съ жизнію, полное отсутствіе рѣшительности, неохота ни къ чему, хандра, мнительность.... отчего все это, гдѣ всему причина? Никакого убѣжденія на этотъ счетъ! Да и разгадка всего не въ томъ ли, что у меня нѣтъ убѣжденій. Человѣкъ дѣйствительно съ убѣжденіями стремится осуществить ихъ, ввести ихъ въ жизнь; такой человѣкъ не захочетъ и не можетъ оставаться праздным. Такъ не здѣсь ли корень всего? Не смѣйся и не ругай меня. Я почти рѣшительно увѣренъ, что корень всего бѣдствія — недостатокъ убѣжденій; право, это, кажется, довольно ясно. Какъ тебѣ кажется? Боже мой, какое бремя давитъ меня!

19 августа.

Ты не отвѣчалъ на послѣднее мое письмо; ужь не сердитъ ли ты на меня? Между тѣмъ я рѣшительно остановился на томъ, что причиною моего состоянія — недостатокъ твердыхъ убѣж-

деній. Какъ хочешь разсуждай, это остается главнымъ дѣломъ. Ну, какихъ правилъ держусь я, чѣмъ руководствуюсь въ своей жизни, какія у меня наконецъ начала, или принципы, какъ говорится? Рѣшительно должно сказать, что никакихъ началъ я не придерживаюсь и никакими опредѣленными и положительными убѣжденіями не руководствуюсь. Руководствуюсь же я какимъ-то чутьемъ, неопредѣленнымъ душевнымъ движеніемъ, что́ называю внутреннимъ голосомъ, совѣстью и другими именами. Это-то чутье или внутренній голосъ весьма много виноваты въ моемъ состояніи. Въ одномъ изъ моихъ писемъ я однажды уже высказалъ тебѣ общимъ образомъ, что въ дѣятельности, какая была бы для меня возможна, предчувствуются мнѣ тяжкія и обременительныя для совѣсти стороны и отношенія. Теперь яснѣе тебѣ скажу, что нерѣдко въ рѣшенномъ, признанномъ и принятомъ всѣми-то чутье, о которомъ я упомянулъ, заставляетъ меня ощущать темныя, подозрительныя, несправедливыя стороны и отношенія и поставляетъ меня совсѣмъ въ непримиримое противорѣчіе. Нерѣдко, къ глубокому моему смущенію, въ самомъ законномъ чудится мнѣ незаконное. Вотъ отъ этого-то не могу я сблизиться съ жизнію и войти въ сферу людскихъ интересовъ, поэтому-то колеблюсь, не могу предаться дѣлу и поддаюсь хандрѣ и мнительности. Ужь и не знаю, поймешь ли ты меня! Рѣшительно, будь у меня убѣжденія, какъ и у другихъ людей, руководствуйся я началами, а не чутьемъ, тогда все было бы хорошо и я былъ бы какъ всѣ. Вѣдь вотъ возьми ты, напримѣръ, моего университетскаго товарища, о которомъ я какъ-то писалъ тебѣ; ну, что́ въ немъ особенно хитраго, чѣмъ онъ лучше меня? Человѣкъ онъ очень обыкновенный, но живетъ и дѣйствуетъ по извѣстнымъ основаніямъ, руководствуется началами, а не чутьемъ, и потому-то вотъ онъ и дѣятельный членъ общества, оттого онъ и слѣдствія мастеръ дѣлать. Поставь же ты теперь меня на его мѣсто, — ну, какой бы изъ меня чиновникъ вышелъ? Положимъ для примѣра отправили бы меня слѣдствіе производить по дѣлу той бабы, о которой онъ когда-то разсказывалъ; какое вышло бы у меня слѣдствіе? Вышла бы у меня пренесчастнѣйшая исторія! Руководимый чутьемъ, открылъ бы я горе, страданіе, одно несчастіе открылъ бы я, а не преступленіе, и вышло бы самое неприличное и незаконное слѣдствіе. Вотъ что́ значитъ не имѣть началъ и руководствоваться внутреннимъ чутьемъ! Вотъ,

7 октября.

Я рѣшился укрѣпиться мыслію о долгѣ; это прекрасная и возвышенная мысль! Я надѣюсь отъ нея много хорошаго для себя. Я чувствую, что именно только она можетъ указать мнѣ путь мой, поддержать и спасти меня. Теперь всякія тоскливыя и смущающія мысли гоню я прочь отъ себя; мысль моя должна быть направлена иначе: хочу думать только о долгѣ человѣка и не думать ни о чемъ иномъ. Ясно мнѣ, что до сихъ поръ я шелъ совершенно ложнымъ путемъ: я поддавался своему внутреннему голосу, мучился своею неспособностію и невозможностію сблизиться съ жизнію и предаться дѣлу и только занимался цѣлымъ рядомъ безпокойныхъ и печальныхъ мыслей, вытекающихъ изъ такого положенія. Усиливаясь сблизиться съ жизнію, войти въ сферу людскихъ интересовъ, отбросить мнительность, предаться дѣлу, я постоянно чувствовалъ и повторялъ себѣ: не могу. Я глубоко заблуждался. Не могу! чтожъ это такое? Пожалуй, этакъ всякой скажетъ: не могу; и чтожъ тогда произошло бы на свѣтѣ? Я очень заблуждался. Какая надобность до того, что я не могу; я долженъ! Долгъ, долгъ прежде всего! Вотъ о чемъ забылъ я, и здѣсь мое важнѣйшее заблужденіе. Понимаешь ли ты всю важность, святость и необходимость долга? Я всѣмъ этимъ проникнутъ до глубины души. Отнынѣ я слѣдую долгу; трудъ же есть долгъ человѣка, его священнѣйшій долгъ. Понимаешь ты это? Отнынѣ я рѣшаюсь переломить себя, побѣдить въ себѣ постыдную боязнь дѣла, избрать трудъ. Много усилія еще нужно мнѣ для этого, еще тревожатъ меня нѣкоторыя подозрѣнія, колеблюсь и смущаюсь.... но я рѣшился, я буду дѣлать что-нибудь. Я уже хлопоталъ о мѣстѣ, мнѣ обѣщали; я жду его, собираюсь съ силами. Видишь, я исправляюсь, исполняю свое обѣщаніе.... О, да укрѣпитъ меня возвышенная мысль о долгѣ!

29 декабря.

Я слѣдую наконецъ своему рѣшенію, сколько по чувству долга, столько же изъ необходимости въ средствахъ къ жизни; капиталъ мой, какъ я уже писалъ тебѣ, истраченъ. Я рѣшился

принять первое, представившееся мнѣ мѣсто; обстоятельства не позволяли мнѣ медлить, я уже начиналъ жить въ долгъ. Сверхъ того медленность можетъ быть повела бы меня опять къ прежнему раздумью, и вотъ я опредѣленъ въ канцелярію, я на службѣ. Съ девяти часовъ утра и до четырехъ пополудни я занятъ перепискою бумагъ, составленіемъ отчетовъ, сочиненіемъ отношеній и пр. Я прилагаю все стараніе вполнѣ сосредоточиться на этомъ дѣлѣ, отгоняя отъ себя всякую постороннюю мысль, закрадывающуюся въ мою голову. Въ пятомъ часу, усталый и проголодавшійся, я возвращаюсь къ себѣ на квартиру, гдѣ ѣмъ и отдыхаю; вечеръ провожу бо́льшею частію дома, курю трубку, почитываю. Теперь я уже не тревоженъ, не раздраженъ, какъ прежде; мною постепенно овладѣло полное равнодушіе. Я какъ-будто потерялъ свою личность: что-то завладѣло, двигаетъ и управляетъ мною, безъ всякаго участія съ моей стороны; я же на все готовъ и слѣпо покоренъ. Это что-то есть долгъ, которому я вполнѣ поручилъ себя, отказавшись отъ собственной воли и желаній. Конечно я не сдѣлался счастливѣе съ тѣхъ поръ, какъ правитъ мною суровый господинъ мой; но что́ же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ надо думать о счастіи? Развѣ я непремѣнно долженъ быть счастливъ? Развѣ счастіе или наслажденіе есть назначеніе жизни? Горе тому, кто бы поддался этой мысли! Какъ жить ему тогда, какъ смотрѣть на жизнь другихъ! Какія противорѣчія видѣлъ бы онъ во всемъ и вездѣ! Но такая мысль вздорная, опасная мысль; я не хочу на ней останавливаться. Назначеніе жизни совсѣмъ другое: оно состоитъ въ исполненіи долга, въ трудѣ. Стоитъ только со вниманіемъ посмотрѣть вокругъ себя, и убѣдишься, что это именно истина, что человѣкъ только и рожденъ затѣмъ, чтобы работать, страдать, терпѣть и умереть, заботясь только объ исполненіи долга. Требованія счастія, наслажденія,— все это эгоистическія требованія! Они являются у насъ вслѣдствіе ложнаго направленія нашихъ понятій, подъ вліяніемъ излишне развитой фантазіи и односторонняго отвлеченнаго образованія. Неправда ли? Я живу въ одномъ изъ огромныхъ петербургскихъ домовъ, наполненномъ постояльцами различнѣйшихъ состояній, званій и положеній; сколько между ними горя, бѣдности, нужды! Какое значеніе осталось бы ихъ горькой жизни, если от я значеніе долга? Смотрю на хилыхъ стариковъ и

больныхъ, на нищихъ, на всякія жалкія существа въ грязи, тряпьѣ и лохмотьяхъ, подъ которыми страшно признать человѣка; смотрю на угнетенныхъ и раздавленныхъ сильными, на истерзанныхъ вѣчнымъ трудомъ и потомъ, смотрю и убѣждаюсь, и вѣрю, что цѣль жизни не наслажденіе. Долгъ, долгъ — главное въ жизни. Если это не такъ, то я ничего въ ней не понимаю, тогда вездѣ для меня хаосъ. Вздумай только, что цѣль жизни счастіе или наслажденіе, тогда все представится существующимъ навыворотъ, все не на своемъ мѣстѣ. Бѣда, бѣда, если допустить такую мысль! Впрочемъ я совершенно понимаю опасность ея; я держусь долга. Ты видишь, я исправился; ты долженъ быть мною доволенъ.

27 февраля.

Ты упрекаешь меня за молчаніе и тревожишься не получая давно отъ меня вѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, я давненько не писалъ тебѣ; прошу однако же не тревожиться моимъ молчаніемъ: я живъ и здоровъ, не пишу же къ тебѣ потому, что нечего писать. Нечего же мнѣ писать потому, что событій и перемѣнъ въ жизни моей никакихъ не встрѣчается, а думы наконецъ меня оставили; я ничего не думаю. Я хожу въ канцелярію, работаю тамъ, а дома бо́льшею частію сплю. Чудесное и благодѣтельное дѣло сонъ! Я не нахожу теперь для себя ничего лучше и предаюсь ему, сколько имѣю возможности. Отчего же мнѣ впрочемъ и не спать? Выполненію долга это не мѣшаетъ, а затѣмъ я воленъ дѣлать, что́ хочу. Такъ вотъ я хожу въ канцелярію, а потомъ сплю; все остальное до меня не относится, я никого не вижу, ни о чемъ не слышу, ничего не знаю и не думаю. Ты спрашиваешь, зачѣмъ не поискалъ я себѣ мѣстечка получше; говоришь, что дядюшка могъ оказать мнѣ покровительство. Съ дядюшкой я очень разошелся: онъ получилъ орденъ, а я забылъ поздравить его; дядюшка съ тѣхъ поръ сталъ ко мнѣ очень холоденъ, а я, признаюсь, обрадовался этому и пересталъ ходить къ нему. Сверхъ того надо признаться тебѣ, что разныя сомнѣнія и боязнь гражданской дѣятельности, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ тебѣ, еще не совершенно меня оставили, хоть я стараюсь и надѣюсь подавить ихъ, а потому я разомъ не рѣшился бы занять мѣста, гдѣ пришлось бы мнѣ быть

самостоятельнымъ дѣйствователемъ. На мѣстѣ же, которое теперь занимаю, я только переписываю бумаги и только сочиняю иногда отношенія, совершенно впрочемъ невинныя. Ты, пожалуйста, ужь не подбивай меня на перемѣну мѣста; конечно есть разныя мѣста, но и мое хорошее, покойное и невинное мѣсто. На этотъ счетъ ты, пожалуйста, успокойся и не тревожь меня. Такъ повторяю, что я здоровъ и молчаніемъ моимъ прошу не тревожиться; писать нечего, а потому и молчу. Жизнь же моя — ничего: долгъ, по возможности, выполняю, а затѣмъ я сплю и все остальное до меня не касается.

19 апрѣля.

Исполняю твое желаніе и увѣдомляю тебя, что я живъ и здоровъ, служу и живу по прежнему. Писать же мнѣ тебѣ нечего. Будь здоровъ и прощай.

20 мая.

Я живу, какъ и прежде, и ничего со мною не дѣлается; продолжаю свою службу и образъ жизни не измѣняю. Всего остальнаго я чуждъ и ничего болѣе сообщить тебѣ не могу; впрочемъ ни на что жаловаться не считаю себя вправѣ.

10 іюня.

Вчера былъ прекрасный теплый день; было воскресенье, а потому я не ходилъ въ канцелярію и отправился утромъ гулять. Я бродилъ надъ Невою; давно ужь съ такимъ удовольствіемъ не дышалъ я свѣжимъ воздухомъ, не любовался яснымъ небомъ, великолѣпною Невою, давно уже не испытывалъ я такого живительнаго вліянія теплоты и блеска солнечныхъ лучей. По рѣкѣ шныряли цвѣтные ялики, на мосту двигался народъ, какой-то пароходъ съ шумомъ готовился отвалить отъ Англійской набережной, и на него спѣшила пестрая толпа. Я смотрѣлъ, какъ на пароходѣ появлялись и блестѣли на солнцѣ пестрые уборы женщинъ, металлическій набалдашникъ трости, зонтикъ, эполеты аксельбанты. Толпа суетилась, тѣснилась, шумѣла; я пр
слѣдилъ глазами за этимъ движеньемъ съ такимъ дѣтск

маніемъ, какъ-будто все это было для меня совершенною новостію. Позвольте, позвольте пройти! раздалось сзади меня. Я оглянулся и увидѣлъ толстаго, неуклюжаго мужчину, который запыхавшись спѣшилъ пробраться сквозь толпу къ пароходу; онъ велъ подъ руку стройную прекрасную женщину въ прекрасной шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ. Они быстро прошли мимо меня, но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, должны были остановиться отъ тѣсноты и давки у входа на пароходъ; дама оглянулась. Я узналъ ее. Боже мой, какое лицо, какой взглядъ! все закружилось вокругъ меня, трепетъ пробѣжалъ по мнѣ отъ головы до ногъ. Сильнѣе зашумѣлъ пароходъ, сильнѣе и гуще повалилъ дымъ изъ трубы его, сильнѣе заколебалась толпа. Позвольте, позвольте! слышался голосъ мужчины, и еще разъ увидѣлъ я его, какъ онъ показался на пароходѣ, отирая лицо платкомъ, и за нимъ появилась женщина, но я уже не видѣлъ лица ея. Пароходъ отвалилъ отъ берега; минуты три еще видѣлъ я шляпку съ колеблющимся бѣлымъ перомъ, но пароходъ быстро ушелъ въ даль, оставивъ въ воздухѣ полосу чернаго дыму. Толпа, глазѣвшая на отплытіе парохода, разбрелась, и я почти одинъ остался на набережной. Я хотѣлъ продолжать мою прогулку, но не было уже во мнѣ прежняго безпечнаго спокойствія, и я возвратился домой, раздраженный непонятнымъ тревожнымъ чувствомъ. Это ясное небо, теплота и блескъ, разлитые на все солнцемъ, синія волны, движеніе толпы, взглядъ этой женщины — все такъ раздражительно подѣйствовало на меня, во всемъ слышались мнѣ такіе могущественные призывы къ жизни, къ наслажденію, ко всему, отчего въ тяжкой борьбѣ съ самимъ собою напрасно и вѣчно отказываюсь я. Сонъ мой нынѣшнюю ночь былъ полонъ странныхъ, тревожныхъ видѣній: мнѣ снился прекрасный вечеръ, какой-то садъ, запахъ цвѣтовъ, на небѣ показывался рогъ молодой луны, гдѣ-то въ кустахъ шумѣлъ ручей, пѣлъ и умолкалъ и снова пѣлъ соловей. Вдругъ до слуха моего доносился какой-то обольстительный шопотъ, зажигавшій всю кровь во мнѣ, и я трепеталъ и томился восторженною любовію и страстными порывами къ наслажденію. Потомъ сцена перемѣнилась: я стоялъ среди поля, горизонтъ со всѣхъ сторонъ былъ покрытъ тучами, и со всѣхъ сторонъ спѣшили сюда люди, всѣ вооруженные, всѣ съ важнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ лицъ, и кто-то отдѣлился отъ толпы и могучимъ голо-

сомъ призывалъ насъ на борьбу за какое-то доблестное и великое дѣло, и всѣ мы клялись умереть за него. То было торжественное, великое мгновеніе! Никогда не чувствовалъ я въ себѣ такой силы, никогда не было такъ ясно и радостно на душѣ моей, никогда не чувствовалъ я такъ цѣны жизни, какъ въ мигъ, когда клялся отдать ее за доблестное дѣло! Далеко въ полѣ раздавалась громкая и дружная наша клятва, и какъ бы въ отвѣтъ ей грозно прогремѣлъ громъ. Потомъ снова перемѣнилась сцена: я уже сидѣлъ въ канцеляріи и писалъ какое-то отношеніе. Такія-то глупыя, несвязныя видѣнія преслѣдовали меня всю ночь. Къ утру я чувствовалъ себя совершенно измученнымъ, и весь нынѣшній день я до того разстроенъ и разтерянъ, что въ канцеляріи не могъ собраться съ мыслями для сочиненія отношеній, перепортилъ нѣсколько листовъ бумаги и ушелъ оттуда сказавшись больнымъ. Какъ ни глупы, какъ ни странны мои видѣнія, онѣ глубоко смущаютъ меня: въ нихъ преслѣдуетъ меня призракъ жизни, призракъ юношескихъ мечтаній, подавленныхъ желаній, затаенныхъ надеждъ и стремленій. Разнообразны и могущественны надо мной его призывы. Оставьте меня, могучіе, обольстительные, обманчивые голоса! не мучьте меня, страстныя и безплодныя желанія! кто далъ вамъ вѣчную власть надъ душой моей? не заставили ли вы меня горько чувствовать свое безсиліе, страдать глубоко и безплодно, не до конца ли измученъ я? не отказался ли я навсегда отъ васъ, не отказался ли я отъ жизни, дѣятельности, наслажденія, къ которымъ вы всегда призывали меня и которыхъ никогда не достигалъ я! оставьте, оставьте меня! не отказался ли я отъ всего и даже отъ самого себя?

20 іюня.

Я чувствую наконецъ, что не по силамъ взвалилъ на себя бремя, я становлюсь совершенно неспособнымъ къ службѣ. Сны мои не прекращаются, кровь во мнѣ волнуется, мысли съ каждымъ днемъ становятся безпокойнѣе. Напрасны всѣ мои усилія одолѣть себя! Конечно мысль о долгѣ прекрасная и возвышенная мысль, и трудъ, какой бы то ни былъ, есть долгъ человѣка, но какъ согласить все это съ личными стремленіями? что дѣлать съ желаніями, съ предчувствіемъ и требованіемъ другой,

больныхъ, на нищихъ, на всякія жалкія существа въ грязи, тряпьѣ и лохмотьяхъ, подъ которыми страшно признать человѣка; смотрю на угнетенныхъ и раздавленныхъ сильными, на истерзанныхъ вѣчнымъ трудомъ и потомъ, смотрю и убѣждаюсь, и вѣрю, что цѣль жизни не наслажденіе. Долгъ, долгъ — главное въ жизни. Если это не такъ, то я ничего въ ней не понимаю, тогда вездѣ для меня хаосъ. Вздумай только, что цѣль жизни счастіе или наслажденіе, тогда все представится существующимъ навыворотъ, все не на своемъ мѣстѣ. Бѣда, бѣда, если допустить такую мысль! Впрочемъ я совершенно понимаю опасность ея; я держусь долга. Ты видишь, я исправился; ты долженъ быть мною доволенъ.

27 февраля.

Ты упрекаешь меня за молчаніе и тревожишься не получая давно отъ меня вѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, я давненько не писалъ тебѣ; прошу однако же не тревожиться моимъ молчаніемъ: я живъ и здоровъ, не пишу же къ тебѣ потому, что нечего писать. Нечего же мнѣ писать потому, что событій и перемѣнъ въ жизни моей никакихъ не встрѣчается, а думы наконецъ меня оставили; я ничего не думаю. Я хожу въ канцелярію, работаю тамъ, а дома бо́льшею частію сплю. Чудесное и благодѣтельное дѣло сонъ! Я не нахожу теперь для себя ничего лучше и предаюсь ему, сколько имѣю возможности. Отчего же мнѣ впрочемъ и не спать? Выполненію долга это не мѣшаетъ, а затѣмъ я воленъ дѣлать, что́ хочу. Такъ вотъ я хожу въ канцелярію, а потомъ сплю; все остальное до меня не относится, я никого не вижу, ни о чемъ не слышу, ничего не знаю и не думаю. Ты спрашиваешь, зачѣмъ не поискалъ я себѣ мѣстечка получше; говоришь, что дядюшка могъ оказать мнѣ покровительство. Съ дядюшкой я очень разошелся: онъ получилъ орденъ, а я забылъ поздравить его; дядюшка съ тѣхъ поръ сталъ ко мнѣ очень холоденъ, а я, признаюсь, обрадовался этому и пересталъ ходить къ нему. Сверхъ того надо признаться тебѣ, что разныя сомнѣнія и боязнь гражданской дѣятельности, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ тебѣ, еще не совершенно меня оставили, хоть я стараюсь и надѣюсь подавить ихъ, а потому я разомъ не рѣшился бы занять мѣста, гдѣ пришлось бы мнѣ быть

самостоятельнымъ дѣйствователемъ. На мѣстѣ же, которое теперь занимаю, я только переписываю бумаги и только сочиняю иногда отношенія, совершенно впрочемъ невинныя. Ты, пожалуйста, ужь не подбивай меня на перемѣну мѣста; конечно есть разныя мѣста, но и мое хорошее, покойное и невинное мѣсто. На этотъ счетъ ты, пожалуйста, успокойся и не тревожь меня. Такъ повторяю, что я здоровъ и молчаніемъ моимъ прошу не тревожиться; писать нечего, а потому и молчу. Жизнь же моя — ничего: долгъ, по возможности, выполняю, а затѣмъ я сплю и все остальное до меня не касается.

19 апрѣля.

Исполняю твое желаніе и увѣдомляю тебя, что я живъ и здоровъ, служу и живу по прежнему. Писать же мнѣ тебѣ нечего. Будь здоровъ и прощай.

20 мая.

Я живу, какъ и прежде, и ничего со мною не дѣлается; продолжаю свою службу и образъ жизни не измѣняю. Всего остальнаго я чуждъ и ничего болѣе сообщить тебѣ не могу; впрочемъ ни на что жаловаться не считаю себя вправѣ.

10 іюня.

Вчера былъ прекрасный теплый день; было воскресенье, а потому я не ходилъ въ канцелярію и отправился утромъ гулять. Я бродилъ надъ Невою; давно ужь съ такимъ удовольствіемъ не дышалъ я свѣжимъ воздухомъ, не любовался яснымъ небомъ, великолѣпною Невою, давно уже не испытывалъ я такого живительнаго вліянія теплоты и блеска солнечныхъ лучей. По рѣкѣ шныряли цвѣтные ялики, на мосту двигался народъ, какой-то пароходъ съ шумомъ готовился отвалить отъ Англійской набережной, и на него спѣшила пестрая толпа. Я смотрѣлъ, какъ на пароходѣ появлялись и блестѣли на солнцѣ пестрые уборы женщинъ, металлическій набалдашникъ трости, зонтикъ, эполеты, аксельбанты. Толпа суетилась, тѣснилась, шумѣла; я прилежно слѣдилъ глазами за этимъ движеньемъ съ такимъ дѣтскимъ вни-

маніемъ, какъ-будто все это было для меня совершенною новостію. Позвольте, позвольте пройти! раздалось сзади меня. Я оглянулся и увидѣлъ толстаго, неуклюжаго мужчину, который запыхавшись спѣшилъ пробраться сквозь толпу къ пароходу; онъ велъ подъ руку стройную прекрасную женщину въ прекрасной шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ. Они быстро прошли мимо меня, но, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, должны были остановиться отъ тѣсноты и давки у входа на пароходъ; дама оглянулась. Я узналъ ее. Боже мой, какое лицо, какой взглядъ! все закружилось вокругъ меня, трепетъ пробѣжалъ по мнѣ отъ головы до ногъ. Сильнѣе зашумѣлъ пароходъ, сильнѣе и гуще повалилъ дымъ изъ трубы его, сильнѣе заколебалась толпа. Позвольте, позвольте! слышался голосъ мужчины, и еще разъ увидѣлъ я его, какъ онъ показался на пароходѣ, отирая лицо платкомъ, и за нимъ появилась женщина, но я уже не видѣлъ лица ея. Пароходъ отвалилъ отъ берега; минуты три еще видѣлъ я шляпку съ колеблющимся бѣлымъ перомъ, но пароходъ быстро ушелъ въ даль, оставивъ въ воздухѣ полосу чернаго дыму. Толпа, глазѣвшая на отплытіе парохода, разбрелась, и я почти одинъ остался на набережной. Я хотѣлъ продолжать мою прогулку, но не было уже во мнѣ прежняго безпечнаго спокойствія, и я возвратился домой, раздраженный непонятнымъ тревожнымъ чувствомъ. Это ясное небо, теплота и блескъ, разлитые на все солнцемъ, синія волны, движеніе толпы, взглядъ этой женщины — все такъ раздражительно подѣйствовало на меня, во всемъ слышались мнѣ такіе могущественные призывы къ жизни, къ наслажденію, ко всему, отчего въ тяжкой борьбѣ съ самимъ собою напрасно и вѣчно отказываюсь я. Сонъ мой нынѣшнюю ночь былъ полонъ странныхъ, тревожныхъ видѣній: мнѣ снился прекрасный вечеръ, какой-то садъ, запахъ цвѣтовъ, на небѣ показывался рогъ молодой луны, гдѣ-то въ кустахъ шумѣлъ ручей, пѣлъ и умолкалъ и снова пѣлъ соловей. Вдругъ до слуха моего доносился какой-то обольстительный шопотъ, зажигавшій всю кровь во мнѣ, и я трепеталъ и томился восторженною любовію и страстными порывами къ наслажденію. Потомъ сцена перемѣнилась: я стоялъ среди поля, горизонтъ со всѣхъ сторонъ былъ покрытъ тучами, и со всѣхъ сторонъ спѣшили сюда люди, всѣ вооруженные, всѣ съ важнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ лицъ, и кто-то отдѣлился отъ толпы и могучимъ голо-

сомъ призывалъ насъ на борьбу за какое-то доблестное и великое дѣло, и всѣ мы клялись умереть за него. То было торжественное, великое мгновеніе! Никогда не чувствовалъ я въ себѣ такой силы, никогда не было такъ ясно и радостно на душѣ моей, никогда не чувствовалъ я такъ цѣны жизни, какъ въ тотъ, когда клялся отдать ее за доблестное дѣло! Далеко въ полѣ раздавалась громкая и дружная наша клятва, и какъ бы въ отвѣтъ ей грозно прогремѣлъ громъ. Потомъ снова перемѣнилась сцена: я уже сидѣлъ въ канцеляріи и писалъ какое-то отношеніе. Такія-то глупыя, несвязныя видѣнія преслѣдовали меня всю ночь. Къ утру я чувствовалъ себя совершенно измученнымъ, и весь нынѣшній день я до того разстроенъ и растерянъ, что въ канцеляріи не могъ собраться съ мыслями для сочиненія отношеній, перепортилъ нѣсколько листовъ бумаги и ушелъ оттуда сказавшись больнымъ. Какъ ни глупы, какъ ни странны мои видѣнія, онѣ глубоко смущаютъ меня: въ нихъ преслѣдуетъ меня призракъ жизни, призракъ юношескихъ мечтаній, подавленныхъ желаній, затаенныхъ надеждъ и стремленій. Разнообразны и могущественны надо мной его призывы. Оставьте меня, могучіе, обольстительные, обманчивые голоса! не мучьте меня, страстныя и безплодныя желанія! кто далъ вамъ вѣчную власть надъ душой моей? не заставили ли вы меня горько чувствовать свое безсиліе, страдать глубоко и безплодно, не до конца ли измученъ я? не отказался ли я навсегда отъ васъ, не отказался ли я отъ жизни, дѣятельности, наслажденія, къ которымъ вы всегда призывали меня и которыхъ никогда не достигалъ я! оставьте, оставьте меня! не отказался ли я отъ всего и даже отъ самого себя?

20 іюня.

Я чувствую наконецъ, что не по силамъ взвалилъ на себя бремя, я становлюсь совершенно неспособнымъ къ службѣ. Сны мои не прекращаются, кровь во мнѣ волнуется, мысли съ каждымъ днемъ становятся безпокойнѣе. Напрасны всѣ мои усилія одолѣть себя! Конечно мысль о долгѣ прекрасная и возвышенная мысль, и трудъ, какой бы то ни былъ, есть долгъ человѣка, но какъ согласить все это съ личными стремленіями? что дѣлать съ желаніями, съ предчувствіемъ и требованіемъ другой,

лучшей жизни. Зачѣмъ даны мнѣ эти стремленія, если онѣ ставятъ меня въ противорѣчіе съ моимъ назначеніемъ, со всею средою, въ которой суждено жить мнѣ. Твердо было мое рѣшеніе, велики усилія, намѣренія обдуманны; и что́ же? Довольно было прекраснаго дня, взгляда на живую природу, довольно было обольстительныхъ сновидѣній, чтобы какъ дымъ разлетѣлись всѣ мои намѣренія, вся моя твердость и рѣшимость! Конечно мысль о долгѣ прекрасная и возвышенная мысль, но, какъ бы то ни было, я рѣшился оставить службу.

5 іюля.

Я уже писалъ тебѣ, что рѣшился оставить службу. Измученный безконечной тоскою, уже неспособный къ труду, не знаю, какія средства нашелъ бы я для своего существованія, еслибъ случай не позаботился обо мнѣ. На дняхъ я неожиданно получилъ извѣстіе о смерти давно хирѣвшей тетки. Я единственный ея наслѣдникъ; мнѣ достается порядочное имѣніе и деньги. Службу я оставилъ и выѣзжаю изъ Петербурга. Я радъ, признаться, перемѣнить мѣсто. Я беру съ собою много книгъ по части сельскаго хозяйства. Можетъ быть случай, нежданно доставившій мнѣ состояніе, нежданно дастъ мнѣ и дѣло; можетъ быть сдѣлаюсь помѣщикомъ, хозяиномъ. Это послѣдняя моя надежда на какое-нибудь дѣло!

декабря 10.

Вотъ ужь съ полгода я въ своей деревнѣ. Первые дни по пріѣздѣ моемъ сюда были мнѣ очень отрадны; давно не былъ я близокъ къ природѣ и здѣсь какъ-будто встрѣтилъ въ ней стараго, молчаливаго, неизмѣннаго друга, и непзъяспимо-отрадно и успокоительно подѣйствовала на меня эта встрѣча. Миръ и покой природы сообщились и душѣ моей. — Имѣніе и дѣла мои я нашелъ въ порядкѣ; никакихъ хлопотъ и затрудней по наслѣдству я не встрѣтилъ и могъ приняться за исполненіе своего намѣренія сдѣлаться хозяиномъ. Я скоро ознакомился съ существующимъ порядкомъ хозяйства, съ отправленіемъ работъ, съ пріемами, обычаями и бытомъ крестьянъ. Наука, какъ только наука, безъ примѣненія къ жизни, безъ прямого отношенія

къ совершенствованію и улучшенію участи и отношеній людей, безъ близкой, практической цѣли,—такая наука, какъ тебѣ извѣстно, не мое дѣло. Но теперь цѣль была передо мною, и я принялся читать и учиться. Въ полгода я ознакомился съ сельскимъ хозяйствомъ и въ теоріи, хотя только въ весьма общихъ и главныхъ отношеніяхъ. Не къ радостнымъ мыслямъ привело меня это знакомство : я понялъ, что главное условіе совершенствованія сельскаго хозяйства — правильныя, справедливыя основанія труда земледѣльца — для меня недостижимы ; я понялъ только возможность частныхъ, мелкихъ улучшеній, что не вполнѣ осуществимыхъ при искаженіи главныхъ условій. Я начинаю понимать наконецъ, какъ ничтожны усилія отдѣльнаго человѣка противъ условій времени и общества, какъ безплодны его благороднѣйшія желанія, его лучшія намѣренія! Я не прекратилъ моихъ занятій, я не въ состояніи совершенно отказаться отъ дѣла и стараюсь ограничиваться возможнымъ и съ каждымъ днемъ пріучаюсь отрекаться отъ невозможнаго и недостижимаго. Но, Боже мой, отреченіе, вѣчное отреченіе! Всегда отказываться отъ желаній, всегда разрывать полноту своихъ стремленій, безвыходно скрывать ихъ въ груди своей, въ этой истерзанной, изнемогающей груди! Отчаяніе овладѣваетъ мною, тяжело жить мнѣ, нечѣмъ мнѣ радоваться, нечего ждать, нечего вспоминать. Нѣтъ у твоего друга прошедшаго, нѣтъ у него будущаго.

января 20

Благодарю тебя, добрый другъ, за утѣшенія, за напоминанія о томъ, что я молодъ, что у меня есть еще будущее, что нежданно встрѣчаются намъ радость и счастіе. Дѣйствительно, все можетъ быть, все случается, и конечно это очень утѣшительно. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ я еще молодой человѣкъ, впереди у меня можетъ быть еще много лѣтъ, хоть я уже начинаю хирѣть и покашливать, и на надежды я имѣю полное право. Очень можетъ быть, что все перемѣнится ; можетъ быть, что настанетъ время, когда я буду жить легко и безъ всякихъ усилій ; можетъ быть, что мрачныя и тягостныя стороны всего меня окружающаго скроются наконецъ съ глазъ моихъ ; очень можетъ быть, что меня покинутъ неумѣстныя желанія и не обы-

точныя мечты, и что все мнѣ понравится такъ, какъ оно есть; очень можетъ быть, что въ душѣ моей исчезнуть отрицаніе и отвращеніе и замѣнятся живительными вѣрованіями и любовію; очень можетъ быть, что.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не можетъ быть, не будетъ, никогда не будетъ! Напрасно говоришь ты о моей молодости; вѣчная тоска и неспособность къ жизни — это ли признаки молодости? Гдѣ безпечность, живость, гдѣ способность увлеченія — эта благодатная сила юности? Въ груди моей вмѣстѣ съ порывами къ жизни пробудилось отвращеніе къ ней, и напрасно была дана мнѣ юность. Я не могу и не хочу забавляться надеждами; не обѣщай мнѣ забвенія страданій въ путешествіяхъ, въ жизни независимой, во всемъ, что́ называютъ разсѣяніемъ или наслажденіемъ. Не онѣ пробудятъ душу мою отъ тяжкаго, томительнаго сна, въ которомъ преслѣдуютъ ее мучительныя сновидѣнія; ни путешествія, ни шумныя наслажденія, ни ласки женщинъ, ни пиры, ни вино, ни всѣ сокровища чувственности не заглушатъ во мнѣ ропота подавленныхъ и безплодныхъ силъ духа. Я ипохондрикъ, жалкій, несчастный ипохондрикъ! Однакожь порой мнѣ кажется, что я не хуже другихъ людей; еще и теперь въ душѣ моей живы вѣра и любовь къ истинѣ, добру, справедливости, ко всему прекрасному и достойному человѣка. Во мнѣ была возможность трудиться, наслаждаться и жить подобно всѣмъ другимъ людямъ. Но что-то роковое тяготѣло надо мною, и кажется мнѣ, что гибну я не по своей винѣ, что есть какая-то причина моей гибели.... какая же, какая это причина?... Боже мой, Боже мой!...

А. С—ъ.

1847.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся [illegible] по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи. Будто [illegible] напоминалъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ желтой, блеклой травы и сѣдоватаго, волнистаго ковыля, по которому пробѣгала [illegible] рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самаго небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, по безспорно насыпной, курганъ возвышался вдали, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ и крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный волосъ осыпался. Такой же [illegible] какъ онъ въ [illegible] тѣ-

лѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адьютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною коннаго часового, съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми,—словомъ, вся нестроевая, или западнàя сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

А что̀, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища: — должно быть шестой есть, прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце. — Шестого половина отвѣчалъ тотъ: — вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть не далечко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ? А, и ты тутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ: — дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и шипитъ ужь на кремнѣ; а мы, горемычные, развѣ самъ-сѐмъ соберемся, такъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ. — И мнѣ взаймы огоньку, братцы, отозвался третій: — и на мою долю тоже — и затянули и разыграли до конца трубочный квартетъ или квинтетъ. А нѣтъ ли у кого чего-нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ. — Не мѣшало бы, замѣтилъ другой и взглянулъ на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, возилась въ бархатномъ чехлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во-время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, залью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ мѣрную чарку. Затѣмъ онъ поспѣшно при-

нялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню; вскорѣ показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ; пятдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно *по улицахъ* — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ голосовъ на селѣ и съ чувствами уныния и сострадания, господствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-кута, черезъ которую полкъ переходилъ долиною. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ; нѣкоторые влѣзали даже на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но докторъ, который понялъ это и безъ распросовъ, освѣдомился по обстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ-то раздумьи, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и вмѣшавшись въ толпу протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, сымая шапки; сотскіе и десятскіе, съ носохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что́ случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣно, распрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ подробно-

точныя мечты, и что все мнѣ понравится такъ, какъ оно есть; очень можетъ быть, что въ душѣ моей исчезнуть отрицаніе и отвращеніе и замѣнятся живительными вѣрованіями и любовію; очень можетъ быть, что.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не можетъ быть, не будетъ, никогда не будетъ! Напрасно говоришь ты о моей молодости; вѣчная тоска и неспособность къ жизни — это ли признаки молодости? Гдѣ безпечность, живость, гдѣ способность увлеченія — эта благодатная сила юности? Въ груди моей вмѣстѣ съ порывами къ жизни пробудилось отвращеніе къ ней, и напрасно была дана мнѣ юность. Я не могу и не хочу забавляться надеждами; не обѣщай мнѣ забвенія страданій въ путешествіяхъ, въ жизни независимой, во всемъ, что́ называютъ разсѣяніемъ или наслажденіемъ. Не онѣ пробудятъ душу мою отъ тяжкаго, томительнаго сна, въ которомъ преслѣдуютъ ее мучительныя сновидѣнія; ни путешествія, ни шумныя наслажденія, ни ласки женщинъ, ни пиры, ни вино, ни всѣ сокровища чувственности не заглушатъ во мнѣ ропота подавленныхъ и безплодныхъ силъ духа. Я ипохондрикъ, жалкій, несчастный ипохондрикъ! Однакожь порой мнѣ кажется, что я не хуже другихъ людей; еще и теперь въ душѣ моей живы вѣра и любовь къ истинѣ, добру, справедливости, ко всему прекрасному и достойному человѣка. Во мнѣ была возможность трудиться, наслаждаться и жить подобно всѣмъ другимъ людямъ. Но что-то роковое тяготѣло надо мною, и кажется мнѣ, что гибну я не по своей винѣ, что есть какая-то причина моей гибели.... какая же, какая это причина?... Боже мой, Боже мой!...

А. С — Ъ.

1847.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся спѣшившись по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи, будто выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ жолтой, блеклой травы и сѣдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробѣгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самого небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, ито безспорно насыпной, курганъ возвышался влѣвѣ, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ и крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный волосъ осыпался. Тощій желудокъ его въ сухопаромъ тѣ-

лѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адъютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною конного часового, съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми,—словомъ, вся нестроевая, или западнàя сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

А что̀, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища: — должно быть шестой есть, прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце. — Шестого половина отвѣчалъ тотъ: — вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть не далечко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ? А, и ты тутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ: — дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и шипитъ ужь на кремнѣ; а мы, горемычные, развѣ самъ-сѐмъ соберемся, такъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ. — И мнѣ взаймы огоньку, братцы, отозвался третій: — и на мою долю тоже — и затянули и разыграли до конца трубочный квартетъ или квинтетъ. А нѣтъ ли у кого чего-нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ. — Не мѣшало бы, замѣтилъ другой и взглянулъ на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, возилась въ бархатномъ чехлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во-время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, залью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ мѣрную чарку. Затѣмъ онъ поспѣшно при-

нялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню; вскорѣ показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ; пятдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно *волузяхъ* — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ голосовъ на селѣ и съ чувствами унынія и состраданія, господствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-кута, черезъ которую полкъ переходилъ долонью. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ; нѣкоторые влѣзали даже на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но докторъ, который понялъ это и безъ распросовъ, освѣдомился по обстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ-то раздумьи, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и вмѣшавшись въ толпу протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, сымая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что́ случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣ распрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ по

стяхъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя свортукъ, взялъ въ руки каганецъ — сальную плошку — сѣлъ на грязный, облѣпленный мокрою глиной деревянный крестъ, который висѣлъ на веревкѣ надъ самымъ срубомъ — катокъ заскрыпѣлъ и докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тѣснѣе въ кучу, такъ-что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ отъ напора; офицеры вынуждены были взяться за полицейскія распоряженія и потомъ, когда все стихло, въ какомъ-то ожиданіи, наклонившись надъ срубомъ, глядѣли туда и прислушивались. Изъ глубины двадцати-саженъ раздавался какой-то невнятный говоръ, походившій болѣе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрыпѣлъ и вскорѣ докторъ показался изъ-подъ земли, сидя на томъ же грязномъ крестѣ. Иного средства нѣтъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. - Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за-живо.

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ-куту колодезь, который, какъ мы уже видѣли, былъ очень глубокъ, потому-что въ южныхъ сухихъ степяхъ нашихъ вода дается не легко. Лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ очень дорогъ; понадѣявшись вѣроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосемъ на умѣ и языкѣ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть дряблыя плахи; на глубинѣ двадцати саженъ, гдѣ вѣроятно уже показались ключи, внезапно съ одного боку сруба случился обвалъ земли, который проломилъ натискомъ своимъ нѣсколько вѣнцовъ, вогналъ бревешки концами въ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника, который въ это время наливалъ черпакомъ опущенную туда бадью. Высвободить ноги не было никакой возможности: сколько народу ни спускалось въ колодезь, сколько ни думали, не гадали, а придумать было нечего. Всякой видѣлъ, что если только перерубить концы бревешекъ, упершихся въ противную стѣнку и зажавшихъ ногу работника, то затѣмъ не минуемо долженъ послѣдовать новый обвалъ; дорыться сверху до такой глубины вовремя не было никакой возможности; а между тѣмъ несчастному, вопреки извѣстной пословицы, въ каждое мгновеніе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую теперь, по тѣснотѣ, невозможно было вычерпы-

вать, постепенно прибывала и подтопляла его и по расчету работниковъ должна была за-ночь залить его вовсе; помѣртвеніе ущемленной ноги и смерть отъ распространенія антонова огня, смерть голодная, — словомъ, всѣ роды смертей предстояли несчастному, а спасенія никокого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ и молилъ, чтобы ему отрубили ногу.... вмѣсто того ему подали, по общему совѣщанію, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три вѣнца сруба, которые ему зажали ногу; а между тѣмъ тотъ, кто подалъ ему топоръ, поспѣшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свѣтъ; но бѣднякъ находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданій ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ и недостало бы силъ для дѣйствія топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможеніи бросилъ его въ глубину, разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на-прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бѣднякъ сидѣлъ, ровно въ капканѣ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пѣснями своими огласили Сивый-кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, безъ сомнѣнія огласившіе также слухъ подземнаго заключенника, были предвѣстниками скораго его избавленія.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданіи приказанія доктора, и принесъ все, что было велѣно: полковой ящикъ, лекарскій наборъ, губку, повязки и пару свѣчей. Взявъ съ собою только самые необходимые два или три инструмента, докторъ съ костоправомъ сѣли, благословясь, на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчаніе, при томительномъ ожиданіи и страхѣ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многіе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли надъ срубомъ и не спускали глазъ съ отдаленнаго огонька. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ, то есть въ возможности сдѣлать операцію, по нопомѣрной тѣснотѣ; вдавленные вѣнцы загромоздили и безъ того узкій срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ ножомъ. Все это было пересказано шопотомъ, хотя не было никакой причи-

не говорить вслухъ; никто не отвѣчалъ; одинъ слегка пожалъ плечами, а другой вынулъ часы и, устативъ на нихъ глаза, наблюдалъ движеніе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку — толпа закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрыпѣлъ катокъ, и смышленые два мужика, покрикивая другъ на друга вполголоса: тише, мотри, тише! налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего-то въ ляшку толщины. — потому-что толще этого лѣсу негдѣ было взять здѣсь,—но на этотъ разъ зрителямъ казалось, что у веревки этой вовсе нѣтъ конца. Офицеры, въ недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали то на воротъ, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потому-что оставленъ былъ на глубинѣ съ костоправомъ, но вдругъ показался изъ колодца всѣмъ знакомый узелъ, гдѣ захлеснутъ былъ махровый конецъ веревки, и вслѣдъ за тѣмъ крестъ, на которомъ сидѣли два человѣка, оба въ крови, но одинъ обнялъ и держалъ другого; обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ ими и удерживалъ экипажъ свой въ возможномъ равновѣсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на-скорую-руку наложена повязка. Онъ смотрѣлъ еще глазами, когда вышелъ на вольный свѣтъ, но у него тутъ же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ-что докторъ его съ трудомъ удержалъ, и глаза его закатились. Люди подскочили на помощь и подняли его осторожно съ сидѣнья. Громкое, единодушное ура, которое конечно не было напередъ протвержено, встрѣтило страцальца и его спасителя. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными поклонами. На доктора сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больного положили на крестьянскую свитку, и офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто-то спохватился бѣднаго костоправа, о которомъ было и думать позабыли и который зѣвалъ, какъ говорятъ у насъ, то есть, кричалъ во всю глотку въ темномъ острогѣ своемъ, но кричалъ гласомъ вопіящаго въ пустынѣ: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тѣмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того было. Итакъ, подняли и забытаго костоправа, котораго любимымъ расказомъ впослѣдствіи осталось на всегда, какъ его позабыли было въ колодцѣ, гдѣ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту вѣрною смертію, и какъ страхъ овладѣлъ уже бѣднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталъ себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровѣлъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлѣбъ свой и не скучая день-за-день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ верхніе пильщики, то есть никогда не становится на бревно, а берется всегда только за нижній конецъ пилы? отвѣтъ его на это былъ обыкновенно: «а вишь, подпорка въ лещедкѣ засѣла,» — и дружный хохотъ встрѣчалъ эту знакомую остроту, которая впрочемъ не менѣе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тѣмъ же замысловатымъ вопросомъ.

II.

ПАМЯТКА.

Ѣхалъ баринъ семьей въ большомъ рыдванѣ на своихъ лошадяхъ шестерикомъ. Было это въ глуши, въ Костромской, дремучими лѣсами, по такимъ мѣстамъ, гдѣ въ тѣ времена ѣзжали только днемъ. Тутъ живали такіе молодцы, что стеречь подъ мостомъ проѣзжихъ было для нихъ обиходнымъ дѣломъ, хлѣбомъ насущнымъ.

Лошади позамаялись, случилась еще и небольшая ломка — расчитывали въ двѣ упряжки проѣхать боръ, а пришлось ночевать на перепутьи. Посовѣтовавшись съ людьми своими, помѣщикъ рѣшился пристать въ ославленной издавна деревнѣ, которая лежала въ глуши, на пролѣскѣ, по 25-ти верстъ на обѣ стороны отъ жилого мѣста. «Ничего», сказалъ старый бывалый кучеръ:—«Богъ милостивъ, не бойтесь; теперь не прежнія времена,

точныя мечты, и что все мнѣ понравится такъ, какъ оно есть; очень можетъ быть, что въ душѣ моей исчезнуть отрицаніе и отвращеніе и замѣнятся живительными вѣрованіями и любовію; очень можетъ быть, что.... Нѣтъ, нѣтъ, ничего этого не можетъ быть, не будетъ, никогда не будетъ! Напрасно говоришь ты о моей молодости; вѣчная тоска и неспособность къ жизни — это ли признаки молодости? Гдѣ безпечность, живость, гдѣ способность увлеченія — эта благодатная сила юности? Въ груди моей вмѣстѣ съ порывами къ жизни пробудилось отвращеніе къ ней, и напрасно была дана мнѣ юность. Я не могу и не хочу забавляться надеждами; не обѣщай мнѣ забвенія страданій въ путешествіяхъ, въ жизни независимой, во всемъ, что называютъ разсѣяніемъ или наслажденіемъ. Не онѣ пробудятъ душу мою отъ тяжкаго, томительнаго сна, въ которомъ преслѣдуютъ ее мучительныя сновидѣнія; ни путешествія, ни шумныя наслажденія, ни ласки женщинъ, ни пиры, ни вино, ни всѣ сокровища чувственности не заглушатъ во мнѣ ропота подавленныхъ и безплодныхъ силъ духа. Я ипохондрикъ, жалкій, несчастный ипохондрикъ! Однакожь порой мнѣ кажется, что я не хуже другихъ людей; еще и теперь въ душѣ моей живы вѣра и любовь къ истинѣ, добру, справедливости, ко всему прекрасному и достойному человѣка. Во мнѣ была возможность трудиться, наслаждаться и жить подобно всѣмъ другимъ людямъ. Но что-то роковое тяготѣло надо мною, и кажется мнѣ, что гибну я не по своей винѣ, что есть какая-то причина моей гибели.... какая же, какая это причина?... Боже мой, Боже мой!...

А. С — Ъ.

1847.

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

I.

НОГА.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся спѣшившись по гладкой, убитой дорогѣ, пролегавшей безконечной для глазъ лентой по необозримой степи, будто выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили по той земной чертѣ, которая отдѣляла видимую часть земли отъ невидимой, и человѣкъ стоялъ въ средоточіи этого кабалистическаго круга. Кромѣ жолтой, блеклой травы и сѣдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробѣгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встрѣчалъ ничего, до самого небосклона, гдѣ взоръ тонулъ въ безпредѣльности. Одинъ только, ито безспорно насыпной, курганъ возвышался влѣвѣ, подъ именемъ Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виноватъ былъ въ томъ, что тутъ былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головѣ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ и крутилъ усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный волосъ осыпался. Тощій желудокъ его въ сухопаромъ тѣ-

лѣ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнѣнію народному, у него бьется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адьютантъ, тамъ музыканты, тамъ командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ взводомъ катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ подъ охраною коннаго часового, съ обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, кузница, канцелярская фура, лазаретъ, наконецъ деньщики со вьюками, съ повозками, брыченки съ бабами и съ дѣтьми,—словомъ, вся нестроевая, или западная сила; а въ заключеніе дежурный по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

А что, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища: — должно быть шестой есть, прибавилъ онъ же, взглянувъ на солнце. — Шестого половина отвѣчалъ тотъ: — вечернимъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть не далечко; полкъ, слышно, станетъ на тѣсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ сборѣ? А, и ты тутъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ человѣку въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ бѣлыми пуговицами и въ фуражкѣ: — дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и шипитъ ужъ на кремнѣ; а мы, горемычные, раньше самъ-сёмъ соберемся, такъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать коротенькую трубчонку, поправляя пальцемъ огонекъ. — И мнѣ займи огоньку, братцы, отозвался третій: — и на мою долю тоже — и затянули и разыграли до конца трубочный квартетъ или квинтетъ. А нѣтъ ли у кого чего-нибудь путнаго въ кабурѣ? спросилъ одинъ. — Не мѣшало бы, замѣтилъ другой и оглянулся на доктора; этотъ оглянулся, махнулъ рукой, и отъ аптекарской фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую металлическую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, которая принадлежала одному изъ молоденькихъ офицеровъ, вложенной въ бархатномъ чехлѣ, вышитомъ бисеромъ, и славившейся въ полку тѣмъ, что никогда не поспѣвала во-время, капитанъ принялъ баклажку въ обѣ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, оболью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ сполна въ мѣрную чарку. Затѣмъ онъ поспѣшно при-

нялъ команду полковника: садись! и всѣ заняли свои мѣста. Бросивъ взоры впередъ, друзья наши увидѣли небольшую колокольню; вскорѣ показались соломенныя кровельки, а тамъ и бѣлыя хатки и садъ около барской усадьбы. Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый принялъ свою часть. Пѣсенниковъ вызвали впередъ; пятдесятъ звонкихъ голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно *волузяхъ* — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нѣсколькихъ голосовъ на селѣ и съ чувствами уныніи и состраданія, господствовавшими въ толпѣ народа, сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-кута, черезъ которую полкъ переходилъ долонью. Всѣ жители, старъ и малъ, тѣснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ; нѣкоторые влѣзали даже на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядѣли въ землю и иногда ложились ничкомъ и присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездѣйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, вздохи, толки и совѣты сливались въ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успѣли мимоходомъ узнать, что тутъ случилось несчастье; но докторъ, который понялъ это и безъ распросовъ, освѣдомился по обстоятельнѣе, въ чемъ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъ-то раздумьи, между тѣмъ какъ глаза его горѣли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспѣшили на площадь и вмѣшавшись въ толпу протѣснились до самой ея средины. Народъ разступался, сымая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ опущенъ колодезный срубъ; съ отчаянными ужимками указывали они въ колодезь этотъ, который былъ еще въ работѣ, разсказывали со страхомъ что́ случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на краи сруба и, облокотившись на колѣно, распрашивалъ русскихъ работниковъ о нѣкоторыхъ подробно-

стихъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ, взялъ въ руки каганецъ — сальную плошку — сѣлъ на грязный, облѣпленный мокрою глиной деревянный крестъ, который висѣлъ на веревкѣ надъ самымъ срубомъ — катокъ заскрыцѣлъ и докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тѣснѣе въ кучу, такъ-что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ отъ напора; офицеры вынуждены были взяться за полицейскія распоряженія и потомъ, когда все стихло, въ какомъ-то ожиданіи, наклонившись надъ срубомъ, глядѣли туда и прислушивались. Изъ глубины двадцати-саженъ раздавался какой-то невнятный говоръ, походившій болѣе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрыпѣлъ и вскорѣ докторъ показался изъ-подъ земли, сидя на томъ же грязномъ крестѣ. Иного средства нѣтъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. - Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за-живо.

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ-куту колодезь, который, какъ мы уже видѣли, былъ очень глубокъ, потому-что въ южныхъ сухихъ степяхъ нашихъ вода дается не легко. Лѣсъ въ тѣхъ мѣстахъ очень дорогъ; понадѣявшись вѣроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосемъ на умѣ и языкѣ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть дряблыя плахи; на глубинѣ двадцати саженъ, гдѣ вѣроятно уже показались ключи, внезапно съ одного боку сруба случился обвалъ земли, который проломилъ натискомъ своимъ нѣсколько вѣнцовъ, вогналъ бревешки концами въ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника, который въ это время наливалъ черпакомъ опущенную туда бадью. Высвободить ноги не было никакой возможности: сколько народу ни спускалось въ колодезь, сколько ни думали, не гадали, а придумать было нечего. Всякой видѣлъ, что если только перерубить концы бревешекъ, упершихся въ противную стѣнку и зажавшихъ ногу работника, то затѣмъ не минуемо долженъ послѣдовать новый обвалъ; дорыться сверху до такой глубины вовремя не было никакой возможности; а между тѣмъ несчастному, вопреки извѣстной пословицы, въ каждое мгновеніе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую теперь, по тѣснотѣ, невозможно было вычерпы-

вать, постепенно прибывала и подтопляла его и по расчету работниковъ должна была за-ночь залить его вовсе; помертвеніе ущемленной ноги и смерть отъ распространенія антонова огня, смерть голодная, — словомъ, всѣ роды смертей предстояли несчастному, а спасенія никокого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ и молилъ, чтобы ему отрубили ногу.... вмѣсто того ему подали, по общему совѣщанію, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три вѣнца сруба, которые ему зажали ногу; а между тѣмъ тотъ, кто подалъ ему топоръ, поспѣшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свѣтъ; но бѣднякъ находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданій ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ и недостало бы силъ для дѣйствія топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможеніи бросилъ его въ глубину, разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на-прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бѣднякъ сидѣлъ, ровно въ капканѣ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пѣснями своими огласили Сивый-кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, безъ сомнѣнія огласившіе также слухъ подземнаго заключенника, были предвѣстниками скораго его избавленія.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданіи приказанія доктора, и принесъ все, что было велѣно: полковой ящикъ, лекарскій наборъ, губку, повязки и пару свѣчей. Взявъ съ собою только самые необходимые два или три инструмента, докторъ съ костоправомъ сѣли, благословясь, на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчаніе, при томительномъ ожиданіи и страхѣ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многіе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли надъ срубомъ и не спускали глазъ съ отдаленнаго огонька. Кто-то изъ нихъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ, то есть въ возможности сдѣлать операцію, по нопомѣрной тѣснотѣ; вдавленные вѣнцы загромоздили и безъ того узкій срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ ножомъ. Все это было пересказано шопотомъ, хотя не было никакой причины

не говорить вслухъ; никто не отвѣчалъ; одинъ слегка пожалъ плечами, а другой вынулъ часы и, устативъ на нихъ глаза, наблюдалъ движеніе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку — толпа закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрыпѣлъ катокъ, и смышленые два мужика, покрикивая другъ на друга вполголоса: тише, мотри, тише! налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего-то въ ляшку толщины. — потому-что толще этого лѣсу негдѣ было взять здѣсь,—но на этотъ разъ зрителямъ казалось, что у веревки этой вовсе нѣтъ конца. Офицеры, въ недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали то на воротъ, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потому-что остановленъ былъ на глубинѣ съ костоправомъ, но вдругъ показался изъ колодца всѣмъ знакомый узелъ, гдѣ захлеснутъ былъ мочальный конецъ веревки, и вслѣдъ за тѣмъ крестъ, на которомъ сидѣли два человѣка, оба въ крови, но одинъ обнялъ и держалъ другого; обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ ими и удерживалъ экипажъ свой въ возможномъ равновѣсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на-скорую-руку наложена повязка. Онъ смотрѣлъ еще глазами, когда вышелъ на вольный свѣтъ, но у него тутъ же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ-что докторъ его съ трудомъ удержалъ, и глаза его закатились. Люди подскочили на помощь и подняли его осторожно съ сидѣнья. Громкое, единодушное ура, которое конечно не было напередъ протвержено, встрѣтило страцальца и его спасителя. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными поклонами. На доктора сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больного положили на крестьянскую свитку, и офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто-то спохватился бѣднаго костоправа, о которомъ было и думать позабыли и который зѣвалъ, какъ говорятъ у насъ, то есть, кричалъ во всю глотку въ темномъ острогѣ своемъ, но кричалъ гласомъ вопіящаго въ пустынѣ: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тѣмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того было. Итакъ, подняли и забытаго костоправа, котораго любимымъ расказомъ впослѣдствіи осталось на всегда, какъ его позабыли было въ колодцѣ, гдѣ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту вѣрною смертію, и какъ страхъ овладѣлъ уже бѣднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталъ себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровѣлъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлѣбъ свой и не скучая день-за-день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ верхніе пильщики, то есть никогда не становится на бревно, а берется всегда только за нижній конецъ пилы? отвѣтъ его на это былъ обыкновенно: «а вишь, подпорка въ лещедкѣ засѣла,» — и дружный хохотъ встрѣчалъ эту знакомую остроту, которая впрочемъ не менѣе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тѣмъ же замысловатымъ вопросомъ.

II.

ПАМЯТКА.

Ѣхалъ баринъ семьей въ большомъ рыдванѣ на своихъ лошадяхъ шестерикомъ. Было это въ глуши, въ Костромской, дремучими лѣсами, по такимъ мѣстамъ, гдѣ въ тѣ времена ѣзжали только днемъ. Тутъ живали такіе молодцы, что стеречь подъ мостомъ проѣзжихъ было для нихъ обиходнымъ дѣломъ, хлѣбомъ насущнымъ.

Лошади позамаялись, случилась еще и небольшая ломка — расчитывали въ двѣ упряжки проѣхать боръ, а пришлось ночевать на перепутьи. Посовѣтовавшись съ людьми своими, помѣщикъ рѣшился пристать въ ославленной издавна деревнѣ, которая лежала въ глуши, на пролѣскѣ, по 25-ти верстъ на обѣ стороны отъ жилого мѣста. «Ничего», сказалъ старый бывалый кучеръ:—«Богъ милостивъ, не бойтесь; теперь не прежнія времена,

хоть и шалятъ ино, да ужь не такъ; пристанемъ къ Кузьмѣ; онъ это дѣло давно покинулъ». — Заѣхали.

Изба большая, просторная, но одна съ хозяевами, чистой нѣтъ. Семья крестьянская, съ большими и малыми, душъ подъ 15; невѣстка, молодая проворная бабенка, мотается туда и сюда, подаетъ пріѣзжимъ то молока, то масла, накормила̀ и людей и свою семью, да и понесла подавать ужинать кому-то на полати. «Что̀ ты это, матушка», спросилъ помѣщикъ:—«кого кормишь тамъ?»—«А дѣдушка у насъ тамъ лежитъ», отвѣчала она: — безъ ногъ, такъ ему и подаю.» Слово-за-словомъ, дѣдъ обозвался, подползъ къ краю полатей, выказалъ богатырскую, бѣлокурую голову свою и поздоровался.

— Что̀ ты, дѣдушка, аль неможется?

— И не знаю, баринъ, какъ и сказать; здоровъ я лежать, здоровъ ѣсть, и здоровъ бы совсѣмъ, да ногъ нѣту; такъ вотъ и лежу.

— Что̀жь такое сталось съ тобой? Давно?

— Да ужь побольше двадцати годовъ будетъ; а что̀ сталось — Богу извѣстно: онъ казнитъ насъ за грѣхи наши, и меня не обнесъ. Какъ заслужилъ, такъ и терпи; дѣлать нечего, Господь даромъ не накажетъ.

— Что̀жь ты такъ, можетъ статься и клеплешь на себя, дѣдушка? Смиреніе годится, конечно, — молись да надѣйся, да спроси знающихъ людей, авось помогутъ.

— Нѣтъ, батюшка-баринъ; на меня давнымъ-давно лопата выросла — да вишь, и земля не примаетъ. Ты видно баринъ добрый, есть вотъ у тебя и хозяюшка и дѣтки — тебѣ можно сказать все, да что, и таить-то нечего; Богъ разсудитъ меня, а не люди. Всѣмъ вѣдомо у насъ, что̀ надо мною сталось, а коли слушать станешь, такъ разскажу.

— Сдѣлай милость, дѣдушка, пожалуйста.

— Даромъ что я теперь на полатяхъ сижу, а я слышу и вижу все; я знаю, что вы вотъ со страхомъ Божьимъ пристали ночевать къ намъ — слухомъ земля полнится; деревня хороша, да слава худа. Нѣтъ, прошло то время, батюшка-баринъ; спите, что у Христа за пазухой, и съ Богомъ заутре поѣдете. Вотъ что̀.

А лѣтъ тому двадцатьпять было не то. У насъ на кругу была очередь, по дворамъ, въ какой день кто прибудетъ, то ужь никто, кромѣ очередного, на дворъ пускать не смѣетъ; а тотъ

примай да и раздѣлывайся, какъ знаешь. Кому какое счастье выдастся. Бывало какой-нибудь запоздалый голышъ на дворъ — поглядишь, да и отворотишься; а прикатитъ съ полной кисой, такъ за нимъ и ухаживаешь, да выпроводивъ за село, тамъ и обработаешь.

Вотъ, батюшка баринъ, говорю все передъ тобою, какъ передъ Богомъ — вотъ и была изба моя на очереди. Пріѣзжаетъ на саночкахъ какой-то изъ военныхъ, одинъ-одинешенекъ; баринъ молодой, веселый. Указываютъ ему мой дворъ — я вишь былъ на очереди; я вышелъ, растворилъ вороты, глянулъ на него, и думаю: хоть бы ты провалился; хлопотъ-то будетъ съ тобой, а поживиться ужь нечѣмъ.

Вошелъ въ избу, попросилъ отпрячь лошадь да убрать ее, все разговариваетъ, требуетъ себѣ того, другого, привередничаетъ — я отвернулся, пошелъ, думаю: кабы зналъ ты, у кого гостишь, такъ бы потише сталъ. Онъ видитъ, что у меня не скоро какъ-то поворотились, да и говоритъ: что́жь вы, ужь не думаете ли, что я не заплачу́ вамъ? Не бойсь, хозяинъ, отблагодарю, только накорми, да напой чайкомъ хорошенько; я промерзъ; ты, чай, думаешь, нечѣмъ и расплатиться мнѣ? Вотъ, гляди, слава Богу, есть чѣмъ — было бы за что — да и сталъ пересыпать цѣлую горсть золота! Вотъ, говоритъ, привезъ изъ походу, да ѣду теперь домой; товарищъ-то у меня захворалъ дорогой, такъ я и остался одинъ съ лошадкой.... У меня на него глаза такъ и разгорѣлись: вотъ-де не думано, не гадано — а что́ добра! Тотчасъ послужилъ ему чѣмъ Богъ послалъ и не отходилъ во весь вечеръ отъ него — такъ вотъ и подмываетъ: жду не дождусь, чтобъ заснулъ.... уснулъ онъ. Что́, говорю, тутъ, что́ ли, его порѣшить? — Нѣтъ, батюшка, говоритъ старшій сынъ, — царство ему небесное — того гляди хлопотъ наживешь, либо кровь, либо что́, слѣды останутся; такъ лучше за яромъ. Ну, ладно.

Далъ я ему соснуть часа два и бужу: пора-де вамъ ѣхать. Онъ поглядѣлъ въ окно — рано, хозяинъ; еще темно, ни зги не видать, поспѣю. — Я обождалъ еще съ часокъ мѣста, да выслалъ сына, велѣлъ заложить двое дровней, проѣзжать подъ окномъ да покрикивать; бужу опять, говорю: пора, баринъ, нынѣ зима, свѣту не дождешься, а вонъ ужь мужики наши въ лѣсъ по дрова поѣхали. Онъ поглядѣлъ опять въ окно, послушалъ —

что такъ: ну — давай съ Богомъ собираться, закладывай, хозяинъ, мою лошадешку.

Расчитались мы — хоть ужь и не до счету мнѣ было, и не хотѣлъ я брать, да принудилъ, возми, говоритъ, все что́ слѣдуетъ возми. Сѣлъ онъ, поблагодарилъ и поѣхалъ. Я съ сыномъ кинулись на дровни, пустились проулкомъ да окольной дорожкой лѣсомъ, выѣхали ему ввстрѣчу и дожидаемся. Ѣдетъ. Мы, какъ слѣдуетъ, подскочили и лошадь его подъ уздцы, а сынъ... сынъ-то, у меня, баринъ, былъ молодецъ, вотъ что головой подъ матицу доставалъ, и вотъ какой въ плечахъ — вотъ!... Сынъ его за воротъ. — Это что́? Кто это? хозяинъ, да это ты?... Да ужь такъ, баринъ, въ полѣ съѣзжаются, родомъ не считаются; подавай деньги всѣ сполна, а тамъ молись Богу; ужь коли узналъ, такъ тебѣ живу не быть.

Отъ, старикъ, старикъ, закричалъ онъ, — и этому ты сына учишь! самъ какъ-то увернулся, соскочилъ съ саней, да какъ [illegible] чѣмъ-то сына: онъ, сердечный, какъ стоялъ, такъ и [illegible] съ ногъ какъ снопъ. У меня сердце подкатилось, руки [illegible] и обмерли; а онъ подходитъ ко мнѣ, ровно вотъ какъ къ [illegible] кому идетъ, а я стою, самъ не свой, и рукъ и ногъ не [illegible]; взялъ онъ меня за вихоръ, потянулъ на себя, ровно [illegible] какого, да и говоритъ: а тебя, стараго чорта, надо [illegible] порядкомъ, чтобъ ты на такое дѣло дѣтей не водилъ; [illegible] три какъ вытянетъ меня по спинѣ — и Господь его [illegible] какъ и чѣмъ, только я весь обомлѣлъ; на своихъ ногахъ [illegible], и спина ровно перешиблена и головы не слышу.... Покинулъ онъ меня, я и упалъ; онъ пошелъ, привелъ дровни мои, а [illegible] все читаетъ да приговариваетъ, да меня коритъ; взялъ онъ [illegible] впоперекъ, взвалилъ навзничь на дровни, а руки-ноги перекинулъ подъ вязками; пошелъ да взялъ сына моего, взвалилъ его [illegible] меня, вотъ, говоритъ, тебѣ наука; ступай домой! Самъ на[illegible] лошадь, да и пустилъ назадъ по дорогѣ.

Пошла лошадь домой, стала у воротъ; на деревнѣ еще рано, [illegible] у меня дома спятъ, а у самого нѣтъ силъ ни выбраться да [illegible], ни закричать. Лежитъ, сердечный, на мнѣ, сынъ, и слышу я, что ужь онъ не живой. Подъ конецъ очнулся я маленько, [illegible], тутъ стало свѣтать; гляжу сыну въ глаза — а онъ [illegible] на меня лицомъ къ лицу; гляжу на него — такъ и [illegible] душу отдалъ!

Вышли у меня со двора, ахнули, глядя на насъ, спяли и меня; сына похоронили, меня подсадили на полати — да вотъ, батюшка баринъ, съ тѣхъ поръ я уже съ нихъ и не слѣзалъ!...

Вотъ оно каково, баринъ, Богъ и долго терпитъ, да больно бьетъ; вотъ мнѣ проѣзжій памятку и задалъ. Господь съ тобой, баринъ, съ хозяйкой и съ дѣтьми твоими; опочинь, какъ у Христа за пазухой, да съ Богомъ утре и поѣдешь.

Во все время этого разсказа всѣ односемьяне и домочадцы старика занимались каждый своимъ дѣломъ, не обращая большого вниманія на слова его; видно они уже имъ прислушались.... Но у проѣзжихъ, во время разсказа, не разъ волоса подымались дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ. Впрочемъ они переночевали спокойно и благополучно выѣхали.

III.

ЕВРЕИ И ЦЫГАНЫ.

Еврей, попавшій по торговымъ дѣламъ въ Лондонъ, жаловался на непомѣрную дороговизну тамошнюю и сказалъ, между прочимъ, что прохворавъ одну только недѣлю, заплатилъ врачу, цырульнику и аптекарю пятдесятъ червонныхъ. — Такъ скажи слава Богу, что ты заболѣлъ въ Лондонѣ, замѣтилъ другой Еврей: — въ Варшавѣ ты бы на эти деньги провалялся круглый годъ!

Искусный цырульникъ вырвалъ жиду зубъ и требовалъ за это полтинникъ. — Ой-ой, сказалъ тотъ, собираясь уторговать что-нибудь; — прошлаго года одинъ очень хорошій зубной лекарь вырвалъ мнѣ зубъ, да не такой, чтобы сразу, а таскалъ, таскалъ меня по всей комнатѣ изъ угла въ уголъ, со стуломъ, совсѣмъ, да ито взялъ съ меня четвертакъ; за что же я дамъ тебѣ полтинникъ, когда твоя работа была совсѣмъ легкая?

Лекарь велѣлъ больному еврею принять лекарства, взятаго для дешевизны въ травяной лавочкѣ, одинъ золотникъ, или вѣсомъ на одинъ червонецъ. На бѣду у жида червонца не случилось, а потому онъ взялъ, по курсу, на одинъ червонецъ серебра и мѣди и по этому отвѣсилъ пріемъ. О послѣдствіяхъ можно догадываться.

[illegible] а кто виноватъ.

[illegible] по крайне нужному, т. е. денежному или торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, [illegible]; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а [illegible] увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. [illegible]: одинъ стоитъ передъ нимъ — вышелъ съ боку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ. Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости [illegible] — не тронь меня, я тебя не боюсь [illegible]; а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да стóитъ.

Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится., потому-что стоитъ передъ нимъ самъ-третей: видишь, повторялъ онъ: — ну видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь — видишь, что *насъ трехъ?* Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ пойди прочь, дай намъ пройти.... Но все это не повело ни кчему; разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ навремя честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впослѣдствіи, когда стаивалъ на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

«А что, спросилъ кто-то проѣзжаго еврея-оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ:—а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часового мастера, чтобы умѣлъ воротникъ подцвѣтить? — Есть, отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей-корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего-нибудь съѣстного или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива, сказалъ тотъ: — да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ бѣлое?» — «Есть», отвѣчалъ тотъ проворно:—самое лучшее полубѣлое есть»... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно».—«Есть, есть и бѣлое, самое лучшее»,—пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — что, это бѣлое пиво? Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — красное.

На задахъ еврейской бани стоялъ домишко, въ которомъ жилъ пресердитый нѣмецъ, сапожникъ. Онъ не разъ уже выходилъ изъ себя отъ справедливаго негодованія, когда бывало какой-нибудь отчаянно-храбрый жидокъ, въ подражаніе русскимъ крестьянамъ, выскочитъ распарившись изъ бани и для потѣхи начинаетъ валяться по снѣгу, подъ самыми окнами разобиженнаго этимъ сапожника, — человѣка впрочемъ почтеннаго и къ тому еще семейнаго. Ни брань, ни угрозы, ни жалобы не унимали охотниковъ до холодной бани послѣ горячей, и нѣмецъ, выведенный изъ терпѣнья, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по первому наглецу и безстыднику, который станетъ валяться у него подъ окнами, и въ острастку зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и клюквой. Не уваживъ угрозы, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ соблазнительнаго для сапожника обычая выскочилъ изъ бани и повалился на снѣжокъ. Нѣмецъ схватилъ пистолетъ и, растворивъ форточку, пустилъ въ него весь зарядъ. Жидъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и на вопросы сбѣжавшихся изъ бани земляковъ кричалъ одно, что онъ убитъ, убитъ пулей изъ большого ружья, чуть не изъ пушки, и что пуля засѣла вотъ здѣсь, гдѣ все облито кровью, т. е. клюквой. Въ толпѣ жидовъ тотчасъ же нашелся опытный цырульникъ, который, набѣжавъ сгоряча и спѣша подать помощь, ухватилъ въ кулакъ кожу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была мнимая кровь, натянулъ складку и распоролъ ее бритвой вершка на два, чтобы вынуть пулю. Изъ всего этого вышла такая суматоха, что до конца вѣка никто не могъ распутать, что̀ тутъ сдѣлалось, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Еврея, который шелъ по крайно нужному, т. е денежному или торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо итти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту, темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а евреи былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ — вышелъ съ боку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости: «Слушай, сказалъ онъ:—не тронь меня, я тебя не боюсь — видишь, насъ двое: а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да сто́итъ.

Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится., потому-что стоитъ передъ нимъ самъ-третей: видишь, повторялъ онъ: — ну видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь — видишь, что *насъ трехъ?* Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ пойди прочь, дай намъ пройти.... Но все это не повело ни кчему; разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ навремя честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впослѣдствіи, когда стаивалъ на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

«А что, спросилъ кто-то проѣзжаго еврея-оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ:—а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часового мастера, чтобы у него воротникъ подцвѣтить? — Есть, отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей-корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего-нибудь съѣстного или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива, сказалъ тотъ: — да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ бѣлое?» — «Есть», отвѣчалъ тотъ проворно:—самое лучшее полубѣлое есть»... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно».—«Есть, есть и бѣлое, самое лучшее»,—пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — что, это бѣлое пиво? Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — красное.

На задахъ еврейской бани стоялъ домишко, въ которомъ жилъ пресердитый нѣмецъ, сапожникъ. Онъ не разъ уже выходилъ изъ себя отъ справедливаго негодованія, когда бывало какой-нибудь отчаянно-храбрый жидокъ, въ подражаніе русскимъ крестьянамъ, выскочитъ распарившись изъ бани и для потѣхи начинаетъ валяться по снѣгу, подъ самыми окнами разобиженнаго этимъ сапожника, — человѣка впрочемъ почтеннаго и къ тому еще семейнаго. Ни брань, ни угрозы, ни жалобы не унимали охотниковъ до холодной бани послѣ горячей, и нѣмецъ, выведенный изъ терпѣнья, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ объявилъ, что будетъ стрѣлять по первому наглецу и безстыднику, который станетъ валяться у него подъ окнами, и въ острастку зарядилъ пистолетъ холостымъ зарядомъ и клюквой. Не уваживъ угрозы, одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ соблазнительнаго для сапожника обычая выскочилъ изъ бани и повалился на снѣжокъ. Нѣмецъ схватилъ пистолетъ и, растворивъ форточку, пустилъ въ него весь зарядъ. Жидъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и на вопросы сбѣжавшихся изъ бани земляковъ кричалъ одно, что онъ убитъ, убитъ пулей изъ большого ружья, чуть не изъ пушки, и что пуля засѣла вотъ здѣсь, гдѣ все облито кровью, т. е. клюквой. Въ толпѣ жидовъ тотчасъ же нашелся опытный цырульникъ, который, набѣжавъ сгоряча и спѣша подать помощь, ухватилъ въ кулакъ кожу, на томъ мѣстѣ, гдѣ была мнимая кровь, натянулъ складку и распоролъ ее бритвой вершка на два, чтобы вынуть пулю. Изъ всего этого вышла такая суматоха, что до конца вѣка никто не могъ распутать, что̀ тутъ сдѣлалось, кто былъ правъ, а кто виноватъ.

Еврея, который шелъ по крайно нужному, т. е денежному или торговому дѣлу черезъ лѣсъ, застигла ночь. Думать было нечего, надо итти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту, темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, а еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ биткомъ разбойниками. Смотритъ: одинъ стоитъ передъ нимъ — вышелъ съ боку на дорогу, и стоитъ, даже видно, что у него дубинка на плечахъ.... Не долго думавъ, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости: «Слушай, сказалъ онъ:—не тронь меня, я тебя не боюсь — видишь, насъ двое: а самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и приподнялъ вровень съ головой... Разбойникъ молчитъ, ни слова, и не шелохнется, молчитъ да стóитъ.

Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя, что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится., потому-что стоитъ передъ нимъ самъ-третей: видишь, повторялъ онъ: — ну видишь, говори же, зачѣмъ ты молчишь — видишь, что *насъ трехъ?* Ну, зачѣмъ же ты молчишь? Когда боишься, такъ пойди прочь, дай намъ пройти.... Но все это не повело ни кчему; разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей передъ нимъ; наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго колѣни уже дрожали дрожалками и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ и стращалъ его шапкой и ермолкой.

Часовой, изъ жидовъ, стоявшій у артиллерійскаго парка, покинулъ навремя честь и мѣсто и пошелъ грѣться. При допросѣ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ преспокойно и даже божился въ оправданіе свое, что никто не можетъ унести пушку, что онъ самъ пробовалъ это и нашелъ рѣшительно невозможнымъ. Когда оправданіе это не было принято, то онъ утѣшалъ себя впослѣдствіи, когда стаивалъ на часахъ, тѣмъ, что онъ зимой стужу стережетъ, а лѣтомъ зной.

«А что, спросилъ кто-то проѣзжаго еврея-оптика, который предлагалъ разныя услуги, и между прочимъ говорилъ, что съ нимъ есть также лудильщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ:—а что, братъ, нѣтъ ли съ вами такого часового мастера, чтобы у пѣлъ воротникъ подцвѣтить? — Есть, отвѣчалъ еврей, и выкрасилъ, худо ли, хорошо ли, воротникъ.

Еврей-корчмарь съ большимъ настояніемъ предлагалъ проѣзжему взять у него чего-нибудь съѣстного или питейнаго. — «Выпилъ бы я стаканъ пива, сказалъ тотъ: — да я не стану пить чернаго пива вашего; есть ли у васъ бѣлое?» — «Есть», отвѣчалъ тотъ проворно:—самое лучшее полубѣлое есть»... — «Полубѣлаго не хочу, коли нѣтъ бѣлаго, то не нужно».—«Есть, есть и бѣлое, самое лучшее»,—пошелъ и принесъ. Проѣзжій налилъ стаканъ, посмотрѣлъ на жида, поднялъ стаканъ противъ свѣта и спросилъ его строгимъ голосомъ: — что, это бѣлое пиво? Еврей отвѣчалъ спокойно, пожимая плечами: — красное.

У другого проѣзжаго, по западному краю, вышелъ дорóгою табакъ, на который онъ былъ также причудливъ, какъ тотъ на пиво, и не курилъ никакого табаку, кромѣ жуковскаго. «Есть, отвѣчалъ факторъ положительно, несмотря ни на какія сомнѣнія проѣзжаго, который зналъ доселѣ по опыту, что въ томъ краѣ, особенно въ маленькихъ городишкахъ, жуковскаго табаку нѣтъ. Но еврей вскорѣ воротился, и принесъ картузъ, который былъ уже распечатанъ и часть обертки заворочена; а между тѣмъ половина герба, сколько то есть было его видно, казалось, принадлежала фабрикѣ Жукова. Знатокъ, истощенный недостаткомъ табаку, поспѣшилъ набить трубку и затянулся сгоряча.... — «Что это?» сказалъ онъ и, схвативъ картузъ, отвернулъ обертку и прочиталъ подпись какого-то Семенова или Степанова. «Что это значитъ», вскричалъ онъ на фактора:—«развѣ это Жукова?» — «Жукова», отвѣчалъ Еврей съ непостижимою наглостію:—«это все равно, потому-что это самый любимый его прикащикъ; вы не знаете? Онъ его держитъ *за сына*...»

Цыганъ, подсмотрѣвшій, гдѣ у еврея въ лавкѣ лежитъ выручка, подстерегъ такое время, когда тотъ былъ одинъ, да и по близости лишнихъ людей не случилось. Еврей этотъ торговалъ всякой всячиной, и всего было у него понемногу. Цыганъ отвѣдалъ пальцемъ патоки, за что разумѣется еврей его выбранилъ, но тотъ, смиряясь передъ хозяиномъ, отсчитываетъ ему деньги и проситъ отмѣрять двѣ кварты. Товаръ готовъ; но гдѣжь у цыгана посуда? Онъ снимаетъ съ себя шляпу и говоритъ: «лей сюда!» Еврей было разсмѣялся и поусомнился, но цыганъ повторилъ: «лей, чего боишься? вѣдь деньги заплочены!» Только-что жидъ налилъ полную шляпу патоки и отвернулся за ложкой, чтобы выскрести мѣрку, какъ цыганъ съ размаху нахлобучилъ на него шляпу съ патокой по самыя мочки ушей, а самъ кинулся на выручку и пустился съ нею бѣгомъ изъ лавки.

Жиду и цыгану случилось ѣхать верхомъ по одному пути. Оба они были довольны, что нашелся попутчикъ, разговорились и подружились. Цыганъ предложилъ еврею поберечь лошадей и для этого ѣхать имъ обоимъ вмѣстѣ, черезъ день, то на одной, то на другой; покуда одна подъ ними устанетъ, такъ другая отдохнетъ. Еврей согласился, и очередь началась, разумѣется съ его же клячи. Цыганъ сѣлъ впереди, жида посадилъ на забедры, а самъ сталъ по немногу подвигаться назадъ. Жидъ долго

примащивался, крѣпился и держался какъ могъ, наконецъ пощупалъ позадь себя рукой, когда ужь почувствовалъ, что сталъ съѣзжать, и поймавъ вплоть за спиной своей хвостъ лошади, оглянулся и въ испугѣ закричалъ: «товарищъ, гляди, кобыла вся!!»

Проѣхавъ день этотъ кой-какъ, жидъ нашелъ однако же такую ѣзду невыгодною для себя, а потому на другой день, когда очередь дошла до цыганской клячи, онъ поневолѣ отъ нея отказался; противу чего товарищъ его и не спорилъ, сказавъ: «это кто какъ любитъ; пожалуй, поѣдемъ одиночкой.»

Попутчикамъ досталось ночевать въ полѣ, чтобы не платить за постой да за кормъ. «Лошадей надо стеречь», сказалъ цыганъ: — «а то неровно уведутъ, либо волки съѣдятъ; постереги ты одну ночь, я отдохну, а на ту ночь я буду стеречь.» — «Ладно.» Жидъ простоялъ на часахъ до самого свѣту и только подходилъ иногда къ цыгану, услышавъ издали храпъ его, посмотрѣть на него да позавидовать, какъ онъ сладко спитъ. Пора ѣхать; жидъ похвалился исправностію своею, божился, что не смыкалъ глаза и былъ очень доволенъ, когда цыганъ, торовatый въ такомъ случаѣ на похвалу, подтвердилъ, что жидъ точно мастеръ этого дѣла и пасъ коней хорошо. На слѣдующую ночь еврей готовился отдохнуть и, стреноживъ лошадь свою, пустилъ ее, а самъ сталъ примащиваться. Но къ удивленію своему онъ видитъ, что цыганъ мостится тутъ же, подлѣ. «Чтóжь ты», вскричалъ онъ: — «развѣ забылъ?» — «А чтò?» — «Какъ чтó! теперь твоя очередь пасти коней!» — «Да вѣдь у меня вороная лошадь», отвѣчалъ спокойно цыганъ: — «а ночь темна, такъ ее никто не увидитъ; у тебя бѣлая, такъ ты и береги свою».

Еврей Ааронъ Гейманъ крестился, но настаивалъ при этомъ, чтобы его назвали не иначе, какъ Александромъ, либо Алексѣемъ Григорьевымъ. Всѣ убѣжденія, что-де отчество надо придать тебѣ по крестному отцу и проч., не помогали, и еврей настоялъ на своемъ. Оказалось, что у него была старая печать, съ буквами А. Г., и что онъ желалъ зберечь ее и впредь для употребленія.

Жидёнокъ сидя на печи долго пищалъ: мама, ѣсть хочу! Еврейка моталась взадъ и впередъ, не обращая вниманія на писк этотъ, но наконецъ обратилась къ ребенку съ увѣщеваніемъ, чтобы онъ подождалъ; когда-де придетъ шабашъ — то

есть суббота — то будетъ всего много; тогда будетъ юшка (супъ), будутъ лапшердаки (лапша), кугли (печенье) и проч. — Пришелъ и шабашъ; дѣтямъ роздали съ утра завтракъ съ *присмачкой*, то есть съ головкой чесноку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ присмачку эту и сидя съ ломтемъ хлѣба пропищалъ плачевнымъ напѣвомъ, разъ двадцать сряду; *мамме, присмачке....* наконецъ выведенная изъ терпѣнія жидовка обратилась къ неугомонному ребенку, топнула, закричала *цыцъ* и прибавила: развѣ я Радзивилъ, что я буду тебѣ давать по десяти присмачекъ на утро?

Цыганъ пріѣхалъ въ деревню на парѣ и, по обычаю цыганскому, тотчасъ же пустился на мѣну. Промѣнявъ одну лошадь и взявъ, разумѣется, придачи, онъ уѣхалъ. Вслѣдъ за тѣмъ наѣхали два жида, въ погоню за цыганомъ: одинъ изъ нихъ коритъ и стращаетъ другого, который во всемъ винится и проситъ пощады: дѣло въ томъ, что одинъ изъ жидовъ этихъ будто бы также вымѣнялъ у цыгана лошадь, которая оказалась краденою и принадлежащею другому еврею. Покупщикъ и самъ не радъ барышамъ своимъ и проситъ земляка своего только объ одномъ: Богъ съ тобою, возьми и лошадь, только отпусти меня, не вводи въ такое дѣло, гдѣ можно пропасть совсѣмъ. Глядя на это, крестьянинъ, который также вымѣнялъ у цыгана лошадь, крѣпко испугался и не зналъ какъ быть, тѣмъ болѣе, что у еврея, по разсказамъ его, украли пару лошадей. Прочіе крестьяне, изъ участія къ своему брату, не утерпѣли, чтобы не спросить еврея о масти и примѣтахъ другой лошади, и вскорѣ убѣдились, что не ошибаются въ своемъ опасеніи. Но еврей, который очень хорошо зналъ, у кого во дворѣ цыганская кляча, ждалъ только случая, чтобы придраться къ чему-нибудь, а потому и придрался къ этому распросу, пошелъ къ управляющему и требовалъ, чтобы отдали лошадь его, за которою-де онъ и поѣхалъ въ погоню. Разобравъ дѣло и разсудивъ, что при такихъ обстоятельствахъ, при видимыхъ уликахъ, связываться съ жидомъ вовсе не выгодно, управляющій приказалъ тотчасъ же отдать лошадь. Пошли; бѣдный крестьянинъ выходилъ изъ себя, проклиная и жида и цыгана, но дѣлать нечего — вывелъ лошадь. Жаль ему однако же разставаться съ нею, особенно безъ могарычей, которыхъ жидъ не даетъ; «такъ отдай же мнѣ по крайности пятиалтынный мой», сказалъ онъ: — «за прокормъ, за мѣру овса!» — И этого не даетъ жидъ. — «Ну, такъ пойдемъ же опять къ управляю-

щему», сказалъ мужикъ рѣшительно, махнувъ рукой: — «что будетъ, то будетъ». Пришли: управляющій закричалъ было на мужика, но этотъ такъ удачно умѣлъ представить все сомнительное и подозрительное въ происшествіи этомъ, что управляющій призадумался. Богъ его знаетъ, кто онъ таковъ, еврей этотъ, откуда онъ и чѣмъ промышляетъ; ни записки не принесъ съ собою отъ городничаго или другого начальства, ни свидѣтелей нѣтъ, кромѣ жида, такогожь мошенника, какъ онъ самъ... Управляющій сталъ распрашивать еврея, усомнился и велѣлъ ему обождать въ конторѣ, а товарища послать въ городъ со старостой, для справокъ. Еврей поневолѣ согласился, но потомъ хотѣлъ бѣжать; тоже попытался сдѣлать дорогою и товарищъ его; но ихъ поймали обоихъ, и оказалось, что они давно уже разъѣзжаютъ съ цыганомъ по тремъ губерніямъ, промышляя очень выгоднымъ ремесломъ: тотъ ѣдетъ впередъ, мѣняетъ и продаетъ лошадей, а они ѣдутъ за нимъ и отбираютъ ихъ.

Жиды и цыганы, наводнявшіе югъ и западъ Россіи, и безпрерывно сталкиваясь на этомъ пространствѣ, никогда не могли быть другъ ко другу равнодушны, а между ними всегда смѣнялась вражда и тѣсная дружба, любовь и ненависть. Всякаго жида можно раздражить похвалою цыгану, всякаго цыгана можно утѣшить забавными разсказами о жидахъ. Живучи постоянно насчетъ другихъ, племена эти смотрятъ всегда съ завистію другъ на друга, какъ-будто опасаясь, что мошенничество одного отобьетъ наконецъ довѣренность къ другому, что опытъ надоумитъ легковѣрныхъ и скоро нѣ-кого будетъ надувать. Кажется, что опасеніе это не основательно. И цыганъ и жидъ довольствуются малымъ, обыкновенно не знаютъ наканунѣ, что будутъ завтра ѣсть, то есть кому придется кормить ихъ, но сколько дней у Бога, столько и дураковъ. Зато еврей не рѣдко богатѣетъ, потому-что онъ предпріимчивъ, пройдоливъ, предпріятія и обороты его дѣлаются ширѣ, по мѣрѣ средствъ; цыганъ навсегда осужденъ, по нашимъ понятіямъ, къ нищенству, хотя онъ и считаетъ себя богатымъ, когда у него заведутся новые сапоги. Цыганъ никогда не посягаетъ далѣе, какъ на насущное; жидъ любитъ просторъ и довольство и, достигнувъ этого, не рѣдко бываетъ тороватъ. У жида есть убѣжденія, онъ бываетъ упоренъ и непомѣрно стоекъ, выноситъ много, если дѣло коснется этого предмета; цыганъ бы-

ваетъ гораздо мягче, отстаивать себя не любитъ и соглашается на все, лишь бы ему было что̀ поѣсть завтра: далѣе онъ не расчитываетъ. У обоихъ нѣтъ своего отечества, оба живутъ тамъ, гдѣ живутъ другіе люди, потому-что живутъ насчетъ ихъ; но у цыгана есть сильная привязанность къ родному краю, онъ въ кочевой жизни своей часто въ него возвращается и радуется этому; еврей этого чувства, повидимому, не знаетъ вовсе, покрайней-мѣрѣ оно вполнѣ заглушается корыстью: у еврея отчизна тамъ, гдѣ онъ привился и прижился. Наконецъ, еврей фанатикъ въ вѣрѣ своей, а у цыгана ея нѣтъ вовсе; одинъ живетъ въ грядущемъ, считаетъ себя избранникомъ Божіимъ, чаетъ достигнуть современемъ, по минованіи искуса, всего того, чего у него нынѣ нѣтъ, даже обѣтованной отчизны, — и надежда, увѣренность эта живетъ въ немъ если не для себя, то для потомства своего; другой, напротивъ, не получивъ по преданію никакой вѣры, никакого утѣшенія и обѣтовъ для будущности, живетъ всегда только *сегодня* и готовитъ, со стоическимъ равнодушіемъ и беззаботностію, потомству своему, о которомъ мало думаетъ, ту же участь. У цыгана всякому преобразованію и улучшенію положенія его противится плоть, у еврея — духъ; у перваго въ дѣлѣ этомъ принимаетъ, кромѣ плоти, нравъ и обычай нѣкоторое участіе, — у второго, болѣе всего, свойства умственныя: тамъ сердце, здѣсь голова.

В. ДАЛЬ.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО.

РАЗСКАЗЪ.

У меня была одна знакомая старушка, которая пользовалась безпредѣльнымъ уваженіемъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Вѣкъ свой провела она тихо и ясно, и какъ солнце была чиста ея супружеская жизнь. Старый мужъ умирая сдѣлалъ ее единственной наслѣдницей своего имѣнія, въ знакъ благодарности за вѣрность къ нему, и родственники его даже не завидовали ей, считая ее вполнѣ достойною такой награды. Слава о ея добродѣтели прогремѣла всюду. Со всѣхъ концовъ сбѣгались къ ней за совѣтами. Новобрачный везъ свою молодую жену учиться у ней быть хорошей женой и матерью. Обманутая жена просила у ней совѣтовъ. Оскорбленный мужъ повѣрялъ ей тайну и умолялъ ее наставить на истинный путь его заблудшую жену. Мать везла къ ней непокорную дочь, нежелающую вступить въ благоразумный бракъ. Всюду моя старушка была образцомъ. Ни одно облачко не помрачало ея нравственности, несмотря на неравенство лѣтъ ея мужа. Не только жонъ и доче-

рей, даже юношей возили къ ней за полезными уроками, и старушка охотно всѣмъ разсказывала свою тихую жизнь и оканчивала моралью, что счастье жизни зависитъ отъ послушанія и уваженія къ родителямъ, чему она живой примѣръ. Мать или отецъ, уѣзжая отъ нея, успокоивались насчетъ исправленія дѣтей, и тотъ человѣкъ считался погибшимъ, который не исправлялся послѣ совѣтовъ старушки. Надо сказать къ ея чести, что характеръ ея всегда былъ веселый, — она умно говорила и не читала безъ просьбы наставленій. Репутацію женщины старалась она всегда поддержать, и никто не слыхалъ ея приговора даже о женщинѣ сомнительнаго поведенія, а въ ея власти было сдѣлать много несчастныхъ. Скромность, такъ рѣдкая въ людяхъ вообще и особенно въ шестидесятилѣтнихъ старухахъ, была у ней безпримѣрная.

Я также уважалъ ее, не какъ идеалъ женскихъ совершенствъ, но какъ человѣка неиспортившагося въ такомъ поклоненіи и добровольномъ униженіи, съ какимъ всѣ смирялись передъ ней. Я держусь того мнѣнія, что все хорошее есть принадлежность человѣка, и только дурное заслуживаетъ удивленіе и вниманіе. Бывая часто въ одномъ обществѣ съ ней, я имѣлъ случай замѣтить, что человѣку непремѣнно нужно бояться кого-нибудь, унижаться передъ кѣмъ-нибудь, чтобъ заслуживъ вниманіе имъ же возведеннаго на высоту человѣка, находить въ этомъ пищу своей гордости. Поклоняясь старушкѣ, эти люди охотно подчинялись ея прихотямъ; къ счастью ихъ у ней было мало. Въ откровенныя минуты она говорила мнѣ, что ей иногда надоѣдаетъ уваженіе людей, которое она сама не знаетъ какъ пріобрѣла. Мать ея и старый мужъ своими похвалами привели всѣхъ къ заключенію, что она какъ женщина — рѣдкое исключеніе, достойное глубокаго удивленія. Старушка любила меня можетъ быть потому, что видѣла во мнѣ равнодушіе къ ея достоинствамъ и наставленіямъ. Разъ я спросилъ ее, какъ ей не скучно читать весь свой вѣкъ мораль?

— Привычка и сознаніе, что я могу иногда защитить и поддержать женщину въ такую минуту, отъ которой зависитъ счастіе и спокойствіе всей ея жизни, отвѣчала мнѣ старушка.

— Полноте, развѣ вы можете научить кого нибудь? Ваша жизнь прошла безъ всякихъ тревогъ и волненій!

— Почему ты думаешь?

— Изъ вашихъ же разсказовъ.

— Нельзя же мнѣ разсказывать все? ты знаешь людей, вотъ ни меня уважаютъ, а спроси ихъ, за что?

— Какъ за что? а ваша жизнь! сказалъ я насмѣшливо.

— Ну, опять! ужь какъ я не люблю тебя, когда ты начнешь мѣяться надъ моей жизнью. Чѣмъ же я виновата, что они всѣ росятъ моихъ совѣтовъ? я не просила ихъ уваженія.

Старушка разгорячилась.

— Какъ вы сердиты сегодня! Я въ первый разъ слышу отъ асъ, что вы недовольны людьми.

— Не мудрено, я кромѣ уваженія отъ нихъ ничего не вила.

— Не читали ли вы романа на ночь? спросилъ я смѣясь.

Старушка пешутя разсердилась.

— Ты думаешь, сказала она: — что я стану по твоимъ романамъ судить о людяхъ? Нѣтъ, батюшка, у каждаго свой есть! отъ сейчасъ только ушла отъ меня одна дама: плачетъ, душу нѣ всю разтерзала. Уговори я ея дочь, чтобъ она не разводилась съ мужемъ. Поди, говори съ молодой женщиной влюбленой: она и слушать не станетъ. Ей дѣла нѣтъ, что о ней скажутъ. А смотришь, дурная слава какъ пламя обхватитъ нечастную жертву, а злые языки подкладутъ сухихъ прутьевъ, ори себѣ, — намъ не нужно дурныхъ жонъ!

— Это мнѣ вы читаете наставленіе?

— Если хочешь бери себѣ, мнѣ все равно; я сказала свое нѣніе, а ты знаешь, какъ я рѣдко говорю его.

— Можетъ быть въ этомъ ваша польза?

— А развѣ я сказала, что я дѣлаю это для другихъ? Ты отъ все твердишь объ общей пользѣ, — посмотрю, что ты сдѣаешь.

— Разумѣется ничего, и это не мѣшаетъ мнѣ говорить, что олжно заботиться объ общей пользѣ. Но я вижу, что вы сегоня раздражены. Вотъ вы лучше скажите мнѣ, былъ ли въ вашей изни романъ? Мнѣ кажется, я знаю его: вы были влюблены ъ дальняго родственника своего мужа. Это была тайная лю-

бовь, вы вырвали съ корнемъ изъ вашего сердца зловредное растеніе: долгъ восторжествовалъ, и вы увѣнчаны уваженіемъ за вашу любовь и борьбу.

— Ошибаешься и очень ошибаешься: ни любви, ни борьбы не было. Мать моя была женщина строгая и воспитала меня хорошо; но представь себѣ, какъ иногда одно неосторожное слово можетъ погубить женщину!... Вотъ я тебѣ скажу, что со мной было. Ты первый, кому я рѣшаюсь разсказать страшный случай въ моей жизни. Разумѣется, теперь моя откровенность не повредитъ мнѣ. Разсказывай я сама всѣмъ мою тайну, никто не повѣритъ: такъ они привыкли меня уважать.

— А моего разочарованія вы не боитесь?

— Нисколько, и если хочешь слушать, такъ не дѣлай своихъ замѣчаній и не перебивай меня. Впрочемъ я не боюсь сбиться въ моемъ разсказѣ. Происшествій очень мало, все заключается въ нѣсколькихъ часахъ.

— Такъ коротко! невольно сказалъ я.

— Не суди по времени: эти нѣсколько часовъ много мнѣ стоили. Слушай. Я молода вышла за-мужъ, мужъ мой былъ въ лѣтахъ и генералъ. Признаюсь, я не долго заставляла себя просить: мнѣ лестно было, что я буду первая дама въ провинціяльномъ городѣ. Мать и родные радовались и благодарили Бога за такую хорошую партію. Мужъ любилъ меня и баловалъ, я была хороша собой и тоже полюбила его, какъ мнѣ казалось. Мать моя жила верстахъ въ десяти отъ города. Каждое воскресенье мы ѣздили къ ней; у ней всегда собиралось много молодыхъ людей, но я держала себя очень скромно, да и маменька строго смотрѣла за мной. Въ одно воскресенье мы обѣдали у ней; вечеромъ я почувствовала духоту въ комнатѣ и вышла на террасу. То былъ августъ мѣсяцъ, ночь теплая и темная, небо высоко и луна едва свѣтится. Воздухъ пропитанъ цвѣтами. Я держала въ рукахъ ильотропъ и все нюхала его. Мнѣ очень нравился этотъ вечеръ, я вдыхала съ жадностью теплый воздухъ, глядѣла на небо, — вдругъ я почувствовала какую-то тоску. Мнѣ захотѣлось плакать, сама не знаю отчего. Нечаянно взглянула я въ окно: мужъ мой, — надо тебѣ сказать, что онъ былъ очень полонъ, — игралъ усердно въ карты, возлѣ него стоялъ одинъ

изъ его адъютантовъ, очень красивый молодой человѣкъ. Первый разъ я почувствовала, что мой мужъ старъ, не хорошъ собой и очень полонъ. А онъ въ эту минуту, какъ на-зло, то понюхаетъ табаку, то вытретъ потъ съ лица. Я кинулась съ террасы въ садъ и ну плакать. Слышу голосъ матери зоветъ меня: «Sophie, гдѣ ты?» Я боюсь откликнуться: увидятъ мои слезы, станутъ спрашивать причину,—какъ сказать, что я сейчасъ только замѣтила, что мой мужъ старъ? вѣдь я ужь четыре года прожила съ нимъ! Мать позвала адъютанта, да и говоритъ ему: «Поищите мою Sophie въ саду, она вѣрно гуляетъ, — теперь роса, какъ-разъ ноги промочитъ». Я побѣжала и начала прятаться въ аллеяхъ, наконецъ устала и сѣла на скамью въ темной аллеѣ. Вижу, онъ бѣжитъ мимо меня. Сама не знаю чего я испугалась, сердце мое забилось такъ сильно, что я невольно окликнула его.

— А! вы здѣсь! васъ ваша матушка ищетъ, сказалъ онъ, запыхавшись.

— Да, здѣсь такъ хорошо! сказала я, сама не зная, что я говорю.

Онъ стоялъ предо мной почтительно, готовый проводить меня къ дому. Надо замѣтить, что я очень холодно обходилась съ адъютантами моего мужа.

— Зачѣмъ меня звали? спросила я его, чтобъ какъ-нибудь скрыть мое волненіе.

— Боятся, чтобъ вы не промочили ногъ.

— Только-то?

Въ ту минуту что-то зашевелилось за мной. Я такъ испугалась, что вскрикнула и кинулась къ нему; но онъ не менѣе моего испугался, попятился назадъ и только схватилъ своими горячими руками мои руки, какъ ледъ холодныя.

Собачка моей матери выскочила изъ-за куста и начала ласкаться ко мнѣ. Я оттолкнула ее съ досадою, ноги мои дрожали, и я сѣла на скамью, чтобъ не упасть. Онъ сѣлъ возлѣ меня и съ участіемъ смотрѣлъ на меня. Луна выкатилась изъ-за тучи и освѣтила его лицо. Оно было молодо и свѣжо, черные глаза, полные огня, смотрѣли на меня. Я почувствовала такую неловкость, что невольно вскочила со скамьи; онъ подалъ мнѣ руку, и

я, едва прикасаясь къ его рукѣ, почти бѣжала къ дому. Когда я вошла въ залу, мой мужъ спорилъ за картами и не замѣтилъ меня. Я невольно сравнила его глаза; они были такіе мутные, несмотря на гнѣвъ. Отъ моей матери не ускользнула моя блѣдность и мое волненіе. Она испугалась и спросила, что́ со мной? Я отговаривалась головной болью и пожелала ѣхать домой. Я подошла къ мужу и звала его..... Онъ нехотя отвѣчалъ мнѣ: «погоди немного!» Я нашла очень обиднымъ такой отвѣтъ, — взглянула на *него*, и мнѣ показалось, что онъ, смотря въ карты мужа, иронически улыбался. Слезы дрожали у меня на рѣсницахъ, я чувствовала страшную злобу противъ мужа, который впрочемъ былъ въ эту минуту какъ всегда. Я сѣла на стулъ, чтобъ не упасть. Блѣдность моя испугала мать; она кинулась ко мнѣ, закричала воды, мужъ сунулъ карты адъютанту и бросился тоже ко мнѣ. Я успокоила ихъ, сказавъ, что это отъ головной боли, и просилась домой; мужъ началъ застегивать мундиръ, въ эту минуту хохотъ за картами заставилъ его броситься къ столу. Адъютантъ по разсѣянности сдѣлалъ ремизъ. Мужъ взялъ изъ его рукъ карты съ словами: — «извините! я лучше вамъ повѣрю свою жену, чѣмъ карты», — и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: — «Sophie! вотъ онъ тебя проводитъ, а я пріѣду съ Иваномъ Петровичемъ».

Я такъ желала ѣхать, что поспѣшила одѣться. Когда я прощалась съ моей матерью, она шутя шепнула мнѣ, показавъ глазами на молодого адъютанта: — «Смотри, Sophie, будь осторожнѣе».

Я вся вспыхнула. Маменька это замѣтила и, поцаловавъ меня въ лобъ и крестя, сказала: — «Богъ съ тобою, ты у меня умница».

Когда онъ подсаживалъ меня въ карету, моя рука дрожала. Дверцы захлопнулись, и мы выѣхали со двора. Моя мать кричала кучеру: — «Смотри, осторожнѣе!» Я рѣшительно разтерялась, не знала, какъ начать разговоръ. Дорога была песчаная и убаюкивающая. — «Какъ душно!» сказала я, сбрасывая свою шаль съ плечь.... Онъ проворно опустилъ стеклы у кареты. Легкій вѣтеръ пахнулъ въ карету и освѣжилъ меня. Вдругъ я почувствовала запахъ ильотропа. Я спросила: отчего такой

сильный запахъ?... — «А, это отъ моего цвѣтка». И онъ взялъ съ груди ильотропъ, чтобъ кинуть въ окно. Я какъ-будто чего испугалась и удержала его руку; вѣроятно мое движеніе было очень сильно, — мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ.... Онъ какъ-то тяжело дышалъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: — «Я думалъ.... вамъ вредно...» и подалъ мнѣ цвѣтокъ. Я протянула руку, но отъ качанія экипажа она коснулась его руки. Онъ взялъ мою руку и вложилъ въ нее цвѣтокъ. Голова моя горѣла, я съ жадностью нюхала цвѣтокъ; слезы снова навернулись у меня на глазахъ, и я начала смотрѣть на дорогу. Но монотонное покачиваніе экипажа волновало меня еще болѣе. Кучеръ, какъ на-зло, ѣхалъ тихо, вѣрно помня предостереженіе моей матери. Я хотѣла закричать, чтобъ онъ ѣхалъ скорѣе, но мнѣ пришла мысль, что̀ *онъ* подумаетъ обо мнѣ? Ничего не говорю и еще попукаю кучера, будто боясь сидѣть съ нимъ! Я сѣла въ уголъ кареты; лица его мнѣ не было видно, только два огненные глаза сверкали и останавливались на мнѣ. Я сдѣлала усиліе надъ собою и начала разговоръ:

— Напрасно вы поѣхали со мною; вамъ скучно, я думаю, ѣхать въ каретѣ?

— Помилуйте, какъ можно! да къ томужь вы избавили меня отъ страшной пытки.

— Отъ какой?

— А играть съ Иваномъ Петровичемъ.

Я принужденно засмѣялась и спросила его:

— А развѣ вы не любите картъ?

— Нѣтъ, нисколько. Я вообще не люблю тѣхъ удовольствій, которыя требуютъ глупаго глубокомыслія. Къ томужь карты отъ меня не уйдутъ; состарѣюсь, тогда успѣю наиграться въ карты.

Вѣроятно онъ сказалъ это безъ всякаго умысла; но мнѣ сейчасъ же блеснула мысль, что это намекъ на моего мужа.

— Что̀ же вы любите? спросила я насмѣшливо.

— Стрѣльбу, лошадей, охоту.... Какъ бы теперь хорошо ѣхать верхомъ, сказалъ онъ, заглянувъ въ окно.

— Ахъ, какъ бы я желала! сказала я восторженно, и мнѣ такъ живо представилось, что я несусь во весь карьеръ.

— А вы должны ѣздить хорошо!

— Почему вы заключаете?

— Вашъ станъ и ловкость очень шли бы къ амазонскому платью, а въ женщинѣ выше всего посадка на лошади....

Я первый разъ слышала комплименты съ глазу-на-глазъ: мнѣ это понравилось, и я завязала споръ, увѣряя его, что онъ ошибается въ моей ловкости и красотѣ, и что я имѣю право не вѣрить ему, потому-что отъ него перваго слышу такія вещи.

— Это не доказательство; вы горды и не хотите слушать никого.

— Хорошо, я вѣрю вамъ и завтра же буду просить позволенія учиться....

— У кого? насмѣшливо перебилъ онъ.

— У maman!

— А вашъ мужъ?

— О, онъ согласится!

Я это сказала съ такою самоувѣренностью, что онъ, какъ мнѣ показалось, сдѣлалъ недовольное движеніе, а потомъ тихо сказалъ:

— Очень понятно: вы такъ молоды и хороши!

Я поблѣднѣла опять, при мысли о старости моего мужа. Въ смущеніи я высунулась въ окно и сказала:

— Ахъ, какъ хорошо, посмотрите! сама не зная, что́ хорошо, и на что̀ посмотрѣть.

Онъ нагнулся къ моему окну, я почувствовала теплое его дыханіе, въ глазахъ у меня все завертѣлось. Толчокъ—и онъ покачнулся ко мнѣ такъ близко, что мои губы коснулись его душистыхъ волосъ. Огонь пробѣжалъ по мнѣ, я не помнила себя, гдѣ я и что̀ я? Онъ бормоталъ несвязныя извиненія, я молчала. Мнѣ стало душно; развязывая ленты у шляпы, руки мои дрожали, и я только затягивала ихъ все болѣе и болѣе. Это мнѣ надоѣло, я съ силою рванула ленты, соломенная шляпка затрещала, но ленты все еще душили меня.

— Позвольте, я развяжу! сказалъ онъ такъ нѣжно.

— Вы не съумѣете.

— Позвольте!

И онъ нагнулся ко мнѣ.

Тутъ я не могла противиться его умоляющему голосу; его руки приблизились къ моему лицу, волосы касались моихъ губъ. Карета продолжала покачиваться. По этой ли причинѣ, или по другой, но узелъ все затягивался; мнѣ казалось, что руки *его* дрожали. Онъ сталъ на колѣни передо мной, чтобъ ловчее распутать. Но я очень испугалась, вспомнила о матери, о мужѣ и закричала:

— Нѣтъ, ради Бога не надо! и закрыла лицо руками.

— У меня есть ножичекъ, сказалъ онъ.

— Дайте, я сама разрѣжу.

— Тише, вотъ онъ.

Я протянула руку, но карета сильно встряхнулась и ножикъ укололъ мнѣ палецъ.

Я вскрикнула и упала ему на грудь. Не знаю, долго ли я такъ оставалась, но я почувствовала, что онъ жарко цалуетъ мою руку; я не противилась, онъ все страстнѣе и страстнѣе цаловалъ ее.... Я сдѣлала усиліе, хотѣла вырвать ее, но когда освобождала одну руку, другая страстно жала его руку. Голова моя закружилась, я все и всѣхъ забыла, когда почувствовала огонь на моихъ губахъ....»

Старушка вся въ волненіи замолчала и задумалась.

— Вы сами не знали, что любили его? спросилъ я старушку, видя, что она погрузилась вся въ воспоминаніе.

Она вздрогнула при моемъ вопросѣ и сказала: — представь себѣ, я никогда даже не обращала на него никакого вниманія! Четыре года думала, что я люблю своего мужа, гордилась тѣмъ, что я вѣрная жена, и немеиьше моего мужа и моей матери была увѣрена въ своей твердости.

— Они узнали обо всемъ?

Старушка улыбнулась и отвѣчала: — какъ можно! да я бы, кажется, убила себя, еслибъ они узнали. Да моя мать первая не пощадила бы меня, несмотря на то, что сама больше всѣхъ виновата!... Увѣряю тебя, не скажи она мнѣ: будь осторожнѣе! мнѣ бы и въ голову не пришло обратить вниманіе на мое волненіе. Голосъ бы у меня не дрожалъ, я бы не горѣла такъ.

Ну, а какъ ты хочешь, чтобъ молодой человѣкъ не замѣтилъ такого волненія, — да еще знаетъ, что мужъ старъ?

— Долго вы жили вмѣстѣ и дружно?... Извините меня, что я такъ любопытенъ.

— Ничего. Слушай: когда я очнулась, онъ крѣпко прижималъ меня къ своей груди. Стукъ экипажа на мостовой и свѣтъ фонарей заставили меня очнуться. Я не вѣрила сама себѣ. Мнѣ стало страшно, я хотѣла броситься изъ кареты на мостовую, чтобъ разбить себѣ голову. Онъ удержалъ меня. Мной овладѣло отчаяніе, я ломала руки, плакала, проклинала его. Онъ, я думаю, глубоко раскаялся въ своей вѣтренности, — клялся мнѣ въ вѣчной любви, уваженіи и преданности, готовъ былъ, кажется, въ эту минуту жизнь отдать за мое спокойствіе. Кажется, онъ былъ искренень, я же чувствовала къ нему отвращеніе; мнѣ страшно было глядѣть на него; малѣйшій звукъ его голоса казался мнѣ пронзительнымъ, и я ему прямо высказала все, что́ чувствовала къ нему. Страхъ потерять уваженіе овладѣлъ мною до такой степени, что я готова была убить, отравить его, какъ причину моего увлеченія. Я съ жестокой настойчивостью отвѣчала ему на всѣ его клятвы и мольбы: «уѣзжайте! уѣзжайте!... Онъ просилъ позволенія хоть черезъ недѣлю пріѣхать посмотрѣть на меня, ато онъ умретъ отъ одной мысли, что онъ причиною моего горя....

Когда мы стали подъѣзжать къ дому, онъ схватилъ мою руку, чтобъ проститься со мной, я вырвала ее съ негодованіемъ; въ то время карета остановилась, подножка стукнула, и я выскочила изъ кареты, тихо сказавъ ему: навсегда!... Мнѣ послышалось глухое рыданіе, но я даже не бросила ему взгляда и вбѣжала на лѣстницу.... Я раздѣлась наскоро, обвязала голову, легла въ постель и велѣла сказать мужу, что я больна. Ночь я провела очень дурно, страшныя грезы, смѣшанныя съ бредомъ, не давали мнѣ успокоиться; однакожь къ утру я крѣпко уснула. На другой день я чувствовала сильную слабость, но встала, боясь подать поводъ къ подозрѣнію. Къ чаю мужъ вошелъ въ мою комнату, спросилъ съ участіемъ о моемъ здоровьѣ, съ неменьшимъ жаромъ разсказалъ свои ремизы и очень хладнокровно сказалъ: — А знаешь, Соня, мой адъютантъ просится въ отпускъ?

Я чуть не вскрикнула отъ радости, но тогда только совсѣмъ успокоилась, когда мой мужъ получилъ отъ своего адъютанта оффиціяльную просьбу объ оставкѣ.... чтобъ загладить свою вину, я удвоила послушаніе къ матери и заботливость о мужѣ.

— Видѣлись ли вы съ нимъ потомъ? спросилъ я старушку.

— Какъ тебѣ сказать, видѣлась и нѣтъ!

— Что́ же это значитъ?

— А вотъ что́!... лѣтъ двадцать пять спустя, я была въ одномъ домѣ на именинахъ. Хозяйка дома посадила меня за карты. Я поссорилась съ своимъ партнеромъ, — какой-то пріѣзжій помѣщикъ, толстой такой. Кончилась игра, я вышла въ другую комнату, да и говорю: — кого это вы со мной посадили, такой невѣжа, дрожитъ за каждую копейку? Хозяйка и говоритъ мнѣ его имя и фамилію. Мнѣ чуть дурно не сдѣлалось, я вѣрить не хотѣла, чтобъ это былъ *онъ*. Пошла я въ залу, чтобъ получше его разглядѣть, а онъ ужь и уѣхалъ, — такая досада! Узналъ ли онъ меня? не думаю! Онъ очень горячился и смотрѣлъ на меня прямо... Вѣкъ свой я прожила хорошо; сначала мнѣ было совѣстно, когда начнутъ ставить меня въ примѣръ всѣмъ женщинамъ, но потомъ я свыклась. Вижу, никто ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ. Я опять привыкла считать себя хорошей женой. Мужъ умирая благодарилъ меня, что я была его любящей подругой. Признаюсь, мнѣ было тяжело, я рѣшилась признаться во всемъ, — но начала разсуждать, хорошо ли я сдѣлаю? Моя откровенность можетъ отравить послѣднія минуты его жизни. Мнѣ стало страшно, — я такъ и не сказала!... Вотъ ужь теперь я старуха, а все еще не могу спокойно слышать запаху ильтропа.

— Ну, а еслибъ вы любили его, что́ бы вы тогда сдѣлали? спросилъ я старушку.

— Тоже самое, и не все ли равно?... Такой же толстый и старый сдѣлался!

Я засмѣялся.

— Да вы вѣдь тогда не замѣтили бы этого, потому-что были бы ему пара.

— Ну, смѣйся! но признаюсь, я никогда не любила, и мнѣ кажется, что счастье женщины въ ея рукахъ, и чтобъ заслужить уваженіе людей, нужно присутствіе ума.... и еще....

Старушка замялась.

— Что́ еще? спросилъ я, желая знать ея мнѣніе, которое она такъ рѣдко говорила.

Хорошее воспитаніе, какое я получила! сказала рѣшительно старушка.

— Извините меня, но я нахожу, что нужна... холодность...

— Нѣтъ, ты молодъ, я опытнѣе тебя, и мнѣ кажется, тутъ нужно только хорошее воспитаніе....

Н. СТАНИЦКІЙ.

II.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА III.

Лжедимитрій; разныя мнѣнія о его происхожденіи; борьба его съ Годуновыми и торжество надъ ними.

Мы приблизились, въ своемъ разсказѣ, къ тому времени, когда страшная болѣзнь объяла государственное тѣло и стала грозить ему конечною гибелью. Не преступленія правителя, не дерзкій умыселъ монаха, не крамола бояръ, не зависть сосѣдней державы, не тайные ковы знаменитаго ордена произвели эту болѣзнь въ государствѣ: она таилась внутри его и ждала только удобной минуты, чтобъ развиться во всей силѣ.

Уже пять вѣковъ шла на Руси борьба между началами государственными и противогосударственными; къ концу XVI-го вѣка государство восторжествовало: сосредоточивающая сила преодолѣла всѣ препоны, огромное государственное тѣло было объединено, сплочено, готово, повидимому, выйти изъ той замкнутости, въ которой удерживала его внутренняя борьба, и начать цѣльную жизнь въ кругу другихъ государствъ, родственныхъ ему по одной общей основѣ гражданскаго быта — христіянству; казалось, что съ новою династіею Московское государство начнетъ новое бытіе, усвоитъ себѣ плоды

западно-европейской цивилизаціи и быстро пойдетъ по пути усовершенствованій, по пути къ наряду; казалось, что и новый царь, вѣрный ученикъ Грознаго, сознавалъ новыя потребности юнаго государства, сознавалъ назначеніе своей династіи и воспитывалъ въ сынѣ своемъ правителя, способнаго удовлетворить этимъ новымъ потребностямъ и выполнить назначеніе династіи. Но все это казалось только, и нужно было пройти еще цѣлому столѣтію, прежде чѣмъ новая жизнь могла начаться для Россіи. Что же были за причины такого замедленія?

Пять вѣковъ упомянутой борьбы, борьбы напряженной и кровавой, не могли не оставить по себѣ слѣдовъ въ нашемъ древнемъ обществѣ; никогда и нигдѣ подобные переломы, подобные переходы изъ одного порядка вещей въ другой не обходятся дешево для народовъ; никогда и нигдѣ подобныя борьбы на жизнь и на смерть, въ которыхъ всѣ средства обыкновенно считаются позволенными, не остаются безъ гибельныхъ послѣдствій для народной нравственности. Въ борьбѣ сильнаго со слабымъ интересъ самосохраненія становится интересомъ господствующимъ; но извѣстно, что такое господство вовсе не благопріятствуетъ развитію доблестей гражданскихъ; чтобъ спастись отъ насилій сильнаго, слабый прибѣгаетъ къ коварству и противъ меча готовитъ отраву; съ другой стороны, сильный не преминетъ воспользоваться всякимъ средствомъ для достиженія своей цѣли, при чемъ заставитъ слабаго стать своимъ орудіемъ, и такимъ образомъ развратитъ его. Ясно, что при такихъ отношеніяхъ, при господствѣ интереса самосохраненія, довѣренность между гражданами необходимо ослабѣваетъ, всякой начинаетъ опасаться другого, особиться, начинаетъ думать только о самомъ себѣ, и при единствѣ внѣшнемъ внутреннее исчезаетъ. Вспомнимъ, какія средства должны были употреблять великіе князья противъ удѣльныхъ, вспомнимъ поведеніе бояръ при послѣднихъ Рюриковичахъ, обстоятельства, при которыхъ образовался характеръ Грознаго и средства его въ борьбѣ съ стариною, вспомнимъ крестоцаловальную запись Годунова и разсказы о доносахъ въ его царствованіе; присоединимъ сюда еще нѣсколько извѣстій о состояніи народной нравственности въ это время; вотъ слова автора московской хроники: «Во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о

пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и распутствѣ. Все это, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ» (1). Мы могли бы и не повѣрить свидѣтельству иностранца; но почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ состояніе нравственности при Годуновѣ и Палицынъ (2).

Таковы были дурные соки, накопленные обществомъ въ продолженіи пяти вѣковъ; ясно, что общество не могло начать новой жизни, не очистившись прежде отъ этихъ соковъ, не излечившись отъ своей тяжкой болѣзни, а это излеченіе могло произойти только вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма. Нужно было, чтобъ болѣзненныя начала, развившись во всей полнотѣ, вызвали противоборство началъ жизненныхъ, и общество, выдержавъ борьбу съ опасною болѣзнію, вышло изъ нея чистымъ, здоровымъ и крѣпкимъ; надобно было, чтобъ единство, данное Руси московскими государями, перешло, какъ необходимость, въ народное сознаніе, чтобъ это матеріяльное единство стало духовнымъ, независящимъ болѣе отъ силы, отъ сосредоточенія внѣшняго; надобно было очистить народъ отъ общественнаго разврата, затронувши въ немъ высшіе гражданскіе интересы и заставивши его жертвовать всѣмъ для ихъ соблюденія. Но кромѣ этихъ причинъ, дѣлавшихъ необходимымъ сильное государственное потрясеніе, были еще другія. Выше было сказано, что къ концу XVI-го вѣка государство восторжествовало надъ родовымъ бытомъ: не было болѣе удѣльныхъ князей, усобицы прекратились, но слѣдствія ихъ остались. Во время прежнихъ родовыхъ споровъ и междоусобій враждующіе князья постоянно имѣли нужду въ толпѣ людей праздныхъ, привыкшихъ къ буйной воинской жизни, къ жизни на счетъ другихъ, на счетъ общества; толпами этихъ-то людей поддерживались междоусобія, потому-что побѣжденный всегда находилъ средства снова набрать войско. Но когда усобицы стихли, то что было дѣлать этимъ людямъ безпристаннымъ, бездомовнымъ, которымъ было тѣсно въ обществѣ, что было дѣлать теперь казакамъ? Толпами шли они за границу государства, но много оставалось ихъ еще внутри; государство начало набирать ихъ въ свою службу, но служба эта была для нихъ тяжка; имъ хотѣлось прежней воли, прежняго безнарядья, чтобъ безнаказанно жить на счетъ общества; мы упоминали уже, какъ толпы ихъ умножились

(1) Сказ. Соврем. т. I, стр. 43, 44.

(2) Стр. 20: .....и старіи мужи брады своя постризаху, во юноши преміѣняху ся. Надъ всѣми же сими во объяденіе и пьянство велико, и во блудъ впадохомъ, и въ лихвы, и въ неправды, и во вся злая дѣла.

можа враждовали другъ съ другомъ, преслѣдуя свои личные интересы, объ интересѣ же государственномъ было всего меньше заботы; наконецъ чрезвычайно осторожное поведеніе польскаго правительства въ дѣлѣ Лжедимитрія съ Годуновымъ заставляетъ совершенно отвинуть мысль о томъ, что оно могло быть виновникомъ появленія Самозванца. Гораздо больше вѣроятностей имѣло бы за себя мнѣніе тѣхъ изслѣдователей, которые во всемъ этомъ дѣлѣ видятъ происки іезуитовъ, хотѣвшихъ посредствомъ Лжедимитрія ввести католицизмъ въ Московское государство: уже и современники обвиняли іезуитовъ во всѣхъ тѣхъ смутахъ, къ исторіи которыхъ мы теперь приступаемъ (1). Но до насъ дошло свидѣтельство неоспоримое о томъ, что при первомъ появленіи Лжедимитрія въ Самборѣ іезуитовъ вовсе не было, и онъ былъ обращенъ въ католицизмъ не ими, но францисканцами: объ этомъ свидѣтельствуетъ Папа Павелъ V-й въ письмѣ своемъ къ Юрію Мнишку 1605 года (2).

---

(1) Gravis et maximi momenti deliberatio de compescendo perpetuo conatu Jesuitarum. Anno 1609. См. Ciampi—Bibliografia critica. Означенное сочиненіе раздѣляется на 36 обвиненій; между ними въ одномъ: *Moscoviæ inconsulta et periculosa tentatio*, авторъ говоритъ: «Ad rerum Moscovitarum successus quod attinet, illi re vera nobis hactenus non citra fastum ostentati sunt, quorum etiam præcox spes gentem Jesuiticam ad eum modum inflavit, ut omnia sibi deinceps contra clerum, nobilitatem, et quoscumque alios licere putaret. Qualia vero nunc ex illis locis per repetitos nuncios constanter afferantur, nemini hodie ignotum esse arbitror. Jesuitos tamen videmus et audimus omni narrationi acerrime contradicere, quod ipsum indicio est rem ipsorum ibi actam esse, et adhuc agi, ut quicumque tandem eventus (utinam bonus!) secuturus sit, non aliis eum principaliter, quam ipsismet imputare possimus. Quale autem meum ab initio, quamprimum consiliorum istorum aliquid in vulgus emanavit, de molitionibus illis, judicium fuerit, multis magni nominis viris, quibuscum sermones ea de re contuli, notum esse scio. Ipse nempe causæ in genere melius fundamentum optabam; deinde rem per se periculi plenam esse aperte profitebar.... Denique sic pro me semper tuli, si Jesuitæ negotio huic se immiscerent, nullum ejus bonum eventum expectandum: hos enim omnia turbaturos; et si res felicissime cadat, Imperium illud ab ipsis perturbatum et motibus intestinis repletum iri, qui nobis tempore fortassis non æquissimo negotium facessere possent, quemadmodum in Svecia nobis non ita dudum accidit». Несмотря однако на то, что авторъ этого замѣчательнаго сочиненія обвиняетъ іезуитовъ въ смутахъ Московскаго государства, онъ не приписываетъ имъ подстановку Самозванца, но только вмѣшательство въ дѣло: «Я всегда думалъ — говоритъ онъ — что если іезуиты вмѣшиваются въ это дѣло, то не будетъ путя».

(2) Turg. Hist. ross. monim. t. II, № LV: Etsi ex his, quæ hactenus a nostris Legato et Nuntio Apostolicis, et ab alliis quoque Regni Poloniæ religiosis nobilibusque viris accepimus de integritate vitæ, atque sanctitate disciplinæ dilectorum filiorum fratrum sancti Francisci de observantia, facile persuadebamur, et juberemus, ne ulterius progrederetur in reformatione illius Ordinis, profecto, lectis litteris Nobilitatis tuæ, quibus uberrime nobis eorum probitatem et virtutem renuntias, et dilectissimi filii Demetrii Magni Moscoviæ Ducis conversione com-

Остается слѣдовательно то мнѣніе, которое приписываетъ явленіе Самозванца тайной крамолѣ внутреннихъ враговъ царя Бориса, бояръ, его окружавшихъ. Мы согласны принять это мнѣніе по многимъ причинамъ, и особенно по авторитету лица, которое высказало его, потому-что это мнѣніе принадлежитъ царю Борису. Вотъ что говоритъ авторъ Московской Хроники (1): «Послѣ этого происшествія (доноса на Бѣльскаго и Романовыхъ) царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во дворцѣ днемъ и ночью и провожать всюду, даже въ церковь. Однимъ словомъ, онъ велъ такую жизнь, что бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе — убійство и отраву, прибѣгнули къ другому — коварству». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ (2): «Царь, получая такія вѣсти (о Самозванцѣ) со всѣхъ сторонъ, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, бояре». Наконецъ онъ говоритъ ясно (3): «Вѣсть объ этомъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола» (4). Но если даже

---

probas, cum ipsum non minus exemplo sanctitatis eorum, quam doctrinæ præstantia inductum fuisse ad amplexandam Catholicæ Religionis veritatem affirmes, multo alacrius, multoque libentius mandavimus, ut nulla post hæc reformationis mentio fieret». Вслѣдствіе этого распространился слухъ, что Лжедимитрій былъ воспитанъ францисканцами: Neri Giraldi въ письмѣ къ в. герцогу тосканскому, описывая Самозванца, говоритъ: «E'di 24 anni in circa.... è stato in minoribus allevato da certi frati di S. Fransesco, e poi da' Gesuiti, e ha servito da giovine al Sig. Palatino di Sendomiria, parla benissimo polacco e latino, e moscovito suo naturale.

(1) Стр. 30, 31.

(2) Стр. 37.

(3) Стр.45.

(4) Кромѣ Годунова и автора Московской Хроники, и другіе современники указывали на тѣхъ же виновниковъ появленія Лжедимитрія: Notizie estratte dalla storia delle sollevazioni seguite in polonia et. c. di Alessandro Cilli (у Ciampi— Bibliogr. crit.): «Eletto dai Moscoviti per successore di Giovanni di Basilio il Grande Baritio Fedorovic diedero con minacce alla moglie del morte Giovanni d Basilio, che con il figliolino Demetrio in parti lontane se ne fuggisse, e come dicono, che in un monasterio di monache si rinchiudesse, et in un altro di monaci il detto figlio Demetrio allevare facesse; sebbene altri volsero, che ciò vero non fusse, et che il detto Fedorovic legittimamente in Imperatore fusse eletto, ma che il detto Demetrio *(per istigazione di quell che malvolontieri obbedivano a questo principe, sotto apparenti colori e metafore)* non fosse qu el vero e legittimo Demetrio figlio del Gran Giovanni di Basilio, ma finto, falso, ambitioso di regnare».

предположить, что царь Борисъ не имѣлъ неоспоримыхъ доказательствъ крамолы боярской, что онъ только подозрѣвалъ, только догадывался, то и тутъ трудно не согласиться съ его догадкою, трудно не предпочесть ея всѣмъ остальнымъ догадкамъ и мнѣніямъ. Для всякаго ясно, что перемѣна правителя въ Московскомъ государствѣ была гораздо нужнѣе для бояръ, чѣмъ для Польши или для іезуитовъ; но Годунова нельзя было свергнуть никакими другими средствами, кромѣ Самозванца; нельзя было найти никакой другой причины къ возстанію, никакой формы для него, слѣд. нужно было придумать средство, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей, и только мысль, напряженная отыскиваніемъ этого средства, могла остановиться на подстановкѣ Самозванца, могла расчитать успѣхъ, сообразить всѣ выгоды подобной подстановки. И вотъ отыскивается молодой человѣкъ, низкаго происхожденія, почти безродный, но съ талантами блестящими, мало того — имѣющій на тѣлѣ приметы, которыми отличался и погибшій царевичъ; его убѣждаютъ въ томъ, что онъ сынъ Ивана Грознаго, ибо нельзя не замѣтить, что Самозванецъ былъ убѣжденъ въ этомъ: въ противномъ случаѣ чѣмъ объяснить эту увѣренность, доходившую до безразсудности, эту открытость и свободу въ поведеніи; чѣмъ объяснить прекрасную мысль отдать свое дѣло на судъ народа, когда онъ созвалъ выборныхъ для изслѣдованія обличеній Шуйскаго, и чѣмъ объяснить въ послѣднія минуты его жизни это трогательное обращеніе къ матери: на вопросъ разъяренной толпы: «точно ли онъ Самозванецъ?» Димитрій отвѣчалъ: «спросите объ этомъ мать мою (1)». Всякой, кто изучитъ характеръ и поведеніе перваго Лжедимитрія, согласится, что такой человѣкъ могъ быть не обманщикомъ, но обманутымъ только. Говорятъ (2): «Почему разстрига, сѣвъ на престолѣ, не удовлетворилъ народному любопытству знать всѣ подробности его судьбы чрезвычайной? Для чего не объявилъ Россіи о мѣстахъ своего убѣжища, о своихъ воспитателяхъ и хранителяхъ?» — Но онъ самъ не зналъ ихъ: люди, употребившіе его своимъ орудіемъ, были такъ осторожны, что не дѣйствовали на него непосредственно; онъ зналъ и говорилъ, что нѣкоторые вельможи спасли его и покровительствовали ему, но именъ ихъ не зналъ, зналъ только посредниковъ между ними и собою — дьяковъ Щелкаловыхъ (3). Говорятъ, что Василій Щелкаловъ, вмѣстѣ съ другими опальными борисова царствованія, хотя и снова явился у двора при Самозванцѣ, однакожь не въ числѣ ближнихъ и первыхъ людей: но

(1) О свидѣтельствахъ царицы Маріы будетъ рѣчь въ четвертой главѣ Обзора.

(2) Карамзинъ, т. XI, гл. IV.

(3) Никонов. VIII, 58.

Лжедимитрій возвелъ его изъ дьяковъ въ окольничіи — дѣло неслыханное! дать ему больше онъ ничего не могъ; укажемъ кстати и на то, что Щелкаловъ былъ въ опалѣ при Борисѣ. Быть можетъ, впрочемъ, Лжедимитрій и зналъ имена вельможъ, благодѣтелей своихъ, но лѣтописецъ не смѣлъ назвать ихъ: чѣмъ, напримѣръ, объяснить поступокъ Самозванца съ княземъ Василіемъ Шуйскимъ, освобожденіе послѣдняго отъ смертной казни и вторичное приближеніе къ своей особѣ? Неужели только нѣтреностію, добротою, просьбами царицы Маріы и поляковъ? Намъ кажется, что гораздо легче объяснить этотъ поступокъ благодарностію.... Но если принять за самое вѣроятное то мнѣніе, что Самозванецъ былъ подставленъ въ Москвѣ, то нѣтъ никакого основанія утверждать, что онъ не былъ тѣмъ, за кого выдавало его московское правительство. Что Самозванецъ былъ русскій, именно великороссіянинъ и человѣкъ грамотный, именно такой, какимъ представляетъ его намъ извѣстіе, доказываетъ его знаніе московскаго нарѣчія, на которомъ онъ такъ краснорѣчиво изъяснялся, четкость и красивость его почерка и плохое знаніе латинской грамоты, потому-что побочный сынъ Стефана Баторія (1), воспитанникъ іезуитовъ, не могъ бы писать: *In perator* (2). Итакъ, приступимъ къ разсказу о похожденіяхъ Григорія Отрепьева, выбирая изъ многихъ подробностей, часто баснословныхъ и другъ другу противорѣчащихъ (3), самыя вѣроятныя.

Юрій Отрепьевъ, перемѣнившій въ монастырѣ это имя на созвучное имя Григорія, былъ сынъ галицкаго сына боярскаго, Богдана Отрепьева (4); въ младенчествѣ лишился отца, рано разстался и съ матерью, которую, какъ видно, считалъ послѣ своею спасительницею и воспитательницею (5); рано является въ Москвѣ и учится грамотѣ, оказываетъ большія способности, успѣхи, снискиваетъ расположеніе вельможъ, особенно князей Черкасскихъ, въ нѣкоторыхъ же извѣстіяхъ называется холопомъ Романовыхъ и Черкаскаго (6). Но

(1) Вѣроятно поляки выдумали это извѣстіе, чтобъ сколько-нибудь облагородить свою службу московскому искателю приключеній.

(2) Еще свидѣтельство, что Лжедимитрій почти вовсе не зналъ по-латыни: когда польскій посолъ произнесъ предъ нимъ латинскую рѣчь, то секретарь его Бучинскій долженъ былъ перевести ее на польскій языкъ, чтобъ дать понять ее своему государю. Adelung-Uebersicht der Reisenden, t. II, p. 181.

(3) Этихъ баснословій и противорѣчій въ подробностяхъ нельзя выставлять противъ достовѣрности самого свидѣтельства: баснословія и противорѣчія здѣсь необходимы, потому-что похожденія Лжедимитрія были любимою темою для народныхъ сказаній.

(4) Никон. VIII, 55.

(5) Морозов. лѣтоп. у Карамз. т. XI, прим. 201.

(6) Сказаніе о Растригѣ, въ Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Ист. № 9, 1847 г.; Акты арх. экси. т. II, № 28; Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 152.

эти фамиліи подпадаютъ скоро царской опалѣ, вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ домочадцы. Молодой человѣкъ необыкновенно талантливый, но лишенный средствъ къ жизни и гонимый — какое превосходное орудіе для враговъ борисовыхъ! И вотъ царю доносятъ о преступныхъ замыслахъ Отрепьева; послѣднему грозитъ смертная казнь, и онъ принужденъ спасаться отъ нея въ монастырѣ; сперва странствуетъ по дальнимъ обителямъ, но скоро потомъ является опять въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Здѣсь своею грамотностію Григорій обращаетъ на себя вниманіе патріарха Іова: тотъ беретъ его къ себѣ для книжнаго письма. Но молодой монахъ уже посвященъ въ страшную тайну: она тяготитъ его, не даетъ ему покою, у него вырываются неосторожныя слова.... Въ то время, когда земля кипѣла доносчиками, эти страшныя слова не могли не дойти до царя: ростовскій митрополитъ Іона донесъ о нихъ сперва патріарху, а потомъ, когда Іовъ мало обратилъ на то вниманія, Іона сказалъ прямо Борису, что монахъ Григорій Отрепьевъ готовитъ себя въ сосудъ дьяволу (1). Царь велѣлъ дьяку Смирному Васильеву сослать подозрительнаго черница, подъ крѣпкимъ присмотромъ, въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей (2). Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ дьяка Смирнаго сперва тронуться просьбами другого дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: но историкъ XIX вѣка считаетъ себя вправѣ думать, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ надъ Григоріемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичь, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель снабдилъ его лошадью для возвращенія въ Москву, откуда уже Отрепьевъ долженъ былъ направить путь въ сѣверскую землю и далѣе, за предѣлы Московскаго государства.

Въ февралѣ 1602 года (3), въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ Крестцемъ шелъ монахъ Пафнутьевскаго монастыря, Варлаамъ, какъ вдругъ нагналъ его другой молодой монахъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда? Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григоріемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что живя въ Чудовѣ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу московскимъ чудотворцамъ, за что патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ на-

(1) Никон. VIII, 56.

(2) Тамъ же. Лѣтопись говоритъ, что въ Соловки; но вѣрнѣе въ Кирилловъ Бѣлозерскій. Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(3) Акты арх. эксп. т. II, № 64.

чалъ брать съ собою и на царскую думу въ верхъ, и оттого вошелъ онъ, Григорій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то хочетъ онъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: Черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто не важное. На это Григорій отвѣчалъ: «хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, поживя въ Кіевѣ, пойдемъ въ святой городъ Іерусалимъ, ко Гробу Господню». Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежемъ, въ Литвѣ, а за рубежъ теперь итти трудно. — «Вовсе не трудно — отвѣчалъ Григорій — государь московскій взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ.» Тогда Варлаамъ согласился быть спутникомъ Отрепьева: оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили поѣздку до-завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, на условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайло Повадинъ, Варлаамъ знавалъ его *у князя Ивана Ивановича Шуйскаго* (1). Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Сѣверскаго, прожили здѣсь немного въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого-то отставного монаха, Ивана Семенова, перебрались за-границу. Въ Кіевѣ монахи приняты были въ Печерскомъ монастырѣ архимандритомъ Елисеемъ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу, князю Василію, извѣстному приверженцу православной вѣры; проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Василіемъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гащу, и скоро товарищи его узнали, что онъ скинулъ съ себя иноческое платье, и въ гащинской школѣ учится по-латыни и по-польски. Тщетно Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Василію, чтобъ тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гащи и сдѣлать по старому чернецомъ и дьякомъ: дворовые люди князя отвѣчали ему: «здѣсь земля вольная, кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ»; а самъ князь сказалъ: «вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ латинскую, мнѣ и его не унять». Отрепьевъ зимовалъ въ Гащѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти: вѣроятно

(1) Тоже любопытное обстоятельство!

въ это-то время онъ жилъ у запорожцевъ, учась у нихъ воинскому искусству; по прошествіи нѣкотораго времени его встрѣтили снова въ польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь-то онъ увидалъ, что есть надежда успѣть въ своемъ предпріятіи съ помощію легкомысленныхъ, тщеславныхъ пановъ и бѣдной, готовой на все шляхты; при первомъ случаѣ онъ открылся князю и былъ признанъ царевичемъ московскимъ. Паны обрадовались случаю попировать и похвастаться покровительствомъ несчастному царевичу, чудесно спасшемуся отъ смерти: Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, вездѣ встрѣчая царскій пріемъ и почетъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, резиденціи богатаго сендомирскаго воеводы, Юрія Мнишка: здѣсь Отрепьева поразило явленіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное: онъ увидалъ дочь воеводы, молодую, прелестную дѣвушку, со всѣми обаяніями блестящаго образованія, ума, энергіи, кокетства; панна Марина Мнишекъ поняла, что ей предстоитъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу, и безъ большого труда овладѣла пылкимъ молодымъ человѣкомъ. Что Отрепьевъ былъ сильно очарованъ Мариною, а не предложилъ ей руку изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей, это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его: на престолѣ московскомъ, охладѣвъ ко всѣмъ прежнимъ связямъ и обѣщаніямъ, Лжедимитрій не охладѣлъ только къ Маринѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ ея пріѣзда въ Москву, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ отца ея, уступая и Сигизмунду, лишь бы только тотъ отпустилъ къ нему любезную панну; съ какимъ безразсудствомъ началъ онъ оскорблять народъ свой все для этой же Марины, которая одна приковывала его ко всему нерусскому, одна увлекала къ такимъ поступкамъ, несообразности которыхъ не могъ бы не усмотрѣть ясный умъ его, еслибъ не былъ омраченъ несчастною страстію.

Мнишки были ревностные католики; принятіе латинства всего болѣе помогало Отрепьеву, потому-что становило на его сторону духовенство и особенно всемогущихъ іезуитовъ. Отрепьевъ позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ папскому нунцію при польскомъ дворѣ, Рангони, имѣвшему сильное вліяніе на волю короля (1). Хитрый прелатъ не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ, и, говоря съ королемъ о появленіи царевича, не показывалъ и вида, что онъ знаетъ и сильно расположенъ помогать дѣлу; а между тѣмъ, съ помощію іезуитовъ и другихъ повѣренныхъ, заботливо сторожилъ за всякимъ

(1) Ciampi — Bibliografia Critica: Notizie estratte dalla storia delle solle vazioni seguite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli. — Чилли былъ современникъ и очевидецъ описываемыхъ событій.

движеніемъ Лжедимитрія, справился и въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ предпріятія. Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить сендомирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ, вмѣстѣ съ царевичемъ, и вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ. Наружность московскаго претендента не говорила въ его пользу: онъ былъ средняго или почти низкаго росту, довольно хорошо сложенъ, но некрасивъ лицемъ, и даже непріятенъ; притомъ важное рѣшеніе судьбы, которое ждало его въ Краковѣ, произвело сильное впечатлѣніе на духъ Лжедимитрія: онъ сталъ мраченъ, задумчивъ, неловокъ, неповоротливъ, такъ-что тѣ, которые видѣли его въ Краковѣ, никакъ не хотѣли вѣрить людямъ, знавшимъ его прежде и восхищавшимся его отвагою и ловкостію (1). Рангони очень обрадовался пріѣзду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они сдѣлали ему визитъ и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ Нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, подъ покровъ церкви католической. Лжедимитрій обѣщалъ, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола, послѣ чего изъ рукъ Рангони принялъ таинства евхаристіи и мѵропомазанія, на исповѣди же былъ у одного изъ іезуитовъ (2). Тогда Рангони повезъ Отрепьева къ Сигизмунду, и тотъ призналъ его царевичемъ, не будучи однако самъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ и вовсе не желая для успѣха сомнительнаго разрывать мира съ Москвою, тѣмъ болѣе, что самые знатные и авторитетные вельможи —Замойскій, Жолкѣвскій, князь Острожскій, были противъ предпріятія. Рѣшили: позволить панамъ, приверженцамъ царевича, набирать для него вольную дружину и отдать дѣло на судъ Божій: успѣхъ покажетъ правоту Димитрія, и приговоръ русскихъ разсѣетъ сомнѣніе поляковъ; въ случаѣ же сопротивленія со стороны москвитянъ немедленно отозвать поляковъ отъ претендента (3); что же касается до отношеній къ царю Борису, то

(1) *Cilli:* Era Demetrio d'anni 25 in circa, di statura mediocre, e quasi piccola, di grossezza proporzionata, assai ben complesso, di pelo, e barba rossiccia, con occhii che tiravano al pavonazzo, di faccia tonda, e più brutta che bella, di guardatura rozza et oscura, malinconico, et in se stesso pensoso, e poro habile, per quanto dimostrava, in ogni cosa; sebbene mi fu dette da molti il contrario, e che i era mostrato coraggioso, etanimoso in diverse occorrenze; io pero credere non o volsi e per tal quale ho detto sempre lo hebbi e lo tenni.

(2) Annuae litterae Societatis Iesu, у Карамз. XI, примѣч. 213.

(3) Смотри ниже отвѣты польскихъ пословъ боярамъ по убіеніи Лжедимитрія.

эти фамиліи подпадаютъ скоро царской опалѣ, вмѣстѣ съ ними и всѣ ихъ домочадцы. Молодой человѣкъ необыкновенно талантливый, но лишенный средствъ къ жизни и гонимый — какое превосходное орудіе для враговъ борисовыхъ! И вотъ царю доносятъ о преступныхъ замыслахъ Отрепьева; послѣднему грозитъ смертная казнь, и онъ принужденъ спасаться отъ нея въ монастырѣ; сперва странствуетъ по дальнимъ обителямъ, но скоро потомъ является опять въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ. Здѣсь своею грамотностію Григорій обращаетъ на себя вниманіе патріарха Іова: тотъ беретъ его къ себѣ для книжнаго письма. Но молодой монахъ уже посвященъ въ страшную тайну: она тяготитъ его, не даетъ ему покою, у него вырываются неосторожныя слова.... Въ то время, когда земля кипѣла доносчиками, эти страшныя слова не могли не дойти до царя: ростовскій митрополитъ Іона донесъ о нихъ сперва патріарху, а потомъ, когда Іовъ мало обратилъ на то вниманія, Іона сказалъ прямо Борису, что монахъ Григорій Отрепьевъ готовитъ себя въ сосудъ дьяволу (1). Царь велѣлъ дьяку Смирному Васильеву сослать подозрительнаго черница, подъ крѣпкимъ присмотромъ, въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей (2). Лѣтописцу XVII вѣка казалось, что самъ дьяволъ замѣшался въ это дѣло и заставилъ дьяка Смирнаго сперва тронуться просьбами другого дьяка, Семена Ефимьева, а потомъ и совершенно забыть указъ царскій: но историкъ XIX вѣка считаетъ себя вправѣ думать, что промыслъ людей сильныхъ бодрствовалъ надъ Григоріемъ и предохранялъ его отъ бѣды. Узнавъ объ опасности, Отрепьевъ убѣжалъ изъ Чудова монастыря въ Галичь, оттуда въ Муромъ, въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ настоятель снабдилъ его лошадью для возвращенія въ Москву, откуда уже Отрепьевъ долженъ былъ направить путь въ сѣверскую землю и далѣе, за предѣлы Московскаго государства.

Въ февралѣ 1602 года (3), въ понедѣльникъ второй недѣли великаго поста, въ Москвѣ, Варварскимъ Крестцемъ шелъ монахъ Пафнутьевскаго монастыря, Варлаамъ, какъ вдругъ нагналъ его другой молодой монахъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и вопросовъ: кто и откуда? Варлаамъ спросилъ у своего новаго знакомца, назвавшагося Григоріемъ Отрепьевымъ, какое ему до него дѣло? Григорій отвѣчалъ, что живя въ Чудовѣ монастырѣ, сложилъ онъ похвалу московскимъ чудотворцамъ, за что патріархъ, видя такое досужество, взялъ его къ себѣ, а потомъ на-

(1) Никон. VIII, 56.

(2) Тамъ же. Лѣтопись говоритъ, что въ Соловки; но вѣрнѣе въ Кирилловъ Бѣлозерскій. Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(3) Акты арх. эксп. т. II, № 64.

чалъ брать съ собою и на царскую думу въ верхъ, и оттого вошелъ онъ, Григорій въ великую славу. Но ему не хочется не только видѣть, но и слышать про земную славу и богатство, и потому онъ рѣшился съѣхать съ Москвы въ дальній монастырь: слышалъ онъ, что есть монастырь въ Черниговѣ, и туда-то хочетъ онъ звать съ собою Варлаама. Тотъ отвѣчалъ Отрепьеву, что если онъ жилъ въ Чудовѣ у патріарха, то въ Черниговѣ ему не привыкнуть: Черниговскій монастырь, по слухамъ, мѣсто не важное. На это Григорій отвѣчалъ: «хочу въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, тамъ старцы многіе души свои спасли; а потомъ, пожива въ Кіевѣ, пойдемъ въ святой городъ Іерусалимъ, ко Гробу Господню». Варлаамъ возразилъ, что Печерскій монастырь за рубежемъ, въ Литвѣ, а за рубежъ теперь итти трудно. — «Вовсе не трудно — отвѣчалъ Григорій — государь московскій взялъ миръ съ королемъ на двадцать два года, и теперь вездѣ просто, заставъ нѣтъ.» Тогда Варлаамъ согласился быть спутникомъ Отрепьева: оба монаха поклялись другъ другу, что не обманутъ, и отложили поѣздку до-завтра, уговорившись сойтись въ Иконномъ ряду. На другой день, на условленномъ мѣстѣ, Варлаамъ нашелъ Отрепьева и съ нимъ третьяго спутника: то былъ чернецъ Мисаилъ, а въ міру звали его Михайло Повадинъ, Варлаамъ зналъ его *у князя Ивана Ивановича Шуйскаго* (1). Богомольцы счастливо добрались до Новгорода Сѣверскаго, прожили здѣсь немного въ Преображенскомъ монастырѣ и, сыскавъ провожатаго, какого-то отставного монаха, Ивана Семенова, перебрались за-границу. Въ Кіевѣ монахи приняты были въ Печерскомъ монастырѣ архимандритомъ Елисеемъ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу, князю Василію, извѣстному приверженцу православной вѣры; проведши лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаилъ посланы были княземъ Василіемъ въ Троицкій Дерманскій монастырь; но Григорій не пошелъ туда съ ними: онъ отправился въ городъ Гащу, и скоро товарищи его узнали, что онъ скинулъ съ себя иноческое платье, и въ гащинской школѣ учится по-латыни и по-польски. Тщетно Варлаамъ ѣздилъ изъ Дерманскаго монастыря въ Острогъ бить челомъ князю Василію, чтобъ тотъ велѣлъ взять Григорія изъ Гащи и сдѣлать по старому чернецомъ и дьякомъ: дворовые люди князя отвѣчали ему: «здѣсь земля вольная, кто въ какой вѣрѣ хочетъ, въ той и живетъ»; а самъ князь сказалъ: «вотъ у меня и сынъ родной родился въ православной вѣрѣ, а теперь держитъ латинскую, мнѣ и его не унять». Отрепьевъ зимовалъ въ Гащѣ; но весною, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пропалъ безъ вѣсти: вѣроятно

(1) Тоже любопытное обстоятельство!

въ это-то время онъ жилъ у запорожцевъ, учась у нихъ воинскому искусству; по прошествіи нѣкотораго времени его встрѣтили снова въ польскихъ предѣлахъ, въ службѣ у князя Адама Вишневецкаго. Здѣсь-то онъ увидалъ, что есть надежда успѣть въ своемъ предпріятіи съ помощію легкомысленныхъ, тщеславныхъ пановъ и бѣдной, готовой на все шляхты; при первомъ случаѣ онъ открылся князю и былъ признанъ царевичемъ московскимъ. Паны обрадовались случаю попировать и похвастаться покровительствомъ несчастному царевичу, чудесно спасшемуся отъ смерти: Отрепьевъ долженъ былъ переѣзжать отъ одного изъ нихъ къ другому, вездѣ встрѣчая царскій пріемъ и почетъ. Особенно понравилось ему въ Самборѣ, резиденціи богатаго сендомирскаго воеводы, Юрія Мнишка: здѣсь Отрепьеву поразило явленіе, до сихъ поръ ему неизвѣстное: онъ увидалъ дочь воеводы, молодую, прелестную дѣвушку, со всѣми обаяніями блестящаго образованія, ума, энергіи, кокетства; панна Марина Мнишекъ поняла, что ей предстоитъ случай отличнымъ образомъ устроить свою судьбу, и безъ большого труда овладѣла пылкимъ молодымъ человѣкомъ. Что Отрепьевъ былъ сильно очарованъ Мариною, а не предложилъ ей руку изъ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣлей, это мы увидимъ изо всего послѣдующаго поведенія его: на престолѣ московскомъ, охладѣвъ ко всѣмъ прежнимъ связямъ и обѣщаніямъ, Лжедимитрій не охладѣлъ только къ Маринѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ ея пріѣзда въ Москву, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ отца ея, уступая и Сигизмунду, лишь бы только тотъ отпустилъ къ нему любезную панну; съ какимъ безразсудствомъ началъ онъ оскорблять народъ свой все для этой же Марины, которая одна приковывала его ко всему нерусскому, одна увлекала къ такимъ поступкамъ, несообразности которыхъ не могъ бы не усмотрѣть ясный умъ его, еслибъ не былъ омраченъ несчастною страстію.

Мнишки были ревностные католики; принятіе латинства всего болѣе помогало Отрепьеву, потому-что становило на его сторону духовенство и особенно всемогущихъ іезуитовъ. Отрепьевъ позволилъ францисканскимъ монахамъ обратить себя въ католицизмъ, а между тѣмъ слалъ письмо за письмомъ къ папскому нунцію при польскомъ дворѣ, Рангони, имѣвшему сильное вліяніе на волю короля (1). Хитрый прелатъ не отвѣчалъ ни на одно изъ нихъ, и, говоря съ королемъ о появленіи царевича, не показывалъ и вида, что онъ знаетъ и сильно расположенъ помогать дѣлу; а между тѣмъ, съ помощію іезуитовъ и другихъ повѣренныхъ, заботливо сторожилъ за всякимъ

(1) Ciampi — Bibliografia Critica: Notizie estratte dalla storia delle solle vazioni seguite in Polonia et. c. di Alessandro Cilli. — Чилли былъ современникъ и очевидецъ описываемыхъ событій.

движеніемъ Лжедимитрія, справился и въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ предпріятія. Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить сендомирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ, вмѣстѣ съ царевичемъ, и вотъ Лжедимитрій въ Краковѣ. Наружность московскаго претендента не говорила въ его пользу: онъ былъ средняго или почти низкаго росту, довольно хорошо сложенъ, но некрасивъ лицемъ, и даже непріятенъ; притомъ важное рѣшеніе судьбы, которое ждало его въ Краковѣ, произвело сильное впечатлѣніе на духъ Лжедимитрія: онъ сталъ мраченъ, задумчивъ, неловокъ, неповоротливъ, такъ-что тѣ, которые видѣли его въ Краковѣ, никакъ не хотѣли вѣрить людямъ, знавшимъ его прежде и восхищавшимся его отвагою и ловкостію (1). Рангони очень обрадовался пріѣзду Мнишка и Лжедимитрія; на другой день утромъ они сдѣлали ему визитъ и были приняты чрезвычайно ласково. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Отрепьевымъ Нунцій далъ ему ясно выразумѣть, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ греческой вѣры и вступить, по своему обѣщанію, подъ покровъ церкви католической. Лжедимитрій обѣщалъ, и въ слѣдующее воскресенье, въ присутствіи многихъ особъ, далъ торжественную клятву, скрѣпленную рукоприкладствомъ, что будетъ послушнымъ сыномъ апостольскаго престола, послѣ чего изъ рукъ Рангони принялъ таинства евхаристіи и мѵропомазанія, на исповѣди же былъ у одного изъ іезуитовъ (2). Тогда Рангони повезъ Отрепьева къ Сигизмунду, и тотъ призналъ его царевичемъ, не будучи однако самъ вполнѣ убѣжденъ въ этомъ и вовсе не желая для успѣха сомнительнаго разрывать мира съ Москвою, тѣмъ болѣе, что самые знатные и авторитетные вельможи —Замойскій, Жолкѣвскій, князь Острожскій, были противъ предпріятія. Рѣшили: позволить панамъ, приверженцамъ царевича, набирать для него вольную дружину и отдать дѣло на судъ Божій: успѣхъ покажетъ правоту Димитрія, и приговоръ русскихъ разсѣетъ сомнѣніе поляковъ; въ случаѣ же сопротивленія со стороны москвитянъ немедленно отозвать поляковъ отъ претендента (3); что́ же касается до отношеній къ царю Борису, то

(1) *Cilli:* Era Demetrio d'anni 25 in circa, di statura mediocre, e quasi piccola, di grossezza proporzionata, assai ben complesso, di pelo, e barba rossiccia, con occhii che tiravano al pavonazzo, di faccia tonda, e più brutta che bella, di guardatura rozza et oscura, malinconico, et in se stesso pensoso, e poro habile, per quanto dimostrava, in ogni cosa; sebbene mi fu dette da molti il contrario, e che si era mostrato coraggioso, etanimoso in diverse occorrenze; io pero credere non lo volsi e per tal quale ho detto sempre lo hebbi e lo tenni.

(2) Annuae litterae Societatis Iesu, у Карамз. XI, примѣч. 213.

(3) Смотри ниже отвѣты польскихъ пословъ боярамъ по убіеніи Лжедимитрія.

[redacted]

было много также и въ Московскомъ государствѣ; слѣдовательно, сильная помощь ждала Отрепьева впереди. Уже толпа русскихъ бѣглецовъ встрѣтила его въ Польшѣ и провозгласила истиннымъ царевичемъ; а между тѣмъ границы государства кипѣли отверженниками общества, которые давно злобились и ждали перваго случая нарушить покой его: я говорю о казакахъ. Государство, стремясь къ установленію наряда, не могло спокойно терпѣть подлѣ себя людей съ такими противообщественными стремленіями, какими отличались казаки; уже Иванъ Грозный ссорился съ донскими грабителями, Борисъ Годуновъ продолжалъ эту ссору и сильно тѣснилъ казаковъ (1): легко понять, какъ обрадовались они, узнавъ о появленіи царевича, подъ знаменами котораго надѣялись безнаказанно, подъ законнымъ предлогомъ, опустошать государство, жить на его счетъ. Казаки отправили къ Лжедимитрію еще въ Польшу двухъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь — и исполнили обѣщаніе: двѣ тысячи донцевъ присоединились къ ополченію Отрепьева, которое состояло такимъ образомъ почти изъ четырехъ тысячъ человѣкъ. Предводительствуя такимъ-то ничтожнымъ войскомъ, рѣшился Лжедимитрій завязать борьбу съ могущественнымъ Борисомъ! Но это могущество было только видимое: отовсюду окруженный крамолою какъ сѣтью, Годуновъ не имѣлъ твердости духа и рѣшительности, чтобъ разорвать эту сѣть; привыкши дѣйствовать самъ средствами не прямыми, крамолою, онъ не умѣлъ противопоставить крамолѣ другихъ той отважной прямоты, которая одна могла спасти его. Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, такъ слухи объ этомъ любопытномъ явленіи начали отовсюду приходить въ Москву и ужаснули Бориса (2): они приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ донскихъ казаковъ, которые теперь подняли головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ и послали сказать Годунову, что скоро явятся въ Москву съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и съ удивленіемъ узналъ, что то былъ уже извѣстный ему прежде чер-

(1) Никон. VIII, 59. И увѣдаша же про него такожъ воры собаки донскія козаки, и послаша къ нему з Дону атамана Корелу, с нимъ же послаша к нему козаковъ и дары многія, и биша ему челомъ, чтобы онъ не замѣшкалъ, шолъ в Московское государство, а онѣ ему всѣ рады; тѣже окаянные Поляки и досталь видяше отъ Московского государства пріѣздъ, и ему наипаче начаше помогати. Тѣмъ же козакомъ отъ Царя Бориса было гоненіе велие, не пущалъ ихъ ни на который городъ, куда они не придутъ, ихъ вездѣ имаше и по темницамъ сажаху, и они же поидоша к нему многое и неволею, не имѣюще себѣ пристанища нигдѣ.

(2) Москов. хрон. (34): Эта новость его ужаснула; Никон. VIII, 59: Царь же Борисъ ужастенъ быть.

нецъ Отрепьевъ, котораго онъ велѣлъ заточить въ далекій сѣверный монастырь. Самъ опытный въ крамолахъ, Годуновъ догадался о виновникахъ этой новой противъ себя крамолы, какъ скоро свѣдалъ, что Самозванецъ— Отрепьевъ; объявивъ прямо боярамъ, что это ихъ дѣло, онъ велѣлъ привесть въ Москву мать покойнаго царевича, Марѳу, и помѣстить въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда ѣздилъ съ патріархомъ допрашивать ее (1): неизвѣстно, открыла ли она имъ что-нибудь. Между тѣмъ посланы были тайные гонцы къ панамъ, покровителямъ Отрепьева, съ предложеніемъ выдать послѣдняго; отправлены были и тайные убійцы; но ни то, ни другое не удалось (2). Въ тоже время былъ посланъ къ Сигизмунду постникъ Огаревъ съ увѣдомленіемъ объ истинномъ происхожденіи Самозванца и съ напоминаніемъ о недавнемъ договорѣ. Польское правительство объяснило Огареву, что оно вовсе не помогаетъ Лжедимитрію, и будетъ даже наказывать его помощниковъ; съ другой стороны, московскіе бояре отправили къ польскимъ панамъ родного дядю Самозванца, Смирнаго Отрепьева, какъ самаго лучшаго обличителя, но паны не допустили Отрепьева до очной ставки съ племянникомъ и пѣли ту же пѣсню, что не помогаютъ Лжедимитрію; патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасія Пальчикова къ князю Василію Острожскому убѣждать его, во имя православія, не помогать Разстригѣ. Князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта и остался вполнѣ нейтральнымъ, озаботившись только тѣмъ, чтобы шайка Лжедимитрія не опустошила его областей; наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ убѣжденіемъ не благопріятствовать смутѣ: Бунаковъ былъ задержанъ (3). Непріязнь Польши была очевидна; надобно было принять рѣшительныя средства; оцѣпленіе границы литовской, подъ предлогомъ морового повѣрія, не помогло: подметныя грамоты лжедимитріевы волновали Украйну, наполненную московскими бѣглецами, «которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія дѣла приговорены были сжечи, а иныхъ сослати на заточеніе, и отъ того сбѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣютъ, между царствъ вражду дѣлаютъ и ссору чинятъ.... и на Сѣверѣ мужики Севрюки, люди простые, забывъ Бога и души свои, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что они паны родные, начали приставать къ тому вору (4)».

Борисъ велѣлъ войскамъ двинуться въ Ливны, подъ предлогомъ

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 178. Годуновъ очень хорошо понималъ, что никакая подстановка не могла имѣть успѣха безъ согласія Марѳы.

(2) Москов. Хрон., стр. 35.

(3) Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(4) Тамъ же.

ашествія крымцевъ; но воеводы этого ополченія — Петръ Шереме-евъ и Михайло Салтыковъ — не усомнились сказать посланцу бори-ову, Хрущову, что трудно воевать противъ природнаго государя (1); а между тѣмъ были схвачены въ Москвѣ двое значительныхъ лицъ — Василій Смирновъ и меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здо-ровье царевича Димитрія (2). Въ октябрѣ 1605 года Лжедимитрій во-шелъ въ области Московскаго государства и нигдѣ не встрѣчалъ со-противленія: народъ въ городахъ связывалъ воеводъ своихъ и пред-ставлялъ ихъ мнимому царевичу. Борисъ выслалъ войско подъ на-чальствомъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго; а между тѣмъ Само-званецъ занялъ Черниговъ, съ помощію тамошней черни, и только при осадѣ Новгорода-Сѣверскаго встрѣтилъ важное сопротивленіе: тамъ засѣлъ знаменитый воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, лю-бимецъ Годунова, который возвышалъ его наперекоръ мѣстничеству.

Сопротивленіе Басманова отняло было духъ у Лжедимитрія: вспыльчивый, нетерпѣливый Отрепьевъ началъ укорять поляковъ въ недостаткѣ мужества, и тѣ хотѣли уже покинуть его, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Путивль, самый важный городъ въ сѣверской землѣ, сданъ воеводою его, княземъ Василіемъ Рубцомъ Мосальскимъ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протя-женіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Отрепьевъ уже признавался за истиннаго царевича. Борису донесли также о шаткости жителей Смоленска, неприступной ограды Московскаго государства; царь по-слалъ выговоръ смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ ми-лостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ: «И вы то дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у діакона некому снять скуфьи и затѣмъ его не пытали.... и вамъ бы велѣти въ томъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь (3)».

Въ то время, когда пытали накрѣпко и огнемъ жгли гражданъ смоленскихъ, въ то время царскій воевода, князь Димитрій Шуйскій, видя успѣхи Самозванца, стоялъ неподвижно у Брянска, не помо-галъ Басманову и писалъ къ царю, чтобы прислали ему еще войска на подмогу. Борисъ началъ собирать полки; но въ указѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что: «войска наши вельми оску-дѣша: овіи прельщени тѣмъ воромъ, къ нему предалися, многіе ка-заки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили, а иные отъ долгаго стоянія изнурились и испроторлись, въ домы разошлись, и тако волмъ нашимъ зѣло умалившимся; многіе же люди, имѣя ве-ликія помѣстья и отчины, а службы не служатъ ни сами, ни ихъ дѣ-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 175.
(2) Тамъ же.
(3) Акты историч. т. II, № 53.

ти, ни холопи, и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели царства и о святой церкви.... судихомъ и повелѣхомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собрався, со всякимъ поспѣшеніемъ, сооружіемъ и запасы идутъ въ Калугу, а останутся токмо престарѣлые и немощные (1)». Такимъ образомъ Годуновъ, видя, что люди, имѣвшіе большія помѣстья и вотчины, службы не служатъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ духовенству, на приверженность котораго, особенно патріарха, болѣе всего полагался. Новая рать была поручена боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому. Но многочисленнаго войска было недостаточно для побѣды надъ Лжедимитріемъ; надобно было принять сильныя мѣры противъ всеобщей шаткости умовъ, возбужденной его появленіемъ, — и вотъ духовенство предало разстригу Отрепьева проклятію и повѣстило объ этомъ всему государству; однако и это средство не помогло: кто вѣрилъ въ существованіе царевича, тому не было нужды до проклятаго монаха Отрепьева.

Мстиславскій сошелся съ войсками Самозванца у Новгорода-Сѣверскаго: царскаго войска было отъ сорока до пятидесяти тысячъ, у Самозванца не болѣе пятнадцати тысячъ всякаго сброда; но уже прежде Шереметевъ сказалъ, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ. Трое значительныхъ людей изъ царскаго войска передались Лжедимитрію (2): легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это на войско, — легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ (3), у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ лагерю Самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще недостаточно! Но Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: одушевилъ свою толпу рѣчью, которая дышала полною увѣренностію въ правотѣ своего дѣла (4), онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло; Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ коня, получилъ нѣсколько ранъ въ голову. Московская рать потеряла 4000 убитыми, и только неопытность Отрепьева въ ратномъ дѣлѣ воспрепятствовала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Несмотря однако на эту побѣду, которая должна была сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія и окончательно убить бодрость въ полкахъ царскихъ, дѣло Отрепьева грозило принять очень дурной оборотъ. Мы видѣли, что польское правительство опредѣлило отдать дѣло между Димитріемъ и Годуновымъ на судъ Божій, при чемъ если

(1) Собр. гос. гр. и дог. II, № 78.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 171.
(3) Маржеретъ въ сказ. соврем., III, стр. 80.
(4) Паерле, тамъ же, II, стр. 14, 15.

первый встрѣтитъ сопротивленія въ московскихъ обществахъ, то отозвать отъ него польскія войска, дабы не нарушать мира съ Московскимъ государствомъ. Сопротивленіе было встрѣчено; съ другой стороны, царь, духовенство и бояре прислали грамоты съ доказательствами самозванства мнимаго царевича и съ напоминаніемъ о недавнемъ мирномъ договорѣ: все это рѣшило Сигизмунда послать Мнишку и другимъ полякамъ приказъ покинуть претендента и возвратиться въ Польшу (1), и бо́льшая часть изъ нихъ повиновалась, особенно видя скудость казны лжедимитріевой. Убѣжденія Отрепьева остались тщетны: онъ даже потерпѣлъ оскорбленія отъ буйной толпы, которая имѣла ввиду только деньги: одинъ изъ поляковъ осмѣлился сказать ему: «ужь быть тебѣ на висѣлицѣ»; другіе сорвали съ него шубу. Взамѣнъ поляковъ къ Лжедимитрію пришло 12,000 казаковъ, съ которыми онъ и засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Обратимся къ царскому войску. Такъ какъ главный воевода, Мстиславскій, былъ сильно раненъ, то остальные воеводы, князь Димитрій Шуйскій съ товарищами, воспользовались этимъ случаемъ и не извѣстили царя о постыдномъ дѣлѣ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ; Борисъ узналъ о немъ стороною и тотчасъ же послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова «съ рѣчью и съ милостивымъ словомъ» (2). Посланный говорилъ Мстиславскому: «Государь и сынъ его жалуютъ тебя: велѣли тебѣ челомъ ударить, да жалуютъ тебя: велѣли о здравіи спросить». Потомъ, упомянувъ о сраженіи и о ранахъ Мстиславскаго, Вельяминовъ продолжалъ отъ имени царя: «И ты то сдѣлалъ, боярин нашъ князь Ѳедоръ Ивановичъ, памятуючи Бога и Крестное цѣлованіе, что еси пролилъ кровь свою за Бога и за Пречистую Богородицу, крѣпкую нашу помощницу, и за великихъ Чудотворцевъ, и за святыя Божія церкви, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ Христіанъ: и аже дастъ Богъ службу свою вершишь и увидишь образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ, и наши царскія очи, и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя на умѣ нѣтъ». Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ къ Мстиславскому, для леченія ранъ, медика и двухъ аптекарей; князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ также *поклониться*, но прибавить: «слухъ насъ дошелъ „что у васъ бояръ нашихъ и воеводъ съ крестопреступники съ Литовскими людьми и съ Ростригою было дѣло; а вы того къ намъ не писали, коимъ у васъ обычаемъ дѣло дѣлалось: и вы то дѣлаете не гораздо, и вамъ бы о

(1) Тамъ же, стр. 16.
(2) Акты арх. эксп. т. II. № 27.

Сигизмундъ считалъ себя вправѣ смотрѣть сквозь пальцы на предпріятіе Димитрія и отомстить такимъ образомъ Годунову, который явно обнаруживалъ свое недоброжелательство къ нему и пріязнь къ сопернику его, Карлу шведскому.

Какъ бы то ни было, король, хотя не непосредственно, принялъ однако участіе въ дѣлѣ Лжедимитрія, и Мнишекъ съ торжествомъ привезъ послѣдняго въ Самборъ, гдѣ благодарный царевичъ предложилъ руку свою Маринѣ: предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія Димитрія на престолѣ московскомъ. Между тѣмъ, 1604 года, мая 25, Лжедимитрій далъ Мнишку запись, въ которой обязывался жениться на Маринѣ съ слѣдующими условіями: 1) Тотчасъ по вступленіи на престолъ выдать Мнишеку милліонъ злотыхъ для подъема въ Москву и заплаты долговъ, а Маринѣ прислать брильянты и столовое серебро изъ казны царской. 2) Отдать Маринѣ Великій Новгородъ и Псковъ съ обывателями всѣхъ сословій, въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари; эти области остаются за Мариной, хотя бы она не имѣла потомства отъ Димитрія, и она вольна въ нихъ судить и рядить, издавать законы, раздавать волости, продавать ихъ, также строить католическія церкви и монастыри и снабжать ихъ духовенствомъ и школами латинскими; при дворѣ своемъ Марина также вольна держать латинскихъ духовныхъ и отправлять свое богослуженіе безо всякаго препятствія, потому-что онъ самъ, Димитрій, соединился уже съ римскою церковію, и будетъ всѣми силами стараться привести и народъ свой къ этому единенію. Въ случаѣ, если дѣла пойдутъ несчастливо, и онъ, Димитрій, не достигнетъ престола въ теченіи года, то Марина имѣетъ право взять назадъ свое обѣщаніе выйти за него, или, если хочетъ, то ждетъ еще годъ (1).

Не прошло мѣсяца, какъ 12 іюня Лжедимитрій далъ другую запись, по которой обязывался отдать Юрію Мнишку княжества смоленское и сѣверское въ потомственное владѣніе; а такъ какъ половина смоленскаго княжества и шесть городовъ въ сѣверскомъ отойдутъ къ польскому королю, въ чемъ также обязался Отрепьевъ, то Мнишку дается еще изъ близь-лежащихъ областей нѣсколько городовъ и земель, доходы съ которыхъ равнялись бы доходамъ съ городовъ и земель, уступленныхъ королю (2).

Мы видѣли, что король позволилъ пріятелямъ царевича набирать для него войско изъ праздной шляхты. Мнишекъ собралъ для будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда въ Польшѣ; но этого сброда

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 76. Русскій переводъ этого акта очень не вѣренъ.

(2) Тамъ же, № 79.

было много также и въ Московскомъ государствѣ; слѣдовательно, сильная помощь ждала Отрепьева впереди. Уже толпа русскихъ бѣглецовъ встрѣтила его въ Польшѣ и провозгласила истиннымъ царевичемъ; а между тѣмъ границы государства кипѣли отверженниками общества, которые давно злобились и ждали перваго случая нарушить покой его: я говорю о казакахъ. Государство, стремясь къ установленію наряда, не могло спокойно терпѣть подлѣ себя людей съ такими противообщественными стремленіями, какими отличались казаки; уже Иванъ Грозный ссорился съ донскими грабителями, Борисъ Годуновъ продолжалъ эту ссору и сильно тѣснилъ казаковъ (1): легко понять, какъ обрадовались они, узнавъ о появленіи царевича, подъ знаменами котораго надѣялись безнаказанно, подъ законнымъ предлогомъ, опустошать государство, жить на его счетъ. Казаки отправили къ Лжедимитрію еще въ Польшу двухъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали законнымъ царевичемъ, обѣщали помощь — и исполнили обѣщаніе: двѣ тысячи донцевъ присоединились къ ополченію Отрепьева, которое состояло такимъ образомъ почти изъ четырехъ тысячъ человѣкъ. Предводительствуя такимъ-то ничтожнымъ войскомъ, рѣшился Лжедимитрій завязать борьбу съ могущественнымъ Борисомъ! Но это могущество было только видимое: отовсюду окруженный крамолою какъ сѣтью, Годуновъ не имѣлъ твердости духа и рѣшительности, чтобъ разорвать эту сѣть; привыкши дѣйствовать самъ средствами не прямыми, крамолою, онъ не умѣлъ противопоставить крамолѣ другихъ той отважной прямоты, которая одна могла спасти его. Какъ скоро Лжедимитрій объявился въ Польшѣ, такъ слухи объ этомъ любопытномъ явленіи начали отовсюду приходить въ Москву и ужаснули Бориса (2): они приходили изъ Ливоніи, изъ Польши, отъ донскихъ казаковъ, которые теперь подняли головы, ограбили одного изъ царскихъ родственниковъ и послали сказать Годунову, что скоро явятся въ Москву съ законнымъ царемъ. Борисъ началъ провѣдывать, кто былъ этотъ новый врагъ, и съ удивленіемъ узналъ, что то былъ уже извѣстный ему прежде чер-

(1) Никон. VIII, 59. И увѣдаша же про него такиежъ воры собаки донскія козаки, и послаша къ нему з Дову атамана Корелу, с нимъ же послаша к нему козаковъ и дары многія, и биша ему челомъ, чтобы онъ не замѣшкалъ, шолъ в Московское государство, а онѣ ему всѣ ради; тѣже окаянные Поляки и досталь видяше отъ Московского государства пріѣздъ, и ему наипаче начаше помогати. Тѣмъ же козакомъ отъ Царя Бориса было гоненіе велие, не пущалъ ихъ ни на который городъ, куда они не придутъ, ихъ вездѣ имаше и по темницамъ сажаху, и они же поидоша к нему иное и неволею, не имѣюще себѣ пристанища нигдѣ.

(2) Москов. хрон. (34): Эта новость его ужаснула; Никон. VIII, 59: Царь же Борисъ ужастенъ быть.

нецъ Отрепьевъ, котораго онъ велѣлъ заточить въ далекій сѣверный монастырь. Самъ опытный въ крамолахъ, Годуновъ догадался о виновникахъ этой новой противъ себя крамолы, какъ скоро свѣдалъ, что Самозванецъ— Отрепьевъ; объявивъ прямо боярамъ, что это ихъ дѣло, онъ велѣлъ привесть въ Москву мать покойнаго царевича, Марѳу, и помѣстить въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, куда ѣздилъ съ патріархомъ допрашивать ее (1): неизвѣстно, открыла ли она имъ что-нибудь. Между тѣмъ посланы были тайные гонцы къ панамъ, покровителямъ Отрепьева, съ предложеніемъ выдать послѣдняго; отправлены были и тайные убійцы; но ни то, ни другое не удалось (2). Въ тоже время былъ посланъ къ Сигизмунду постникъ Огаревъ съ увѣдомленіемъ объ истинномъ происхожденіи Самозванца и съ напоминаніемъ о недавнемъ договорѣ. Польское правительство объяснило Огареву, что оно вовсе не помогаетъ Лжедимитрію, и будетъ даже наказывать его помощниковъ; съ другой стороны, московскіе бояре отправили къ польскимъ панамъ родного дядю Самозванца, Смирнаго Отрепьева, какъ самаго лучшаго обличителя, но паны не допустили Отрепьева до очной ставки съ племянникомъ и пѣли ту же пѣсню, что не помогаютъ Лжедимитрію; патріархъ Іовъ отправилъ отъ себя Аѳанасія Пальчикова къ князю Василію Острожскому убѣждать его, во имя православія, не помогать Разстригѣ. Князь отпустилъ Пальчикова безъ отвѣта и остался вполнѣ нейтральнымъ, озаботившись только тѣмъ, чтобы шайка Лжедимитрія не опустошила его областей; наконецъ патріархъ и все духовенство отправили Андрея Бунакова къ духовенству польскому съ убѣжденіемъ не благопріятствовать смутѣ: Бунаковъ былъ задержанъ (3). Непріязнь Польши была очевидна; надобно было принять рѣшительныя средства; оцѣпленіе границы литовской, подъ предлогомъ морового повѣрія, не помогло: подметныя грамоты лжедимитріевы волновали Украйну, наполненную московскими бѣглецами, «которые въ государствѣ за ихъ богомерзкія дѣла приговорены были сжечи, а иныхъ сослати на заточеніе, и отъ того сбѣжали въ Литовскую землю за рубежъ, и злые плевелы еретическіе сѣютъ, между царствъ вражду дѣлаютъ и ссору чинятъ.... и на Сѣверѣ мужики Севрюки, люди простые, забывъ Бога и души свои, повѣря Сендомирскому воеводѣ съ товарищи, что они паны родные, начали приставать къ тому вору (4)».

Борисъ велѣлъ войскамъ двинуться въ Ливны, подъ предлогомъ

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 178. Годуновъ очень хорошо понималъ, что никакая подстановка не могла имѣть успѣха безъ согласія Марѳы.

(2) Москов. Хрон., стр. 35.

(3) Дополн. къ акт. историч. I, № 151.

(4) Тамъ же.

нашествія крымцевъ; но воеводы этого ополченія — Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ — не усомнились сказать посланцу борисову, Хрущову, что трудно воевать противъ природнаго государя (1); а между тѣмъ были схвачены въ Москвѣ двое значительныхъ лицъ — Василій Смирновъ и меньшой Булгаковъ за то, что на пиру пили здоровье царевича Димитрія (2). Въ октябрѣ 1605 года Лжедимитрій вошелъ въ области Московскаго государства и нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія: народъ въ городахъ связывалъ воеводъ своихъ и представлялъ ихъ мнимому царевичу. Борисъ выслалъ войско подъ начальствомъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго; а между тѣмъ Самозванецъ занялъ Черниговъ, съ помощію тамошней черни, и только при осадѣ Новгорода-Сѣверскаго встрѣтилъ важное сопротивленіе: тамъ засѣлъ знаменитый воевода Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, любимецъ Годунова, который возвышалъ его наперекоръ мѣстничеству.

Сопротивленіе Басманова отняло было духъ у Лжедимитрія: вспыльчивый, нетерпѣливый Отрепьевъ началъ укорять поляковъ въ недостаткѣ мужества, и тѣ хотѣли уже покинуть его, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Путивль, самый важный городъ въ сѣверской землѣ, сданъ воеводою его, княземъ Василіемъ Рубцомъ Мосальскимъ. Примѣру Путивля послѣдовали другіе украинскіе города, и на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку Отрепьевъ уже признавался за истиннаго царевича. Борису донесли также о шаткости жителей Смоленска, неприступной ограды Московскаго государства; царь послалъ выговоръ смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они поступаютъ милостиво и совѣстятся пытать людей духовныхъ: «И вы то дѣлаете не гораздо, что такія дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у діякона некому снять скуфьи и затѣмъ его не пытали.... и вамъ бы велѣти въ томъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь (3)».

Въ то время, когда пытали накрѣпко и огнемъ жгли гражданъ смоленскихъ, въ то время царскій воевода, князь Димитрій Шуйскій, видя успѣхи Самозванца, стоялъ неподвижно у Брянска, не помогалъ Басманову и писалъ къ царю, чтобы прислали ему еще войска на подмогу. Борисъ началъ собирать полки; но въ указѣ объ этомъ наборѣ долженъ былъ признаться, что: «войска наши вельми оскудѣша: овіи прельщени тѣмъ воромъ, къ нему предалися, многіе казаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили, а иные отъ долгаго стоянія изнурились и испроторлись, въ домы разошлись, и тако воямъ нашимъ зѣло умалившимся; многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы не служатъ ни сами, ни ихъ дѣ-

(1) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 175.
(2) Тамъ же.
(3) Акты историч. т. II, № 53.

ти, ни холопи, и живутъ въ домахъ, не пекущеся о гибели царства и о святой церкви.... судихомъ и повелѣхомъ, да вси Патріарши, Митрополичи, Архіепископли и Епископли и монастырей слуги, колико ихъ есть годныхъ, вскорѣ собрався, со всякимъ поспѣшеніемъ, сооружіемъ и запасы идутъ въ Калугу, а останутся токмо престарѣлые и немощные (1)». Такимъ образомъ Годуновъ, видя, что люди, имѣвшіе большія помѣстья и вотчины, службы не служатъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ духовенству, на приверженность котораго, особенно патріарха, болѣе всего полагался. Новая рать была поручена боярину князю Ѳедору Ивановичу Мстиславскому. Но многочисленнаго войска было недостаточно для побѣды надъ Лжедимитріемъ: надобно было принять сильныя мѣры противъ всеобщей шаткости умовъ, возбужденной его появленіемъ, — и вотъ духовенство предало разстригу Отрепьева проклятію и повѣстило объ этомъ всему государству; однако и это средство не помогло: кто вѣрилъ въ существованіе царевича, тому не было нужды до проклятаго монаха Отрепьева.

Мстиславскій сошелся съ войсками Самозванца у Новгорода-Сѣверскаго: царскаго войска было отъ сорока до пятидесяти тысячъ, у Самозванца не болѣе пятнадцати тысячъ всякаго сброда; но уже прежде Шереметевъ сказалъ, что трудно сражаться съ прирожденнымъ государемъ. Трое значительныхъ людей изъ царскаго войска передались Лжедимитрію (2): легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести это на войско, — легко понять, почему, какъ выражается очевидецъ (3), у русскихъ не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій подступилъ къ лагерю Самозванца, но медлилъ, ожидая еще подкрѣпленія: 50,000 противъ 15,000 казалось ему еще недостаточно! Но Лжедимитрій не хотѣлъ медлить: одушевилъ свою толпу рѣчью, которая дышала полною увѣренностію въ правотѣ своего дѣла (4), онъ ударилъ на царское войско, которое тотчасъ дрогнуло; Мстиславскій былъ смятъ въ общемъ разстройствѣ, сбитъ съ коня, получилъ нѣсколько ранъ въ голову. Московская рать потеряла 4000 убитыми, и только неопытность Отрепьева въ ратномъ дѣлѣ воспрепятствовала ему нанесть Мстиславскому совершенное пораженіе. Несмотря однако на эту побѣду, которая должна была сильно возвысить духъ въ подвижникахъ Лжедимитрія и окончательно убить бодрость въ полкахъ царскихъ, дѣло Отрепьева грозило принять очень дурной оборотъ. Мы видѣли, что польское правительство опредѣлило отдать дѣло между Димитріемъ и Годуновымъ на судъ Божій, при чемъ если

(1) Собр. гос. гр. и дог. II, № 78.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, стр. 171.
(3) Маржеретъ въ сказ. соврем., III, стр. 80.
(4) Паерле, тамъ же, II, стр. 14, 15.

первый встрѣтитъ сопротивленія въ московскихъ обществахъ, то отозвать отъ него польскія войска, дабы не нарушать мира съ Московскимъ государствомъ. Сопротивленіе было встрѣчено; съ другой стороны, царь, духовенство и бояре прислали грамоты съ доказательствами самозванства мнимаго царевича и съ напоминаніемъ о недавнемъ мирномъ договорѣ: все это рѣшило Сигизмунда послать Мнишку и другимъ полякамъ приказъ покинуть претендента и возвратиться въ Польшу (1), и бо́льшая часть изъ нихъ повиновалась, особенно видя скудость казны лжедимитріевой. Убѣжденія Отрепьева остались тщетны: онъ даже потерпѣлъ оскорбленія отъ буйной толпы, которая имѣла ввиду только деньги: одинъ изъ поляковъ осмѣлился сказать ему: «ужь быть тебѣ на висѣлицѣ»; другіе сорвали съ него шубу. Взамѣнъ поляковъ къ Лжедимитрію пришло 12,000 казаковъ, съ которыми онъ и засѣлъ въ Сѣвскѣ.

Обратимся къ царскому войску. Такъ какъ главный воевода, Мстиславскій, былъ сильно раненъ, то остальные воеводы, князь Димитрій Шуйскій съ товарищами, воспользовались этимъ случаемъ и не извѣстили царя о постыдномъ дѣлѣ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ; Борисъ узналъ о немъ стороною и тотчасъ же послалъ къ войску чашника Вельяминова-Зернова «съ рѣчью и съ милостивымъ словомъ» (2). Посланный говорилъ Мстиславскому: «Государь и сынъ его жалуютъ тебя: велѣли тебѣ челомъ ударить, да жалуютъ тебя: велѣли о здравіи спросить». Потомъ, упомянувъ о сраженіи и о ранахъ Мстиславскаго, Вельяминовъ продолжалъ отъ имени царя: «И ты то сдѣлалъ, боярин нашъ князь Ѳедоръ Ивановичъ, памятуючи Бога и Крестное цѣлованіе, что еси пролилъ кровь свою за Бога и за Пречистую Богородицу, крѣпкую нашу помощницу, и за великихъ Чудотворцевъ, и за святыя Божія церкви, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ Христіанъ: и аже дастъ Богъ службу свою вершишь и увидишь образъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы и Великихъ Чудотворцевъ, и наши царскія очи, и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя на умѣ нѣтъ». Съ тѣмъ же посланнымъ Борисъ отправилъ къ Мстиславскому, для леченія ранъ, медика и двухъ аптекарей; князю Димитрію Шуйскому съ товарищами царь велѣлъ также *поклониться*, но прибавить: «слухъ насъ дошелъ „что у васъ бояръ нашихъ и воеводъ съ крестопреступники съ Литовскими людьми и съ Ростригою было дѣло; а вы того къ намъ не писали, коимъ у васъ обычаемъ дѣло дѣлалось: и вы то дѣлаете не горазло, и вамъ бы о

(1) Тамъ же, стр. 16.
(2) Акты арх. эксп. т. II. № 27.

томъ къ намъ отписать вскорѣ». У дворянъ, дѣтей боярскихъ и всѣхъ ратныхъ людей царь и сынъ его велѣли также спросить о здоровьѣ. Такое благоволѣніе могло быть оказано войску только за самую блистательную побѣду; слѣдовательно, здѣсь обнаружилась вся робость Годунова предъ страшною опасностью, робость, которая заставила его унизиться до ласкательства передъ войскомъ; въ тоже время онъ далъ обѣты итти молиться по монастырямъ, а къ войску послалъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, на смѣну больному Мстиславскому. Съ прибытіемъ новаго воеводы царскіе полки двинулись на Лжедимитрія и встрѣтились съ нимъ при селѣ Добрунѣ: несмотря на отчаянную храбрость Отрепьева и его дружины, онъ былъ раздавленъ многочисленнымъ царскимъ ополченіемъ и съ большимъ, относительно числа его войска, урономъ отступилъ сперва къ Рыльску, а потомъ заперся въ Путивлѣ. Отсюда Самозванецъ, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, хотѣлъ было уже бѣжать въ Польшу; но русскіе, измѣнившіе для него Борису, знали, что имъ нечего ждать помилованія отъ послѣдняго, и потому удержали Отрепьева, грозя, что если онъ не ободрится, то они выдадутъ его Годунову, чтобы этимъ средствомъ получить отъ царя прощеніе.

Что́жь дѣлало царское войско послѣ своей побѣды? На этотъ разъ воеводы донесли царю о происшедшемъ, за что получили изъ Москвы *золотыя*, а войско деньги; потомъ двинулись осаждать Рыльскъ, пятнадцать дней стояли подъ городомъ и, узнавъ, что отрядъ, посланный Самозванцемъ на помощь осажденнымъ, разбилъ сторожевой полкъ царскій, поспѣшно отступили отъ Рыльска (1), стали въ комарицкой волости и начали страшно мстить несчастнымъ жителямъ за приверженность къ Лжедимитрію: не было пощады ни старикамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ (2). Такая недѣятельность воевод сильно раздражила царя: сколько оробѣлъ онъ отъ успѣховъ Лжедимитрія, столько же возпесся духомъ послѣ побѣды надъ нимъ, и, думая, что все дѣло уже теперь кончено съ Отрепьевымъ, послалъ воеводамъ и всей рати строгій выговоръ за то, что они, разбивъ Самозванца, не умѣли поймать его (3). Войско, получивъ прежде милостивое слово за пораженіе, не могло не оскорбиться выговоромъ послѣ побѣды, и лѣтописецъ прибавляетъ: «Бояре же о томъ и вся рать оскорбишася, въ рати же стало мнѣніе и ужасть отъ Царя Бориса, съ тоежь поры многія начаша думати, какъ бы Царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ». Борисъ еще болѣе возбудилъ негодованіе знати поступкомъ своимъ съ Басмановымъ. Мы уже выше

(1) Паерле, стр. 22; Никон. VIII, 62.
(2) Паерле, стр. 23.
(3) Никон. VIII, 63.

упоминали, что царь сильно возвышалъ этого любимца вопреки правамъ родовъ знатнѣйшихъ; смѣлая оборона Новгорода-Сѣверскаго, которой Басмановъ былъ главнымъ виновникомъ, дала Годунову случай осыпать его новыми милостями: когда онъ вызванъ былъ царемъ въ Москву, то на встрѣчу ему были высланы князья и бояре, съ вопросомъ о здоровьѣ отъ имени царскаго; Басмановъ ѣхалъ по городу въ государевыхъ саняхъ до самого дворца, изъ собственныхъ рукъ Бориса получилъ богатые дары, получилъ и боярское достоинство и помѣстья (1). Особенно оскорбительно было здѣсь то, что Басмановъ сидѣлъ въ осадѣ вмѣстѣ съ княземъ Никитою Трубецкимъ, который былъ родовитѣе его, и между тѣмъ Борисъ: «Басманова напаче Князь Никиты жаловаше своимъ государскимъ жалованьемъ».

Побуждаемые царемъ воеводы двинулись осаждать Кромы, гдѣ засѣло нѣсколько отчаянныхъ казаковъ съ атаманомъ Корѣлою. Воеводы, по словамъ очевидца (2), при осадѣ Кромъ занимались дѣлами, достойными одного смѣха; но лѣтописецъ говоритъ еще о другихъ дѣлахъ, достойныхъ не одного смѣха: «Михайлошь Салтыковъ, видя тѣмъ врагомъ тѣсноту, и не поговоря съ боляры, государеву рать сведе, а наровя тому окаянному Гришкѣ» (3). Сюда присоединилась еще сильная смертность въ станѣ царскомъ: Борисъ прислалъ войску нужную лекарственную помощь (4), а между тѣмъ еще разъ попытался отдѣлаться отъ Самозванца тѣмъ же средствомъ, какое уже хотѣлъ употребить прежде, именно отравою: въ Путивль подосланы были монахи съ зеліемъ; но умыселъ ихъ былъ открытъ (5), и скоро разнеслась вѣсть, что самъ Борисъ погибъ отъ яда, собственною рукою приготовленнаго. Уже прежде, какъ только Самозванецъ вступилъ въ московскіе предѣлы, Годуновъ началъ часто припадать и волочилъ ногу, пораженную параличемъ (6); 13 апрѣля 1605 года послѣдовалъ второй ударъ, уже смертельный: Борисъ скончался послѣ двухчасовыхъ страданій, постриженный въ монахи подъ именемъ Боголѣпа.

При спокойномъ состояніи Московскаго государства смерть Бориса могла бы только упрочить престолъ въ его родѣ, потому-что молодой шестнадцатилѣтній сынъ его принималъ вѣнецъ, какъ законный наслѣдникъ, а не какъ бояринъ, опередившій товарищей. Притомъ же писатели современные согласны въ похвалахъ молодому Ѳедору;

(1) Москов. хрон., стр. 47; Никон. VIII, 63.
(2) Маржер. стр. 82.
(3) Никон. VIII, 64.
(4) Тамъ же.
(5) Паерле, 25.
(6) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 81.

отецъ любилъ его страстно (1), въ минуты горячности называлъ себя его слугою и рабомъ; однако такая любовь не избаловала Ѳедора, и видно, что онъ былъ воспитанъ лучше своихъ предшественниковъ, Рюриковичей (2). Заботясь болѣе всего объ утвержденіи престола за своимъ родомъ, Борисъ, подобно Василію Темному и Ивану III, всегда писалъ въ грамотахъ имя сына подлѣ своего такъ: «Божіею милостію, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Ѳедоровичь всеа Руссіи Самодержецъ, и сынъ нашъ Царевичь Князь Ѳедоръ всеа Русіи. Желая пріучить сына къ правленію, а народъ къ будущему правителю, Годуновъ употреблялъ Ѳедора при всѣхъ важныхъ дѣлахъ; а желая привлечь любовь подданныхъ къ будущему государю, исполнялъ всякую просьбу, поданную на имя царевича (3).

Присяга Ѳедору отъ жителей Москвы совершилась спокойно; цаловали крестъ: (4) «Государынѣ своей Царицѣ и Великой Княгини Маріѣ Григорьевнѣ всея Русіи, и ея дѣтемъ, Государю своему Царю и В. Князю Ѳедору Борисовичу всеа Русіи и Государынѣ своей царевнѣ и В. Княжнѣ Ксеньѣ Борисовнѣ всеа Русіи». Форма присяги таже самая, что̀ и Борису; повторено обязательство — не хотѣть на Московское государство Симеона Бекбулатовича, но прибавлено еще: «и къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углецкимъ, не приставати, и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись ни на какое лихо, и не измѣнити, и не отъѣхати, и лиха никакого не учинити, и государства не подъискивати, и не по своей мѣрѣ ничего не искати, и того вора, что называется княземъ Дмитріемъ Углецкимъ, на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти». Здѣсь Самозванецъ не названъ Отрепьевымъ не потому, чтобы само правительство перестало признавать его такимъ, но чтобы отнять у измѣнниковъ всякую оговорку въ нарушеніи присяги, чтобъ они не могли сказать: мы не нарушили клятвы, и не присягаемъ Отрепьеву, потому-что царевичь не есть Отрепьевъ (5). Любопытна особая прибавка къ присягѣ Ѳедору Борисовичу, для дьяковъ: «Также мнѣ, будучи у ея Государынина и у Государева дѣла, всякія дѣла дѣлати въ правду, и тайныхъ и всякихъ государевыхъ дѣлъ и вестей никакихъ ни

(1) Карамз. XI, примѣч. 131.

(2) Такъ извѣстна карта Московскаго государства, начерченная Ѳедоромъ.

(3) Собр. гос. гр. и дог. т. II. стр. 177.

(4) Тамъ же, № 85.

(5) Такъ объясняли это сами измѣнники Самозванцу: «форма присяги намъ выдана была, не такъ какъ мы разумѣли, понеже въ оной формѣ имя Гришки не упомянуто, то, дабы мы противнымъ образомъ съ тобою природнымъ государемъ нашимъ Великимъ Царемъ Димитріемъ Ивановичемъ поступали и тебя въ Государя себѣ не избрали». Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 87.

кому не сказывати, и Государынины и Государевы казны всякія и денегъ не красти, и за дѣлы дворанъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ челобитчиковъ не волочити, отдѣлывати ихъ вскорѣ, и посуловъ и поминковъ ни у кого не имати никоторыми дѣлы, и никому ни въ чемъ по дружбѣ не норовити и не покрывати, и по недружбѣ ни какого ничего не затѣяти никоторыми дѣлы, посему крестному цѣлованью, и съ книгъ съ писцовыхъ и изъ отдѣльныхъ и изъ дачь выписывати мнѣ подлинно прямо, и мимо книгъ въ выписи ничего не написати никоторыми дѣлы, и посуловъ и поминковъ отъ того ни у кого не имати, по сему крестному цѣлованью» (1).

Первое, что̀ останавливаетъ наше вниманіе въ присягѣ, это имя царицы Марьи Григорьевны, поставленное напереди. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Ѳедоръ вступилъ на престолъ подъ опекою матери, потому-что тогда надобно было бы предположить, что и царевна Ксенія была соправительницею брату: присяга цѣлой семьѣ была въ то время дѣломъ обыкновеннымъ. — Пристрастіе къ древней, освященной уже формѣ, страхъ предъ всякою новизною, всякою перемѣною былъ такъ великъ, особенно въ то смутное время, что въ грамотахъ о молебствіи за новаго царя, разосланныхъ владыкамъ, встрѣчаемъ извѣстіе, будто Ѳедоръ вступилъ на престолъ съ соблюденіемъ тѣхъ самыхъ формъ, какія мы видѣли при воцареніи отца его, Бориса: «И по преставленіи Великаго Государя нашего, святѣйшій Іевъ и съ нимъ о св. Дусѣ мы сынове его, Митрополиты, и Архіепископы и Епископы, и весь освященный вселенскій Соборъ, и боляре, и дворяне и приказные люди и весь царьскій сигклитъ, и гости и торговые люди, и всенародное множество Російскаго государства, великую государыню благочестивую царицу Марью Григорьевну всеа Русіи молили со слезами и милости просили, чтобъ государыня пожаловала положила на милость, не оставила насъ сирыхъ до конца погибнути, въ содержаніи своихъ великихъ государьствъ была на царьствѣ по прежнему, а благороднаго сына своего, великаго государя нашего, Царевича князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи на Россійское государьство благословила быти Царемъ и самодержцемъ всей Русской землѣ; такожь и Государю Царевичу били челомъ и милости просили, чтобъ онъ Государь пожаловалъ, по благословенію и по приказу отца своего былъ на Россійскомъ Государьствѣ Царемъ и Самодержцемъ всей Русской земли. И великая государыня наша слезъ и моленіе не презрѣла, сына своего благословила, да и Государь Царевичь по благословенію и по приказу отца своего, по повелѣнію матери своей,

(1) Поводомъ къ этой прибавкѣ насчетъ дьяковъ послужилъ быть можетъ проступокъ дьяка Сидоваго Васильева, который не исполнилъ царскаго приказа: не отправилъ Отрепьева въ заточеніе.

насъ пожаловалъ, на Московскомъ государьствѣ сѣлъ» (1). Впрочемъ это извѣстіе можно объяснить еще стараніемъ духовенства показать, что кромѣ благословенія отцовскаго Ѳедоръ былъ избранъ всѣмъ народомъ, принялъ престолъ вслѣдствіе единодушнаго желанія и слезнаго моленія подданныхъ. Какъ бы то ни было, новое правительство тотчасъ же объявило, что оно не слишкомъ вѣритъ единодушному согласію подданныхъ: въ грамотахъ, разосланныхъ къ областнымъ воеводамъ съ приказомъ приводить жителей къ присягѣ, было прибавлено: «а тогобъ есте берегли накрѣпко, чтобъ у васъ всякіе люди намъ крестъ цѣловали, а не былъ бы ни одинъ человѣкъ, который бы намъ креста не цѣловалъ» (2); ибо въ тоже время доносили, что въ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ разносятся слухи о грамотахъ Лжедимитрія, въ которыхъ онъ обѣщаетъ быть въ Москвѣ, «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться» (3).

Новое правительство рѣшилось отозвать подозрительныхъ Шуйскихъ въ Москву для засѣданія въ Думѣ, и на ихъ мѣсто послало уже ознаменовавшаго свою вѣрность и мужество Басманова; но послѣдняго нельзя было назначить главнымъ воеводою, потому-что, вслѣдствіе мѣстничества, надобно было бы смѣнить всѣхъ другихъ воеводъ, которымъ съ Басмановымъ быть не приходилось; вотъ почему первымъ воеводою послали князя Котырева Ростовскаго, человѣка ничтожнаго, а Басманова назначили вторымъ воеводою большого полка (4). Вмѣстѣ съ новыми воеводами отправился и новгородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Ѳедору: войско присягнуло; но эту присягу, по выраженію современника, русскіе исполняли такъ точно, какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ (5). Басмановъ ясно видѣлъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствуетъ шаткость умовъ и нравственная слабость, и съ воеводами, которые явно держатъ сторону Самозванца, ничего сдѣлать нельзя, что дѣло царя Ѳедора проиграно навсегда, что противиться общему расположенію значитъ итти на явную и безполезную гибель, и потому соединился съ врагами Годуновыхъ, двоими братьями, князьями Голицыными, Васильемъ и Иваномъ Васильевичами, и съ бояриномъ Михаиломъ Салтыковымъ. 7 мая Басмановъ, узнавъ о движеніи отряда лжедимитріева, объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій, и полки безъ сопротивленія признали Отрепьева своимъ государемъ; главный воевода, князь Ростовскій, и другой — князь Теля-

(1) Акты Арх. Эксп. т. II, № 32.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, 83.
(3) Акты историч. II, № 55.
(4) Никон. VIII, 65.
(5) Москов. Хрон. стр. 53.

тевскій спѣшили удалиться къ Москвѣ съ малымъ отрядомъ ратныхъ людей, оставшихся вѣрными Годуновымъ (1). Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ посланъ въ Путивль объявить Самозванцу о переходѣ войска на его сторону, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но уже было поздно. Обрадованный Лжедимитрій приказалъ войску ожидать его подъ Орломъ, а самъ двинулся изъ Путивля; къ нему на встрѣчу поѣхали сперва Салтыковъ и Басмановъ, а потомъ князь Василій Голицынъ и Шереметевъ, который прежде другихъ сказалъ, что трудно воевать съ прирожденнымъ государемъ. Въ Орлѣ привѣтствовало Лжедимитрія войско, которое онъ отпустилъ къ Москвѣ съ кн. Василіемъ Голицынымъ, а самъ шелъ за ними съ своею польскою и казацкою дружиною.

Для взволнованія Москвы отправлены были Наумъ Плещеевъ и Гаврила Пушкинъ. Они явились сперва не въ самой столицѣ, но въ Красномъ Селѣ, гдѣ жили богатые купцы и ремесленники, а мы знаемъ, что московское купечество не было прежде расположено къ Годунову: во время борьбы его съ Шуйскими, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, оно стояло за послѣднихъ. Плещеевъ и Пушкинъ привезли въ Красное Село лжедимитріеву грамоту, написанную на имя князей, Мстиславскаго, Василія и Димитрія Шуйскихъ, и всѣхъ бояръ, окольничихъ и гражданъ московскихъ (2). Лжедимитрій напоминалъ о присягѣ, данной отцу его, Ивану IV, о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ въ молодости отъ Годунова, о своемъ чудесномъ спасеніи (въ общихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ); извинялъ бояръ и народъ въ томъ, что они присягнули Годунову «не вѣдаючи его злокозненнаго нрава и бояся того, что онъ блаженныя памяти при братѣ нашемъ владѣлъ всѣмъ государствомъ московскимъ, и жаловалъ и казнилъ кого хотѣлъ; а про насъ есте прироженнаго государя своего не вѣдали, а чаяли насъ отъ измѣнниковъ нашихъ убитого». — Далѣе извинялъ войско, сражавшееся противъ него, «потому что есте учинили невѣдомостію и бояся казни». Потомъ напоминалъ объ утѣсненіяхъ, какія были отъ Бориса «бояромъ нашимъ и воеводамъ, и родству нашему укоръ и поношеніе и безчестіе, и наносимыя вамъ, чего и отъ роднаго (т. е. прирожденнаго государя) терпѣти было не возможно». Въ заключеніе Самозванецъ обѣщалъ награды всѣмъ въ случаѣ признанія, и гнѣвъ Божій и свой царскій въ случаѣ сопротивленія.

Красносельцы съ радостію приняли пословъ и собрались шумною

---

(1) Никон. VIII, 65, 66.

(2) Акты Арх. Экси. II, № 34.

толпою провожать ихъ въ городъ; правительство выслало было противъ нихъ отрядъ войска, но ратные люди, испугавшись, возвратились съ дороги, и послы царевича съ красносельцами достигли безпрепятственно лобнаго мѣста, гдѣ прочли народу грамоту Лжедимитріеву: отвѣтомъ были восклицанія: «да здравствуетъ Димитрій!» (1) Бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на лобное мѣсто — и не сдѣлали ничего. Ворота въ Кремль, по удивительной оплошности, не были заперты: толпа народу ворвалась туда, схватила Годуновыхъ во дворцѣ и вывела ихъ въ прежній боярскій домъ борисовъ; родственниковъ царя взяли подъ стражу, имущества ихъ разграбили. Въ это смутное время является на сцену опять тотъ же знаменитый крамольникъ, Богданъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки по смерти Бориса: врага его уже не было въ живыхъ, на семействѣ борисовомъ уже изливали месть другіе; но у Бѣльскаго оставались еще враги, нѣмцы борисовы, которыхъ онъ ненавидѣлъ и прежде, до опалы своей, которыхъ онъ еще болѣе ненавидѣлъ теперь за позорное наказаніе, которому они его подвергли: Бѣльскій шепнулъ народу, что врачи иноземные были совѣтниками Бориса, получили отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; толпы черни бросились немедленно къ нѣмцамъ, и осушили не только всѣ бочки въ погребахъ, но разграбили все имѣніе, причинивъ убытку отъ двухъ до трехъ тысячъ талеровъ (2).

3 іюня 1605 года отправлены были изъ Москвы въ Тулу, къ Самозванцу, съ повинною, бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и князь Андрей Андреевичъ Телятевскій, тотъ самый, который убѣжалъ въ Москву, увидя измѣну Басманова и войска. Въ тоже время, съ другой стороны, явились къ Лжедимитрію послы отъ донскихъ казаковъ, первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ. Лжедимитрій позвалъ донцевъ къ рукѣ прежде бояръ московскихъ, которыхъ встрѣтилъ грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю; казаки, хвалясь своею вѣрностію къ сыну Грознаго, также позорили бояръ, а Телятевскаго чуть не убили до смерти за прежнюю вѣрность его къ Годунову. Но въ Москвѣ происходили сцены еще хуже: здѣсь князь Василій Голицынъ, Василій Мосальскій и дьякъ Сутуповъ раздѣлывались съ Годуновыми и ихъ приверженцами. Патріарха Іова съ безчестіемъ вывели изъ Успенскаго собора во время самой службы и какъ простого монаха отослали въ Старицкій монастырь; взятыхъ прежде подъ стражу Годуновыхъ и родственни-

(1) Никон. VIII, 67.
(2) Москов. хрон. стр. 57.

ковъ ихъ, Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ, также разослали въ заточеніе; одинъ изъ Годуновыхъ, Семенъ, говорятъ, былъ задушенъ въ Переяславлѣ-Залѣскомъ: онъ больше другихъ навлекъ на себя ненависть, потому-что ревностнѣе другихъ преслѣдовалъ интересы своего рода. Покончивъ съ патріархомъ и родственниками Годуновыхъ, Голицынъ съ товарищами принялись за прежняго царя и его семейство. Взявши съ собой Молчанова и Шелефединова, да трехъ стрѣльцовъ, оба князя, Голицынъ и Мосальскій пришли въ старый домъ борисовъ, гдѣ нашли царское семейство, ожидавшее своей участи: царицу Марью удавили скоро; но молодой Ѳедоръ боролся отчаянно противъ четверыхъ убійцъ; наконецъ одному изъ нихъ удалось умертвить царевича самымъ отвратительнымъ образомъ (1). Царевна Ксенія осталась въ живыхъ: мы еще будемъ говорить о ней. Въ тоже время въ Архангельскомъ соборѣ выкопали тѣло царя Бориса, положили въ простой гробъ, и вмѣстѣ съ женою и сыномъ погребли въ бѣдномъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Срѣтенкѣ.

(1) Никон. VIII, 69, 70.

СОЛОВЬЕВЪ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ ЧЕСТИ.

Noblesse oblige!

Западная поговорка.

Il me serait bien difficile de te faire sentir ce que c'est (*le point d'honneur*), car nous n'en avons point précisement l'idée.

Usbeck à Ibben.

(Восточныя письма Монтескьё).

Часто споры бываютъ поводомъ къ поединку; недавно случилось противоположное: какой-то поединокъ подалъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Одни горячо защищали поединки, другіе предавали ихъ проклятію. «Дерское самоубійство» — говорили одни. «Но кто же лучше меня самого управится въ собственномъ дѣлѣ?» — отвѣчали другіе. — «Убійство» — говорили одни. «Война» — отвѣчали другіе. Между этими противопожными воззрѣніями образовалась благоразумная средина, которая находила, что теоретически оправдать дуэль также невозможно, какъ практически избѣжать ея, основываясь на премудромъ правилѣ, что «такъ должно быть» противоположно съ «тѣмъ, что̀ есть на самомъ дѣлѣ». — Разумѣется, что всѣ эти споры кончились, какъ всегда, совершеннымъ затемнѣніемъ вопроса и ожесточенной упорностью каждаго въ своихъ мнѣніяхъ. Главный порицатель дуэлей до того разгорячился, что чуть не вызвалъ рыцарственнаго защитника ихъ.

Возвратившись домой послѣ горячаго пренія и воспоминая на досугѣ все слышанное и говоренное, я увидѣлъ, что вопросъ этотъ несравненно глубже и сложнѣе, и что его не разрѣшишь ни пангирикомъ, ни порицаньемъ.

Новое законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ осудило поединки, поставило ихъ почти рядомъ съ убійствомъ, но поединки не искоренились. Несмотря на запрещеніе Густава Адольфа, дрались подъ висѣлицей; несмотря на мѣры Ришельё, дрались передъ плахой. Судьи твердые и нелицепріятные во всѣхъ случаяхъ бываютъ снисходительны къ дуэлистамъ, общественное мнѣніе за нихъ; человѣкъ, защищавшій честь свою поединкомъ, уважается. Всѣ мыслящіе люди отказываютъ не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу въ правѣ убійства, и бо́льшая часть утверждаетъ въ тоже время, что дуэль — неизбѣжное зло, единое возможное огражденіе неприкосновенности лица отъ оскорбленія. Такое противорѣчіе законодательства съ общественнымъ мнѣніемъ, практическаго приложенія съ теоретическимъ понятіемъ прямо ведетъ къ вопросу: «на какомъ основаніи держится поединокъ въ образованнѣйшихъ странахъ Европы?»

Много было писано о поединкахъ, начиная съ Брантома; но ихъ разсматривали такъ, какъ наши милые спорщики, съ произвольныхъ точекъ зрѣнія и подъ вліяніемъ незыблемыхъ предразсудковъ или готовыхъ понятій. Бранили поединки на основаніи неприлагаемой, мечтательной морали и, вмѣсто обсуживанія дѣла, высказывали холодныя реторическія фразы о смиренномъ прощеніи; бранили ихъ на основаніи юридическомъ, которое требуетъ, чтобъ дѣло обиды было рѣшено не обиженнымъ, а судьей; осуждали ихъ съ точки зрѣнія римскаго права, не отстранивъ предварительно феодальнаго понятія о личности, твердо стоящей за свои права. Вопросъ о томъ, почему римское понятіе о государствѣ единственно истинно, и почему феодальное понятіе о личности, о ея наслѣдственныхъ, семейныхъ и политическихъ правахъ, развитое средними вѣками, неизмѣнно, не былъ рѣшаемъ даже въ такое время, которое, повидимому, отрекалось отъ всего феодальнаго, во время переворотовъ. Лучшее доказательство, что человѣкъ остался при своемъ прежнемъ понятіи о себѣ и о государствѣ. Современный человѣкъ думаетъ, что средніе вѣка далеко отъ него, а они въ немъ: онъ тотъ же рыцарь, но переложенный на другіе нравы.

Не имѣя возможности, по многимъ причинамъ, представить историческую монографію о поединкахъ, я хотѣлъ сколько-нибудь способствовать къ уясненію вопроса, занимавшаго споривших пріятелей, и съ этой цѣлью написалъ сжатый историческій очеркъ развитія

чести, представляя имъ выводить послѣдствія какія угодно. Я нигдѣ не защищаю дуэли и нигдѣ не браню ея.

Бранить или хвалить какой-нибудь всеобщій историческій фактъ дѣло совершенно праздное, извиняемое только благороднымъ увлеченіемъ, въ силу котораго вырываются рѣчи негодованія или восторга. Довѣріе къ роду человѣческому требуетъ на столько уваженія къ вѣковымъ явленіямъ, чтобъ и отрѣшаясь отъ нихъ, не порицать ихъ: въ этомъ много суетности и легкомыслія; дикіе съ честью хоронятъ умершихъ, а не ругаются надъ трупами. Кто бранится, тотъ не выше бранимаго; бранятся тамъ, гдѣ не достаетъ доказательствъ. И какая цѣль подобныхъ разглагольствованій? Исправленіе нравовъ развѣ? Я думаю, выросшаго человѣка мудрено исправить педагогическими средствами и благороднымъ негодованіемъ, когда онъ плохо исправляется уголовными средствами и негодованіемъ палача. Достигайте, чтобъ онъ понялъ истину: это будетъ вѣрнѣе; итти далѣе, хвалить или порицать показываетъ неуваженіе къ его смыслу. Сказать, что поединокъ зло, нелѣпость, преступленіе, легко и справедливо, но недостаточно; неужели же нѣтъ причинъ, почему это *зло*, эта *нелѣпость* сохранилась до сихъ поръ? Если же вмѣсто порицанія и односторонняго сужденія, мы разберемъ и внутреннюю сторону предмета, тогда мы узнаемъ общія основанія, на которыхъ опирался поединокъ, и легко можетъ быть найдемъ связь его съ другими явленіями, ихъ круговую поруку; такой разборъ можетъ насъ привести въ свою очередь какъ бы въ вознагражденіе за то, что мы узнали историческое основаніе факта, отвергаемаго нами, къ раскрытію неразумности фактовъ, незыблемо признаваемыхъ нами; *et c'est autant de pris sur le diable*, какъ говорятъ французы. Рѣзкость односторонихъ сужденій на первую минуту ослѣпляетъ въ нихъ больше характернаго, опредѣленнаго; но если вглядѣться имъ прямо въ глаза, тощесть ихъ тотчасъ открывается. «Всего рѣзче видятъ одну сторону - сказалъ Аристотель — тѣ, которые видятъ мало сторонъ.»

I.

У человѣка, вмѣстѣ съ сознаніемъ, развивается потребность *нѣчто свое* спасти изъ вихря случайностей, поставить непрякосновеннымъ и святымъ, почтить себя уваженіемъ его, поставить его выше жизни своей. Пристально вглядываясь въ длинный рядъ превращеній чтимаго, мы увидимъ, что основа ему нечто иное, какъ чувство соб-

ственнаго достоинства и стремленіе сохранить нравственную самобытность своей личности, и то и другое сначала въ формахъ дѣтскихъ, потомъ отроческихъ, какъ во всякомъ человѣческомъ развитіи. Сначала это чувство выражается въ семейныхъ отношеніяхъ, въ фанатической привязанности къ роду, племени, обычаю, преданію, къ *своимъ* богамъ въ противоположность сосѣдскимъ. Потомъ она является свято-уважаемымъ *общимъ дѣломъ (res publica)*; государство, городъ поглощаетъ еще человѣка, но уже онъ силенъ своимъ гражданскимъ значеніемъ. Неудовлетворенный однакожь общимъ дѣломъ, человѣкъ ищетъ свое дѣло, обращается внутрь себя, въ груди своей начинаетъ открывать нѣчто твердое и незыблемое, въ себѣ находитъ мѣрило своего достоинства и хладнокровно смотритъ на племя, на городъ, на государство: тогда быстро развивается въ немъ понятіе *чести и собственнаго достоинства*. Но это еще не все. Перенося въ грудь свою свое чтимое, человѣкъ переноситъ его на истинную почву; но какова эта грудь? Можетъ быть онъ понимаетъ себя не такимъ, какимъ онъ дѣйствительно есть — ниже и выше, духовнѣе и животнѣе, затерянным въ общинѣ и одинокимъ въ себѣ самомъ; наконецъ, можетъ быть его грудь, въ которую онъ переноситъ кивотъ свой, не его грудь; можетъ быть, свободный отъ прежнихъ узъ, онъ перевязанъ новыми; а какимъ онъ себя понимаетъ, такъ поймутъ онъ и свою честь. «Основа чести можетъ быть нравственна и необходима, можетъ быть случайна и безсмысленна,» но всегда и вѣчно она есть «отраженіе человѣкомъ своей самобытности», (*) сообразно тому, какъ онъ ее понимаетъ, или, вѣрнѣе, какъ ее понимаетъ его эпоха.

Три великія эпохи жизни человѣчества представляютъ намъ тѣ три разныя пониманья человѣческаго достоинства, до которыхъ мы коснулись. Востокъ представляетъ низшую ступень древняго понятія о личности; она почти затеряна въ племени, въ царствѣ. Греко-римскій міръ съ своими гражданами — высшее его развитіе. Основа человѣческаго достоинства обоими была понята внѣ человѣка. Наконецъ средніе вѣка обернули вопросъ: существеннымъ сдѣлалась личность, несущественнымъ — *res publica*. Самая эта исключительность указываетъ на необходимую односторонность послѣдствій. Жизнь общественная — такое же естественное опредѣленіе человѣка, какъ достоинство его личности. Безъ сомнѣнія, личность дѣйствительная вершина историческаго міра: къ ней все примыкаетъ, ею все живетъ; всеобщее безъ личности — пустое отвлеченіе: но личность только и имѣетъ полную дѣйствительность по той мѣрѣ, по которой она въ обществѣ. Аристотель превосходно назвалъ человѣка —

(*) Hegel, Aesthetik. T. II. Romantische Kunst-Ehre.

ческой личности; рабъ — вещь; истинная личность его въ господинѣ, котораго онъ членъ, органъ. Рабу трудно нанести оскорбленіе: онъ или не дорось до того, чтобъ понять его, или перенесъ уже безусловное оскорбленіе утратою всѣхъ человѣческихъ правъ и примиреніемъ съ этой утратой. Однако, могъ ли восточный человѣкъ оставаться безъ всякаго понятія о чести? Ни подъ какимъ видомъ. Это также невозможно для человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ, какъ невозможно бы было себѣ представить дѣйствительное понятіе о достоинствѣ человѣка у азіятца. Такъ на Востокѣ не могли развиться поединки въ нашемъ смыслѣ; но тѣмъ страшнѣе и злобнѣе развилась месть, всего чаще не за собственную обиду, а за обиду семьи, обычая; въ Японіи оскорбленный разрываетъ свой животъ — новое доказательство, что у нихъ не развито ни тѣни истиннаго понятія о безконечномъ достоинствѣ человѣческомъ; японецъ не находитъ въ себѣ средства очищенія, онъ не находитъ того мѣста, которое выше обиды, которое примирится уничтоженіемъ оскорбителя: онъ можетъ смыть обиду только самоубійствомъ. Притомъ азіятцы мелочно раздражительны, у нихъ казуистика чести развилась не хуже средневѣкового, но все это одинъ пустой формализмъ, что-то условное; такъ въ азіятскихъ царствахъ до смѣшного развились внѣшніе знаки, почести, учтивости, т. е. все негодное или по-крайней-мѣрѣ пустое, сопровождающее понятіе о личномъ достоинствѣ, безъ истиннаго смысла его.

Личность азіятскихъ властелиновъ была единая человѣческая личность на Востокѣ, и дѣйствительно одни они въ Азіи понимали честь и вступались за нее Высоко поставленную личность ихъ было трудно оскорбить; рабами она обидѣться не могла: обида существуетъ собственно между личностями, признающими взаимныя права; цари могли оскорблять другъ друга, и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ царства дрались, опустошались: вотъ поединокъ востока. Отсутствіе сознанія личнаго достоинства, неотрѣшенность отъ физическихъ опредѣленій, несчастія, неразрывныя съ дѣтствомъ, погубили Азію. Взгляните на эти чудовищныя царства, возникающія съ притязаніемъ на покореніе вселенной и удивляющія сперва страшной силой, потомъ страшной слабостью: они сходятъ съ поприща исторіи, дряхлыя въ юности, или остаются въ жалкой дремотѣ: безъ нравственной личности нѣтъ движенія, прочности, развитія. Смутное понятіе чести выражалось у азіятца слѣпой преданностью семьѣ, племени, кастѣ. Помните ли вы, какъ Ксеркъ подвергался опасности на морѣ, и кормчій объявилъ, что корабль грузенъ; царедворцы не задумались погибнуть для спасенія Ксеркса: медленно выходилъ каждый изъ рядовъ приближался къ царю, склонялся передъ нимъ, потомъ твердыми

шагами шелъ къ борту и кидался въ море. Это восточные термопилы; царедворцы поступили совершенно послѣдовательно. Любимецъ Дарія Истаспа, видя, что онъ хочетъ снять осаду Вавилона, обрубилъ себѣ уши и носъ и въ этомъ жалкомъ видѣ передался вавилонянамъ, прося отмщенія и говоря, что его изуродовалъ Дарій. Вавилоняне сдѣлали его военачальникомъ, и онъ предательски отдалъ ихъ городъ Дарію Истаспу. Сколько тутъ самоотверженія! Это восточный Баярдъ.

Понятіе о личности является сознаннымъ въ отношеніи къ государству въ мірѣ греко-римскомъ. Личность не разрывна съ понятіемъ гражданина, она не свободна еще въ отношеніи къ себѣ: восточное поглощеніе всѣхъ личностей одною повторяется и здѣсь, но мѣсто случайнаго лица занимаетъ нравственное, миѳическое лицо города. Каждый гражданинъ сознавалъ въ самомъ себѣ долю идеальной, царящей личности города или отечества, и эта доля была неприкосновенная, святая святыхъ его души. Патріотизмъ грека и римлянина былъ раздражителенъ и не выносилъ никакой обиды; въ немъ заключался древній *point d'honneur*. Ѳемистоклъ, сказавшій: «бей, но дай высказать», тѣмъ ярче выражаетъ греческое понятіе о чести, что оно въ этомъ случаѣ прямо противоположно средневѣковому понятію. Но *общее*, чтимое, святое было понято опять подъ опредѣленіемъ непосредственности и внѣшности; личность человѣка и его достоинство поглощались достоинствомъ гражданина, а значеніе гражданина было основано на случайности мѣсторожденія, его права были права монополіи; свободы въ древнемъ мірѣ не было; свободенъ былъ Римъ, Аѳины, а не люди. Граждане древняго міра — сказалъ не помню какой-то историкъ — потому считали себя свободными, что всѣ участвовали въ правленіи, лишавшемъ ихъ свободы. Уваженіе къ себѣ, какъ къ гражданину, было недостаточно; оно не помѣшало ни кліентизму, ни обоготворенію цезарей. Римскій гражданинъ, глубоко развращенный невольничествомъ, привычкой считать, сверхъ невольниковъ, всѣхъ иностранцевъ полулюдьми, врагами, варварами, не нашелъ въ душѣ своей никакой нравственной опоры, когда Римъ сталъ падать, да и Римъ, съ своей стороны, не нашелъ опоры въ своихъ гражданахъ. Катонъ и множество другихъ республиканцевъ, консерваторовъ, увидавши, что Римъ падетъ, лишили себя жизни и поступили совершенно послѣдовательно римскому понятію о чести. Что оставалось въ ихъ жизни? Развѣ она имѣла значеніе, независимое отъ Рима? Значеніе не національное, а человѣческое? Нѣтъ. Правда, Сенека сталъ поговаривать о неотъемлемомъ достоинствѣ человѣка, присущемъ ему потому, что онъ человѣкъ, но Сенека родился послѣ смерти республики и въ то время, какъ иной духъ началъ вѣять въ

самомъ Римѣ. — Такъ какъ истинныя личности были въ греко-римскомъ мірѣ – города, то и поединки могли быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только между городами или республиками; Аѳины и Спарта всю жизнь провели въ дуэляхъ. Между частными людьми въ Римѣ поединка не могло быть потому, что дѣла чести рѣшались цензурой. Государство имѣло право отнять все нравственное значеніе гражданина. Если и случалось что-нибудь въ родѣ поединковъ, то основа ихъ была непремѣнно патріотическая: такова дуэль между Горація̀ми и Куріацами. Греческая философія и римская цивилизація приготовили переходъ къ тѣмъ понятіямъ о личности, которая возвѣстилась людямъ евангеліемъ, и если Аристотель былъ на столько грекъ, что дѣлилъ натуру человѣческую на свободную и рабскую, то Юлій Цезарь былъ на столько человѣкъ новаго міра, что жалѣлъ рабовъ и гладіаторовъ; очень понятно, почему первый примѣръ гуманности представляетъ именно тотъ человѣкъ, который нанесъ смертельный ударъ республикѣ. Неблагопристойныя ругательства Цицерона, въ полномъ засѣданіи Сената, противъ Антонія, котораго онъ обвиняетъ, между прочимъ, въ томъ, что онъ пьяный бѣгалъ безъ всякой одежды по улицамъ, вызвали отвѣтъ одного сенатора, который также обругалъ Цицерона и заключилъ, что если Цицеронъ носитъ длинную тогу, то это для прикрытія своихъ отвратительныхъ ногъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что уваженіе къ личности мало было развито въ Римѣ, что̀ всего ярче выразилось въ отвратительномъ отношеніи патроната и кліентизма.

III.

Личность христіянина отрѣшается отъ древняго гражданскаго опредѣленія. Спаситель зоветъ мытарей и женщинъ, отворяетъ царство Божіе разбойнику, безщадно казненному закономъ гражданскимъ. Слово: невольникъ, рабъ, становится богохульствомъ, нищета — достоинствомъ, національность теряетъ смыслъ въ отношеніи къ единственной паствѣ, къ единой церкви; любовь къ отечеству уступаетъ первенство любви къ ближнему. Личность христіянина не только освобождалась отъ своего гражданскаго и исключительно національнаго опредѣленія: она стремилась освободиться и отъ всего земного; она совлекла съ себя стараго Адама, т. е. всю сторону непосредственную, тѣлесную, земную любовь, земное семейство, земныя страсти, земную мудрость, земное богатство, даже земное тѣло. Но братственная община, о которой говоритъ Евангелистъ Лука въ Дѣяніяхъ, незнавшая права собственности, имѣвшая одну душу и одно

сердце, распространялась, встрѣтилась съ государствомъ. Ничего не могло быть противоположнѣе христіянскимъ началамъ, какъ понятіе о государствѣ, развившееся въ римской имперіи того времени. Діоклеціанъ, первый восточный царь римскій замѣтилъ противорѣчіе азіатско-римскаго понятія о государствѣ съ христіянскимъ, онъ съ свирѣпостью человѣка, непонимающаго духъ времени, гналъ огнемъ и мечемъ юную церковь. Но дѣлать было нечего; имъ надобно было помириться. Государство было необходимо для христіянъ: это была доля кесаря, которую надобно было предоставить кесарю. При такомъ противорѣчіи совѣсти съ гражданскимъ порядкомъ, частнаго съ общимъ, нельзя было развиваться, — можно было остановиться, потерять всякую силу и строеніе и держаться потому только, что еще паденіе не совершилось. Это доказываетъ та часть римской имперіи, которая осталась вѣрною древнему государству и которая разлагалась до XV столѣтія. Дѣйствительное примиреніе вышло нидѣ.

Съ своей стороны, ничего не можетъ быть противоположнѣе не только восточному рабу, теряющемуся въ племени, но и римскому гражданину, поглощенному своимъ государственнымъ значеніемъ, какъ германецъ, боящійся всякой централизаціи и предпочитающій дикую независимость удобствамъ гражданской жизни. Германцы жили кучками, общинами, знаменами или дружинами; они почти не принадлежали землѣ, на которой родились, носили родину съ собой и вездѣ были дома. Когда хаотическое броженіе переселеній, завоеваній, перваго устройства, успокоилось, когда германцы приняли христіянство, когда весь этотъ новый міръ началъ слагаться, принимая въ себя и остатки древней цивилизаціи и новую религію, для того, чтобъ ими развивать свою собственную сущность, тогда первымъ полнымъ и органическимъ слѣдствіемъ взаимнаго проникновенія этихъ элементовъ является *рыцарство*. Рыцарствомъ вооруженная ватага кондотьеровъ, наѣздниковъ, необузданныхъ воиновъ поднялась изъ міра грабежей и насилія въ феодальное благоустройство. Ключемъ свода этого готическаго братства, этихъ военныхъ гражданъ, единственныхъ правовѣрныхъ людей того времени, была безпредѣльная самоувѣренность въ достоинствѣ своей личности и личности ближняго, разумѣется, признаннаго ровнымъ по феодальнымъ понятіямъ. Это было нѣчто совершенно новое. Не только каждый клочокъ земли захотѣлъ самобытности — послѣ того, какъ весь міръ жилъ однимъ Римомъ — но каждый непобѣжденный человѣкъ понималъ себя независимымъ, своевольнымъ. Феодализмъ — апотеоза личности воина, монадологія въ гражданскомъ развитіи; въ немъ нѣтъ дѣйствительнаго центра. Понятіе о государствѣ, о городѣ, какъ о единомъ дѣйствительномъ, къ которому отнесенъ человѣкъ, пало; человѣкъ, какъ

воинъ-защитникъ, какъ рыцарь, началъ понимать себя собственнымъ средоточіемъ; понявши это, онъ долженъ былъ высоко поставить свою честь, свою самобытность — гордую и независимую. Не массы сознали эту мысль о достоинствѣ личности: массы были побѣжденные, массы были отсталые горожане, люди римскихъ понятій, массы были несчастные земледѣльцы, для которыхъ часъ сознанія еще не наставалъ; ее поняли доблестнѣйшіе изъ воиновъ, ее поняли духовные. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для исторіи, какъ вносить современные вопросы, симпатіи и антипатіи въ разборъ былыхъ событій; если въ нѣкоторыхъ странахъ позволяютъ людямъ судиться порами, то какое же право мы имѣемъ судить прошедшее не по его понятіямъ, а по понятіямъ иного времени. Мы привыкли сопрягать съ словомъ: рыцарство, понятіе угнетенія, несправедливости, касты; но съ тѣмъ самымъ словомъ мы вправѣ сопрягать смыслъ совершенно противоположный. Мы теперь смотримъ на рыцарство, какъ на прошедшій институтъ; его слабыя стороны для насъ раскрыты; насъ оскорбляетъ его гордое чувство безконечнаго достоинства, основанное на безконечномъ униженіи привязаннаго къ землѣ, оно пало отъ своей односторонности, оно наказано; оно до того умерло наконецъ, что пора ему отдать полную справедливость.

Взгляните на рыцарство, отступивши въ VII, VIII столѣтія — и оно представится передовой фалангой человѣчества; оцѣните внутреннюю мысль его о достоинствѣ человѣческой личности, о святой неприкосновенности ея, о строгой чистотѣ — и вы поймете великое начало, внесенное имъ въ исторію. Оттого мы рыцарей можемъ принять за высшихъ представителей среднихъ вѣковъ; истинные представители эпохи — не ариѳметическое большинство, не золотая посредственность, а тѣ, которые достигли полнаго развитія, энергическіе и сильные дѣятельностью; другіе были въ ребячествѣ или въ дряхлости. *Человѣкъ научился уважать человѣка* въ рыцарѣ: этого мы имъ не забудемъ. Гордое требованіе признанія рыцарскихъ правъ было почвою, на которой выросло сознаніе права и достоинства человѣка вообще. Рыцарь далеко не былъ ниже римскаго гражданина. Римскій гражданинъ имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что онъ развилъ свое понятіе; но то, чего домогался рыцарь, было выше того, чего достигнулъ римлянинъ. Сущность гражданина — внѣ его, случайность рожденія опредѣляетъ права его; сущность рыцаря — въ немъ самомъ, и онъ становится рыцаремъ, а не родится. Его право не принадлежитъ его личности, какъ случайной, а принадлежитъ ему по развитіи въ случайной личности ея родового значенія (разумѣется такъ, какъ оно понималось въ тѣ времена). Никто не былъ признаваемъ христіяниномъ по одному физическому рожденію;

никто не родился рыцаремъ; для перваго надобно было духовное рожденіе крещеніемъ, для второго искусъ и торжественное признаніе посвященіемъ. Рыцари были единственные свободные люди въ среднихъ вѣкахъ; они составляли между собой братство, разсѣянное по всему католическому міру и сочувствовавшее между собою; ихъ соединяло единство обычаевъ, единство понятій о своемъ достоинствѣ, единство предразсудковъ; каждый рыцарь сознавалъ неприкосновенное величіе своей личности и готовъ былъ доказывать его мечомъ. Но можно ли назвать братствомъ учрежденіе, при которомъ массы были угнетены? А какъ же древнія республики называются республиками, когда въ нихъ одни граждане имѣли права? Низшіе классы въ среднихъ вѣкахъ не только не были признаны высшими, но и собою не были признаны; ихъ признавала одна церковь и передъ алтаремъ они были равны; человѣкъ признается человѣкомъ на столько, на сколько онъ самъ себя признаетъ человѣкомъ. Кровавыя событія временъ Жакри выразили иныя потребности со стороны народа и обнаружили иное сознаніе, и рыцари всѣми ужасами и свирѣпостями того времени не могли ничего сдѣлать. Тоже въ городахъ: по мѣрѣ того, какъ коммуны начинали сознавать свои права, рыцари со скрежетомъ зубовъ должны были уступать; сознаніе это росло, а рыцарство дряхлѣло. Въ 1614 году оно еще протестовало противъ смѣлости средняго состоянія, дерзнувшаго назваться братомъ рыцарства, а въ 1787 году Сіэсъ издалъ свою брошюру *du tiers-état* и увѣрялъ, что среднее состояніе *все*, — мнѣніе, въ которое теперь никто не вѣритъ. *Suum cuique!*

Права личности у рыцарей доказывались и поддерживались оружіемъ; міръ феодальный былъ дикъ и грубъ; кромѣ оружія и матеріяльной силы, человѣкъ не находилъ себѣ другого оплота. Рыцарь былъ прежде всего воинъ, побѣдитель; подозрѣніе въ трусости и неумѣньи владѣть мечомъ — было высшимъ оскорбленіемъ. Рыцарство и тутъ въ міръ вѣчной войны и рѣзни внесло свое благотворное вліяніе: свирѣпое и необузданное насиліе облагораживается; враги не бросаются другъ на друга какъ звѣри, а выходятъ торжественно на поединокъ, благородно, открыто, съ равнымъ оружіемъ. Поединокъ былъ совершенно на мѣстѣ у этого военнаго братства. Кто судья надъ рыцаремъ, какъ не онъ самъ, какъ не равный ему противникъ? Для горожанина, для простолюдина существуетъ судебное мѣсто; но развѣ рыцарь подсуденъ кому-нибудь въ дѣлѣ чести, и что государство и его законъ за мѣрило, за возмездникъ его оскорбленію? Онъ самъ себѣ достанетъ право — копьемъ, мечомъ. Онъ признавалъ *самоуправство* естественнымъ неотъемлемымъ правомъ. Зачѣмъ онъ, оскорбленный, пойдетъ искать юридической расправы, когда

онъ не вѣритъ въ ея возможность возстановить честь; онъ ищетъ собственной опасностью, смертью свой судъ и въ немъ оправданіе себя въ чужихъ глазахъ и своихъ, казнь виновнаго согласно съ рѣшеніемъ небеснымъ. Конечно храбрость и ловкость въ управленіи оружіемъ самый жалкій критеріумъ истины, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, трусость — вѣчный ошейникъ рабства. Въ наше время странно было бы доказывать истину тѣмъ, чтобъ проткнуть копьемъ того, кто вздумаетъ возражать или кто не согласенъ съ нами въ мнѣніи. Самое требованіе признанія моей личности такъ, какъ *я хочу*, не справедливо; но во время рыцарства, когда чувство чести и самобытности было такъ ново и одушевляло грубыя и съ тѣмъ вмѣстѣ полудѣтскія натуры, понятно и деспотическое требованіе признанія и готовность оружіемъ дать вѣсъ своему требованію. Не надобно забывать сверхъ того, что тогда человѣкъ дѣтски вѣровалъ, что небо поможетъ правому; самые судьи не находили тогда лучшаго средства къ раскрытію истины, какъ Судъ Божій, какъ поединокъ. Поединокъ имѣлъ религіозную основу и нравственную. Нравственный принципъ поединка состоитъ въ томъ, что *истина дороже жизни*, что за истину, мною сознанную, я готовъ умереть, и не признаю правъ на жизнь отвергающаго ее. Мало сознавать достоинство своей личности: надобно, сверхъ того, понимать, что съ утратою его, бытіе становится ничтожно; надобно быть готовымъ испустить духъ за свою истину, — тогда ее уважатъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Человѣкъ, всегда готовый принесть себя на жертву за свое убѣжденіе, человѣкъ, который не можетъ жить, если до его нравственной основы коснулись оскорбительно, найдетъ признаніе. Гражданинъ древняго міра имѣлъ всю святую святыхъ въ объективномъ понятіи своего отечества, онъ трепеталъ за его честь. Рыцарь, безпрестанно сосредоточенный на самомъ себѣ, при всякомъ событіи, думалъ прежде всего о своемъ достоинствѣ; его ни во снѣ, ни на яву не оставляла мысль о его неприкосновенности; ревнивое и раздражительное чувство чести было безпрерывно, лихорадочно возбуждено. Жизнь, имѣющая такую основу, должна была принять характеръ угрюмый, восторженный, пренебегающій суетами и въ тоже время страстный, необузданный. Съ одной стороны католицизмъ освобождалъ человѣка на томъ условіи, чтобъ онъ отрекся отъ всего человѣческаго, съ другой рыцарство давало ему копье и ставило его вѣчнымъ стражемъ своей чести. И онъ былъ величественъ — этотъ стражъ! Да, этотъ человѣкъ съ поднятымъ челомъ, опертый на копье, величаво и гордо встрѣчающій всякаго, увѣренный въ своей самостоятельности по силѣ, которую ощущаютъ въ груди, ничего небоящійся, потому-что презираетъ жизнь, былъ высокъ и полонъ поэзіи. Вся самобытность рыцаря

въ немъ самомъ; это бедуинъ, окруженный степью; онъ едва принадлежитъ какой-нибудь странѣ, онъ воинъ всего міра католическаго, онъ почти чуждъ патріотизма; гдѣ его отечество? Это монада, сознающая себя самобытнымъ средоточіемъ, сознающая все царственное величіе своей личности; онъ безпредѣльно вѣренъ своей присягѣ, его честь — залогъ его вѣрности, его вѣрность - свободный даръ; онъ не можетъ измѣнить, потому-что не могъ отдаваться; онъ не понимаетъ восточнаго хвастливаго самоуниженья; греки смѣялись надъ невѣжествомъ крестоносцевъ; быть человѣкомъ казалось грубостью для византійцевъ. Необразованные воины эти, покрытые желѣзомъ, готовы были за тѣнь оскорбленія лечь костьми; греки считали это предразсудкомъ, они, въ случаѣ нужды, подмѣшивали яду, дѣлали доносы.... ихъ воспитанія были совершенно розны.

Но какъ ни было сильно развитіе рыцарства, какъ оно ни было ярко и поэтично, — оно носило въ себѣ причину быстрой дряхлости: она очевидна.

Мы упомянули, что христіяне первыхъ вѣковъ приняли, какъ неотразимое событіе, римское государство; истиннаго сочувствія между древнимъ порядкомъ вообще и новой религіей не могло быть. Монастыри показывали разомъ внутреннюю соціяльную мысль христіянъ того времени и ихъ отвращеніе отъ языческаго устройства. Мы видѣли такую же несвойственность германскаго характера съ римскимъ понятіемъ государства. Тацитъ въ свое время уже замѣтилъ, что германцы любятъ жизнь въ-разбивку. Шлегель думалъ уколоть германцевъ, говоря: *der Deutschen wahre Verfassung ist Anarchie*, и высказалъ невзначай мысль, которой глубины не предвидѣлъ. Рыцарь — германецъ и христіянинъ вмѣстѣ. Онъ осуществилъ этотъ протестъ личности противъ поглощающаго государственнаго единства, такъ какъ другой протестъ, смиренный и безоружный, являлся въ католическомъ монахѣ, отвергавшемъ гражданскія опредѣленія. Мечта Карла Великаго о сильной имперіи не могла осуществиться: папа, рыцарство и монашескіе ордена составляли оппозицію. Церковь признавала одно единство — единство паствы подъ жезломъ одного пастыря; феодализмъ хотѣлъ жить на каждой точкѣ земли; высасываніе всѣхъ соковъ однимъ городомъ было для него противно, онъ былъ слишкомъ завистливъ, чтобъ помогать централизаціи, у него вездѣ былъ свой центръ; кто же бы его понудилъ уступить монополь одному городу? Польза, происходящая отъ сосредоточенія, отъ единства управленія, мало согласовалась съ его понятіемъ самобытности каждаго мѣстечка и уваженія ко всѣмъ федеральнымъ обычаямъ его. Эту независимую личность германскую рыцарство выразило энергически. — Но во имя чего же былъ этотъ

протестъ, во имя чего освобождалась личность рыцаря? Зачѣмъ она такъ ревниво отстаивала себя противъ государства? — По странному сочетанію противоположностей, составляющему чуть ли не отличительную черту всего средневѣкового, рыцарь, человѣкъ, развившій въ себѣ чувство самобытности до высшей степени, оставался нравственнымъ рабомъ; этотъ храбрый и непреклонный воинъ, отважный завоеватель, гордый защитникъ своей личности, былъ съ тѣмъ вмѣстѣ трусъ, и если короли и горожане боялись его, то онъ самъ боялся очень многаго. Великій шагъ противъ древняго міра былъ тѣмъ сдѣланъ, что чтимое, неприкосновенное, святое поняли внутри своей груди, а не въ городѣ; но для полнаго развитія личности человѣческой недоставало нравственной самобытности: она была совершенно неизвѣстна въ среднихъ вѣкахъ. Тогда все было несвободно; даже *point d'honneur*, хранитель личныхъ правъ, былъ часто самымъ тяжкимъ игомъ; такъ федерализмъ отстаивалъ самобытность частей государства для того, чтобъ доставить торжество своимъ провинціальнымъ обычаямъ, нерѣдко подавлявшимъ личную волю вдвое болѣе.

Логика событій неумолима: Рыцарь, свободная личность въ отношеніи къ государству и рабъ внутри, развилъ односторонность свою до нелѣпости; онъ съ каждымъ днемъ дѣлался болѣе и болѣе Донъ-Кихотомъ; не имѣя дѣйствительнаго критеріума чести, онъ весь зависѣлъ отъ обычая и мнѣнія; онъ, вмѣсто живого и широкаго понятія человѣческаго достоинства, разработалъ жалкую и мелочную казуистику оскорбленій и поединковъ. Рыцарство пало жертвою своей односторонности, оно пало жертвою противорѣчія, только формально примиреннаго въ его умѣ. Но наслѣдіе, имъ завѣщанное, было велико; оно искупаетъ и его односторонность и весь временной вредъ, нанесенный имъ; лучшаго наслѣдія никто не завѣщалъ ни Аѳинамъ, ни Аѳины, ни Римъ — понятіе о неприкосновенности личности, о ея достоинствѣ,— словомъ, о чести. Честь скоро сдѣлалась неписанной хартіей германо-романскихъ народовъ. «Возлѣ гражданскаго суда учреждается свой трибуналъ, трибуналъ чести» (1), восполняющій недостатокъ юридической расправы. Съ человѣкомъ, который ставитъ свою честь выше жизни, съ человѣкомъ, идущимъ добровольно на смерть, нечего дѣлать: онъ *неисправимо человѣкъ*. Уваженіе къ личности, унаслѣдованное отъ рыцарей, мало-по-малу распространившееся по всѣмъ сословіямъ, трепетъ за ея чистоту, спасли Европу во время революціоннаго противодѣйствія феодализму со стороны ожившей идеи государства и централизаціи; они помѣшали, по превосходному выраженію Монтескьё, «чиновнику сдѣлаться ла-

(1) *Montesq. Espr. des Lois.*

кесмъ и солдату палачомъ». Людвигъ XI, Генрихъ VIII и самъ Филиппъ II знали очень хорошо, что сгнетаемость лица простирается до извѣстной степени, что его можно ограбить, убить, запутать въ сѣти, сжечь на *auto da fe*, подавить общими мѣрами, но трудно и опасно оскорбить, нанести личную обиду; они знали, что горе дотрогивающемуся до чести; и тоже самое вѣрованіе чести сдѣлалось опорою престола — европейскихъ монархій. Ея нѣтъ во всѣхъ богдыханствахъ, деспотіяхъ и султанатахъ востока (1).

По мѣрѣ паденія рыцарства и самого католицизма, возникаютъ въ Западной Европѣ и укрѣпляются монархіи съ своими горожанами, постоянными войсками, съ своими судами и придворными, съ своей религіей — протестантизмомъ, англиканской и галликанской церквами. Римская идея государства является снова, но уже не какъ *общее дѣло*, а какъ дѣло правительства, какъ общественная польза, какъ поземельная неприкосновенность. Непреклонная, независимая личность феодала приносится на жертву государству; напрасно прячется она въ своихъ замкахъ и лѣсахъ — новый порядокъ бьетъ ее вездѣ. Понятіе политической государственной самобытности развивается въ этомъ мірѣ.... но на какой-то холодной основѣ мелкаго эгоизма, личность жертвуется не отечеству, не государству, а спокойствію и матеріяльнымъ удобствамъ. Настойчивый въ своихъ правахъ горожанинъ, хитрый легистъ не развили въ себѣ того благороднаго и открытаго характера, какъ рыцарь; гордость, съ которой феодалы смотрѣли на нихъ, понятна. Поле брани, привычка къ оружію, къ опасности удивительно воспитываетъ человѣка; онъ привыкаетъ пренебрегать мелочами, къ которымъ привязываетъ осѣдлая и спокойная жизнь; у него складывается какой-то односторонній, но энергическій взглядъ на вещи, и въ тоже время взглядъ наивно дѣтскій; онъ будетъ грабить, но не будетъ хитрить; онъ будетъ насиловать, но не будетъ подъискиваться; онъ свирѣпо убьетъ, но не изъ-за угла. Совсѣмъ не такъ былъ воспитанъ горожанинъ: онъ былъ умнѣе, дѣльнѣе, ученѣе рыцаря; но онъ былъ робокъ, привыкъ къ скрытности, къ проискамъ, къ уклончивости; онъ силенъ въ корпораціи — и ничтоженъ одинъ; онъ силенъ, опираясь на положительный законъ; опереться на себя ему и въ голову не приходило; словомъ, въ немъ не было той откровенности, которая присуща дѣйствительному со-

(1) Придется исключить одинъ Багдадскій Халифатъ во время его цвѣтенія и мавровъ вообще. Это составляетъ исключеніе, какое то *nuzzo-termine* между востокомъ и Европой. Зачѣмъ Монтескьё отдѣлилъ честь отъ добродѣтели? — Онѣ расходятся только въ крайностяхъ; напр. добродѣтель, доводящая смиреніе до позволенія бить себя палкой, расподется съ честью, такъ какъ казуистика бретера или *d'un raffiné* расподается съ добродѣтелью.

знанію личности. Этой откровенности вообще не было во всемъ переворотѣ противъ феодализма. Онъ сдѣлался исподоволь; союзники, соединившіеся противъ феодализма, были заклятые враги (Людвигъ XI и чернь). Главнѣйшіе дѣятели его скрывали свои противоборствующія идеи, не только идучи на бой, но и послѣ побѣды (напримѣръ Ришельё). Наружно они сохраняли старыя формы, наружно они выдавали себя не только за консерваторовъ, но и за историческую всегдашность, призывали лжесвидѣтельствовать въ свою пользу исторію, обманывали, коварствомъ побѣждали врага и только наружно хранили видъ чести и доблести.

IV.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

ИСКАНДЕРЪ.

С. Соколово.
Сентябрь 1847.

III.

О ХИМИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗІОЛОГІИ.

1. Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Physiologie und Pathologie, *von* J. Liebig, *3te Auflage*, *1te Abtheilung* (Органическая химія въ приложеніи къ физіологіи и патологіи, Ю. Либиха, 3-е изданіе, 1-е отдѣленіе).

2. Chimie physiologique et médicale *par* Dumas, 1847. (Химія физіологическая и медицинская Дюма).

3. Versuch einer allgemeinen physiologischen Chemie *von* Mulder, *Heidelberg 1—8 Lieferung* (Опытъ общей физіологической химіи Мольдера 1—8 выпусковъ).

4. Physiologie des Athmens *von* K. Vierordt, *Karlsruhe, 1845* (Физіологія дыханія Фирордта).

5. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie *von* J. Liebig, *6te Auflage* (Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физіологіи Ю. Либиха, 6-е изданіе)

Статья вторая и послѣдняя.

Пока жизнь продолжается, мы видимъ въ ней непрестанный обмѣнъ матерія, который поддерживается питаніемъ и дыханіемъ; это безпрестанное измѣненіе и возобновленіе формъ есть существенный

характеръ жизни. *Здоровое состояніе* есть правильный ходъ этой дѣятельности; *болѣзнь*—измѣненный необыкновенный ходъ; *смерть* — когда обменъ вовсе прекращается, когда остается только измѣненіе формъ и нѣтъ возобновленія. По мнѣнію Либиха, во многихъ хроническихъ болѣзняхъ послѣднею причиною смерти должно считать дѣйствіе вдыхаемаго кислорода: если органы пищеваренія лишены способности переваривать пищу, доставлять въ организмъ матеріалъ, который бы соединялся съ кислородомъ, то дѣйствіе кислорода обращается на самые органы, человѣкъ безпрестанно худѣетъ и наконецъ умираетъ.

Какъ скоро жизнь прекратилась, съ тѣломъ животнаго начинается рядъ перемѣнъ, совершенно понятныхъ для насъ; жизненная сила дѣлается не нужною для объясненій, достаточно однѣхъ неорганическихъ силъ. Перемѣны эти въ глазахъ химика чрезвычайно разнообразны и многочисленны; на обыкновенномъ языкѣ совокупность ихъ называютъ *гніеніемъ*. Органы животнаго имѣютъ составъ весьма сложный: въ нихъ входятъ кислородъ, углеродъ, водородъ, азотъ, сѣра и вещества минеральныя. Эти сложныя вещества, находясь въ прикосновеніи съ кислородомъ воздуха и влажностью, начинаютъ измѣняться въ составѣ; общій характеръ этихъ измѣненій состоитъ въ томъ, что элементы группируются новымъ, простѣйшимъ образомъ, и это безпрестанно продолжается до тѣхъ поръ, пока они примутъ видъ такихъ простыхъ соединеній, которыя уже болѣе не измѣняются, т. е. пока весь углеродъ, водородъ и сѣра, соединясь съ кислородомъ, не превратятся въ углеродную кислоту, воду и сѣрную кислоту,—азотъ, соединяясь съ водородомъ, въ аммоніакъ. Углеродная кислота, вода и аммоніакъ, какъ продукты газообразные, улетаютъ въ атмосферу.

Но это, какъ уже было замѣчено, окончательный результатъ, къ образованію этихъ послѣднихъ продуктовъ предшествуетъ цѣлый рядъ промежуточныхъ, тѣмъ болѣе сложныхъ по составу, чѣмъ ближе они къ первоначальнымъ веществамъ, изъ которыхъ состояло тѣло животнаго. Это постепенное упрощеніе сложныхъ веществъ можетъ происходить или съ содѣйствіемъ кислорода воздуха, слѣдовательно посредствомъ окисленія, или сложное вещество распадается на простѣйшія само собою, безъ участія какого-нибудь вещества извнѣ — собственно гніеніе. Трупы животныхъ, оставаясь на воздухѣ, разлагаются и тѣмъ и другимъ образомъ; окисленіе производитъ преимущественно летучія, непахучія вещества, гніеніе же сопровождается отдѣленіемъ веществъ съ несноснымъ запахомъ, которыя заражаютъ окрестность гніющаго трупа. Послѣ окончательнаго разложенія остаются только нелетучія минеральныя части: фосфорнокис-

ая и углероднокислая известь костей и сернокислыя соли; все прочее, все собственно органическое, состоявшее изъ углерода, водорода, азота, кислорода, перешло въ атмосферу въ видѣ углеродной кислоты, паровъ воды, аммоніака.

Приготовленіе сыровъ есть явленіе, которое должно быть поставлено рядомъ съ гніеніемъ; и здѣсь мы видимъ распаденіе сложныхъ веществъ на простыя; но, управляя обстоятельствами, при которыхъ происходитъ это распаденіе, мы заставляемъ казеинъ и жиры измѣняться такъ, что происходятъ именно тѣ вещества, тѣ летучія органическія кислоты, которыя дѣлаютъ творогъ сыромъ.

Разрушительное дѣйствіе кислорода воздуха простирается на всѣ органическія вещества, но одни уступаютъ ему скорѣе, другія медленнѣе: сложныя азотистыя вещества измѣняются скорѣе другихъ, волосы, хрящи костей измѣняются гораздо медленнѣе, всѣхъ медленнѣе жиры; и это послѣднее обстоятельство повело къ ошибочному мнѣнію, что при гніеніи трупа происходитъ жиръ, и думали употребить это въ пользу; но увеличеніе жира въ трупѣ только кажущееся, относительное, потому-что все прочее значительно уменьшилось.

Тѣже перемѣны происходятъ съ трупами и тогда, когда они зарыты въ землю, только измѣненія совершаются здѣсь гораздо медленнѣе, и бо́льшая или мѣньшая медленность зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Во Франціи кладбищу даютъ такую величину, чтобъ приходилось хоронить на прежнемъ мѣстѣ не ранѣе какъ черезъ пять лѣтъ (*): полагаютъ, что тогда останется только скелетъ.

Итакъ, мы видимъ, что матерія, составлявшая животныхъ, возвращается въ атмосферу, и что только фосфорнокислая и углекислая известь остаются на мѣстѣ. Однакожь и онѣ переносятся съ одного мѣста на другое, когда ихъ обмываетъ вода, содержащая углеродную кислоту; тогда онѣ растворяются и движутся вмѣстѣ съ водою въ мѣстъ болѣе возвышенныхъ въ мѣста лежащія ниже. Такъ какъ присутствіе фосфорнокислой извести въ почвѣ чрезвычайно важно для произрастанія хлѣбныхъ растеній, и въ кладбищахъ съ теченіемъ времени накопляется она въ огромномъ количествѣ, то эдинбургскій профессоръ Грегори предлагаетъ располагать кладбища на покатостяхъ: тогда фосфорнокислая известь, оставшаяся отъ сгнившихъ труповъ, будетъ вымываться водою и разноситься по полямъ, лежащимъ у подошвы скатовъ: — прекрасный примѣръ утилитарнаго направленія!

(*) Traité d'hygiène publique et privée par Michel Levy. Paris 1845, см. T. II. p. 562.

Мы видѣли, что пища животныхъ всегда состоитъ уже изъ сложныхъ органическихъ веществъ, которыя должны находиться въ ней уже готовыми. Хищныя животныя питаются травоядными, волкъ съѣдаетъ овцу, но мясо овцы произошло изъ того фибрина, который содержался въ травѣ, съѣденной овцою; слѣдовательно, овца служила здѣсь только посредствующимъ членомъ; можно сказать, что волкъ съѣлъ фибринъ травы въ видѣ мяса овцы; слѣдовательно, собственно говоря, пища животныхъ первоначально происходитъ изъ растительнаго царства. Растенія должны образовать тотъ фибринъ, бѣлокъ, казеинъ, которые потомъ поступятъ въ организмъ животнаго, сдѣлаются его плотью и кровью; растенія же должны доставить жиръ, крахмалъ, сахаръ, которые животный организмъ употребляетъ для поддержанія теплоты, необходимой для его существованія.

Мнѣніе А. фонъ Гумбольдта (*), который въ существованіи человѣческихъ поколѣній, оттѣсненныхъ въ холодныя страны сѣвернаго полюса и питающихся исключительно рыбою и китообразными животными, видитъ доказательство тому, что растительное царство не необходимо для животнаго, противорѣчитъ всѣмъ положительнымъ свѣдѣніямъ нашимъ. Вездѣ, куда только проникли изслѣдованія, оказалось, что животное не можетъ питаться неорганическими веществами, что пища его должна состоять уже изъ сложныхъ веществъ, пластическихъ и дыхательныхъ; вся опытность наша приводитъ къ заключенію, что только растенія могутъ образовать ихъ. Что житель глубокаго сѣвера питается исключительно животными, также мало доказываетъ, что сложныя вещества, съѣденныя имъ, не происходятъ изъ растительнаго царства, какъ напримѣръ клопы или блохи, которыя питаются только кровью, и все-таки эта кровь первоначально произошла въ какомъ-нибудь растеніи, и если бы можно было преслѣдовать всѣ переходы, совершенные веществами, которыя съѣдаетъ житель полярныхъ странъ, то мы вѣрно достигли бы наконецъ растеній.

Эта зависимость царства животнаго отъ растительнаго объясняетъ то важное значеніе, какое человѣкъ приписываетъ земледѣлію. Въ самомъ дѣлѣ, зерна хлѣбныхъ растеній, заключаютъ въ себѣ все необходимое для питанія (пластическія и дыхательныя вещества), и составляютъ по количеству самую важную часть въ питаніи человѣка. Данныя, собранныя въ послѣднее время во Франціи Гаспареномъ (*), показываютъ, что на 100 частей питательныхъ веществъ приходится:

(*) *Kosmos* I, 293.

(*) *Comptes rendus* XXIV p. 734.

Хлѣбныхъ зеренъ	64
Картофелю	8
Сухихъ овощей	4
Каштановъ.	0,7
Мясо, молоко, яйцы и проч.	23,3

Разсматривая питаніе и дыханіе животныхъ, мы убѣдились, что общій результатъ жизни животнаго состоитъ въ разложеніи принятыхъ въ пищѣ сложныхъ веществъ на простыя; вмѣсто мяса, крахмала, сахара, являются углеродная кислота, вода, мочевина и минеральныя вещества. Теперь мы переходимъ къ разсмотрѣнію питанія растеній, которое откроетъ намъ вполнѣ ту зависимость, которая существуетъ между растеніями и животными.

Въ животныхъ мы отличаемъ особенные органы для каждаго отправленія, и это значительно облегчаетъ изученіе ихъ, позволяя разсматривать одно отправленіе независимо отъ другого. Въ растеніи этого нѣтъ: нѣтъ желудка, въ которомъ бы совершалась первая переработка пищи, нѣтъ особенныхъ органовъ дыханія, которые бы ставили растеніе въ соотношеніе съ атмосферою, нѣтъ особенныхъ органовъ для выдѣленія ненужныхъ веществъ. Новѣйшія изслѣдованія показали, что органы и у растеній и у животныхъ состоятъ изъ микроскопическихъ клѣточекъ; въ этомъ они сходны; но у животныхъ отдѣльныя клѣточки потеряли самостоятельность, сдѣлавшись частью органа, и только совокупность ихъ, самый органъ, является съ самостоятельнымъ значеніемъ; въ растеніи же каждая отдѣльная клѣточка сохраняетъ свою индивидуальность, свою самостоятельность, и вслѣдствіе этого цѣлое, совокупность клѣточекъ лишено ея. Поэтому-то физіологія животныхъ изучаетъ значеніе органовъ, физіологія растеній изучаетъ жизнь клѣточки, какъ отдѣльнаго недѣлимаго. Жизнь цѣлаго растенія есть результатъ отдѣльныхъ жизней всѣхъ клѣточекъ, его составляющихъ. Всѣ изслѣдованія въ растительной физіологіи, которыя принимали за руководное правило аналогію между растеніемъ и животными, не привели ни къ какимъ дѣльнымъ результатамъ, и это совершенно понятно.

Такая независимость жизни каждой клѣточки отдѣльно необходимо предполагаетъ, что и питаніе каждой совершенно независимо отъ другихъ и происходитъ особеннымъ образомъ, свойственнымъ только ей: въ каждой происходятъ химическіе процессы, вслѣдствіе которыхъ одно вещество превращается въ другое, и физическіе процессы, вслѣдствіе которыхъ развиваются формы, – но что справедливо для одной клѣточки, то можетъ быть вовсе неприменяемо къ другой. Та, которая находится на поверхности растенія, стоитъ въ

непосредственномъ прикосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, съ атмосферою или почвою, и получаетъ отъ нихъ непосредственно свою пищу; слѣдующая за нею уже окружена со всѣхъ сторонъ готовыми клѣточками, сообщенія съ внѣшнимъ міромъ нѣтъ, она получаетъ питаніе чрезъ посредство другихъ клѣточекъ, лежащихъ ближе къ поверхности; слѣдовательно, пища ея будетъ состоять изъ веществъ измѣненныхъ, выработанныхъ дѣятельностью клѣточекъ сосѣднихъ. Тоже можно сказать и о всѣхъ другихъ клѣточкахъ, такъ-что каждая стоитъ въ новыхъ обстоятельствахъ относительно состава веществъ, принимаемыхъ ею, и веществъ, вырабатывающихся въ ней изъ принятаго матеріала.

Поэтому вещества, встрѣчаемыя нами въ растеніяхъ, чрезвычайно разнообразны и многочисленны; различныя растенія, даже различныя части одного и того же растенія содержатъ часто особыя, имъ исключительно свойственныя вещества. — Однакожь есть вещества, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ растеніяхъ; сюда принадлежатъ, во 1-хъ, безазотныя вещества: *клѣтчатка*, составляющая твердую деревянистую часть растенія, скелетъ его; *крахмалъ*, *сахаръ*, *камедь*, *студенистыя вещества*; всѣ эти вещества состоятъ изъ углерода, водорода и кислорода и имѣютъ, за исключеніемъ послѣднихъ, то общее въ составѣ, что водородъ и кислородъ находятся въ нихъ въ такой же пропорціи, какъ въ водѣ; къ безазотнымъ же веществамъ принадлежатъ *жиры*, составъ которыхъ характеризируется весьма малымъ количествомъ кислорода относительно углерода и водорода. Во 2-хъ, *фибринъ* (въ хлѣбныхъ зернахъ), *бѣлокъ* (въ бо́льшей части растительныхъ соковъ), *казеинъ* (въ зернахъ бобовыхъ и гороховыхъ растеній); эти три вещества встрѣчаются въ каждомъ растеніи, хотя въ небольшомъ количествѣ; всѣ они содержатъ кромѣ углерода, водорода и кислорода, азотъ и сѣру и важны по ихъ значенію въ питаніи животныхъ.

Вещества этихъ двухъ группъ общи всѣмъ растеніямъ, но есть множество другихъ, которыя свойственны только нѣкоторымъ родамъ или видамъ; напр. крахмальныя вещества, ароматическія масла, органическія щелочи, смолы. Химія успѣла выдѣлить эти вещества изъ растеній, изучила ихъ составъ и свойства, умѣетъ получать изъ нихъ множество новыхъ, подвергая ихъ превращеніямъ; промышленность и медицина въ огромномъ размѣрѣ употребляютъ растенія и части ихъ для своихъ цѣлей. Но наука предлагаетъ себѣ еще другіе вопросы: она хочетъ знать, какъ произошли эти вещества, какіе физическіе и химическіе процессы совершались въ клѣточкахъ, которыя выработали ихъ, — вопросы, чрезвычайно важные не только для распространенія нашихъ познаній о жизни растенія, но и для

общежитія, потому-что полное разрѣшеніе ихъ несомнѣнно привело бы съ собою совершенное измѣненіе въ коренныхъ основаніяхъ земледѣлія. Но наши познанія въ этомъ отношеніи совершенно ничтожны, мы даже не знаемъ, съ какой стороны приняться за рѣшеніе этихъ вопросовъ, и, говоря о питаніи растеній, должны ограничиться разсмотрѣніемъ, какія вещества доставляются растенію внѣшнимъ міромъ для увеличенія его массы, для его питанія, и какія условія должны быть соблюдены, чтобы принятіе ихъ совершалось наилучшимъ образомъ.

Растенія прикрѣплены неподвижно къ почвѣ, а если и свободны, какъ нѣкоторыя плавающія растенія, то все-таки движенія ихъ очень ограничены и вполнѣ зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ: поэтому всѣ тѣ вещества, которыя необходимы для ихъ питанія, должны быть къ нимъ доставлены извнѣ. Слѣдовательно, питаніе растенія необходимо совершается изъ почвы или изъ атмосферы, или изъ обоихъ вмѣстѣ; больше случаевъ быть не можетъ, и намъ прежде всего предстоитъ разсмотрѣть, который изъ этихъ случаевъ дѣйствительно существуетъ.

Какое бы растеніе мы ни взяли, всегда послѣ сожженія его остается пепелъ; только одно растеніе (*mycodermas aceti*), развивающееся при приготовленіи уксуса и извѣстное подъ именемъ гнѣзда, или матки, вовсе не содержитъ неорганическихъ веществъ. Пепелъ есть нечто иное, какъ смѣсь тѣхъ минеральныхъ веществъ, которыя были въ растеніи.

Пепелъ, получаемый отъ разныхъ растеній, даже отъ разныхъ частей одного и того же растенія, бываетъ различенъ, и это различіе простирается и на природу минеральныхъ веществъ, составляющихъ его, и на ихъ относительныя качества. Однако пепелъ растеній одного и того же вида содержитъ всегда однѣ и тѣже части, и всегда въ постоянномъ количествѣ; такъ напр. сѣмена злаковъ, гороховыхъ, бобовыхъ растеній всегда оставляютъ пепелъ, который содержитъ фосфорную кислоту въ соединеніи съ щелочами и известью; стебли злаковъ содержатъ много кремнезема; всѣ растенія, содержащія много крахмалу или сахару, даютъ пепелъ съ большимъ содержаніемъ щелочей. Вообще сравненіе разложеній, дѣланныхъ съ пепломъ растеній, приводитъ къ замѣчательному выводу, что сходнымъ видамъ

соответствуетъ и составъ пепла весьма сходный, и что въ [illegible] видахъ и составъ пепла различенъ. Выводъ этотъ [illegible] заключить, что извѣстный составъ пепла не есть что-нибудь случайное, зависящее только оттого, что эти вещества [illegible] почвѣ и что растеніе могло всосать ихъ, но что [illegible] частъ питательныхъ веществъ для растеній, что [illegible] оно не могло бы развиться. Это послѣднее [illegible] опытами: Дюгамель видѣлъ, что морскія растенія [illegible] въ почвѣ, несодержащей поваренной соли; Соссюръ [illegible], несодержавшей [illegible] [illegible] и [illegible], но не могъ [illegible] соли, всегда находящiяся въ [illegible] для ихъ образованія [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

растенія такимъ образомъ, что кислородъ отдѣляется, а сѣра идетъ въ составъ сложныхъ органическихъ соединеній; известь, щелочныя основанія вступаютъ въ растеніе въ соединеніи съ органическими кислотами, которыя сгораютъ при сожженіи растенія, оставляя известь и щелочи въ соединеніи съ углеродною кислотою.

Всѣ принимаютъ теперь, что минеральныя вещества, содержащіяся въ растеніи, необходимы для его развитія, что для извѣстныхъ растеній необходимы извѣстныя минеральныя вещества, — другими словами, что каждое растеніе требуетъ для себя особой почвы.

Но почва кромѣ минеральныхъ веществъ содержитъ всегда болѣе или менѣе веществъ органическихъ, т. е. остатковъ растеній или животныхъ, которые еще не совершенно превратились при дѣйствіи кислорода въ неорганическія вещества — углеродную кислоту, воду и аммоніакъ. Черноземъ представляетъ такую смѣсь не совершенно измѣнившихся веществъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти вещества произошли изъ остатковъ растеній, и что слѣдовательно появленіе растеній на нашей планетѣ предшествовало образованію чернозема. На нашихъ глазахъ и теперь происходитъ образованіе чернозема вездѣ, гдѣ растенія умираютъ на мѣстѣ ихъ происхожденія, и мало-помалу измѣняются при дѣйствіи кислорода атмосферы; такимъ образомъ съ каждымъ годомъ образуется слой чернозема толще и толще.

Съ давнихъ поръ вниманіе химиковъ и сельскихъ хозяевъ было обращено на черноземъ, потому-что присутствію его приписывали плодородіе почвы. Изслѣдованія показали, что онъ представляетъ смѣсь органическихъ остатковъ растеній съ неорганическими веществами. Такъ какъ дѣйствіе кислорода и сырости на органическіе остатки растенія безпрестанно продолжается, то ясно, что вещества, которыя найдутся въ черноземѣ, будутъ весьма различны, смотря потому, какія вещества измѣнялись, долго ли они подвергались измѣняющему дѣйствію, и какъ сильно оно было.

Изслѣдованія, сдѣланныя надъ этими веществами, очень не точны и не полны, и причина этого заключается безъ сомнѣнія въ томъ, что эти вещества не имѣютъ по природѣ своей опредѣленнаго состава, но составляютъ неопредѣленныя измѣненія, зависящія отъ дѣйствія измѣняющихъ причинъ. Между ними отличаютъ гуминъ и ульминъ, нерастворимые ни въ водѣ, ни въ щелочахъ, ульминовую кислоту, черноземную кислоту, кислоту ключевого осадка и проч., которыя нерастворимы въ водѣ, но растворимы въ щелочахъ. Въ сочиненіи Мольдера, приписывающаго этимъ веществамъ важное значеніе въ питаніи растенія, можно найти подробное изложеніе ихъ состава и свойствъ; для насъ не нужно знать болѣе того, что̀ мы сказали о нихъ. Итакъ,

если почва содержитъ кромѣ минеральныхъ веществъ и органическія, то естественно рождается вопросъ: ограничивается ли участіе почвы въ питаніи растенія только доставленіемъ ему необходимыхъ минеральныхъ веществъ, или почва доставляетъ и другіе элементы, находящіеся въ растеніи — его углеродъ, азотъ? Мы дошли до вопросовъ, которые еще составляютъ предметъ живыхъ преній между учеными и разрѣшеніе которыхъ должно произвести важную реформу въ земледѣліи. Разрѣшеніе ихъ объяснитъ условія плодородія земли, покажетъ значеніе удобреній — статьи существенной важности для сельскаго хозяина. Сущность спора выражена въ выше приведенномъ вопросѣ, т. е. одна сторона приписываетъ почвѣ только одно значеніе въ питаніи — доставленіе минеральныхъ веществъ, утверждая, что углеродъ и азотъ растеніе получаетъ изъ атмосферы; другая утверждаетъ, что углеродъ и азотъ, содержащіеся въ растеніи, происходятъ *частію* изъ почвы, изъ тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключаются въ ней, — частію изъ атмосферы. Либихъ является провозвѣстникомъ и защитникомъ перваго мнѣнія, второе поддерживается бо́льшею частію сельскихъ хозяевъ, Берселіусомъ, Мольдеромъ; къ этой же сторонѣ должно причислить французскихъ химиковъ, которые отрицаютъ происхожденіе углерода растеній изъ почвы, но принимаютъ, что азотъ доставляетъ она. — Перевѣсъ вѣроятности однакожь остается на сторонѣ перваго мнѣнія, и это мы ясно увидимъ, разсмотрѣвъ отношеніе растенія къ атмосферѣ.

Мы видѣли, что въ атмосферѣ содержится углеродная кислота, видѣли, что процессъ дыханія безпрестанно увеличиваетъ ея количество. Рѣшеніе вопроса о происхожденіи углерода въ растеніи требуетъ доказать, что растеніе можетъ получать его изъ углеродной кислоты, содержащейся въ атмосферѣ, что углеродной кислоты въ атмосферѣ достаточно, чтобы покрыть потребность растеній въ углеродѣ, что присутствіе въ почвѣ органическихъ остатковъ не необходимо для развитія растеній.

Сеннебье, Соссюръ, а потомъ Буссенго доказали, что зеленыя части растеній при дѣйствіи на нихъ солнечнаго свѣта принимаютъ углеродную кислоту, содержащуюся въ окружающей атмосферѣ, и что вмѣсто ея они отдѣляютъ въ атмосферу кислородный газъ. Приведемъ опыты Буссенго, самые точные, самые убѣдительные. Онъ сѣялъ горохъ въ прокаленной глинѣ, или пескѣ; слѣдовательно, почва эта не могла содержать никакихъ органическихъ остатковъ, все сгорало при прокаливаніи; горшечекъ съ такимъ посѣвомъ онъ ставилъ на большое блюдо и покрывалъ большимъ стекляннымъ колоколомъ, который примазывалъ замаскою къ тарелкѣ такъ, что воздухъ тутъ вовсе не могъ проходить въ колоколъ. Въ верхней части коло-

кола было три отверстія, три горлышка: въ одномъ вставлена была воронка, чрезъ которую поливали посѣвъ *перегнанною* водою: два другія назначены были для пропусканія воздуха въ весь чрезъ одно входилъ свѣжій воздухъ, чрезъ другое уходилъ изъ шара, чтобы входящій воздухъ не принесъ съ собою какихъ-нибудь органическихъ частицъ его, передъ вступленіемъ въ шаръ заставляли проходить сквозь воду; слѣдовательно, если бъ и были въ немъ какія-нибудь органическія частицы, то онѣ остались бы въ водѣ.

При такомъ устройствѣ очевидно, что зерна гороха получали извнѣ только неорганическія вещества, содержащіяся въ прокаленной глинѣ, а съ воздухомъ углеродную кислоту, пары воды и амміака, который, какъ мы видѣли, всегда содержится въ воздухѣ и [illegible] перегнанную воду.

Посѣвъ сдѣланъ былъ 9 мая, 16 іюля растенія зацвѣли 15 августа стручья были совершенно зрѣлы.

Сравнивая вѣсъ посѣянныхъ зеренъ и составъ ихъ съ вѣсомъ и составомъ развившагося растенія, Буссенго опредѣлилъ при этомъ опытѣ, что посѣянныя зерна вѣсили 1,072 грамма, а развившееся растеніе 4,441 граммъ; слѣдовательно, приращеніе матеріи составляетъ 3,369 граммъ.

Зерна содержали:		Развившееся растеніе	
Углероду	0,515	Углероду	2,376
Водороду	0,069	Водороду	0,284
Азоту	0,046	Азоту	0,191
Кислороду	0,442	Кислороду	1,590
	1,072		4,441

Это приращеніе углероду, водороду и азоту всегда при этомъ опытѣ происходитъ только изъ воздуха, притекающаго къ растенію. Буссенго повторялъ подобные опыты съ пшеницею, съ клеверомъ, и всегда съ тѣмъ же результатомъ. Эти опыты ведутъ къ слѣдующимъ важнымъ заключеніямъ.

Несомнѣнно, что *растеніе можетъ брать свой углеродъ изъ атмосферы*, что при этомъ оно развивается нормальнымъ образомъ. Такъ какъ при этихъ опытахъ посѣвъ былъ сдѣланъ въ прокаленной глинѣ, то ясно, что *присутствіе органическихъ остатковъ въ почвѣ не необходимо для развитія растеній*. Далѣе: увеличеніе водорода показываетъ, что *растеніе можетъ разлагать воду*; кислородъ, бывшій въ составѣ воды, отдѣляется, а водородъ идетъ на образованіе соединеній богатыхъ водородомъ, напр. жировъ, летучихъ маслъ

если почва содержитъ кромѣ минеральныхъ веществъ и органическія, то естественно рождается вопросъ: ограничивается ли участіе почвы въ питаніи растенія только доставленіемъ ему необходимыхъ минеральныхъ веществъ, или почва доставляетъ и другіе элементы, находящіеся въ растеніи — его углеродъ, азотъ? Мы дошли до вопросовъ, которые еще составляютъ предметъ живыхъ преній между учеными и разрѣшеніе которыхъ должно произвести важную реформу въ земледѣліи. Разрѣшеніе ихъ объяснитъ условія плодородія земли, покажетъ значеніе удобреній — статьи существенной важности для сельскаго хозяина. Сущность спора выражена въ выше приведенномъ вопросѣ, т. е. одна сторона приписываетъ почвѣ только одно значеніе въ питаніи — доставленіе минеральныхъ веществъ, утверждая, что углеродъ и азотъ растеніе получаетъ изъ атмосферы; другая утверждаетъ, что углеродъ и азотъ, содержащіеся въ растеніи, происходятъ *частію* изъ почвы, изъ тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключаются въ ней, — частію изъ атмосферы. Либихъ является провозвѣстникомъ и защитникомъ перваго мнѣнія, второе поддерживается бо̀льшею частію сельскихъ хозяевъ, Берселіусомъ, Молдеромъ; къ этой же сторонѣ должно причислить французскихъ химиковъ, которые отрицаютъ происхожденіе углерода растеній изъ почвы, но принимаютъ, что азотъ доставляетъ она. — Перевѣсъ вѣроятности однакожь остается на сторонѣ перваго мнѣнія, и это мы ясно увидимъ, разсмотрѣвъ отношеніе растенія къ атмосферѣ.

Мы видѣли, что въ атмосферѣ содержится углеродная кислота, видѣли, что процессъ дыханія безпрестанно увеличиваетъ ея количество. Рѣшеніе вопроса о происхожденіи углерода въ растеніи требуетъ доказать, что растеніе можетъ получать его изъ углеродной кислоты, содержащейся въ атмосферѣ, что углеродной кислоты въ атмосферѣ достаточно, чтобы покрыть потребность растеній въ углеродѣ, что присутствіе въ почвѣ органическихъ остатковъ не необходимо для развитія растеній.

Сеннебье, Соссюръ, а потомъ Буссенго доказали, что зеленыя части растеній при дѣйствіи на нихъ солнечнаго свѣта принимаютъ углеродную кислоту, содержащуюся въ окружающей атмосферѣ, и что вмѣсто ея они отдѣляютъ въ атмосферу кислородный газъ. Приведемъ опыты Буссенго, самые точные, самые убѣдительные. Онъ сѣялъ горохъ въ прокаленной глинѣ, или пескѣ; слѣдовательно, почва эта не могла содержать никакихъ органическихъ остатковъ, все сгорало при прокаливаніи; горшечекъ съ такимъ посѣвомъ онъ ставилъ на большое блюдо и покрывалъ большимъ стекляннымъ колоколомъ, который примазывалъ замаскою къ тарелкѣ такъ, что воздухъ тутъ вовсе не могъ проходить въ колоколъ. Въ верхней части коло-

кола было три отверстія, три горлышка: въ одномъ вставлена была воронка, чрезъ которую поливали посѣвъ *перегнанною* водою; два другія назначены были для пропусканія воздуха къ посѣву: чрезъ одно входилъ свѣжій воздухъ, чрезъ другое уходилъ изъ колокола; чтобы входящій воздухъ не принесъ съ собою какихъ-нибудь органическихъ частицъ его, передъ вступленіемъ въ колоколъ, заставляли проходить сквозь воду; слѣдовательно, еслибъ и были въ немъ какія-нибудь органическія частицы, то онѣ остались бы въ водѣ.

При такомъ устройствѣ очевидно, что зерна гороха получали извнѣ только неорганическія вещества, содержавшіяся въ прокаленной глинѣ, а съ воздухомъ углеродную кислоту, пары воды и аммоніака, (который, какъ мы видѣли, всегда содержится въ воздухѣ) и наконецъ перегнанную воду.

Посѣвъ сдѣланъ былъ 9 мая, 16 іюля растенія зацвѣли. 15 августа стручья были совершенно зрѣлы.

Сравнивая вѣсъ посѣянныхъ зеренъ и составъ ихъ съ вѣсомъ и составомъ развившагося растенія, Буссенго опредѣлилъ при этомъ опытѣ, что посѣянныя зерна вѣсили 1,072 грамма, а развившееся растеніе 4,441 граммъ; слѣдовательно, приращеніе матеріи составляетъ 3,369 граммъ.

Зерна содержали:		Развившееся растеніе:	
Углероду.	0,515	Углероду	2,376
Водороду	0,069	Водороду	0,284
Азоту.	0,046	Азоту.	0,101
Кислороду	0,442	Кислороду	1,680
	1,072		4,441

Это приращеніе углероду, водороду и азоту могло при этомъ опытѣ происходить только изъ воздуха, притекавшаго къ растеніямъ. Буссенго повторялъ подобные опыты съ пшеницею, съ клеверомъ, и всегда съ тѣмъ же результатомъ. Эти опыты ведутъ къ слѣдующимъ важнымъ заключеніямъ.

Несомнѣнно, что *растеніе можетъ брать свой углеродъ изъ атмосферы*, что при этомъ оно развивается нормальнымъ образомъ. Такъ какъ при этихъ опытахъ посѣвъ былъ сдѣланъ въ прокаленной глинѣ, то ясно, что *присутствіе органическихъ остатковъ въ почвѣ не необходимо для развитія растеній.* Далѣе: увеличеніе водорода показываетъ, что *растеніе можетъ разлагать воду;* кислородъ, бывшій въ составѣ воды, отдѣляется, а водородъ идетъ на образованіе соединеній богатыхъ водородомъ, напр. жировъ, летучихъ маслъ.

Изъ всего этого видно, что развитіе растенія, увеличеніе его массы, его углерода и водорода, сопровождается *непремѣнно* отдѣленіемъ кислорода въ атмосферу; слѣдовательно, отношеніе растенія къ атмосферѣ совершенно противоположно отношенію животнаго къ ней: мы видѣли, что общій результатъ жизни животнаго есть умевьшеніе кислорода въ атмосферѣ, увеличеніе углеродной кислоты; здѣсь наоборотъ. Животное получаетъ въ пищѣ сложныя, органическія вещества и превращаетъ ихъ въ простыя — въ углеродную кислоту и воду, которыя отдѣляются чрезъ легкія, въ мочевину и растворимыя минеральныя вещества, которыя отдѣляются въ мочь,—нерастворимыя минеральныя вещества отдѣляются вмѣстѣ съ твердыми испражненіями. Растеніе принимаетъ эти простыя вещества: минеральныя изъ почвы, углеродную кислоту и аммоніакъ изъ атмосферы, и вырабатываетъ изъ нихъ въ своихъ клѣточкахъ снова тѣ сложныя вещества, которыя животное истребило. Такимъ образомъ намъ открывается дивная связь, дивная гармонія между существованіемъ растеній и животныхъ; мы видѣли безпрестанный переходъ матеріи изъ одного въ другое; то, что̀ сегодня поступило въ мой организмъ въ видѣ пищи, завтра можетъ сдѣлаться частью растенія, которое въ свою очередь составитъ кормъ для животныхъ, и въ видѣ мяса его можетъ быть опять возвратится въ мой организмъ.

Принимая эти истины за руководныя начала, обратимся къ явленіямъ бо́льшаго размѣра и поищемъ въ нихъ новаго подтвержденія высказаннымъ взглядамъ.

Мы видѣли, что въ 24 часа человѣкъ превращаетъ 40 золотниковъ углерода въ углеродную кислоту: значитъ въ годъ онъ выдыхаетъ въ атмосферу соотвѣтственно около 14 пудовъ углеродной кислоты; принимая народонаселеніе земли въ 1000 милліоновъ, выходитъ, что отъ дыханія людей ежегодно поступаетъ въ атмосферу 140,00 милліоновъ пудовъ углеродной кислоты. Положимъ, что всѣ остальныя животныя производятъ вдвое болѣе (потому-что, по Буссенго, лошадь вдыхаетъ въ сутки 580 лотовъ, а корова 513 лотовъ углеродной кислоты); слѣдовательно, вмѣстѣ 42,000 милліоновъ пудовъ въ годъ, а въ 5,000 лѣтъ 210 билліоновъ пудовъ углеродной кислоты, а въ нашей атмосферѣ не болѣе 25 билліоновъ; слѣдовательно, почти въ 10 разъ меньше; притомъ мы вовсе не принимали въ расчетъ огромнаго количества углеродной кислоты, образующейся при горѣніи, и углеродной кислоты, отдѣляющейся изъ вулкановъ. Итакъ, мы видимъ, что атмосфера содержитъ углеродной кислоты несравненно менѣе, нежели соотвѣтствуетъ огромному количеству ея, образующемуся при дыханіи и горѣніи; значитъ есть причина, которая умеиьшаетъ ея количество въ атмосферѣ; и такъ какъ опытъ показалъ

намъ, что растеніе можетъ произвести это и другой никакой причины пріискать невозможно, то мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что растительная жизнь дѣйствительно причина того, что количество углеродной кислоты въ атмосферѣ не возростаетъ, и что она поддерживаетъ въ атмосферѣ то постоянство въ составѣ, которое нарушается жизнію животныхъ и процессомъ горѣнія.

Тѣ, которые принимаютъ, что органическія вещества растеній происходятъ только изъ органическихъ остатковъ, не изъ углеродной кислоты воды и аммоніака, тѣмъ самымъ утверждаютъ, что органическая жизнь на нашей планетѣ безпрестанно уменьшается. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ дыханія животныхъ и процессъ горѣнія переводитъ органическія вещества въ неорганическія, и если это безвозвратно, если растенія лишены способности изъ углеродной кислоты воды, аммоніака опять образовать органическія вещества, то число органическихъ существъ должно непремѣнно уменьшаться. Но утверждать это значитъ противорѣчить самымъ явнымъ образомъ тому, что̀ дѣйствительно происходитъ.

Несомнѣнно, что для нашей земли былъ періодъ развитія, что она не всегда была такою, какъ представляется теперь нашему наблюденію, что было время, когда на ней не было органической матеріи, когда были только голыя скалы и наносы и атмосфера кругомъ. Если развитіе растеній требуетъ непремѣнно присутствія органической матеріи въ почвѣ, то не понятно, говоритъ Либихъ, какъ могли явиться на этихъ голыхъ скалахъ и наносахъ первыя растенія; мы видимъ, продолжаетъ онъ, что образованію чернозема всегда предшествуетъ существованіе растеній,—откуда же взялся этотъ первый черноземъ? *Первобытнаго чернозема не могло быть.* Однакожь нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ происхожденіе первобытнаго чернозема: простыя неорганическія вещества – углеродная кислота, вода, аммоніакъ, при вліяніи благопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ проявлялась образовательная сила земли, соединялись между собою, образуя вещества болѣе и болѣе сложныя, и наконецъ крахмальныя и бѣлковинныя вещества, изъ которыхъ уже весьма легко могъ произойти *первобытный* черноземъ, т. е. образовавшійся раньше растеній.

Обратимся теперь къ явленіямъ обыкновеннымъ въ сельскомъ хозяйствѣ: и здѣсь мы найдемъ несомнѣнное подтвержденіе той же истины, что источникомъ углерода для растеній служитъ атмосфера.

Самыя точныя вычисленія Буссенго показали, что количество органической матеріи, получаемой съ десятины, значительно превосходитъ количество органической матеріи въ удобреніи,—что первое втри

раза болѣе второго. Замѣтимъ притомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ почва нисколько не бѣднѣетъ черноземомъ, несмотря на то, что обработка, облегчая доступъ воздуха, ускоряетъ его окисленіе, превращеніе въ углеродную кислоту.

Сравнивая количество углерода, которое мы собираемъ съ десятины лѣса — въ видѣ дерева, съ десятины луговъ — въ видѣ сѣна, съ десятины поля—въ видѣ зеренъ и соломы, и т. д., Либихъ находитъ, что эти количества весьма близки между собою: слѣдовательно, увеличеніе органической матеріи въ почвѣ унавоживаніемъ вовсе не влечетъ за собою увеличенія углерода; луга и лѣсъ, которымъ никогда углеродъ не возвращается въ видѣ удобренія, доставляютъ столько же углероду, какъ удобренныя поля.

Въ окрестностяхъ Бордо сыпучіе пески, гонимые вѣтромъ съ низкаго приморья во внутренность страны, угрожали превратить поля въ безплодную сагару; и на этомъ чистомъ бѣломъ пескѣ, въ которомъ волны моря не оставили ничего кромѣ кремнезема, теперь ростетъ 10,000 десятинъ сосняку.

Въ Швейцаріи никому не приходитъ въ голову удобрять пастбища: многочисленныя стада пасутся на нихъ и возвращаютъ почвѣ въ видѣ испражненій едва половину той органической матеріи, которая поступила въ нихъ въ видѣ травы; кромѣ того ежегодно вывозятся огромныя количества органическихъ веществъ въ видѣ сыру; это продолжается уже нѣсколько столѣтій, и все-таки почва доставляетъ столько же травы, столько же углерода, а скотоводство увеличилось и вывозъ сыровъ тоже. Если бы этотъ углеродъ происходилъ изъ почвы, то уменьшеніе продуктовъ было бы неизбѣжно.

Почва подъ сахарный тростникъ никогда не удобряется; съ десятины получаютъ 550 пудовъ тростнику; сахаръ, полученный изъ этого тростнику, содержитъ 80 пудовъ углероду,—выжатый тростникъ около 60; сахаръ вывозится въ Европу, выжатый тростникъ сжигаютъ вмѣсто дровъ для выпариванія соку; слѣдовательно, ежегодно каждая десятина теряетъ безвозвратно 140 пудовъ углероду.

Все это доказываетъ совершенно, что количество углерода въ растеніи вовсе не зависитъ отъ его количества въ почвѣ; однако же не исключается возможность, чтобы нѣкоторая часть его поступала изъ почвы; разсмотримъ теперь это обстоятельство.

Мы уже упоминали, что вещества, входящія въ растеніе, непремѣнно должны имѣть видъ жидкости, быть растворены. Изъ органическихъ веществъ, содержащихся въ почвѣ, гуминъ и ульминъ не растворимы ни въ водѣ, ни въ щелочахъ; слѣдовательно, они не имѣютъ

никакой возможности попасть въ растеніе. Остаются ульминовая, черноземная, ключевая и т. д. кислоты; эти вещества растворимы въ щелочахъ, но въ водѣ не растворимы, — слѣдовательно, только въ соединеніи съ щелочью могутъ вступить въ растеніе. Химическое соединеніе одного вещества съ другимъ происходитъ всегда въ извѣстной постоянной пропорціи, опредѣленными паями; соединеніе этихъ кислотъ съ щелочами должно также слѣдовать этому закону опредѣленности, пай кислоты долженъ соединяться съ опредѣленнымъ числомъ паевъ щелочи. Въ почвѣ эти кислоты могутъ соединяться или съ известью, или съ аммоніакомъ, и въ видѣ этихъ соединеній вступать въ растеніе; 1 часть извести всегда соединится съ $10^9/_{10}$ частей черноземной кислоты. Найдено, что пшеница, собранная съ десятины, содержитъ въ зернахъ около $2^1/_2$ фунтовъ и въ соломѣ около 45 фунтовъ извести; слѣдовательно, черноземной кислоты вошло съ нею 522 фунта, и эти 522 фунта содержатъ 302 фунта углероду, а въ пшеницѣ, собранной съ десятины, содержится его до 5300 фунтовъ; слѣдовательно, съ известью могла бы поступить едва $^1/_{16}$ часть углерода; вообще черноземная кислота, вступающая въ растеніе въ соединеніи съ известью, можетъ доставить самую ничтожную часть углерода. Тоже примѣняется и къ соединенію съ аммоніакомъ: этотъ аммоніакъ, вступившій въ растеніе, нигдѣ не выдѣляется, но и въ растеніи мы находимъ весьма мало азоту; слѣдовательно, и аммоніака вступило очень мало, и черноземной кислоты соотвѣтственно также мало; притомъ несомнѣнно, что аммоніакъ берется изъ атмосферы.

Такимъ образомъ мы въ полномъ правѣ заключить, что органическіе остатки почвы не участвуютъ въ доставленіи углерода растенію, что атмосфера исключительный источникъ его. Повторимъ тѣ основанія, на которыхъ утверждается это мнѣніе: растенія живутъ и развиваются и безъ присутствія органическихъ остатковъ въ почвѣ; они доставляютъ въ этомъ случаѣ нисколько не менѣе углерода, какъ и въ присутствіи ихъ; почва не бѣднѣетъ органическими остатками тамъ, гдѣ съ нея ежегодно снимается часть углерода, и не возвращается въ видѣ удобреній; свойство органическихъ веществъ почвы показываетъ, что они могли бы доставить въ растеніе самую ничтожную часть его углерода. Но конечно та углеродная кислота, которая происходитъ вслѣдствіе гніенія и тлѣнія органическихъ остатковъ, усвояется растеніемъ, какъ всякая другая, и споръ касается только того, можетъ ли органическая матерія переходить въ растеніе въ томъ видѣ, какъ она находится въ почвѣ.

Но атмосфера содержитъ едва $^1/_{2000}$ часть углеродной кислоты; достаточно ли будетъ такого малаго количества, чтобы удовлетворить потребности растительнаго царства въ углеродѣ? Атмосферный

Изъ всего этого видно, что развитіе растенія, увеличеніе его массы, его углерода и водорода, сопровождается *непремѣнно* отдѣленіемъ кислорода въ атмосферу; слѣдовательно, отношеніе растенія къ атмосферѣ совершенно противоположно отношенію животнаго къ ней: мы видѣли, что общій результатъ жизни животнаго есть умевьшеніе кислорода въ атмосферѣ, увеличеніе углеродной кислоты; здѣсь наоборотъ. Животное получаетъ въ пищѣ сложныя, органическія вещества и превращаетъ ихъ въ простыя — въ углеродную кислоту и воду, которыя отдѣляются чрезъ легкія, въ мочевину и растворимыя минеральныя вещества, которыя отдѣляются въ мочь,—нерастворимыя минеральныя вещества отдѣляются вмѣстѣ съ твердыми испражненіями. Растеніе принимаетъ эти простыя вещества: минеральныя изъ почвы, углеродную кислоту и аммоніакъ изъ атмосферы, и вырабатываетъ изъ нихъ въ своихъ клѣточкахъ снова тѣ сложныя вещества, которыя животное истребило. Такимъ образомъ намъ открывается дивная связь, дивная гармонія между существованіемъ растеній и животныхъ; мы видѣли безпрестанный переходъ матеріи изъ одного въ другое; то, что̀ сегодня поступило въ мой организмъ въ видѣ пищи, завтра можетъ сдѣлаться частью растенія, которое въ свою очередь составитъ кормъ для животныхъ, и въ видѣ мяса его можетъ быть опять возвратится въ мой организмъ.

Принимая эти истины за руководныя начала, обратимся къ явленіямъ бо́льшаго размѣра и поищемъ въ нихъ новаго подтвержденія высказаннымъ взглядамъ.

Мы видѣли, что въ 24 часа человѣкъ превращаетъ 10 золотниковъ углерода въ углеродную кислоту: значитъ въ годъ онъ выхаетъ въ атмосферу соотвѣтственно около 14 пудовъ углеродной кислоты; принимая народонаселеніе земли въ 1000 милліоновъ, выходитъ, что отъ дыханія людей ежегодно поступаетъ въ атмосферу 140,00 милліоновъ пудовъ углеродной кислоты. Положимъ, что всѣ остальныя животныя производятъ вдвое болѣе (потому-что, по Буссенго, лошадь вдыхаетъ въ сутки 580 лотовъ, а корова 513 лотовъ углеродной кислоты); слѣдовательно, вмѣстѣ 42,000 милліоновъ пудовъ въ годъ, а въ 5,000 лѣтъ 210 билліоновъ пудовъ углеродной кислоты, а въ нашей атмосферѣ не болѣе 25 билліоновъ; слѣдовательно, почти въ 10 разъ меньше; притомъ мы вовсе не принимали въ расчетъ огромнаго количества углеродной кислоты, образующейся при горѣніи, и углеродной кислоты, отдѣляющейся изъ вулкановъ. Итакъ, мы видимъ, что атмосфера содержитъ углеродной кислоты несравненно менѣе, нежели соотвѣтствуетъ огромному количеству ея, образующемуся при дыханіи и горѣніи; значитъ есть причина, которая умень*шаетъ ея количество* въ атмосферѣ; и такъ какъ опытъ показалъ

намъ, что растеніе можетъ произвести это и другой никакой причины пріискать невозможно, то мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что растительная жизнь дѣйствительно причина того, что количество углеродной кислоты въ атмосферѣ не возростаетъ, и что она поддерживаетъ въ атмосферѣ то постоянство въ составѣ, которое нарушается жизнію животныхъ и процессомъ горѣнія.

Тѣ, которые принимаютъ, что органическія вещества растеній происходятъ только изъ органическихъ остатковъ, не изъ углеродной кислоты воды и аммоніака, тѣмъ самымъ утверждаютъ, что органическая жизнь на нашей планетѣ безпрестанно уменьшается. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ дыханія животныхъ и процессъ горѣнія переводитъ органическія вещества въ неорганическія, и если это безвозвратно, если растенія лишены способности изъ углеродной кислоты воды, аммоніака опять образовать органическія вещества, то число органическихъ существъ должно непремѣнно уменьшаться. Но утверждать это значитъ противорѣчить самымъ явнымъ образомъ тому, что дѣйствительно происходитъ.

Несомнѣнно, что для нашей земли былъ періодъ развитія, что она не всегда была такою, какъ представляется теперь нашему наблюденію, что было время, когда на ней не было органической матеріи, когда были только голыя скалы и наносы и атмосфера кругомъ. Если развитіе растеній требуетъ непремѣнно присутствія органической матеріи въ почвѣ, то не понятно, говоритъ Либихъ, какъ могли явиться на этихъ голыхъ скалахъ и наносахъ первыя растенія; мы видимъ, продолжаетъ онъ, что образованію чернозема всегда предшествуетъ существованіе растеній,—откуда же взялся этотъ первый черноземъ? *Первобытнаго чернозема не могло быть.* Однакожь нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ происхожденіе первобытнаго чернозема: простыя неорганическія вещества – углеродная кислота, вода, аммоніакъ, при вліяніи благопріятныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ проявлялась образовательная сила земли, соединялись между собою, образуя вещества болѣе и болѣе сложныя, и наконецъ крахмальныя и бѣлковинныя вещества, изъ которыхъ уже весьма легко могъ произойти *первобытный* черноземъ, т. е. образовавшійся раньше растеній.

Обратимся теперь къ явленіямъ обыкновеннымъ въ сельскомъ хозяйствѣ: и здѣсь мы найдемъ несомнѣнное подтвержденіе той же истины, что источникомъ углерода для растеній служитъ атмосфера.

Самыя точныя вычисленія Буссенго показали, что количество органической матеріи, получаемой съ десятины, значительно превосходитъ количество органической матеріи въ удобреніи,—что первое внутри

раза болѣе второго. Замѣтимъ притомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ почва нисколько не бѣднѣетъ черноземомъ, несмотря на то, что обработка, облегчая доступъ воздуха, ускоряетъ его окисленіе, превращеніе въ углеродную кислоту.

Сравнивая количество углерода, которое мы собираемъ съ десятины лѣса — въ видѣ дерева, съ десятины луговъ — въ видѣ сѣна, съ десятины поля—въ видѣ зеренъ и соломы, и т. д., Либихъ находитъ, что эти количества весьма близки между собою: слѣдовательно, увеличеніе органической матеріи въ почвѣ унавоживаніемъ вовсе не влечетъ за собою увеличенія углерода; луга и лѣсъ, которымъ никогда углеродъ не возвращается въ видѣ удобренія, доставляютъ столько же углероду, какъ удобренныя поля.

Въ окрестностяхъ Бордо сыпучіе пески, гонимые вѣтромъ съ низкаго приморья во внутренность страны, угрожали превратить поля въ безплодную сагару; и на этомъ чистомъ бѣломъ пескѣ, въ которомъ волны моря не оставили ничего кромѣ кремнезема, теперь ростетъ 10,000 десятинъ сосняку.

Въ Швейцаріи никому не приходитъ въ голову удобрять пастбища: многочисленныя стада пасутся на нихъ и возвращаютъ почвѣ въ видѣ испраженій едва половину той органической матеріи, которая поступила въ нихъ въ видѣ травы; кромѣ того ежегодно вывозятся огромныя количества органическихъ веществъ въ видѣ сыру; это продолжается уже нѣсколько столѣтій, и все-таки почва доставляетъ столько же травы, столько же углерода, а скотоводство увеличилось и вывозъ сыровъ тоже. Если бы этотъ углеродъ происходилъ изъ почвы, то уменьшеніе продуктовъ было бы неизбѣжно.

Почва подъ сахарный тростникъ никогда не удобряется; съ десятины получаютъ 550 пудовъ тростнику; сахаръ, полученный изъ этого тростнику, содержитъ 80 пудовъ углероду,—выжатый тростникъ около 60; сахаръ вывозится въ Европу, выжатый тростникъ сжигаютъ вмѣсто дровъ для выпариванія соку; слѣдовательно, ежегодно каждая десятина теряетъ безвозвратно 140 пудовъ углероду.

Все это доказываетъ совершенно, что количество углерода въ растеніи вовсе не зависитъ отъ его количества въ почвѣ; однако же не исключается возможность, чтобы нѣкоторая часть его поступала изъ почвы; разсмотримъ теперь это обстоятельство.

Мы уже упоминали, что вещества, входящія въ растеніе, непремѣнно должны имѣть видъ жидкости, быть растворены. Изъ органическихъ веществъ, содержащихся въ почвѣ, гуминъ и ульминъ не растворимы ни въ водѣ, ни въ щелочахъ; слѣдовательно, они не имѣютъ

никакой возможности попасть въ растеніе. Остаются ульминовая, черноземная, ключевая и т. д. кислоты; эти вещества растворимы въ щелочахъ, но въ водѣ не растворимы, — слѣдовательно, только въ соединеніи съ щелочью могутъ вступить въ растеніе. Химическое соединеніе одного вещества съ другимъ происходитъ всегда въ извѣстной постоянной пропорціи, опредѣленными паями; соединеніе этихъ кислотъ съ щелочами должно также слѣдовать этому закону опредѣленности, пай кислоты долженъ соединяться съ опредѣленнымъ числомъ паевъ щелочи. Въ почвѣ эти кислоты могутъ соединяться или съ известью, или съ аммоніакомъ, и въ видѣ этихъ соединеній вступать въ растеніе; 1 часть извести всегда соединится съ $10^9/_{10}$ частей черноземной кислоты. Найдено, что пшеница, собранная съ десятины, содержитъ въ зернахъ около $2^1/_2$ фунтовъ и въ соломѣ около 45 фунтовъ извести; слѣдовательно, черноземной кислоты вошло съ нею 522 фунта, и эти 522 фунта содержатъ 302 фунта углероду, а въ пшеницѣ, собранной съ десятины, содержится его до 5300 фунтовъ; слѣдовательно, съ известью могла бы поступить едва $^1/_{16}$ часть углерода; вообще черноземная кислота, вступающая въ растеніе въ соединеніи съ известью, можетъ доставить самую ничтожную часть углерода. Тоже примѣняется и къ соединенію съ аммоніакомъ: этотъ аммоніакъ, вступившій въ растеніе, нигдѣ не выдѣляется, но и въ растеніи мы находимъ весьма мало азоту; слѣдовательно, и аммоніака вступило очень мало, и черноземной кислоты соотвѣтственно также мало; притомъ несомнѣнно, что аммоніакъ берется изъ атмосферы.

Такимъ образомъ мы въ полномъ правѣ заключить, что органическіе остатки почвы не участвуютъ въ доставленіи углерода растенію, что атмосфера исключительный источникъ его. Повторимъ тѣ основанія, на которыхъ утверждается это мнѣніе: растенія живутъ и развиваются и безъ присутствія органическихъ остатковъ въ почвѣ; они доставляютъ въ этомъ случаѣ нисколько не менѣе углерода, какъ и въ присутствіи ихъ; почва не бѣднѣетъ органическими остатками тамъ, гдѣ съ нея ежегодно снимается часть углерода, и не возвращается въ видѣ удобреній; свойство органическихъ веществъ почвы показываетъ, что они могли бы доставить въ растеніе самую ничтожную часть его углерода. Но конечно та углеродная кислота, которая происходитъ вслѣдствіе гніенія и тлѣнія органическихъ остатковъ, усвоется растеніемъ, какъ всякая другая, и споръ касается только того, можетъ ли органическая матерія переходить въ растеніе въ томъ видѣ, какъ она находится въ почвѣ.

Но атмосфера содержитъ едва $^1/_{2000}$ часть углеродной кислоты; достаточно ли будетъ такого малаго количества, чтобы удовлетворить потребности растительнаго царства въ углеродѣ? Атмосферный

воздухъ содержитъ отъ $^{4}/_{10000}$ до $^{6}/_{10000}$ своего объема углеродной кислоты; слѣдовательно, во всей атмосферѣ находится 3862 кубическихъ мили, т. е. 70 билліоновъ пудовъ углерода. Принимая, что поверхность покрытая растеніями составляетъ $^{1}/_{5}$ поверхности земли, и принимая, что десятина съ растеніями беретъ 200 пудовъ углероду изъ воздуха, выходитъ, что ежегодная потребность земной вегетаціи составляетъ 7 билліоновъ пудовъ углеродной кислоты. Дыханіе животныхъ, процессъ горѣнія, гніеніе и тлѣніе органическихъ остатковъ, вулканы доставляютъ въ атмосферу огромное количество углеродной кислоты. Сѣверная Америка (*) производитъ ежегодно болѣе 220 милліоновъ фунтовъ табаку; сгарая, этотъ табакъ даетъ болѣе 8 милліоновъ пудовъ углеродной кислоты; мы приводимъ этотъ ничтожный примѣръ именно для того, чтобъ дать понятіе объ огромномъ количествѣ углеродной кислоты, образующейся при сжиганіи дровъ, каменнаго угля и т. п. При видѣ этихъ чиселъ естественно рождается вопросъ: всегда ли атмосфера имѣла такой составъ, какъ теперь, вопросъ, который уже представлялся намъ, когда мы говорили о дыханіи.

Видя огромныя количества углерода, заключенныя въ нѣдрахъ земли въ видѣ различныхъ породъ каменнаго угля, — зная, что углеродъ растеній происходитъ изъ углеродной кислоты, мы должны заключить, что прежняя атмосфера, когда земля была покрыта роскошною вегетаціей, давшей происхожденіе каменному углю, содержала гораздо болѣе углеродной кислоты. Ад. Броньяръ вычислилъ, основываясь на геологическихъ данныхъ, что тогдашняя атмосфера содержала по-крайней-мѣрѣ пять процентовъ углеродной кислоты, даже можетъ быть до восьми; въ такой атмосферѣ животныя, дышащія легкими, не могли существовать, и только по мѣрѣ того, какъ растенія принимали углеродъ изъ атмосферы, отдавая назадъ кислородъ, являлись обстоятельства, благопріятныя для происхожденія и жизни животныхъ съ легкими: каждые десять кубическихъ футовъ ньюкастльскаго угля образовались изъ 18000 футовъ углеродной кислоты; слѣдовательно, на столько же футовъ увеличилось содержаніе кислорода въ атмосферѣ. Итакъ, воздухъ первобытнаго міра былъ гораздо бѣднѣе кислородомъ и богаче углеродною кислотою. Эта углеродная кислота происходила не отъ дыханія животныхъ, которыхъ тогда не было, а изъ вулкановъ, которыхъ дѣятельность въ тѣ періоды была огромна.

(*) По Northamerican Almanack for 1843, изъ Шлейдена Grundzüge der wissenschaftlichen Botanik.

Опытъ, съ котораго мы начали наше разсматриваніе о происхожденіи матеріи въ растеніи, имѣлъ результатомъ своимъ еще то, что азотъ растенія происходитъ изъ атмосферы. Прежде всего замѣтимъ, что свободный азотъ атмосферы, хотя его находится въ ней 79 процентовъ, также мало участвуетъ здѣсь, какъ и при дыханіи животныхъ, и что растеніе получаетъ свой азотъ въ видѣ аммоніака. Соссюръ, дѣлавшій весьма точные опыты съ цѣлью опредѣлить участіе свободнаго азота въ вегетаціи, всегда находилъ, что его нисколько не уменьшалось въ воздухѣ; свойства азотнаго газа, несоединяющагося прямо ни съ однимъ элементомъ, совершенно оправдываютъ это. Остается принять, что азотъ растенія получается въ видѣ аммоніака; но откуда, изъ воздуха или изъ почвы? Здѣсь опять встрѣчается разногласіе мнѣній: Либихъ полагаетъ, что содержаніе аммоніака въ почвѣ не имѣетъ вліянія на увеличеніе азота въ растеніи, Мольдеръ, французскіе химики и бо́льшая часть сельскихъ хозяевъ утверждаютъ противное. Разногласіе и здѣсь имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и при углеродѣ, т. е. обѣ стороны согласны, что атмосфера доставляетъ аммоніакъ, но одна сторона говоритъ, что и аммоніакъ почвы имѣетъ существенное значеніе.

Вышеприведенный опытъ Буссенго показалъ, что и безъ содержанія аммоніака въ почвѣ растеніе развивалось и принесло плоды; кромѣ того самыми точными опытами доказалъ онъ, что растенія всегда содержатъ болѣе азота, нежели доставлено почвѣ въ видѣ удобренія. Сравненіе количества азота, доставляемаго десятиною луга, никогда неудобряемаго, съ количествомъ азота, собираемымъ съ поля въ видѣ хлѣбныхъ зеренъ и соломы, открываетъ, что удобренная десятина доставляетъ не болѣе азота. Независимость азота растеній отъ почвы подтверждается еще хозяйствомъ большихъ имѣній. Въ такомъ имѣніи содержится опредѣленное количество азота въ людяхъ, въ животныхъ, въ запасенномъ хлѣбѣ и другихъ произведеніяхъ, въ почвѣ, въ испраженіяхъ людей и животныхъ. Оно не покупаетъ азота извнѣ, въ какой бы то формѣ ни было, а ежегодно промѣниваетъ часть азота (въ видѣ хлѣба, скота и т. п.) на деньги и другія жизненныя потребности, вовсе несодержащія азота. Эта ежегодная продажа азота должна бы постепенно уменьшать сумму азота въ имѣніи, и чрезъ нѣсколько лѣтъ она бы истощилась. Однакожь производительность такого имѣнія не уменьшается, даже увеличивается; откуда же дополняется вывезенное количество азота? Самъ собою онъ не можетъ произойти, и остается одинъ источникъ его — атмосфера.

Азотъ, вывезенный изъ такого имѣнія въ видѣ хлѣба, сѣна и т. п., поступитъ въ пищу животнымъ; они превратятъ его въ мочеви-

ну, которая, при содѣйствіи воды, приметъ видъ углероднокислаго аммоніака; этотъ аммоніакъ улетаетъ въ атмосферу, въ этотъ общій резервуаръ, изъ котораго растенія черпаютъ свою пищу, и этой дорогой опять возвращается въ имѣніе.

Изъ Россіи вывозится огромное количество хлѣба въ Европу и вмѣстѣ съ тѣмъ азота, который ни въ какомъ видѣ не покупается назадъ. Въ 1827 году изъ Одессы вывезено 1,200,826 четвертей пшеницы, 39,940 четвертей ржи и 6,852 четверти ячменю; все это вмѣстѣ содержитъ около 170,000 пудовъ азоту. При этомъ Шлейденъ замѣчаетъ:

«Грядущему вѣку предстоитъ, посредствомъ точныхъ измѣреній, взвѣшиваній, анализовъ, положить основаніе новой наукѣ — торговой статистикѣ и народной экономіи химическихъ элементовъ. Теперь и не догадаешься, какихъ интересныхъ выводовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіей развитія и благосостояніемъ народовъ, достигли бы мы, если бы могли подвергнуть, хоть приблизительной, количественной оцѣнкѣ вывозъ и ввозъ элементовъ, опредѣлить въ различныхъ странахъ обмѣнъ, производимый ими между землей, моремъ и атмосферой. Въ этомъ отношеніи мы должны приписать бо́льшее благосостояніе и высшее развитіе тому государству, у котораго вывозъ относительно его поверхности содержитъ наибо́льшее количество органическихъ элементовъ (углерода, водорода, азота, кислорода), а ввозъ наибо́льшее количество неизмѣнныхъ элементовъ, которое слѣдовательно умѣетъ наилучшимъ образомъ черпать изъ общаго, всѣмъ доступнаго, неорганическаго фонда атмосферы, и вмѣстѣ съ тѣмъ беречь богатство своей территоріи, капиталъ легко тратящійся и трудно вознаграждаемый».

Итакъ, пищу растенія составляютъ углеродная кислота, вода, аммоніакъ, доставляемыя атмосферою, и неорганическія соли, доставляемыя почвою. Истощеніе почвы состоитъ въ томъ, что она лишилась минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для развитія растенія; удобрять почву — значитъ добавлять эти недостающія минеральныя вещества. Животныя, съѣдая вмѣстѣ съ органическими веществами растенія, съѣдаютъ и тѣ минеральныя вещества, которыя растеніе всосало изъ почвы: органическія вещества возвращаются опять атмосферѣ въ видѣ углеродной кислоты и аммоніака; минеральныя соли животное выдѣляетъ въ мочѣ и твердыхъ испражненіяхъ, и слѣдовательно, если ихъ снести опять на поле, то тѣмъ самымъ мы возвратимъ почвѣ то, что̀ нужно для новой жатвы. Органическая матерія, содержащаяся въ этихъ испражненіяхъ, не составляетъ суще-

(*) Mac-Culloch.

ственной, необходимой части; вся удобрительная сила принадлежитъ веществамъ минеральнымъ. Если мы знаемъ, какія минеральныя части содержитъ пепелъ растенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, какія вещества должны содержаться въ почвѣ годной для этого растенія; опредѣливъ составъ пепла ржи, пшеницы, гороху, свеклы и т. д., мы узнаемъ какой составъ должна имѣть почва, годная для каждаго изъ нихъ. Все-равно, откуда бы ни взяли мы эти вещества, они сдѣлаютъ почву плодородною, если они будутъ имѣть опредѣленный составъ и будутъ въ состояніи перейти въ растворимое состояніе. Напримѣръ, хлѣбныя зерна содержатъ много фосфорнокислыхъ солей; слѣдовательно, почва подъ рожь, пшеницу и т. п. должна содержать ихъ, и все-равно — возьмемъ ли мы для этого кости, апатитъ, или экскременты животныхъ. Это указываетъ путь, которому должно слѣдовать при составленіи искуственныхъ удобреній.

Но недостаточно, какъ уже упоминали, чтобъ почва содержала необходимыя минеральныя вещества: она должна ихъ содержать въ такомъ видѣ, чтобы растеніе могло принять ихъ, т. е. они должны растворяться въ водѣ. Въ этомъ случаѣ вывѣтриваніе, совокупное дѣйствіе воды и воздуха, играетъ весьма важную роль; подъ вліяніемъ этихъ дѣйствователей минералы, состоящіе изъ кремнекислыхъ соединеній глинозема и щелочей, разрушаются и механически и химически, и ихъ составныя части дѣлаются растворимыми, годными для питанія растеній. Такое значеніе имѣетъ, по мнѣнію Либиха, паханіе, которое разрыхляетъ землю, выноситъ на поверхность тѣ части, которыя лежали глубже, и увеличиваетъ поверхность прикосновенія почвы съ воздухомъ, ускоряя тѣмъ процессъ вывѣтриванія. Почва, сдѣлавшаяся безплодною, истощенною вслѣдствіе того, что на ней нѣсколько лѣтъ сряду засѣвали одно и тоже растеніе, возвращаетъ прежнее плодородіе, отдыхаетъ, когда ее оставляютъ подъ паромъ, безъ посѣва; причина этого заключается въ томъ, что въ это время вывѣтриваніе породъ могло совершаться безпрепятственно, и минеральныя вещества, бывшія въ почвѣ въ нерастворимомъ состояніи, измѣнились и получили способность растворяться въ водѣ, которою орошается поле. Однакожь ихъ растворимость должна быть очень слабая, потому-что переходъ ихъ въ растеніе совершается очень медленно, и если бы они легко растворялись, то вода, протекающая по полямъ, уносила бы ихъ съ собою; щелочныя соли, необходимыя для развитія нѣкоторыхъ растеній, находятся въ этихъ обстоятельствахъ. Искуственное удобреніе, изобрѣтенное Либихомъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ нашелъ средство сдѣлать щелочи также трудно растворимыми, какъ гипсъ.

Плодородіе почвы зависитъ однакожь не отъ одного химическаго

состава; ея физическія свойства имѣютъ также существенное вліяніе на это: ея рыхлость, плотность, способность удерживать влажность, сгущать газы, и только обращая вниманіе на эти свойства, можно объяснить пользу чернозема. Эта рыхлая масса, состоящая изъ полуизмѣнившихся растеній, обладаетъ въ сильной степени способностью сгущать въ себѣ газы и водяные пары, уступая въ этомъ случаѣ только древесному углю.

Все, что́ мы говорили до сихъ поръ о питаніи растеній касалось только опредѣленія состава и происхожденія тѣхъ веществъ, которыя могутъ служить для нихъ пищею. Намъ бы слѣдовало показать теперь тѣ химическіе процессы, которые совершаются въ клѣточкахъ растенія и вслѣдствіе которыхъ простыя вещества, принятыя растеніемъ, превращаются въ сложныя; намъ бы слѣдовало показать, какъ группируются элементы углеродной кислоты, воды, аммоніака, чтобы образовать клѣтчатку, сахаръ, крахмалъ, фибринъ, бѣлокъ, казеинъ и весь рядъ тѣхъ разнообразныхъ веществъ, которыя мы добываемъ изъ растеній.

Въ сочиненіяхъ Либиха, Мольдера и Дюма помѣщено множество *объясненій*, какъ *могутъ* образоваться различныя вещества, сколько паевъ угольной кислоты, воды или аммоніака должно вступить въ соединеніе, и сколько паевъ кислорода должно выдѣлиться при этомъ. Все это только вѣроятныя догадки, и тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ весьма различными путями. Все, что́ совершается внутри растенія, совершенно неизвѣстно намъ; мы видимъ только крайнія формы матеріи; видимъ, что входятъ угольная кислота, вода, аммоніакъ и минеральныя вещества, и что на мѣсто ихъ являются сложные продукты. Но тѣ промежуточныя формы, которыя пробѣгала матерія, группируясь все сложнѣе и сложнѣе, тѣ явленія, которыми сопровождались эти превращенія и которыя составляли жизнь растительнаго недѣлимаго — клѣточки, — все это остается до сихъ поръ непроницаемою тайною.

Сравнивая составъ сложныхъ продуктовъ жизни растенія съ составомъ принятыхъ веществъ, мы видимъ, что всѣ они содержатъ гораздо менѣе кислорода, и что слѣдовательно образованіе ихъ сопровождалось отдѣленіемъ его; въ этомъ выражается противоположность характера жизни растительной и животной; химическій *характеръ послѣдней*, какъ видѣли, состоитъ въ окисленіи сложныхъ

веществъ, въ поглощеніи кислорода. Впрочемъ и въ растеніяхъ происходятъ подобныя явленія; напримѣръ, созрѣваніе плодовъ сопровождается поглощеніемъ кислорода и образованіемъ углеродной кислоты, также образованіе пахучихъ маслъ на лепесткахъ цвѣтовъ, образованіе нѣкоторыхъ смолъ и органическихъ кислотъ; но эти явленія принадлежатъ къ обыкновеннымъ химическимъ явленіямъ, они не принадлежатъ къ тѣмъ, которыя составляютъ жизнь клѣточки; дозрѣваніе плодовъ, то есть образованіе сахару изъ органическихъ кислотъ, продолжается и въ сорванныхъ плодахъ само собою, тоже должно сказать и о другихъ. Всѣ превращенія подобнаго рода мы можемъ произвести въ лабораторіи: они состоятъ всегда въ упрощеніи веществъ.

Но химическіе процессы, которые совершаются въ клѣточкахъ растенія, въ этихъ микроскопическихъ лабораторіяхъ, фабрицирующихъ сложныя вещества изъ простыхъ, совершенно недоступны для современной химіи. Невозможно обнять всю важность открытія, которое бы объяснило сущность этихъ процессовъ и научило насъ, умѣющихъ только анализировать, тѣмъ синтетическимъ пріемамъ, которые употребляетъ растеніе, превращая простое въ сложное. Оно обогатило бы науку новыми данными къ разгаданію условій жизни, условій происхожденія организмовъ. Съ другой стороны, понявъ, въ чемъ состоятъ условія, осуществленныя въ растеніи для образованія сложныхъ веществъ, мы могли бы конечно осуществить ихъ и внѣ растительнаго организма, могли бы превращать неорганическія вещества въ тѣ драгоцѣнные сложные продукты, съ изобиліемъ которыхъ тѣсно связано благоденствіе и развитіе человѣчества. Вмѣсто того, чтобы получать ихъ чрезъ посредство растеній, способа медленнаго, невѣрнаго, зависящаго отъ случайностей, отвращеніе которыхъ внѣ власти человѣка, тогда полученіе ихъ могло бы совершаться также правильно, съ такимъ же вѣрнымъ успѣхомъ, зависящимъ только отъ степени познаній и умѣнья, какъ теперь полученіе сахару изъ картофеля, виннаго спирта изъ сахару и т. п. Это была бы рѣшительная побѣда человѣка надъ природою и величайшее дѣло науки на пользу человѣчества.

Есть ли же хоть какія-нибудь данныя, на которыхъ бы можно было основать надежду, что мы будемъ въ состояніи получать искуственно тѣ вещества, которыя теперь доставляются исключительно растительнымъ царствомъ, — есть ли хоть одинъ фактъ, который бы ставилъ такую надежду въ предѣлахъ возможнаго? Да, есть два, три примѣра, гдѣ мы можемъ получить сложныя вещества изъ простѣйшихъ; напримѣръ, мы можемъ получить мочевину, сложный продуктъ, состоящій изъ углерода, водорода, азота, кислорода, взявши

уголь и аммоніакъ, вещества, принадлежащія уже къ минеральнымъ; мы можемъ дойти до уксусу, сложной кислоты, содержащей углеродъ, водородъ и кислородъ, начавъ съ хлора и углеродистоводороднаго газа; дѣйствіе азотной кислоты на уголь даетъ между прочимъ вещество сходное съ дубильною кислотою. Конечно случаи, представляемые въ этихъ примѣрахъ, еще въ неизмѣримомъ разстояніи отъ степеней, до которой мы простираемъ наши надежды; и число ихъ ограничено, и путь, которому слѣдуютъ для восхожденія отъ простого къ сложному, длинный и окольный; но все-таки они подтверждаютъ возможность высказанныхъ ожиданій, показываютъ, что мы не вѣчно останемся при разложеніяхъ.

ПАВЕЛЪ ИЛЬЕНКОВЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ГЕРМАНІИ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Историческій взглядъ на драматическую литературу въ Германіи. — Начатки драмы въ Германіи: мистеріи, свѣтская комедія. — Реформація. Народная драма. Гансъ Саксъ. — Распаденіе народной драмы послѣ реформаціи на духовную, школьную, придворную. — Гансвурстъ. Героическая трагедія и шутовская комедія. — Готшедъ. Цѣль его дѣятельности и характеръ. Введеніе французскихъ образцовъ. — Лессингъ. Вліяніе его критики на драму и литературу вообще. Первая мѣщанская трагедія. — Шекспиръ.

Никакое явленіе не понятно внѣ его исторической связи. Вырванное изъ цѣпи событій, оно не имѣетъ смысла, какъ одинокая буква, вырванная изъ рѣчи. Это обязываетъ насъ бросить бѣглый взглядъ на исторію драматической литературы и искусства въ Германіи, тѣмъ болѣе, что драма тѣснѣе всѣхъ другихъ родовъ поэзіи связана съ историческимъ ходомъ государственной и общественной жизни народа. Въ драмѣ (я говорю о той драмѣ, которая является, или по-крайней-мѣрѣ можетъ являться на театрѣ; другія, которыя по своей сущности чуждаются сцены, принадлежатъ къ драмамъ только со стороны внѣшней, разговорной формы), въ драмѣ, говорю я, литература приходитъ въ самое живое и тѣсное соприкосновеніе съ народомъ. Въ ней больше, нежели въ какой-нибудь отрасли искусствъ, отражается вся полнота національной жизни, и антидраматическій репертуаръ свидѣтельствуетъ только объ антидраматическомъ характерѣ народа.

Корень драматическаго искусства держится въ пластическомъ стремленіи человѣческаго духа, врожденномъ всему людскому роду. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что нѣтъ на землѣ такого дикаго народа, у котораго не было бы своей мимики и сценики, своихъ плясокъ и игръ. И какъ бы ни было все это бѣдно и грубо, оно все-таки не лишено содержанія; въ этихъ пляскахъ и играхъ участвуетъ не одно тѣло: онѣ почти всегда имѣютъ религіозное значеніе, — доказательство, что внѣшнее проистекаетъ тутъ изъ внутреннѣйшей, хотя еще и смутно сознаваемой потребности духа.

Древніе языческіе германцы вѣроятно тоже имѣли свои мимическія игры — зародышъ драматическаго искусства. До насъ не дошло никакихъ историческихъ данныхъ, которыя положительно подтверждали бы эту мысль, но не составляли же германцы исключенія изъ всего рода человѣческаго, — и аналогія позволяетъ и даже требуетъ допустить это предположеніе какъ истину. Первые лучи исторіи падаютъ на нѣмецкую драму въ эпоху соприкосновенія германцевъ съ двумя совершенно противоположными мірами: римскимъ и католическимъ. И тотъ и другой, одинъ побѣжденный и дряхлый, другой торжествующій и юный, имѣли, относительно развитія германской драмы, равное вліяніе на свѣжій и еще варварскій народъ. Оба міра дошли тогда разными путями до противоположныхъ крайностей, выражали собою каждый одностороннее міросозерцаніе, что и уравновѣшивало еще ихъ силу. Древній міръ, переживши тысячелѣтія, дошелъ до отрицанія всякихъ духовныхъ интересовъ и предался животной чувственности; міръ новый началъ съ отрицанія всего чувственнаго и хотѣлъ уничтоженія плоти во имя духа. Борьба была неизбѣжна. Она длилась долго, и только теперь близко то время, когда и тѣло и духъ вступятъ оба въ равныя права свои, когда человѣкъ сознаетъ себя какъ единицу, безплодно и ложно дробимую воззрѣніями и теоріями, но въ сущности все-таки нераздѣльную и единую.

Эта борьба не могла не имѣть существеннаго вліянія на все существующее, а слѣдовательно и на начатки драмы въ Германіи. Взглянемъ въ чемъ состояло это вліяніе.

Драма была въ Римѣ въ крайнемъ упадкѣ, когда познакомились съ нею германцы. Она и всегда склонялась тамъ къ *спектаклю*, но въ послѣднее время сдѣлалась просто рабою чувственнаго наслажденія, безъ всякаго почти слѣда высшихъ духовныхъ интересовъ. Но именно это-то исключительно чувственное направленіе и спасло ее, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, отъ окончательнаго уничтоженія. *Крайность дѣлала* отпоръ другой крайности: полное отрицаніе чув-

ственности, уничтоженіе плоти было не въ числѣ возможностей, и человѣкъ, поставленный между двумя мірами, изъ которыхъ въ одномъ онъ находилъ право гражданства только отрицая вполнѣ духъ, а въ другомъ умерщвляя вполнѣ тѣло, не могъ прилѣпиться весь и чистосердечно ни къ тому, ни къ другому. Сколько запрещеній, сколько отлученій отъ церкви ни сыпалось на актеровъ, сценическія представленія и зрителей, зрѣлища все-таки держались, потому-что удовлетворяли одной изъ потребностей человѣческой природы. Что оставалось дѣлать? уничтожить эти зрѣлища было очевидно не возможно; западная церковь задумала ослабить ихъ вліянія ихъ же собственнымъ оружіемъ, взять это искусство въ плѣнъ, сдѣлать его рабомъ своимъ, заставить его трудиться для распространенія ея же идей....

Такимъ образомъ явилась *духовная драма*, въ началѣ довольствовавшаяся самою простою формою — какимъ-нибудь шествіемъ съ изображеніемъ святого, нѣмою мимикою при звукахъ священныхъ гимновъ, простымъ изложеніемъ какой-нибудь легенды. Но мало-помалу формы этой драмы расширялись, и наконецъ образовались такъ называемыя *мистеріи*, съ тринадцатаго столѣтія распространившіяся по всѣмъ христіанскимъ землямъ Запада (*). Содержаніе ихъ всегда было заимствовано изъ священнаго писанія или легендъ о жизни святыхъ, но пестрая, шумливая внѣшность странно противорѣчила аскетическому смыслу пьесъ. Западная церковь достигла своей цѣли: сцена служила теперь церкви.

Но таже самая потребность человѣческой природы, которая прежде не допустила истребленія развратившейся сцены языческаго міра, не дала и теперь сдѣлаться сценическому искусству исключительно мистическимъ. Для представленія иной мистеріи требовалась сотня актеровъ;

(*) Въ мистеріяхъ, первыхъ начаткахъ народной драмы, видно преобладаніе эпическаго характера: событіе развивается въ нихъ циклически, въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, и личности выступаютъ группами. Центръ драмы составляетъ не лицо, а событіе. Съ этимъ характеромъ драмы ладится и тогдашнее устройство сцены. Въ Скалигерѣ находимъ мы извѣстіе о представленіяхъ мистерій во Франціи въ началѣ XVI столѣтія. Дѣйствующія лица выходили всѣ разомъ на сцену и уже не сходили обратно. Безмолвныя считались отсутствующими. Сцена представляла въ одно время рай, адъ, землю и небо; эта декорація была неизмѣнна, какое бы дѣйствіе ни разыгрывалось на сценѣ. Земля занимала средину между небомъ и адомъ и представляла то Іерусалимъ, то родину какого-нибудь святого или патріарха. На нее слетали ангелы съ неба и выходили дьяволы изъ преисподней. .... Тутъ тоже раскрывается пасть ада, изображаемая ящикомъ съ подъемною крышею; верхняя часть этого ящика изображала землю. Въ этой мистеріи Люциферъ покушается воздвигнуть себѣ престолъ рядомъ съ престоломъ божіимъ, но низвергается въ преисподнюю съ мятежными ангелами. Потомъ слѣдуетъ грѣхопаденіе и изгнаніе изъ рая.

[illegible]ходимость заставила допустить къ участію въ представленіи [illegible] [illegible] церковнымъ, латинскій языкъ началъ вытѣсняться нѣмецкіи [illegible] народный языкъ вытѣснилъ собою церковный [illegible] [illegible] содержаніе пѣсенъ не могло сохранить своей духовной чистоты; [illegible] сентенцій начали проблескивать остроты. [illegible] начало перемѣшиваться забавными сценами....

[illegible] представленіемъ мистерій связано было много [illegible], недававшихъ имъ принять чисто рели- [illegible] мистерія длилась цѣлые дни, и даже недѣли; на [illegible] множество народу изъ окрестностей. [illegible] пирушки слѣдовали за пирушками, и [illegible] мистерія не могла быть доиграна по случаю [illegible] дѣйствующими лицами....

[illegible] пріобрѣтая все болѣе и болѣе значенія и [illegible] подъ власти аскетическаго элемента [illegible] самостоятельной формѣ *сельской*

[illegible] деревни, какъ свѣтскія комедіи. [illegible] гражданству. Авторами ии- [illegible] лица изъ духовенства; за богато укра- [illegible] святыхъ. Содер- [illegible] житія святыхъ; сцени- [illegible] роскошью и торжественно- [illegible] массами, наполнявшими большое [illegible] было. Напротивъ того, [illegible] на сценѣ ихъ являлис [illegible] , люди изъ дѣйстви- [illegible] простыя сцены [illegible] обстановка была не богата. [illegible] дальше двѣнадцати.

[illegible] исконн ю- [illegible] Всего болѣе процвѣта- [illegible] въ большихъ городахъ [illegible] особенности въ Нюрнбергѣ. [illegible] этимъ коме- [illegible] и [illegible] [illegible] сценическаго достоин- [illegible] раньше предназначен-

[illegible]

Драма шла въ этотъ періодъ времени параллельно съ ходомъ всемірно историческихъ событій, — переходила отъ отвлеченнаго къ дѣйствительному, отъ церковнаго къ гражданскому. Появленіе свѣтской комедіи конечно было шагомъ впередъ на поприщѣ драматическаго искусства, но все-таки эти комедіи, также какъ и мистеріи, оставаясь плодами отдѣльныхъ кастъ и отдѣльныхъ кружковъ, не могли сдѣлаться выраженіемъ общенародной жизни и не могли выработать себѣ художественную форму. Причина этого скрывалась въ раздробленіи самой Германіи, невызванной къ единству никакою общею идеей, неспаянной въ одно никакимъ внутреннимъ огнемъ, порывающимся наружу. Надо было, чтобы какое-нибудь великое историческое событіе задѣло всѣ нервы германской жизни, — и это событіе не замедлило явиться: то была реформація.

Мы уже сказали, почему дряхлый, отжившій, безсильно чувственный міръ древности не могъ быть вполнѣ уничтоженъ юнымъ, полнымъ силы и увлеченія міромъ католическимъ: оба они были крайностями, и ни одинъ изъ нихъ не могъ удовлетворить *всему* человѣку. Одинъ требовалъ совершеннаго уничтоженія личности, другой безграничнаго обожанія ея; одинъ не признавалъ никакихъ личныхъ правъ передъ идеаломъ, другой никакой идеи передъ прихотью личности. Одинъ хотѣлъ сдѣлать человѣка неземнымъ, другой животнымъ; но природа не подчиняется метафизикѣ, и человѣкъ оставался человѣкомъ.

Борьба католицизма съ древностью продолжалась, а въ человѣкѣ зрѣли между тѣмъ сомнѣніе и анализъ. На вопросъ: кто правъ, кто не правъ? человѣкъ не могъ отвѣчать ни въ пользу того, ни въ пользу другого. Лишенный всякихъ правъ личности, лишенной возможности сдѣлать свои собственныя воззрѣнія и убѣжденія путеводною нитью своей жизни, онъ чувствовалъ, сначала смутно, но потомъ все яснѣе и яснѣе, что истина не можетъ заключаться въ томъ, что препятствуетъ развитію мысли. Истина не боится этого развитія, потому-что не можетъ не выйти побѣдоносно изъ борьбы мнѣній, высказываемыхъ безъ вынужденной утайки и умолчаній. Только ложь, сознающая себя какъ ложь, боится встрѣчи съ возраженіемъ: она знаетъ, что никакая діалектика не спасетъ ея чести.

Переворотъ, произведенный реформаціею въ гражданско-исторической жизни Германіи, отражается, естественно, и въ литературѣ.

Реформація сблизила сословія, и слѣдствіемъ этого былъ переходъ поэзіи изъ отдѣльныхъ кружковъ въ массу народа. Является народная пѣснь.

Реформація породила множество событій и дала поэзіи фактическое содержаніе. Народная пѣсня становится политическою пѣснею.

Драматизмъ эпохи реформаціи, отразившись въ литературѣ, оживилъ и драму. Какъ на сценѣ исторіи являются въ это время рельефныя лица Лютера, Гуттена, Сиккингена, такъ и въ драмѣ, вмѣсто прежнихъ группъ, олицетвореній отвлеченныхъ понятій и эпическаго хода событій, являются отдѣльныя лица и драматическое содержаніе.

Драма, бывшая до сихъ поръ или *мистеріею*, исключительною собственностью и орудіемъ западнаго духовенства, или *свѣтской комедіею*, собственностью тѣснаго кружка ремесленниковъ и гражданъ, сдѣлалась теперь достояніемъ народа. Реформація, разрушивши кастическое различіе мірского отъ духовнаго, уничтожила и раздѣленіе драмы на эти два рода; современная исторія дала драмѣ содержаніе, которое не приходилось ни къ мистеріи, ни къ свѣтской комедіи, и явилась народная и политическая драма. Въ этомъ явленіи, какъ и во всѣхъ явленіяхъ реформаціи, отражается примиреніе древно-языческаго міра съ католическимъ и сліяніе ихъ въ просто-человѣческій. Мистеріи, какъ мы уже знаемъ, были орудіемъ католицизма; свѣтскія комедіи были порожденіемъ древне-языческаго элемента, который, таясь подъ пепломъ, какъ противорѣчіе отвлеченной крайности, разгарался все болѣе и болѣе, дѣлался элементомъ свѣтскимъ, вытѣснялъ и вытѣснилъ наконецъ элементъ духовный. Реформація окончательно уничтожила исключительное преобладаніе въ драмѣ того или другого и дала ей содержаніе, для котораго тѣсны оказались рамки предшествовавшихъ драматическихъ формъ.

Замѣчательно, какъ самыя мистеріи, цѣль которыхъ была исключительно религіозно-католическая, испытывали съ приближеніемъ реформаціи внутреннее измѣненіе.... Сначала они были не больше, какъ исторически-сценическимъ изложеніемъ какой-нибудь легенды или событія изъ священнаго писанія. Въ нихъ строго и неотступно придерживались сказанія или текста; но, чѣмъ ближе къ реформаціи, тѣмъ болѣе проявляется критическій умъ человѣка, являются мало-по-малу догматическіе вопросы сдѣлавшіеся всеобщими въ первые годы реформаціи.

Въ доказательство можно привести замѣчательную во многихъ отношеніяхъ драму Шернберга: *Apotheosis Johannis VIII Pontificis romani*, явившуюся въ 1480 году. Сюжетъ ея: извѣстное сказаніе о папѣ-женщинѣ Іоаннѣ. Вотъ ея содержаніе:

Первая сцена происходитъ въ аду. Дьяволы, подъ предсѣдательствомъ Люцифера, совѣтуются, какъ погубить и вовлечь въ грѣхъ и преступленіе дѣвушку Ютту. Сатанѣ, подчиненному Люцифера, поручено вступить съ ней въ переговоры; Ютта, легкомысленная и *тщеславная*, легко соглашается на его предложеніе. Неузна-

ваемая въ мужскомъ платьѣ, она отправляется съ любовникомъ своимъ въ Парижъ, получаетъ тамъ степень доктора и ѣдетъ въ Римъ, гдѣ папа Василій дѣлаетъ ее кардиналомъ. Вскорѣ потомъ папа умираетъ, и новый кардиналъ, называющій себя Іоанномъ фонъ Энгелландомъ, единогласно избранъ въ папы. Но погибель его уже близка. Къ новому папѣ приводятъ бѣсноватаго, и святой отецъ долженъ изгнать изъ него бѣса. Волею или неволею, а Ютта принуждена исполнять обязанность своего сана; бѣсъ по-неволѣ уступаетъ папской власти, оставляетъ бѣсноватаго, но, въ гнѣвѣ, объявляетъ всенародно, что папа — женщина, и что она даже скоро родитъ. Между тѣмъ извѣстіе о преступленіи Ютты, женщины, дерзнувшей возсѣсть на престолъ св. Петра, доходитъ и до неба.... Но вѣчное проклятіе еще отложено. Ютту спрашиваютъ: хочетъ ли она погибнуть на вѣки, или искупить спасеніе души временнымъ позоромъ и покаяніемъ? Ютта рѣшается обратиться на путь истины. Но не поздно ли уже? Не раздавитъ ли ее тяжесть преступленія? и на основаніи какихъ условій откажется отъ нея діаволъ, ея давнишній сообщникъ? Является смерть, неумолимый юмористъ, и не щадитъ Ютты, несмотря на всѣ богословскія знанія, выказываемыя ею въ минуту кончины; она падаетъ, разрѣшается ребенкомъ и умираетъ. Діаволы тотчасъ же овладѣваютъ ея душою, увлекаютъ ее въ адъ и мучатъ жесточайшими муками: они требуютъ, чтобы она перестала молиться пресвятой дѣвѣ и отреклась отъ Бога. Но среди мученій ада Ютта непоколебима: изъ глубины преисподней возсылаетъ она теплую молитву къ небесной посредницѣ, — и пресвятая внемлетъ ея мольбѣ. Вѣра въ пресвятую дѣву, ея заступничество, и сила покаянія Ютты осиливаютъ наконецъ могущество ада. Архангелъ Михаилъ посланъ освободить ее изъ адскаго огня и ввести въ небо, гдѣ она, очищенная и примиренная, причислена къ лику блаженныхъ, а діаволъ, хотѣвшій овладѣть ею, обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ.

Мы нарочно изложили содержаніе этой пьесы, чтобы показать, до какой степени измѣнился догматическій характеръ мистерій, и какъ прокрались въ нихъ незамѣтно критико-богословскіе вопросы.

А вотъ и другой примѣръ, показывающій какъ драма приняла въ себя историческія событія реформаціи и сдѣлалась драмою политическою. Въ 1540 году императоръ Карлъ сидѣлъ однажды въ Регенсбургѣ за столомъ, съ братомъ своимъ Фердинандомъ; въ это время нѣсколько актеровъ попросили позволенія позабавить ихъ пантомимой. Имъ позволили, и вотъ какая сцена была разыграна ими передъ императоромъ. Сперва явился человѣкъ въ докторскомъ костюмѣ, съ надписью на спинѣ: Іоганнъ Капніо (т. е. Рейхлинъ). Онъ принесъ

вязанку дровъ, разбросалъ ихъ по комнатѣ и удалился. Вслѣдъ за тѣмъ явилась другая маска и принялась сортировать полѣна: прямыя класть къ прямымъ, а кривыя къ кривымъ. Но полѣнья противились всѣмъ его стараніямъ и не укладывались ни въ какую систему; маска, въ досадѣ, ушла и оставила все, какъ было; на спинѣ ея была надпись: Эразмъ Роттердамскій. За ней вошелъ монахъ, лицо всѣмъ извѣстное, Лютеръ; онъ принесъ горящіе угли и зажегъ дрова; когда огонь съ трескомъ охватилъ дерево, онъ весело засмѣялся и ушелъ. Потомъ явился человѣкъ въ императорской одеждѣ, представлявшій ни больше, ни меньше, какъ самого Карла V; увидѣвши огонь, онъ обнажилъ мечь и началъ рубить по огню, съ цѣлью погасить его. Но огонь вспыхивалъ отъ этого только сильнѣе прежняго, и Карлъ, разсерженный, поспѣшно ушелъ. Наконецъ явился самъ папа; при видѣ разливавшагося пламени, онъ спѣшитъ схватить одно изъ стоящихъ тутъ ведеръ и залить огонь. Но, увы! сгоряча онъ ошибся и льетъ на огонь вмѣсто воды масло. Огонь вспыхнулъ еще сильнѣе, и папа въ отчаяньи убѣжалъ вонъ.

Пантомима эта очень не понравилась Карлу V. Онъ приказалъ схватить актеровъ, но они исчезли безъ слѣда.

Этотъ анекдотъ доказываетъ, что политическіе вопросы времени замѣшались въ драму не потому, что заключали въ себѣ свой *внѣшній* интересъ, но потому, что задѣвали за-живое массу и были на сценѣ отраженіемъ того, что совершалось *внутри* каждаго изъ зрителей. Игравшіе пантомиму передъ Карломъ V не стали бы рисковать собою, если бы мысль этой пантомимы не обратилась у нихъ въ кровь и жизнь.

Но въ первые годы реформаціи духовная свобода человѣка измѣнила и общественную жизнь его. Касты среднихъ вѣковъ, казалось, должны были исчезнуть: духовенство перемѣшалось съ мірянами, рыцарь сталъ ближе къ крестьянину. Общественные вопросы не только подавали поводъ къ ученымъ диссертаціямъ, но были примѣняемы къ самой жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго, что они вошли новымъ элементомъ въ тогдашнюю драму.

Въ особенности въ Швейцаріи высказывалось это стремленіе рѣзко и смѣло. На то были особенныя, мѣстныя причины: свобода общественныхъ учрежденій и столкновеніе двухъ партій, приверженцевъ стараго и новаго порядка вещей. Поборниками послѣдняго являются здѣсь два писателя: Николай Мануель и Памфилій Генгенбахъ. Но и католицизмъ не забылъ прибѣгнуть къ театру, какъ къ оружію для собственной защиты и пораженія новыхъ идей. Мурнеръ сочинилъ драму, въ которой выводитъ на сцену самого Лютера.

Такимъ образомъ драма сдѣлалась живымъ выраженіемъ вѣка, приняла въ себя всѣ волновавшіе его тогда вопросы. Въ этомъ состоитъ ея историческое значеніе; что же касается до художественнаго, то она не вышла тогда еще изъ пеленокъ, потому-что была лишена именно того, что составляетъ сущность искуства, — художественной формы.

Скоро однако же она нашла ее. Говорю: нашла, т. е. получила извнѣ, какъ нѣчто уже готовое, какъ образецъ, а не выработала ее изъ самой себя.

Между реформаціей и древностью было кровное родство. Реформацію можно даже назвать порожденіемъ древности. Древнее міросозерцаніе держалось въ продолженіи столѣтій какъ антитеза утѣснительнымъ догматамъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ человѣкъ находилъ отдыхъ отъ оффиціяльной натяжки, налагаемой на него извнѣ буквою закона. Онъ не могъ, правда (какъ мы уже замѣтили), найти полнаго удовлетворенія ни въ древнемъ, ни въ средневѣковомъ міросозерцаніи, но неотказывался вполнѣ ни отъ того, ни отъ другого и невольно стремился къ ихъ примиренію. Разительнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что изученіе классической древности таилось всего больше въ монастыряхъ, именно тамъ, гдѣ католическій догматъ налагалъ на человѣка самыя тяжелыя вериги отреченія. Реформація, выразившая собою примиреніе этихъ двухъ міровъ, вызвала классическую древность изъ темницы на свѣтъ и на сцену. Явилось множество изданій, переводовъ и подраженій древнимъ. Этотъ запасъ составлялъ тогда такое же обиходное чтеніе, какъ теперь французскіе и англійскіе романы; но всего больше читались древнія драмы. Прежде всего явились Теренцій, Плавтъ и Сенека. Вліяніе ихъ было такъ велико, что съ этого времени нѣмецкій театръ должно считать потомцемъ римскаго. Вскорѣ потомъ изданы были и греки: Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ. Это установило форму драмы, сколокъ съ древнихъ образцовъ.

Итакъ, реформація дала драмѣ народное, живое содержаніе и опредѣленную форму. Въ это время является въ драматической литературѣ лицо, чрезвычайно поучительное тѣмъ, что, будучи вовсе не одарено отъ природы драматическимъ талантомъ, оно сдѣлалось представителемъ драматическаго движенія своего вѣка. Это доказываетъ, во-первыхъ, что духъ времени не нуждается въ личностяхъ, когда настаетъ пора высказать его стремленіе, а во-вторыхъ, что видно ужь драматизмъ не въ нѣмецкой крови, если въ самую драматическую эпоху германской жизни не нашлось другого представителя драмы, какъ Гансъ Саксъ (1494 — 1576), человѣкъ съ дарованіемъ, но непринимавшій самодѣятельнаго участія въ событіяхъ современ-

Драматизмъ эпохи реформаціи, отразившись въ литературѣ, оживилъ и драму. Какъ на сценѣ исторіи являются въ это время рельефныя лица Лютера, Гуттена, Сиккингена, такъ и въ драмѣ, вмѣсто прежнихъ группъ, олицетвореній отвлеченныхъ понятій и эпическаго хода событій, являются отдѣльныя лица и драматическое содержаніе.

Драма, бывшая до сихъ поръ или *мистеріею*, исключительною собственностью и орудіемъ западнаго духовенства, или *свѣтской комедіею*, собственностью тѣснаго кружка ремесленниковъ и гражданъ, сдѣлалась теперь достояніемъ народа. Реформація, разрушивши кастическое различіе мірского отъ духовнаго, уничтожила и раздѣленіе драмы на эти два рода; современная исторія дала драмѣ содержаніе, которое не приходилось ни къ мистеріи, ни къ свѣтской комедіи, и явилась народная и политическая драма. Въ этомъ явленіи, какъ и во всѣхъ явленіяхъ реформаціи, отражается примиреніе древно-языческаго міра съ католическимъ и сліяніе ихъ въ просто-человѣческій. Мистеріи, какъ мы уже знаемъ, были орудіемъ католицизма; свѣтскія комедіи были порожденіемъ древне-языческаго элемента, который, таясь подъ пепломъ, какъ противорѣчіе отвлеченной крайности, разгарался все болѣе и болѣе, дѣлался элементомъ свѣтскимъ, вытѣснялъ и вытѣснилъ наконецъ элементъ духовный. Реформація окончательно уничтожила исключительное преобладаніе въ драмѣ того или другого и дала ей содержаніе, для котораго тѣсны оказались рамки предшествовавшихъ драматическихъ формъ.

Замѣчательно, какъ самыя мистеріи, цѣль которыхъ была исключительно религіозно-католическая, испытывали съ приближеніемъ реформаціи внутреннее измѣненіе.... Сначала они были не больше, какъ исторически-сценическимъ изложеніемъ какой-нибудь легенды или событія изъ священнаго писанія. Въ нихъ строго и неотступно придерживались сказанія или текста; но, чѣмъ ближе къ реформаціи, тѣмъ болѣе проявляется критическій умъ человѣка, являются мало-по-малу догматическіе вопросы сдѣлавшіеся всеобщими въ первые годы реформаціи.

Въ доказательство можно привести замѣчательную во многихъ отношеніяхъ драму Шернберга: *Apotheosis Johannis VIII Pontificis romani*, явившуюся въ 1480 году. Сюжетъ ея: извѣстное сказаніе о папѣ-женщинѣ Іоаннѣ. Вотъ ея содержаніе:

Первая сцена происходитъ въ аду. Дьяволы, подъ предсѣдательствомъ Люцифера, совѣтуются, какъ погубить и вовлечь въ грѣхъ и преступленіе дѣвушку Ютту. Сатанѣ, подчиненному Люцифера, поручено вступить съ ней въ переговоры; Ютта, легкомысленная и тщеславная, легко соглашается на его предложенія. Неузна-

вязанку дровъ, разбросалъ ихъ по комнатѣ и удалился. Вслѣдъ за тѣмъ явилась другая маска и принялась сортировать полѣна: прямыя класть къ прямымъ, а кривыя къ кривымъ. Но полѣнья противились всѣмъ его стараніямъ и не укладывались ни въ какую систему; маска, въ досадѣ, ушла и оставила все, какъ было; на спинѣ ея была надпись: Эразмъ Роттердамскій. За ней вошелъ монахъ, лицо всѣмъ извѣстное, Лютеръ; онъ принесъ горящіе угли и зажегъ дрова; когда огонь съ трескомъ охватилъ дерево, онъ весело засмѣялся и ушелъ. Потомъ явился человѣкъ въ императорской одеждѣ, представлявшій ни больше, ни меньше, какъ самого Карла V; увидѣвши огонь, онъ обнажилъ мечь и началъ рубить по огню, съ цѣлью погасить его. Но огонь вспыхивалъ отъ этого только сильнѣе прежняго, и Карлъ, разсерженный, поспѣшно ушелъ. Наконецъ явился самъ папа; при видѣ разлившагося пламени, онъ спѣшитъ схватить одно изъ стоящихъ тутъ ведеръ и залить огонь. Но, увы! сгоряча онъ ошибся и льетъ на огонь вмѣсто воды масло. Огонь вспыхнулъ еще сильнѣе, и папа въ отчаяньи убѣжалъ вонъ.

Пантомима эта очень не понравилась Карлу V. Онъ приказалъ схватить актеровъ, но они исчезли безъ слѣда.

Этотъ анекдотъ доказываетъ, что политическіе вопросы времени замѣшались въ драму не потому, что заключали въ себѣ свой *внѣшній* интересъ, но потому, что задѣвали за-живое массу и были на сценѣ отраженіемъ того, что совершалось *внутри* каждаго изъ зрителей. Игравшіе пантомиму передъ Карломъ V не стали бы рисковать собою, если бы мысль этой пантомимы не обратилась у нихъ въ кровь и жизнь.

Но въ первые годы реформаціи духовная свобода человѣка измѣнила и общественную жизнь его. Касты среднихъ вѣковъ, казалось, должны были исчезнуть: духовенство перемѣшалось съ мірянами, рыцарь сталъ ближе къ крестьянину. Общественные вопросы не только подавали поводъ къ ученымъ диссертаціямъ, но были примѣняемы къ самой жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго, что они вошли новымъ элементомъ въ тогдашнюю драму.

Въ особенности въ Швейцаріи высказывалось это стремленіе рѣзко и смѣло. На то были особенныя, мѣстныя причины: свобода общественныхъ учрежденій и столкновеніе двухъ партій, приверженцевъ стараго и новаго порядка вещей. Поборниками послѣдняго являются здѣсь два писателя: Николай Мануель и Памфилій Генгенбахъ. Но и католицизмъ не забылъ прибѣгнуть къ театру, какъ къ оружію для собственной защиты и пораженія новыхъ идей. Мурнеръ *сочинилъ* драму, въ которой выводитъ на сцену самого Лютера.

Такимъ образомъ драма сдѣлалась живымъ выраженіемъ вѣка, приняла въ себя всѣ волновавшіе его тогда вопросы. Въ этомъ состоитъ ея историческое значеніе; что же касается до художественнаго, то она не вышла тогда еще изъ пеленокъ, потому-что была лишена именно того, что составляетъ сущность искусства, — художественной формы.

Скоро однако же она нашла ее. Говорю: нашла, т. е. получила извнѣ, какъ нѣчто уже готовое, какъ образецъ, а не выработала ее изъ самой себя.

Между реформаціей и древностью было кровное родство. Реформацію можно даже назвать порожденіемъ древности. Древнее міросозерцаніе держалось въ продолженіи столѣтій какъ антитеза утѣснительнымъ догматамъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ человѣкъ находилъ отдыхъ отъ оффиціальной натяжки, налагаемой на него извнѣ буквою закона. Онъ не могъ, правда (какъ мы уже замѣтили), найти полнаго удовлетворенія ни въ древнемъ, ни въ средневѣковомъ міросозерцаніи, но неотказывался вполнѣ ни отъ того, ни отъ другого и невольно стремился къ ихъ примиренію. Разительнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что изученіе классической древности такилось всего больше въ монастыряхъ, именно тамъ, гдѣ католическій догматъ налагалъ на человѣка самыя тяжелыя вериги отреченія. Реформація, выразившая собою примиреніе этихъ двухъ міровъ, вызвала классическую древность изъ темницы на свѣтъ и на сцену. Явилось множество изданій, переводовъ и подражаній древнимъ. Этотъ запасъ составлялъ тогда такое же обиходное чтеніе, какъ теперь французскіе и англійскіе романы; но всего больше читались древнія драмы. Прежде всего явились Теренцій, Плавтъ и Сенека. Вліяніе ихъ было такъ велико, что съ этого времени нѣмецкій театръ должно считать потомцемъ римскаго. Вскорѣ потомъ изданы были и греки: Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ. Это установило форму драмы, сколокъ съ древнихъ образцовъ.

Итакъ, реформація дала драмѣ народное, живое содержаніе и опредѣленную форму. Въ это время является въ драматической литературѣ лицо, чрезвычайно поучительное тѣмъ, что, будучи вовсе не одарено отъ природы драматическимъ талантомъ, оно сдѣлалось представителемъ драматическаго движенія своего вѣка. Это доказываетъ, во-первыхъ, что духъ времени не нуждается въ личностяхъ, когда настаетъ пора высказать его стремленіе, а во-вторыхъ, что видно ужь драматизмъ не въ нѣмецкой крови, если въ самую драматическую эпоху германской жизни не нашлось другого представителя драмы, какъ Гансъ Саксъ (1494 — 1576), человѣкъ съ дарованіемъ, но непринимавшій самодѣятельнаго участія въ событіяхъ современ-

Но для нихъ, для страждущихъ, страданіе въ обоихъ случаяхъ истинно, и комедія, въ которой цѣлое общество волнуется и страдаетъ отъ общаго всѣмъ заблужденія, такая комедія, сколько смѣху ни пробудятъ въ насъ ея отдѣльныя сцены, заронитъ въ душу впечатлѣніе мрачнѣе и тяжеле трагедіи, окончательно разрѣшающейся уничтоженіемъ и смертью. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ борьба кончена; кто бы ни палъ жертвою, только ножъ уже не будетъ занесенъ снова; а тамъ, чѣмъ бы ни кончилось дѣло, всеобщее заблужденіе не уничтожено, и вы чувствуете, что не сегодня, такъ завтра какой-нибудь ничтожный случай подастъ новый поводъ къ новой тревогѣ, къ новымъ страданіямъ, къ новой траги-комедіи.

Вотъ почему драматическій писатель долженъ быть не только зрителемъ, но и участникомъ въ движеніяхъ своего времени. Онъ не долженъ смотрѣть на жизнь съ китайскою невозмутимостью духа; битва на сценѣ исторіи не должна быть для него предметомъ простого любопытства, и исходъ ея долженъ радовать или печалить его. Безъ всего этого для него невозможно положительное воззрѣніе на жизнь вообще и на бытъ общества въ данное время и въ данной странѣ; невозможны, слѣдовательно, въ трагедіи — оправданіе борьбы личности съ общественнымъ закономъ, въ комедіи — антитеза этого закона съ другимъ, высшимъ, болѣе разумнымъ закономъ.

И этого-то не доставало Саксу. Гладкая и свѣтлая какъ зеркало душа его отражала въ себѣ образы и группы проходящихъ мимо людей вѣрно и отчетливо, но безстрастно. Внутренняя жизнь этихъ фигуръ оставалась сокрыта: вмѣсто живого слова зеркало отражало только движеніе губъ. Въ драмахъ Сакса нѣтъ собственно ничего драматическаго, но онѣ замѣчательны тѣмъ, что показываютъ намъ образовательный прогресъ времени: форма и содержаніе ихъ значительно разнятся отъ всего предшествовавшаго. Пьесы его раздѣлены на акты и сцены, на трагедіи и комедіи, хотя дѣленіе это и не проистекаетъ еще у него изъ внутренней сущности пьесъ. Особенно различіе трагедіи и комедіи было для него самого очень не ясно. Что же касается до содержанія его пьесъ, то онѣ оставались чужды современнымъ событіямъ, какъ и самъ авторъ. Только въ общемъ характерѣ ихъ, что собственно съ формальной стороны содержанія, отражается реформація, плоды которой были восприняты Саксомъ, какъ нѣчто уже готовое, но не выращены на почвѣ собственнаго сердца. Реформація уничтожила кастическія противоположенія духовенства съ мірянами, и сблизила ихъ въ понятіи общечеловѣческаго; прямымъ, независящимъ отъ личности драматура слѣдствіемъ этого было сліяніе мистерій и свѣтскихъ комедій въ одну просто человѣческую, народную драму.

Саксъ написалъ более [illegible] драматическихъ пьесъ и исчерпалъ въ нихъ всѣ формы тогдашней жизни. Не осталось ни одной черты тогдашняго міра, которого не коснулся бы Саксъ. Вѣрный [illegible] щему, все [illegible] стремленію своего вѣка, онъ сводитъ на сцену безъ всякой разборчивости, [illegible] и [illegible] самыя разнородныя явленія: міръ христіанскій смѣшивается у него съ міромъ языческимъ... Такъ и въ міръ [illegible] рядомъ съ [illegible] видимъ мы [illegible] [illegible] Розамунду, съ [illegible] [illegible] короля Андрея, и т. д.

Многаго можно было ожидать отъ реформаціи для народной поэзіи, многаго для драматической литературы Германіи. Исторія не оправдала этихъ ожиданій. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности историческихъ событій, но мы должны очертить общій характеръ ихъ хода и показать причину [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ литературѣ и въ драмѣ, а [illegible] была общею причиною и [illegible] національности и упадка драмы.

Главнѣйшая, въ строгомъ смыслѣ можетъ быть единственная причина какъ самой реформаціи, — [illegible] [illegible] [illegible], — такъ и послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ неуспѣха, заключается въ народномъ характерѣ нѣмцевъ. Нѣмецъ прежде всего философъ, а потомъ уже человѣкъ, гражданинъ, и т. д. Онъ артистъ въ [illegible] и дилеттантъ въ жизни. Для него важенъ только [illegible] [illegible]гизма, а не приложеніе его къ дѣйствительности. Убѣжденіе для него дороже дѣла. Дайте ему только волю построить философскую систему, и потомъ лишайте его всѣхъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] чтобы [illegible]ставать свое добро на дѣлѣ, онъ будетъ [illegible] [illegible] [illegible] началъ, на которыхъ основывается [illegible] дѣйствія, и умретъ съ голоду, провозглашая неопровержимымъ [illegible], что [illegible] человѣкъ имѣетъ право ѣсть и пить.

Это отвлеченное стремленіе порождало [illegible], и оно же уничтожало ея практическіе выводы. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] высказываться: это паръ, который [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]днаго котла, лишь бы выйти на [illegible]. Реформація была [illegible] взрывомъ; [illegible], [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]грѣваемое [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] къ [illegible]канію истины, [illegible], [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] односторонняго мистицизма. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible]тронуты были вопросы глубочайшіе, [illegible] [illegible]. Казалось, что не могла не [illegible] [illegible] [illegible] къ [illegible] [illegible] всѣхъ общественныхъ [illegible]. И [illegible], [illegible]да, [illegible], Германія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

вязанку дровъ, разбросалъ ихъ по комнатѣ и удалился. Вслѣдъ за тѣмъ явилась другая маска и принялась сортировать полѣна: прямыя класть къ прямымъ, а кривыя къ кривымъ. Но полѣнья противились всѣмъ его стараніямъ и не укладывались ни въ какую систему; маска, въ досадѣ, ушла и оставила все, какъ было; на спинѣ ея была надпись: Эразмъ Роттердамскій. За ней вошелъ монахъ, лицо всѣмъ извѣстное, Лютеръ; онъ принесъ горящіе угли и зажегъ дрова; когда огонь съ трескомъ охватилъ дерево, онъ весело засмѣялся и ушелъ. Потомъ явился человѣкъ въ императорской одеждѣ, представлявшій ни больше, ни меньше, какъ самого Карла V; увидѣвши огонь, онъ обнажилъ мечь и началъ рубить по огню, съ цѣлью погасить его. Но огонь вспыхивалъ отъ этого только сильнѣе прежняго, и Карлъ, разсерженный, поспѣшно ушелъ. Наконецъ явился самъ папа; при видѣ разлившагося пламени, онъ спѣшитъ схватить одно изъ стоящихъ тутъ ведеръ и залить огонь. Но, увы! сгоряча онъ ошибся и льетъ на огонь вмѣсто воды масло. Огонь вспыхнулъ еще сильнѣе, и папа въ отчаяньи убѣжалъ вонъ.

Пантомима эта очень не понравилась Карлу V. Онъ приказалъ схватить актеровъ, но они исчезли безъ слѣда.

Этотъ анекдотъ доказываетъ, что политическіе вопросы времени замѣшались въ драму не потому, что заключали въ себѣ свой *внѣшній* интересъ, но потому, что задѣвали за-живое массу и были на сценѣ отраженіемъ того, что совершалось *внутри* каждаго изъ зрителей. Игравшіе пантомиму передъ Карломъ V не стали бы рисковать собою, если бы мысль этой пантомимы не обратилась у нихъ въ кровь и и жизнь.

Но въ первые годы реформаціи духовная свобода человѣка измѣнила и общественную жизнь его. Касты среднихъ вѣковъ, казалось, должны были исчезнуть: духовенство перемѣшалось съ мірянами, рыцарь сталъ ближе къ крестьянину. Общественные вопросы не только подавали поводъ къ ученымъ диссертаціямъ, но были примѣняемы къ самой жизни, и нѣтъ ничего удивительнаго, что они вошли новымъ элементомъ въ тогдашнюю драму.

Въ особенности въ Швейцаріи высказывалось это стремленіе рѣзко и смѣло. На то были особенныя, мѣстныя причины: свобода общественныхъ учрежденій и столкновеніе двухъ партій, приверженцевъ стараго и новаго порядка вещей. Поборниками послѣдняго являются здѣсь два писателя: Николай Мануель и Памфилій Генгенбахъ. Но и католицизмъ не забылъ прибѣгнуть къ театру, какъ къ оружію для собственной защиты и пораженія новыхъ идей. Мурнеръ сочинилъ драму, въ которой выводитъ на сцену самого Лютера.

Такимъ образомъ драма сдѣлалась живымъ выраженіемъ вѣка, приняла въ себя всѣ волновавшіе его тогда вопросы. Въ этомъ состоитъ ея историческое значеніе; что же касается до художественнаго, то она не вышла тогда еще изъ пеленокъ, потому-что была лишена именно того, что составляетъ сущность искуства, — художественной формы.

Скоро однако же она нашла ее. Говорю: нашла, т. е. получила извнѣ, какъ нѣчто уже готовое, какъ образецъ, а не выработала ее изъ самой себя.

Между реформаціей и древностью было кровное родство. Реформацію можно даже назвать порожденіемъ древности. Древнее міросозерцаніе держалось въ продолженіи столѣтій какъ антитеза утѣснительнымъ догматамъ среднихъ вѣковъ. Въ немъ человѣкъ находилъ отдыхъ отъ оффиціяльной натяжки, налагаемой на него извнѣ буквою закона. Онъ не могъ, правда (какъ мы уже замѣтили), найти полнаго удовлетворенія ни въ древнемъ, ни въ среднепѣковомъ міросозерцаніи, но неотказывался вполнѣ ни отъ того, ни отъ другого и невольно стремился къ ихъ примиренію. Разительнымъ доказательствомъ этому служитъ то, что изученіе классической древности таилось всего больше въ монастыряхъ, именно тамъ, гдѣ католическій догматъ налагалъ на человѣка самыя тяжелыя вериги отреченія. Реформація, выразившая собою примиреніе этихъ двухъ міровъ, вызвала классическую древность изъ темницы на свѣтъ и на сцену. Явилось множество изданій, переводовъ и подраженій древнимъ. Этотъ запасъ составлялъ тогда такое же обиходное чтеніе, какъ теперь французскіе и англійскіе романы; но всего больше читались древнія драмы. Прежде всего явились Теренцій, Плавтъ и Сенека. Вліяніе ихъ было такъ велико, что съ этого времени нѣмецкій театръ должно считать потомцемъ римскаго. Вскорѣ потомъ изданы были и греки: Софоклъ, Эврипидъ и Аристофанъ. Это установило форму драмы, сколокъ съ древнихъ образцовъ.

Итакъ, реформація дала драмѣ народное, живое содержаніе и опредѣленную форму. Въ это время является въ драматической литературѣ лицо, чрезвычайно поучительное тѣмъ, что, будучи вовсе не одарено отъ природы драматическимъ талантомъ, оно сдѣлалось представителемъ драматическаго движенія своего вѣка. Это доказываетъ, во-первыхъ, что духъ времени не нуждается въ личностяхъ, когда настаетъ пора высказать его стремленіе, а во-вторыхъ, что видно ужь драматизмъ не въ нѣмецкой крови, если къ самую драматическую эпоху германской жизни не нашлось другого представителя драмы, какъ Гансъ Саксъ (1494 — 1576), человѣкъ съ дарованіемъ, но непринимавшій самодѣятельнаго участія въ событіяхъ современ-

[illegible] воспринимавшій явленія ея съ спокойно-фи-
[illegible] Такая псевдо-художническая отрѣшен-
[illegible] интересовъ той жизни, которую хочетъ вос-
[illegible] творенія, ведетъ только къ безцвѣтно-
[illegible] картинъ. Въ минуту созданія онъ без-
[illegible] всякой внутренней борьбы, но все-та-
[illegible] предварительно прожита: только лично уча-
[illegible] можетъ потомъ живо и вѣрно передать и
[illegible] славы, и тревогу неизвѣстности, и боль
[illegible] пригорка, какъ другіе дерутся въ долинѣ, конечно
[illegible] вы увидите оттуда только дымъ и мунди-
[illegible] подъ этимъ мундиромъ сердце, это останется
[illegible] Какъ же передать это біеніе сердца, какъ воспро-
[illegible] жизнь своего времени, оставаясь чуждымъ общей

[illegible] можетъ еще ограничиться своею личностью:
[illegible] борьбѣ своего внутренняго міра не отрѣшишься, и
[illegible] всегда выжито. Интересно оно или нѣтъ, это за-
[illegible] личности. Но драматургъ долженъ быть борцомъ
[illegible] окружающей его жизни. Если въ современномъ ему об-
[illegible] мнѣній и убѣжденій, онъ долженъ быть членомъ
[illegible] партіи, а не страдательнымъ зрителемъ ихъ борьбы.
[illegible] нежели кому-нибудь изъ поэтовъ необходимъ личный
[illegible] воззрѣніе на значеніе вѣка и человѣчества. Иначе
[illegible] будутъ пустою фантасмагоріей, безъ внутренняго опра-
[illegible] а комедія для него чисто невозможна, потому-что
[illegible] основана на личномъ міросозерцаніи драматурга. Для меня
[illegible] противнѣе драмъ, которыя происходятъ неизвѣстно гдѣ
[illegible] Дѣйствующія лица въ нихъ бо́льшею частію обозначены не
[illegible] а просто должностями или саномъ, напр. король, королева,
[illegible] герцогъ, секретарь, судья и т. д. Точно какъ-будто сущест-
[illegible] гдѣ-нибудь на свѣтѣ король вообще или секретарь вообще, а не
[illegible] король такого-то народа въ такую-то эпоху, или не секре-
[illegible] такого-то министра, въ такой-то странѣ. Это все равно, что
[illegible] разныхъ добродѣтелей и пороковъ; и можно съ та-
[illegible] правомъ написать драму, въ которой будутъ дѣйствовать не
[illegible] опредѣленныя мѣстомъ и временемъ, а метафизическія по-
[illegible] людей, напр. герой, героиня, злодѣй, благодѣтель,
[illegible] Что изъ этого? Драма, которая разыгрывается между
[illegible] зависитъ не только отъ ихъ личныхъ свойствъ,
[illegible] въ которыя поставилъ ихъ внѣшній относитель-
[illegible] законъ общества и вѣка. Уничтожьте этотъ внѣшній

законъ, этотъ *fatum* новѣйшаго времени, вы уничтожите внутреннѣйшую движущую силу драмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ ея оправданіе: тогда случай, интрига драмы будетъ зависѣть совершенно отъ вашего произвола, — можете даже изобрѣсти такой, какой невозможенъ нигдѣ и никогда, — и разрѣшить его какъ вамъ вздумается, потому-что духъ общества и вѣка, ведущій данную завязку, при данныхъ характерахъ, необходимо къ такой, а не другой развязкѣ, будетъ устраненъ отъ всякаго на нее вліянія. Выйдетъ не драма, а фантасмагорія вашей личной прихоти, до которой, право, никому нѣтъ дѣла. Трагическое въ трагедіи именно и состоитъ въ неизбѣжности *такой-то* развязки, при *данномъ* случаѣ и *данныхъ* лицахъ, непроизвольно поставленныхъ въ *данныя* условія обществомъ и временемъ. Но для этого все должно быть опредѣлено, и самъ художникъ долженъ не только *знать* законъ общества, управляющій его трагедіею, но и имѣть свое на него *воззрѣніе*, то есть имѣть свои убѣжденія. А съ тѣмъ вмѣстѣ не разлучно и дѣятельное участіе его въ жизни, потому-что убѣжденіе, которое не переходитъ въ дѣло, въ образъ жизни и ежедневныя привычки человѣка, не стоитъ этого названія.

Комедія же, какъ я сказалъ, безъ личнаго воззрѣнія драматурга на начала, управляющія даннымъ обществомъ, невозможна. Комическое въ томъ и заключается, что поэтъ событія основанъ въ комедіи на миражѣ, т. е. на правилѣ, признаваемомъ одними за несомнѣнную истину, а другими за жалкое заблужденіе. На эту-то высшую точку зрѣнія долженъ умѣть поставить зрителя поэтъ, слѣдовательно долженъ имѣть свое личное воззрѣніе на общественный законъ, управляющій лицами его пьесы. Человѣкъ является намъ въ комическомъ свѣтѣ потому, что дѣйствія его проистекаютъ изъ ложнаго, или вообще не нашего воззрѣнія на жизнь. Но для него его страсти вовсе не смѣшны; то, что въ нашихъ глазахъ забавное заблужденіе, въ его глазахъ неопровержимая истина, и страданія его, вытекающія изъ этой истины, для него истинны. Такимъ образомъ за комедіей таится трагедія, и въ человѣкѣ разумномъ невольный смѣхъ всегда разрѣшается внутреннимъ плачемъ. Если мы не смѣемся въ трагедіи, когда передъ нами страдаетъ личность въ борьбѣ съ общественнымъ заблужденіемъ, такъ это оттого, что мы тогда на сторонѣ личности и осуждаемъ гнетущій законъ или обычай; но если также личность страдаетъ не отъ распаденія, а, напротивъ того, отъ полнаго и добровольнаго согласія съ обычаемъ, который въ нашихъ глазахъ не разуменъ и смѣшонъ, такъ мы смѣемся надъ страданіемъ, проистекающимъ изъ миража, какъ улыбаемся страху ребенка передъ собственною тѣнью.

[redacted]

Саксъ написалъ болѣе 200 драматическихъ пьесъ и исчерпалъ въ нихъ всѣ формы тогдашней жизни. Не оставалось ни одного уголка нѣмецкаго міра, котораго не коснулся бы Саксъ. Вѣрный сближающему, все сплачивающему стремленію своего вѣка, онъ сводитъ на сцену безъ всякой разборчивости, нисколько не затрудняясь, самыя разнородныя явленія: міръ христіанскій сплетается у него съ міромъ языческимъ... Тоже и въ мірѣ историческомъ: рядомъ съ Лукреціей видимъ мы датскую королеву Розамунду, съ Клеопатрой венгерскаго короля Андрея, и т. д.

Многаго можно было ожидать отъ реформаціи для народной жизни, многаго для драматической литературы Германіи. Исторія не оправдала этихъ ожиданій. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности историческихъ событій, но мы должны очеркнуть общій характеръ ихъ хода и показать причину его, потому-что первый отразился въ литературѣ и въ драмѣ, а вторая была общею причиною и распаденія національности и упадка драмы.

Главнѣйшая, въ строгомъ смыслѣ можетъ быть единственная причина какъ самой реформаціи,— посѣва великой жатвы, — такъ и послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ неурожая, заключается въ народномъ характерѣ нѣмцевъ. Нѣмецъ прежде всего философъ, а потомъ уже человѣкъ, гражданинъ, воинъ, и т. д. Онъ артистъ въ философствованіи и дилеттантъ въ жизни. Для него важенъ только результатъ силлогизма, а не приложеніе его къ дѣйствительности. Умозрѣніе для него дороже дѣла. Дайте ему только волю построить философскую систему, и потомъ лишайте его необходимаго: вмѣсто того, чтобы отстаивать свое добро на дѣлѣ, онъ будетъ доказывать вамъ ложность началъ, на которыхъ основываются ваши дѣйствія, и умретъ съ голоду, провозглашая неопровержимый силлогизмъ, что всякой человѣкъ имѣетъ право ѣсть и пить.

Это отвлеченное стремленіе породило реформацію, и оно же уничтожило ея практическія выводы. Умствующему духу нестерпимо не высказываться: это паръ, который разорветъ крѣпчайшія стѣны мѣднаго котла, лишь бы выйти на просторъ. Реформація была такимъ взрывомъ; умствованіе, сдавленное въ средніе вѣка догматомъ и подогрѣваемое врожденнымъ человѣческой натурѣ стремленіемъ къ отысканію истины, расширялось, напрягалось, и разорвало наконецъ цѣпи односторонняго догматизма. Анализу открылось безконечное поле. Затронуты были вопросы глубочайшаго, неизмѣримѣйшаго значенія. Казалось, они не могли не привести прямымъ путемъ къ совершенному измѣненію всѣхъ общественныхъ законовъ. И дѣйствительно, сначала, сгоряча, Германія какъ университетскій буршъ начала пере-

носить свою философію въ жизнь. Но скоро, по неотразимому закону нѣмецкой натуры, буршъ сдѣлался филистеромъ, надѣлъ шлафрокъ и колпакъ, и засѣлъ у себя въ кабинетѣ штудировать и строить философскія системы. Оказалось, что отвлеченное умствованіе было глубочайшею и задушевнѣйшею причиною горячки реформаціи, и теперь, я думаю, вѣрнѣйшее средство произвесть въ Германіи что-нибудь подобное — закрыть каѳедры философіи. Посадите нѣмца зимовать на Шпицбергенѣ, дайте ему досокъ, стропилъ, гвоздей, топоръ, и Витрувія — онъ не тронетъ ни одного гвоздика, а примется штудировать курсъ архитектуры и замерзнетъ надъ книгой, окруженный средствами спасти свою жизнь.

Сословія, города и кружки, сблизившіеся во время реформаціи, опять разъединились. Ученые, духовенство, придворные, — все стало отдѣльно одно отъ другого, и народность исчезла, если не принять именно это дробленіе за отличительный признакъ германской народности.

Что происходило въ исторіи, то отразилось и въ литературѣ. Все, что отличало эпоху реформаціи отъ предшествовавшаго времени, — сближеніе духовнаго съ мірскимъ, богословскаго съ политическимъ, слiяніе ихъ въ одинъ общечеловѣческій, общенародный элементъ, начало подвергаться разложенію на части и удаляться изъ жизни въ отвлеченность. Особенно драма рѣзко отразила на себѣ это разъединеніе: изъ общенародной, какою явилась было она при Саксѣ, она опять раздѣлилась на духовную, школьную, ученую, придворную.

Насталъ долгій, сонный, апатическій періодъ въ жизни и литературѣ Германіи. Духъ задремалъ и уступилъ первое мѣсто формѣ пустымъ схемамъ.

Замерла и классическая древность. Представленія древнихъ драмъ, какія устроивали въ школахъ гуманисты эпохи реформаціи съ цѣлью пробудить въ юношествѣ непосредственное чувство классической красоты, получили совершенно другой характеръ. Они сдѣлались просто упражненіемъ въ латинскомъ языкѣ, а о духѣ древности не стало и помину. Учитель кропалъ наскоро что попало, ученики заучивали и разыгрывали его маранье, публика, особенно почтенные родители учениковъ, оставались очень довольны. Тутъ все существенное заключалось въ языкѣ: грамматическая ошибка приводила въ ужасъ, нелѣпость психологическая была ни-по-чемъ.

Ученые, гуманисты, стоявшіе во время самой реформаціи среди народа, были въ живомъ, непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи.

Но когда возможность общественнаго развитія была завоевана, они разошлись по своимъ кабинетамъ — и задремали. Очевидно, что конечною цѣлью ихъ стремленія была безпрепятственность мышленія, а не жизнь, философствованіе, а не практическая дѣятельность. Метафизика замѣнила имъ жизнь, фоліанты — соотечественниковъ, кабинетъ сдѣлался ихъ отечествомъ, реторика и грамматика заслонили собою духъ классической древности. Понятно, что при такомъ апатическомъ, халатномъ расположеніи духа, оригинальныя, свѣжія, народныя творенія искусства были невозможны. Наступила эпоха подражаній, ито не духу, а только формѣ чужеземныхъ образцовъ. Дальше формы не видѣли ничего. Знаніе древности полагалось въ знаніи тысячи мелочей, относящихся къ языку и исторіи Рима и Греціи. Въ Тацитѣ за оригинальнымъ стилистомъ не видѣли человѣка съ характеромъ; въ Гракхѣ за краснорѣчивымъ ораторомъ не видѣли поборника важной практической истины. Писать о какихъ-нибудь дрязгахъ слогомъ Цицерона значило, по тогдашнимъ понятіямъ, быть Цицерономъ. Сдѣлаться хорошимъ писателемъ считалось дѣломъ навыка, дѣломъ, которому можно выучиться, потому-что форма дается всякому, кто не гонится за содержаніемъ. Все это было слѣдствіемъ нѣмецкой *добросовѣстности изученія*. Завоевавши право самостоятельно отыскивать истину и подвергать анализу все, не стѣсняясь никакими авторитетами, нѣмецкіе мыслители захотѣли переанализировать *все*, собрать и сличить *всѣ* явленія, чтобы выводъ былъ основательный. Но такое стремленіе ко всезнанію ведетъ только къ тому, что человѣкъ прилѣпляется къ мелочнымъ изысканіямъ и дѣлается дилеттантомъ науки, для котораго штудированіе дороже результатовъ. Тутъ, какъ и во всемъ, есть средина: не зная фактовъ, не ознакомившись ни съ какими явленіями, не поймешь ни историческихъ, ни физическихъ законовъ; но и *всѣхъ* фактовъ нельзя узнать; надо ограничиться извѣстнымъ числомъ, а для этого необходимъ *инстинктъ* истины, который указывалъ бы настоящій путь въ безграничномъ лабиринтѣ явленій.

Этого-то инстинкта и недостаетъ нѣмцамъ. Непосредственное чувство истины пріобрѣтается или по-крайней-мѣрѣ развивается только въ обществѣ, въ жизни съ людьми, въ безпрестанной борьбѣ съ страстями, образомъ мыслей и живою рѣчью живыхъ существъ. Можно превосходно изучить генералъ-басъ, не выходя изъ своей комнаты, но только постоянное участіе въ оркестрѣ научитъ ухо ловить въ морѣ звуковъ фальшивую ноту.

Такъ нѣмецкіе ученые XVI и XVII столѣтія, замкнувшись у себя въ кабинетѣ, прилѣпились къ формальной сторонѣ поэзіи и, лишенные

пищи, которую даетъ народность, невольно сдѣлались подражателями чужимъ образцамъ. Драма, несмотря на это антидраматическое направленіе, вовсе не была оставлена. Опицъ, Грифіусъ, Лоенштейнъ и Гоффманнсвальдау написали множество драмъ, — потомъ реторики, изъ котораго не вынырнуло ни одного человѣческаго образа.

Естественно, что народъ не могъ быть публикою для такихъ драмъ. Условная красота можетъ считаться красотою только въ тѣсномъ кружкѣ, а масса требуетъ красоты непосредственной. Отъ этого и драмы тогдашняго времени являлись только на придворной сценѣ, гдѣ и выродились въ пасторали, аллегоріи, оперы, маскарады и балеты. А спектакли, которыми угощали массу, были нечто иное, какъ неудачное подражаніе придворной сценѣ.

Народность сосредоточилась на сценѣ, — съежилась, такъ сказать, въ одно лицо *Гансвурста*. Какъ тогда явился онъ во имя здраваго смысла поборникомъ философской истины, такъ теперь явился онъ во имя здравой природы отрицаніемъ реторики, поборникомъ истины эстетической. Онъ шутъ, но въ шутовствѣ его заключается глубокая истина; шутки его грубы, часто плоски, но онѣ вытекаютъ изъ неподдѣльной природы. Какъ было не удержаться ему среди торжественной ложности окружающихъ его на сценѣ группъ, какъ не обрывать грубымъ словомъ своимъ мишуры съ этихъ куколъ, выдающихъ себя за людей? Какъ было не повториться тому, что уже разъ случилось съ мистеріями? Какъ было грубой, но неподдѣльной природѣ, рѣзкимъ вспышкамъ здраваго смысла не вытѣснить мало-по-малу вылощенную ложь, не высушить воды реторики?

И Гансвурстъ прокрался всюду: въ школьную драму, даже въ спектакли большаго свѣта. Народъ приправилъ ихъ своимъ Гансвурстомъ, и изъ этого вышло новое блюдо, странное на вкусъ, какъ шоколадъ съ солью, или чай съ перцомъ. Это блюдо называлось *Haupt-* или *Staatsaction*. Состояло оно изъ самыхъ отборныхъ, но мало питательныхъ спецій: героевъ, полководцевъ и т. п. Варилось оно на огнѣ запутанныхъ интригъ или историческихъ событій, и приправлялось до приторности сахаромъ реторики. Неиспорченный желудокъ народа не могъ переварить такой пищи и подбавилъ въ нее перцу и соли, къ героямъ и полководцамъ пригоединилъ Гансвурста.

Въ такомъ видѣ блюдо понравилось всѣмъ и было принято даже на барскій столъ. Эти *Staatsactionen* вытѣснили всѣ прочіе роды драмы, кромѣ оперы; но скоро и сами испытали полное перерожденіе. Гансвурстъ, игравшій сначала роль приправы, вытѣснилъ мало-

по-малу всѣ прочія ингредіенціи и сдѣлался главною составною частью. Героическую драму (*Staatsaction*) смѣнила шутовская комедія (*Hanswurstkomödie*). По всей Германіи раздавались только рулады пѣвцовъ, бѣснованіе героевъ и циническія шутки Гансвурста.

Въ такомъ состояніи засталъ нѣмецкую драму и вообще умственную жизнь въ Германіи XVIII вѣкъ. Тридцатилѣтняя война истощила силы Германіи, уничтожила единство націи; нѣмцы раздѣлились на партіи и вступили въ кровавую борьбу за метафизическія понятія, жертвуя имъ всѣмъ насущнымъ. Война кончилась, какъ кончаются всѣ ученые диспуты: не потому, чтобы одинъ убѣдилъ другого, а потому, что оба обезсилѣли, охрипли и проголодались. Миръ былъ знакомъ всеобщаго истощенія.

Могло ли оно не отразиться и въ литературѣ? Пустой формализмъ въ наукѣ и совершенная необузданность, отсутствіе формы въ искусствѣ, — вотъ что̀ видимъ мы въ этотъ жалкій періодъ германской жизни. Всему есть однако же предѣлъ. Болѣзнь, достигши до крайней степени своего развитія, переходитъ или въ выздоровленіе, или въ смерть; въ томъ и другомъ случаѣ является новая жизнь. Такъ было и съ Германіей. Послѣ долгой, томительной болѣзни настала пора неизбѣжнаго выхода къ другому, во всякомъ случаѣ лучшему состоянію. Началась реакція: піетисты явились оппозиціей противъ буквы новаго догмата, Томазій противъ сухого формализма науки, Гюнтеръ противъ реторики въ поэзіи. Такая же реакція не могла не проявиться и въ драматическомъ искусствѣ, и главнѣйшимъ двигателемъ является тутъ Готшедъ, лицо вовсе не загадочное, не смотря на восторженныя похвалы и ожесточенную брань, которыми осыпали и осыпаютъ его даже до сихъ поръ. Онъ былъ смѣлый нововводитель, и это объясняетъ все. Безпристрастнаго сужденія о такомъ человѣкѣ можно было ожидать только отъ тѣхъ, которые совершенно равнодушны ко всему, что̀ происходитъ въ кругѣ его дѣятельности. Но равнодушные или не примутъ на себя труда обсудить незанимательное для нихъ дѣло, или сужденіе ихъ прозвучитъ неуслышаннымъ среди криковъ восторга и брани. А современники Готшеда, и вслѣдъ за ними сотни другихъ критиковъ выставляли его или геніемъ, или бездарнымъ писакою. Онъ не былъ однакоже ни тѣмъ, ни другимъ, и съ чисто художественной точки зрѣнія судить о немъ нельзя. Онъ былъ не просто литераторъ: онъ былъ реформаторъ въ области литературы. Въ немъ не было творческаго дара, и всѣ произведенія его носятъ на себѣ печать посредственности; но въ огромной массѣ его литературныхъ трудовъ есть единство, всюду видна одна и таже руководившая его мысль, одна и таже цѣль, къ которой онъ стремился

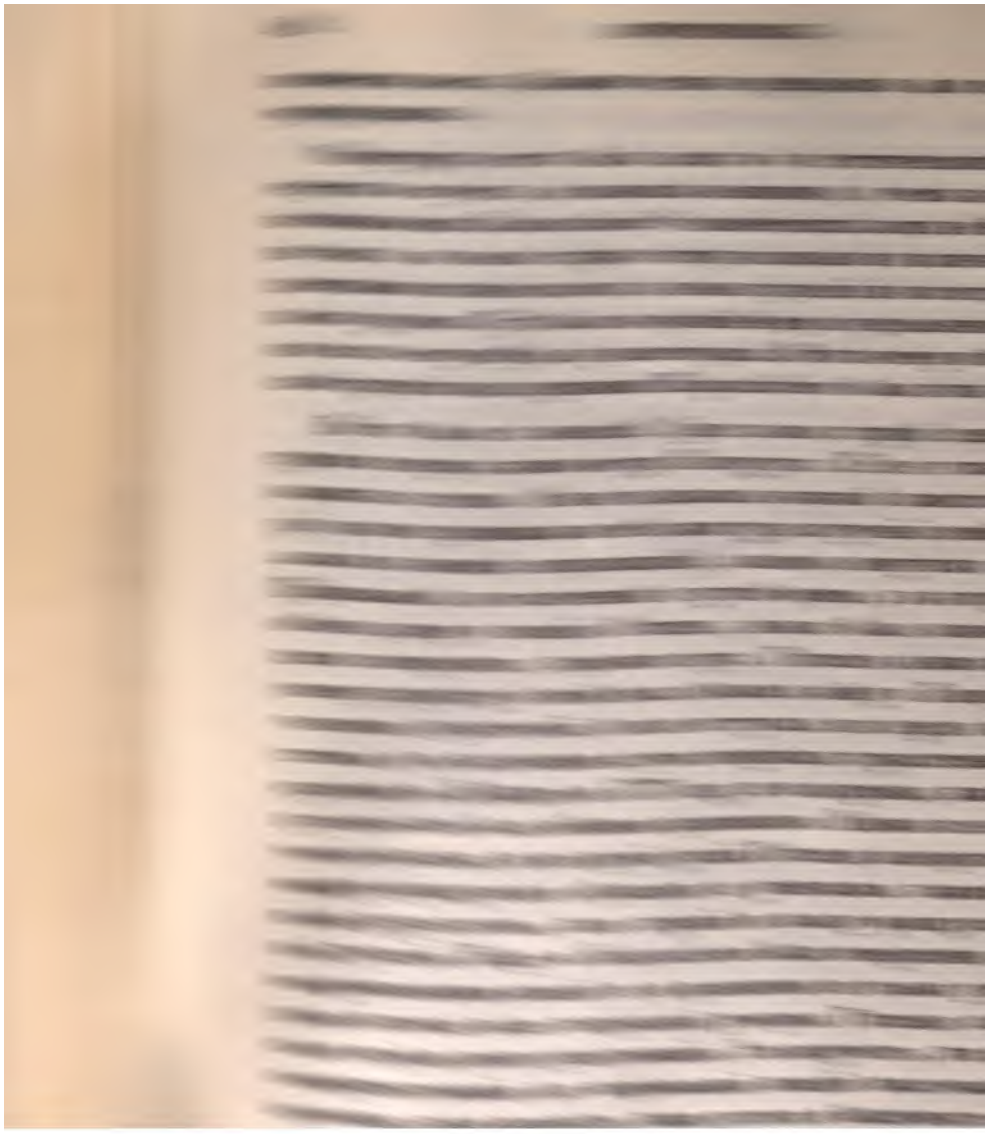
[illegible]съ упорствомъ, ручавшимся за силу его убѣжденія. Готшедъ замѣчателенъ не столько какъ художникъ и литераторъ, сколько какъ личность, характеръ. Онъ былъ человѣкъ совершенно практическій, съ неутомимою дѣятельностію, немедленно переносившій мысль въ дѣло. Ему [illegible] въ вину, почти въ безчестіе, что онъ завелъ въ литературѣ котеріи, [illegible] которыхъ хвалилось безъ разбора все свое и осуждалось все чужое. Если и нельзя сказать, что самолюбіе не играло въ этомъ никакой роли, то съ другой стороны мы не имѣемъ никакого права утверждать, что оно было главнѣйшею основою системы [illegible] явленія; а это составляетъ существенную разницу. Дѣло въ томъ, что Готшедъ хотѣлъ крутого переворота и рѣшился не останавливаться ни передъ какими средствами, зная, что иначе дѣло [illegible]. Онъ отважился объявить войну на жизнь и смерть [illegible] въ наукѣ и произволу формъ въ искусствѣ. Онъ возсталъ, — [illegible], что надо имѣть много отваги, — противъ привычекъ и предразсудковъ общества. Масса была противъ него, но въ этой массѣ отыскалась горсть людей, сочувствовавшихъ его мысли. Он[illegible] [illegible] вокругъ него, [illegible] какъ не было [illegible] произвести реформу, [illegible] рѣшились защищать другъ друга безусловно, всегда [illegible]. Они очень хорошо понимали, что силу партіи составляетъ [illegible] [illegible] жертвовать частною истиною въ поль[illegible] [illegible] нихъ плохую драму, но [illegible] [illegible] формы [illegible] эстетику въ сторону. [illegible] [illegible] собираясь въ театръ [illegible] [illegible]. Иначе дѣло ихъ не могло быть [illegible] [illegible] подобномъ явленіи видитъ [illegible] публично защищать оши[illegible] [illegible] убѣжденъ въ други[illegible] [illegible] такой жертвы.

[illegible] такого рода жертвы [illegible] [illegible] мелкаго самолюбія [illegible] потому-что ложь такого [illegible] самоотверженія [illegible]

[illegible] Готшеда и его партіи. [illegible] жертвовать за всѣмъ [illegible] что недостижи[illegible] [illegible] направленіе [illegible] германская литера[illegible] [illegible] своихъ оправдь[illegible]

Но кромѣ формы, самой наружной формы, Готшедъ не могъ дать искусству ничего. Развить идею красоты, заглянуть поглубже въ сущность изящнаго предоставлено было судьбою другому, болѣе всеобъемлющему уму — Лессингу. Готшедъ же, за отсутствіемъ дара творчества, принужденъ былъ искать *образцовъ*, даже и для внѣшней формы художественныхъ произведеній. Выборъ не могъ быть затруднителенъ: французы играли тогда первую роль въ литературѣ и въ обществѣ; они были законодателями вкуса, моды, хорошаго тона. И ужь конечно, если надо было выбирать какую-нибудь *форму* для приведенія въ порядокъ *хаоса* въ литературѣ, такъ лучше, черствѣе, неподвижнѣе, опредѣленнѣе формы французскихъ образцовъ нельзя было ничего найти. Не это впрочемъ было причиною выбора Готшеда; контрастъ необузданности, царствовавшей въ германской литературѣ, и опредѣленности, оковывавшей французскую, былъ удачнымъ, но случайнымъ столкновеніемъ. Готшедъ принадлежалъ къ числу людей, одаренныхъ, такъ сказать, отрицательнымъ инстинктомъ: онъ видѣлъ, чего недоставало нѣмецкой литературѣ, но пополнить этотъ недостатокъ изъ собственныхъ средствъ не могъ. Онъ хотѣлъ дать *форму* произведеніямъ литературы, но *создать* ее не могъ, и потому просто заимствовалъ. А что онъ заимствовалъ ее у французовъ, а не у кого другого, такъ это случилось не по расчету, а просто потому, что французы были въ ходу, и что формы ихъ литературы были очень опредѣленны, слѣдовательно очень удобны для подражанія.

Переворотъ, произведенный Готшедомъ, всего разительнѣе, всего полнѣе отразился въ драмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ столкновенія правильной французской трагедіи съ необузданными нѣмецкими *Haupt-actionen* нельзя было ожидать какого-нибудь полу-результата: рѣшительная побѣда должна была остаться на какой-нибудь сторонѣ. Счастливое стеченіе обстоятельствъ помогло дѣлу Готшеда. Въ Лейбцигѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, была тогда извѣстная труппа Фридерики Нейберъ, согласившейся содѣйствовать преобразованію театра, и самая публика въ Лейбцигѣ отличалась своею образованностью и знакомствомъ съ французскою литературою и образомъ жизни. Готшедъ съ жаромъ, съ упорною неутомимостью принялся за нововведенія, объявилъ войну старой сценѣ и провозгласилъ французскій театръ единственнымъ и образцовымъ. Первое представленіе правильной трагедіи (Регула Прадона, въ 1728 году) увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ, и Готшедъ, вѣрный своему характеру и своей цѣли, не расположился вслѣдъ за тѣмъ, какъ сдѣлали бы многіе другіе, опочить на лаврахъ, но принялся съ своею партіею создавать новый репертуаръ и въ десять лѣтъ поставилъ на сцену



эстетическимъ законамъ. Арлекинъ же потворствовалъ необузданности интриги и эксцентричности лицъ; его надо было уничтожить, — погасить эту искру, чтобы хаосъ на сценѣ исчезъ въ совершенной темнотѣ и не возбуждалъ уже никакого вниманія. Вотъ какъ должно, кажется понимать усилія Готшеда изгнать арлекина. Что усилія эти не увѣнчались успѣхомъ и выставлены были критиками какъ доказательство узкихъ понятій и антипоэтическаго инстинкта Готшеда, это зависѣло не отъ исходной точки его гоненія, а отъ недостатка творческаго таланта, отъ неумѣнья замѣнить животворное присутствіе арлекинана сценѣ чѣмъ-нибудь другимъ, не менѣе живымъ, но болѣе опредѣленнымъ, — отъ неумѣнья перелить *общее лицо* арлекина въ *лица частныя*, перенести его юмористическое воззрѣніе на пьесу въ самую пьесу, т. е. дать ей комическое содержаніе, и присутствовать въ ней самому незримымъ арлекиномъ, озаряющимъ нелѣпость ея пафоса свѣтомъ своего высшаго разумнаго пониманія человѣческихъ отношеній. На это не хватало у Готшеда таланта; онъ видѣлъ цѣль, но не въ состояніи былъ достигнуть ея; онъ рѣшился разрушить существующее, но не могъ создать новаго. Отъ этого и разрушеніе не удалось. Арлекинъ и импровизованная комедія продолжали существовать до семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія и изчезли только вслѣдствіе позднѣйшаго классически-художественнаго направленія всей германской литературу.

Этимъ ограничился кругъ дѣятельности Готшеда, и не смотря на презрѣніе, съ которымъ отзываются теперь объ этомъ человѣкѣ, онъ все-таки оказалъ нѣмецкой литературѣ важную услугу водвореніемъ опредѣленной, хотя мертвой и пустой формы въ драматическомъ искусствѣ. Въ наше время Готшедъ конечно былъ бы явленіемъ дикимъ, но чтобы оцѣнить его по заслугамъ, надо перенестись въ его эпоху. Стремленіе подчинить царствующій на сценѣ произволъ какой бы то ни было формѣ, вело впередъ, а рѣшимость и постоянство, съ которыми онъ стремился къ предположенной однажды цѣли достойны нашего уваженія, и принадлежатъ къ явленіямъ гораздо болѣе рѣдкимъ, нежели поэтическій талантъ.

Реформа, произведенная Готшедомъ, была зарею новой эпохи въ умственной жизни германіи. Изъ броженія безобразныхъ элементовъ въ области искуства выдѣляется сперва форма, и вслѣдъ затѣмъ Лессингъ совершаетъ реформацію, освобождающую творчество изъ подъ ига данной нормы.

Лессингъ является органомъ общаго сознанія, высказываетъ эстетическія вѣрованія своего времени, дѣлаетъ массѣ яснымъ то, что она смутно, но глубоко и тревожно ощущаетъ какъ истину, —

съ упорствомъ, ручавшимся за силу его убѣжденія. Готшедъ замѣчателенъ не столько какъ художникъ и литераторъ, сколько какъ личность, характеръ. Онъ былъ человѣкъ совершенно практическій, съ неутомимою дѣятельностію, немедленно переносившій мысль въ дѣло. Ему ставятъ въ вину, почти въ безчестіе, что онъ завелъ въ литературѣ котеріи, въ которыхъ хвалилось безъ разбора все свое и осуждалось все чужое. Если и нельзя сказать, что самолюбіе не играло въ этомъ никакой роли, то съ другой стороны мы не имѣемъ никакого права утверждать, что оно было главнѣйшею основою системы взаимнаго хваленія; а это составляетъ существенную разницу. Дѣло въ томъ, что Готшедъ хотѣлъ крутого переворота и рѣшился не останавливаться ни передъ какими средствами, зная, что иначе цѣль недостижима. Онъ отважился объявить войну на жизнь и смерть формализму въ наукѣ и произволу формъ въ искусствѣ. Онъ возсталъ,—и, право, на это надо имѣть много отваги,—противъ привычекъ и предразсудковъ общества. Масса была противъ него, но въ этой массѣ отыскалась горсть людей, сочувствовавшихъ его мысля. Они собрались вокругъ него, и какъ же было имъ произвести реформу, если бы они не рѣшились защищать другъ друга безусловно, всегда и вездѣ? Они очень хорошо поняли, что силу партіи составляетъ готовность каждаго изъ членовъ жертвовать частною истиною въ пользу общей. Написалъ ли кто-нибудь изъ нихъ плохую драму, но въ духѣ задуманной реформы, они оставляли эстетику въ сторонѣ, и хвалили ее на сколько доставало софизмовъ; собирались въ театръ и привѣтствовали ее кликами одобренія. Иначе дѣло ихъ не могло быть сдѣлано. Очень ошибается тотъ, кто въ подобномъ явленіи видитъ просто криводушіе и ложь. Нѣтъ, чтобы публично защищать ошибку, которую самъ видишь, надо быть сильно убѣжденну въ другой, высшей истинѣ, польза которой требуетъ такой жертвы.

Нѣтъ конечно никакого сомнѣнія, что такого рода жертвы приносятся часто не ради какой-нибудь истины, а изъ мелкаго самолюбія или корысти; но тогда тутъ нѣтъ и жертвы, потому-что ложь такому человѣку ни-по-чемъ, и у этихъ господъ хватаетъ самоотверженія только на пакости.

Совсѣмъ не такого рода было пристрастіе Готшеда и его партіи. Готшедъ поставилъ себѣ одну цѣль и рѣшился жертвовать ей всѣмъ безъ разбора, потому-что иначе она была въ глазахъ его недостижима: онъ хотѣлъ дать поэзіи и литературѣ опредѣленное направленіе и форму—и достигъ своей цѣли: въ десять лѣтъ германская литература преобразилась, и вошла въ новую колею. Такой успѣхъ оправдываетъ расчетъ его.

Но кромѣ формы, самой наружной формы, Готшедъ не могъ дать искусству ничего. Развить идею красоты, заглянуть поглубже въ сущность изящнаго предоставлено было судьбою другому, болѣе всеобъемлющему уму — Лессингу. Готшедъ же, за отсутствіемъ дара творчества, принужденъ былъ искать *образцовъ*, даже и для внѣшней формы художественныхъ произведеній. Выборъ не могъ быть затруднителенъ: французы играли тогда первую роль въ литературѣ и въ обществѣ; они были законодателями вкуса, моды, хорошаго тона. И ужь конечно, если надо было выбирать какую-нибудь *форму* для приведенія въ порядокъ *хаоса* въ литературѣ, такъ лучше, черствѣе, неподвижнѣе, опредѣленнѣе формы французскихъ образцовъ нельзя было ничего найти. Не это впрочемъ было причиною выбора Готшеда; контрастъ необузданности, царствовавшей въ германской литературѣ, и опредѣленности, оковывавшей французскую, былъ удачнымъ, но случайнымъ столкновеніемъ. Готшедъ принадлежалъ къ числу людей, одаренныхъ, такъ сказать, отрицательнымъ инстинктомъ: онъ видѣлъ, чего недоставало нѣмецкой литературѣ, но пополнить этотъ недостатокъ изъ собственныхъ средствъ не могъ. Онъ хотѣлъ дать *форму* произведеніямъ литературы, но *создать* ее не могъ, и потому просто заимствовалъ. А что онъ заимствовалъ ее у французовъ, а не у кого другого, такъ это случилось не по расчету, а просто потому, что французы были въ ходу, и что формы ихъ литературы были очень опредѣленны, слѣдовательно очень удобны для подражанія.

Переворотъ, произведенный Готшедомъ, всего разительнѣе, всего полнѣе отразился въ драмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ столкновенія правильной французской трагедіи съ необузданными нѣмецкими *Haupt-actionen* нельзя было ожидать какого-нибудь полу-результата: рѣшительная побѣда должна была остаться на какой-нибудь сторонѣ. Счастливое стеченіе обстоятельствъ помогло дѣлу Готшеда. Въ Лейбцигѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, была тогда извѣстная труппа Фридерики Нейберъ, согласившейся содѣйствовать преобразованію театра, и самая публика въ Лейбцигѣ отличалась своею образованностью и знакомствомъ съ французскою литературою и образомъ жизни. Готшедъ съ жаромъ, съ упорною неутомимостью принялся за нововведенія, объявилъ войну старой сценѣ и провозгласилъ французскій театръ единственнымъ и образцовымъ. Первое представленіе правильной трагедіи (Регула Прадона, въ 1728 году) увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ, и Готшедъ, вѣрный своему характеру и своей цѣли, не расположился вслѣдъ за тѣмъ, какъ сдѣлали бы многіе другіе, опочить на лаврахъ, но принялся съ своею партіею создавать новый репертуаръ и въ десять лѣтъ поставилъ на сцену

множество пьесъ, бо́льшею частью переводовъ или передѣлокъ съ французскаго.

Репертуаръ этотъ былъ плохъ въ эстетическомъ отношеніи, черствъ и скученъ, но завлекалъ новизною, и чѣмъ же лучше были изгнанные имъ *Staatsactionen?* человѣческихъ лицъ не было ни тутъ, ни тамъ, но пьесы стараго театра походили на запачканное разноцвѣтными пятнами полотно, а новыя трагедіи на ситецъ съ правильнымъ узоромъ. Тутъ была по-крайней-мѣрѣ опредѣленность формы, и она хоть чему-нибудь да удовлетворяла. Вотъ почему побѣда французской трагедіи надъ прежними *Hauptactionen* была такъ рѣшительна.

Не то было съ комедіей. Среди хаоса старой сцены носилась, гремя и сверкая, живая фигура Гансвурста. Ее не такъ легко было выжить со сцены. Она не поддавалась никакой заимствованной теоріи, она не принимала на себя даже труда изученія своей роли, а являлась въ комедіи импровизаціей, плодомъ минутнаго вдохновенія. Правильной, но отвлеченной и пустой формѣ, въ которую старался облечь драму и комедію Готшедъ, нельзя было заковать въ свои цѣпи самороднаго, народнаго шута. Готшедъ однако же, вѣрный своему характеру и своей цѣли, объявилъ войну и Гансвурсту. Какъ человѣкъ практическій, онъ не отступалъ ни передъ какимъ средствомъ, и въ настоящемъ случаѣ совершилъ торжественное сожженіе арлекина въ Лейбцигѣ въ 1737 году, не подозрѣвая, кажется, что это аутодафе само было забавною арлекинадою. Однако же ни эта сценическая выходка, ни всѣ прочія усилія Готшеда водворить комедію на манеръ французскихъ образцовъ не увѣнчались такимъ рѣшительнымъ результатомъ, какъ старанія въ пользу французской правильной трагедіи. *Haupt-* и *Staatsactionen* были совершенно изгнаны, но импровизованная комедія съ ея арлекиномъ не только удержалась, но даже достигла послѣ театральной реформы Готшеда самаго цвѣтущаго періода своего существованія. Эта живучесть, эта возможность совершенствованія для неправильной комедіи заключалась въ лицѣ арлекина; какая нелѣпость, какая пустота и безличность ни окружали бы его на сценѣ, все зависѣло отъ свѣта, который броситъ онъ на пьесу. Арлекинъ былъ не лицо, не характеръ; это былъ здравый смыслъ, высказывающійся юморомъ и насмѣшкой; отъ этой безличности, отъ этой эластической общности приходился онъ ко всякому событію, ко всякой группѣ лицъ, даже къ величайшей нелѣпости событія и безличности группы.

Нѣтъ никакого основанія утверждать, что Готшедъ не понималъ этого значенія Арлекина; но онъ хотѣлъ дать прежде всего опредѣленную форму комедіи, освободить ее отъ произвола и подчинить

эстетическимъ законамъ. Арлекинъ же потворствовалъ необузданности интриги и эксцентричности лицъ; его надо было уничтожить, — погасить эту искру, чтобы хаосъ на сценѣ исчезъ въ совершенной темнотѣ и не возбуждалъ уже никакого вниманія. Вотъ какъ должно, кажется понимать усилія Готшеда изгнать арлекина. Что усилія эти не увѣнчались успѣхомъ и выставлены были критиками какъ доказательство узкихъ понятій и антипоэтическаго инстинкта Готшеда, это зависѣло не отъ исходной точки его гоненія, а отъ недостатка творческаго таланта, отъ неумѣнья замѣнить животворное присутствіе арлекинана сценѣ чѣмъ-нибудь другимъ, не менѣе живымъ, но болѣе опредѣленнымъ, — отъ неумѣнья перелить *общее лицо* арлекина въ *лица частныя*, перенести его юмористическое воззрѣніе на пьесу въ самую пьесу, т. е. дать ей комическое содержаніе, и присутствовать въ ней самому незримымъ арлекиномъ, озаряющимъ нелѣпость ея пафоса свѣтомъ своего высшаго разумнаго пониманія человѣческихъ отношеній. На это не хватало у Готшеда таланта; онъ видѣлъ цѣль, но не въ состояніи былъ достигнуть ея; онъ рѣшился разрушить существующее, но не могъ создать новаго. Отъ этого и разрушеніе не удалось. Арлекинъ и импровизованная комедія продолжали существовать до семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія и изчезли только вслѣдствіе позднѣйшаго классически-художественнаго направленія всей германской литературу.

Этимъ ограничился кругъ дѣятельности Готшеда, и не смотря на презрѣніе, съ которымъ отзываются теперь объ этомъ человѣкѣ, онъ все-таки оказалъ нѣмецкой литературѣ важную услугу водвореніемъ опредѣленной, хотя мертвой и пустой формы въ драматическомъ искусствѣ. Въ наше время Готшедъ конечно былъ бы явленіемъ дикимъ, но чтобы оцѣнить его по заслугамъ, надо перенестись въ его эпоху. Стремленіе подчинить царствующій на сценѣ произволъ какой бы то ни было формѣ, вело впередъ, а рѣшимость и постоянство, съ которыми онъ стремился къ предположенной однажды цѣли достойны нашего уваженія, и принадлежатъ къ явленіямъ гораздо болѣе рѣдкимъ, нежели поэтическій талантъ.

Реформа, произведенная Готшедомъ, была зарею новой эпохи въ умственной жизни германіи. Изъ броженія безобразныхъ элементовъ въ области искуства выдѣляется сперва форма, и вслѣдъ затѣмъ Лессингъ совершаетъ реформацію, освобождающую творчество изъ подъ ига данной нормы.

Лессингъ является органомъ общаго сознанія, высказываетъ эстетическія вѣрованія своего времени, дѣлаетъ массѣ яснымъ то, что она смутно, но глубоко и тревожно ощущаетъ какъ истину, —

дѣлается центромъ умственной жизни Германіи. Лессингъ произвелъ своего рода реформу, провозгласивъ свободу искусства. Реформа Лессинга кончилась романтиками, немногими почти ничего общаго съ дѣйствительною жизнію, и безплоднымъ для жизни талантомъ — Гёте. Только въ Шиллерѣ поэзія готова была, казалось, слиться съ жизнью, но онъ умеръ слишкомъ рано, можетъ быть истощенный усиліемъ примирить ихъ.

Въ многообразной дѣятельности Лессинга театръ занималъ первое мѣсто. И это было не дѣломъ случая или прихоти: Лессингъ понималъ всю силу вліянія сцены на публику, и потому избралъ ее средоточіемъ своей дѣятельности, опорою и средствомъ распространенія своихъ идей.

Когда 17-ти лѣтній Лессингъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ учиться богословію, авторитетъ Готшеда былъ уже на склонѣ, и въ Лейпцигѣ успѣла уже образоваться новая партія молодыхъ литераторовъ, стремившихся къ какой-то смутно сознаваемой самостоятельности; это странное поколѣніе признавало формы, установленныя Готшедомъ, и имѣло довольно душевной теплоты, чтобы чувствовать холодъ и безжизненную сухость тогдашняго репертуара, но лишено было дара творчества и не могло дать драмѣ новаго и свѣжаго содержанія. Это повело ихъ къ морали и сантиментальности, широко разлившимся впослѣдствіи времени по германской сценѣ. Молодой Лессингъ не ушелъ отъ ихъ вліянія, и первые драматическіе труды его носятъ на себѣ всѣ признаки этой литературной тенденціи. Но скоро онъ отъ нея освободился и переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ Фридрихъ великій, поклонникъ французовъ въ искусствѣ и врагъ на полѣ сраженія, не оказывалъ особеннаго покровительства германской музѣ, но и не останавливалъ ея развитія. Лучше всего обрисовываетъ Фридриха въ этомъ отношеніи случай, бывшій при первомъ представленіи лессинговой Минны фонъ Барнгельмъ. Это было гораздо позже, въ 1767 году: Лессингъ былъ тогда въ Гамбургѣ, гдѣ собирались поставить на сцену его пьесу. Но пьеса такъ близко касалась современности, такъ безцеремонно затрогивала кое-какія непріятныя стороны въ жизни прусскаго общества, что гамбургское правительство сочло своею обязанностью спросить предварительно Фридриха великаго, не непріятно ли ему будетъ, если эту пьесу поставятъ въ Гамбургѣ на сцену? Фридрихъ не только позволилъ давать ее въ Гамбургѣ, но велѣлъ представить и въ самомъ Берлинѣ. Успѣхъ пьесы былъ огромный, но ни слава, ни власть великаго государя не потерпѣли отъ этого ни на волосъ.

При такихъ условіяхъ со стороны верховной власти, Лессингъ могъ бы сдѣлать многое во время своего пребыванія въ Берлинѣ, но, къ несчастію, онъ нашелъ тамъ такую жалкую труппу, что сцена не могла приковать къ себѣ его дѣятельности. Онъ обратился къ критикѣ и исторіи театра, и началъ издавать «*Beiträge zur Historie und Aufnahme des Theaters*». Это изданіе, также какъ и драматическіе труды его въ Лейпцигѣ, можно считать только пріуготовительными этюдами, которые раскрыли ему мало-по-малу, при самостоятельномъ мышленіи, истинное значеніе и смыслъ красоты въ искусствѣ. Въ обоихъ преобладаютъ сначала французскіе образцы и сантиментальность съ моралью, — форма, пересаженная на германскую почву Готшедомъ, и содержаніе, данное новою школою лейпцигскихъ молодыхъ литераторовъ. Все это было принято юнымъ Лессингомъ извнѣ, но, подвергнутое самостоятельной критикѣ, оказывалось мало-по-малу негоднымъ и ложнымъ, было наконецъ вовсе отвергнуто и замѣнено другимъ изъ собственныхъ средствъ.

Поворотъ этотъ на самостоятельную дорогу ознаменованъ появленіемъ трагедіи: миссъ Сара Сампсонъ. Пьеса эта слаба въ художественномъ отношеніи; въ ней Лессингъ не освободился еще вполнѣ отъ сантиментальности и фразъ, но очевидно сбросилъ уже цѣпи французскихъ образцовъ. Несмотря однако же на свои недостатки, она принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ пьесамъ въ исторіи нѣмецкой драматургіи, какъ первая мѣщанская трагедія. Въ ней въ первый разъ трагедія выведена изъ сферы героевъ въ кружокъ простыхъ людей, и торжественные александринскіе стихи смѣнены прозою. Это былъ шагъ гораздо значительнѣйшій, нежели кажется съ перваго взгляда. Всѣ увидѣли, что трагическія комедіи не составляютъ привиллегіи высшаго общества, и что страсть выражается также сильно прозою какъ и шестистопными ямбами. Пьеса имѣла успѣхъ огромный, родила множество подражаній и разомъ вытѣснила со сцены героическую трагедію.

Внѣшнія обстоятельства помѣшали Лессингу заняться собственно сценой; онъ обратился къ критикѣ, и плодомъ занятій его по этой части была *Гамбургская Драматургія*—книга, въ которой разсыпано столько богатыхъ, вѣрныхъ и плодотворныхъ мыслей, что̀ съ тѣхъ поръ едва ли появилось что-нибудь въ томъ же родѣ, что опровергло бы ея взгляды или не было дальнѣйшимъ развитіемъ заключающихся въ ней идей. Все, что̀ высказано въ ней Лессингомъ, есть плодъ самостоятельнаго мышленія; въ драматургіи, какъ и во всемъ, онъ является рѣшительнымъ врагомъ авторитета и изслѣдуетъ все самъ; если онъ сходится въ мысли съ кѣмъ-нибудь, такъ это не по-

тому, чтобы повѣрилъ на слово, увлеченный громкимъ именемъ или заманчивымъ блескомъ мысли, а потому, что собственный процессъ мышленія довелъ его до того же вывода. И эта самостоятельность слита у него съ рѣдкою искренностью изысканій; если занимающій его вопросъ не можетъ быть, по чему бы то ни было, разрѣшенъ окончательно, Лессингъ не старается скрыть эту недоконченность критики какою-нибудь самолюбивою уловкою, а просто кончаетъ вопросомъ, вызывающимъ читателя на дальнѣйшее разсужденіе.

«Гамбургская драматургія» положила въ германской литературѣ конецъ владычеству французскаго вкуса и сдѣлала въ драмѣ такой же крутой поворотъ, какой недавно былъ сдѣланъ Готшедомъ. Новымъ законодателемъ въ драмѣ является Шекспиръ, до тѣхъ поръ едва только по имени извѣстный въ Германіи. Впрочемъ Шекспира нельзя собственно назвать *законодателемъ* новой драматургіи; вѣрнѣе назвать его *освободителемъ* отъ буквы французскаго закона. Шекспиръ не можетъ быть *образцомъ*, доступнымъ подражанію, потому что у него нѣтъ той данной, неподвижной внѣшности, которая доступна подражателю и ничтожна для поэта самостоятельнаго. Подражать можно только формѣ, а форма у Шекспира внутри, а не снаружи. Она до того тождественна у него съ идеей, что кто видитъ красоту шекспировскихъ формъ, тотъ необходимо проникъ уже до самой идеи. Такой изящности формы подражать нельзя, и произведенія такого художника, какъ Шекспиръ, не могутъ дать нормы для чужихъ созданій. Все, что̀ можетъ извлечь изъ нихъ для себя технически-полезнаго тотъ, кто постигъ тайну ихъ красоты, это убѣжденіе, что все истинно художественное должно проистекать изъ нѣдръ собственнаго творческаго духа, и что идея сама въ себѣ носитъ уже свою форму, въ которой должна проявиться, чтобы проявиться изящно.

Такъ понималъ Шекспира и Лессингъ; что позднѣйшее поколѣніе, какъ увидимъ мы въ слѣдующей статьѣ, обратило *свободу* творчества, данную нѣмецкой поэзіи Шекспиромъ, въ *необузданность*, это было слѣдствіемъ чуждаго практической жизни духа нѣмцевъ, своего рода французскою революціею, немогшей выйти изъ границъ идеальной области искусства.

Задачею жизни Лессинга было самостоятельное, искреннее стремленіе къ истинѣ. Врагъ буквы, произвола, онъ былъ безпощаденъ ко всѣмъ защитникамъ этихъ покровителей умственной лѣни; но столько же строгъ былъ онъ и къ самому себѣ: никогда не позволялъ онъ себѣ увлекаться плѣнившею его мыслью и пристрастно подводить подъ нее, волею и неволею, всѣ явленія ея

сферы; напротивъ того, малѣйшее сомнѣніе, возникшее въ умѣ, ведетъ его на новый путь изысканія и если не разрѣшалось впослѣдствіи времени удовлетворительно, то не было этимъ самому устранено, какъ непріятная помѣха для конечнаго вывода, а оставалось въ видѣ вопроса, вызывающаго на дальнѣйшее умствованіе. Эта-то недовѣренность, которую ставили Лессингу въ недостатокъ, кромѣ того, что свидѣтельствуетъ объ искренности его изысканій, составляетъ одно изъ животворныхъ свойствъ его критики. Человѣкъ склоненъ къ умственной лѣни и часто готовъ принять выдаваемое за истину на слово, какъ дѣло рѣшенное и доказанное, лишь бы избавиться отъ труда анализа. Лессингъ не потворствуетъ этой наклонности, покровительницѣ литературнаго авторитета; онъ не даетъ задремать и безпрестанно вызываетъ на умственную работу. Многое онъ рѣшаетъ, но еще больше затрогиваетъ.

Нельзя не замѣтить еще одной, чрезвычайно важной черты въ литературной дѣятельности Лессинга: это стремленіе сблизить искусство съ жизнью, — стремленіе, которое потомъ осуществилось субъективно въ Гёте, истощило Шиллера, породило эксцентрическія произведенія романтизма и тревожно высказывается въ литературѣ нашего времени. Всего ярче проявляется оно въ драматическихъ произведеніяхъ Лессинга; еще не освободившись вполнѣ отъ вліянія царствовавшей тогда сантиментальности, онъ вступаетъ уже на *этотъ* новый путь и пишетъ Сару Сампсонъ, первую *мѣщанскую трагедію*. Это была не бездѣлица; ввести простыхъ мѣщанъ въ трагедію, было настоящимъ литературнымъ переворотомъ, сдѣлавшимъ народъ не просто зрителемъ, но и участникомъ въ событіяхъ общественной жизни. Теперь, когда мы привыкли требовать отъ драмы человѣка и страсти, трудно представить себѣ всю важность и смѣлость шага, сдѣланнаго тогда Лессингомъ. Сара Сампсонъ, не смотря на все свое несовершенство, затронула такія живыя струны человѣческой природы и указала такой истинный путь драмѣ, что съ разу породила сотни подражаній и вытѣснила героическую трагедію. Лессингъ не остановился на этой пьесѣ и въ «Минѣ фонъ Барнгельмъ» еще болѣе сблизилъ драму съ жизнью. Позволеніе дать эту пьесу на театрѣ, которое сочли нужнымъ просить изъ Гамбурга у Фридриха великаго, доказываетъ, какъ далеко выступила она изъ *идеальной* области искусства въ *современную исторію*. Эта пьеса дала почувствовать всю важность народно-патріотической драмы. Потомъ Лессингъ написалъ въ томъ же духѣ Эмилію Галотти и Натана, *этотъ единственный зрѣлый плодъ реформаціи*, въ которомъ высказались, олицетворенные въ пластическихъ образахъ, конечные спекулятивные результаты вопросовъ, пробужденныхъ Лютеромъ.

Такимъ образомъ Лессингъ стоитъ во главѣ того движенія нѣмецкой литературы, которое и теперь еще далеко не перешло въ покой. Какимъ путемъ слѣдовало дальше, и какія явленія вызвало въ литературѣ это соціально-художническое стремленіе, это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

А. КРОНЕБЕРГЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1847 ГОДА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

Значеніе романа и повѣсти въ настоящее время. — Замѣчательныя романы и повѣсти прошлаго года и характеристика современныхъ русскихъ беллетристовъ: Искандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григоровичъ, Дружининъ. — Новое сочиненіе г. Достоевскаго «Хозяйка». — «Путевыя замѣтки г-жи Т. Ч. — Разсказы о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, г. Небольсина. — Испанскія письма, г. Боткина. — Замѣчательныя ученыя статьи прошлаго года. — Замѣчательныя критическія статьи. — Г. Шевыревъ. — Полное собраніе русскихъ авторовъ, А. Смирдина.

Романъ и повѣсть стали теперь во главѣ всѣхъ другихъ родовъ поэзіи. Въ нихъ заключилась вся изящная литература, такъ-что всякое другое произведеніе кажется при нихъ чѣмъ-то исключительнымъ и случайнымъ. Причины этого — въ самой сущности романа и повѣсти, какъ родъ поэзіи. Въ нихъ лучше, удобнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ родѣ поэзіи, вымыслъ сливается съ дѣйствительностію, художественное изобрѣтеніе смѣшивается съ простымъ, лишь бы вѣрнымъ, списываньемъ съ натуры. Романъ и повѣсть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейскаго быта, могутъ быть представителями крайнихъ предѣловъ

искусства, высшаго творчества; съ другой стороны, отражая въ себѣ только избранныя, высокія мгновенія жизни, они могутъ быть лишены всякой поэзіи, всякаго искусства.... Это самый широкій, всеобъемлющій родъ поэзіи; въ немъ талантъ чувствуетъ себя безгранично свободнымъ. Въ немъ соединяются всѣ другіе роды поэзіи — и лирика, какъ изліяніе чувствъ автора по поводу описываемаго имъ событія, и драматизмъ, какъ болѣе яркій и рельефный способъ заставлять высказываться данные характеры. Отступленія, разсужденія, дидактика, нестерпимыя въ другихъ родахъ поэзіи, въ романѣ и повѣсти могутъ имѣть законное мѣсто. Романъ и повѣсть даютъ полный просторъ писателю въ отношеніи преобладающаго свойства его таланта, характера, вкуса, направленія, и т. д. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много романистовъ и повѣствователей. И потому же теперь самые предѣлы романа и повѣсти раздвинулись: кромѣ «разсказа», давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ называемыя физіологіи, характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта. Наконецъ самые мемуары, совершенно чуждые всякаго вымысла, цѣнимые только по мѣрѣ вѣрной и точной передачи ими дѣйствительныхъ событій, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляютъ какъ бы послѣднюю грань въ области романа, замыкая ее собою. Что же общаго между вымыслами фантазіи и строго историческимъ изображеніемъ того, что было на самомъ дѣлѣ? Какъ что? — художественность изложенія! Недаромъ же историковъ называютъ художниками. Кажется, чтобы дѣлать искусству (въ смыслѣ художества) тамъ, гдѣ писатель связанъ источниками, фактами, и долженъ только о томъ стараться, чтобы воспроизвести эти факты какъ можно вѣрнѣе? Но въ томъ-то и дѣло, что вѣрное воспроизведеніе фактовъ не возможно при помощи одной эрудиціи, а нужна еще фантазія Историческіе факты, содержащіеся въ источникахъ, не болѣе, какъ камни и кирпичи: только художникъ можетъ воздвигнуть изъ этого матеріяла изящное зданіе. Въ первой статьѣ нашей, мы уже говорили о томъ, что вѣрно списывать съ натуры такъ же нельзя безъ творческаго таланта, какъ и создавать вымыслы, похожіе на натуру. Сближеніе искусства съ жизнію, вымысла — съ дѣйствительностію, въ нашъ вѣкъ особенно выразилось въ историческомъ романѣ. Отсюда былъ только шагъ до истиннаго воззрѣнія на мемуары, въ которыхъ такую важную роль играютъ очерки характеровъ и лицъ. Если очерки живы, увлекательны, значитъ — они не копіи, не списки, всегда блѣдные, ничего не выражающіе, а художественное воспроизведеніе лицъ и событій. Такъ дорожатъ портретами Фанъ-Дейковъ. Тиціа-

новъ и Веляскесовъ, вовсе не интересуясь знать, съ кого были писаны эти портреты: ими дорожатъ, какъ картинами, какъ художественными произведеніями. Такова сила искусства: лицо, ничѣмъ не замѣчательное само по себѣ, получаетъ чрезъ искусство общее значеніе, для всѣхъ равно интересное, и на человѣка, который, при жизни, не обращалъ на себя ничьего вниманія, смотрятъ вѣка, по милости художника, давшаго ему своею кистію новую жизнь! Тоже самое и въ мемуарахъ, и въ разсказахъ, и во всякаго рода снимкахъ съ натуры. Тутъ степень достоинства произведенія зависитъ отъ степени таланта писателя. И вы можете въ книгѣ любоваться человѣкомъ, съ которымъ не захотѣли бы нигдѣ встрѣтиться, котораго можетъ быть всегда знали бы, какъ самое пустое и скучное созданіе. Запоздалыя эстетики утверждаютъ, что «поэзія не должна быть живописью, потому-что въ живописи все дѣло въ вѣрномъ изображеніи предмета, схваченнаго въ одномъ извѣстномъ моментѣ». Но если поэзія берется изображать лица, характеры, событія,—словомъ, картины жизни, само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ она беретъ на себя ту же самую обязанность, что́ и живопись, т. е. быть вѣрною дѣйствительности, которую взялась воспроизводить. И эта вѣрность есть первое требованіе, первая задача поэзіи. О поэтическомъ талантѣ автора тутъ должно судить прежде всего основываясь на томъ, до какой степени удовлетворяетъ онъ этому требованію, рѣшаетъ эту задачу. Если онъ не живописецъ: явный знакъ, что онъ и не поэтъ, что у него вовсе нѣтъ таланта. Но что поэзія не должна быть *только* живописью, это опять другое дѣло. и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ картинахъ поэта должна быть мысль, производимое ими впечатлѣніе должно дѣйствовать на умъ читателя, должно давать то или другое направленіе его взгляду на извѣстныя стороны жизни. Для этого романъ и повѣсть, съ однородными имъ произведеніями, самый удобный родъ поэзіи. На его долю преимущественно досталось изображеніе картинъ общественности, поэтическій анализъ общественной жизни.

Прошлый 1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ, первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: *Кто Виноватъ* и *Обыкновенная Исторія*; почему мы и начнемъ съ нихъ наше обозрѣніе изящной литературы за прошлый годъ.

Г. Искандеръ давно уже извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ разныхъ статей, отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальностію взгляда на предметы и оригинальностію выраженія. Но какъ романистъ, онъ талантъ новый, обратившій на себя

Такимъ образомъ Лессингъ стоитъ во главѣ того движенія нѣмецкой литературы, которое и теперь еще далеко не перешло въ покой. Какимъ путемъ слѣдовало дальше, и какія явленія вызвало въ литературѣ это соціяльно-художническое стремленіе, это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

А. КРОНЕБЕРГЪ.

ВЗГЛЯДЪ

НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 1847 ГОДА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ.

Значеніе романа и повѣсти въ настоящее время. — Замѣчательныя романы и повѣсти прошлаго года и характеристика современныхъ русскихъ беллетристовъ: Искандеръ, Гончаровъ, Тургеневъ, Даль, Григоровичъ, Дружининъ. — Новое сочиненіе г. Достоевскаго «Хозяйка». — «Путевыя замѣтки г-жи Т. Ч. — Разсказы о сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, г. Небольсина. — Испанскія письма, г. Боткина. — Замѣчательныя ученыя статьи прошлаго года. — Замѣчательныя критическія статьи. — Г. Шевыревъ. — Полное собраніе русскихъ авторовъ, А. Смирдина.

Романъ и повѣсть стали теперь во главѣ всѣхъ другихъ родовъ поэзіи. Въ нихъ заключилась вся изящная литература, такъ-что всякое другое произведеніе кажется при нихъ чѣмъ-то исключительнымъ и случайнымъ. Причины этого — въ самой сущности романа и повѣсти, какъ рода поэзіи. Въ нихъ лучше, удобнѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ родѣ поэзіи, вымыслъ сливается съ дѣйствительностію, художественное изобрѣтеніе смѣшивается съ простымъ, лишь бы вѣрнымъ, списываньемъ съ натуры. Романъ и повѣсть, даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу жизненскаго быта, могутъ быть представителями крайнихъ предѣловъ

искусства, высшаго творчества; съ другой стороны, отражая въ себѣ только избранныя, высокія игновенія жизни, они могутъ быть лишены всякой поэзіи, всякаго искусства.... Это самый широкій, всеобъемлющій родъ поэзіи; въ немъ талантъ чувствуетъ себя безгранично свободнымъ. Въ немъ соединяются всѣ другіе роды поэзіи — и лирика, какъ изліяніе чувствъ автора по поводу описываемаго имъ событія, и драматизмъ, какъ болѣе яркій и рельефный способъ заставлять высказываться данные характеры. Отступленія, разсужденія, дидактика, нетерпимыя въ другихъ родахъ поэзіи, въ романѣ и повѣсти могутъ имѣть законное мѣсто. Романъ и повѣсть даютъ полный просторъ писателю въ отношеніи преобладающаго свойства его таланта, характера, вкуса, направленія, и т. д. Вотъ почему въ послѣднее время такъ много романистовъ и повѣствователей. И потому же теперь самые предѣлы романа и повѣсти раздвинулись: кромѣ «разсказа», давно уже существовавшаго въ литературѣ, какъ низшій и болѣе легкій видъ повѣсти, недавно получили въ литературѣ право гражданства такъ называемыя физіологіи, характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта. Наконецъ самые мемуары, совершенно чуждые всякаго вымысла, цѣнимые только по мѣрѣ вѣрной и точной передачи ими дѣйствительныхъ событій, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляютъ какъ бы послѣднюю грань въ области романа, замыкая ее собою. Что̀ же общаго между вымыслами фантазіи и строго историческимъ изображеніемъ того, что̀ было на самомъ дѣлѣ? Какъ что̀? — художественность изложенія! Недаромъ же историковъ называютъ художниками. Кажется, что̀бы дѣлать искусству въ смыслѣ художества тамъ, гдѣ писатель связанъ источниками, фактами, и долженъ только о томъ стараться, чтобы воспроизвести эти факты какъ можно вѣрнѣе! Но въ томъ-то и дѣло, что вѣрное воспроизведеніе фактовъ не возможно при помощи одной эрудиціи, а нужна еще фантазія. Историческіе факты, содержащіеся въ источникахъ, не болѣе, какъ камни и кирпичи: только художникъ можетъ воздвигнуть изъ этого матеріала изящное зданіе. Въ первой статьѣ нашей, мы уже говорили о томъ, что вѣрно списывать съ натуры такъ же нельзя безъ творчества [illegible], какъ и создавать вымыслы, похожіе на натуру. Сближеніе искусства съ жизнію, вымысла — съ дѣйствительностію, въ нашъ вѣкъ особенно выразилось въ историческомъ романѣ. Отсюда [illegible] до [illegible] воззрѣнія на мемуары, въ которыхъ [illegible] очерки характеровъ и лицъ. Если очерки [illegible] они не копіи, не списки, всегда [illegible] не выражающіе, а художественное воспроизведеніе лицъ и [illegible]. Такъ дорожатъ портретами Фанъ Дейковъ, Тиціа-

новъ и Веляскесовъ, вовсе не интересуясь знать, съ кого были писаны эти портреты: ими дорожатъ, какъ картинами, какъ художественными произведеніями. Такова сила искусства: лицо, ничѣмъ не замѣчательное само по себѣ, получаетъ чрезъ искусство общее значеніе, для всѣхъ равно интересное, и на человѣка, который, при жизни, не обращалъ на себя ничьего вниманія, смотрятъ вѣка, по милости художника, давшаго ему своею кистію новую жизнь! Тоже самое и въ мемуарахъ, и въ разсказахъ, и во всякаго рода снимкахъ съ натуры. Тутъ степень достоинства произведенія зависитъ отъ степени таланта писателя. И вы можете въ книгѣ любоваться человѣкомъ, съ которымъ не захотѣли бы нигдѣ встрѣтиться, котораго можетъ быть всегда знали бы, какъ самое пустое и скучное созданіе. Запоздалыя эстетики утверждаютъ, что «поэзія не должна быть живописью, потому-что въ живописи все дѣло въ вѣрномъ изображеніи предмета, схваченнаго въ одномъ извѣстномъ моментѣ». Но если поэзія берется изображать лица, характеры, событія,—словомъ, картины жизни, само собою разумѣется, что въ такомъ случаѣ она беретъ на себя ту же самую обязанность, что́ и живопись, т. е. быть вѣрною дѣйствительности, которую взялась воспроизводить. И эта вѣрность есть первое требованіе, первая задача поэзіи. О поэтическомъ талантѣ автора тутъ должно судить прежде всего основываясь на томъ, до какой степени удовлетворяетъ онъ этому требованію, рѣшаетъ эту задачу. Если онъ не живописецъ: явный знакъ, что онъ и не поэтъ, что у него вовсе нѣтъ таланта. Но что поэзія не должна быть *только* живописью, это опять другое дѣло, и съ этимъ нельзя не согласиться. Въ картинахъ поэта должна быть мысль, производимое ими впечатлѣніе должно дѣйствовать на умъ читателя, должно давать то или другое направленіе его взгляду на извѣстныя стороны жизни. Для этого романъ и повѣсть, съ однородными имъ произведеніями, самый удобный родъ поэзіи. На его долю преимущественно досталось изображеніе картинъ общественности, поэтическій анализъ общественной жизни.

Прошлый 1847 годъ былъ особенно богатъ замѣчательными романами, повѣстями и разсказами. По огромному успѣху въ публикѣ, первое мѣсто между ними принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, двумъ романамъ: *Кто Виноватъ* и *Обыкновенная Исторія*; почему мы и начнемъ съ нихъ наше обозрѣніе изящной литературы за прошлый годъ.

Г. Искандеръ давно уже извѣстенъ публикѣ, какъ авторъ разныхъ статей, отличающихся замѣчательнымъ умомъ, талантомъ, остроуміемъ, оригинальностію взгляда на предметы и оригинальностію выраженія. Но какъ романистъ, онъ талантъ новый, обратившій на себя

исключительное вниманіе русской публики только съ прошлаго года. Правда, въ *Отечественныхъ Запискахъ* были напечатаны два его опыта въ искусствѣ романиста: «*Записки одного молодаго человѣка*» (1840), и «*Еще изъ записокъ одного молодаго человѣка*» (1841 г.), въ которыхъ можно было предугадывать въ авторѣ будущаго даровитаго романиста, судя по вѣрности и живости этихъ легкихъ очерковъ. Г. Гончаровъ, авторъ *Обыкновенной Исторіи*, — лицо совершенно новое въ нашей литературѣ, но уже и занявшее въ ней одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Потому ли, что оба эти романа — *Кто виноватъ?* и *Обыкновенная Исторія*, появились почти въ одно время и раздѣлили между собою славу необыкновеннаго успѣха, — о нихъ не только говорятъ вмѣстѣ, но еще и сравниваютъ ихъ между собою, какъ явленія однородныя. Одинъ журналъ, объявивъ недавно романъ Искандера въ высшей степени художественнымъ произведеніемъ, выказалъ свое недовольство романомъ г. Гончарова на томъ основаніи, что въ послѣднемъ не нашелъ достоинствъ перваго. Мы тоже намѣрены, въ разборѣ этихъ романовъ, ставить ихъ вмѣстѣ, но не для того, чтобы показать ихъ сходство, котораго между ними, какъ произведеніями совершенно различными по ихъ сущности, нѣтъ и тѣни, а для того, чтобы самою ихъ взаимною противоположностію вѣрнѣе очертить особенность каждаго изъ нихъ и показать ихъ достоинства и недостатки.

Видѣть въ авторѣ *Кто Виноватъ?* необыкновеннаго художника, значитъ вовсе не понимать его таланта. Правда, онъ обладаетъ замѣчательною способностію вѣрно передавать явленія дѣйствительности, очерки его опредѣленны и рѣзки, картины его ярки и сразу бросаются въ глаза. Но даже и эти самыя качества доказываютъ, что главная сила его не въ творчествѣ, не въ художественности, а въ мысли, глубоко прочувствованной, вполнѣ сознанной и развитой. Могущество этой мысли — главная сила его таланта; художественная манера схватывать вѣрно явленія дѣйствительности — второстепенная, вспомогательная сила его таланта. Отнимите у него первую, — вторая окажется слишкомъ недостаточною для самобытной дѣятельности. Подобные таланты не суть что нибудь особенное, исключительное, случайное. Нѣтъ, такіе таланты также естественны, какъ и таланты чисто художественные. Ихъ дѣятельность образуетъ особенную сферу искусства, въ которой фантазія является на второмъ плане [illegible]. На это различіе мало обращаютъ вниманія, [illegible] путаница. Хотятъ [illegible] какъ [illegible] Китай, такъ отдѣлен[illegible] [illegible] что не искусство въ строгомъ [illegible] дѣйствительно существуютъ

больше предположительно, нежели действительно; по-крайней-мѣрѣ ихъ не укажешь пальцемъ, какъ на картѣ границы государствъ. Искусство, по мѣрѣ приближенія къ той или другой своей границѣ, постепенно теряетъ нѣчто отъ своей сущности и принимаетъ въ себя отъ сущности того, съ чѣмъ граничитъ, такъ-что вмѣсто разграничивающей черты является область, примиряющая обѣ стороны.

Поэтъ-художникъ — болѣе живописецъ, нежели думаютъ. Чувство формы — въ этомъ вся натура его. Вѣчно соперничать съ природою въ способности творить - его высочайшее наслажденіе. Схватить данный предметъ во всей его истинѣ, заставить его, такъ сказать, дышать жизнію: вотъ въ чемъ его сила, торжество, удовлетвореніе, гордость. Но поэзія выше живописи, предѣлы ея обширнѣе, нежели предѣлы всякаго другого искусства. И потому, поэтъ разумѣется не можетъ ограничиться одною живописью, — о чемъ мы впрочемъ уже говорили. Но какія бы ни были другія превосходныя, возбуждающія восторгъ и удивленіе качества его твореній, — все таки главная сила его въ поэтической живописи. Онъ обладаетъ способностію быстро постигать всѣ формы жизни, переноситься во всякой характеръ, во всякую личность, — и для этого ему нужны не опытъ, не изученіе, а достаточно иногда одного намека или одного быстраго взгляда. Два-три факта, — и его фантазія возстановляетъ цѣлый отдѣльный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ жизни, со всѣми его условіями и отношеніями, съ свойственнымъ ему колоритомъ и оттѣнками. Такъ Кювье наукою дошелъ до искусства по одной ископаемой кости возстановлять умственно цѣлый организмъ животнаго, которому она принадлежала. Но тутъ дѣйствовалъ геній, развитый и вспомоществуемый наукою; поэтъ же преимущественно опирается на свое чувство, свой поэтическій инстинктъ.

Другой разрядъ поэтовъ, о которомъ мы начали говорить и къ которому принадлежитъ авторъ романа *Кто Виноватъ?*, можетъ изображать вѣрно только тѣ стороны жизни, которыя особенно почему бы то ни было поразили ихъ мысль, и особенно знакомы имъ. Они не понимаютъ наслажденія представить вѣрно явленіе дѣйствительности для того только, чтобы вѣрно представить его. У нихъ недостанетъ ни охоты, ни терпѣнія на такой, по ихъ мнѣнію, безполезный трудъ. Для нихъ важенъ не предметъ, а смыслъ предмета, — и ихъ вдохновеніе вспыхиваетъ только для того, чтобы, черезъ вѣрное представленіе предмета, сдѣлать въ глазахъ всѣхъ очевиднымъ и осязательнымъ смыслъ его. У нихъ стало быть опредѣленная и ясно сознанная цѣль впереди всего, а поэзія – только средство къ достиженію этой цѣли. Поэтому, доступный ихъ таланту міръ жизни опредѣляется ихъ задушевною мыслію, ихъ взглядомъ на жизнь; это

[illegible]

Что составляетъ [illegible] мысль Искандера, [illegible] его [illegible] лицъ [illegible] человѣческимъ [illegible] Герой всѣхъ романовъ и повѣстей Искандера, сколько бы онъ ни написалъ ихъ, всегда былъ и будетъ одинъ и тотъ же: это — человѣкъ, понятіе общее, родовое, во всей обширности этого слова, во всей святости его значенія. Искандеръ — по преимуществу поэтъ *гуманности*. Поэтому, въ его романѣ бездна лицъ, большею частію интересно очерченныхъ, но нѣтъ героя, нѣтъ героини. Въ первой части, заинтересовавъ насъ четою Негровыхъ, онъ выводитъ какъ героевъ романа Круциферскаго и Любоньку. Въ заключеніи, написанномъ для связи обѣихъ частей, героемъ является Бельтовъ: но мать Бельтова и его гувернеръ-женевецъ едва ли не больше, нежели онъ самъ, интересуютъ собою читателя. Во второй части героями являются Бельтовъ и Круциферская, и въ ней только раскрывается вполнѣ основная мысль романа, являющаяся сначала такъ загадочною въ его названіи: *Кто Виноватъ?* Но мы должны признаться, что эта-то мысль всего менѣе и интересуетъ насъ въ романѣ, такъ же, какъ Бельтовъ, герой романа, кажется намъ самымъ неудачнымъ лицомъ во всемъ романѣ. Когда Круциферскій сдѣлался женихомъ Любоньки, докторъ Круповъ сказалъ ему: «не пара тебѣ эта невѣста, ужь что хочешь, — эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ «по ея лицу — *она тигренокъ*, который еще *не знаетъ своей силы*; а «ты, да что ты? ты невѣста; ты, братецъ, нѣмка; ты будешь жена — «ну годно ли это?» Въ этихъ словахъ лежатъ завязка романа, который, по намѣренію автора, долженъ былъ только начаться свадьбою, вмѣсто того, чтобы кончиться его. Авторъ, познакомивши насъ съ Бельтовымъ, ведетъ насъ въ мирное убѣжище молодой четы, уже четыре года наслаждающейся тихимъ семейнымъ счастіемъ; — но, помня мрачное предсказаніе оракула въ лицѣ скептическаго доктора, читатель невольно ждетъ, что въ самой картинѣ семейнаго счастія Круциферскихъ авторъ покажетъ ему зародышъ и начало будущихъ

бѣдъ. Круциферскій дѣйствительно не женился, а вышелъ за-мужъ. Его жена была слишкомъ выше его, слѣдовательно слишкомъ не по немъ. Естественно, что онъ былъ вполнѣ счастливъ ею, но не естественно, чтобъ она была спокойно счастлива, не видѣла тревожныхъ сновъ, не задумывалась наяву. Она могла уважать и даже любить своего мужа, какъ существо младенчески чистое и благородное, которое, сверхъ того, вырвало ее изъ аду родительскаго дома; но такая ли любовь могла удовлетворить такую женщину, наполнить тѣ потребности, тѣ стремленія ея натуры, которыя тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе и безсознательнѣе? Знакомство съ Бельтовымъ, скоро превратившееся въ любовь, должно было только открыть ей глаза на ея положеніе, пробудить въ ней сознаніе того, что она не могла быть счастлива съ такимъ человѣкомъ, какъ Круциферскій. Но этого авторъ не сдѣлалъ. Мысль была прекрасная, исполненная глубокаго трагическаго значенія. Она-то и увлекла большинство читателей и помѣшала имъ замѣтить, что вся исторія трагической любви Бельтова и Круциферскаго разсказана умно, очень умно, даже ловко, но зато ужь нисколько не художественно. Тутъ мастерской разсказъ, но нѣтъ и слѣда живой поэтической картины. Мысль спасла и вынесла автора: умомъ онъ вѣрно понялъ положеніе своихъ героевъ, но передалъ его только какъ умный человѣкъ, хорошо понявшій дѣло, но не какъ поэтъ. Такъ иногда даровитый актеръ, взявшійся за роль, которая вовсе не въ его средствахъ и талантѣ, все-таки не портитъ ее, но умно и ловко выполняетъ ее, вмѣсто того, чтобы сыграть. Мысль роли не потеряна, а трагическій смыслъ пьесы дополняетъ недостатокъ въ выполненіи главной роли,—и зритель не вдругъ догадывается, что онъ былъ только увлеченъ, а совсѣмъ неудовлетворенъ.

Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что во второй части романа характеръ Бельтова произвольно измѣненъ авторомъ. Сперва это былъ человѣкъ, жаждавшій полезной дѣятельности и ни въ чемъ не находившій ея, по причинѣ ложнаго воспитанія, которое далъ ему благородный женевскій мечтатель. Бельтовъ зналъ многое и обо всемъ имѣлъ общія понятія, но совершенно не зналъ той общественной среды, въ которой одной могъ бы дѣйствовать съ пользою. Все это не только сказано, но и показано авторомъ мастерски. Мы думаемъ, что при этомъ авторъ могъ бы еще указать слегка и на натуру своего героя, нисколько не практическую, и, кромѣ воспитанія, порядочно испорченную еще и богатствомъ. Тому, кто родился богатымъ, надо получить отъ природы особенное призваніе къ какой бы то ни было дѣятельности, чтобы не праздно жить на свѣтѣ и не скучать отъ бездѣйствія. Этого-то призванія и не

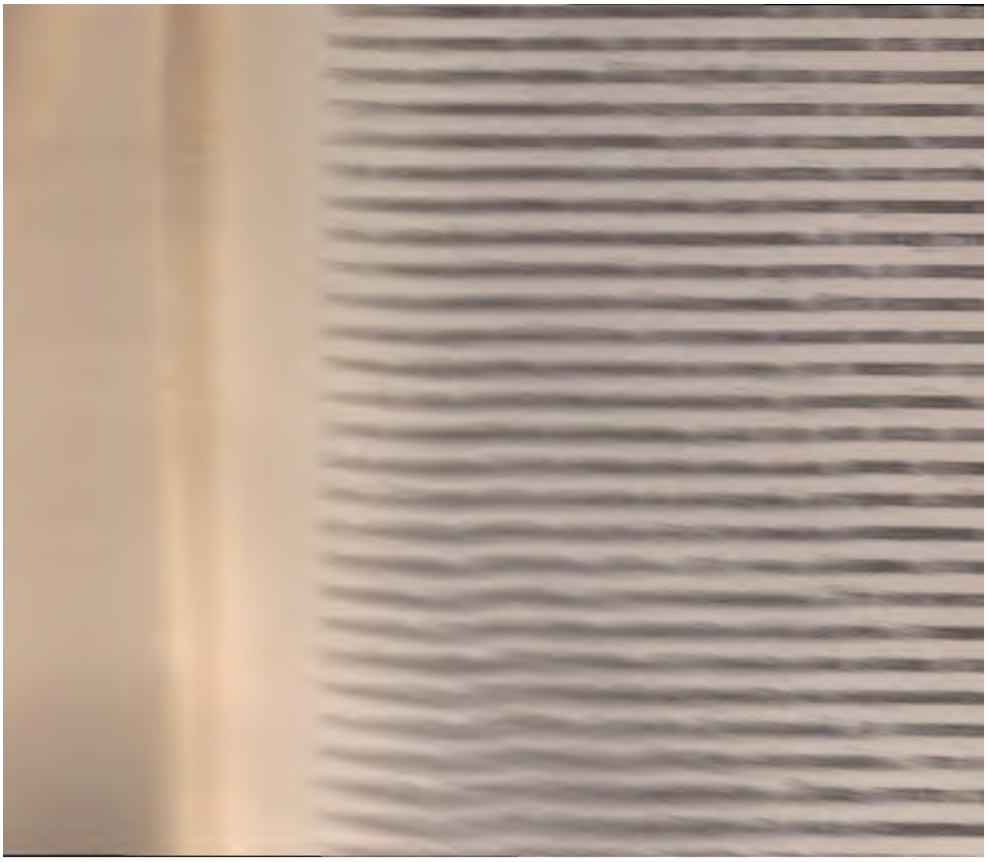
[illegible] вовсе въ натурѣ Бельтова. Натура его была чрезвычайно богата и многосторонна, но въ этомъ богатствѣ и многосторонности ничто не имѣло прочнаго корня. У него много ума, но ума созерцательнаго, теоретическаго, который не столько углублялся въ предметы, сколько скользилъ по нимъ. Онъ способенъ былъ понимать многое, [illegible] все, но эта-ся многосторонность сочувствія и пониманія и [illegible] [illegible] людямъ сосредоточить всѣ свои силы на одномъ предметѣ, устремить на него всю свою волю. Такіе люди вечно порываются къ дѣятельности, пытаясь найти свою дорогу, и разумѣется не [illegible] ея.

[illegible] образомъ Бельтовъ осужденъ былъ томиться никогда не [illegible] жаждою дѣятельности и тоскою бездѣйствія. Авторъ [illegible] передалъ намъ его неудачныя попытки служить, [illegible] [illegible] врачемъ, артистомъ. Если нельзя сказать, что онъ [illegible] очертилъ и разъяснилъ этотъ характеръ, — все же это у него [illegible] очерченное, понятное и естественное. Но въ послѣдней [illegible] романа Бельтовъ вдругъ является передъ нами какою-то [illegible] натурою, для дѣятельности которой дѣйствительность не представляетъ достойнаго поприща.... Это уже совсѣмъ [illegible] человѣкъ, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились прежде [illegible] Бельтовъ, а что-то въ родѣ Печорина. Разумѣется, [illegible] Бельтовъ былъ гораздо лучше, какъ всякій человѣкъ, играющій [illegible] роль. Сходство съ Печоринымъ для него крайне [illegible]. Не понимаемъ, зачѣмъ автору нужно было съ своей [illegible] [illegible]. Неужели этимъ онъ хотѣлъ поднять Бельтова [illegible] Кеуцкоферскій? Напрасно, для нея онъ былъ бы также интересенъ [illegible] и тогда онъ сталъ бы подлѣ бѣднаго [illegible] подлѣ карлика. Онъ былъ [illegible] [illegible], мужчина, по-крайней-мѣрѣ [illegible] Кеуцкоферскій, съ его благородными мечтами [illegible] людей и жизни, и подлѣ прежняго [illegible], котораго развитіе задержано [illegible]

[illegible] является гораздо интереснѣе въ [illegible] послѣдней. Нельзя сказать, чтобы и [illegible] очерченъ, но зато рѣзко было очер[illegible] Тамъ она хороша молча, безъ [illegible] ее, хотя не слышитъ [illegible] ея положенія обнаружилъ [illegible] въ отрывкахъ изъ ея дневника [illegible] не совсѣмъ довольны этою [illegible] знакомить читателей съ героиня

ми романовъ черезъ ихъ записки — манера старая, избитая и фальшивая, — записки Любоньки немножко отзываются поддѣлкою: по-крайней-мѣрѣ не всякой повѣритъ, что ихъ писала женщина.... Очевидно, что и тутъ авторъ вышелъ изъ сферы своего таланта. Тоже скажемъ мы и объ отрывкахъ Круциферской въ концѣ романа. Въ томъ и другомъ случаѣ, авторъ ловко отдѣлался отъ задачи, которая была ему не по силамъ, но не больше. Вообще, сдѣлавшись Круциферскою, Любонька перестала быть характеромъ, лицомъ, и превратилась въ мастерски, умно развитую мысль. Она и Бельтовъ — два единственныя лица, съ которыми авторъ не совладѣлъ какъ слѣдуетъ. Но и въ нихъ нельзя не удивляться его ловкости и искусству поддержать интересъ до конца и поразить, растрогать большинство читателей тамъ, гдѣ съ его талантомъ, но безъ его ума и вѣрнаго взгляда на предметы, всякой другой только насмѣшилъ бы.

Итакъ, не въ картинѣ трагической любви Бельтова и Круциферской надо искать достоинствъ романа Искандера. Мы видѣли, что это вовсе не картина, а мастерски изложенное слѣдственное дѣло Вообще, *Кто Виноватъ?* собственно не романъ, а рядъ біографій, мастерски написанныхъ и ловко связанныхъ внѣшнимъ образомъ въ одно цѣлое именно тою мыслію, которой автору не удалось развить поэтически. Но въ этихъ біографіяхъ есть и внутренняя связь, хотя и безъ всякаго отношенія къ трагической любви Бельтова и Круциферской. Это — мысль, которая глубоко легла въ ихъ основаніе, дала жизнь и душу каждой чертѣ, каждому слову разсказа, сообщила ему эту убѣдительность и увлекательность, которыя равно неотразимо дѣйствуютъ на читателей симпатизирующихъ и несимпатизирующихъ съ авторомъ, образованныхъ и необразованныхъ. Мысль эта является у автора какъ чувство, какъ страсть; словомъ, изъ его романа видно, что она столько же составляетъ пафосъ его жизни, какъ и его романа. О чемъ бы онъ ни говорилъ, чѣмъ бы онъ ни увлекся въ отступленіе, онъ никогда не забываетъ ея, безпрестанно возвращается къ ней, она какъ-будто невольно сама высказывается у него. Эта мысль срослась съ его талантомъ; въ ней его сила; еслибъ онъ могъ охладѣть къ ней, отречься отъ нея, — онъ бы вдругъ лишился своего таланта. Какая же эта мысль? Это — страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ, и еще больше безъ умысла; это то, что нѣмцы называютъ *гуманностію (Humanität)*. Тѣ, кому покажется непонятною мысль, заключающаяся въ этомъ словѣ, въ сочиненіяхъ Искандера найдутъ самое лучшее ея объясненіе. О самомъ же словѣ скажемъ, что нѣмцы сдѣлали его изъ латинскаго слова *humanus*, что значитъ человѣческій. Здѣсь оно берется въ противоположность слову животный. Ко-



бы то ни было, все равно — отъ высшаго или отъ низшаго насъ, сыну ли отъ отца, или отцу отъ сына. Посмотрите на дѣтей: часто случается, что дитя очень равнодушно смотритъ на свою мать, хотя она и кормитъ его своею грудью, и подымаетъ страшный ревъ, если, проснувшись, не увидитъ тотчасъ же своей няни, которую оно привыкло видѣть при себѣ безотлучно. Видите ли: ребенокъ — это полное и совершенное выраженіе природы — даритъ своей любовью того, кто доказываетъ ему любовь свою на самомъ дѣлѣ, кто отказался для него отъ всѣхъ удовольствій, словно желѣзною цѣпью приковалъ себя къ его жалкому и слабому существованію.

Гуманность нисколько не находится въ противорѣчіи съ уваженіемъ къ высокимъ общественнымъ положеніямъ и рангамъ; но она находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ презрѣніемъ къ кому бы то ни было, кромѣ негодяевъ и подлецовъ. Она охотно признаетъ общественное первенство людей; но только смотритъ на него не съ одной внѣшней, но болѣе съ внутренней стороны. Гуманность не только не обязываетъ — человѣка низшаго сословія съ грубыми манерами, привычками, осыпать непривычными ему вѣжливостями, но даже запрещаетъ это, потому-что такое обращеніе поставило бы его въ неловкое положеніе, заставило бы подозрѣвать въ немъ насмѣшку или дурной умыселъ. Гуманный человѣкъ обойдется съ низшимъ себя и грубо развитымъ человѣкомъ съ тою вѣжливостью, которая тому не можетъ показаться странною или дикою; но онъ не допуститъ его унижать передъ нимъ свое человѣческое достоинство, — не позволитъ ему кланяться себѣ въ ноги, не станетъ называть его Ванькой или Ванюхою и тому подобными именами, похожими на собачьи клички, не будетъ легонько трясти его за бороду, въ знакъ своего милостиваго къ нему расположенія, чтобы тотъ, подло ухмыляясь, говорилъ ему съ подобострастіемъ: «за что изволите жаловать?...» Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважаютъ въ другихъ человѣческаго достоинства, и еще болѣе оскорбляется и страдаетъ, когда человѣкъ самъ въ себѣ не уважаетъ собственнаго достоинства.

Вотъ это-то чувство гуманности и составляетъ, такъ сказать, душу твореній Искандера. Онъ ея проповѣдникъ, адвокатъ. Выводимыя имъ на сцену лица — люди не злые, даже бо́льшею частію добрые, которые мучатъ и преслѣдуютъ самихъ себя и другихъ чаще съ хорошими, нежели съ дурными намѣреніями, больше по невѣжеству, нежели по злости. Даже тѣ изъ его лицъ, которыя отталкиваютъ отъ себя низостію чувствъ и гадостію поступковъ, представляются авторомъ больше какъ жертвы ихъ собственнаго невѣжества и той среды, въ которой они живутъ, нежели ихъ злой натуры. Онъ изображаетъ преступленія, неподлежащія вѣдомству за-

дныхъ очень веселой и забавной, для другихъ грустной и мучи-
ной, и только въ изображеніи косого Лёвки — фигуры, которая
дѣлала честь любому художнику — авторъ говоритъ серьёзно.
ысли и по выполненію, это рѣшительно лучшее произведеніе
лаго года, хотя оно и не произвело на публику особеннаго впеча-
ія. Но публика права въ этомъ случаѣ: въ романѣ «Кто вино-
?» и въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ писателей она на-
больше ближайшихъ къ ней и потому нужнѣйшихъ и полезнѣй-
ъ ей истинъ, а между тѣмъ, въ послѣднемъ произведеніи тотъ
ухъ, тожо содержаніе, что́ и въ первомъ. Вообще, упрекнуть
ра въ односторонности, значило бы вовсе не понять его. Онъ
ѣтъ изображать вѣрно только міръ, подлежащій вѣдомству его
невной мысли; его мастерскіе очерки основаны на врожденной
юдательности и на изученіи извѣстной стороны дѣйствительно-
Натура воспріимчивая и впечатлительная, авторъ сохранилъ въ
ти своей многіе образы, поразившіе его еще въ дѣтствѣ. Легко
ть, что выводимыя имъ лица не суть чистыя созданія фантазіи,
корѣе мастерски обдѣланные, а иногда и вовсе передѣланные ма-
лы, цѣликомъ взятые изъ дѣйствительности. Вѣдь мы сказали,
авторъ больше философъ, и только немножко поэтъ....
овершенную противоположность составляетъ съ нимъ въ этомъ
шеніи авторъ «Обыкновенной Исторіи». Онъ поэтъ, художникъ,
ьше ничего. У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ
лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ
ственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ-будто ду-
ъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ
ъ нынѣшнихъ писателей, онъ одинъ, только онъ одинъ прибли-
ся къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ всѣ другіе отошли
него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ.
ынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то
о важнѣе самого таланта и составляетъ его силу; у г. Гончарова
ничего, кромѣ таланта; онъ больше, чѣмъ кто нибудь теперь
ъ-художникъ. Талантъ его не первостепенный, но сильный, за-
тельный. Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необык-
нное мастерство рисовать женскіе характеры. Онъ никогда не
оряетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собою дру-
и всѣ, какъ портреты, превосходны. Что́ общаго между
ой и злой, но по своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ
феной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстро-
ми нервами? И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ мастерское,
жественное произведеніе. Мать молодого Адуева и мать Надиньки
старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и

женскую тетку съ ея желтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма. Провинціялы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ. Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ и если не враждуютъ между собою, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ: среднихъ отношеній почти нѣтъ. И вотъ изъ городка отправляется искать счастія въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякого счастія, просятъ не забывать. Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились же. По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго; отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, а наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать. Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго пугаетъ его столько же, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогою. Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются. Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ. Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ считается священнѣйшею обязанностію. Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Когда къ провинціялу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькой домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ какъ и радоваться, съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее. А между тѣмъ попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого. Такова ужь патріархальная логика провинціи! И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціялъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ. Въ столицѣ у него есть родственникъ, который лѣтъ ужь двадцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ-давно перезабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

[illegible] что его квартира [illegible] что въ порядкѣ и [illegible] по узаконенному порядку, что [illegible] если нѣтъ [illegible] или [illegible] пріемныхъ лѣтъ, или не [illegible] и [illegible] протекція такого незначительнаго человѣка [illegible], который [illegible] того служитъ совсѣмъ по другому [illegible] и [illegible] ни съ [illegible] изъ начальниковъ учебныхъ заведеній. [illegible] удаляются въ бѣшенствѣ, [illegible] [illegible] и раздраженія и говорятъ о своемъ [illegible] [illegible]. А между тѣмъ это можетъ быть очень [illegible], и [illegible] его въ томъ, что онъ не захотѣлъ [illegible] безобразный таборъ, лишить себя [illegible] [illegible] домѣ, всякой возможности заниматься [illegible] кабинета, принимать у себя по вечерамъ [illegible] ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему [illegible] образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжелымъ [illegible] людей, совершенно чужлыхъ ему, съ которыми [illegible] обыкновеннаго знакомства. А между тѣмъ [illegible] по своему люди добрые и даже неглупые; вся [illegible] въ томъ, что, отправляясь въ столицу, они увѣрены найти [illegible] огромности, великолѣпія и модныхъ магазиновъ [illegible], съ тѣми же нравами, обычаями и понятіями. [illegible] роскошь и великолѣпіе, хотя и безъ вкусу, [illegible] всячески свою залу и гостиную; о [illegible] не знаютъ зачѣмъ онъ; спальня и

дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты; имъ ничего не стоитъ потѣсниться и пожаться, понятіе о комфортѣ не существуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее по пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахнетъ. Они всякому рады и, по словамъ Петра Иваныча, хоть ночью ужинъ состряпаютъ. По замѣчанію его племянника эта черта составляетъ добродѣтель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Иванычъ рѣшительно не согласенъ. «Какая тутъ добродѣтель — говоритъ онъ. — Отъ скуки тамъ всякому мерзавцу рады; милости просимъ, кушай сколько хочешь, только займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да дай взглянуть на тебя: все-таки что-нибудь новое; а кушанья не пожалѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ.... Препротивная добродѣтель.» Петръ Иванычъ выразился немножко жостко, но не совсѣмъ несправедливо. Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціяльное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ. Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужь непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ. Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить, — и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціялами. А у нихъ первая добродѣтель — ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго. Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ добродѣтельною готовностію съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ тоже самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже. Впрочемъ эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно-аркадскою наивностію. «Э, братецъ (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной, или плохо кормлю; кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!» Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ.

«Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба соли откушать, обѣдъ готовъ». И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому-что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно все сказанное теперь отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціяламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціяловъ бываютъ не чужды провинціяльныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу. Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, на распашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ заланкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому,что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого, въ гостиную—тоже никого, онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все назаперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажите доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить — заняты; а когда примутъ, то конечно вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ....

Но обратимся къ герою Обыкновенной Исторіи. Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Еслибъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ поразмыслилъ бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ какъ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но къ несчастію онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ

высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился въ дядѣ провинціяломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое и грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ — по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ съ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его любовныхъ похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрекъ.

Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (*susceptibilité*). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это — наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ также мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыканты, немножко живописцы, немножко поэты, даже при нуждѣ немножко критики и литераторы, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже выработывать посредственное содержаніе. Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ такихъ людяхъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнею, недоступною для презрѣнной толпы, парить горé, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движе-

ніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоянію людей матеріяльныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ ранимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ, — естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возъимѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніяльное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ, это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблятся, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому, — что самые великіе люди узнавали о своей геніяльности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніяльное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть не большую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проэкты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніяльные скачки для такихъ геніяльныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякой начи-

налъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніяльность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріяльнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самого таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ-что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по-крайней-мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хотя одну ночь у постели труднаго больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому-что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство конечно важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣй-

«Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба соли откушать, обѣдъ готовъ». И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такою важною въ его глазахъ персоною. И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому-что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ. Конечно все сказанное теперь отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціяламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ. Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціяловъ бываютъ не чужды провинціяльныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу. Тутъ все дико имъ, все не такъ какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, на распашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада. Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду; въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей, или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому,что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли бы дать ему работы дня на два. И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого, въ гостиную—тоже никого, онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: извините-съ, медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ. А здѣсь, въ столицѣ, все назаперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: какъ прикажите доложить? а потомъ то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить — заняты; а когда примутъ, то конечно вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ....

Но обратимся къ герою Обыкновенной Исторіи. Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя въ квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ. Еслибъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ поразмыслилъ бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ какъ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ. Но къ несчастію онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ

высокихъ и далекихъ предметахъ, и потому явился къ дядѣ провинціяломъ съ ногъ до головы. Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое и грустное впечатлѣніе и заставили его романтически страдать. Онъ былъ трижды романтикъ — по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей. Нѣкоторые находятъ, что онъ съ своими вещественными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время. Не споримъ, можетъ быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать не здѣсь, а въ его *любовныхъ* похожденіяхъ. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей похожихъ на него какъ двѣ капли воды и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ. Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрекъ.

Эта порода людей, которыхъ природа съ избыткомъ надѣляетъ нервическою чувствительностію, часто доходящею до болѣзненной раздражительности (*susceptibilité*). Они рано обнаруживаютъ тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это — наслаждаться внутреннею жизнію. Поэтому они очень мечтательны и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ также мало, какъ много ощущеній и чувствъ. Вообще они богато одарены отъ природы душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная: иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ, даже при нуждѣ немножко критикъ и литераторъ, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже вырабатывать посредственное содержаніе. Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ такихъ людяхъ сильно развиваются воображеніе и фантазія, но не та фантазія, посредствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни. Это они называютъ жить высшею жизнею, недоступною для презрѣнной толпы, парить горé, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу. Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движе-

ніямъ; но какъ фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ, то они скоро доходятъ до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу — этому, по ихъ мнѣнію, достоянію людей матеріяльныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ несуществуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волею, подъ управленіемъ фантазіи, скоро скудѣетъ любовью, и они дѣлаются ужасными эгоистами и деспотами, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди. Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ, — естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возъимѣли высокое понятіе. Природа и безъ того отпустила имъ самолюбія гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно ли, что легкіе и мало заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени? Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ замаскировано, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніяльное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному. Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ, это — слава, дружба и любовь. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы. Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблятся, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому, — что самые великіе люди узнавали о своей геніяльности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніяльное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы. И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень бы хотѣлось въ Наполеоны, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть не большую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ. Манитъ ихъ и гражданская слава, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ же преобразовать государство (у нихъ же всегда готовы въ головѣ превосходные проэкты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніяльные скачки для такихъ геніяльныхъ людей, и требуетъ, чтобъ всякой начи-

налъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только, доказалъ бы свою геніяльность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы. Хватаются они иногда и за науку, но не надолго: сухая и скучная матерія, надобно много учиться, много работать, и нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи. Остается искусство; но какое же избрать? Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріяльнаго и механическаго. Остается поэзія — и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху, и еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы. Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще не въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нуженъ только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть большой талантъ, тотъ силою самого таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что они увѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этою несчастною мыслію, такъ-что разочароваться въ ней значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь, и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками. И вотъ нашъ романтикъ принимается писать стихи и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими и малыми поэтами и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самою неистовою любовью къ человѣчеству, по-крайней-мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хотя одну ночь у постели труднаго больного. Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому-что не кричатъ о своихъ чувствахъ. Чувство конечно важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своею способностію чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти — и равнодушно проходитъ мимо дѣй-

ствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. — Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки; хотя въ нихъ и довольно реторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли),—словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта. Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность. Но переходныя эпохи литературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время *чьмъ-то*, и въ короткое же время исчезаетъ просто отъ *ничего*; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а наконецъ и печатать. Но молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложною извѣстностію: его не допустили до этого время, въ которое онъ вышелъ съ своими стихами, и умный откровенный *дядя*. Его несчастіе состояло не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ, который въ поэзіи хуже бездарности, потому-что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, чего ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи....

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобъ быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всякомъ случаѣ, она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями дѣлаются случайно и не замѣтно; привычки и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу. Истинные друзья не имѣютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ другъ для друга что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга. Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего *похожаго на долгъ* и обязанность, ато иной готовъ и Богъ знаетъ

на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: «вотъ каковъ я въ дружбѣ!» или: «вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!» Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики. Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностію опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактовъ съ своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобъ удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность къ симпатіи, столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому бы они безпрестанно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ. Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лахань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія. Зато они и не знаютъ дружбы, потому-что друзья ихъ скоро оказываются неблагородными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ....

Любовь обходится имъ еще дороже, потому-что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ. Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія бо́льшею частію нелѣпы, потому-что надѣланы людьми, которые способнѣе мечтать и разсуждать о любви, нежели любить. Прежде всего раздѣляютъ любовь на матеріяльную или чувственную, и платоническую или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второю..... Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ; онъ долженъ любить не животно и не платонически, а человѣчески. Какъ бы ни идеализировали любовь, но какъ же не видѣть, что природа одарила людей этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастія, столько для размноженія и поддержанія рода человѣческаго. Родовъ любви также много, какъ много на землѣ людей, потому-что каждый любитъ сообразно съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по своему, лишь бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ. Но романтики особенно падки къ головной любви. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь: имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить, вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце. Имъ любовь нужна не для счастія, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы. Главная ихъ

забота являться въ любви великими, и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми. И однакожь въ любви молодого Адуева къ Наденькѣ было столько истиннаго и живого чувства; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ бы могъ быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому-что все самъ испортилъ. Наденька была умнѣе его, и главное попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головою, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ-будто шутя: — шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами. Но онъ любилъ «горестно и трудно», весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ. Какъ романтикъ, онъ былъ и педантъ: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви. Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ. Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому-что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей. Но къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому-что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ наяву. При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякой соперникъ, — пусть онъ былъ бы хуже его, лишь бы только не походилъ на него и могъ бы имѣть для Наденьки прелесть новости, а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ. Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло. Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ. Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ въ разговорѣ съ дядею! Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. Какъ! ему унизиться до такъ называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своею громадною страстію, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви! По его теоріи, судьба должна была послать ему такую же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, *которая* еще недавно была въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, те-

перь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было бы очень смѣшно, еслибъ не было такъ грустно. Ложныя причины производятъ такія же мучительныя страданія, какъ и истинныя. Но вотъ мало-по-малу онъ перешелъ отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать «своею нарядною печалью». Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Надиньку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія. На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: «я бы потребовалъ отъ нея первенства въ ея сердцѣ; «любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, «кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимы; я одинъ вы«ше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. «Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ «моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать бла«женство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: «презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое «иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энер«гически всѣ лишенія, наконецъ презрѣть самую смерть, — вотъ любовь!»

Какъ эта галиматья похожа на слова восточнаго деспота, который говоритъ своему главному евнуху: «если одна изъ моихъ одалискъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ, — сейчасъ же мѣшокъ и въ море!» Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не простые смертные; и между тѣмъ тутъ выразились только самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ. Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія. Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало бы спросить себя, способенъ ли самъ заплатить такою же любовью; чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни. Но если бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это бы должно было быть для него причиною бояться любви и бѣжать отъ нея, потому-что это любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга. Любовь требуетъ свободы; отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ. Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ она подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе. И наоборотъ,

чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т. е. чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь. Поэтическая, страстная любовь, это – цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужь не такъ, потому-что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, мой жизни цвѣтъ цвѣтетъ только разъ. Шекспиръ недаромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозою; оставь же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись бы намъ счастливыми супругами, которые сидя вмѣстѣ зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т. е. такую же какъ онъ испорченную, съ вывороченнымъ наизнанку сердцемъ и мозгомъ. Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день. Въ чемъ же заключалось его блаженство? Въ разговорахъ о своей любви. И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасною молодою женщиною, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не чувствовалъ никакихъ влеченій.... ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!... Это впрочемъ понятно: сильная наклонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи истинной страсти. Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой свѣжей, дѣвственной любви, — это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ. Любовь имѣетъ свои законы развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ осень, которая для однихъ бываетъ теплою, свѣтлою и плодородною, для другихъ холодною, гнилою и безплодною. Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинилъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіею призракъ – дѣйствительно существующимъ міромъ. На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою. Однакожь сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо бы было поторопиться; но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній. Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ, за то, что уже не лю-

былъ ея. Еще прежде этого онъ уже начиналъ замѣчать, что любовь въ любви вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть [illegible] [illegible] на [illegible]. иногда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ, — что наконецъ при любви можно не бросать и службы. Погубивши бѣдную женщину самымъ вѣроломнымъ образомъ, [illegible] онъ на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея. — онъ рѣшился наконецъ сознаться себѣ, что онъ ее не любитъ, и что ему пора покончить съ ней. Такимъ образомъ его ту-пый идеалъ любви былъ въ-дребезги разбитъ опытомъ. Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою. Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собою безъ заслугъ, и неблагодаренъ, эгоистъ. Это открытіе [illegible] его, [illegible] его искать примиренія съ жизнію, войти настоящимъ путемъ. Онъ впалъ въ мертвую апатію и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ. Послѣдняя его любовная исторія гадка. Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки, и не могъ бы въ этомъ поступ-шеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно, когда есть для этого путь болѣе прямой и честный. Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ. Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткою и дядею. Здѣсь онъ обвинялъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Дядя по своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, разочаровавшись въ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нея, такъ-что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣхавши изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами въ стихахъ и прочелъ стихотвореніе Пушкина: *Художникъ-варваръ кистью сонной*.... Эти господа ни на часъ безъ поэзіи и стиховъ — такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и его нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это также, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящь, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея....

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ тетѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербугъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое доноитское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная *идея*, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью сиѣ-

лою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому-что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, и что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, дожившъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху — правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ завлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ. Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякой человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообра-

зналъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ можетъ быть не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, еслибъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклеиваетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его напр. славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ....

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому-что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самого конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать.... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать

свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли — и перестал̃ъ быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ Обыкновенной Исторіи впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ что̀ и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностію сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладится своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностію рисунка и тонкостію кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности, онѣ отличаются больше фактическою, нежели поэтическою истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія, — всегда поражающими оригинальностію и новостію. Главная сила таланта г. Гончарова — всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ напр. въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодаго Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія — агентъ второстепенный, а главный мысль, въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый и единственный...

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на искусственный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, нейдущаго къ дѣлу: это — не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при изящномъ, поэтическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, могъ бы споткнуться хоть какому таланту; но [illegible]

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и его нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это также, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея....

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ тетѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербугъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое доннтское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная *идея, живое лицо*, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью сме-

лою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому-что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, и что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, дожившъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху – правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ. Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякой человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообра-

Онъ пріѣхалъ въ деревню живымъ трупомъ; нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализирована; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его. Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ. Онъ наконецъ понялъ, что между нимъ и его нѣтъ ничего общаго, что еслибъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла бы это также, какъ Евсей и Аграфена. Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость. Мѣста — свидѣтели его дѣтства, расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастіе въ обманахъ и призракахъ. Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго. Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый. Онъ былъ добръ, любящъ, и не глупъ, не лишенъ образованія; всѣ несчастія его произошли оттого, что, будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго. Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души? Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: они отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея....

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ тетѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла, — это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербугъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкитское поприще. Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ. На сценѣ Петръ Иванычъ. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своею противоположностію съ героемъ романа лучше оттѣнить его. Это набросило на весь романъ нѣсколько дидактическій оттѣнокъ, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора. Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ — не абстрактная идея, живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью сме-

лою, широкою и вѣрною. О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно. Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это люди положительные и разсудительные. Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это мечтатели. Петръ Иванычъ по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому-что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, и что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше. Онъ составилъ себѣ непреложныя правила для жизни, сообразуясь съ своею натурою и съ здравымъ смысломъ. Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно-вѣрными. Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни. Каковы же были его изумленіе и ужасъ, когда, дожившъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху – правда одну только, но зато какую широкую. Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи, — и вдругъ увидѣлъ, что бѣдная жена его была жертвою его мудрости, что онъ заѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ. Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла! Видно, человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла! Видно на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба. Видно и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастіе, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякой человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственною натурою! Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: при всемъ своемъ умѣ, онъ не сообра-

зналъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую. Но на такой онъ можетъ быть не захотѣлъ бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительною вѣрностію; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ: это лицо вовсе фальшивое, неестественное. Такое перерожденіе для него было бы возможно только тогда, еслибъ онъ былъ обыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклеиваетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастію, часто бывалъ слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ. Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми. Авторъ имѣлъ бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ. Еще бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ; но всего лучше и естественнѣе было бы ему сдѣлать его напр. славянофиломъ. Тутъ Адуевъ остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ — вражда, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ только слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а все зрячіе и размягченные фантазіею давно это ясно видятъ. Тогда бы герой былъ вполнѣ современнымъ романтикомъ, и никому бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ....

Придуманная авторомъ развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому-что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самого конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать.... Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! Авторъ увлекся желаніемъ попробовать

свои силы на чуждой ему почвѣ — на почвѣ сознательной мысли — и перестал быть поэтомъ. Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера: тотъ и въ сферѣ чуждой для его таланта дѣйствительности умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ Обыкновенной Исторіи впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностію сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. Г. Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладится своею способностію рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ. Картины Искандера отличаются не столько вѣрностію рисунка и тонкостію кисти, сколько глубокимъ знаніемъ изображаемой имъ дѣйствительности, онѣ отличаются больше фактическою, нежели поэтическою истиною, увлекательны слогомъ не столько поэтическимъ, сколько исполненнымъ ума, мысли, юмора и остроумія, — всегда поражающими оригинальностію и новостію. Главная сила таланта г. Гончарова — всегда въ изящности и тонкости кисти, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и посторонныхъ обстоятельствъ, какъ напр. въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева. Въ талантѣ Искандера поэзія — агентъ второстепенный, а главный мысль; въ талантѣ г. Гончарова поэзія — агентъ первый и единственный....

Несмотря на неудачный, или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ г. Гончарова остается однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы. Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ между прочимъ языкъ чистый, правильный, легкій, свободный льющійся. Разсказъ г. Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація. Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядею и племянникомъ. Но для насъ эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа. Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это — не диспуты, а живые, страстные, драматическіе споры, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣка и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе. Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ, дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться, хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести г. Гончарову, чо онъ

такъ счастливо рѣшилъ трудную самое по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера (*).

Теперь у насъ на очереди *Разсказы Охотника*, г. Тургенева. Талантъ г. Тургенева имѣетъ много аналогій съ талантомъ Луганскаго (г. Даля). Настоящій родъ того и другого — физіологическіе очерки разныхъ сторонъ русскаго быта и русскаго люда. Г. Тургеневъ началъ свое литературное поприще лирическою поэзіею. Между его мелкими стихотвореніями есть пьесы три, четыре очень недурныхъ, какъ напр. *Старый помѣщикъ*, *Баллада*, *Ѳедя*, *Человѣкъ*, *какихъ много;* но эти пьесы удались ему потому, что въ нихъ или вовсе нѣтъ лиризму, или что въ нихъ главное не лиризмъ, а намеки на русскую жизнь. Собственно же лирическія стихотворенія г. Тургенева показываютъ рѣшительное отсутствіе самостоятельнаго лирическаго таланта. Онъ написалъ нѣсколько поэмъ. Первая изъ нихъ — *Параша*, была замѣчена публикою при ея появленіи, по бойкому стиху, веселой ироніи, вѣрнымъ картинамъ русской природы, а главное — по удачнымъ физіологическимъ очеркамъ помѣщичьяго быта въ подробностяхъ. Но прочному успѣху поэмы помѣшало то, что авторъ, пиша ея, вовсе не думалъ о физіологическомъ очеркѣ, а хлопоталъ о поэмѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ у него нѣтъ самостоятельнаго таланта къ этому роду поэзіи. Оттого все лучшее въ ней проблеснуло какъ-то случайно, невзначай. Потомъ онъ написалъ поэму — *Разговоръ*; стихи въ ней звучные и сильные, много чувства, ума, мысли; но какъ эта мысль чужая, заимствованная, то на первый разъ поэма могла даже понравиться, но прочесть ее вторично уже не захочется. Въ третьей поэмѣ г. Тургенева — *Андрей*, много хорошаго, потому-что много вѣрныхъ очерковъ русскаго быта; но въ цѣломъ поэма опять не удалась, потому-что это повѣсть любви, изображать которую не въ талантѣ автора. Письмо героини къ герою поэмы длинно растянуто, въ немъ больше чувствительности, нежели паѳоса. Вообще въ этихъ опытахъ г. Тургенева былъ замѣтенъ талантъ, но какой-то нерѣшительный и неопредѣленный. Онъ пробовалъ себя и въ повѣсти; написалъ *Андрея Колосова*, въ которомъ много прекрасныхъ очерковъ характеровъ и русской жизни, но какъ повѣсть, въ цѣломъ это произведеніе до того странно, не досказано, неуклюже, что очень не многіе замѣтили, что̀ въ ней было хорошаго. Замѣтно было, что г. Тургеневъ искалъ своей дороги и все еще не находилъ ея, потому-что это не всегда и не всѣмъ легко и скоро удается. Наконецъ г. Тургеневъ написалъ стихотворный разсказъ — *Помѣщикъ*,

(*) Романъ г. Гончарова на дняхъ вышелъ отдѣльно въ двухъ очень красивыхъ томикахъ. Продается въ конторѣ Современника; цѣна 1 р. 60 к сер. съ перес. 2 р. сер.

не поэму, а физіологическій очеркъ [illegible] хотите, но эта шутка какъ-то вышла далеко лучше всѣхъ нашихъ авторовъ. Бойкій эпиграмматическій стихъ, веселая [illegible] картинъ, вмѣстѣ съ этимъ выдержанность [illegible] отъ начала до конца,—все показываетъ, что г. Тургеневъ нашелъ наконецъ родъ своего таланта, взялся за свое, и что [illegible] оставлять ему вовсе стихи. Въ тоже время былъ напечатанъ его разсказъ въ прозѣ — *Три Портрета*, изъ котораго видно было, что г. Тургеневъ и въ прозѣ нашелъ свою настоящую дорогу. Наконецъ въ первой книжкѣ Современника за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ *Хорь и Калиныч*. Успѣхъ въ публикѣ этого небольшого разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы [illegible]. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него есть [illegible] творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ [illegible] въ такія отношенія между собою, изъ какихъ [illegible] романы или повести. Онъ можетъ изображать [illegible] виденную и изученную имъ, если угодно — тщательно, но изъ [illegible] даннаго дѣйствительностію матеріала. Это не [illegible] дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но [illegible] ваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ [illegible] типовое содержаніе по своему вкусу, и отъ этого [illegible] тина, болѣе живая, говорящая и полная [illegible] ный случай, подавшій ему [illegible] необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, [illegible] Притомъ, когда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только [illegible] знакомое ему лицо или событіе, которое онъ былъ [illegible] потому-что въ дѣйствительности [illegible] стоитъ только вѣрно передать на [illegible] признаки художественнаго [illegible] Но и для этого [illegible] талантъ, и таланты такого рода [illegible] случаяхъ, г. Тургеневъ обладаетъ [illegible] Главная характеристическая черта [illegible] что ему едва ли бы удалось [illegible] того которому онъ не встрѣтилъ въ [illegible] женъ держаться почвы [illegible] ему даны отъ природы богатыя [illegible] способность вѣрно и быстро [illegible] инстинктомъ разгадать его [illegible] догадкою и соображеніемъ [illegible] ній, когда распросы [illegible]

Не удивительно, что [illegible] — Хорь и [illegible]

такой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хорь, съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ «бабамъ», и сильною нелюбовью къ чистотѣ и опрятности — типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе, при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ — еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ разсказовъ охотника было напечатано прошлаго года въ Современникѣ семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціальнаго быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его разсказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. Хорь и Калинычъ до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника; за нимъ — *Бурмистръ*, а послѣ него *Однодворецъ Овсянниковъ* и *Контора*. Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ.

Хотя разсказъ г. Тургенева — *Петръ Петровичъ Каратаевъ*, напечатанный въ второй книжкѣ Современника за прошлый годъ, и не принадлежитъ къ ряду разсказовъ охотника; но это такой же мастерской физіологическій очеркъ характера чисто русскаго и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора выказался съ такою же полнотою, какъ и въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника.

Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ г. Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ диллетантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ, но беретъ ее какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную, русскую природу....

Г. Григоровичъ посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантѣ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Даля. Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта — *Деревня* (Отеч. Зап. 1846 г.) и въ особенности *Антонъ-Горемыка* (Соврем. 1847 г.) идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. *Антонъ Горемыка* — больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла.

Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вся вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ — мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ много.... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта; чѣмъ бо́льшая ихъ стая бѣжитъ вслѣдъ успѣха, тѣмъ значитъ успѣхъ огромнѣе....

Въ послѣдней книжкѣ Современника за прошлый годъ была напечатана *Полинька Сакс*, повѣсть г. Дружинина, лица совершенно новаго въ русской литературѣ. Многое въ этой повѣсти отзывается незрѣлостію мысли, преувеличеніемъ, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много таланта, и въ талантѣ такъ много самобытности, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе. Особенно хорошо въ ней выдержанъ характеръ героини повѣсти; видно, что авторъ хорошо знаетъ русскую женщину. Вторая повѣсть г. Дружинина, появившаяся въ нынѣшнемъ году, подтверждаетъ поданное первою повѣстью мнѣніе о самостоятельности таланта автора и позволяетъ многаго ожидать отъ него въ будущемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежитъ *Павелъ Алексѣевичъ Игривой*, повѣсть г. Даля (Отеч. Зап.). Карлъ Ивановичъ Гонобобель и ротмистръ Шилохвастовъ, какъ характеры, какъ типы принадлежатъ къ самымъ мастерскимъ очеркамъ пера автора. Впрочемъ всѣ лица въ этой повѣсти очерчены прекрасно, особенно дражайшіе родители Любоньки; но молодой Гонобобель и другъ его Шилохвастовъ — созданія геніяльныя. Это типы довольно знакомые многимъ по дѣйствительности, но искусство еще въ первый разъ воспользовалось ими и передало ихъ на пріятное знакомство всему міру. Повѣсть эта нравится не однѣми подробностями и частностями, какъ всѣ большія повѣсти г. Даля; она *почти* выдержана въ цѣломъ, какъ повѣсть. Говоримъ почти, потому-что трагическое для героя повѣсти событіе производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и непонятнаго. Человѣкъ такъ любилъ женщину, столько дѣлалъ для нея; она, повидимому, такъ любила его; безпутный мужъ ея умеръ; другъ спѣшитъ за-границу на свиданіе съ ней, окрыленный надеждами любви, и видитъ ее за-мужемъ за другимъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не хотѣлъ окрасить своего раз-

сказа тѣмъ колоритомъ, по которому читатель видѣлъ бы естественность такой развязки. Игривый – человѣкъ комически робкій и стыдливый, почему и дозволилъ двумъ негодяямъ изъ рукъ вырвать у него невѣсту. Во время страданій ея супружеской жизни, онъ велъ себя въ отношеніи къ ней какъ деликатнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но ни сколько какъ любовникъ: оттого ея оробѣвшее, запуганное чувство къ нему скоро обратилось въ благодарность, уваженіе, удивленіе, наконецъ въ благоговѣніе; она видѣла въ немъ друга, брата, отца, воплощенную добродѣтель, и уже потому самому не видѣла въ немъ любовника. Послѣ этого развязка понятна, равно какъ и то, что Игривый на всю остальную жизнь свою сдѣлался какимъ-то помѣшаннымъ шутомъ.

Въ Библіотекѣ для Чтенія прошлаго года тянулись *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго*, г. Вельтмана, кончившіяся во второй книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ. Такъ какъ этотъ романъ начался кажется въ 1846 г., то мы о немъ уже имѣли случай говорить. И потому снова повторимъ, что въ этомъ произведеніи романъ смѣшанъ съ сказкою, невѣроятное съ вѣроятнымъ, невозможное съ возможнымъ. Такъ напр. Дмитрицкій, герой романа, воспользовался бумагами и платьемъ простофили молодого купчика, который, какъ нарочно, былъ очень похожъ на него лицомъ, является къ его отцу въ качествѣ его сына. Онъ такъ ловко играетъ свою роль, что ни отецъ, ни мать и никто изъ домашнихъ ни одну минуту не возымѣлъ подозрѣнія въ тожествѣ самозванца съ настоящимъ сыномъ. Самозванецъ женится на богатой невѣстѣ, и, узнавши въ ночь брака, что настоящій сынъ появился, тотчасъ же выбирается изъ чужого гнѣзда съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, полученныхъ въ приданое за женою, и съ другого же дня начинаетъ играть въ московскомъ большомъ свѣтѣ роль богатаго венгерскаго магната. Мудрено что-то! Но поставивши свои лица въ невѣроятныя положенія, авторъ тѣмъ не менѣе увлекательно описываетъ ихъ похожденія. Но тамъ, гдѣ въ романѣ нѣтъ натяжекъ, талантъ автора является въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Такъ напр. похожденія настоящаго сына, который все сбирается и никакъ не можетъ рѣшиться броситься въ ноги къ своему «тятинькѣ», боясь, что дражайшій родитель сразу пришибетъ его на смерть, исполнены истины, глубокаго знанія дѣйствительности, увлекающаго интереса. Такихъ прекрасныхъ эпизодовъ въ романѣ г. Вельтмана много. Лучше всего даются ему изображенія купеческихъ, мѣщанскихъ и простонародныхъ нравовъ. Слабѣе всего у него картины большого свѣта. Такъ напр. у него важную роль играетъ великосвѣтскій молодой человѣкъ Чаровъ, котораго вся свѣтскость состоитъ въ томъ, что онъ всѣмъ своимъ прія-

телямъ и знакомымъ говоритъ: ска-атина, уу—родъ!... Несмотря на всѣ странности и, можно сказать, нелѣпости романа г. Вельтмана, это все-таки очень замѣчательное произведеніе.

Теперь упоманемъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ менѣе замѣчательныхъ. Въ Отеч. Зап. была напечатана повѣсть г. Нестроева — Сбоевъ. Въ ней съ большимъ искусствомъ обрисованъ внутренній семейный бытъ одного московскаго чиновника. Особенно оригинально и тонко обрисованъ характеръ бѣдной жены Ивана Кириловича, Анны Ивановны. Нечаянно разбитое большое зеркало наводитъ на читателя невольный ужасъ: такъ мастерски авторъ умѣлъ намекнуть, чего должно было ожидать себѣ бѣдное семейство отъ своего почтеннаго главы.... Но это только задній планъ повѣсти; ея главное основано на любви Сбоева къ Ольгѣ дочери титулярнаго совѣтника, и вообще на оригинальномъ характерѣ этихъ двухъ лицъ. Но этато главная сторона повѣсти и вышла неудачно. Личности героя и героини какъ-то неестественны, не то, чтобы такіе люди не могли существовать въ природѣ, они только не удались автору повѣсти. И не мудрено: въ началѣ ея авторъ самъ говоритъ, что его повѣсть была вызвана чужою повѣстью: заимствованныя мысли рѣдко удаются. Въ концѣ обѣщана новая повѣсть, которая должна служить окончаніемъ первой: такія обѣщанія тоже рѣдко удаются... Въ Современникѣ была напечатана повѣсть того же автора — *Безъ разсвѣта*. Мысль повѣсти прекрасна и могла бы обѣщать повѣсти бо́льшій успѣхъ, нежели какой она имѣла; причиною этого было, кажется намъ, то обстоятельство, что второстепенныя лица въ повѣсти всѣ обрисованы болѣе или менѣе удачно (характеръ мужа героини даже мастерски), тогда какъ характеръ героини вышелъ у него крайне безцвѣтенъ. Это существо вялое, отрицательное, безъ всякаго сопротивленія къ гнетущимъ ея обстоятельствамъ; могло ли оно возбудить къ себѣ какое-либо сочувствіе въ читателяхъ. То ли дѣло Полинька Саксъ! Воспитаніе сдѣлало ее ребенкомъ, но опытъ жизни пробудилъ въ ней сознаніе и сдѣлалъ ее женщиной. Умирая она писала къ своей пріятельницѣ: «Напрасно братъ твой спитъ у монхъ ногъ и по глазамъ моимъ угадываетъ мои желанія. Я не могу любить его, я не могу понимать его, онъ не мужчина, онъ дитя: я стара для его любви. Это *онъ* человѣкъ, *онъ* мужчина во всемъ смыслѣ слова: душа его и велика и спокойна.... Я люблю его, не перестану любить его».

Намъ остается упомянуть еще о *Запискахъ Человѣка*, Ста Одного (Отеч. Зап.), о *Кирюшѣ*, разсказѣ неизвѣстнаго автора, и о *Жидѣ* г. Тургенева, чтобы докончить нашъ критическій перечень всего сколько-нибудь замѣчательнаго, что̀ явилось въ прошломъ году по части романовъ, повѣстей и разсказовъ. Но мы должны сказать еще

такой успѣхъ: въ ней авторъ зашелъ къ народу съ такой стороны, съ какой до него къ нему никто еще не заходилъ. Хорь, съ его практическимъ смысломъ и практическою натурою, съ его грубымъ, но крѣпкимъ и яснымъ умомъ, съ его глубокимъ презрѣніемъ къ «бабамъ», и сильною нелюбовью къ чистотѣ и опрятности — типъ русскаго мужика, умѣвшаго создать себѣ значущее положеніе, при обстоятельствахъ весьма неблагопріятныхъ. Но Калинычъ — еще болѣе свѣжій и полный типъ русскаго мужика: это поэтическая натура въ простомъ народѣ. Съ какимъ участіемъ и добродушіемъ авторъ описываетъ намъ своихъ героевъ, какъ умѣетъ онъ заставить читателей полюбить ихъ отъ всей души! Всѣхъ разсказовъ охотника было напечатано прошлаго года въ Современникѣ семь. Въ нихъ авторъ знакомитъ своихъ читателей съ разными сторонами провинціальнаго быта, съ людьми разныхъ состояній и званій. Не всѣ его разсказы одинаковаго достоинства: одни лучше, другіе слабѣе, но между ними нѣтъ ни одного, который бы чѣмъ-нибудь не былъ интересенъ, занимателенъ и поучителенъ. Хорь и Калинычъ до сихъ поръ остается лучшимъ изъ всѣхъ разсказовъ охотника; за нимъ — *Бурмистръ*, а послѣ него *Однодворецъ Овсянниковъ* и *Контора*. Нельзя не пожелать, чтобы г. Тургеневъ написалъ еще хоть цѣлые томы такихъ разсказовъ.

Хотя разсказъ г. Тургенева — *Петръ Петровичъ Каратаевъ*, напечатанный въ второй книжкѣ Современника за прошлый годъ, и не принадлежитъ къ ряду разсказовъ охотника; но это такой же мастерской физіологическій очеркъ характера чисто русскаго и притомъ съ московскимъ оттѣнкомъ. Въ немъ талантъ автора выказался съ такою же полнотою, какъ и въ лучшихъ изъ разсказовъ охотника.

Не можемъ не упомянуть о необыкновенномъ мастерствѣ г. Тургенева изображать картины русской природы. Онъ любитъ природу не какъ диллетантъ, а какъ артистъ, и потому никогда не старается изображать ее только въ поэтическихъ ея видахъ, но беретъ ее какъ она ему представляется. Его картины всегда вѣрны, вы всегда узнаете въ нихъ нашу родную, русскую природу....

Г. Григоровичъ посвятилъ свой талантъ исключительно изображенію жизни низшихъ классовъ народа. Въ его талантѣ тоже много аналогіи съ талантомъ г. Даля. Онъ также постоянно держится на почвѣ хорошо извѣстной и изученной имъ дѣйствительности; но его два послѣдніе опыта — *Деревня* (Отеч. Зап. 1846 г.) и въ особенности *Антонъ-Горемыка* (Соврем. 1847 г.) идутъ гораздо дальше физіологическихъ очерковъ. *Антонъ Горемыка* — больше, чѣмъ повѣсть: это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла.

Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вся вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ – мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ, онъ лицо трагическое, въ полномъ значеніи этого слова. Эта повѣсть трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ итти по этой дорогѣ, на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многого.... И пусть онъ не смущается бранью хулителей: эти господа полезны и необходимы для вѣрнаго опредѣленія объема таланта; чѣмъ бо́льшая ихъ стая бѣжитъ вслѣдъ успѣха, тѣмъ значитъ успѣхъ огромнѣе....

Въ послѣдней книжкѣ Современника за прошлый годъ была напечатана *Полинька Сакс*, повѣсть г. Дружинина, лица совершенно новаго въ русской литературѣ. Многое въ этой повѣсти отзывается незрѣлостію мысли, преувеличеніемъ, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, въ повѣсти такъ много истины, такъ много душевной теплоты и вѣрнаго сознательнаго пониманія дѣйствительности, такъ много таланта, и въ талантѣ такъ много самобытности, что повѣсть тотчасъ же обратила на себя общее вниманіе. Особенно хорошо въ ней выдержанъ характеръ героини повѣсти; видно, что авторъ хорошо знаетъ русскую женщину. Вторая повѣсть г. Дружинина, появившаяся въ нынѣшнемъ году, подтверждаетъ поданное первою повѣстью мнѣніе о самостоятельности таланта автора и позволяетъ многаго ожидать отъ него въ будущемъ.

Къ замѣчательнѣйшимъ повѣстямъ прошлаго года принадлежитъ *Павелъ Алексѣевичъ Игривой*, повѣсть г. Даля (Отеч. Зап.). Карлъ Ивановичъ Гонобобель и ротмистръ Шилохвастовъ, какъ характеры, какъ типы принадлежатъ къ самымъ мастерскимъ очеркамъ пера автора. Впрочемъ всѣ лица въ этой повѣсти очерчены прекрасно, особенно дражайшіе родители Любоньки; но молодой Гонобобель и другъ его Шилохвастовъ – созданія геніяльныя. Это типы довольно знакомые многимъ по дѣйствительности, но искусство еще въ первый разъ воспользовалось ими и передало ихъ на пріятное знакомство всему міру. Повѣсть эта нравится не однѣми подробностями и частностями, какъ всѣ большія повѣсти г. Даля; она *почти* выдержана въ цѣломъ, какъ повѣсть. Говоримъ почти, потому-что трагическое для героя повѣсти событіе производитъ на читателя впечатлѣніе чего-то неожиданнаго и непонятнаго. Человѣкъ такъ любилъ женщину, столько дѣлалъ для нея; она, повидимому, такъ любила его; безпутный мужъ ея умеръ; другъ спѣшитъ за-границу на свиданіе съ ней, окрыленный надеждами любви, и видитъ ее за-мужемъ за другимъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не хотѣлъ окрасить своего раз-

сказа тѣмъ колоритомъ, по которому читатель видѣлъ бы естественность такой развязки. Игривый — человѣкъ комически робкій и стыдливый, почему и дозволилъ двумъ негодяямъ изъ рукъ вырвать у него невѣсту. Во время страданій ея супружеской жизни, онъ велъ себя въ отношеніи къ ней какъ деликатнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но ни сколько какъ любовникъ: оттого ея оробѣвшее, запуганное чувство къ нему скоро обратилось въ благодарность, уваженіе, удивленіе, наконецъ въ благоговѣніе; она видѣли въ немъ друга, брата, отца, воплощенную добродѣтель, и уже потому самому не видѣла въ немъ любовника. Послѣ этого развязка понятна, равно какъ и то, что Игривый на всю остальную жизнь свою сдѣлался какимъ-то помѣшаннымъ шутомъ.

Въ Библіотекѣ для Чтенія прошлаго года тянулись *Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго*, г. Вельтмана, кончившіяся во второй книжкѣ этого журнала на нынѣшній годъ. Такъ какъ этотъ романъ начался кажется въ 1846 г., то мы о немъ уже имѣли случай говорить. И потому снова повторимъ, что въ этомъ произведеніи романъ смѣшанъ съ сказкою, невѣроятное съвѣроятнымъ, невозможное съ возможнымъ. Такъ напр. Дмитрицкій, герой романа, воспользовался бумагами и платьемъ простофили молодого купчика, который, какъ нарочно, былъ очень похожъ на него лицомъ, является къ его отцу въ качествѣ его сына. Онъ такъ ловко играетъ свою роль, что ни отецъ, ни мать и никто изъ домашнихъ ни одну минуту не возымѣлъ подозрѣнія въ тожествѣ самозванца съ настоящимъ сыномъ. Самозванецъ женится на богатой невѣстѣ, и, узнавши въ ночь брака, что настоящій сынъ появился, тотчасъ же выбирается изъ чужого гнѣзда съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, полученныхъ въ приданое за женою, и съ другого же дня начинаетъ играть въ московскомъ большомъ свѣтѣ роль богатаго венгерскаго магната. Мудрено что-то! Но поставивши свои лица въ невѣроятныя положенія, авторъ тѣмъ не менѣе увлекательно описываетъ ихъ похожденія. Но тамъ, гдѣ въ романѣ нѣтъ натяжекъ, талантъ автора является въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ. Такъ напр. похожденія настоящаго сына, который все сбирается и никакъ не можетъ рѣшиться броситься въ ноги къ своему «тятинькѣ», боясь, что дражайшій родитель сразу пришибетъ его на смерть, исполнены истины, глубокаго знанія дѣйствительности, увлекающаго интереса. Такихъ прекрасныхъ эпизодовъ въ романѣ г. Вельтмана много. Лучше всего даются ему изображенія купеческихъ, мѣщанскихъ и простонародныхъ нравовъ. Слабѣе всего у него картины большого свѣта. Такъ напр. у него важную роль играетъ великосвѣтскій молодой человѣкъ Чаровъ, котораго вся свѣтскость состоитъ въ томъ, что онъ всѣмъ своимъ прія-

телямъ и знакомымъ говоритъ: ска-атина, уу—родъ!... Несмотря на всѣ странности и, можно сказать, нелѣпости романа г. Вельтмана, это все-таки очень замѣчательное произведеніе.

Теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ менѣе замѣчательныхъ. Въ Отеч. Зап. была напечатана повѣсть г. Нестроева — Сбоевъ. Въ ней съ большимъ искусствомъ обрисованъ внутренній семейный бытъ одного московскаго чиновника. Особенно оригинально и тонко обрисованъ характеръ бѣдной жены Ивана Кириловича, Анны Ивановны. Нечаянно разбитое большое зеркало наводитъ на читателя невольный ужасъ: такъ мастерски авторъ умѣлъ намекнуть, чего должно было ожидать себѣ бѣдное семейство отъ своего почтеннаго главы.... Но это только задній планъ повѣсти; ея главное основано на любви Сбоева къ Ольгѣ дочери титулярнаго совѣтника, и вообще на оригинальномъ характерѣ этихъ двухъ лицъ. Но это главная сторона повѣсти и вышла неудачно. Личности героя и героини какъ-то неестественны, не то, чтобы такіе люди не могли существовать въ природѣ, они только не удались автору повѣсти. И не мудрено: въ началѣ ея авторъ самъ говоритъ, что его повѣсть была вызвана чужою повѣстью: заимствованныя мысли рѣдко удаются. Въ концѣ обѣщана новая повѣсть, которая должна служить окончаніемъ первой: такія обѣщанія тоже рѣдко удаются... Въ Современникѣ была напечатана повѣсть того же автора — *Безъ разсвѣта*. Мысль повѣсти прекрасна и могла бы обѣщать повѣсти бо́льшій успѣхъ, нежели какой она имѣла; причиною этого было, кажется намъ, то обстоятельство, что второстепенныя лица въ повѣсти всѣ обрисованы болѣе или менѣе удачно (характеръ мужа героини даже мастерски), тогда какъ характеръ героини вышелъ у него крайне безцвѣтенъ. Это существо вялое, отрицательное, безъ всякаго сопротивленія къ гнетущимъ ея обстоятельствамъ; могло ли оно возбудить къ себѣ какое-либо сочувствіе въ читателяхъ. То ли дѣло Полинька Саксъ! Воспитаніе сдѣлало ее ребенкомъ, но опытъ жизни пробудилъ въ ней сознаніе и сдѣлалъ ее женщиной. Умирая она писала къ своей пріятельницѣ: «Напрасно братъ твой спитъ у моихъ ногъ и по глазамъ моимъ угадываетъ мои желанія. Я не могу любить его, я не могу понимать его, онъ не мужчина, онъ дитя: я стара для его любви. Это *онъ* человѣкъ, *онъ* мужчина во всемъ смыслѣ слова: душа его и велика и спокойна.... Я люблю его, не перестану любить его».

Намъ остается упомянуть еще о *Запискахъ Человѣка*, Ста Одного (Отеч. Зап.), о *Кирюшѣ*, разсказѣ неизвѣстнаго автора, и о *Жидѣ* г. Тургенева, чтобы докончить нашъ критическій перечень всего сколько-нибудь замѣчательнаго, что̀ явилось въ прошломъ году по части романовъ, повѣстей и разсказовъ. Но мы должны сказать еще

нѣсколько словъ о *Хозяйкѣ*, повѣсти г. Достоевскаго, весьма замѣчательной, но только совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ. Будь подъ нею подписано какое-нибудь неизвѣстное, имя, мы бы не сказали о ней ни слова. Герой повѣсти — нѣкто Ордыновъ; онъ весь погрузился въ занятія науками; какими — объ этомъ авторъ не сказалъ своимъ читателямъ, хотя на этотъ разъ ихъ любопытство было очень законно. Наука кладетъ свою печать не только на мнѣнія, но и на дѣйствія человѣка: вспомните доктора Крупова. Изъ словъ и дѣйствій Ордынова нисколько не видно, чтобъ онъ занимался какою-нибудь наукою; но можно догадываться изъ нихъ, что онъ сильно занимался кабалистикою, чернокнижіемъ, — словомъ, *чаромутіемъ*.... Но вѣдь это не наука, а сущій вздоръ; но тѣмъ не менѣе и она наложила на Ордынова свою печать, т. е. сдѣлала его похожимъ на поврежденнаго и помѣшаннаго. Ордыновъ встрѣчаетъ гдѣ-то красавицу-купчиху; не помнимъ, сказалъ ли авторъ что-нибудь о цвѣтѣ ея зубовъ, но должно быть, что зубы у ней были бѣлые, въ видѣ исключенія, ради бо́льшей поэзіи повѣсти. Они шли объ руку съ пожилымъ купцомъ, одѣтымъ по-купечески и съ бородою. Въ глазахъ у него столько электричества, галванизма и магнетизма, что иной физіологъ предложилъ бы ему хорошую цѣну за то, чтобъ онъ снабжалъ его по временамъ сели не глазами, то хоть молніеносными, искрящимися взглядами, для ученыхъ наблюденій и опытовъ. Герой нашъ тотчасъ же влюбился въ купчиху; несмотря на магнетическіе взгляды и ядовитую усмѣшку фантастическаго купца, онъ не только узналъ, гдѣ они живутъ, но и какими-то судьбами навязался къ нимъ въ жильцы и занялъ особую комнату. Тутъ пошли любопытныя сцены: купчиха несла какую-то дичь, въ которой мы не поняли ни единаго слова, а Ордыновъ, слушая ее, безпрестанно падалъ въ обморокъ. Часто тутъ вмѣшивался купецъ, съ его огненными взглядами и съ сардоническою улыбкою. Что́ они говорили другъ другу, изъ чего такъ махали руками, кривлялись, ломались, замирали, обмирали, приходили въ чувство, — мы рѣшительно не знаемъ, потому-что изо всѣхъ этихъ длинныхъ патетическихъ монологовъ не поняли ни единаго слова. Не только мысль, даже смыслъ этой, должно быть, очень интересной повѣсти остается и останется тайной для нашего разумѣнія, пока авторъ не издастъ необходимыхъ поясненій и токованій на эту дивную загадку его причудливой фантазіи. Что́ это такое — злоупотребленіе или бѣдность таланта, который хочетъ подняться не по силамъ, и потому боится итти обыкновеннымъ путемъ, и ищетъ себѣ какой-то небывалой дороги? Не знаемъ; намъ только показалось, что авторъ хотѣлъ попытаться помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши сюда не много юмору въ новѣйшемъ

родѣ и сильно натеревши все это лакомъ русской народности. Удивительно ли, что вышло что-то чудовищное, напоминающее теперь фантастическіе разсказы Тита Космократова, забавлявшаго ими публику въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Во всей этой повѣсти нѣтъ ни одного простого и живого слова или выраженія: все изысканно, натянуто, на ходуляхъ, поддѣльно и фальшиво. Что̀ за фразы: Ордыновъ *бичуется* такимъ-то невѣдомо сладостнымъ и упорнымъ чувствомъ; проходитъ мимо *остроумной* мастерской гробовщика; называетъ свою возлюбленную голубицею и спрашиваетъ, изъ какого неба она залетѣла въ его небеса; но довольно, боимся увлечься выписками диковинныхъ фразъ этой повѣсти — конца имъ не было бы. Что̀ это такое? Странная вещь! непонятная вещь!...

Изъ отдѣльно вышедшихъ въ прошломъ году книгъ по части изящной словесности замѣчательны только *Путевыя Замѣтки*, Т.Ч. Это маленькая, красиво напечатанная книжка, вышедшая въ Одессѣ; авторъ — женщина; это видно по всему, особенно по взгляду на предметы. Много сердечной теплоты, много чувства, жизнь, не всегда понятая или понятая уже слишкомъ по-женски, но никогда не набѣленная, не нарумяненная, не преувеличенная, не искаженная, увлекательный разсказъ, прекрасный языкъ: вотъ достоинство двухъ разсказовъ г-жи Т. Ч. Особенно интересенъ первый разсказъ — *Три варіаціи на старую тему*. Взрослая дѣвушка влюбилась въ мальчика. Потомъ она потеряла его изъ виду и вышла за-мужъ за человѣка добраго и порядочнаго, но къ которому она не чувствовала ничего особеннаго. Вдругъ она встрѣчается съ Лёлей, который теперь уже сталъ Алексисомъ. У нихъ завязалось нѣчто въ родѣ особенныхъ отношеній, которыя разрѣшились страстнымъ поцалуемъ съ обѣихъ сторонъ, полнымъ объясненіемъ и отъѣздомъ Алексиса, по настоятельному требованію героини, въ которой любовь не побѣдила чувства долга. Потомъ она уѣхала съ больнымъ мужемъ на воды за-границу. Тамъ она получила письмо отъ одной изъ своихъ пріятельницъ, изъ котораго она узнала, что Алексисъ ее любитъ страстно. Письмо это сильно взволновало ее. Разъ перечитывая его и мечтая объ Алексисѣ, она вдругъ услышала въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ былъ мужъ ея, какой-то странный шумъ. Вбѣгаетъ — и видитъ своего мужа почти въ обморокѣ; съ нимъ случился жестокій чахоточный припадокъ. Оправившись нѣсколько, онъ началъ говорить ей о своей скорой смерти, благодарилъ ее за вниманіе и попеченіе о немъ, радовался что оставляетъ ее не безъ состоянія, и совѣтывалъ ей выйти за мужъ, такъ какъ она молода, хороша и дѣтей у нихъ не было. По обыкновенію всѣхъ восторженныхъ женщинъ, она съ ужасомъ отвергла послѣднее предложеніе. Затѣмъ ее начали мучить угрызенія совѣсти. И

какъ же иначе: мужъ ея умиралъ и благодарилъ ее за любовь и вниманіе къ нему, а она въ это время думала о другомъ, любила другого. Бѣдная женщина чуть было не разсказала свою тайну умирающему мужу: къ счастію случившійся съ ней обморокъ помѣшалъ этому ненужному и нелѣпому признанію, которое могло только отравить послѣднія минуты добраго и благороднаго человѣка. Такова логика восторженной женщины!... Мужъ героини умеръ; ей было 35 лѣтъ, когда она увидѣла Алексѣя Петровича; онъ былъ женатъ и жилъ честолюбіемъ. Героиня наша едва могла подавить свое волненіе при видѣ его; но онъ обошелся съ ней съ холодною вѣжливостью. Тутъ она совершенно разочаровалась въ извергахъ — мужчинахъ, и горько плакала. Какъ! онъ все забылъ! да что же ему помнить-то? Поцалуй? исторію любви, которая ничѣмъ не кончилась и прервалась въ самомъ началѣ, одну изъ тѣхъ исторій, которыя со многими мужчинами случаются не одинъ разъ въ жизни? У мужчины много интересовъ въ жизни, и потому память его удерживаетъ только исторіи, которыя посерьезнѣе одного поцалуя. Женщина — другое дѣло: она вся живетъ исключительно въ любви, и тѣмъ болѣе своими внутренними ощущеніями, чѣмъ болѣе обязана скрывать ихъ. Женщины особенно падки до любовныхъ исторій, которыя не оканчиваются ничѣмъ серьёзнымъ, въ которыхъ не нужно ничѣмъ рисковать, ничѣмъ жертвовать, можно измѣнить мужу въ сердцѣ — и остаться формально вѣрною своимъ обѣтамъ, удовлетворить потребности любить, и свято выполнить налагаемыя обществомъ обязанности. Героиня второй повѣсти — *гувернантка*, одна изъ тѣхъ женщинъ, у которыхъ фантазія преобладаетъ надъ сердцемъ, которыхъ надо аттаковать съ головы, т. е. прежде всего надо чѣмъ-нибудь удивить, поразить, возбудить любопытство, не красотой, такъ безобразіемъ, не умомъ, такъ глупостью, не достоинствомъ — такъ странностью, не добродѣтелью, такъ порокомъ. За ней волочится безобразный собой, нисколько не любившій ее человѣкъ; и ее же любитъ страстно благородный, красивый собою мужчина. Она знаетъ цѣну обоимъ имъ—и, какъ бабочка на огонь, рвется къ первому. Повѣсть разсказана хорошо; но видно героиня не возбудила къ себѣ особеннаго участія, и потому первая повѣсть больше понравилась всѣмъ, нежели вторая. Въ обѣихъ видѣнъ талантъ, отъ котораго можно надѣяться хорошихъ результатовъ, если онъ будетъ развиваться.

Изъ иностранныхъ замѣчательныхъ романовъ, въ Современникѣ и въ Отеч. Зап. была переведена *Лукреція Флоріани* (о ней было уже говорено въ нашемъ журналѣ) и продолжается переводомъ: *Торговый домъ подъ фирмою Домби и Сынъ*; когда этотъ превосходный романъ, далеко оставившій за собою всѣ прежнія произведенія Диккенса, появится весь въ русскомъ переводѣ, мы поговоримъ о немъ.

Къ разряду словесности принадлежатъ записки или воспоминанія былого. Въ Современникѣ были помѣщены двѣ интересныя статьи такого рода: *Изъ записокъ Артиста*, — на, и *Иванъ Филиповичъ Вернетъ, швейцарскій уроженецъ и русскій писатель*, г. *Л.* Тутъ же упомянемъ мы о прекрасной, интересной по содержанію и изложенію статьѣ г. Небольсина: *Разсказы о Сибирскихъ золотыхъ пріискахъ*, которая такъ долго тянулась въ смѣси Отеч. Зап. *Письма объ Испаніи* (въ Соврем.) г. Боткина были неожиданно пріятною новостью въ русской литературѣ. Испанія для насъ — терра инкогнита. Политическія извѣстія только сбиваютъ съ толку всякаго, кто бы захотѣлъ получить понятіе о положеніи этой земли. Главная заслуга автора писемъ объ Испаніи состоитъ въ томъ, что онъ на все смотрѣлъ собственными глазами, не увлекаясь готовыми сужденіями объ Испаніи, разсѣянными въ книгахъ, журналахъ и газетахъ; вы чувствуете изъ его писемъ, что онъ сперва насмотрѣлся, наслышался, разспросилъ и изучилъ, и потомъ уже составилъ свое понятіе о странѣ. Оттого взглядъ его на нее новъ, оригиналенъ, и все завѣряетъ читателя въ его вѣрности, въ томъ, что онъ знакомится не съ какою-нибудь фантастическою, а съ дѣйствительно существующею страною. Увлекательное изложеніе еще болѣе возвышаетъ достоинство писемъ г. Боткина. Письма изъ *Avenue Marigny* были встрѣчены нѣкоторыми читателями почти съ неудовольствіемъ, хотя въ большинствѣ нашли только одобреніе. Дѣйствительно, авторъ невольно впалъ въ ошибочность при сужденіи о состояніи современной Франціи, тѣмъ, что слишкомъ тѣсно понялъ значеніе слова: *bourgoisie*. Онъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ только богатыхъ капиталистовъ, и исключилъ изъ нея самую многочисленную, и потому самую важную массу этого сословія.... Несмотря на это, въ письмахъ изъ *Avenue Marigny* такъ много живого, увлекательнаго, интереснаго, умнаго и вѣрнаго, что нельзя не читать ихъ съ удовольствіемъ, даже во многомъ не соглашаясь съ авторомъ. Въ этотъ же разрядъ статей смѣшаннаго содержанія, но по формѣ принадлежащихъ болѣе къ отдѣлу словесности, отнесемъ мы: *Новыя варіаціи на старыя темы*, Искандера (въ Соврем.); *Разсказы* г. Ферри (тамъ же); Странствованіе португальца Фернана-Мендеза Пинто, описаныя имъ самимъ и изданныя въ 1614 году, переводъ съ стариннаго португальскаго языка, г. Бутакова; и Антонію Пересъ и Филиппъ II, соч. Минье (въ Отеч. Зап.).

Въ прошломъ году журналы наши были особенно богаты замѣчательными учеными статьями. Назовемъ здѣсь главнѣйшія: Въ Отечественныхъ Запискахъ: Пролетаріи и Пауперизмъ въ Англіи и во Франціи *(три статьи)*. Физико-астрономическое обозрѣніе солнеч-

ной системы. *Д. М. Перевощикова.* Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты *(три статьи).* — Открытіе Генке и Леверье, *Д. М. Перевощикова.* — Причины колебанія цѣнъ на хлѣбъ. *А. П. Заблоцкаго.* Въ Современникѣ: Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи. *К. Д. Кавелина.* — Изслѣдованіе объ элевсинскихъ таинствахъ. *Графа С. С. Уварова.* — Даніилъ Романовичъ король Галицкій, *С. М. Соловьева.* — Важность и успѣхи физіологіи, *К. Литре.* — Опытъ общеполезнаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ. *А. Савича.* — Константинополь въ IV вѣкѣ. — О возможности опредѣлительныхъ мѣръ довѣрія къ результатамъ наукъ наблюдательныхъ, и въ особенности статистики. *Академика Буняковскаго.* — Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ (*двѣ статьи*). *А. Аѳанасьева.* — Мальтусъ и его противники. *В. Милютина.* — Александръ фонъ-Гумбольдтъ и его космосъ (*двѣ статьи*). *Н. Г. Флорова.* Ирландія. *Н. Сатина.* Въ Библіотекѣ для Чтенія тянулась слишкомъ полгода очень любопытная статья подъ названіемъ: Путешествія и открытія Лейтенанта Загоскина въ Русской Америкѣ, вышедшая теперь отдѣльной книгой подъ другимъ заглавіемъ.

Статья г-на Кавелина: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», и статья г-на Заблоцкаго: «О причинахъ колебанія цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи» безъ сомнѣнія принадлежатъ къ зачательнѣйшимъ явленіямъ нашей ученой литературы прошлаго года. Чрезвычайно замѣчательны также въ своемъ родѣ статьи г-на Порошина, печатавшіяся въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ».

Мы не пересчитываемъ здѣсь сочиненій разнаго рода, вышедшихъ въ прошломъ году отдѣльными книгами, потому-что бо́льшая часть ихъ разобрана въ критикѣ и библіографіи Современника, а остальныя поименованы въ «Библіографическихъ извѣстіяхъ», приложенныхъ къ VII и XII-мъ книжкамъ Современника прошлаго года....

Изъ критическихъ статей прошлаго года замѣчательны на слѣдующія книги: *Историко-критическіе отрывки, г. Погодина; Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи; Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ; Еврейскія религіозныя секты въ Россіи,* г. Григорьева, *сочиненія Фонвизина,* изд. Смирдинымъ (въ Отеч. Зап.). Двѣ послѣднія статьи, кромѣ своего внутренняго и внѣшняго достоинства, особенно интересны еще тѣмъ, что принадлежатъ автору, до сихъ поръ нигдѣ не писавшему. Въ статьяхъ г. Дудышкина видно знаніе дѣла; онъ хорошо пользуется историческимъ изученіемъ развитія, чтобы объяснять имъ литературныя произведенія данной эпохи. Обыкновенно главный недостатокъ первыхъ статей состоитъ въ длинно́тѣ и многословіи; иногда въ такой

статьѣ почти ничего не говорится о книгѣ, на которую она написана, но насказано много иногда и хорошаго, но всегда некстати о предметахъ, вовсе чуждыхъ разбираемой книгѣ. Г. Дудышкинъ умѣлъ избѣжать этихъ недостатковъ; видно, что онъ взялся за дѣло съ готовымъ уже содержаніемъ въ головѣ, вполнѣ владѣетъ своею мыслію, не даетъ ей разбѣгаться или увлекать его то въ ту, то въ другую сторону; но постоянно держитъ ее на данномъ предметѣ, и оттого начинаетъ съ начала и оканчиваетъ въ концѣ, говоритъ вмѣру, и потому вполнѣ знакомитъ читателя съ предметомъ, о которомъ пишетъ. Мы не можемъ говорить обо всѣхъ критическихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Современникѣ прошлаго года: близость къ этому журналу нѣкоторыхъ лицъ, которымъ принадлежатъ статьи, не позволяетъ намъ этого. И потому мы должны только ограничиться указаніемъ на статьи: *Послѣдніе романы Жоржа Санда*, г. Кронеберга; *Историческая литература во Франціи и Германіи въ 1847 году*, г. Грановскаго; *Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи*, соч. г. Бутовскаго (три статьи г. Милютина); статья г. Кавелина объ *Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома*, соч. С. Соловьева. Замѣтимъ къ этому, что Современникъ представлялъ постоянно полные отчеты о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ по части русской исторіи. Но вмѣстѣ съ этимъ Современникъ долженъ сказать, что, по причинамъ, вовсе независящимъ отъ редакціи, онъ въ другихъ отношеніяхъ несовсѣмъ соотвѣтствовалъ ожиданію публики по части критики. Но въ нынѣшнемъ году онъ надѣется дать этому отдѣлу гораздо больше полноты и развитія.

Русская критика стоитъ теперь на болѣе прочномъ основаніи: она уже не въ однихъ журналахъ, но и въ публикѣ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивающагося вкуса и образованности. Это чрезвычайно должно благопріятствовать развитію самой критики: она уже дѣло, подлежащее суду общественнаго мнѣнія, а не книжное, неимѣющее связи съ жизнію занятіе. Теперь уже не всякому можно быть критикомъ, кому только вздумается, не всякое мнѣніе примется потому только, что оно печатное. Пристрастіе партій не можетъ уже убить хорошей книги и дать ходъ дурной. Въ критикѣ нынѣшней часто слышится убѣжденіе, и люди вовсе его неимѣющіе стараются по-крайней-мѣрѣ прикрываться имъ. Борьба мнѣній, выражающаяся въ критикѣ, свидѣтельствуетъ, что русская литература только быстро подвигается къ совершеннолѣтію, но еще не достигла его. Конечно вездѣ есть люди, которые какъ-будто самою природою назначены всѣхъ затрогивать, ко всѣмъ придираться, всѣхъ хулить, безпрестанно заводить ссоры, шумъ, брань. Кромѣ природной наклонности, ни чѣмъ не побѣдимой, ихъ побуждаетъ къ этому и раздраженное самолюбіе и мелкіе личные

«зни русскаго народа и уединилась въ свою отвлеченную личность, «изъ тѣсныхъ рамокъ которой видитъ собственно свои призраки, «а не дѣло.» Впрочемъ въ такомъ періодѣ мы не можемъ видѣть искаженіе русскаго языка, а видимъ только искаженіе языка г. Шевырева, и конечно въ этомъ отношеніи къ Искандеру надо быть строже, какъ къ писателю съ вліяніемъ; но все-таки придираться къ такимъ мелочамъ, значитъ обнаруживать больше нелюбви къ противнику, нежели любви къ русскому языку и литературѣ, и грозить издалека своему противнику шпилькой или булавкой, когда нѣтъ возможности достать его копьемъ.

Въ прошломъ году вниманіе критики было преимущественно занято *Перепискою Гоголя съ друзьями*. Можно сказать, что память объ этой книгѣ и теперь поддерживается только статьями о ней. Лучшая изъ статей противъ нея принадлежитъ Н. Ф. Павлову. Въ своихъ письмахъ Гоголю онъ сталъ на его точку зрѣнія, чтобъ показать его невѣрность собственнымъ своимъ началамъ. Тонкость мысли, ловкость діалектики, при изложеніи въ высшей степени изящномъ, дѣлаютъ письма Н. Ф. Павлова явленіемъ образцовымъ и совершенно особымъ въ нашей литературѣ. Жаль, если все дѣло кончится тремя письмами!

Извѣстный книгопродавецъ нашъ, г. Смирдинъ своими изданіями русскихъ авторовъ приготовилъ и намѣренъ еще больше приготовить труда и хлопотъ русской критикѣ. Онъ уже издалъ Ломоносова, Державина, Фонвизина, Озерова, Кантемира, Хемницера, Муравьева, Княжнина и Лермонтова. Въ одной газетѣ было говорено о скоромъ выходѣ въ свѣтъ сочиненій Богдановича, Давыдова, Карамзина и Измайлова. Тамъ же увѣряли, что вслѣдъ за ними поступятъ въ печать: Исторія Государства Россійскаго Карамзина, Сочиненія Императрицы Екатерины II, сочиненія Сумарокова, Хераскова, Тредьяковскаго, Кастрова, князя Долгорукова, Капниста, Нахимова, Нарѣжнаго, — и что сверхъ того приступлено къ пріобрѣтенію права на изданіе сочиненій Жуковскаго, Батюшкова, Дмитріева, Гнѣдича, Хмѣльницкаго, Шаховскаго и Баратынскаго. Довольно работы критикѣ! Пусть каждый выскажетъ свое мнѣніе, не безпокоясь о томъ, что другіе думаютъ не такъ, какъ онъ. Надо имѣть терпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Нельзя заставить всѣхъ думать одно. Опровергайте чужія мнѣнія, несогласныя съ вашими, но не преслѣдуйте ихъ съ ожесточеніемъ потому только, что они противны вамъ; не старайтесь выставлять ихъ въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ не въ литературномъ отношеніи. Это плохой расчетъ: желая выиграть больше простору вашимъ мнѣніямъ, вы можетъ быть этимъ самымъ лишите ихъ всякой почвы.

В. БѢЛИНСКІЙ.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ. *Очеркъ* К. Павловой. *Москва. 1848.* *съ эпиграфомъ :*

Our life is twofold: Sleep hath its own world,
A boundary between the things misnamed
Death and existence.

Byron.

Г-жа Павлова давно уже извѣстна своими прекрасными стихотвореніями, къ сожалѣнію разсѣянными въ періодическихъ изданіяхъ. Обладая вполнѣ мастерствомъ стиха, г-жа Павлова владѣетъ также необыкновеннымъ талантомъ, какъ переводчица: кому неизвѣстны ея превосходные переводы нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на французскій и нѣмецкій языкъ, равно какъ и переводы нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ на русскій языкъ. По звучности и мастерству своего стиха г-жа Павлова всего ближе подходитъ къ покойному Языкову. Въ ея стихѣ столько упругости и рельефности, что трудно узнать въ немъ нѣжную руку женщины: въ немъ, напротивъ, есть что-то мужественное, энергическое — качество рѣдкое въ женщинѣ-поэтѣ. Теперь г-жа Павлова является съ болѣе обширнымъ поэтическимъ произведеніемъ, оригинальнымъ по формѣ, въ высшей степени замѣчательнымъ по содержанію.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на скромное названіе «очерка», данное г-жею Павловой своему новому произведенію, поэтъ касается въ немъ вопросовъ чрезвычайно важныхъ, именно воспитанія свѣтскихъ дѣвушекъ, ихъ положенія въ свѣтскомъ обществѣ, ихъ условныхъ браковъ, наконецъ ихъ взрослаго дѣтства, можетъ быть и привлекательнаго съ нѣкоторой точки зрѣнія, но бѣдственнаго въ своемъ столкновеніи съ брачною и общественною сторонами жизни. Особенно поэтическій талантъ г-жи Павловой открывается для насъ въ томъ, что эти вопросы лежатъ не на первомъ планѣ поэмы, она не касается ихъ прямо, иначе это походило бы на произведеніе, написанное на задан-

ную тему: лишь изрѣдка, словно мимоходомъ, поэтъ выговариваетъ свою задушевную мысль; вполнѣ она раскрывается лишь въ впечатлѣніи, остающемся въ читателѣ по прочтеніи поэмы. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о поэтическомъ тактѣ г-жи Павловой. Наконецъ достоинство романа составляетъ еще простота содержанія и совершенная естественность характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Интересъ поэмы-повѣсти заключается не въ запутанности завязки, не въ драматизмѣ страстей, не въ исключительности характеровъ: его героиня не есть какая-нибудь необыкновенная женщина, «носящая на челѣ своемъ печать судьбы»; напротивъ, это очень простая, обыкновенная свѣтская дѣвушка, ничѣмъ неотличающаяся отъ толпы себѣ подобныхъ. Интересъ поэмы объяснится ея содержаніемъ, которое мы разскажемъ здѣсь вкратцѣ.

Въ Москвѣ, въ кругу свѣтскихъ барынь, или, по словамъ автора, «въ кругу аристократическаго общества», живетъ Вѣра Владиміровна съ мужемъ; у нихъ дочь Цецилія (это героиня поэмы). Кромѣ субботъ они даютъ нѣсколько баловъ въ теченіи зимы. Отецъ, извѣстный только подъ именемъ мужа Вѣры Владиміровны, ни во что не входитъ; всѣмъ располагаетъ жена его. При Цециліи живетъ англичанка и говоритъ съ ней по-англійски «Извѣстно — замѣчаетъ авторъ — «что дѣвушкѣ высшаго круга безъ англичанки быть нельзя. У насъ «въ обществѣ по-англійски не говорятъ, англійскіе романы барышни «наши обыкновенно читаютъ въ переводѣ французскомъ, а Шекспиръ «и Байронъ для нихъ вовсе не прикосновенны, но если ваша шести-«лѣтняя дочь говоритъ иначе, какъ по англійски, то она дурно воспи-«тана. Изъ этого часто слѣдуетъ, что мать, не такъ хорошо воспи-«танная, какъ ея дочка, не можетъ съ ней изъясняться, но это не-«удобство маловажное; ребенку англійская нянька нужнѣе матери.»

При этомъ случаѣ мы не можемъ не подивиться странной непослѣдовательности нашего «свѣтскаго» воспитанія, которая вѣроятно нигдѣ не существуетъ кромѣ Россіи. Нравственныя «свѣтскія» маменьки, заботясь о нравственности своихъ дочерей, не допускаютъ до нихъ французскихъ романовъ, но въ тоже время вывозятъ ихъ во французскій театръ смотрѣть французскія драмы и водевили, т.е. тѣже самые романы *въ дѣйствіи*, и, стараясь всѣми силами сохранить младенческую невинность дочерей своихъ съ одной стороны, съ другой — раскрываютъ широкое отверстіе, черезъ которое молодая душа впиваетъ въ себя все раздражительное наслажденіе любви, интриги, тайной страсти. Ничто такъ не развиваетъ притворства, какъ излишній надзоръ: дочь никогда не выскажетъ матери, сколько странныхъ ощущеній пробудила въ ней иная драма, и мать остается въ полной увѣренности, что дочь ея по невинности своей ничего не понимаетъ

изъ этого откровеннаго представленія страстей и интригъ, написанныхъ для бульварныхъ парижскихъ театровъ, на удовольствіе лоретокъ и гризетокъ. Надобно отдать справедливость нашимъ «свѣтскимъ» дамамъ: онѣ невзыскательны и не отличаются въ этомъ отношеніи излишнею разборчивостію.

«Послѣдняя суббота Вѣры Владиміровны очень удалась; явился желаемый поэтъ. Общество въ этотъ вечеръ состояло изъ самыхъ избранныхъ любителей и любительницъ литературы; такого рода кругъ въ теперешнее время составить вовсе не трудно, потому что литературу чрезвычайно уважаютъ, и въ особенности дамы съ нѣкоторыхъ поръ такъ о ней заботятся, что только по едва замѣтнымъ признакамъ возможно угадать, что онѣ не въ самомъ дѣлѣ принимаютъ въ ней живое участіе. И такъ поэтъ явился, застѣнчивый, не совсѣмъ ловкій молодой человѣкъ, въ не совсѣмъ свѣжихъ перчаткахъ. Онъ вошелъ съ нѣкоторымъ чувствомъ робкой гордости въ этотъ освѣщенный и просвѣщенный салонъ, гдѣ такія важныя особы, такія прекрасныя женщины собрались его слушать, но имъ всѣмъ было теперь не до него. Племянникъ Вѣры Владиміровны привезъ къ ней неожиданно только что прибывшаго въ Москву путешественника, испанскаго графа, преинтереснаго, смуглаго, гордаго карлиста, съ блестящими глазами. Онъ, разумѣется, сдѣлался тотчасъ предметомъ общаго вниманія, средоточіемъ всѣхъ женскихъ взоровъ, центромъ салона. Всѣ присутствующія домы занялись имъ, съ тѣмъ страстнымъ стараніемъ угодить человѣку пріѣзжему, понравиться посѣтителю чужому, съ той извѣстной, неизлечимой привѣтливостію, которая иногда до того добродушна и ревностна, что становится нѣсколько непристойна, и дѣлаетъ насъ часто смѣшными, а нашихъ иностранныхъ гостей почти всегда наглыми. Бѣдный литераторъ остался въ углу, вовсе незамѣченный; да что же тутъ и удивительнаго, что никто даже не взглянулъ на него, при такомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ?

Вѣдь московскимъ дамамъ литераторы не въ диковину, а испанскій графъ для нихъ еще невидальщина. Но часа черезъ два графъ уѣхалъ, и тогда хозяйка дома взялась за поэта. Она къ нему подошла, и очень любезнымъ образомъ высказала свое и общее нетерпѣніе и ожиданіе обѣщаннаго чтенія, потомъ усадила его у стола, а слушателей вокругъ него, сама великодушно занявъ самое видное и близкое къ нему мѣсто, гдѣ уже нельзя было ни шепнуть, ни зѣвнуть. Бѣдный молодой человѣкъ нѣсколько смутился, сталъ перелистывать свою тетрадь, и не зналъ, что̀ изъ нея выбрать. По всему было видно, что онъ въ первый разъ готовился занять собою этотъ разрядъ людей, отдѣляющихся отъ остальнаго человѣчества, и составляющихъ тотъ надменный *Свѣтъ*, такъ наивно названный, для котораго нѣтъ инаго въ Господней вселенной.

По причинѣ Цециліи и другихъ присутствующихъ барышень, чтенію надлежало быть совершенно нравственному и невинному, и

такъ робкій поэтъ, въ недоумѣніи, рѣшился наконецъ прочитать свой неизвѣстной переводъ Колокола Шиллера, кашлянулъ, и произнесъ скромнымъ голосомъ: «Пѣснь о Колоколѣ». Послѣдовало минутное молчаніе; нѣкоторыя граціозныя головки двинулись впередъ, нѣсколько розовыхъ губокъ умильно улыбнулось, нѣсколько милыхъ слушательницъ устремило на юнаго поэта свои привѣтливые взоры, и между тѣмъ вспомнили про себя, что, кажется, эта піеса очень длинна. Ободренный такимъ лестнымъ вниманіемъ, молодой человѣкъ началъ читать, сперва въ полголоса, потомъ звучнѣе и живѣе. Онъ былъ до того молодъ и неопытенъ, что читалъ свои стихи при этомъ аристократическомъ обществѣ съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ говорилъ ихъ въ своей скромной комнатѣ, наединѣ съ самимъ собою; онъ былъ до того закаленъ въ огнѣ поэзіи, что не чувствовалъ вѣющаго отъ всѣхъ этихъ лицъ свѣтскаго холода. Онъ провелъ передъ ними тотъ рядъ волшебно смѣющихся картинъ: мирное дѣтство, бурную юность, и восторги любви, и спокойствіе счастія, и бѣду, низверженную съ неба, пламень пожара, мракъ опустошенія, и смерть матери; и потомъ, вдали, поляны въ блескѣ вечера, съ медленными, возвращающимися стадами, тихо сходящую ночь, и благодатный порядокъ, и внезапный, ужасный мятежъ; радости жизни и бѣдствія, звучно провозглашенныя тѣмъ молитвеннымъ, роковымъ отзывомъ колокола, и наконецъ съ горячихъ устъ его слетѣли послѣднія, вдохновенныя слова:

«И будь отнынѣ такаго
Предназначеніе его.
Тамъ средь небеснаго объема,
Высоко надъ землей внесенъ,
Пусть плаваетъ, сосѣдомъ грома,
И съ міромъ звѣздъ граничитъ онъ.
Пусть будетъ свыше гласъ священной,
Какъ всѣхъ созвѣздій хороводъ;
Пусть славитъ онъ Творца вселенной
И щедрый провожаетъ годъ.
Лишь то что свято, что всевластно,
Гласи онъ мѣднымъ языкомъ;
И мимолетомъ, ежечасно,
Пусть время бьетъ въ него крыломъ.
Да будетъ онъ глаголомъ рока,
Надъ всѣмъ безчувственно стоя,
Да возвѣщаетъ издалёка
Игру земнаго бытія.
И поражая быстротечно
Могучимъ звукомъ насъ съ высотъ.
Да учитъ онъ, что все невѣчно,
Что все подлунное пройдетъ.»

Тетрадь выпала изъ рукъ его, — онъ замолчалъ.

Такъ описываетъ авторъ одну изъ субботъ Вѣры Владиміровны, дамы высшаго московскаго общества. Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ столько ума, наблюдательности и мѣткости, что мы готовы ручаться за вѣрность его. Насъ поразила въ немъ любопытная черта: кажется, въ московскомъ «свѣтскомъ» обществѣ свѣжія перчатки не совсѣмъ обыкновенная вещь, когда на нихъ обращаютъ такое особенное вниманіе; въ этомъ мнѣніи убѣждаетъ насъ и то, что на одной изъ предшествовавшихъ субботъ одинъ московскій денди даже *выставлялъ свои непорочныя перчатки* (стр. 10). Не менѣе интересно было для насъ узнать, что московское свѣтское общество съ такимъ усердіемъ занимается пріѣзжающими туда иностранцами-путешественниками. Но мы очень далеки отъ того, чтобъ упрекнуть московскихъ свѣтскихъ женщинъ за особенную привѣтливость къ иностраннымъ путешественникамъ: виноваты ли онѣ, что находятъ несравненно болѣе любезности и образованности въ этихъ путешественникахъ, нежели въ своихъ кавалерахъ, — виноваты ли онѣ, что наши ученые и литераторы наводятъ на нихъ скуку своею важностію и ученными преніями, что наши свѣтскіе молодые люди ужасно скучны и однообразны и любятъ больше лежать на своихъ диванахъ или *кутить* нежели быть съ свѣтскими женщинами, — какъ бы онѣ впрочемъ не отличались примѣрною нравственностію и строгостію правилъ. Что же касается до свѣтскихъ дѣвушекъ, то мы должны съ сожалѣніемъ признаться, что авторъ такъ представляетъ ихъ (а мы убѣждены въ наблюдательности его), что онѣ дѣйствительно едва ли могутъ возбуждать интересъ съ какой-либо другой стороны, кромѣ со стороны приданаго.

«Цецилія была воспитана въ страхѣ Бога и общества; заповѣди Господни и законы приличія были равновѣсны въ ея понятіяхъ: нарушить, даже мысленно, первыя или послѣднія, казалось ей равно невозможно и невообразимо; а Вѣра Владиміровна, хотя, какъ уже доказано, очень уважала и любила поэзію, но все-таки считала неприличнымъ для молодой дѣвушки слишкомъ заниматься ею. Она весьма справедливо опасалась всякаго развитія воображенія и вдохновенія, этихъ вѣчныхъ враговъ приличій. Она такъ осторожно образовала душевныя способности своей дочери, что Цецилія, вмѣсто того, чтобъ мечтать о маркизѣ Позѣ, объ Эгмонтѣ, о Ларѣ, и тому подобномъ, могла мечтать только о прекрасномъ балѣ, о новомъ нарядѣ, и о гуляньѣ перваго мая.

Вѣра Владиміровна, какъ уже извѣстно, очень гордилась этимъ удачнымъ воспитаніемъ; тѣмъ болѣе, можетъ быть, что оно свершилось не безъ труда, что вѣроятно стоило времени и умѣнья, чтобы истребить въ душѣ врожденную жажду восторга и увлеченія; но какъ бы то ни было, Цецилія, готовая для высшаго общества, затвердивши

наизусть всѣ его требованія и уставы, никогда не могла сдѣлать противъ нихъ малѣйшаго прегрѣшенія, незамѣтнѣйшей ошибки, ни въ какомъ случаѣ не могла забыться на минуту, возвысить голосъ на полтона, вскочить со стула, увлечься разговоромъ съ мущиной до того, чтобы бесѣдовать съ нимъ на десять минутъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, или взглянуть на право, когда должно было глядѣть на лѣво. И нынѣ она, осьмнадцати-лѣтняя, такъ привыкла къ своему умственному корсету, что не чувствовала его на себѣ болѣе своего шелковаго, который снимала только на ночь. У ней, разумѣется, были и таланты, но таланты умѣренные, пристойные, *des talents de société*, какъ называетъ ихъ весьма точно языкъ преимущественно общественный. Она пѣла очень мило, и рисовала также очень мило. Поэзія, какъ выше сказано, была ей извѣстна болѣе по наслышкѣ, какъ что-то дикое и несовмѣстное съ порядочнымъ образомъ жизни. Она знала, что есть даже и женщины поэты; но это ей всегда было представляемо, какъ самое жалкое, ненормальное состояніе, какъ бѣдственная и опасная жизнь.»

Здѣсь мы принуждены противорѣчить поэту и спросить его, почему же онъ полагаетъ поэзію только въ стихахъ, сколько мы можемъ понять это изъ словъ его. Даже вовсе не зная поэзіи какъ искусства и не занимаясь ею, Цецилія тѣмъ не менѣе могла носить ее въ душѣ своей; поэтическое чувство могло лежать въ ней безъ ея вѣдома и вовсе независимо отъ удивленія ея къ Позѣ, Эгмонту и Ларѣ. Мы осмѣливаемся думать, вопреки автору, что поэзія совмѣстна съ мечтою и о прекрасномъ балѣ, о новомъ нарядѣ и даже о гуляньѣ перваго мая, что она нисколько не зависитъ отъ идеальныхъ предметовъ и стремленій и обнимаетъ собою равно всѣ стороны и явленія жизни, и что наконецъ Клеопатра Шекспира исполнена не мѣньшей поэзіи какъ и Текла Шиллера. Да и почему же молодой дѣвушкѣ не мечтать о прекрасномъ балѣ, гдѣ она будетъ танцовать съ молодымъ человѣкомъ, который ей нравится, и слушать его рѣчи, отъ которыхъ ускоренно бьется ея молодое, неопытное сердце? почему не мечтать ей о новомъ нарядѣ, который рельефнѣе выставитъ красоту ея лица и формъ? почему наконецъ не мечтать и о гуляньѣ перваго мая, на которомъ она надѣется обратить на себя вниманіе? Развѣ всѣ эти мечты не рождаются изъ желанія нравиться, изъ желанія веселиться, и развѣ это можно поставить въ упрекъ молодой дѣвушкѣ? Мы, напротивъ, даже желали бы нашимъ дѣвушкамъ, и особенно женщинамъ, побольше этого желанія нравиться: можетъ быть это спасло бы ихъ отъ страшной перемѣны, постигающей ихъ по выходѣ за-мужъ, когда онѣ уже не считаютъ нужнымъ порядочно одѣваться дома для мужа, когда корсетъ замѣняется у нихъ пеньюаромъ, прежній тонкій

станъ полнотою тѣла, идеальная мечтательность — барскими капризами и энергическою взыскательностію....

Но среди свѣтской жизни Цецилія, состоявшей исключительно изъ визитовъ съ своею матерью, баловъ и вечеровъ, на нее находили странныя минуты. Когда свѣтскій шумъ умолкалъ около нея и она входила въ свою комнату, ложилась спать и глаза ея смыкала уже дремота, вдругъ какой-то таинственный вопросъ вставалъ въ душѣ ея....

Какимъ таинственнымъ сознаньемъ
Душа младая смущена?
Неотразимымъ ожиданьемъ
Кого предчувствуетъ она?
. . . . . .
Въ ней помнитъ мысль о небываломъ,
Не встрѣченнаго узнаетъ....

и каждую ночь слеталъ на Цецилію во снѣ невѣдомый ей самой геній поэзіи — «въ ней безсознательно просыпалось сочувствіе новое и не-«понятное къ этой гармоніи стиха, къ этимъ созвучнымъ думамъ, къ «этимъ неприличнымъ восторгамъ и такое неожиданное сочувствіе «почти пугало ее: она опять приводила себѣ на умъ, что это все-таки «пустыя и ничтожныя бредни, которыми долго заниматься не должно, «и такъ размышляя она положила свою граціозную головку на подуш-«ку, и осталась одна среди ночнаго молчанія. Но нѣтъ—нѣтъ, сквозь «дремоту, опять звучала къ ней рѣчь, опять слышался стихъ, и «ей, полусонной, вздумалось вдругъ, что и она умѣла бы такъ гово-«рить пѣснью... уже засыпая, она улыбнулась этой нелѣпой мысли. «А неотступное пѣніе жужжало и звучало; и баюкало ее: все яснѣе «она его слышала, и все лучше понимала, и все естественнѣе казались «ей гармоническіе порывы и вдохновенныя слова,—вокругъ нея какъ-«будто волны катились переливныя... ее какъ будто качалъ челнокъ... «и несъ далеко... и точно берегъ гдѣ-гдѣ мелькаетъ, — взошла «луна».

Рѣка несётся, — и шепча, льется
Въ рѣкѣ струя,
Несется мимо, неутомимо
Съ рѣкой ладья.

На встрѣчу дѣвы скользятъ напѣвы
Средь тишины,
Какъ отзывъ дальній, какъ музыкальный
Аккордъ волны....

Уединенныя, полуночныя думы Цецилiи авторъ передаетъ стихами. Мысль оригинальная и прекрасная. Произведеніе г-жи Павловой можно назвать скорѣе поэмою, хотя авторъ и далъ ей скромное названіе очерка. Съ особеннымъ любопытствомъ вслушиваемся мы въ эти сокровенныя мечтанія молодого дѣвическаго сердца: чего хочетъ оно? на что отзывается, какая тайная мысль движетъ этимъ лепетомъ души, нетронутой еще опытомъ жизни? — Увы! вседневная жизнь Цецилiи была такъ пуста, что душа ея не находя для себя никакой пищи въ окружающемъ ее дѣйствительномъ мірѣ, должна была совершенно устремиться въ міръ идеальный, вполнѣ отрѣшенный отъ жизненной среды ея. Недаромъ въ эпиграфѣ, который взятъ авторомъ изъ Байрона, встрѣчаемъ стихъ: «у сна есть собственный «свой міръ», — Цецилія въ поэтическихъ сновидѣніяхъ предстоитъ намъ уже совершенно другою. Въ эти минуты Дмитрій Ивачинскій, молодой человѣкъ, къ которому она неравнодушна, забытъ ею; ея жаждущая душа мечтаетъ о комъ-то...

Стоитъ онъ, полонъ строгой мочи,
Стоитъ недвижный и нѣмой,
Онъ ей глядитъ очами въ очи,
Глядитъ онъ въ душу ей душой.
Какой вины, какой ошибки
Упрекъ нахмурилъ эту бровь!
На этомъ ликѣ безъ улыбки
Какая грустная любовь!...

Съ этимъ «безъименнымъ» ведетъ она по ночамъ свои таинственныя бесѣды —

Кто жь ты?
«Я то, что ты искала
Въ сіяньи звѣздной высоты;
Я грусть твоя средь шума бала,
Я таинство твоей мечты;
Чего умомъ не постигала,
Что сердцемъ понимала ты —
Ты мыслей въ міръ несясь богатый,
Его границъ не перешла-ль?
Безвѣстнымъ не была-ль полна ты!
И не глядѣла ли ты въ даль!
Тебѣ, незнающей утраты,
Чего-то не было ли жаль?...

Въ этихъ намекахъ не выражается ли то неутолимое стремленіе всякой юной души, порывающейся объяснить себѣ свою собственную

мечту, никогда неуловимую и неопредѣленную, именно потому, что мечта есть произведеніе жаждущаго чувства, а не опредѣленная мысль, и слѣдовательно образъ. Лишь изрѣдка живыя, *земныя* симпатіи пробуждаются въ душѣ Цециліи, и надобно замѣтить, какъ скоро она переходитъ отъ безпредѣльныхъ стремленій къ земной жизни, какъ только начинаетъ мечтать —

О тратѣ жалкой и безбожной
И лучшихъ благъ и лучшихъ силъ,
О лжи житейской ихъ преграды,
О казняхъ свѣтскаго суда, —
О всемъ убитомъ безъ пощады,
О всемъ погибшемъ безъ слѣда....

Какъ скоро, повторяемъ, мечты Цециліи касаются земного, тотчасъ благотворная теплота этой презираемой и незнаемой ею земли согрѣваетъ ихъ своею живительною силою.

И почти всѣдъ за этими прекрасными стихами встрѣчаемъ мы жестокій упрекъ людямъ за ихъ пренебреженіе къ поэтамъ: такъ по-крайнѣй мѣрѣ поняли мы выраженіе «безполезные пророки». —

Они идутъ средь потрясеній,
Бросая въ міръ свой громкій стихъ;
Имъ пѣснь важнѣй людскихъ стремленій.
Имъ сны нужнѣй даровъ земныхъ.
Ихъ убѣжденьямъ нѣтъ отвѣта,
Ихъ вдохновеньямъ нѣтъ наградъ;
Но недоступны власти свѣта,
Они поютъ, они творятъ,
Не для толпы пустой отрады: —
Ей тщетно жизнь полна чудесъ,
И звѣздъ сіяютъ миріады,
И солнце блещетъ средь небесъ....

Мы не можемъ не изъявить своего удивленія, за что юная Цецилія такъ презираетъ людей, что даже считаетъ ихъ неспособными понимать своихъ поэтовъ. Конечно бываютъ поэты, которые пишутъ только для какого-то иного міра, но тогда имъ не слѣдуетъ и печатать своихъ произведеній для обитателей нашей бѣдной планеты; въ противномъ случаѣ, они не имѣютъ никакого права жаловаться на людей, если они ихъ не понимаютъ. За что же людямъ и любить этихъ поэтовъ, если

Имъ пѣснь важнѣй людскихъ стремленій,
Имъ сны нужнѣй даровъ земныхъ....

Но пора обратиться намъ къ содержанію поэмы Цецилія полюбила Ивачинскаго, который, замѣчаетъ авторъ, былъ ума ограниченнаго и глядѣлъ только туда, куда ему указывали. Изъ картины московскаго свѣтскаго общества, мастерски очерченнаго поэтомъ, узнаемъ мы, что эти свѣтскія дамы исключительно заняты только выдачею за-мужъ своихъ дочерей или сватовствомъ. Недаромъ Москва слыветъ разсадникомъ невѣстъ! Разъ послѣ прогулки верхомъ Ивачинскій, помогая Цецилія сойти съ лошади, пожалъ ей руку: то было первое въ ея жизни пожатіе мужчины; чрезъ нѣсколько дней праздновала мать Цецилія день ея рожденія баломъ. Цецилія рѣшилась показать Ивачинскому, что она къ нему не равнодушна; здѣсь слѣдуетъ у автора такая превосходная страница, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать ее:

Цецилію было необыкновенно весело, какъ-то буйно и отважно весело. Она предавалась новымъ, увлекательнымъ впечатлѣніямъ; она темно понимала какія-то невѣдомыя возможности. Дочь Еввы вкушала запрещенный плодъ; молодая плѣнница дохнула вольнымъ, ароматнымъ, незнакомымъ воздухомъ, и опьянѣла отъ него. Этого никогда не хотѣла предвидѣть Вѣра Владиміровна; этого никогда не предвидятъ эти благоразумныя, предусмотрительныя, осторожныя женщины. Онѣ совершеннно надѣются на свои материнскія старанія, онѣ неимовѣрно послѣдовательны съ дочерями. Вмѣсто духа онѣ имъ даютъ букву, вмѣсто живаго чувства, мертвое правило, вмѣсто святой истины, нелѣпый обманъ; и имъ часто удается сквозь эти искусныя, предохранительныя потемки довести благополучно дочь свою до того, что̀ называется хорошая партія. Тогда ихъ цѣль достигнута, тогда онѣ спутанную, обезсиленную, невѣдающую и не понимающую оставляютъ на волю Божію, и потомъ спокойно садятся за обѣдъ, и ложатся спать. И эту же дочь онѣ шестилѣтнюю не рѣшались оставить одну въ комнатѣ, опасаясь, чтобъ она не упала со стула. Но тогда дѣло шло о тѣлесныхъ ранахъ; кровь бросается въ глаза, физическая боль пугаетъ; это не душевное, безвѣстное, нѣмое страданіе.

Еслибъ такъ поступали дурныя матери, можно бы утѣшиться: дурныхъ матерей не много. Но это дѣлаютъ самыя добрыя матери, и будутъ дѣлать безконечно. И всѣ эти воспитательницы были молоды, были такъ же воспитаны! Не ужели онѣ остались до того довольны своей жизнію и собою, что рады возобновить опытъ на своихъ дѣтяхъ? не ужели всякая нелѣпость также живуча, какъ тѣ гадины, которыя разрѣзанныя на куски, продолжаютъ существовать? Развѣ эти бѣдныя женщины не плакали? не обвиняли себя и другихъ? не искали напрасно помощи? не испытали ничтожества имъ данныхъ опоръ? не познали горькаго плода этого сѣмени лжи?...

А можетъ быть, многія и нѣтъ! есть невѣроятные случаи и странныя исключенія. Бывали примѣры, что люди падали съ третьяго

этажа на мостовую, и оставались невредимы; почему не столкнуть и дочь?

Чѣмъ болѣе дѣйствительная жизнь облекается для Цецилія радостями, тѣмъ тяжелѣ налегаетъ на ея сердце непонятная тоска; ея ночной, таинственный голосъ усиливаетъ свои зловѣщія предсказанія...

Смирись! смирись! что спрашивать напрасно?
Ужель намъ всѣмъ удѣлъ нашъ незнакомъ?
Не даромъ грусть, ты входишь ежечастно
Въ грудь женскую, какъ въ собственный свой домъ.

Безсильному когда была пощада?
И кто его уважитъ бытіе?
Не ты одинъ хранишь утесъ Левкада,
Печальное преданіе свое.

Наконецъ грусть эта возростаетъ до мрачнаго отчаянія...

О гласъ любьви и самоотверженья!
Ведешь ты насъ къ обманамъ и бѣдамъ.
Восторга лучь, святыя откровенья —
Дары небесъ! вы безполезны намъ.

Все суета! высокія призванья,
Порывы чувствъ, и радости мечта,
И всѣ борьбы, и жертвы, и страданья,
Дѣла земли — все также суета!
. . . . . .
Сдержи порывъ, уйми свои ты стоны,
Свою слезу учи не кануть съ вѣждъ!
Ты женщина! живи безъ обороны,
Безъ прихоти, безъ воли, безъ надеждъ.

Мы не много знаемъ русскихъ стиховъ, въ которыхъ было бы столько энергіи и стона, вырвавшагося изъ самой глубины сердца...

Ивачинскій и Цецилія болѣе и болѣе сближаются и вмѣстѣ съ возрастаніемъ ихъ взаимной привязанности поэтическіе сны Цецилія становятся мрачнѣе и мрачнѣе...

Какъ много тяжкихъ откровеній,
Какъ много горя впереди!
Какъ будетъ душу жизнь напрасно
Разувѣрять до позднихъ лѣтъ!
Увы! тамъ въ мірѣ все неясно,
Тамъ все слѣпой и ложный бредъ!

И наконецъ ея мрачный, полуночный геній нарекаетъ бѣдной Цецилія свой страшный драконовскій кодексъ и осуждаетъ ее, а вмѣ-

ста съ нею и всѣхъ женщинъ на такую аскетическую жизнь, исполненную самыхъ горькихъ лишеній, что если въ Цециліяхъ есть хоть сколько-нибудь горячей крови и человѣческаго достоинства, онѣ должны возмутиться противъ этого мертвящаго душу кодекса, ложнаго и унизительнаго для женщины. Нѣтъ, это не пророческій голосъ, а голосъ ожесточеннаго разочарованія и отчаянія, не геній поэзіи, а мрачный духъ жизни; послушайте, на что осуждаетъ онъ женщину:

Іойми, что Господа веленья
Васъ безоружныхъ обрекли
На безусловное терпѣнье,
На дѣло высшее земли.
Учись, жена, жены страданьямъ,
Знай, что покорная, она
Къ своимъ мечтамъ, къ своимъ желаньямъ
Искать дороги не должна;
Что ропщетъ сердце въ ней напрасно,
Что долгъ ея неумолимъ,
Что вся душа ему подвластна,
Что скованы и мысли имъ....

Хотя Ивачинскому и нравилась Цецилія, но, какъ человѣкъ небогатый, имѣя всего 15 т. асс. дохода, онъ не думалъ жениться, полагая, что Цецилія, у которой былъ братъ, не принесетъ ему богатаго приданаго. Но тутъ явился благодѣтельный геній въ видѣ московской, тоже аристократической барыни, Натальи Афанасьевны Валицкой, у которой была дочь Ольга. Въ то время жилъ въ Москвѣ князь Викторъ, очень богатый женихъ (въ Москвѣ вообще на всякаго молодого человѣка смотрятъ съ точки зрѣнія — можетъ онъ быть женихомъ, или не можетъ), за котораго Валицкой очень хочется выдать свою Ольгу. Но Валицкая замѣтила, что князю Виктору нравилась Цецилія, и, опасаясь, чтобъ онъ не вздумалъ жениться на ней, она рѣшилась всѣми силами стараться о женитьбѣ на Цециліи Ивачинскаго, котораго склонность къ Цециліи она давно уже подмѣтила. Валицкая думала, что если Цецилія выйдетъ за-мужъ, то князь Викторъ непремѣнно женится на ея Ольгѣ. Чтобъ ободрить Ивачинскаго, она указала ему на неизлечимую болѣзнь брата Цециліи, на старую ея тетку, отъ которой все имѣніе должно достаться Цециліи, и Цецилія сдѣлалась въ глазахъ Ивачинскаго изъ безприданницы богатой невѣстой. Онъ почувствовалъ тогда, что онъ ее дѣйствительно любитъ. Мать Цециліи уговорить на этотъ бракъ было бы трудно, но Валицкая взялась за дѣло съ истинно-дипломатическою ловкостію и съ помощію одной старой княгини такъ опу-

мать Цецилін, что та дала наконецъ свое согласіе, и Цецилія а невѣстой Ивачинскаго.

Іаканунѣ сватьбы, въ ночь, обычный поэтическій сонъ вновь щаетъ Цецилію. Здѣсь поэтъ даетъ, кажется, уразумѣть мысль : свѣтская дѣвушка хоть въ поэтическомъ снѣ можетъ находить жденіе отъ зловѣщей, апатической неподвижности своей вседневной ской жизни; въ замужствѣ, даже и поэтическіе сны становятвозможными; скорбная дѣйствительность вытѣсняетъ даже и ію во снѣ. Таинственный геній, посѣщающій сонъ Цецилін, прогся съ нею:

— Простимся жъ нынѣ, другъ ной бѣдный;
Да вступитъ жизнь въ свои права.
Иди назадъ къ земному краю,
Иди къ земному ты вѣнцу,
Тебя я міру уступаю,
Съ молитвой трепетной Творцу.
. . . . . .
Не вотще рвались такъ жадно
Бредни сердца къ бытію,
Жизнь исполнитъ безпощадно
Просьбу страшную твою
И волшебнаго тумана
Разнесется свѣтлый паръ;
Слишкомъ поздно, слишкомъ рано
Ты познаешь жданный даръ.
. . . . . .
Все, что́ нынѣ безъ сознанья,
Чуждо всѣмъ въ тебѣ цвѣтетъ,
Жизни жгучія страданья
Обратятъ въ богатый плодъ.
. . . . . .
Не тревожь преступно неба,
Заглуши свои мечты;
И насущнаго лишь хлѣба
Смѣй просить у Бога ты.

Разсказъ оканчивается сватьбою Ивачинскаго съ Цецилісю. Поприбавляетъ къ нему стансы отъ себя, исполненные самой заевной грусти....

Читатели конечно останутся намъ благодарны за многочисленныя иски, которыя принуждены мы были дѣлать, безпрестанно увлеь этими прекрасными стихами, хотя мы и далеко не исчерпали ъ красотъ, заключающихся въ произведеніи г-жи Павловой. Но къ сожалѣнію во многомъ не согласны съ поэтомъ, всегда неспнымъ мысли. Мы сочувствуетъ вполнѣ его глубокимъ сердеч-

Герой новой поэмы г. Алферьева человѣкъ больной, и боленъ онъ странною болѣзнію, какъ замѣчаетъ самъ поэтъ: онъ груститъ вездѣ, даже —

И въ женскихъ сладостныхъ объятьяхъ,
. . . . . .
О чемъ онъ такъ грустилъ — нѣтъ нужды
Про то читателямъ узнать....
Они, быть-можетъ, былибъ чужды
Его страданья раздѣлять....

Далѣе говоритъ поэтъ:

Никто его *понять не* могъ
Въ толпѣ друзей его бездушныхъ,
Къ *высокимъ* думамъ равнодушныхъ.... и проч.

Да! такова участь всѣхъ великихъ людей, а въ особенности поэтовъ, подобныхъ г. Алферьеву: ихъ никто не понимаетъ.... Но этотъ великій, непонятый человѣкъ отыскалъ однако себѣ друга... Кто же этотъ другъ? Какъ бы вы думали?...

Былъ этотъ другъ *не изъ людей*, —
Созданій этихъ лицемѣрныхъ
Непостоянныхъ и невѣрныхъ....
Онъ былъ.... могучимъ существомъ,
Съ душой, добромъ обворожонной,
И съ *всеобъемлющимъ умомъ*....
Короче — *былъ онъ плащъ суконный!*

Плащъ съ душой и съ всеобъемлющимъ умомъ! Какъ это глубоко и ново!... И плащъ этотъ былъ таковъ, что

Не смѣлъ и рѣзвый вѣтерокъ
Его затронуть пролетая....

и съ этимъ плащомъ страдалецъ-юноша раздѣлялъ грусть души своей.

И вотъ однажды онъ услышалъ....

. . . . будто шелестъ платья,
Передъ собой неясный шумъ
И чьи-то *на себѣ* объятья.

Передъ нимъ *стоялъ* его суконный плащъ,

Къ нему кистями прикасаясь
И къ нимъ прижать его стараясь....

И вдругъ.... о чудо! плащь заговорилъ:

Мой другъ (говорилъ плащь) мнѣ суждено судьбою
Всю жизнь съ людьми не говорить,
Но я умѣлъ *своей слезою*
Себѣ даръ слова испросить....
Нѣтъ, не земнаго ты начала
Во мнѣ ищи, другъ милый мой:
Не созданъ я земной рукой
Не изъ земного матеріала!...

Вотъ каковъ этотъ плащь!... Слѣдовательно, онъ сшитъ не Шарметомъ и не Сарà, потому что у нихъ, при всемъ ихъ талантѣ, руки земныя; кѣмъ же сшитъ этотъ чудный плащь?

— Меня сѣдое время сшило,

отвѣчаетъ онъ....

Изъ какой же матеріи? — Сукно — земной матеріалъ, слѣдовательно этотъ удивительный плащъ сшитъ не изъ сукна... Плащь смѣло отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ:

Изъ тучь хаоса я сгущенъ
Не безъ особенныхъ стараній....

Да какъ же самъ поэтъ назвалъ его сначала суконнымъ плащомъ... Вотъ это что-то темновато!... Потомъ плащь, сгущенный изъ тучь хаоса, разсказываетъ свою исторію, какъ онъ *леталъ*...

. . . . межь солнцемъ и землею,
Иль межь землею и луною

и смотрѣлъ на все наукой,

Но и въ наукѣ близорукой....
Свой путь *затменьемъ* называлъ...

Далѣе плащь увѣряетъ, что

Никто къ нему не пламенѣлъ
Любовью даже временною!
Къ кому онъ страстью ни сгаралъ —
Во всѣхъ къ себѣ онъ видѣлъ холодъ....

что онъ *глоталъ воздухъ душой* и проч.

Въ заключеніе онъ спрашиваетъ у юноши-страдальца, то есть у героя поэмы:

Повѣдай мнѣ, гдѣ я сыщу
Къ себѣ хоть дружбу, хоть участье,
Когда несчастному плащу
Блеснетъ привѣтливое счастье?...

Герой новой поэмы г. Алферьева человѣкъ больной, и боленъ онъ странною болѣзнію, какъ замѣчаетъ самъ поэтъ: онъ груститъ вездѣ, даже —

И въ женскихъ сладостныхъ объятьяхъ,
. . . . . .
О чемъ онъ такъ грустилъ — нѣтъ нужды
Про то читателямъ узнать....
Они, быть-можетъ, былибъ чужды
Его страданья раздѣлять....

Далѣе говоритъ поэтъ:

Никто его *понять не* могъ
Въ толпѣ друзей его бездушныхъ,
Къ *высокимъ* думамъ равнодушныхъ.... и проч.

Да! такова участь всѣхъ великихъ людей, а въ особенности поэтовъ, подобныхъ г. Алферьеву: ихъ никто не понимаетъ.... Но этотъ великій, непонятый человѣкъ отыскалъ однако себѣ друга.... Кто же этотъ другъ? Какъ бы вы думали?...

Былъ этотъ другъ *не изъ людей*, —
Созданій этихъ лицемѣрныхъ
Непостоянныхъ и невѣрныхъ....
Онъ былъ.... могучимъ существомъ,
Съ душой, добромъ обворожонной,
И съ *всеобъемлющимъ умомъ*....
Короче — *былъ онъ плащь суконный!*

Плащь съ душой и съ всеобъемлющимъ умомъ! Какъ это глубоко и ново!... И плащь этотъ былъ таковъ, что

Не смѣлъ и рѣзвый вѣтерокъ
Его затронуть пролетая....

и съ этимъ плащомъ страдалецъ-юноша раздѣлялъ грусть души своей.

И вотъ однажды онъ услышалъ....

. . . . будто шелестъ платья,
Передъ собой неясный шумъ
И чьи-то *на себѣ* объятья.

Передъ нимъ *стоялъ* его суконный плащь,

Къ нему кистями прикасаясь
И къ нимъ прижать его стараясь....

И вдругъ.... о чудо! плащь заговорилъ:

Мой другъ (говорилъ плащь) мнѣ суждено судьбою
Всю жизнь съ людьми не говорить,
Но я умѣлъ *своей слезою*
Себѣ даръ слова испросить....
Нѣтъ, не земнаго ты начала
Во мнѣ ищи, другъ милый мой:
Не созданъ *я земной рукой*
Не изъ земнаго матерьяла!...

Вотъ каковъ этотъ плащь!... Слѣдовательно, онъ сшитъ не Шармеромъ и не Сарà, потому что у нихъ, при всемъ ихъ талантѣ, руки земныя; кѣмъ же сшитъ этотъ чудный плащь?

— Меня сѣдое время сшило,

отвѣчаетъ онъ....

Изъ какой же матеріи? — Сукно — земной матеріялъ, слѣдовательно этотъ удивительный плащъ сшитъ не изъ сукна... Плащь смѣло отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ:

Изъ тучь хаоса я сгущонъ
Не безъ особенныхъ стараній....

Да какъ же самъ поэтъ назвалъ его сначала суконнымъ плащомъ... Вотъ это что-то темновато!... Потомъ плащь, сгущенный изъ тучь хаоса, разсказываетъ свою исторію, какъ онъ леталъ...

. . . . межь солнцемъ и землею,
Иль межь землею и луною

и смотрѣлъ на все наукой,

Но и въ наукѣ близорукой....
Свой путь *затмѣньемъ* называлъ. ..

Далѣе плащь увѣряетъ, что

Никто къ нему не пламенѣлъ
Любовью даже временною!
Къ кому онъ страстью ни сгаралъ —
Во всѣхъ къ себѣ онъ видѣлъ холодъ....

что онъ *глоталъ воздухъ душой* и проч.

Въ заключеніе онъ спрашиваетъ у юноши-страдальца, то есть у героя поэмы:

Повѣдай мнѣ, гдѣ я сыщу
Къ себѣ хоть дружбу, хоть участье,
Когда несчастному плащу
Блеснетъ привѣтливое счастье?...

. . . . . .

И плащь замолкъ.... И передъ нимъ
Созданьемъ этимъ неземнымъ
Уже, колѣнопреклоненный
Страдалецъ-юноша стоитъ —
И такъ съ душою возрожденной,
Ему, рыдая, говоритъ:
Издай еще хотя два звука!..

Вслѣдъ за тѣмъ страдалецъ-юноша умоляетъ плащь, чтобы онъ полюбилъ его какъ брата

И какъ не любятъ межь людьми

И плащь исполнилъ его просьбу и полюбилъ его какъ брата. Тогда юноша воскликнулъ, обратясь въ негодованіи къ людямъ:

О стыдъ вамъ, люди, вѣчный стыдъ!
Теперь, когда молчитъ участье,
Чтобъ дать страдальцу вѣру въ счастье
И плащь безгласный говоритъ.
И я узналъ, вотще привѣта
У душъ безчувственныхъ ища,
Что есть *душа* и у плаща....

Какой глубокій юморъ! Люди бездушны, а плащь съ душой.... Превосходно!

Когда юноша-страдалецъ подружился съ плащомъ, тогда

Міръ передъ нимъ опять зацвѣлъ....

но не надолго: снова грусть овладѣла имъ — и онъ обращается къ плащу и проситъ его, чтобы плащъ указалъ ему путь блаженства...

И чтоже! плащь зашевелился
Кистями шибко замахалъ,
Какъ будто онъ страдальца звалъ,
Или на грудь его стремился,
Но ничего не отвѣчалъ,
Хоть слезы выступили градомъ
На чорныхъ складкахъ у него...
И оцѣнилъ страдалецъ взглядомъ
Участье друга своего....

Несмотря на участіе друга, страдальцу пришла мысль застрѣлиться — и онъ схватился за пистолетъ... Плащь не допускаетъ его впрочемъ до самоубійства... — Что же? ты *мечтаешь* возвратить меня надеждѣ? возражаетъ онъ плащу...

Ты пистолетъ мой, ухватить
Кистями длинными желаешь....
Ужь поздно, поздно, милый другъ!

Раздался выстрѣлъ... но прежде...

. . . чѣмъ отъ смертной муки
Онъ грѣшный духъ свой испустилъ —
На плащь свой взоръ онъ устремилъ....

И *плащь понялъ этотъ взглядъ*, онъ *повисъ на грудь страдальца* –

И тѣсно съ нимъ склеился кровью,
И по скалѣ спустился внизъ,
И рухнулъ въ море вмѣстѣ съ тѣломъ,
И поплылъ вдаль съ убійцей смѣлымъ....

Такою-то страшною катастрофою разрѣшается эта поэма... Нѣтъ, никогда *Новому Поэту* не придумать ничего такого оригинальнаго. Г. Алферьевъ рѣшительно убилъ *Новаго Поэта* своей поэмой о плащѣ.... Въ этой чудной поэмѣ фантазія переходитъ за ту черту, когда она уже перестаетъ называться фантазіей, а называется другимъ болѣе прозаическимъ именемъ....

Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Части IV и V. Спб. 1848.*

Въ этихъ двухъ частяхъ Воспоминаній Ѳ. Булгарина изложены событія его жизни съ 1808 по 1810 годъ, въ связи съ событіями общей европейской важности и значенія. Тутъ обстановка жизни автобіографа становится еще болѣе занимательною и замѣчательною: звѣзда его восходитъ въ созвѣздіи великихъ звѣздъ эпохи; и имя г. Булгарина блеститъ посреди именъ героевъ начала девятнадцатаго столѣтія – Наполеона и знаменитыхъ вождей, вызванныхъ имъ.... По-крайней мѣрѣ г. Булгаринъ въ своихъ воспоминаніяхъ старается указать современникамъ и потомству, какое мѣсто занималъ онъ самъ въ ряду вождей, политиковъ, министровъ и пр. Для этой цѣли, разумѣется, разсказывая свою жизнь, онъ былъ вовлеченъ въ необходимость изложить все, что̀ творилось въ его время во всемъ политическомъ мірѣ, и разумѣется скомпилировать исторію войскъ по разнымъ книгамъ и руководствамъ; мы говоримъ: скомпилировать, потому, что, будучи еще въ нижнихъ оберъ-офицерскихъ чинахъ, г. Булгаринъ въ то время не могъ знать ни плановъ компаній, ни цѣли всѣхъ дѣлъ, совершавшихся около него, такъ-что «Воспоминанія», особенно та часть ихъ, гдѣ описываются военныя дѣйствія наши или наполеоновскія, Богъ знаетъ почему названы отрывками изъ видѣн-

наго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни; должно бы было сюда прибавить еще: «*прочитаннаго и скомпилированнаго*». Но этого г. Булгаринъ не *дописалъ* въ заглавіи. Въ 1808 году г. Булгаринъ служилъ еще въ русской службѣ и *вмѣстѣ* съ графомъ Каменскимъ завоевывалъ Финляндію, почему въ вышедшихъ нынѣ четвертой и пятой книгахъ его Воспоминаній изложена подробная исторія завоеванія нашими войсками этого края. Покойный Н. А. Полевой показалъ передъ смертью своею, въ какой степени исторически достовѣрны компиляціи г. Булгарина; всѣ еще помнятъ эту жаркую полемику, въ которой Полевой какъ бы воскресъ съ новыми силами; всѣ помнятъ тоже, какъ блистательно защищался Ѳ. В. Булгаринъ. Справедливость требуетъ отъ насъ сказать, что теперь г. Булгаринъ гораздо осмотрительнѣе въ изложеніи историческихъ фактовъ, благоразумно устраняетъ въ нихъ сомнѣніе и дѣлаетъ невозможною всякую къ нимъ придирку, безпрестанно ссылаясь на источники, признанные у насъ классическими, какъ напримѣръ на исторію Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ «его превосходительства Михайловскаго-Данилевскаго». Это самое избавляетъ насъ отъ обязанности отдавать отчетъ публикѣ въ достовѣрности событій кампаніи; оставимъ ихъ въ сторонѣ, мы постараемся отдѣлить дѣйствія великихъ двигателей этой эпохи и будемъ только указывать подвиги самого г. Булгарина. Разумѣется, мы станемъ болѣе придерживаться словъ самого повѣствователя. О походѣ въ Финляндію рѣшено было такъ, что самъ г. Булгаринъ ничего не зналъ о томъ.

«Мы не думали, говоритъ онъ, и не гадали о походѣ въ Финляндію. Эскадронъ нашъ стоялъ въ Петергофѣ, а я пріѣхалъ въ Петербургъ погостить. Захожу къ пріятелю моему поручику Фащу (лейбъ эскадрона) и первое его слово было: «Прощай братъ!» — «Развѣ ты уѣзжаешь куда нибудь?» спросилъ я. — «Читай!» сказалъ онъ, подавая полковой приказъ.

«Второму батальону полка моего велѣно выступить черезъ трое сутокъ, подъ начальствомъ Полковника Графа Гудовича, въ Финляндію, для поступленія въ дѣйствующую армію. «Подписалъ:» *Константинъ Цесаревичъ*.

«Сюрпризъ! Захвативъ въ долгъ деньжонокъ у фамильнаго друга нашего Вакара (помѣщика и потомъ губернскаго прокурора Витебской губерніи), я закупилъ нужнѣйшее для похода, простился съ сестрою и отправился въ эскадронъ. На третій день мы вступили въ Петербургъ въ походной формѣ, переночевали, помѣстили лошадей въ Конногвардейскомъ манежѣ, и съ утра стали переправляться черезъ Неву»... (стр. 70. Ч. IV).

Въ Финляндіи батальонъ, въ которомъ служилъ г. Булгаринъ, поступилъ подъ начальство Барклая де Толли, и послѣ труднаго похода

и сражаясь на каждомъ шагу, занялъ городъ Куопіо. Здѣсь Барклай де Толли остановился на три дня, но во исполненіе приказаній главнокомандующаго, графа Буксгевдена, вышелъ изъ города, оставивъ три тысячи войска (въ томъ числѣ и эскадронъ г. Булгарина) въ Куопіо, подъ начальствомъ генерала Рахманова. Рахмановъ съ этими слабыми силами долженъ былъ: «охранять сообщенія съ Россіею, удержи«вать Куопіо до послѣдней крайности, устрашать непріятеля.... раз«бить Сандельса, овладѣть Тайвалой, и наконецъ открыть сообщенія «съ такъ называемымъ Сердобольскимъ отрядомъ. Дѣла невозмож«ныя!» Г. Булгаринъ, хотя и говоритъ на страницѣ 5-й: «Мы жили «въ нашей молодости не въ англійскомъ духѣ и въ простотѣ чувствъ «нашихъ родовались хорошему, были благодарны за добро, и если «иногда ворчали, то неудовольствіе было мимолетное, и проходило «какъ облако, нагнанное вѣтромъ на свѣтлое небо»; однако до сихъ поръ, по прошествіи сорока лѣтъ, не можетъ забыть страху и огорченій, претерпѣнныхъ имъ на этомъ полѣ: «кажется будто графъ Буксгевденъ почиталъ нашихъ солдатъ безсмертными или, по крайней мѣрѣ, неуязвимыми и одаренными тройною силою противу непріятеля, поручая генераламъ такія дѣла къ исполненію! Забывалъ онъ также, что самый мужественный человѣкъ требуетъ пищи!»

Впрочемъ негодованіе г. Булгарина за это стояніе въ Куопіо происходило совсѣмъ не оттого, чтобы онъ терпѣлъ тамъ голодъ. Онъ даже разсказываетъ, что былъ въ этой сторонѣ совсѣмъ обезпеченъ и пользовался, какъ онъ называетъ, «военнымъ счастьемъ»; въ самомъ дѣлѣ онъ до того наслаждался изобиліемъ, что могъ открыть въ домѣ, гдѣ онъ стоялъ, временной трактиръ. Г. Булгаринъ, постоянно преслѣдуемый даже въ воображеніи своемъ, какими-то невидимыми врагами, подобно Діогену миссъ Флоренсы Домби, который во снѣ лаялъ, потому-что ему снился какой-то невидимый врагъ, — спѣшитъ предупредить читателей, что въ его трактирѣ все получалось даромъ. Зато и веселье тамъ было веліе. Вотъ какъ описываетъ нашъ воинъ свое помѣщеніе въ Куопіо:

«По какому то особенному счастью, я и пріятель мой корнетъ Францкевичъ заняли домъ въ уединенной улицѣ, котораго хозяйка, почтенная старушка, не рѣшилась оставить своего пепелища. Она имѣла лавку внутри города, въ которой торговала, по шведскому обычаю, *всѣмъ*, отъ кофе и сахара до дегтя и веревокъ. Два сына ея ушли изъ города, вмѣстѣ съ другими жителями, ожесточенными противъ русскихъ, и увезли на другую сторону озера товары. Старушка осталась охранять домъ. Онъ былъ весьма хорошо меблированъ, разумѣется относительно бѣдности края, и былъ полонъ всякаго рода запасами. *По праву завоевателей* мы взяли всѣ ключи отъ хозяйки,

осмотрѣли всѣ уголки дома, отъ погреба до чердака, списали все съѣстное и всѣ напитки, велѣли снести въ одно мѣсто все относящееся къ продовольствію, и оставили ключи отъ этихъ сокровищъ у себя.... При хозяйкѣ оставался работникъ, кухарка и служанка. Кухарка должна была варить кушанье для насъ, для своей хозяйки, и для всей нашей прислуги, и чего она не успѣвала стряпать, то изготовлялъ ординарецъ Францкевича, бывшій передъ службой поваромъ.... Не доставало въ домѣ мяса, потому что мы не хотѣли убивать коровъ хозяйки, но какъ въ лагерѣ войско должно было само промышлять съѣстные припасы, и мы высылали уланъ на фуражировку, то и въ мясѣ у насъ не было недостатка. Мы жили роскошно, имѣли по нѣскольку блюдъ за обѣдомъ и за ужиномъ, весьма хорошее вино, кофе и даже варенье для дессерта». (стр. 101. Ч. IV).

Такое военное счастье позволило г. Булгарину принимать у себя всѣхъ офицеровъ, стоявшихъ въ городѣ и въ лагерѣ, и то все были, какъ онъ говоритъ почти обо всѣхъ лицахъ, о которыхъ упоминаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», — люди «прекрасные, образованные и благовоспитанные»; такъ-что «ежедневно человѣкъ пятнадцать — пи«шетъ онъ — садилось у насъ за столъ, а на вечеръ собиралось къ намъ «иногда человѣкъ до тридцати. Подавали чай, пуншъ, глентвейнъ, са«бойонъ, и потомъ ужинъ, играли въ карты, иногда призывали пѣ«сенниковъ и музыкантовъ».... «*У насъ былъ родъ трактира*, съ тою разницею, что все было *даровое*, и мы сами, хозяева дароваго тра«тира, сдѣлали родъ вывѣски, написавъ на оконныхъ стеклахъ, по Французски: *diner et souper, punch, sabaillon, vins et liqueurs pour «les bons amis*».... «Я и Францкевичъ сдѣлались извѣстными этимъ «даровымъ трактиромъ въ цѣломъ нашемъ корпусѣ» (стр. 104. Ч. IV).

Изъ этихъ строкъ видно, что въ Куопіо г. Булгаринъ катался какъ сыръ въ маслѣ и наслаждался всѣми жизненными удовольствіями. Что же вызвало изъ устъ его такую энергическую филиппику противъ распоряженій главнокомандующаго, забывшаго даже, «что и самый мужественный человѣкъ требуетъ пищи». Причина этому заключается въ одномъ происшествіи, котораго г. Булгаринъ, столько же храбрый воинъ, какъ и хорошій гастрономъ, какъ это видно изъ его собственныхъ признаній, до сихъ поръ забыть не можетъ. Одинъ разъ офицеры собрались въ трактирѣ г. Булгарина и сильно расчитывали на ужинъ, для котораго г. Булгаринъ купилъ за два червонца у казака и велѣлъ зажарить цѣлаго барана. Вдругъ раздались непріятельскіе выстрѣлы, а въ городѣ забили тревогу, и г. Булгаринъ, разумѣется, долженъ былъ слѣдовать за своимъ эскадрономъ, оставивъ своего жареная барана. Событіе сокрушительное! Оно описано у г. Булгарина на стр. 145, IV части.

Отдавая отчетъ нашимъ читателямъ о четвертомъ и пятомъ томѣ Воспоминаній, мы болѣе имѣемъ въ виду, какъ мы сказали, проследить все, что̀ касается до самого автобіографа, какъ героя разбираемой книги, а потому пропускаемъ все, что̀ не относится прямо къ нему. Г. Булгаринъ самъ, какъ видно, затрудняется отдѣлить свои подвиги отъ общихъ событій эпохи, которая увлекала его съ одного конца Европы на другой, отъ Торнео до Мадрита. Конечно онъ правъ, потому-что все тѣсно связано, что̀ происходитъ въ мірѣ. Не будь Наполеона, не было бы можетъ быть и финляндской войны, или была бы она позже, или какъ-нибудь иначе, ибо г. Булгаринъ говоритъ, что въ Тильзитѣ была рѣшена судьба (стр 23. Ч. I); не будь Наполеона, не былъ бы можетъ быть г. Булгаринъ и въ Испаніи подъ сѣнью его орловъ; очевидно звѣзда Наполеона оказывала сильное магическое вліяніе на судьбу г. Булгарина, тѣмъ болѣе, что еще въ продолженіи финляндской компаніи, какъ разсказывается въ Воспоминаніяхъ, онъ былъ хорошимъ защитниковъ Россіи, и когда случалось ему сталкиваться съ финляндскими помѣщиками и пасторами и заводить политическій разговоръ, онъ горою стоялъ за честь русскаго оружія, за благодѣтельность и благонамѣренность видовъ и дѣйствій нашего правительства. Не только словами содѣйствовалъ онъ къ убѣжденію шведовъ и финновъ покориться Россіи, но даже, подобно Горація̀мъ и Куріація̀мъ или Давиду и Голіафу, рѣшалъ дѣло единоборствомъ. Г. Булгаринъ подружился съ однимъ шведомъ, молодымъ человѣкомъ Арвидсономъ.

«Въ юности — говоритъ онъ — дружатся въ минуту, а на старости охладѣваютъ даже къ старымъ друзьямъ. *Это по несчастью, я испыталъ на себѣ.* (То есть какъ? самъ ли г. Булгаринъ охладился къ старымъ друзьямъ, или даже старые друзья къ нему?) Послѣ обѣда мы пошли прогуливаться въ поле. Арвидсонъ завелъ со мной политическій разговоръ. Я охотно уступилъ ему въ логикѣ, но предоставилъ себѣ защиту истолкованіемъ русской пословицы, что: сила солому ломитъ. Мы оба болтали кое-какъ по-нѣмецки. Наконецъ, въ изліяніи юношескихъ чувствъ, мы рѣшили *гадать*, кто останется побѣдителями шведы или русскіе. Онъ представлялъ собою Швецію, а я Россію; онъ сталъ на холмъ, а я аттаковалъ холмъ. Я взобрался на холмъ, поборолъ Арвидсона и разрѣшилъ загадку». (Стр. 236. Ч I).

Вотъ замѣчательное единоборство! Арвидсонъ, изображающій Швецію, свое отечество, г-нъ Булгаринъ, олицетворяющій Россію. Ожидаемъ дальнѣйшихъ Воспоминаній г. Булгарина; можетъ быть встрѣтимъ въ нихъ другое трагическое единоборство, за Пиренеями, гдѣ онъ будетъ представлять въ лицѣ своемъ Францію, а какой-нибудь гидальго — Испанію.

Изъ другихъ приключеній и подвиговъ автора Воспоминаній, важнее одинъ случай, за который дорого бы можетъ быть пришлось ему поплатиться.

«Въ городѣ мы запаслись французскимъ виномъ (médoc) и всѣмъ, что можно достать для стола. На другой день, на аванпостахъ, мы купили превосходную рыбу у поселянина, и я предложилъ товарищамъ сварить матлотъ (т. е. рыбу въ красномъ винѣ, съ пряностями, и пр.). Моя стряпня понравилась товарищамъ, а потому оставшееся въ кострюлѣ мы сохранили на ужинъ. Послѣ ужина, въ полночь, всѣ мы жестоко заболѣли. По счастью докторъ поспѣлъ во время и открылъ всѣ слѣды отравленія. Зная изъ шведскихъ газетъ о происходившемъ въ то время въ Испаніи, нѣкоторые изъ насъ подумали, что мы отравлены жителями, и велѣли сохранить для изслѣдованія всѣ припасы купленные нами въ городѣ. Но когда докторъ спросилъ насъ, что мы ѣли въ тотъ день, онъ велѣлъ принесть посуду, въ которой варилось кушанье, и тотчасъ узналъ причину нашей болѣзни, увидѣвъ ярь въ кострюлѣ, образовавшуюся отъ дѣйствія на мѣдь краснаго вина и пряностей! Я не догадался, что въ кострюлѣ не было никакой полуды» (стр. 169. Ч. V).

Еще бы можно было, для полноты свѣдѣній о г. Булгаринѣ за эти годы, т. е. за 1808, 1809 и 1810, привести одинъ несчастный случай, какъ его, по собственному сознанію, чуть-чуть не убилъ одинъ раздражительный любовникъ какой-то женщины, выжидавшій у воротъ дома, гдѣ квартировалъ и г. Булгаринъ, ея новаго любовника, какого то писаря. Обманутый принялъ г. Булгарина за этого писаря. Но впрочемъ это не относится собственно къ военной жизни автора Воспоминаній, а къ его похожденіямъ *по части любви*. Шведскія и финляндскія женщины оставили въ немъ сильное впечатлѣніе; маститый воинъ-журналистъ, отдыхая на лаврахъ, собранныхъ имъ посреди финскихъ скалъ, воспоминаетъ о нихъ съ наслажденіемъ и называетъ ихъ *ягодкой мамурой*, красой сѣвера. Впрочемъ о своихъ успѣхахъ у женщинъ онъ ничего не говоритъ или изъ скромности, или можетъ быть съ сожалѣніемъ примѣнятъ къ себѣ французскую пословицу: «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait», тѣмъ болѣе, что тогда г. Булгаринъ былъ хорошъ собою, женщины (пожилыя) *гладили* его *по лицу*, приговаривая: «бѣдное дитя»: «у меня тогда, говоритъ онъ, только пробивался пушекъ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ были *богатырскіе* усы»..... (стр. 29. Ч. V).

Рядовой, *трагико-комическая сцена въ двухъ дѣйствіяхъ сочиненіе* князя Алексѣя Долгорукаго. *Спб. 1848.*

Урокъ старичкамъ, или любовь хитрѣе сатаны, *комедія съ апологомъ. Сочиненіе* князя Алексѣя Долгорукаго. *Спб. 1848.*

Толстякъ и тощій. *Шуточная сцена* Ѳ. А. Кони, *изданіе второе. Спб. 1848.*

Имя князя Алексѣя Долгорукаго пользуется уже большою извѣстностію въ русской литературѣ: кто не знаетъ его удивительное сочиненіе о магнетизмѣ и месмеризмѣ, такъ справедливо и остроумно оцѣненное нѣкогда Библіотекою для Чтенія?... Но до сихъ поръ мы полагали, что князь Алексѣй Долгорукій силенъ только по части магнетизма и месмеризма, а теперь оказывается, что онъ не менѣе силенъ по части поэзіи и драматической литературы. Авторъ даритъ насъ теперь двумя удивительными драматическими произведеніями, заглавія которыхъ мы выписали выше. Месмеристъ и поэтъ-драматургъ, онъ сплелъ себѣ двойной, неувядаемый вѣнокъ...

Драматическія произведенія князя отличаются:

1) Глубиною содержанія и мастерствомъ сочиненія (концепціи).

2) Совершенно оригинальнымъ слогомъ, который впрочемъ не походитъ ни на стихи, ни на прозу, а что-то среднее между стихами и прозою.

3) Остроуміемъ куплетовъ. Князь въ остроуміи безспорно превосходитъ всѣхъ нашихъ водевилистовъ, не исключая даже и автора Толстяка и тощаго».

4) Истинно велико-свѣтскимъ тономъ.

Вотъ доказательства всего этого:

Трагико-комическая сцена «Рядовой» открывается чудной картиной. У берега Кубани *стоитъ* на ведетѣ казакъ *верьхомъ* (стоитъ верхомъ, какъ это ново и оригинально!), лицомъ къ Кубани, а спиной къ партеру направо. У подножія утеса полулежитъ казакъ Олегъ Засахъ задумавшись. Изъ *средины утесовъ* выходитъ черноморка Нина. Черноморка страстно влюблена въ Олега и говоритъ ему: — Люби меня! — Любить дитя? возражаетъ Олегъ.—Любить твой Олегъ здѣсь не можетъ, не долженъ знать святой любви... Онъ ужь лишенъ, какъ тварь на свѣтѣ:

А только тлѣть покуда въ ней.
Оставленъ онъ между людей!...
(вздыхаетъ).

Нина упорствуетъ и твердитъ: — Люби! люби!

Олегъ замѣчаетъ: — люблю тебя, какъ добродѣтель, какъ ангелъ роткой на землѣ.... Я благодарю тебя за ласки и за все.... Но любить *(вздыхаетъ)*, люблю столько, сколько могу. Но страстная Нина.... сверкая очами, произноситъ: — Мнѣ это слишкомъ мало! а

Олегъ опять вздыхаетъ. — Я тебя такъ люблю, продолжаетъ страстная Нина: — что никакая другая черноморка, ни даже *москвитянка* не можетъ, не въ состояніи, не съумѣетъ любить тебя такъ, какъ я.... Затѣмъ она кидается на грудь къ Олегу и страстно обнимаетъ его, повторяя: — Люби! люби!.. Неумолимый и холодный Олегъ говоритъ: — Не могу....

Нина. Почему не можешь?
Олегъ. Почему? Потому что не могу!...

— Скажи, отчего? пристаетъ къ нему Нина. — Оттого, что я живой мертвецъ!... Нина хохочетъ и колетъ Олега въ руку булавкой. Олегъ кричитъ, у него выступаетъ на рукѣ кровь... — О, съ этимъ мертвецомъ я согласна вѣкъ жить! вскрикиваетъ страстная Нина... — Коли черноморка кого полюбитъ, такъ любитъ, и въ любви нѣтъ у ней границы .. Забудь все, забудь всѣхъ.... Люби меня!

Олегъ цалуетъ руки и колѣни Нины. Нина вздрагиваетъ... Вдругъ шумъ.... показывается горецъ. Нина выхватываетъ у Олега изъ пояса пистолетъ, убиваетъ горца и падаетъ въ обморокъ.... Зеленый дѣлаетъ выстрѣлъ въ знакъ тревоги. Олегъ кидается къ Нинѣ, беретъ ее на руки, кладетъ на сѣдло и удаляется.

Этимъ превосходно и эффектно оканчивается 1 дѣйствіе.

Во 2 дѣйствіи Нина ворочаетъ горшки въ печи, а Олегъ чиститъ ружье и повторяетъ, что онъ мертвецъ.... Дѣло въ томъ, что Олегъ за наказаніе разжалованъ въ солдаты; оттого онъ и груститъ. Онъ доказываетъ стихами свои прежніе воинскіе подвиги, входитъ въ восторгъ и вмѣстѣ съ Ниной поетъ:

Вамъ гусары — честь и слава!
Россы, вамъ ура! ура!...

Пропѣвъ это, онъ снова впадаетъ въ унынie, а Нина такъ утѣшаетъ его: — Да полно тосковать.... пора съ Ниной забыть все.... чего у тебя нѣтъ: Нина любитъ, *картошекъ вдоволь*, огородъ подъ рукой.... и проч. (стр. 25). Черезъ нѣсколько времени входитъ полковой писарь Трофимовъ и приноситъ Олегу вѣсть о прощенiи. Олегъ кидается на колѣни передъ Ниной и проситъ Трофимова написать ему отставку и *рапортъ о томъ, что онъ хочетъ жениться на Нинѣ*.... Затѣмъ слышны пѣсни, растворяются двери, входятъ казаки и казачки.... — Ну, Нина, говоритъ онъ, дай-ка денегъ другу Трофимову, и онъ для насъ сбѣгаетъ за виномъ, а тама не забудь попросить и господъ къ намъ на свадьбу: нынѣ отпируемъ съ казаками, а завтра съ ними... Черноморка присѣдаетъ, по-крайней-мѣрѣ мы полага-

емъ, что она непремѣнно должна въ эту минуту присѣсть, и отвѣчаетъ: «Нѣтъ, отъ этого избавь, у меня кругомъ *головушка* идетъ». (стр. 32). Въ заключеніе всѣ хоромъ поютъ, кажется по-малороссійски:

Ой ты дѣвчина, червонная роза,
Что ты до меня звечера не вышла....
Ой якъ я маю, до тебѣ ходити,
Коли насъ будутъ вируги судити....

а подъ эти звуки Олегъ съ Ниной танцуютъ *польку*.

Талантливый авторъ посвятилъ свою трагико-комическую сцену своему товарищу Казиміру Францовичу.

«Казиміръ Францовичъ!» говоритъ онъ ему — «вспомни наши съ тобой старыя проказы, когда намъ припала охота учиться медицинѣ. Ты и я, отложивъ *земное пусточваніе*...

Это выраженіе мы первый разъ встрѣчаемъ въ печати. Намъ оно очень нравится.... Должно быть это великосвѣтское выраженіе.

Итакъ.... «отложивъ земное пусточваніе, подъ вечеръ, послѣ лекцій, игрывали въ тихомолку подъ разными именами на губернскомъ театрѣ. Право, это время, было время золотое.... Но всему есть время и пора.... *Вспомни Машу, за которую мы съ тобой, мало того, что поссорились, но даже чуть не посчитались*....

Что̀ это значитъ *посчитаться*?... Можетъ быть на великосвѣтскомъ языкѣ слово посчитаться имѣетъ одинакое значеніе съ грубымъ, мужицкимъ словомъ *подраться*.... По смыслу должно быть такъ. Авторъ хотѣлъ посчитаться съ Казиміромъ Францовичемъ за Машу....

«За то» продолжаетъ онъ — «что ты и я хотѣли съ ней играть въ одной роли, а теперь право это смѣшно. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а давно ли, кажется, это было: ты уже лекарь, я магнетизёръ....» и проч.

Подъ этимъ посланіемъ, написаннымъ такимъ изящнымъ, тонкимъ перомъ, слѣдующая надпись:

Твой камрадъ
Кн. Алексѣй Долгорукой.

Кромѣ того въ началѣ трагико-комической сцены, передъ посланіемъ къ своему *камраду* Казиміру Францовичу, помѣстилъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Планеты зарницы посвящается*. Стихотвореніе, также какъ и заглавіе, очень мило, да только нѣсколько темновато. Вотъ съ какою рѣчью обращается князь къ *планеты зарницы*:

Какъ лань молодая — рѣзвитесь порою,
Съ зарею восхода, и вы завсегда;

Подъ вечеръ на арфѣ — воспѣлъ бы нечтово;
Но вамъ онміамы курятъ лишь тогда...

Этотъ куплетъ нѣсколько напоминаетъ намъ другой куплетъ, сочиненный въ 1778 году извѣстнымъ нашимъ писателемъ Тредьяковскимъ:

Но, принужденъ судьбою или непремѣнной
И отъ всея вѣчности тако положенной,
Или на сильно волей во всемъ неразсудной,
И въ порывѣ склониться на иное трудной.

Послѣ стишковъ *къ зарницы* и посланія къ Казимиру Францовичу слѣдуетъ страница съ дѣйствующими лицами:

Рядовой, Олегъ Массахъ . . *я*.
Дѣва горъ — черноморка. . *Маша*.
Писарь Трофимовъ . . . . . *вы*.

На задней сторонѣ обертки траги-комической сцены насъ истинно порадовало слѣдующее извѣщеніе: У автора есть еще вновь написанная комедія-оперетка (ужь не трагико ли комедія-оперетка?) въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ плясками и хорами *Хазъ-Бека*, въ коей есть роль для г. Каратыгина 1-го.»

Мы полагаемъ, что и г. Каратыгина 1-го, также какъ и насъ, обрадуетъ это пріятное объявленіе....

«Урокъ старичкамъ, или любовь хитрѣе сатаны», не трагико-комедія, а просто комедія съ апологомъ. На заглавномъ листѣ и на оберткѣ этой комедіи изображены рога -- оленьи, если не ошибаемся, а подъ рогами подпись: *всему свое пора и время*. Эта остроумная виньетка указываетъ на мысль и содержаніе комедіи. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что Вѣра Степановна Люлинская влюблена въ своего лекаря Вечеслава Владиміровича Межембродскаго, а въ нее влюбленъ старикъ графъ Николай Михайловичъ Цывигинъ. Вѣра Степановна ненавидитъ старика-графа, однако, по совѣту своей горничной Маши и по нѣкоторомъ собственномъ размышленіи, выходитъ за него за-мужъ. Маша къ удовольствію своей барыни устроивать все такъ, что Межембродскій дѣлается другомъ графскаго дома, и старикъ графъ имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность.... Вы понимаете теперь, на что намекаетъ остроумная виньетка!... Князь посвятилъ свою забавную комедію *земляку своему г-ну Живокини, московскаго императорскаго театра артисту*.

Эта комедія отличается тѣми же достоинствами, какъ и трагико-комедія «Рядовой». Окончательный куплетъ къ публикѣ, который

ятъ Маша, — верхъ грацiи и остроумiя. Мы не можемъ не выпи-
ь его:

МАША.

Конечно, *старенькой* межь васъ,
На эту пьесу *взыщодуетъ*,
И противъ автора и насъ,
На свѣтѣ бѣломъ протестуетъ.
Но авторъ пьесы, какъ и мы,
Лишь васъ старается забавить,
Коль не успѣли мы, любви
Хитрѣе сатаны представить.
Простите насъ — всѣхъ отъ души,
Похлопайте, хоть разъ, *однажды*,
Или зашикайте ши.... ши!...
Въ знакъ неудачи и *досады*.
(*Немного помолчавъ, и показывая на ложи*).
Но между васъ отъ молодыхъ,
Бываютъ тѣже, вѣдь, проказы!
О, берегитесь холостыхъ —
Женатые!... ихъ какъ заразы!

Слѣдовательно, это комедiя Урокъ не только однимъ Старикамъ, и вообще женатымъ?... На задней сторонѣ обертки изображено: омедiя эта печаталась въ 30 экземплярахъ для раздачи друзьямъ и зволяется со стороны автора *безъ всякаго возмездiя ему*, буде по-лаютъ, взять на сцену, даже безъ повѣстки о томъ автору».
Это истинно великодушно со стороны автора!
«Толстякъ и Тощiй, шуточная сцена» нашего опытнаго драматур-О. А. Кони, уже извѣстна всѣмъ многочисленнымъ почитателямъ таланта. Но къ чему было печатать подобныя вещи:

. . . . . .
Вотъ тонокъ!... Скажутъ про него...

ТОЛСТЯКЪ,
Да вѣдь гдѣ тонко, тамъ и рвется!

ТОЩIЙ.
Но въ тонкости есть также прокъ.
Пускай худой не Чудо-Юдо,
Да худоба, братъ, не порокъ —
И быть худымъ не такъ-то худо.
Хоть лѣтомъ, напримѣръ, худой
Какъ быкъ, *не прыть то и дѣло* —

ТОЛСТЯКЪ.

За то не дрогнемъ мы зимой:
Намъ шуба — собственное тѣло....
. . . . . и проч.

Впрочемъ, чтожь — это мило и замысловато!

Сказаніе о Видъяугарѣ Джимутаваганѣ, *повѣсть Сомадэвы Бгатты. Переводъ съ Санскритскаго.* К. Коссовича.

Вотъ новость! Представьте, г. Коссовичъ, нашъ извѣстный санскритологъ — памфлетистъ. Сказаніе о Видъяугарѣ переведено имъ по заказу Зондербунда. Вотъ что значитъ практическій смыслъ въ литературѣ! Онъ и санскритскую поэзію употребитъ для пользы страждущаго человѣчества. Сомодэва-Бгатта, которымъ воспользовался г. Коссовичъ, чтобы такъ торжественно высказать свое негодованіе на Оксенбейна и всѣхъ современныхъ швейцарцевъ, жилъ, по свидѣтельству самого переводчика, въ началѣ XII столѣтія. Онъ составилъ свой сборникъ, изъ котораго взятъ этотъ разсказъ, для утѣшенія царицы Суръявати въ потерѣ внука ея, кашмирскаго царя Гарша-Дэвы, умершаго около 1225 года по Р. Х. Почтенный столѣтній старецъ (предполагая, что г. Коссовичъ не считаетъ 1225 годъ за начало XII столѣтія) былъ исполненъ духа кротости и смиренія. Онъ принадлежалъ къ сектѣ сиваитовъ, но въ сиваизмѣ Сомадэвы нѣтъ того кроваваго, оргіестическаго характера, которымъ отличаются сиваиты въ драмѣ: «*Торжество свѣтлой мысли*», переведенной прошлаго года тоже г. Коссовичемъ. «*Дай же Богъ*, восклицаетъ нашъ памфлетистъ, *дай Богъ, чтобы современные швейцарскіе Сиваиты и наши ревностные журнальные поборники ихъ ученія, дай Богъ, чтобы и тѣ и другіе наши сиваиты приняли себѣ въ образецъ сиваизмъ Сомадэвы*».

Въ этихъ словахъ, несмотря на ихъ чисто практическое направленіе, увидишь тотчасъ же страстнаго индолога. Г. Коссовичъ до того сроднился съ Индіею, что даже слова и цѣлыя фразы принимаютъ у него фантастическую пестроту Востока. Что за яркій наборъ именъ! Сиваиты, современные швейцарцы, русскіе журналы, — прелесть!... чудо! Такъ вотъ и сдается, что мы въ Индіи. Мы сначала было не поняли, о какихъ журнальныхъ поборникахъ сиваизма говоритъ г. Коссовичъ; но онъ самъ былъ такъ любезенъ, что въ подстрочномъ замѣчаніи прибавилъ объясненіе. Вотъ оно: «*Озлобленіе, съ которымъ трудъ мой (переводъ драмы Торжество свѣтлой мысли) былъ встрѣченъ во многихъ журналахъ, въ особенности же въ Современникѣ, мо-*

жетъ быть оправдано только баснею объ обезьянѣ, разсердившейся на зеркало за то, что оно очень вѣрно отразило безобразныя ея черты. Но виноватъ ли переводчикъ санскритской драмы, что наши мудрователи встрѣтили въ ней самихъ себя и что ученіе, которое предано въ этой драмѣ поруганію, похоже на ихъ ученіе. За такой комментарій нельзя не поблагодарить. Теперь дѣло ясно. Драма «Торжество свѣтлой мысли» переведена была также по заказу Зондербунда. Сиваиты, выведенные въ ней и называемые г. Коссовичемъ *гегелистами*, — вы теперь догадываетесь, кто они, по мнѣнію г. Коссовича, и какую тѣнь старается онъ бросить на нихъ.... Мы совсѣмъ забыли, что г. Коссовичъ чрезвычайно любитъ выражаться символически, большой охотникъ до подобнаго рода сравненій, которыя ведутъ прямо къ его высокой цѣли. Что́ за мудрый внушаитъ г. Коссовичъ! Онъ совѣтуетъ современнымъ швейцарскимъ сиваитамъ взять въ образецъ себѣ мирнаго, кроткаго Сомадэву. Видно и вся-то бѣда у нихъ случилась отъ того, что между ними не оказалась ни одного индолога, похожаго на г. Косовича, который бы навелъ ихъ на умъ переводами санскритскихъ повѣстей.

Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ, *изданное* Иваномъ Фундуклеемъ. *Кіевъ. 1847.*

Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ раздѣлено на 4 отдѣленія. Въ первомъ заключается описаніе примѣчательнѣйшихъ урочищь, ознаменованныхъ историческими событіями; во второмъ пещеры и насыпи, образованныя рукою человѣческою; въ третьемъ памятники древняго зодчества, состоящіе преимущественно въ зданіяхъ церковныхъ; здѣсь же помѣщено описаніе вещей, составляющихъ принадлежность этихъ зданій; въ четвертомъ отдѣленіи находится описаніе старинныхъ вещей церковныхъ и мірскихъ, невошедшихъ въ составъ предъидущаго отдѣла. Бо́льшая часть зданій и вещей, описанныхъ въ обозрѣніи Кіева, изображены на рисункахъ и чертежахъ, которыхъ приложено 62, литографированныхъ въ Парижѣ у братьевъ Тьерри. Въ началѣ обозрѣнія помѣщенъ вмѣсто введенія краткій очеркъ Кіева; въ концѣ приложены поясни тельныя и дополнительныя примѣчанія.

Обозрѣніе Кіева — прекрасный подарокъ для археолога и любителя русской старины, и почтенный издатель имѣетъ полное право на ихъ признательность. На изданіе не пощажено издержекъ; бумага прекрасная, рисунки сдѣланы ясно, отчетливо, даже изящно.

Первый отдѣлъ обозрѣнія посвященъ, какъ мы видѣли, обозрѣнію мѣстности Кіева и урочищамъ, ознаменованнымъ какими-нибудь важными историческими событіями. Этотъ, къ сожалѣнію краткій,

топографическій очеркъ Кіева весьма любопытенъ. Кіевъ занималъ въ началѣ, сколько можно судить изъ лѣтописей, только четвертую часть Старо-Кіевской горы. Дремучій лѣсъ окружалъ городъ. Подъ Кіевомъ съ той стороны Днѣпра былъ перевозъ. Отъ пристани, при которой тогда Почайна впадала въ Днѣпръ, въѣзжали въ Кіевъ на гору по Боричеву взвозу; это была главная дорога въ Кіевъ. Съ югозападной стороны первоначальный Кіевъ былъ отдѣленъ оврагомъ, черезъ который ѣздили по мосту; за нимъ шло подгорное поле къ самой Лыбеди, обтекавшей Кіевъ съ югозападной стороны. Кіевъ постепенно расширялся. Сначала заселились вѣроятно возвышенности и удолья, которыя отъ Старо-Кіевской горы идутъ вверхъ по Днѣпру къ Вышгороду, или горѣ Хоревицѣ, на которой стоялъ древній Вышгородъ. Въ это же время вошла вѣроятно въ составъ Кіева и гора Щековица, извѣстная подъ именемъ могилы Олеговой, бывшая дотолѣ поселеніемъ отдѣльнымъ отъ Кіева. Теперь покатости Щековицы застроены домами, а вершина ея занята городскимъ кладбищемъ съ каменной церковью Всѣхъ Святыхъ. На Подолѣ не было жилья вѣроятно до половины X вѣка; онъ былъ въ это время затопленъ водами Почайны; теперь это ничтожный ручей, но въ старину Почайна была весьма быстра и глубока. Еще въ прошломъ столѣтіи она была довольно глубока. Почайна протекала по сѣверной части Подола, называемой теперь Оболонью. Въ древности Болонье, Верхній городъ былъ значительно распространенъ Ярославомъ. Къ первоначальному городу Ярославъ прибавилъ новый великій градъ съ золотыми воротами, и здѣсь были воздвигнуты имъ Софійскій храмъ и монастыри св. Георгія и Ирининскій. Можно съ достовѣрностью опредѣлить, что такъ называемое теперь Андреевское отдѣленіе стараго города было и до Ярослава, а Софійское принадлежитъ ему. Наряду съ старымъ городомъ заселялся и Подолъ, который сталъ скоро весьма многолюденъ и былъ главнымъ средоточіемъ кіевской торговли. Этому способствовали близость Днѣпра и пристани; Подолъ простирался до самого устья Почайны. Въ такихъ предѣлахъ заключался Кіевъ, когда нагрянули монголы. Печерскій монастырь, Берестово, Выдубичи съ древнимъ монастыремъ, – все это было внѣ города и расположено на лѣсистыхъ холмахъ и удольяхъ днѣпровскихъ. Татары раззоряли Кіевъ не разъ. Послѣднее и чуть ли не самое ужасное нашествіе ихъ было въ 1482 году подъ предводительствомъ Менглигирея. Кіевъ былъ раззоренъ до основанія, Печерская Лавра сожжена. Возобновителемъ Кіева былъ Казиміръ; по его повелѣнію собрано было до 20,000 народа изъ странъ поднѣпровскихъ и западнорусскихъ, и въ первые годы XVI-го столѣтія Кіевъ отстроился заново. Во время польско-литовскаго владычества собственно

городомъ считался Подолъ. Его называли нижнимъ Кіевомъ въ отличіе отъ стараго города или верхняго Кіева. Здѣсь, на Подолѣ сосредоточивалась вся городская жизнь; здѣсь былъ замокъ Кіевскій на горѣ Киселевкѣ, около древняго Копырска конца, или Уздыхальницы, гдѣ находился въ древности Самсоньевскій монастырь, мѣсто погребенія Игоря Ольговича. Здѣсь сосредоточивалось все управленіе, военное и гражданское. При Петрѣ Великомъ заложена была Печерская крѣпость на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древности было село Берестово, любимое мѣстопребываніе Владиміра и Ярослава, а потомъ село Печерское. Съ этой поры начинается заселеніе всей такъ называемой Печерской части нынѣшняго Кіева, въ которой съ 1711 года имѣли пребываніе начальники города и губерніи. Наконецъ при Елисаветѣ начинаетъ застроиваться и дворцовая часть Кіева, которая со временъ Батыя была необитаема и отдѣляла Печерское отъ стараго города. Крещатицкое удолье, находящееся между Старо-Кіевскою и Дворцовою горою, бывшее дебрею во время Батыя, необитаемое еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, обратилось въ одну изъ лучшихъ улицъ Кіева.

Такова исторія топографіи Кіева. Но что же намъ осталось отъ стараго Кіева. Свѣтскихъ памятниковъ почти нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ вещей, найденныхъ въ древнихъ гробницахъ и насыпяхъ. Зато тѣмъ болѣе сохранилось памятниковъ религіозныхъ.

Въ обозрѣніи Кіева помѣщены рисунки и описанія слѣдующихъ памятниковъ древняго византійскаго зодчества: Десятинной церкви, Васильевской, нынѣ Трехсвятительской, Софійскаго собора, Златыхъ вратъ, развалинъ Ирининской церкви и Михайловскаго Золотоверхаго монастыря (всѣ эти памятники находятся въ старомъ Кіевѣ), Спаса на Берестовѣ, Кіевопечерской Лавры и Пустынноникольскаго монастыря (на Печерскѣ), монастыря Выдубицкаго и Мезигорскаго (въ окрестностяхъ Кіева). Кромѣ этихъ древнихъ зданій въ обозрѣніи найдемъ мы рисунки и описанія церквей, созданныхъ гораздо позднѣе, такъ напр. церкви Андрея Первозваннаго, Кіевобратскаго монастыря и др. Лучше всѣхъ сохранился Софійскій соборъ, безспорно самый замѣчательный и самый величественный памятникъ византійскаго зодчества у насъ, на Руси. Судьба всегда покровительствовала этому великолѣпному зданію, и, несмотря на неоднократное нашествіе монголовъ, несмотря на то, что Кіевъ нѣсколько разъ былъ разрушаемъ до основанія, Софійскій храмъ остался невредимымъ; другія церкви исчезли или остались въ развалинахъ, Софійскій храмъ остался одинокимъ, но краснорѣчивымъ памятникомъ древняго великолѣпія Кіева. Софійскій храмъ построенъ Ярославомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ печенѣгами, напавши-

ми на Кіевъ въ 1036 году. Это мѣсто было тогда — поле внѣ града. Въ слѣдующемъ году Ярославъ заложилъ здѣсь новую часть города съ золотыми воротами и церковь Софійскую. Она была построена греческими мастерами по образцу константинопольской. Впрочемъ древній фасадъ Софійскаго храма закрытъ теперь пристройками и контрфорсами, сдѣланными Петромъ Могилою для поддержанія древнихъ стѣнъ. Въ Софійскомъ храмѣ сохранилось довольно много остатковъ мозаики и стѣнной живописи. Мозаическія изображенія находятся въ олтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ. Посреднѣ этого мѣста, почти на сводѣ, возвышается изображеніе Божіей Матери въ золотомъ полѣ, въ исполинскомъ размѣрѣ. Стопы ея утверждены на четвероугольномъ золотомъ камнѣ; руки, облаченныя въ лазоревыя поручи, подняты вверхъ; на ней хитонъ лазоревато же цвѣта, препоясанный червленымъ поясомъ, за которымъ заткнутъ утиральникъ. Золотое покрывало на головѣ ея опускается на рамена и одинъ конецъ перевѣшенъ черезъ лѣвое плечо. На челѣ ея и на обоихъ раменахъ изображено по одной блестящей звѣздѣ. Это изображеніе издавна въ народѣ называется нерушимою стѣной, оттого, полагаютъ, что въ продолженіи восьми вѣковъ среди разрушеній и опустошеній оно осталось невредимымъ. Широкая бѣлая полоса съ арабесками отдѣляетъ это верхнее изображеніе отъ группы средняго ряда, представляющей Тайную Вечерю. Наконецъ этотъ средній рядъ изображеній отдѣленъ отъ нижняго также широкою полосою мозаики. Внизу помѣщены изображенія святителей III-го и IV вѣковъ, наиболѣе прославившихся святостію жизни. Отъ половины изображенія книзу вся мозаика осыпалась. Подъ ними находятся арабески также изъ мозаики, но болѣе грубой работы. На ближайшей къ иконостасу аркѣ и внѣ алтаря подъ куполомъ уцѣлѣли также мозаическія изображенія. Внутренность арки представляетъ на золотомъ полѣ черныя арабески; а съ наружной стороны изображена въ трехъ кругахъ Деисусъ, т. е. икона, представляющая Спасителя, у котораго съ правой стороны Божія Матерь, а съ лѣвой Предтеча. Вообще всѣ дуги и столпы подъ куполомъ сохраняютъ еще слѣды мозаики.

Изъ стѣнной живописи особенно замѣчателенъ остатокъ софійскаго фреска, въ одномъ изъ четырехъ небольшихъ отдѣленій храма, устроенныхъ на подобіе портика, примыкающаго съ южной стороны къ главной части храма. На кругломъ сводѣ его видно было давно уже изображеніе звѣзды, составленной изъ двухъ разноконечныхъ крестовъ, соединенныхъ въ центрѣ. Потомъ ниже въ кругахъ изображены четыре лика ангеловъ, написанныхъ въ обыкновенный человѣческій ростъ до пояса. Ниже, въ промежуткѣ круговъ, находятся изображенія двухъ херувимовъ и серафимовъ и другія изображенія. Но

кромѣ этой живописи очень давно стали показываться изъ-за извѣстковой побѣлки въ нижней части храма къ югу отъ главнаго алтаря, въ придѣлѣ, посвященномъ имени преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, съ лѣвой стороны, разныя изображенія. Вслѣдствіе этого въ 1843 году приступили къ открытію фресковъ на всѣхъ другихъ стѣнахъ и куполахъ Софійскаго храма. Академикъ Солнцевъ, назначенный для этого, открылъ фрески не только внизу на всѣхъ стѣнахъ Софійскаго храма, но даже на хорахъ и двухъ галлереяхъ, ведущихъ на хоры. Внизу на стѣнахъ храма и четвероугольныхъ колоннахъ открыты лики святителей, мучениковъ и мученицъ. Всѣ эти живописныя изображенія очень сходны съ мозаическими, находящимися въ южной части главнаго алтаря и на аркахъ Софійскаго храма, и съ живописью, оставшеюся въ Полоцкѣ во храмѣ Всемилостиваго Спаса, построенномъ св. Ефросиніею, княжною полоцкою. Въ Софійскомъ соборѣ, въ одномъ изъ алтарныхъ придѣловъ, посвященномъ имени равноапостальнаго отца ярославова, по лѣвую сторону отъ главнаго алтаря, находится гробница великаго князя Ярослава Владиміровича. Она прислонена къ стѣнѣ заднею и боковою стороною. На плитахъ бѣлаго мрамора, изъ которыхъ она сдѣлана, находятся на верхней доскѣ выпуклыя изваянія крестовъ, пальмовыхъ и кипарисныхъ деревъ, заключенныя въ пяти квадратахъ. Въ трехъ среднихъ квадратахъ между крестомъ греческая надпись IC. XC. NIKA (т. е. Іисусъ Христосъ побѣждаетъ). Въ одномъ изъ такихъ квадратовъ вверху помѣщены, вмѣсто деревьевъ, двѣ рыбы, и еще въ одномъ пара голубей. *Вѣроятно*, говоритъ обозрѣніе Кіева, *что эти надгробныя украшенія должны имѣть какое либо символическое значеніе; но оно теперь неизвѣстно.* Напрасно. Значеніе ихъ весьма извѣстно. Рыба — это символическое изображеніе апостоловъ, а часто и самого Спасителя, встрѣчаемое весьма часто на древнихъ христіянскихъ памятникахъ (такъ напр. въ римскихъ катакомбахъ). Это можетъ быть отчасти воздѣйствіе античной символистики, гдѣ рыба означала вообще водную стихію, которая стала теперь для христіянъ источникомъ жизни, и рыба, символъ воды, стала символомъ св. крещенія. Это символическое изображеніе имѣетъ далѣе свое основаніе въ словахъ Спасителя, назвавшаго учениковъ своихъ ловцами человѣковъ (Матѳ. гл. 4. ст. 6). Но чаще всего употребляли это символическое изображеніе потому, что буквы греческаго слова ΙΧΘΥΣ (рыба), отдѣльно взятыя, передавали начальныя буквы имени Спасителя и словъ, выражающихъ его божественное посланіе. А именно: Ι|ησους Χ|ριστὸς Θ|εοῦ Υ|ἱὸς Σ|ωτὴρ т. е. Іисусъ Христосъ сынъ Божій Спаситель. Голубь — это также одинъ изъ самыхъ любимыхъ символовъ христіянскаго искусства. Его изображаютъ часто съ оливковою вѣтвью. Это символъ

Св Духа и христіянскаго смиренія. Неужели и это неизвѣстно составителю текста въ обозрѣніи Кіева? Подобныхъ промаховъ въ обозрѣніи Кіева довольно, и мы очень пожалѣли, что описаніе древнихъ кіевскихъ памятниковъ не соотвѣтствуетъ ни прекраснымъ рисункамъ, ни роскошному изданію.

Первые опыты Военной Статистики. Д. Милютина. *Книжка первая. Съ двумя иллюминованными картами. Спб. 1847.*

Не болѣе какъ за пятнадцать лѣтъ вся наша военная литература состояла лишь изъ двухъ, трехъ оригинальныхъ и небольшого числа переводныхъ сочиненій; но и эти такъ называемыя *оригинальныя* сочиненія писались на языкѣ французскомъ, а переводы дѣлались безъ всякаго выбора, и часто односторонніе мнѣнія иностранныхъ писателей принимались за непреложные, постоянные законы. Съ учрежденія Военной Академіи въ 1832 г. военная литература въ Россіи получила новую жизнь. Рядъ сочиненій военныхъ, являвшихся въ свѣтъ одно за другимъ въ послѣднія десять лѣтъ, показываетъ необыкновенную дѣятельность Военной Академіи: въ 1836 г. вышло *Обозрѣніе извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ Стратегіи* ген. барона Медема; затѣмъ въ 1837 г. появилась его же *Чистая тактика*, а въ 1838 г. *Тактика прикладная*; въ томъ же 1838 г.—*Опытъ теоріи военной географіи* г. Языкова и *Исторіи древняго военнаго искусства* г. Зедделера; въ 1839 г. *Высшая тактика* г. Веймарна; въ 1843 г.—*Исторія военнаго искусства среднихъ вѣковъ* г. Зедделера; въ 1845 г. — *Походъ Бонапарте въ Италію въ 1796-мъ году*, соч. г. Богдановича; въ 1846 г. его же *Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова*, и наконецъ въ прошломъ году изданы: г. Милютинымъ сочиненіе о *Военной статистикѣ*, а гг. Богдановичемъ и Нееловымъ два сочиненія о *Стратегіи*. Сверхъ того съ 1846 года *Военный Журналъ* наполняется замѣчательными трудами профессоровъ и слушателей Академіи. Мы намѣрены ознакомить нашихъ читателей съ послѣдними военными сочиненіями, вышедшими въ прошломъ году. Начнемъ съ книги г. Милютина: *Первые опыты военной статистики*; теперь издана имъ только первая книжка, которая, по обѣщанію автора, должна служить только началомъ или введеніемъ къ послѣдовательному военно-статистическому изученію замѣчательнѣйшихъ государствъ Европы. Въ вышедшей первой книжкѣ помѣщены двѣ статьи: во-первыхъ, *Критическое изслѣдованіе значенія Военной Географіи и Военной Статистики*, и во-вторыхъ *Основанія политической и военной системы Германскаго Союза*. Въ первой статьѣ авторъ счелъ необходимымъ, предлагая новую науку, подробно объяснить, въ чемъ, по мнѣнію его, должна

эта наука заключаться, каковы должны быть содержаніе ея, объемъ и система. Прежде всего дѣластъ онъ обзоръ литературы военной географіи; всѣ сочиненія по этому предмету раздѣляетъ на двѣ категоріи: по словамъ его, «однѣ можно назвать подробными топографическими описаніями странъ; другія же сборниками свѣдѣній, извлеченныхъ изъ общей географіи физической и политической», и почитаемыхъ преимущественно нужными для военнаго человѣка. Но, по мнѣнію г. Милютина, если разсматривать военную географію какъ подробное топографическое описаніе края, то къ чему поведетъ это исчисленіе безчисленнаго множества мелочныхъ подробностей мѣстности, которыхъ настоящее мѣсто только въ архивахъ; можно ли назвать наукою сухую номенклатуру, которая не можетъ имѣть даже и достоинства современности и полноты, потому-что мѣстныя данныя безпрестанно измѣняются? Съ другой стороны, если подъ военною географіею разумѣть всякой сборникъ географическихъ фактовъ, приноровленный къ потребностямъ военныхъ читателей, то послѣ этого каждый курсъ науки, написанный спеціяльно для военныхъ, долженъ составить отдѣльную отрасль военныхъ наукъ?

Затѣмъ, въ III главѣ г. Милютинъ переходитъ къ писателямъ, которые хотѣли придать военной географіи нѣкоторый спеціяльный и самобытный характеръ; глава эта, содержащая оцѣнку сочиненій и мнѣній о военной географіи Беникена, Лавале, Жомини и Языкова, можетъ служить образцемъ критическаго анализа. Г. Милютинъ нѣсколькими чертами показываетъ главную идею и цѣль каждаго сочиненія, относительное ихъ достоинство, ошибочность основаній, принятыхъ авторами.

Всѣ эти критическія изслѣдованія привели автора къ слѣдующимъ заключеніямъ: «1) что всѣ сочиненія, до сего времени, выходившія «въ Германіи собственно подъ названіемъ Военныхъ Географій, суть «сборники фактическихъ свѣдѣній, полезные или только для спра«вокъ, или для элементарнаго преподаванія общей географіи, въ при«мѣненіи къ военнымъ школамъ; 2) что изъ числа писателей, старав«шихся придать Военной Географіи нѣкоторое значеніе спеціяльное и «самостоятельное, ни одинъ не достигъ этого въ исполненіи, и 3) что «въ немногихъ сочиненіяхъ, служащихъ образцами отдѣльныхъ «описаній театровъ войны, съ критическимъ изслѣдованіемъ страте«гическаго значенія географическихъ данныхъ, всѣ изслѣдованія не«избѣжно относятся къ одной лишь эпохѣ, къ другой же примѣняе«мы быть не могутъ ...»

Послѣднее заключеніе навело автора на мысль, что разсмотрѣніе вліянія географическаго элемента на военныя дѣйствія составляетъ лишь часть науки, имѣющей цѣлію изслѣдованіе вообще всѣхъ «тѣхъ

«данныхъ, которыя въ каждомъ государствѣ опредѣляютъ его сред-«ства и способы къ веденію войны, выгоды и невыгоды географическаго, этнографическаго и политическаго положенія, въ отношеніи «къ общимъ военнымъ соображеніямъ. Изслѣдованія эти распростра-»няются почти на весь составъ государства и ведутъ уже къ общей «цѣли: *къ опредѣленію силы и могущества государства въ военномъ «отношеніи*». Наука, которая должна заняться изслѣдованіемъ этого предмета, есть Военная Статистика. Но эта вновь созданная наука, и по мнѣнію г. Милютина, составляетъ отрасль общей статистики: «Если статистика — говоритъ онъ — имѣетъ въ виду всѣ *цѣли* госу-«дарства и *всѣ* способы къ ихъ достиженію, то конечно въ нее долж-«ны входить и соображенія относительно обезпеченія внѣшней безо-«пасности, самостоятельности и политическаго значенія государства, «какъ цѣли, — а *военныя силы* — какъ средство къ достиженію этой «цѣли».

Но подъ словомъ *военныя силы* авторъ разумѣетъ не одно *войско* или *вооруженную часть* народонаселенія; онъ даетъ ему значеніе болѣе обширное: по его мнѣнію, «военная сила есть исполнительное «орудіе моральной и политической силы государства, и слѣдственно «одно изъ необходимыхъ условій его могущества, одинъ изъ важ-«ныхъ предметовъ, подлежащихъ изученію статистики». Такимъ образомъ Военная Статистика нетолько получила самостоятельность, но, по своему предмету, заняла важное мѣсто и въ ряду наукъ политическихъ, какъ необходимое дополненіе общей статистики. Почерпая изъ этой науки нѣкоторыя данныя, она развиваетъ ихъ съ военной точки зрѣнія и служитъ, такъ сказать, мѣриломъ значенія государства въ политическомъ отношеніи. Нужно ли говорить послѣ этого, какъ малы и безцвѣтны становятся передъ подобною наукою всѣ прежнія компиляціи и теоріи военной географіи, въ которыхъ исключительное вниманіе было обращено на мѣстность, на случайное очертаніе границъ, образующихъ вдающіеся или выдающіеся углы, и т. п. На войнѣ, какъ и всюду, человѣкъ стоитъ на первомъ планѣ, все остальное — только принадлежность, которая получаетъ бо́льшую или мѣньшую важность, по мѣрѣ вліянія на мысль и волю человѣка.

Вторая часть разбираемаго сочиненія содержитъ въ себѣ военно-статистическій обзоръ Германіи и раздѣляется на пять главъ: въ первой — разсматривается территорія Германіи, общій топографическій характеръ ея, сухопутныя и водяныя сообщенія, желѣзныя дороги, производительность и обработанность почвы, мѣстныя средства края и состояніе народонаселенія. Главу эту кончаетъ авторъ взглядомъ на современное нравственное состояніе народа въ Германіи (стр. 109—114).

Вторая глава посвящена разбору политическаго устройства Германіи и опредѣленію относительной важности каждой изъ составныхъ частей ея. Въ строгомъ смыслѣ это есть отступленіе отъ системы, предложенной самимъ авторомъ; но г. Милютинъ объяснилъ во вступленіи, почему необходимо было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія отклониться отъ спеціяльной цѣли его и войти во многія подробности политическія. Устройство германскаго союза въ политическомъ отношеніи имѣетъ вліяніе и на военную систему его. Кажется, нигдѣ еще не было прежде выражено съ такою ясностію, какимъ образомъ согласуется въ Германіи общая политическая и военная централизація, необходимая для ея внѣшней безопасности, съ правами независимости и самостоятельности каждаго изъ членовъ союза.

Въ третьей главѣ авторъ уже переходитъ собственно къ военной системѣ союза; несмотря на неизбѣжное множество цифръ, эта глава отличается занимательностію и необыкновенною ясностію изложенія; таблицы, приложенныя къ стр. 161 и 194, выражаютъ, какъ нельзя лучше, всю сложную систему военныхъ учрежденій союза, даютъ возможность сравнивать относительную числительность войска каждаго государства и, по степени его участія въ составѣ союзной арміи, опредѣлить степень его политическаго значенія. Скажемъ кстати, что къ сочиненію приложены двѣ карты, весьма хорошо составленныя: одна изъ нихъ знакомитъ съ политическимъ и военнымъ раздѣленіемъ Германіи, другая съ топографическимъ характеромъ и системою желѣзныхъ дорогъ этой страны. Послѣдняя же карта есть новый и вполнѣ удачный опытъ изображенія топографическаго характера страны на картахъ малаго масштаба, посредствомъ иллюминовки различными условными цвѣтами. Всѣ сообщаемыя г. Милютинымъ подробности о военныхъ учрежденіяхъ и военномъ устройствѣ германскихъ государствъ, о системѣ наборовъ, сроковъ службы и проч. имѣютъ занимательность современности и могутъ быть поучительны для каждаго, кто слѣдитъ за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ; здѣсь можно вполнѣ убѣдиться, какъ сложны и непрочны основанія общей военной системы германскаго союза. Авторъ разбираемой книги представляетъ, какъ трудно согласовать требованія чисто военныя въ организаціи союзной арміи съ условіями политическими, указываемыми правами независимости и самостоятельности каждаго изъ государствъ, выставляющихъ контингенты. Чтобъ видѣть, въ какой мѣрѣ соединеніе этихъ разнородныхъ контингентовъ можетъ дѣйствительно почитаться одною арміею, въ какой мѣрѣ дѣйствія этой арміи, въ случаѣ войны, могутъ имѣть единство, совѣтуемъ прочесть страницы 181, 198–209, 214–215 разбираемой книги. Наконецъ пятая глава посвящена краткому, но мастерскому

обзору стратегическаго положенія Германіи. Разборъ этотъ служитъ доказательствомъ, какъ глубоко изучилъ и вникнулъ въ предметъ свой г. Милютинъ; приведемъ здѣсь собственныя слова автора о западной границѣ Германіи.

«Рѣка Рейнъ — составляетъ важнѣйшій естественный рубежъ, который во всѣ времена имѣлъ существенное стратегическое значеніе. Занятіе всего лѣваго берега его — было всегда любимою мечтою Франціи, которая смотритъ на Рейнъ какъ на естественную свою грань со стороны Германіи. Мечту эту Франція уже осуществила было, но не надолго: съ паденіемъ Наполеона Германія снова заняла значительное пространство на лѣвой сторонѣ Рейна, и даже отняла у Франціи крѣпость *Саарлуи*, заняла крѣпости *Люксамбургъ* и *Ландау*. Такимъ образомъ нынѣ эти за-Рейнскія области Германіи составляютъ какъ бы передовые посты ея, выдвинутые впередъ для наблюденія за Франціею: Рейнъ уже не составляетъ оборонительной линіи для послѣдней, между тѣмъ какъ ограждаетъ совершенно Германію отъ наступательныхъ покушеній противника; ибо между тѣмъ какъ всѣ прежнія укрѣпленія Французскія на правомъ берегу Рейна, открывавшія войскамъ Французскимъ доступы изъ Альзаса въ Швабію, были срыты, — въ то же время области Германскія за Рейномъ, крѣпости на обоихъ берегахъ этой рѣки и впереди ея, — дали Германскимъ государствамъ полную возможность, опираясь на Рейнъ, внести войну въ самые предѣлы Франціи, и при томъ съ самой опасной для нея стороны, т. е. тамъ, гдѣ граница болѣе всего приближается къ Парижу — сердцу Государства. Такимъ образомъ и выше по теченію Рейна (т. е. отъ р. Лаутеръ до Базеля), Франція въ сущности уже не имѣетъ естественной оборонительной линіи: весь Альзасъ, съ двойною своею линіею по Рейну и Вогезскимъ горамъ, останется обойденнымъ втылъ вторженіемъ Германскихъ войскъ изъ за-Рейнскихъ областей.

Слѣдовательно эти области имѣютъ чрезвычайную стратегическую важность для Германіи: при томъ твердое занятіе ихъ войсками Германскими весьма важно и для обезпеченія королевства Нидерландскаго, которое было бы предоставлено въ руки Франціи, еслибъ Рейнъ положенъ былъ западнымъ предѣломъ Германіи. По всѣмъ этимъ соображеніямъ необходимо было Германіи прочно утвердиться на Рейнѣ и за Рейномъ; а для этого опасно было отдать за-Рейнскія провинціи въ руки государствамъ низшаго разряда: надобно было ввѣрить ихъ охраненіе государствамъ первостепеннымъ, которыя имѣли бы для охраненія ихъ и достаточныя силы и собственный интересъ. — Вотъ отъ чего большую часть при-Рейнскихъ областей получила *Пруссія*, а другую Баварія, и вотъ такъ же почему съ 1815 г. Германія не перестаетъ усиливать и вновь возводить крѣпости на Рейнѣ и съ обѣихъ его сторонъ.

«Между тѣмъ, какъ на Пруссію и Баварію возложена была обязанность оберегать Германію на Рейнѣ, Австріи ввѣрено было охраненіе Европейскаго спокойствія, такъ же со стороны Франціи, на другомъ театрѣ дѣйствій, — въ Италіи. Промежуточное королевство Сардинское казалось не довольно сильнымъ для этого назначенія; надобно было отдать державѣ болѣе могущественной попеченіе о сохраненіи порядка въ Италіи: для этого Австрія получила Ломбардо-Венеціанское королевство, заняла своими гарнизонами на правой сторонѣ р. По: крѣпость *Комахіо* и цитадель *Феррары* — въ Папскихъ владѣніяхъ, цитадель *Піаченцы* — въ Пармскихъ; а престолы Пармскій, Моденскій и Тосканскій отданы Эрцгерцогамъ Дома Австрійскаго. — Наконецъ союзъ *Швейцарскій*, занимающій, какъ увидимъ, весьма важное положеніе стратегическое, объявленъ *нейтральнымъ*. подъ ручательствомъ пяти первостепенныхъ державъ.

За тѣмъ, при разграниченіи Германіи, получили нѣкоторую самостоятельность: на югѣ, — кромѣ *Баваріи*, только *Виртембергъ* и *Баденъ*, а на сѣверѣ — одинъ *Ганноверъ*. Первые должны были быть нѣсколько сильнѣе, будучи поставлены въ первую линію обороны, прямо лицемъ къ лицу съ Франціею; а *Ганноверъ* — соединенъ былъ съ короною Великобританскою, съ тою цѣлію, чтобъ и эта сильная держава морская была связана на континентѣ съ интересами Германіи и тѣмъ служила бы такъ же къ гарантіи неприкосновенности Союза. Наконецъ всѣ остальныя владѣнія Германскія, разбросанныя мелкими участками, или среди большихъ государствъ, или чрезполосно между собою, по самому своему территоріальному раздробленію лишены всякаго значенія политическаго (въ соображеніяхъ стратегическихъ). Изъ нихъ только *Гессенъ-Кассель* и Саксонія нѣсколько отдѣляются отъ прочихъ по своимъ вооруженнымъ силамъ; остальныя же, въ случаѣ войны, не могутъ вовсе имѣть никакого вліянія на ходъ ея и вооруженныя ихъ силы имѣютъ значеніе только въ общемъ и нераздѣльномъ совокупленіи».

Въ заключеніе скажемъ, что книга г. Милютина есть важное явленіе не только въ русскомъ, но и въ европейскомъ ученомъ мірѣ; она обогащаетъ военную литературу новою, самостоятельною и занимательною наукою, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ нераздѣльную связь между науками военными и политическими.

Записки стратегіи. *Правила веденія войны, извлеченныя изъ сочиненій Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жомини и другихъ военныхъ писателей* Составилъ М. И. Богдановичъ, *Императорской Военной Академіи Профессоръ. 2 части. Спб. 1847.*

Очеркъ современнаго состоянія стратегіи. *Генеральнаго штаба капитана* Н. Веселова. *Отдѣлы I и II. Спб. 1847.*

По словамъ Наполеона — Ахиллъ, сынъ богини и смертнаго, мо-

жетъ служить истинною эмблемою военнаго генія: къ божественной его части принадлежитъ все, что̀ проистекаетъ изъ источниковъ нравственныхъ, изъ характера, таланта полководца, довѣренности къ нему солдатъ, мнѣнія о немъ противника; къ части земной, низшей — принадлежатъ познаніе организаціи и устройства арміи, умѣнье занимать позиціи, располагать войска для боя,— однимъ словомъ все, что̀ исключительно основано на данныхъ чисто-матеріяльныхъ.

Вотъ какимъ образомъ геніяльный полководецъ разграничилъ высшую и низшую сферы военнаго дѣла и указалъ, что̀ изъ военнаго искусства доступно изученію, даже по элементарнымъ учебникамъ, и гдѣ, напротивъ того, всякая теорія будетъ только тщетною попыткою сковать полетъ генія. Не такъ однакожь думали первые составители теоріи стратегіи: они считали возможнымъ угадать главныя причины успѣховъ въ дѣйствіяхъ великихъ полководцевъ и, замѣтивъ какое-нибудь обстоятельство, которое, по ихъ мнѣнію, способствовало побѣдѣ, строили на этомъ зыбкомъ основаніи цѣлыя системы, приводили въ ихъ подкрѣпленіе всю древнюю и новую исторію и забывали, что у великихъ полководцевъ не было никакого завѣтнаго правила: все для нихъ было хорошо, только въ своемъ мѣстѣ и въ свое время.

Вслѣдъ за этими *составителями* системъ явились *люди*, которые, замѣтивъ односторонность предшественниковъ, старались слить ихъ системы въ одно цѣлое, не подозрѣвая, что творятъ только бездушные скелеты. Сочиненія этихъ авторовъ — просто компиляціи, неимѣющія даже достоинства оригинальности. Наконецъ Наполеономъ начался рядъ новыхъ писателей о стратегіи, которые отвергали вовсе возможность теоріи въ этой наукѣ; но между тѣмъ, будучи сами подъ вліяніемъ современныхъ событій, признавали необходимость нѣкоторыхъ основныхъ, безусловныхъ правилъ для искусства веденія войны.

Соотечественнику нашему генералу Медему суждено было дать новый характеръ и открыть болѣе обширное поприще стратегіи. Отвергая возможность теоріи, предписывающей полководцу правила для постояннаго руководства, генералъ Медемъ полагаетъ однакожь, что стратегія, какъ наука, можетъ имѣть еще важную цѣль: она должна, по мнѣнію его, заключаться въ изученіи свойствъ всѣхъ стратегическихъ элементовъ, въ оцѣнкѣ взаимнаго ихъ вліянія на военныя соображенія и въ изслѣдованіи важности каждаго элемента, въ отношеніи къ самымъ дѣйствіямъ военнымъ. Такимъ образомъ, уничтожая съ одной стороны стратегію, какъ безусловное руководство на всѣ возможныя случаи, г. Медемъ, съ другой стороны, открываетъ ей обширное поле для изысканій. Такимъ образомъ г.

Медемъ указалъ совсѣмъ новую задачу: выполненіемъ ея занялись въ одно время двое изъ бывшихъ учениковъ его: полковникъ Богдановичъ, желая выразить современное состояніе стратегіи какъ науки, изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ извѣстнѣйшія сочиненія о стратегіи, а капитанъ Нееловъ, считая этотъ способъ воззрѣнія только *переходнымъ*, рѣшился не только сдѣлать критическій сводъ мнѣній различныхъ авторовъ о стратегіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указать на новыя стороны военнаго искусства, которыя до сихъ поръ оставались мало или вовсе неизслѣдованными. Такимъ образомъ сочиненія гг. Медема, Богдановича и Неелова имѣютъ между собою какъ бы родственную связь: первое раскрываетъ исторію стратегіи, какъ науки, и указываетъ новый путь ея будущимъ дѣятелямъ; другое имѣетъ цѣлію выразить ея настоящее положеніе; наконецъ третье, не ограничиваясь изображеніемъ настоящаго состоянія стратегіи, пытается слить во едино всѣ разнородныя мнѣнія многихъ военныхъ писателей, чтобы дать стратегіи, съ помощью военной исторіи, болѣе обширный объемъ, составить изъ нея нѣчто цѣлое, ввести въ рядъ наукъ самостоятельныхъ. Попытка г. Неелова заслуживаетъ особаго вниманія уже по одному его желанію двинуть науку впередъ; современемъ увидимъ, какъ выполнилъ онъ свои идеи; теперь изданы только два первыхъ отдѣла, заключающихъ въ себѣ *Обзоръ стратегическихъ сочиненій* и *Стратегическую терминологію*; по нимъ еще трудно произнести окончательный приговоръ цѣлому сочиненію, тѣмъ болѣе, что важнѣйшая часть его должна заключаться въ слѣдующихъ выпускахъ. Желаемъ отъ души окончанія этого многообѣщающаго труда, желаемъ въ особенности чтобы г. Неелову счастливо миновалъ тѣ трудности въ теоріи стратегіи, о которыя до сихъ поръ разбивались усилія столькихъ даровитыхъ писателей. Трудности эти, по нашему мнѣнію, состоятъ въ томъ, что въ дѣлѣ военномъ соображенія основываются на началахъ, безпрерывно измѣняющихся, такъ-что всѣ предшествовавшіе опыты могутъ служить только полезнымъ *наведеніемъ*, а не руководствомъ; всѣ эти опыты убѣждаютъ только въ одномъ: что успѣхъ на войнѣ всегда принадлежалъ тому, кто умѣлъ соображаться съ своими средствами и обстоятельствами; но можно ли назвать подобный выводъ правиломъ, въ строгомъ смыслѣ? Иногда одна нерѣшительность полководца даетъ противнику перевѣсъ моральный и выгоды иниціатива (*initiative*, упрежденіе). Въ подобномъ случаѣ дѣйствія его, совсѣмъ противъ собственной воли, подчиняются дѣйствіямъ противника, получаютъ характеръ пассивный: будетъ ли противникъ наступать — все вниманіе его будетъ занято лишь тѣмъ, чтобы защититься отъ нападеній; ему не придетъ въ голову никакое смѣлое движеніе; даже

ошибку противника онъ сочтетъ военною хитростью, выходящею изъ общихъ правилъ искусства. Перейдетъ ли противникъ къ оборонѣ — онъ будетъ наступать ощупью и нерѣшительно, только для того, чтобы не стоять на мѣстѣ; главныя его усилія и тутъ будутъ клониться не къ тому, чтобы воспользоваться бездѣйствіемъ непріятеля, а только чтобъ разгадать тому причину.

Отсюда можетъ возникнуть вопросъ: нужна ли теорія стратегіи, если, по словамъ Наполеона, только тотъ и можетъ быть полководцемъ, кто полководцемъ *родился*? Вопросъ этотъ весьма удовлетворительно разрѣшенъ г. Богдановичемъ, который (на стр. IX), показавъ рѣзкое различіе между стратегіею — искусствомъ и стратегіею — наукою, полагаетъ, что и та и другая должны развиваться одновременно: теорія науки находитъ опору и повѣрку въ опытахъ искусства; такимъ образомъ, говоритъ онъ, «основательное обсужденіе «всѣхъ извѣстнѣйшихъ походовъ и теоретическихъ сочиненій, до«ставляя обучающимся богатый запасъ свѣденій и не стѣсняя ихъ «собственнаго мышленія никакою односторонною методою, способ«ствуетъ имъ пріобрѣсти все то, до чего можно достигнуть посре«ствомъ книжныхъ занятій, т. е. навыкъ военныхъ соображеній».

На основаніи этой идеи, г. Богдановичъ представляетъ въ началѣ очеркъ исторіи стратегіи, какъ искусства и науки, а потомъ переходитъ къ разбору стратегическихъ писателей, раздѣляя ихъ, по примѣру г. Медема, на три отдѣла: къ первому — причисляетъ систематиковъ односторонникъ, полагавшихъ основать всю теорію военнаго искусства на одномъ какомъ-либо началѣ; ко второму—писателей, пытавшихся придать наукѣ болѣе общности слiяніемъ различныхъ теорій односторонникъ въ одно цѣлое; наконецъ къ третьему отдѣлу тѣхъ писателей, которые отвергали возможность теоріи стратегіи, но тѣмъ не менѣе, сами не чувствуя того, вводили въ ея область нѣкоторыя правила безусловныя. Сверхъ того г. Богдановичъ разсмотрѣлъ сочиненіе г. Медема и прусскаго полковника Виллизена, которое вѣроятно стоитъ послѣднимъ только по времени появленія въ свѣтъ (1840 г.); ибо по достоинству оно принадлежитъ къ категоріи первыхъ писателей и послѣ прекраснаго труда г. Медема можетъ считаться анахронизмомъ.

Всѣ эти авторы разобраны г. Богдановичемъ добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла: излагая ихъ мнѣнія, онъ выбрасывалъ идеи устарѣлыя или чисто-теоретическія; въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ объясняетъ онъ мысли, разбросанныя въ нѣсколькихъ томахъ. Въ особенности хорошо обработаны сочиненія эрцгерцога Карла, Наполеона и даровитаго Клаузевица, такъ рано потерянаго для военной литературы. При каждомъ разборѣ, въ видѣ примѣчанія,

помѣщена краткая біографія разбираемаго автора, а въ заключеніе высказаны собственныя мнѣнія г. Богдановича о цѣломъ сочиненіи. Вообще книга эта была явленіемъ необходимымъ въ нашей военной литературѣ, потому-что многія изъ стратегическихъ сочиненій до сихъ поръ еще вовсе не были извѣстны на русскомъ языкѣ.

Высказавъ мнѣніе наше о системѣ, принятой г. Богдановичемъ, и общихъ достоинствахъ труда его, прибавимъ, что авторъ выразилъ свои идеи и передалъ самые теоретическіе вопросы съ такою ясностію и опредѣлительностію, что сочиненіе его вполнѣ доступно даже читателямъ невоеннымъ.

Говорить ли о недостаткахъ? Они есть, хотя достоинства сочиненія вполнѣ выкупаютъ ихъ; напримѣръ, намъ кажется, что объясненія стратегической терминологіи (стр. X, XII) слишкомъ коротки; для людей, мало знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, они будутъ вовсе непонятны; также можно бы пожелать, чтобы почтенный авторъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, былъ рѣшительнѣе въ своихъ мнѣніяхъ; наконецъ не понимаемъ, почему въ числѣ стратегическихъ сочиненій не разобрана книга Мармона: *Esprit des institutions militaires*, появившаяся въ 1845 г. Кромѣ современности, это сочиненіе стоитъ выше многихъ другихъ, разобранныхъ г. Богдановичемъ, и во всякомъ случаѣ выше сочиненія Виллизена, котораго устарѣлыя идеи даже историческаго интереса имѣть не могутъ.

Предварительный курсъ Астрономіи. Д. Перевощикова. *Изданіе второе, исправленное. Москва. 1847.*

Успѣхи теоретической и практической астрономіи обратили на себя въ послѣднее время общее вниманіе; быстро слѣдовавшія другъ за другомъ открытія новыхъ планетъ, совершенныя въ продолженіи небольше двухъ лѣтъ, возбудили живое любопытство и, двинувъ далеко впередъ наши свѣдѣнія о солнечной системѣ, привели къ новымъ предположеніямъ и изслѣдованіямъ, которыя, безъ сомнѣнія, въ свою очередь поведутъ къ новымъ открытіямъ. Появленіе сочиненія, въ которомъ былъ бы изложенъ современный взглядъ на этотъ предметъ, теперь болѣе, нежели когда-либо, кстати. Книга г. Перевощикова вполнѣ заслуживаетъ основательнаго и вѣрнаго о ней отчета. Авторъ уже извѣстенъ многими сочиненіями по части физико-математическихъ наукъ; лучшія изъ нихъ — это астрономическія: астрономія, кажется, его любимый предметъ. Начиная съ 1826 года, со времени выхода перваго его руководства къ астрономіи, напечаталъ онъ по тому же предмету уже пять книгъ; всѣ онѣ отличаются, сравнительно съ другими его сочиненіями, полнотою и вѣрностію взгляда на науку. Недавно вышедшій предварительный курсъ астро-

номіи есть нечто иное, какъ второе исправленное изданіе точно такого же сочиненія, которое было напечатано 10 лѣтъ тому назадъ и составляло четырнадцатую часть «Ручной математической энциклопедіи» г. Перевощикова. При составленіи перваго изданія авторъ пользовался преимущественно извѣстнымъ сочиненіемъ Гершеля: *Traité d'Astronomie;* но съ тѣхъ поръ наука много сдѣлала успѣховъ, и въ особенности наблюдательная астрономія достигла высокаго совершенства. Прежнее сочиненіе г. Перевощикова, во многихъ отношеніяхъ, оказалось неудовлетворительнымъ, и онъ рѣшился придать ему необходимую полноту, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки.

Во всѣхъ физическихъ наукахъ наблюденія составляютъ важнѣйшій способъ изслѣдованія; цѣль ихъ изученіе явленій и повѣрка теоретическихъ выводовъ. Успѣхи астрономіи, науки о законахъ движенія небесныхъ тѣлъ, зависятъ преимущественно отъ точности и совершенства наблюденій. Здѣсь кроется причина, почему изобрѣтеніе зрительныхъ трубъ и снарядовъ для измѣренія времени произвело въ практической (наблюдательной) астрономіи переворотъ такой же великій и рѣшительный, какъ въ астрономіи теоретической открытіе начала всеобщаго тяготѣнія. Авторъ предварительнаго курса знакомитъ въ первой главѣ своего сочиненія съ основными началами науки и при самомъ вступленіи показываетъ, что наблюденія нетолько необходимы для изученія и совершенствованія астрономіи, но нужны даже для объясненія, въ чемъ состоитъ ея предметъ. Въ поясненіе этой мысли онъ выводитъ изъ общаго обозрѣнія небеснаго свода и поверхности земли наглядное заключеніе о суточномъ движеніи перваго и фигурѣ послѣдней. Другое заключеніе, выведенное имъ тѣмъ же путемъ, состоитъ въ томъ, что свѣтила небесныя могутъ быть раздѣлены на неизмѣняющія своихъ относительныхъ положеній, или такъ называемыя неподвижныя звѣзды, и на имѣющія собственное движеніе. Изложеніе его ясно и хорошо знакомитъ съ избранной имъ методой объясненій.

Астрономическія наблюденія имѣютъ три главныя цѣли: a) опредѣлить положеніе какого нибудь свѣтила, b) измѣрить время, въ которое занимало оно это положеніе, и c) подробно разсмотрѣть его. Для опредѣленія видимаго положенія свѣтилъ на сводѣ небесномъ въ данное время существуютъ въ наукѣ различные способы: дѣйствительно оно можетъ быть опредѣляемо относительно трехъ круговъ – горизонта, экватора и эклиптики. Авторъ во второй главѣ своего курса съ подробностію разбираетъ два первые способа, относя послѣдній, безъ сомнѣнія для ясности и въ избѣжаніе повтореній, къ главѣ о солнцѣ. Тамъ показываетъ онъ, какимъ образомъ опредѣляется положеніе эклиптики и положеніе относительно ея наблюдаемыхъ

свѣтилъ. Въ настоящее время практическіе пріемы астрономовъ-наблюдателей очень просты: положеніе всякаго свѣтила будетъ опредѣлено, если извѣстно время, когда проходитъ оно чрезъ меридіанъ, и высота его надъ горизонтомъ въ это время. По этимъ двумъ наблюденіямъ вычисляются широты, долготы, склоненія и прочіе элементы, служащіе для опредѣленія мѣста звѣздъ на небесномъ сводѣ. Инструменты, для этого необходимые, — зрительныя трубы и хронометры (или время-измѣрительныя машины). Понятно, что отъ совершенства инструментовъ зависитъ бо́льшая или ме́ньшая точность наблюденій. Въ древности почти вовсе не было астрономическихъ снарядовъ, и потому успѣхи науки были очень медленны. Много усилій было потребно, чтобъ вывести практическую астрономію изъ младенческаго состоянія, въ которомъ находилась она почти до конца прошедшаго столѣтія. Имена Пикара, Озу, Ольберса, Бесселя, Струве и многихъ другихъ останутся навсегда памятны въ ея лѣтописяхъ: труды ихъ много способствовали ея развитію. Стоитъ только вспомнить, съ какой заботливостью старались эти астрономы объ усовершенствованіи снарядовъ и уничтоженіи ихъ погрѣшностей, чтобъ видѣть, какъ наблюденія важны и необходимы для науки. Ученый авторъ разбираемой нами книги вполнѣ признаетъ это, говоря на первой страницѣ своего курса: «Астрономія основана, образована и совершенствуется наблюденіями, и пр.» — Несмотря на то однако, онъ слишкомъ мало обращаетъ вниманія на этотъ предметъ; намъ желательно было бы видѣть въ его сочиненіи бо́льшія подробности касательно устройства полуденной трубы, ея установки и наконецъ производства самихъ наблюденій. Мы нисколько не думаемъ, чтобы это могло повредить его книгѣ; напротивъ, такое пополненіе очень интересно и принесло бы несомнѣнную пользу для читателей, познакомивъ ихъ сколько возможно съ практическими пріемами, употребляемыми астрономами на обсерваторіяхъ.

Въ ряду важнѣйшихъ астрономическихъ вопросовъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ опредѣленіе фигуры земли; оно основывается на изслѣдованіи величины градусовъ земного меридіана. Въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи астрономы принимали дѣятельное участіе въ рѣшеніи этого вопроса и производили многочисленныя измѣренія длины градусовъ въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности. Ихъ измѣренія, вмѣстѣ съ наблюденіями надъ силою тяжести, которая не вездѣ дѣйствуетъ съ одинаковымъ напряженіемъ, опредѣлили наши понятія объ истинной фигурѣ и величинѣ земли; теперь извѣстно, что видъ ея вообще неправиленъ и приближается къ формѣ эллипсоида, происходящаго отъ обращенія около меньшей оси. Третья глава предварительнаго курса заключаетъ въ себѣ свѣдѣ-

нія, относящіяся къ этому предмету; въ ней представлена таблица, гдѣ показаны длины градусовъ, измѣренныхъ подъ различными широтами; изъ сравненія этихъ длинъ авторъ выводитъ, что земля не имѣетъ формы правильнаго шара а представляется въ видѣ сплюснутаго сфероида. Далѣе въ той же главѣ объясняется, отъ чего происходитъ явленіе суточнаго обращенія небеснаго свода, показывается опредѣленіе географической долготы и наконецъ дается очень краткое понятіе о составленіи географическихъ картъ. Кстати здѣсь замѣтить, что вся эта глава оставлена точно въ томъ же видѣ, какъ была она изложена въ первомъ изданіи, исключая того, что старые численные элементы замѣнены новыми. Лучшую часть въ ней составляетъ объясненіе коперникова ученія о суточномъ обращеніи земли около оси и подтвержденіе этой истины доказательствами физическими; все это написано просто и ясно, какъ почти все, что выходитъ изъ подъ даровитаго пера г. Перевощикова. Другіе отдѣлы не такъ хороши, и, за исключеніемъ упомянутаго доказательства обращенія земли на своей оси, эта глава, по нашему мнѣнію, вообще слабѣе прочихъ во всемъ курсѣ, какъ, съ одной стороны, по недостатку послѣдовательности въ изложеніи, такъ съ другой по неясности и неудовлетворительности нѣкоторыхъ разсужденій. Въ этомъ случаѣ замѣтимъ прежде всего, что мы не видимъ основанія, почему такіе разнородные предметы, которые сейчасъ были исчислены, соединены здѣсь вмѣстѣ, въ одно цѣлое; прямой логической связи между ними нѣтъ, и потому изложеніе ихъ непослѣдовательно и лишено отчетливости. Далѣе, доказательство, что земля не имѣетъ правильной сферической формы, мы не находимъ строгимъ и точнымъ: на основаніи однѣхъ только длинъ градусовъ и неравенства между ними нельзя составить прямо такого чертежа, который изображалъ бы сѣченіе земли плоскостью меридіана, какъ сдѣлано это въ членѣ 27, потому-что самый вопросъ о фигурѣ земли и состоитъ именно въ опредѣленіи кривой, представляющей это сѣченіе. Если бы эта кривая была извѣстна, то сдѣлать заключеніе о томъ, какую имѣетъ форму земля, разумѣется, было бы не трудно; но какъ она неизвѣстна, то выводъ, что земля есть сфероидъ, сжатый при полюсахъ и возвышенный подъ экваторомъ, нельзя безъусловно принимать слѣдствіемъ, строго логически вытекающимъ изъ разсужденій, содержащихся въ членѣ (27). Съ своей стороны лучшимъ объясненіемъ—какую должна имѣть фигуру земля - мы считаемъ объясненіе Біо, находящееся въ третьемъ томѣ его физической астрономіи; но, по назначенію статьи, мы не можемъ войти здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого предмета. Замѣтимъ только, что авторъ снова обращается къ тому же вопросу въ послѣдней главѣ, гдѣ показываетъ, что, по теоріи равнове-

сія жидкой свободной массы подверженной вращательному движенію, земля должна имѣть форму сжатаго сфероида, на которомъ дѣйствіе тяжести въ различныхъ мѣстахъ не одинаково. Представивъ выводы изъ теоретическихъ изысканій Клеро и сравнивъ ихъ съ результатами, полученными изъ измѣреній градусовъ и изъ наблюденій надъ силою тяжести въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности, онъ приходитъ къ тому заключенію, что истинная фигура земли не есть эллипсоидъ вращенія, какъ принимаютъ ее обыкновенно, а напротивъ неправильный сфероидъ, при полюсахъ сжатый. «Неправильности его — продолжаетъ онъ — обнаруживаются подробными измѣреніями градусовъ различныхъ меридіановъ и наблюденіями надъ качаніями маятника. Посредствомъ того и другаго способа можно опредѣлить не общую форму земли, но только *мѣстныя* кривизны ея поверхности, которыя даютъ различныя числа для отношенія ея осей, или для выраженія ея сжатія». Таковы результаты теоріи; они были высказаны еще Лапласомъ въ его *Exposition du système du monde*, гдѣ онъ говоритъ, что «если бы земля имѣла видъ правильнаго эллипсоида, то изъ сравненія различныхъ измѣреній градусовъ меридіана для сжатія должны были бы получаться однѣ и тѣже величины; но въ дѣйствительности это выходитъ совершенно иначе, и разности между сжатіями не могутъ быть приписаны ошибкамъ въ наблюденіяхъ. Поэтому, говоря строго, землю нельзя, кажется, принять за тѣло правильной эллипсоидальной формы».

Въ прямой зависимости отъ вида земного сфероида и именно отъ его сжатія находится одно изъ важнѣйшихъ физическихъ явленій — уменьшеніе вѣса тѣлъ подъ экваторомъ, или уменьшеніе тяжести; будучи подтверждено многочисленными наблюденіями, собранными учеными путешественниками, оно въ свою очередь служитъ также для опредѣленія истинной фигуры земли. Объясняя этотъ предметъ, авторъ показываетъ, что для удостовѣренія въ уменьшеніи тяжести пользуются наблюденіями надъ постояннымъ маятникомъ, именно по числу его качаній судятъ о напряженіи силы тяжести въ данномъ мѣстѣ. Эти наблюденія вполнѣ подтверждаютъ все сказанное прежде о фигурѣ земли. Къ сожалѣнію въ сочиненіи г. Перевощикова мы не находимъ свѣдѣній о чрезвычайно важныхъ для науки трудахъ нашего русскаго мореходца Литке, который въ продолженіи своего путешествія произвелъ длинный рядъ тщательныхъ опытовъ надъ маятникомъ. Его наблюденія показываютъ, что земля имѣетъ очень значительное сжатіе, простирающееся отъ $^1/_{209}$ до $^1/_{288}$

Давъ надлежащее понятія о фигурѣ земли, авторъ переходитъ къ опредѣленію географическихъ долготъ и показываетъ, что для этого обыкновенно изъ двухъ различныхъ мѣстъ наблюдаютъ въ одно

время или сигналы или небесныя явленія, какъ напр. затменія спутниковъ Юпитера, покрытія звѣздъ луною и пр. Что́жь касается до составленія картъ, то здѣсь объяснено только, что̀ называется геодезической и географической картой и показаны три способа проложеній: ортографическій, стереографическій и меркаторскій. Въ этомъ случаѣ мы желали бы встрѣтить въ сочиненіи г. Перевощикова болѣе подробностей, нежели сколько ихъ находится въ самомъ дѣлѣ; ибо, если объясненіе построенія картъ необходимо для предварительнаго курса астрономіи, (что, впрочемъ, еще нужно доказать), то безъ сомнѣнія члены (44) и (45) объ этомъ предметѣ даютъ весьма неполное понятіе. Мы думаемъ, что общія свѣдѣнія о составленіи геодезической сѣти и о способѣ тріангуляціи, обыкновенно употребляемой при измѣреніи градусовъ меридіана, изложенныя въ болѣе обширномъ видѣ, не были бы, въ такомъ случаѣ, излишни.

Переходимъ къ ученію о солнечной системѣ: оно составляетъ самый важный отдѣлъ въ астрономіи. Авторъ посвятилъ этому трудному и занимательному предмету лучшія части своего сочиненія. Главу о солнцѣ онъ превосходно начинаетъ опредѣленіемъ положенія видимаго пути, по которому движется это свѣтило въ продолженіи года, и показываетъ, что движеніе это совершается въ плоскости эклиптики. Отсюда онъ переходитъ къ объясненію явленій, имѣющихъ непосредственную связь съ видимымъ движеніемъ солнца, и прежде всего показываетъ, что въ лѣтнія и зимнія ночи должны видѣть различныя звѣзды.

Годичнымъ движеніемъ солнца условливается раздѣленіе времени въ общежитіи на различные періоды; выборъ этихъ періодовъ и порядокъ ихъ распредѣленія составляютъ то, что̀ обыкновенно называютъ календаремъ. Значеніе среднихъ сутокъ, принимаемыхъ за единицу гражданскаго времени, и происходящее отсюда различіе между юліанскимъ и грегоріанскимъ лѣтосчисленіемъ, или между старымъ и новымъ стилемъ, изложены въ предварительномъ курсѣ чрезвычайно отчетливо и ясно.

Въ устройствѣ солнечной системы имѣютъ весьма важное значеніе слѣдующія два явленія предвареніе равноденствій и колебаніе земной оси. Въ главѣ о солнцѣ г. Перевощиковъ, изъ сравненія каталоговъ Лакаля и Піацци, составленныхъ одинъ въ 1750, а другой въ 1800 году, объясняетъ сначала, въ чемъ состоитъ предвареніе равноденствій, а потомъ показываетъ, какія производитъ оно уранографическія перемѣны. Къ сожалѣнію онъ не пополнилъ этихъ свѣдѣній новыми изслѣдованіями Отто Струве (1). Весьма большое число наблю-

(1) Bestimmungen der Constante der Precession, etc. Mémoires de l'Académie. 1842

деній, произведенныхъ въ Дерптѣ теперешнимъ директоромъ Пулковской обсерваторіи В. Я. Струве, ихъ точность, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстность поступательнаго движенія всей солнечной системы, доказаннаго Аргеландеромъ (и теперь уже совершенно утвержденнаго Медлеромъ), обѣщали въ послѣднее время пролить новый свѣтъ на вопросъ о предваренія равноденствій. Съ этой цѣлью Отто Струве сравнилъ дерптскія наблюденія съ наблюденіями англійскаго астронома Брадлея, жившаго въ началѣ прошлаго столѣтія. Принявъ въ расчетъ движеніе солнечной системы и относительныя разстоянія звѣздъ, онъ разсмотрѣлъ предвареніе равноденствій въ самомъ общемъ видѣ и совершенно точно вычислилъ его годичную величину, независимо отъ посторонннихъ вліяній.

Объясняя, въ чемъ состоитъ открытое Брадлеемъ колебаніе земной оси, авторъ показываетъ связь этого явленія съ движеніемъ узла лунной орбиты, или той точки, въ которой путь луны пересѣкается съ эклиптикою. Здѣсь тоже не находимъ мы любопытныхъ изслѣдованій объ этомъ предметѣ пулковскаго астронома Петерса, который, основываясь также на дерптскихъ наблюденіяхъ, опредѣлилъ точнѣйшую величину колебанія, совершающагося періодически въ продолженіе 18,5 лѣтъ. Въ превосходномъ своемъ сочиненіи: *Numerus constans nutationis* etc., помѣщенномъ въ запискахъ нашей академіи за 1842 годъ, онъ усовершенствовалъ даже самую формулу, выражающую колебаніе, опредѣливъ точнѣе дѣйствіе тяготѣнія луны на землю. Выводы Петерса тѣмъ замѣчательнѣе, что они весьма близки къ тѣмъ заключеніямъ, которыхъ достигъ Лундаль (1), основавшій свои изысканія на другой части дерптскихъ наблюденій.

Кромѣ колебанія земной оси, Брадлею принадлежитъ открытіе другого также чрезвычайно замѣчательнаго явленія, именно – аберраціи. Авторъ прекрасно изложилъ исторію этого открытія и, объяснивъ ея физическую причину, показалъ, какія перемѣны производитъ она въ положеніяхъ звѣздъ. Замѣтимъ и въ этомъ случаѣ, что мы желали бы найти въ сочиненіи г. Перевощикова новыя изслѣдованія объ этомъ предметѣ нашихъ пулковскихъ астрономовъ – Лундаля и въ особенности Струве. Обыкновенно величину аберраціи выводили изъ наблюденій надъ затмѣніями юпитеровыхъ спутниковъ или изъ измѣренія меридіональныхъ высотъ звѣздъ и разстояній ихъ отъ полюсовъ. По неточности этихъ способовъ, Струве избралъ новый путь, опредѣляя аберрацію изъ наблюденій временъ прохожденій близкихъ къ зениту звѣздъ чрезъ вертикальную плоскость, проходящую отъ

(1) De numeris nutationis et aberrationis constantibus, atque de parallaxi annua stellae polaris, quales deducuntur ex declinationibus stellae polaris, Dorpati annis 1822 — 1838 observatis. Helsingforsiae, 1842.

запада къ востоку; такимъ образомъ онъ вычислилъ (1) постоянный коэффиціентъ аберраціи = 20″,445, съ вѣроятною погрѣшностію 0″,0111.

По ученію Коперника, которое въ первый разъ было изложено, въ видѣ гипотезы, въ его сочиненіи *de revolutionibus coelestibus*, земля двигается вокругъ солнца, и путь ея лежитъ въ плоскости эклиптики; въ настоящее время извѣстно до шестнадцати тѣлъ, которыя обращаются около солнца, описывая растянутые круги: каждое изъ этихъ тѣлъ несравненно менѣе солнца, и вокругъ нѣкоторыхъ обращаются еще меньшія тѣла; первыя называются планетами, послѣднія же ихъ спутниками. «Планеты — говоритъ г. Перевощиковъ — будучи разсматриваемы помощію хорошихъ зрительныхъ трубъ, представляются тѣлами круглыми, имѣющими діаметры опредѣленной величины. На ихъ поверхностяхъ видны темныя и свѣтлыя пятна, расположенныя различнымъ образомъ. Сверхъ того одна изъ нихъ — Сатурнъ, окружена отдѣльнымъ отъ нея *кольцомъ*, которое есть тѣло темное, освѣщаемое солнцемъ: ибо на поверхность заключающейся въ немъ планеты упадаетъ его тѣнь».

Первое заключеніе, которое выводитъ авторъ изъ наблюденій надъ планетами и ихъ спутниками, состоитъ въ томъ, что это «тѣла шарообразныя, темныя и видимыя только чрезъ отраженіе отъ ихъ поверхностей солнечнаго свѣта». Далѣе онъ подробно объясняетъ прямое и обратное движеніе планетъ, ихъ фазы, или различныя видоизмѣненія, которыя принимаютъ онѣ при движеніи, и наконецъ звѣздное и синодическое ихъ обращенія; потомъ переходитъ къ ихъ теоріи и, показавъ, какимъ образомъ опредѣляется фигура описываемыхъ ими путей, даетъ таблицу, въ которой представлены элементы всѣхъ планетъ, открытыхъ до 1845 года. Послѣ этого, объяснивъ, въ чемъ состоитъ такъ называемый законъ Боде, по которому средніе планетные разстоянія отъ солнца идутъ въ опредѣленномъ, послѣдовательномъ порядкѣ, онъ обращается къ ихъ космографическому описанію. Что̀ касается до спутниковъ, то, за исключеніемъ луны, г. Перевощиковъ не входитъ въ особенныя подробности и ограничивается почти исключительно одними числами, представляющими времена ихъ обращенія. Описанію луны посвящена цѣлая глава; здѣсь разсмотрѣны подробно фигура ея орбиты, фазы и различныя ея движенія.

Космографическія свѣдѣнія о солнцѣ, лунѣ и планетахъ составляютъ самую занимательную часть въ описаніи солнечной системы; въ

(1) Sur le coefficient dans l'aberration des étoiles fixes, etc. Mémoires de l'Académie. 1843.

предварительномъ курсѣ астрономіи изъясненіе физическихъ свойствъ солнца исполнено съ особенною тщательностію; оно въ высшей степени интересно: Сначала авторъ представляетъ краткій перечень первыхъ точныхъ наблюденій надъ солнцемъ, начатыхъ еще въ семнадцатомъ столѣтіи; послѣ этого переходитъ къ изслѣдованію свойствъ солнечнаго вещества и объясняетъ теорію Гершеля, принимаемую нынѣ всѣми астрономами. «Поверхность солнца — говоритъ онъ — видимая въ хорошую зрительную трубу съ темноцвѣтнымъ стекломъ, никогда не представляется равно-свѣтлою; она всегда испещрена весьма малыми свѣтлыми и черными точками, чрезвычайно тонкими бороздками, также темными и свѣтлыми, пересѣкающимися по различнымъ направленіямъ, такъ-что ее можно сравнить съ золотою матовою пластинкою самой искусной и нѣжной работы. На этомъ-то золотисто-матовомъ полѣ образуются собственно такъ называемыя пятна, въ срединѣ своей совершенно черныя и окруженныя атмосферами темно-сѣраго цвѣта или *полутѣнями*. Сверхъ того, каждое пятно съ своимъ ядромъ и полутѣнью отъ прочей поверхности солнца отдѣляется кольцеобразнымъ пространствомъ, отличающимся особенной яркостью свѣта: такія пространства суть *свѣточи*». В. Гершель воспользовался всѣми наблюденіями, которыя были сдѣланы до него, и своими собственными, и сдѣлалъ слѣдующія заключенія какъ о натурѣ самого солнца, такъ и о происхожденіи на его поверхности пятенъ; по его мнѣнію, это нечто иное, какъ темное тѣло, подобное землѣ, и окруженное двумя атмосферами: атмосферою паровъ и атмосферою свѣта или фотосферою. «Онъ думаетъ — говоритъ авторъ — что фотосфера образована изъ свѣтящихся облаковъ, плавающихъ въ прозрачной атмосферѣ. Пятна суть отверстія въ фотосферѣ, сквозь которыя и сквозь нижнюю прозрачную атмосферу бываетъ видимо темное тѣло солнца, подобно тому какъ съ луны можно наблюдать часть земной поверхности, соотвѣтствующую безоблачнымъ пространствамъ нашей атмосферы. Нижняя прозрачная атмосфера не имѣетъ собственнаго свѣта, но отражаетъ свѣтъ фотосферы». Оставалось только для подтвержденія этихъ болѣе нежели вѣроятныхъ предположеній доказать, что свѣтъ солнца дѣйствительно истекаетъ изъ атмосферы облакообразной. Основываясь на явленіи, извѣстномъ въ физикѣ подъ названіемъ поляризаціи свѣта, Араго остроумно разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу теоріи Гершеля. «Такимъ образомъ — заключаетъ авторъ — наблюденія надъ солнечными пятнами, соображенныя съ явленіями свѣта, привели къ несомнѣнному заключенію, что солнце есть тѣло твердое, покрытое атмосферою темной и прозрачной, и фотосферою изъ вещества газообразнаго».

Не станемъ говорить здѣсь о космографіи луны, тѣмъ болѣе, что

ценія звѣзды-спутника около главной звѣзды; эти изслѣдо-
/ть тоже къ опредѣленію параллаксовъ.

же авторъ касается двухъ чрезвычайно важныхъ въ насто-
мя астрономическихъ задачъ – о собственномъ движеніи
о движеніи солнечной системы. Но все, что объ этомъ пред-
сказано, заключается въ членѣ (208), который не зани-
ой одной страницы; можно судить по этому, какъ изложеніе
ыть кратко и, надобно сознаться, неполно: авторъ вовсе не
гъ, на основаніи какихъ данныхъ астрономы стали догады-
оступательномъ движеніи солнечной системы и какимъ обра-
дѣлили впослѣдствіи направленіе этого движенія. Онъ даже
этъ объ изслѣдованіяхъ Аргеландера и Медлера, трудамъ
астрономія обязана рѣшеніемъ этого вопроса. Извѣстно,
ландеръ сперва опредѣлилъ для начала 1830 года точныя
звѣздъ и потомъ сравнилъ ихъ съ мѣстами, которыя по
іямъ Брадлея занимали тѣже звѣзды въ 1755 году; изъ
разности этихъ мѣстъ онъ вывелъ несомнѣнное доказа-
дѣйствительнаго перемѣщенія всей нашей солнечной систе-
касается до изысканій Медлера, то читателямъ Современни-
ны результаты, которыхъ достигъ этотъ астрономъ: въ про-
ду въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ нашего журнала было
небольшое извлеченіе изъ его трудовъ.

ецъ, что касается до описанія млечнаго пути и туманныхъ
олжно замѣтить, что авторъ относительно перваго ограни-
однимъ только опредѣленіемъ его положенія между созвѣз-
очти вовсе не обращаетъ вниманія на новыя изслѣдованія
тройствѣ. Въ особенности жалѣемъ о томъ, что во всей
неподвижныхъ звѣздахъ не находимъ тѣхъ любопытныхъ ре-
ъ, которые Струве изложилъ въ превосходномъ своемъ со-
Etudes sur l'astronomie stellaire и въ введеніи къ новому
Бесселя, изданному С. петербургской Академіей Наукъ подъ
ь — *Positiones mediae stellarum fixarum in zonis regiomon-*
Результаты изслѣдованій Струве таковы: число звѣздъ во
остранствѣ неба вообще возростаетъ по мѣрѣ приближенія
ому пути, и чѣмъ онѣ мельче, тѣмъ возростаніе это сильнѣе.
мѣетъ нѣсколько боковое положеніе въ обширной системѣ
ечнаго пути, ибо этотъ послѣдній не вполнѣ соотвѣтствуетъ
ольшому кругу, но отстоитъ на 93°,5 отъ сѣвернаго своего
оторый лежитъ на предѣлахъ созвѣздія *волоса Вереники.*
льно строенія его должно замѣтить, что распредѣленіе
немъ чрезвычайно не ровно; но однако въ немъ находится
опредѣленная плоскость, съ приближеніемъ къ которой

сгущеніе ихъ болѣе и болѣе возростаетъ. Что̀жь касается до наружнаго очертанія млечнаго пути, то его мы не знаемъ, а внѣшніе предѣлы его для насъ совершенно неизмѣримы.

ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ О ВОЗДѢЛЫВАНІИ СВЕКЛОВИЦЫ. *Сочиненіе* Франца Бецгольда; *переводъ съ нѣмецкаго, просмотренный Членомъ-Корреспондентомъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ Н. П. Шишковымъ, и снабженный его примѣчаніями, съ цѣлію примѣненія настоящаго сочиненія къ хозяйственнымъ условіямъ Россіи. Издано Департаментомъ Сельскаго Хозяйства Мин. Госуд. Имущ. Спб. 1847.*

Бецгольдъ, извѣстный своими агрономическими и химическими сочиненіями, и Н. П. Шишковъ, еще болѣе извѣстный хозяинъ-писатель и сахароваръ, — суть такіе авторитеты, послѣ которыхъ намъ ничего не остается болѣе, какъ повторить то, что̀ сказано въ заглавіи книги: а именно, что она — *сочиненіе Бецгольда, просмотренное въ переводѣ Н. П. Шишковымъ, который снабдилъ этотъ переводъ своими примѣчаніями.* Этихъ немногихъ словъ достаточно для того, чтобы всякой уразумѣлъ, что изданное Департаментомъ Сельскаго Хозяйства *наставленіе о свекловицѣ* есть драгоцѣнное наставленіе для хозяевъ-разводителей свеклы.

РАЗСМОТРѢНІЕ МЯЛЬНО-ПЛЮЩИЛЬНАГО СПОСОБА ОБДѢЛКИ ПРЯДИЛЬНЫХЪ РАСТЕНІЙ, *по описанію, находящемуся въ привилегіи, выданной на этотъ способъ гг. Лихачеву и Канаеву на десять лѣтъ 1847 года октября 16 дня.*

Странныя бываютъ дѣла на свѣтѣ. Напримѣръ, казалось бы, что̀ тутъ необыкновеннаго, что гг. Лихачевъ и Канаевъ получили въ ноябрѣ прошлаго года привиллегію на изобрѣтенный ими *мяльно-плющильный способъ* обдѣлки прядильныхъ растеній. Такъ нѣтъ! Этотъ способъ страшно не понравился какому-то господину, который въ безъименной брошюркѣ (выше выписано ея заглавіе), какъ рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, съ ожесточеніемъ напалъ на бѣдный *мяльно-плющильный способъ*, съ намѣреніемъ положить его на мѣстѣ и доказать *совершенную его негодность*. Битва, какъ изволите видѣть, происходитъ не на литературномъ полѣ; и еще менѣе можетъ быть она интересна для людей, занимающихся наукою или промышленностью, потому-что памфлетическій тонъ этой брошюры неизвѣстнаго происхожденія не можетъ дать ей никакого вѣса въ глазахъ тѣхъ, которые въ дѣлѣ науки и въ дѣлѣ промышленности цѣнятъ только одни факты и положительные опыты, а не фразы. Впрочемъ вся эта война неизвѣстнаго рыцаря, съ опущеннымъ заб-

раломъ, противъ бѣднаго мягко-плющильнаго способа гг. Лихачева и Канаева, какъ дѣло совсѣмъ не литературное, до насъ не относится; эти тринадцать печатныхъ страничекъ составляютъ такое произведеніе, надъ которымъ судъ должна произнести не литературная критика, а та наука, которая, по выраженію Цицерона, занимается разборомъ того: *honestumne factu sit, an turpe.*

Александръ Васильевичъ Суворовъ - Рымникскій, *историческая повѣсть для дѣтей*, соч. П. Фурмана. *Двѣ части. Спб. 1848.*

Саардамскій плотникъ, *повѣсть для дѣтей*, соч. П. Фурмана. *Двѣ части. Спб. 1847.*

Въ запрошломъ мѣсяцѣ, по поводу *исторической повѣсти*: «Григорій Александровичъ Потемкинъ», мы высказали свое мнѣніе о «дѣтской литературѣ» г-на Фурмана. Двѣ новыя его историческія повѣсти составлены по тому же способу, какъ и предъидущія: къ біографіи историческаго лица (удовлетворительной, если есть готовые источники, и очень плохой, если источники не разработаны) пришиваются мѣстами избитыя сентенціи, часто невпопадъ и вопреки разсказываемымъ фактамъ, — вотъ и историческая повѣсть для дѣтей!

Благодаря Исторіи Суворова, составленной покойнымъ Полевымъ, Суворовъ г. Фурмана читается; но «Саардамскій плотникъ»?...

Нѣтъ, мы рѣшительно совѣтуемъ г-ну Фурману брать впередъ героями своихъ историческихъ повѣстей только тѣ лица, жизнеописанія которыхъ прежде его обработаны писателями талантливыми, знающими дѣло....

Нужно еще замѣтить, что не однимъ внутреннимъ достоинствомъ разнится «Суворовъ» отъ «Саардамскаго плотника»: первый – изданъ очень хорошо, украшенъ 20 картинками, тогда какъ второй не только безъ картинокъ, но и напечатанъ дурно, на сѣрой бумагѣ.

Подарокъ дѣтямъ на праздникъ *съ 8-ю картинками. Спб. 1848 г.*

Первоначальный учитель. *Книга для чтенія (?) и для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ*; *составилъ* К. К., *издалъ* А. Картамышевъ. *Одесса. 1848.*

Въ прошлой книжкѣ журнала нашего мы замѣтили по поводу второго изданія «Благовоспитаннаго дитяти», что наша дѣтская литература не дѣлаетъ ни шагу впередъ. Подтвержденіемъ словъ нашихъ могутъ служить еще двѣ дѣтскія книжки, заглавія которыхъ мы выписали выше и изъ которыхъ одна издана недавно въ Петербургѣ, а другая въ Одессѣ.

Дѣтскія книжки наводятъ насъ всегда на печальныя размышленія о нашемъ воспитаніи. Надобно сознаться, что у насъ еще до сихъ поръ не одни составители и издатели этихъ книжекъ, но многіе родители и наставники (люди впрочемъ очень почтенные и умные) имѣютъ немного странныя понятія о воспитаніи.

Неугодно ли, напримѣръ, познакомиться съ ихъ идеаломъ *хорошо воспитаннаго, милаго дитяти?*

Этотъ идеалъ очень удачно очерченъ г. Тургеневымъ въ его разсказѣ: «Татьяна Борисовна и ея племянникъ» (*).

«У Андрюши большіе, свѣтлые, влажные глаза, маленькій ротикъ, правильный носъ и прекрасный, возвышенный лобъ. Онъ говоритъ тихимъ и сладкимъ голосомъ, держитъ себя опрятно и чинно, ласкается и прислуживается къ гостямъ, съ чувствительностію цалуетъ ручку у тетушки (или у маменьки). Не успѣешь показаться, глядь, ужь онъ несетъ вамъ кресла. Шалостей за нимъ не водилось никакихъ, не стукнетъ бывало; сидитъ себѣ въ уголку за книжечкой, и такъ скромно, смирно, даже къ спинкѣ стула не прислоняется; гость войдетъ — онъ приподнимется, прилично улыбнется и покраснѣетъ; гость выйдетъ — онъ сядетъ опять, достанетъ изъ кармашика щеточку съ зеркальцомъ и волосики себѣ причешетъ....» и пр.

— Ахъ, какой милый, прелестный, очаровательный ребенокъ! раздается со всѣхъ сторонъ вокругъ Андрюши, и Андрюша слушаетъ эти похвалы себѣ, упивается восторгомъ, который онъ возбуждаетъ, и съ пріятною скромностію потупляетъ глаза и кусаетъ нижнюю губку.

Признаемся, у насъ никогда не лежало сердце къ этимъ Андрюшамъ, къ этимъ *благо*воспитаннымъ дѣтямъ, за которыми не водится никакихъ шалостей, которые льстиво смотрятъ вамъ въ глаза, рисуются передъ вами и кокетничаютъ своимъ благонравіемъ... Но еще болѣе не лежитъ у насъ сердце къ дѣтскимъ книжечкамъ, которыя хлопочутъ, сознательно или въ простотѣ души, о размноженіи Андрюшей,—къ книжечкамъ, въ которыхъ правила лицемѣрія и лести, обсахаренныя самою приторною моралью, выдаются за чистѣйшую нравственность.

«Подарокъ дѣтямъ на праздникъ съ 8-ю (очень плохими) картинками» принадлежитъ къ такого рода книжечкамъ. Для неизвѣстнаго автора «Подарка дѣтямъ» Андрюша г. Тургенева — типъ *благо*воспитаннаго и милаго дитяти, — только у него Андрюша называется Лукашей. Лукаша, какъ истинно *благо*воспитанный ребенокъ, объясняется книжнымъ, медоточивымъ слогомъ, какъ иные взро-

(*) См. Соврем. № II, Отдѣл. I, стр. 191.

ные господа, такъ-что въ разговорѣ его вы слышите, гдѣ должна быть запятая, гдѣ точка съ запятой, гдѣ двоеточіе, тире и т. д. Лукаша, подобно героямъ повѣстей г. Достоевскаго, большой охотникъ до уменьшительныхъ словъ. Онъ дитя нѣжное... Онъ говоритъ, напримѣръ: «Ты скажешь Устину, чтобъ онъ сдѣлалъ для моей куропаточки *клѣточку*» (стр. 9). «Онъ укладываетъ птичку въ *кузовокъ*, который покрываетъ тряпичкой; обмакиваетъ *кусочекъ* хлѣбной мякоти въ *молочко*, и прочее — и его добрая кормилица при этомъ случаѣ «напечатлѣваетъ громкій поцалуй на розовой *щечкѣ* своего *выкормыша*» (стр. 11).

Въ самомъ дѣлѣ, какое *благо*воспитанное и какое нѣжное дитя!... Оно не можетъ даже кушать хлѣбца, а кушаетъ хлѣбный мякишь!...

Надобно быть очень безграмотнымъ и притомъ владѣть большою неустрашимостью, чтобы издавать и сочинять въ наше время такого рода книжечки, какъ «Подарокъ дѣтямъ». И нельзя не отдать въ этомъ случаѣ справедливости нашимъ книгопродавцамъ («Подарокъ дѣтямъ» изданъ книгопродавцемъ г. Сорокинымъ): они точно люди неустрашимые — и великіе мастера отыскивать неустрашимыхъ переводчиковъ и сочинителей. Кстати о безграмотности и неустрашимости. Знаете ли вы, что̀ такое неустрашимость? — Вотъ какъ характеризуетъ ее сочинитель «Подарка дѣтямъ»:

«Неустрашимость бываетъ столь превосходна, что мало людей способныхъ на нее. Это (что̀ же такое *это*?) называютъ *героизмомъ*...» и проч. (стр. 93).

Такъ вотъ что̀ такое неустрашимость!

«Подарокъ дѣтямъ» заключаетъ въ себѣ одну повѣсть о добродѣтельномъ ребенкѣ Лукашѣ, о томъ самомъ, который кушаетъ хлѣбный мякишь, размоченный въ молочкѣ. Повѣсть эта раздѣлена на 11 главъ.

И неужели еще до сихъ поръ удается неустрашимымъ книгопродавцамъ такого рода промышленность?

«Первоначальный учитель, составленный г. К. К. и очень красиво изданный въ Одессѣ г. Картамышевымъ», заключаетъ въ себѣ: 1) маленькіе разсказы итальянскаго писателя Чезаре Канту, передѣланные на русскіе нравы такъ, какъ обыкновенно передѣлываютъ у насъ водевили съ французскаго; 2) нѣсколько стихотвореній Жуковскаго, Крылова, Пушкина и г. *Полонскаго*, и 3) нѣсколько словъ о первоначальномъ преподаваніи грамматики. Предисловіе, сочиненное къ этой книжкѣ г. К. К., говоритъ между прочимъ о разсказахъ Чезаре Канту слѣдующее:

«Его разсказы (Чезаре Канту) выхвачены прямо изъ дѣйствительности: происшествія такъ просты и естественны, что имъ не можетъ

не повѣрить и взрослый. Нравоученіе не является здѣсь пошлою надписью, приклеенною къ конфеткѣ или къ игрушкѣ; если оно высказывается, то высказывается какъ объясненіе нравственной идеи, которая заключается въ самомъ событіи; урокъ здѣсь не въ словахъ, а и сердечномъ трепетѣ, который ощущаетъ ребенокъ, видя передъ собою изображеніе дѣйствительности, — а такіе уроки не безплодны. Прочтите «Предателя», «Богадѣльню», «Хромаго», «Истинное Благочестіе», чтобъ убѣдиться, какъ авторъ далекъ отъ того, что обыкновенно называютъ *моралью*, хотя онъ никогда не теряетъ изъ виду нравственной цѣли.

«Что касается до изложенія, — то главное его достоинство заключается въ полнотѣ и доконченности; развитіе главной мысли разсказа является яснымъ и опредѣленнымъ; всякое слово обдумано, всякое выраженіе взвѣшено, — нѣтъ ни одной брошенной наудачу фразы, которая бъ могла сдѣлаться источникомъ ошибки или заблужденія для ребенка; нѣкоторые разсказы можно назвать *художественными* по исполненію (я разумѣю подлинникъ).»

Для того, чтобы показать, до какой степени все это справедливо, мы приведемъ одинъ изъ разсказовъ: «Предатель», на которой составитель книжки, какъ мы видѣли выше, обращаетъ особенное вниманіе

«Въ 1500-мъ году Людовикъ Моръ, герцогъ миланскій, былъ осажденъ французами въ замкѣ Новарскомъ. Доведенный до послѣдней крайности, и не въ состояніи будучи сопротивляться, — онъ покусился уйти, переодѣтый, въ толпѣ наемныхъ швейцарскихъ солдатъ, которые были при немъ и которымъ побѣдитель даровалъ свободу воротиться въ отечество. Онъ бы успѣлъ въ этомъ; но одинъ изъ этихъ солдатъ, по имени Турманъ, надѣясь на большое вознагражденіе, предалъ его и указалъ непріятелямъ, которые схватили его, какъ плѣнника.

«Когда Турманъ воротился на родину, въ Ури, всѣ сограждане смотрѣли на него съ ужасомъ, какъ на подлеца, который предалъ несчастнаго; они осудили его на смерть. Его казнили, и ни отецъ, ни мать, ни жена, ни дѣти, никто его не оплакивалъ.

«Друзья мои, уважайте всегда несчастливыхъ, и, когда выростете, не предавайте никогда человѣка, который прибѣгнетъ къ вашему покровительству и ввѣрится вамъ. Вспомните Іуду.»

Этотъ анекдотецъ конечно очень нравоучителенъ, но что же въ немъ *художественнаго?*... И таковы почти всѣ остальные четырнадцать анекдотовъ, которые г. К. К., составитель книжки, величаетъ *художественными разсказами, главное достоинство которыхъ заключается въ полнотѣ и доконченности!* и проч.

Странное понятіе у г. К. К. о художественности....

IV.

ИСПАНСКІЙ ЮМОРИСТЪ ЛАРРА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Что̀ составляетъ душу юмориста? какіе элементы входятъ въ эту натуру бродящую, безпокойную, чувствительную ко всякому дуновенію? Самое слово пояснило бы это лучше всевозможныхъ опредѣленій. Это новое, удачное слово заставляетъ предполагать смѣсь чувствительности и иронiи, граціи и неумолимой проницательности, легкомыслія и глубины, нѣжности и силы. *Юморъ*, собственно говоря, есть нечто иное, какъ совокупность всѣхъ этихъ качествъ, которыя, при первомъ взглядѣ, должны бы, кажется, уничтожать одно другое, а у нѣкоторыхъ избранныхъ они сливаются въ одно, и оригинальность этихъ избранныхъ именно въ томъ и состоитъ, чтобы выказывать себя такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, со всѣмъ своимъ прихотливымъ разнообразіемъ. Это благородное и живое стремленіе ума, одареннаго самою изящною способностью все прочувствовать, все понять и все объяснить; это свободное и смѣлое движеніе мысли вѣчно тревожной, любящей отступленія — западни, которыхъ такъ боятся риторы, и предающейся имъ, когда случится ей объяснить какую-нибудь таiну сердца, показать противорѣчіе въ нашей природѣ, возстановить и возвысить осмѣянную истину; мысли, которую невѣдомое притягиваетъ къ себѣ тайнымъ магнетизмомъ, и которая подъ формою легкою и игривою проникаетъ въ самые темные извороты нравственнаго міра: подъ ея стопами сверкаютъ тысячи непредвидѣнныхъ отблесковъ наблюдательности, все, что̀ она изобрѣтаетъ, воспроизводитъ, — всему придаетъ она характеръ прихоти, каприза, силою фантазіи она творитъ подвижной образъ дѣйствительности, которая еще

болѣе подвижна. Прослѣдите эту вѣчно-трепещущую мысль во всѣх ея теченіи. То является она на минуту веселою, насмѣшливою, с улыбкою на устахъ; насмѣшка — это ея владѣніе: ей такъ хорошо тутъ! Однако же этой веселости можно вѣрить лишь вполовину: это только молнія, — подъ смѣхомъ кроются слезы и за веселымъ порывомъ слѣдуетъ уныніе. Дѣло въ томъ, что умъ не сохраняетъ полнаго спокойствія, когда вдается въ созерцаніе вещей подъ этимъ искусственнымъ покровомъ, такъ часто ихъ окутывающимъ и имѣющим важность и значеніе лишь для людей обыкновенныхъ. Тотъ, кто в препровожденія времени шевелитъ всѣ человѣческія фибры, тотъ может улыбаться постоянно, по-крайней-мѣрѣ въ улыбкѣ его вы найдете особенный оттѣнокъ. Тогда иронія облекается въ характеръ нѣжный или нѣжный; что же нужно для такой быстрой перемѣны? В сущности, нужно очень не много. По поводу птички, запертой в клѣткѣ, выльется нѣсколько поразительныхъ страницъ о рабствѣ и независимости, какое-нибудь тривіальное, уличное происшествіе послужитъ къ тому, чтобы излить жгучее чувство объ общественныхъ рана мимолетное облако вызоветъ самыя задушевныя, теплыя и трогательны воспоминанія; обручь, которымъ играетъ ребенокъ, послужитъ достаточнымъ предлогомъ для вопроса о судьбѣ; и вы услышите краснорѣчиваго философа или вдохновеннаго лирика. Но, постойте: прихотливый геній, который погрузилъ васъ въ раздумье, смутилъ духъ ваш снова вдался въ иронію, онъ снова безконечно веселъ, снова овладѣлъ ѣдкимъ сарказмомъ. Эта быстрота впечатлѣній, эти вѣчно новые контрасты составляютъ тайну юмориста, повинующагося лишь собственному влеченію; одаренный чудною властью обнимать обѣ стороны жизни, дробиться между смѣхомъ и слезами, онъ отъ одного предмета переходитъ къ другому, логичному гораздо болѣе того, сколько можно бы было ожидать отъ его фантастическаго полета, и все пересыпаетъ обильною наблюдательностію.

Подъ знаменемъ юмористической фантазіи, которая представляетъ собою самую одушевленную и живую форму сатиры, стоитъ цѣлая семья писателей — Свифтовъ, Стерновъ, Квеведо, Гоцци, характеръ которыхъ какъ-то особенно различествуетъ отъ характера сатириковъ другого рода, болѣе мрачныхъ — Буало, Попа, Аргенсолы, поэтовъ трудолюбивыхъ и осторожныхъ, которые тщательно заботятся о томъ, чтобы начертать и опредѣлить планъ сочиненія, избѣгаютъ случайныхъ мыслей, непредвидѣннаго вдохновенія, случайныхъ образовъ для которыхъ, по словамъ одного изъ нихъ, «подшилокъ самый благородный инструментъ». Въ произведеніяхъ послѣднихъ мы видимъ блескъ красоты наружной, въ нихъ просвѣчиваетъ геній порядка; въ твореніяхъ первыхъ разлито задушевное изящество, въ нихъ преобладаетъ разнообразіе, все преимущество увлекательности. Писатели подобнаго рода были даже въ отдаленной древности. Мы не будемъ называть ихъ, тѣмъ болѣе, что хотимъ лишь показать существенное различіе между писателями, на которыхъ можно

смотрѣть какъ на юмористовъ прошедшихъ временъ, и тѣми, которые являются позднѣе въ исторіи литературы: чѣмъ болѣе развивается цивилизація, тѣмъ болѣе наблюдательность утончается, становится проницательнѣе и ядовитѣе; чѣмъ болѣе чувствительность проникается энергіею, тѣмъ болѣе область скептицизма, который волнуетъ бо́льшую часть умовъ, принимаетъ характеръ печальный. Величайшій, неподражаемый примѣръ этому — Шекспиръ, который, въ величіи мощной иронія, устами Гамлета, разсуждаетъ о произволѣ смерти, взвѣшиваетъ въ рукѣ своей остатки *бѣднаго Горика*, этотъ презрѣнный прахъ шута,—прахъ, который имѣетъ такое же значеніе, какъ и прахъ Александра или прахъ молодой дѣвушки, Офеліи, умершей отъ любви. Здѣсь есть все — поэтическая нѣжность и горечь, блескъ и глубина; это высшій типъ, который въ тысячѣ оттѣнковъ воспроизводится семьею юмористовъ. Современная Испанія, среди интеллектуальнаго обновленія, исполненнаго подводныхъ камней, и обильнаго блѣдными начинаніями, имѣла въ Ларра человѣка вполнѣ достойнаго занять мѣсто между мыслителями прихотливыми и остроумными; въ немъ видѣла она одного изъ тѣхъ сатириковъ, которыхъ гибкое и жгучее вдохновеніе не терпитъ путей обыкновенныхъ, постоянно подъ ложною внѣшностію отыскиваетъ истину и умѣетъ придать страницѣ, о чемъ бы въ ней ни говорилось — объ искусствѣ ли, политикѣ, или о нравахъ, драматическій интересъ, рождающійся изъ естественнаго соединенія смущенія и насмѣшки.

Литературы всѣхъ народовъ имѣютъ писателей, произведенія которыхъ болѣе или менѣе запечатлѣны этою независимою фантазіею: у юга свои юмористы, какъ и у сѣвера, и въ Испаніи современникъ Ларра лишь соединилъ разорванную цѣпь, принялъ наслѣдство, оставшееся послѣ Сервантеса, Кеведо и другихъ, менѣе извѣстныхъ писателей, оживлявшихъ своимъ независимымъ талантомъ цѣлый отдѣлъ романовъ, которыхъ герои — разные искатели приключеній.... Дѣйствительно, юмористическая фантазія является и въ прошедшемъ, по ту сторону Пиренеевъ, и выказывается въ свойственномъ ей свѣтѣ. Въ ней нѣтъ сильной жажды анализа, какая развилась въ другихъ странахъ отъ вліянія протестантизма; она не теряется въ метафизикѣ ума и сердца, куда вдается смѣлое вдохновеніе Жанъ-Поля; не погружается, подобно Гоффману, въ таинственныя мечты, равно какъ не теряется въ волшебной, дѣтской миѳологіи Гоцци. Существенное ея качество состоитъ въ тепломъ и могущественномъ предугадываніи жизни практической, всѣхъ ея условій, всѣхъ противоположностей. Она, въ соединеніи воображенія и ума положительнаго, страсти и прямого здраваго смысла, старается изображать дѣйствительность, старается сдѣлать ее блестящею, какъ говоритъ де-Метръ. Поэтому-то на вымыслахъ ея, самыхъ смѣлыхъ, даже на тѣхъ, которые имѣютъ колоритъ чудеснаго, лежитъ неподражаемый отпечатокъ наблюдательности, и свѣтлой и точной. Во всѣхъ ея самыхъ прихотливыхъ вымыслахъ есть что-то жиз-

ненное, сильно обозначенное, которое напоминаетъ энергическую манеру нѣкоторыхъ мастеровъ въ испанской живописи. Если искать въ ней прихотливаго юмора, то надо искать его въ быстромъ ходѣ сценъ, въ разнообразномъ и драматическомъ рядѣ картинъ, въ способѣ соображать существенные элементы, олицетворять страсти, пороки и оригинальности, заставляя ихъ дѣйствовать.

Доведите эти качества до высшей степени развитія: результатомъ будетъ *Донъ-Кихотъ*, единственное твореніе, человѣческая эпопея, — твореніе, показывающее зрѣлость иронія въ Испаніи въ ту минуту, когда національный геній выходитъ изъ средне-вѣкового идеализма для того, чтобы привязаться къ землѣ. Такой же характеръ имѣетъ, въ низшемъ ряду, вся литература бѣдныхъ и находчивыхъ искателей приключеній, опредѣляемая по-испански однимъ словомъ «*picaresque*», — эта нить сатирическихъ этюдовъ нравовъ, народная и прекрасная иліада всѣхъ бродяжничествъ, беззаботной бѣдности, отважной промышленности: *Lazarille de Tormès*, *Guzman de Alfarache*, *gran Tacanno*, новеллы Сервантеса, *Ринконетта и Кортадилло*, *Гитанилла мадритская* до разговора столь тонкаго и разумно-насмѣшливаго между собаками *Cipion* и *Berganza*. Всѣ эти произведенія, мало читанныя, но о которыхъ много судили со словъ, столь важныя при всей ихъ легкости, суть различные эпизоды изъ этой юмористической иліады, которая имѣетъ замѣчательное единство, хотя ее писалъ не одинъ человѣкъ, и въ которой смѣшно бы было видѣть лишь занимательную и не слишкомъ совѣстливую аналогію ссыльныхъ героевъ. Это, напротивъ, подвижная, свободная рамка, въ которой могутъ найти себѣ мѣсто всѣ соціяльныя личности, съ побродяги, неимѣющаго крова, непризнающаго закона, выводящаго себѣ правила лишь изъ природы, до гордаго и нуждающагося дворянина, съ чувственнаго и невѣжественнаго католическаго монаха до корыстолюбиваго и продажнаго судьи. Развѣ не обширное, цѣлое общество представляется изумительному взгляду студента донъ-Клеофаса, въ *Хромоногомъ Бѣсѣ*? Въ произведеніяхъ этой литературы господствуетъ нескончаемая веселость и насмѣшливость. Не должно однако же думать, что эта иронія боится вопросовъ болѣе живыхъ, болѣе серьёзныхъ. Стоитъ только повнимательнѣе перечесть сильную и трогательную страницу изъ *Guzman de Alfarache* о богатомъ и бѣдномъ, которую авторъ начинаетъ такъ: «бѣдный все равно, что неходячая монета....» и далѣе продолжаетъ съ сосредоточенною горечью: «....Хочетъ ли говорить онъ, его не слушаютъ; если его кто-нибудь встрѣтитъ, то старается обойти; если онъ подаетъ совѣтъ, то возбуждаетъ ропотъ; если онъ дѣлаетъ чудеса — онъ колдунъ; его добродѣтель — лицемѣріе, малѣйшій его проступокъ — богохульство: за мысль онъ подвергается мукамъ, какъ за преступленіе: правосудіе — для него нѣтъ правосудія.... Никто не озаботится, предупредить его нужды. Кто утѣшитъ его въ его испытаніяхъ? Кто будетъ ему собесѣдникомъ въ одиночествѣ? Никто не придетъ къ нему на помощь: нѣтъ, напротивъ, всякій хочетъ еще воспрепятство-

вать ему.... Съ богатымъ поступаютъ не такъ....» Тутъ пробивается тайное, внутреннее краснорѣчіе, волнующее по временамъ легкую поверхность, подъ которой оно заключено.

Изъ всѣхъ этихъ писателей, которые походятъ нѣсколько на де-Фоа по народности своихъ произведеній, темной жизни и темному имени, достаточно одного Кеведо, чтобы показать испанскій юморъ. Брошенный въ жизнь богатую приключеніями, съ геніемъ дѣятельнымъ, самымъ глубокимъ и богатымъ источниками, поэтъ-лирикъ, авторъ книгъ историческихъ, политическихъ, аскетическихъ, Кеведо выказываетъ всю силу своего таланта лишь въ тѣхъ твореніяхъ, обыкновенно презираемыхъ историками литературы, которыя входятъ въ число произведеній прихоти и фантазіи. Язвительная колкость Луціана всего сильнѣе выказывается у Кеведо въ отрывкахъ, собранныхъ подъ странными названіями — *Свѣтъ съ внутренней стороны*, *Сонъ*, *Домъ сумасшедшихъ отъ любви*, *Стойла Плутона*. Здѣсь является онъ въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ обильный сатирикъ, мыслитель, полный огня и движенія, творецъ своего языка, языка нѣжнаго и цвѣтистаго, блестящаго и энергическаго, который характеризируетъ однимъ словомъ, сверкаетъ и разитъ какъ мечь и производитъ всѣ виды сарказма, всѣ искры ироніи. Развѣ не открылъ Кеведо тайну *юмора* въ одномъ изъ своихъ отрывковъ, начатаго изслѣдованіемъ желанія, которое не легко вырвать изъ человѣческаго сердца, которое, напротивъ, безпрестанно въ немъ трепещетъ, какъ неугасаемое пламя? Желаніе, по мнѣнію автора, поддерживаетъ и возобновляетъ наши иллюзіи, ставя насъ лицомъ къ лицу съ невѣдомымъ. «Свѣтъ — говоритъ онъ — какъ бы для того, чтобы искуснѣе потворствовать этому задушевному стремленію, представляется намъ разнообразнымъ и измѣнчивымъ, потому-что разнообразіе и новизна — самыя могущественныя прелести, которыя могутъ обольстить насъ». Прелесть давитъ насъ и увлекаетъ до тѣхъ поръ, пока мы, достигнувъ желанной цѣли, впадаемъ въ отвращеніе къ тому, чего прежде пламенно добивались, и въ раскаяніе о томъ, что столько бились для полученія малости. Тогда желаніе, вмѣсто того, чтобы потухнуть въ нашемъ сердцѣ, возрождается, нѣкоторымъ образомъ, изъ своего пепла, чтобы ухватиться за другіе предметы, болѣе отдаленные, чтобы стремиться къ другому наслажденію, которое у него оспориваютъ. Кеведо долженъ былъ самъ испытать это могущественное чувство, чтобы говорить о немъ съ такимъ горькимъ краснорѣчіемъ; онъ исчерпалъ желаніе и, какъ кажется, достигъ предѣла, гдѣ иллюзіи уже не возрождаются. Какого стриннаго путеводителя избираетъ онъ себѣ при изученіи внутреннихъ тайныхъ пружинъ свѣта въ отрывкѣ подъ заглавіемъ *el Mundo por dedentro*, — Разочарованіе — *el Desengano*, — которое является ему подъ видомъ язвительнаго, мрачнаго старика. Старикъ этотъ увлекаетъ его и ведетъ на великую улицу свѣта, т. е. *лицемѣрій*, «улицу, какъ говоритъ авторъ, гдѣ у каждаго человѣка есть свой домъ, помѣщеніе или по-крайней-мѣрѣ пристанище. Изъ-

торые живутъ въ ней; блаженъ тотъ, кто лишь по ней проходитъ!» Такимъ образомъ Кеведо присутствуетъ при всѣхъ человѣческихъ лицемѣріяхъ, напечатлѣвая на каждомъ изъ нихъ неизгладимый знакъ устами неумолимаго старика. Разочарованіе на каждомъ шагу показываетъ ему порокъ и податливость совѣсти, окутывающей себя суровостію, дерзкій и хитрый эгоизмъ, надѣвающій маску человѣчности и филантропіи, непостоянство сердца, укрывающееся подъ ложью вѣрностію, сладострастіе, которое принимаетъ имя любви, показываетъ ему даже физическое безобразіе, которое силится скрыть подъ искуственною красотою. Это цѣлый рядъ пороковъ, странностей разукрашенныхъ, фантастическихъ, посредствомъ лжи получающихъ мѣсто въ свѣтѣ. Можно сказать, что все есть въ этомъ странномъ міръ, гдѣ все живетъ, все двигается, все олицетворяется подъ изобрѣтательнымъ, горячимъ перомъ Кеведо.

Хотите видѣть другую картину? Возьмите ироническій, зловѣщій сонъ — *el Sueno de las calaveras*. Это общее воскресеніе мертвыхъ, призываемыхъ къ верховному суду и собирающихъ разсѣянные члены. Здѣсь любострастные, «которые не хотятъ взять глазъ своихъ, чтобы не свидѣтельствовать противъ самихъ себя предъ судилищемъ; такъ клеветники, которые не хотятъ отыскивать своего языка». Далѣе купцы «*которые выворачиваютъ свою душу* и несутъ свои пять чувствъ въ кулакѣ правой руки....» Можно ли позабыть прокурора, этого новаго Прометея, постоянно ростущіе ногти котораго гложетъ коршунъ, и судью, который вѣчно моетъ въ ручьѣ свои руки и не можетъ очистить ихъ отъ *жира*, оставленнаго на нихъ просителями? Другое лицо не менѣе занимательно и истинно: это такъ называемый *кѣкто*, странный миѳъ, существо загадочное, играющее очень важную роль въ свѣтѣ. Распространители лживыхъ слуховъ приписываютъ ему клеветы свои, невѣжды свои глупости, педанты свои двусмысленныя нарѣченія, великіе политики — утреннія новости. Римляне называли это лицо — *quidam*. Теперь пусть назовутъ его — *какой-то авторъ*, *старинный писатель* или пусть такъ отнесутся о немъ: *не знаю кто*, *человѣкъ, который знаетъ навѣрно*, все-таки это будетъ *кѣкто*, который никогда не призывалъ на помощь, но который сохраняетъ, какъ говоритъ испанскій сатирикъ, и по смерти бѣлую одежду — признакъ того, что изъ всего, что̀ ему приписываютъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Это чудный типъ, который не должно забывать при комическомъ исчисленіи земныхъ существъ.

Конечно Кеведо чего-то недоставало, чтобы быть совершеннымъ юмористомъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ качества юмориста: симпатическую нѣжность, задушевный трепетъ, который въ нашемъ современникѣ, испанцѣ Ларра, развитъ гораздо сильнѣе. Кеведо слишкомъ увлекается грубою стороною человѣка и не слишкомъ заботится о сторонѣ болѣе нѣжной, болѣе благородной; но взамѣнъ чувствительности сердца, въ немъ по временамъ пробуждается важное бра-

снорѣчіе ума, которому онъ умѣетъ придать живость и картинность. Таково, напримѣръ, его изображеніе смерти, которую онъ представляетъ «въ вѣнцахъ, со скиптрами, митрами, одѣтую въ бархатъ, драгоцѣнное шитье, въ холстину и сермягу, испещренную всѣми цвѣтами, у которой одинъ глазъ смотритъ, а другой закрылся, кажущеюся молодою съ одной стороны и старою съ другой, вѣчно идущею неправильной стопою и стоящей близко, лицомъ къ лицу, тогда какъ думаютъ, что она еще далеко.

Каково бы ни было различіе между Квеведо и позднѣйшими юмористами, у которыхъ иронія прикрывается болѣе нѣжною меланхоліею, нельзя не удивиться, видя сходство въ нѣкоторыхъ точкахъ зрѣнія, видя какое-то родство, встрѣчая мысли, въ которыхъ они сходятся. Въ *Romance*, гдѣ Квеведо описываетъ злую судьбу свою, гдѣ онъ говоритъ: «Нѣтъ бѣднаго, который не попросилъ бы у меня милостыни, нѣтъ богача, который бы не оскорбилъ меня.... друга, который бы не обманулъ меня», испанскій писатель написалъ заранѣе, почти буквально одну изъ лучшихъ страницъ *Золотого горшка* Гоффмана, въ которомъ студентъ Ансельмъ также разсказываетъ свои неудачи. Это вѣковая исторія безпечнаго мыслителя, надъ которымъ смѣется злая судьба. Посмотрите, однако же, до чего доводитъ свободный умъ, неисправимая смѣлость насмѣшки! Занимая нѣсколько лѣтъ важную должность, бывъ секретаремъ герцога Оссуны, въ то время, когда онъ былъ вице-королемъ неаполитанскимъ, ознаменовавъ себя нѣсколькими политическими сдѣлками, Квеведо впадаетъ въ немилость, изъ одной тюрьмы переходитъ въ другую; онъ удрученъ бѣдностію, измученъ одиночествомъ; но пламя его сатирическаго генія не потухаетъ. Во время своего заключенія, въ монастырѣ Санъ-Марко въЛіонѣ, не задолго до своей смерти, онъ, въ спокойномъ, гордомъ уныніи, пишетъ къ Оливаресу: «Чтобы быть мнѣ мертвымъ, не достаетъ только могилы, мѣста отдыха тѣхъ, которыхъ уже не стало. Я все потерялъ; имущество мое, которое никогда не было велико, теперь исчезло, — оно пошло на уплату моего содержанія въ тюрьмѣ. Друзья? невзгода дѣлаетъ ихъ робкими; я питаю вѣру лишь къ вашему сіятельству. Впрочемъ милосердіе не можетъ придать мнѣ нѣсколькихъ годовъ жизни, точно такъ, какъ строгій судъ не можетъ ихъ отнять у меня».... Прибавимъ еще, какъ послѣднюю черту, изрѣченіе, на которое Квеведо, при концѣ жизни своей, вызванъ былъ изнеможеніемъ: «Въ этой жизни я не нахожу ни одного предмета, на которомъ могъ бы остановиться взоръ мой безъ мысли о смерти». Это лицо, судьба котораго была игрушкою столькихъ испытаній, которое заключаетъ въ своихъ твореніяхъ сущность испанской юмористической фантазіи и которое до нашего времени не имѣло себѣ преемника въ Испаніи, — Ларра воспроизвелъ въ одной драмѣ; но изъ нея сохранились только неизданные отрывки. Новый сатирикъ соблазнился ошибкою, общею всѣмъ тѣмъ, кто избираетъ въ герои знаменитыхъ писателей, людей подобныхъ Шекспиру, Мольеру. И къ чему

ведетъ это? Дадутъ ли этимъ великимъ людямъ почетное мѣсто въ своемъ вѣкѣ, посреди людей, которые отражаются въ ихъ произведеніяхъ, при зрѣлищахъ всякаго рода, поражавшихъ ихъ душу и воспроизведенныхъ ими? Это будетъ лишь попытка передѣлать искусственнымъ образомъ то, что́ они сдѣлали съ наивною непринужденностію своего генія; это будетъ лишь безполезный слѣпокъ съ образа ихъ мыслей, ихъ языка. Измѣнять условія, при которыхъ они жили, изворачивать нравственныя перспективы, силиться придать имъ оригинальность болѣе новаго взгляда, прибавлять къ истинѣ поэтическіе вымыслы, значитъ взять лишь одно имя этихъ великихъ людей. У Ларра было дѣло поважнѣе этого, онъ самъ былъ Кеведо своего времени въ Испаніи.

Существенное достоинство Ларра и вѣрный признакъ его генія состоятъ въ томъ, что онъ былъ юмористомъ *своего* вѣка и своей страны, что въ немъ соединялись жаръ вдохновенія, сила анализа, геніяльная, обильная гибкость, невнимательность къ принятымъ формамъ искусства и наконецъ какое-то чутье дѣйствительности, которое преимущественно свойственно испанской ироніи. Истинный новѣйшій мыслитель, онъ раскрываетъ самые неуловимые оттѣнки своего существа, тайны души воспріимчивой и жаждущей движенія, разума, исполненнаго блескомъ, богатаго новизною и упоеннаго независимостію. Эта свободная и оригинальная натура проявляется, хотя бы лишь въ выборѣ предметовъ, даже въ тѣхъ изъ его произведеній, гдѣ видно преобладаніе правилъ, условій извѣстнаго рода литературы, и гдѣ, какъ кажется, нѣтъ мѣста непредвидѣнному стремленію личности. Это видно въ его историческомъ романѣ — *el Doncel de don Enrique el doliente* и исторической драмѣ — *Macias*. Масіасъ герой двухъ произведеній, и не случайно или не по бѣдности воображенія обратился Ларра къ древнему поэту Галиціи, которому принадлежитъ слава первыхъ звуковъ кастильской поэзіи, который имѣлъ несчастіе заплатить своею жизнью за восторженную страсть сердца; смутное предчувствіе подобной же участи побудило Ларра оказать ему предпочтеніе. Ларра искалъ и видѣлъ нѣкоторымъ образомъ самого себя въ Масіасъ, развертывая ткань полу-воображаемыхъ, полу-естественныхъ приключеній древняго поэта, призывая поочередно музу Скотта и Кальдерона, чтобы воспроизвесть ихъ. Но еще не въ романѣ, не въ драмѣ проявился испанскій юмористъ, а въ собраніи сочиненій разнаго рода — очерковъ, политическихъ физіологій, очерковъ нравовъ, фантастическихъ сатиръ, отрывковъ иронической философіи: здѣсь, въ этой рамкѣ, послушной всѣмъ прихотямъ генія, Ларра привольно, и онъ рисуетъ себя вполнѣ, съ вѣрнымъ простодушіемъ. Глазъ можетъ, такъ сказать, обнять каждую черту характера, въ которомъ есть что-то таинственное для бо́льшей части испанцевъ. Въ писателѣ видѣнъ во всей наготѣ человѣкъ во всемъ его разнообразіи, измѣнчивости, скептицизмѣ, со всѣми его страстями, человѣкъ полный желаній, стремленій и непостоянства и всегда жестоко все предвидящій.

Такое изученіе представляетъ занимательность не только по отношенію къ литературѣ, но и къ психологіи.

Надо замѣтить, что Ларра не только историкъ самого себя, — онъ историкъ современной Испаніи, которому доступно нетолько то, что̀ очевидно и искуственно въ общественной жизни по ту сторону Пиренеевъ, но и то, что̀ въ этой жизни есть скрытаго и драматическаго. Его геній-сердцевѣдецъ не останавливается на происшествіяхъ, на перемѣнахъ министерствъ, на востаніяхъ войскъ: это только миражъ. Геній его проникаетъ глубже: онъ касается тайныхъ пружинъ партій и людей, противорѣчій мнѣній, фальшивости положеній. Каждая его страница, повидимому плодъ ума легкаго и парадоксальнаго, есть комментарій, въ которомъ болѣе истины, чѣмъ въ дѣйствительности, которая передъ вашими глазами. Для Ларра достаточно простой фразы: *nadie pase sin hablar al portero* (никто не проходитъ мимо привратника, не сказавъ ему ни слова), *Dios nos asista!* (съ помощію Божіею), чтобы пробудить его насмѣшливое глубокомысліе, въ забавномъ вымыслѣ выставить всѣ пороки прошедшаго времени, обрисовать смѣясь ребячество народа, неспособнаго къ самоуправленію, безпрестано разрушающаго то, что̀ создалъ наканунѣ, пристающаго ко всѣмъ направленіямъ, опостылившаго наконецъ самому себѣ и неминуемо подчиняющагося подражанію. Изъ словъ: *el Hombre-Globo*, онъ создаетъ прихотливую ассоціацію, чтобы изобразить незаконное честолюбіе, которое случайно рождается во времена безпорядковъ, такъ-что нельзя даже опредѣлить, на чемъ оно основывается. Какой публицистъ удачнѣе выставилъ неизлечимую испорченность народа, давно находящагося въ застоѣ и погрязшаго въ праздной нищетѣ? Какой политикъ яснѣе видѣлъ и охарактеризировалъ смѣсь генерацій и различныхъ классовъ на одной и той же почвѣ, между которыми нѣтъ ни малѣйшей связи, которые, будучи внезапно брошены на новую дорогу, какъ бы уже не понимаютъ другъ друга, отдѣляются, уединяются и своимъ отдѣленіемъ и уединеніемъ ослабляютъ, останавливаютъ ходъ цѣлой страны? Кто смѣлѣе обнажилъ глубокую рану разстройства великаго народа? Ларра съ немѣньшею силою изобразилъ ослабленіе нравственныхъ вѣрованій, которое обозначаетъ всякую эпоху во время ужаса переворотовъ; онъ не только представилъ въ своихъ произведеніяхъ *выраженіе*, но сдѣлалъ болѣе: самъ собою онъ былъ поразительнымъ примѣромъ, самымъ трагическимъ олицетвореніемъ, потому-что самъ палъ предъ неизлечимымъ зломъ: Ларра проницательный и неумолимый наблюдатель, котораго здравый смыслъ, пока не возмущается порывомъ негодованія, не имѣетъ себѣ подобнаго, котораго фантазія увлекательно-жива и разнообразна, пока не теряется въ горечи и отвращеніи, но которая незамѣтно переходитъ изъ беззаботной веселости въ несправедливое краснорѣчіе уязвленнаго сердца! И въ нѣсколько лѣтъ поблекла сильная, преждевременная зрѣлость этого обширнаго ума! Ларра въ 1832 году былъ почти ребенокъ; въ 1837 г. онъ уже умеръ совершеннымъ старикомъ, старикомъ

душою и разумомъ, пріобрѣтя, подъ именемъ дважды славнымъ — *Фигаро*, народность, которая сама не избѣгала ярости его сарказма.

Въ наступающемъ переворотѣ, въ этомъ вновь открывающемся горизонтѣ, есть что-то спасительное и животворное, что пробуждаетъ довѣренность въ умахъ, благопріятствуетъ иллюзіямъ, сообщаетъ всѣмъ мыслямъ наивную потребность движенія, чистосердечный порывъ, и самой сатирѣ оставляетъ лишь благородное жало, необходимое къ ускоренію общественнаго хода; накопиться обману, лжи еще тутъ не было времени. Таково было положеніе Испаніи около 1832 года; и отъ этого-то состоянія принимаетъ характеръ рождающаяся иронія Ларра. *Pobrecito Hablador*, сочиненіе, написанное имъ въ это время, въ своихъ подробностяхъ, въ этой вымышленной перепискѣ между баккалавромъ *Munguia* и *Andrés Niporesas* есть нечто иное, какъ драма тонкая, язвящая безъ боли, напоминающая легкую, счастливую насмѣшку Аддисона. Избѣгая разныхъ затрудненій, авторъ, кажется, удвояетъ тонкость и живость своего ума, чтобы прочистить себѣ лазейку и сохранить, посредствомъ ученой стратегемы *умолчанія* и *уступленія*, свободу сатиры. Онъ не щадитъ ни манію къ должностямъ, ни продажность этихъ должностей, ни народную лѣность, такъ удачно выраженную однимъ словомъ — *vuelva! usted mannana!* (зайдите завтра), ни напыщенную нищету, ни страсть къ неподвижности, столь глубоко вкоренившуюся въ нравахъ,—однимъ словомъ, не щадитъ ни одного изъ пороковъ, которые сила привычки совершенно привила къ природѣ испанца. Чтобы быть свободнѣе, *Pobrecito Hablador* даетъ Испаніи ироническій символъ: ее представляетъ *Батуэкасъ (Batuecas)*, — бѣдная страна, до того ушедшая въ равнину между двумя горами, что о ней говорили, будто она открыта лишь послѣ Америки! Изъ всѣхъ пороковъ, преобладающихъ въ Батуэкасъ, можно ли забыть о невѣжествѣ глубокомъ, наивномъ, совершенно собою довольномъ, которое можно встрѣтить лишь въ старой Испаніи. Если вы повѣрите насмѣшкамъ Ларра, то увидите, какъ въ этой странѣ сладко покоятся на мысли, что если человѣкъ ничего не знаетъ, то онъ еще не умеръ. *Pobrecito Hablador* дѣлаетъ изъ Батуэкасъ страну благословенную, гдѣ не читаютъ, не пишутъ, даже не говорятъ, потому-что тамъ вѣчное шпіонство, котораго всѣ боятся. «Есть люди — пишетъ баккалавръ къ своему другу—которые живутъ здѣсь тѣмъ, что говорятъ другіе: поэтому-то мы принуждены молчать. Взгляни на насъ, окутанныхъ въ плащи, говорящихъ потихоньку, недовѣряющихъ отцамъ и братьямъ.... Кажется, что мы всѣ сдѣлали или готовимся совершить какое-то преступленіе. Есть ли что-нибудь страннѣе этого? человѣкъ живетъ словами другихъ! Говорите послѣ этого, что жители Батуэкасъ не мастера жить!» Однако же настаетъ минута, когда общее молчаніе нарушается: Ларра прислушивается къ этому ропоту и описываетъ его съ ироніею, изъ-подъ которой пробивается надежда. «Во время моего послѣдняго отъѣзда изъ Батуэкасъ—говоритъ гдѣ-то баккалавръ—*носился слухъ*, что начинаютъ говорить. Бѣдные *жители Батуэкасъ!*»

Любопытно сблизить съ этою картиною другой отрывокъ изъ сочиненія Ларра: *las Palabras*, написаннаго позже, въ то время, когда возникли праздные, безплодные споры, въ которыхъ уже проглядываетъ горечь обмана, сильная иронія обманутаго опыта. Въ первомъ сочиненіи испанскій юмористъ показываетъ какую-то нѣмоту, какъ бы обратившуюся въ законъ; во второмъ старается изобразить царство слова шумнаго, пустого и надутаго, поразить легковѣріе человѣка, который совершенно подчиняется этому новому игу, точно такъ, какъ наканунѣ поклонялся молчанію. «Человѣкъ всему вѣритъ» — говоритъ онъ — «имъ управляютъ словами».

«Хотите вы вести его на смерть? Измѣните нѣсколько слоговъ и скажите ему: я веду тебя къ славѣ! и онъ пойдетъ за вами. — Наберите фразъ, въ которыхъ пусть безпрестанно раздаются слова: *заря правосудія*, *горизонтъ мира*, *благодѣтельное вліяніе устройства и свободы*, *гидра раздоровъ*, *общественное право*, и пр. и пр., и вы увидите, что народы возликуютъ, начнутъ писать стихи, воздвигать тріумфальныя арки, дѣлать надписи. Чудный даръ слова! легкое счастіе! При помощи краткаго лексикона словъ эпохи, вы можете овладѣть временемъ какъ вамъ угодно; лишь нужно умѣть во-время пользоваться имъ, чтобы обморочить цербера, и вы смѣло можете почить на лавахъ....»

Лишь только загорѣлась гражданская война на границахъ Португаліи и Наварры, какъ Ларра спѣшитъ направить сюда *блестящій* перо, о которомъ говоритъ Ювеналъ. Онъ выводитъ на сцену, во всемъ безпорядкѣ страстей, пороковъ и злоупотребленій, привидѣніе прошедшаго, которое является съ оружіемъ въ рукахъ на послѣднюю битву. Найдете ли вы сатирическій очеркъ болѣе шутливо-истинный, чѣмъ *Совѣтъ Кастель-о-Бранко?* здѣсь, въ этомъ собраніи, съ котораго должна начинаться эра новыхъ счастливыхъ событій испанскаго абсолютизма, сходятся министры, которые сами даютъ другъ другу инвеституру, казначеи безъ казны, генералы безъ солдатъ, верховные совѣтники, выжидающіе лучшихъ дней, для того, чтобы была оцѣнена ихъ преданность, и даже нотаріусъ *mayor* королевства, худощавый, сухой, «живой образъ противорѣчія,» — и все это составляетъ *верховный совѣтъ управленія обѣими Испаніями и Индіями*. Чего недостаетъ правительству, такъ хорошо организованному? сущей бездѣлицы — какого-нибудь партизана, самаго незначительнаго лица, признающаго власть, тѣни вассала, которому бы можно было говорить. Хороша же и радость, когда могли завербовать достойнаго кастильца, шедшаго по своимъ дѣламъ, нисколько не заботясь о томъ, кто имъ управляетъ, и чрезвычайно наивно изумившагося своей важности, которой онъ и не подозрѣвалъ! Немедленно раздаются звуки колоколовъ, и *Верховный совѣтъ*, найдя въ этомъ провидѣніемъ посланномъ происшествіи предметъ для разсужденій, *постановляетъ* всемѣстный, неожиданный восторгъ. «Сердце каждаго,» говоритъ этотъ совѣтъ, «должно исполниться истинной, добровольной радости съ шести часовъ

дорогѣ пересѣкающей или пересѣченной, если только онѣ не внѣ страны, на вольномъ воздухѣ.... потому-что имъ всего нужно понемногу».... Когда испанскій писатель, говоримъ мы, набрасываетъ этотъ сатирическій очеркъ, то онъ довольствуется не однимъ абсолютизмомъ, а беретъ всю революцію, которая такъ часто представляла зрѣлище неосторожныхъ возгласовъ прошедшихъ чувствъ, къ тѣнямъ древнихъ юнтъ; это старый и слѣпой духъ мѣстной независимости, личнаго возмущенія, который теперь нечто иное, какъ симптомъ разложенія, одна изъ формъ анархіи. Когда партіи принимаютъ произвольныя имена, которыхъ требуютъ ихъ дѣйствія, и забавляются тѣмъ, что создаютъ воображаемую Испанію, гдѣ существуютъ политическія системы, гдѣ всѣ конституціонныя идеи могли бы воспроизводиться въ кругѣ правильныхъ движеній, то такая поверхностная истина никакъ не удовольствуетъ Ларра. Онъ вокругъ себя видитъ другое; онъ отличаетъ три различныхъ народа: «толпу равнодушную, огрубѣлую, умершую надолго, толпу, которая, не имѣя нуждъ, не имѣетъ и побужденій, потому-что, привыкнувъ склоняться предъ высшимъ вліяніемъ, она сама не движется, но позволяетъ *себя* двигать; средній классъ, который просвѣщается медленно.... который видитъ свѣтъ, любитъ его, но какъ дитя не умѣетъ исчислить разстояніе, отдѣляющее его отъ этого свѣта, который думаетъ, что извѣстные предметы къ нему ближе, потому-что онъ ихъ желаетъ, протягиваетъ руку, чтобы овладѣть ими, но не умѣетъ сдѣлаться владѣтелемъ луча, его озарившаго, даже не знаетъ, въ чемъ состоитъ это явленіе; наконецъ классъ привиллегированный, немногочисленный, жертва или дитя эмиграціи, который считаетъ себя единственнымъ въ Испаніи и на каждомъ шагу удивляется, видя себя впереди другихъ: это прекрасный норманскій конь, который воображаетъ, что впряженъ въ легкую карету, и который, будучи принужденъ тащить тяжелую телѣгу, бросается впередъ, ломаетъ оглобли и несется одинъ....» Не изъ этого ли радикальнаго различія характера и состоянія между народонаселеніемъ, скорѣе живущимъ другъ подлѣ друга, чѣмъ составляющимъ одну народную массу, подчиненную одному стремленію, — не изъ этого ли крайняго недостатка гармоніи истекаетъ нерѣшимость умовъ, хрупкость соображеній, отсутствіе зрѣлости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безсиліе людей, какія-то полу-мѣры, реакціи, которыя авторъ *Pobrecito Hablador* преслѣдуетъ во всѣхъ формахъ съ жестокою и поучительною веселостію, и которыя продолжили для Испаніи рядъ отважныхъ наглостей и вульгарныхъ приключеній?

Подъ покровомъ прихотливости, всегда разнообразной, и вымысловъ разумныхъ и свободныхъ, Ларра касается самыхъ прихотливыхъ струнъ политики. Исторія испанской революціи вся въ этой сатирической полемикѣ, въ этихъ важныхъ и серьёзныхъ отрывкахъ съ легкими загавіями: *Юнта Кастель-о-Бранко, Обстоятельства, Въ какомъ свѣтѣ мы живемъ! Выгода дѣлать дѣла въ-половину, Письма Либерала, Фигаро по возвращеніи*; она открывается въ нихъ во всѣхъ своихъ пе-

ріодахъ, во всей несвязности, со всѣми своими слабостями, со всѣми дѣйствительными пороками. Можно ли однако же отнести Ларра къ авторамъ памфлетовъ? Природѣ памфлетиста свойственно замѣнять полноту и высшую точку зрѣнія задирающею отвагою, жестокостію насмѣшки или страсти. Совсѣмъ не то находимъ въ Ларра, который не столько памфлетистъ, сколько мыслитель, не столько человѣкъ обстоятельствъ, идеи, мести, сколько чистосердечный и неутомимый наблюдатель всѣхъ проявленій революціи, не столько помощникъ партіи, сколько художникъ, исполненный новизною движеній всѣхъ мнѣній, и, однимъ словомъ, самостоятельный юмористъ страны, волненія которой онъ самъ сравниваетъ «съ таинственною и удивительною игрою рукъ, тайныя хитрости которой никто не знаетъ».

Среди этого вихря вѣрность его здраваго смысла торжествуетъ безъ всякихъ усилій. Уклоняясь, по независимости своей иронія, отъ гибельнаго вліянія поддѣльныхъ страстей, отъ ложныхъ дней системъ, неимѣющихъ отношенія къ состоянію Испаніи, онъ довольствуется ролью проницательнаго зрителя всѣхъ безумствъ, порождаемыхъ преобладаніемъ страстей и системъ; онъ разсказываетъ, разсуждаетъ, мечтаетъ, смѣется, умножаетъ точки зрѣнія, и иногда его воображеніе придаетъ истинамъ, которыя онъ наблюдаетъ, особенную рельефность, неожиданный, поэтическій характеръ, который яснѣе всего показываетъ разнообразіе его генія. Таковъ отрывокъ, въ которомъ онъ хочетъ описать болѣзнь, зарождающуюся въ народѣ отъ полу-знанія, отъ темнаго предчувствія лучшей жизни, которой онъ жаждетъ, но условія которой ему еще неизвѣстны. «Когда страна» — говоритъ онъ — «приближается къ критической минутѣ перехода, и когда онъ, выходя изъ мрака, примѣчаетъ легкое мерцаніе, тогда она не постигаетъ еще добра, но чувствуетъ уже зло, отъ котораго хочетъ освободиться, предпочитая выгоды новаго состоянія, тогда съ нею случается то, что случается съ прекрасной молодой дѣвушкой, выходящей изъ дѣтства: она еще не знаетъ ни самой любви, ни наслажденій любви; ея сердце однако же, или, лучше сказать, природа открываетъ ей уже потребность, которая становится все сильнѣе и сильнѣе, зародышъ которой заключается въ ней самой и которую удовлетворить она имѣетъ средства, хотя и не знаетъ ихъ. Смутное безпокойство души, которая ищетъ и жаждетъ, хотя не знаетъ чего, тревожитъ ее и поселяетъ отвращеніе къ настоящему положенію и къ тому, въ которомъ жила до сихъ поръ: тогда она съ презрѣніемъ отбрасываетъ отъ себя игрушки, которыя еще не давно составляли упоеніе ея несознательнаго существованія». Развѣ эти слова не выходятъ изъ устъ лирическаго поэта? Но рядомъ съ лиризмомъ вы увидите аристофановскій духъ, смѣлую и рѣзкую фантазію. Въ *Hombre-Globo* встрѣчается странная классификація, политическая и общественная, *человѣка твердаго*, *человѣка жидкаго* и *человѣка газоваго*.

«*Человѣкъ твердый*, говоритъ Ларра — есть человѣкъ компактный, сжатый, тупой, который проживаетъ въ нижнихъ слояхъ человѣче-

[redacted]

Политика, собственно говоря, еще не составляетъ цѣли Ларра, и можно спросить себя, есть ли у него какая-нибудь другая цѣль кромѣ горькаго удовольствія наблюдать? Политика имѣетъ для него одинъ только интересъ, она важна для него, какъ проявленіе челов-

ческой дѣятельности, новое поле, съ котораго ему удобнѣе охватывать всѣ стороны, изучать всѣ изгибы испанской природы, оно распространяетъ иногда горизонтъ его зрѣнія до природы всемірной райны которой онъ пытаетъ съ высокомѣрной прозорливостью.

Памфлетистъ исчезаетъ; мыслитель же живетъ, — мыслитель глубокій, художественный, очищающій дѣйствительность отъ всего, что̀ въ ней есть эфемернаго, для того, чтобы изслѣдовать непреложную сущность наклонностей человѣка, чтобъ освѣтить внутреннее движеніе общественной жизни. Писатель-полемикъ исчезаетъ; а моралистъ разоблачитъ отвратительную рану, которую поддерживаетъ революція: интригу, средство вѣчно новое для достиженія цѣли, — интригу, которая состоитъ въ томъ, чтобы выгодно *породниться*, сдѣлать блестящимъ достоинства, которыхъ не имѣешь, сказать болѣе того, сколько знаешь, оклеветать того, кто не можетъ отвѣтить, писать въ пользу того, кто приказываетъ, и очень рѣдко противъ, имѣть рѣшительное мнѣніе, хотя бы въ глубинѣ души и не уважалъ никакого мнѣнія, — только бы оно было торжествующимъ, — познавать людей, смотря на нихъ какъ на средства, только бы не обращаться съ ними какъ съ друзьями, жениться во время, но вовсе не изъ чести, не по признательности или по другой какой иллюзіи. Эти тысячи обзоровъ, эти сильныя черты, проведенныя искусно, небрежно и смѣло, безпрестанно встрѣчаются въ сочиненіяхъ Ларра. Бѣда вся въ томъ, что авторъ, срывая съ интриги ея маску, слишкомъ вѣровалъ въ непреклонное могущество этой царицы свѣта.

Воображеніе Ларра, влекомое жгучимъ любопытствомъ, постоянно стремится уловить всѣ контрасты жизни: Ларра слѣдитъ человѣка во всѣхъ состояніяхъ, на всѣхъ поприщахъ, гдѣ развивается его природа. Нравы, въ этомъ смыслѣ, представляютъ испанскому юмористу столь же привлекательный предметъ изученія, сколько и политика; они суть отблескъ всего, что̀ есть въ насъ задушевнаго. Авторъ *Tombre-Globo* останавливаетъ свои взоры на привычкахъ, которыя исчезаютъ, измѣняются, возобновляются; онъ воспроизводитъ всѣ типы, даже такіе, усмотрѣть которые можетъ только микроскопическое наблюденіе. Надо замѣтить, что для генія, который не слѣдуетъ никакимъ правиламъ, а повинуется лишь своей собственной прихоти, не существуетъ ни мелочей, ни совершенно незначительныхъ подробностей нравовъ, ни общественнаго быта, какъ бы низокъ онъ ни былъ, безъ поэзіи, безъ серьёзной стороны. Какъ Ламбъ разсуждаетъ о меланхоліи портныхъ, такъ и Ларра, съ талантомъ болѣе энергическимъ, хотя и съ менѣе нѣжною, наивною деликатностію, пишетъ исторію *Ветошницы* въ своемъ очеркѣ — *Мелкія промышленности, или средства къ прокормленію, не доставляющія того, что̀ нужно для прокормленія*. Онъ рисуетъ ея величіе и ея паденіе; выводитъ ее еще молодою дѣвушкою, беззаботною, предающеюся веселью, слѣдитъ за нею въ зрѣлыхъ годахъ, когда она уже поблекла, потомъ въ низкой, пре-

врѣнной старости, которую вдругъ возвышаетъ, выказывая насмѣшливую славу должности ветошницы.

«Какое почтеніе — говоритъ Ларра — внушаетъ себѣ ветошница, когда она, ночью при лунномъ свѣтѣ, крюкомъ захватываетъ свою добычу и останавливается поочередно у каждаго порога. Она, кажется, хочетъ постучаться въ каждую дверь и возвѣстить, что скоро пройдетъ Парка. Въ этомъ отношеніи, она на улицѣ исполняетъ должность черепа въ кельи монаха. Она вызываетъ на мысль, на созерцаніе смерти, живой образъ которой она представляетъ собою... Ветошница смѣло можетъ сравнить себя съ смертью; она точно такъ уравниваетъ всѣ іерархіи. Въ ея котомкѣ, какъ и въ гробницѣ, Сервантесъ и Авелланеда равны между собою. Въ эту котомку, какъ на кладбищѣ, падаютъ въ безпорядкѣ и декреты короля, и жалоба несчастнаго, и вздохи любви, и прихоти моды. Въ ней толкаютъ другъ друга локтемъ Кальдеронъ и такой-то неизвѣстный поэтъ. Ветошница, подобно смерти, одинаково стучится въ шалашъ бѣдняка и въ жилище вельможи. Обѣ онѣ забрасываютъ землею человѣка темнаго и ничего не могутъ противъ того, кто славенъ....»

Среди предмета самаго тривіальнаго иронія Ларра становится жостче и прихотливѣе. Взгляните на этого влюбленнаго, который вздыхаетъ и всю ночь проводитъ у окна своей возлюбленной. Чего бы не далъ онъ; чтобы имѣть хотя одинъ волосокъ ея, хотя клочокъ бумаги, на которомъ рука ея начертала одно слово, одну букву? Но онъ ничего не получитъ. Вотъ проходитъ ветошница и прерываетъ его ожиданіе: онъ проклинаетъ ее, презираетъ, а она между тѣмъ, запустивъ свой крюкъ въ хламъ, ежедневно выбрасываемый лакеями, найдетъ и волосы съ очаровательной головки, и бумажку, писанную ея рукою, бумажку, которую любовникъ съ ревностію спряталъ бы на груди своей, которую бы онъ купилъ цѣною золота; потомъ ветошница пойдетъ своею дорогою, бросивъ насмѣшливый взглядъ на того, кого она обезпокоила на минуту своимъ приходомъ. «Вотъ что значитъ недоразумѣніе! прибавляетъ авторъ — какъ часто счастіе проходитъ мимо насъ, и мы его не примѣчаемъ!» Въ этихъ отрывкахъ, какъ намъ кажется, есть нечто, напоминающее горькій сарказмъ Гамлета на кладбищѣ, куда переноситъ его Шекспиръ. Источникъ ироніи заключается въ самомъ могущественномъ инстинктѣ человѣческой дѣйствительности и въ глубокомъ созерцаніи всѣхъ чувствованій, всѣхъ впечатлѣній, которыя она порождаетъ въ душѣ. Это-то самое и отличаетъ истинныхъ царей мысли отъ вульгарныхъ осквернителей юмора, которые полагаютъ, что они всесовершенные юмористы, потому-что нѣтъ въ нихъ здраваго смысла, и силятся замѣнить внутреннее одушевленіе отчаянною прихотливостію формъ, не подозрѣвая, что подражаніе самое невозможное именно то, которое касается всего бѣглаго, неуловимаго въ человѣческомъ геніи.

Что относится до литературныхъ вопросовъ, то Ларра касается ихъ слегка и всегда умѣетъ найти точку, въ которой они соединяют-

ся съ нравственными вопросами; особенно любитъ онъ сливать ихъ съ развитіемъ цивилизаціи въ своей странѣ. Бо́льшая часть его критикъ есть нечто иное, какъ анализъ сердца или испанскаго общества. Изъ его отрывковъ о театрѣ, о *сатирѣ* и *сатирикахъ*, о *литературной полемикѣ*, весьма замѣчателенъ тотъ, гдѣ онъ подвергаетъ своей строгой оцѣнкѣ произведеніе, пользующееся большимъ уваженіемъ во Франціи, выдержавшее сто представленій и вышедшее теперь изъ моды; это — *Антони*. Разборъ *Антони* представляетъ мнѣніе въ Испаніи о французской литературѣ, мнѣніе человѣка ума яснаго и высокаго. Ларра не отвергаетъ мужественности и энергіи таланта въ сочиненіи *Антони*; но онъ видитъ тутъ сущность всѣхъ анти-общественныхъ наклонностей и настоящій нравственный хаосъ. Онъ слѣдитъ шагъ за шагомъ, во всѣхъ непредвидѣнныхъ переворотахъ, ожесточенную борьбу слѣпой и грубой страсти съ обществомъ; онъ изучаетъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, удивительно вѣрно схватывая настоящія побужденія ихъ характеровъ, необузданность чувствъ, гордость и эгоизмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что честь и чистота могутъ встрѣтиться въ женщинѣ, которая пала, «но — говоритъ авторъ — подобные случаи должно судить судомъ совѣсти; пусть остаются они тайнами сердца и семьи! Какъ скоро вы возвысите такой случай возможный, только возможный, а не обыкновенный, въ силу правила, какъ скоро вы обобщите его, выводя женщину, которая тщеславится всевластнымъ закономъ природы, чтобы прикрыть свой проступокъ, вы подвергаете себя тому, что всякая женщина, не ощущая истинной страсти, не имѣя предлога къ оправданію, сочтетъ себя за Адель и захочетъ имѣть любовникомъ Антони. Съ этой минуты, самая низкая женщина получитъ власть сбросить съ себя общественныя цѣпи, разорвать узелъ, которымъ связуется семейство, и тогда простите послѣднія увлеченія, еще оставшіяся намъ, прощай любовь, прощай твердость, прощай борьба между наслажденіемъ и долгомъ, прощай различіе между добродѣтельною женщиной и развратной, и, что̀ еще хуже, прости общество, потому-что если каждая женщина станетъ считать себя Аделью, то каждый мужчина сочтетъ себя за Антони, будетъ смотрѣть, какъ на общественное притѣсненіе, на все, что̀ воспротивится его животному пожеланію. Понравится ли ему какая-нибудь женщина, онъ скажетъ: это страсть, противъ которой я не устою, — она сильнѣе меня! и, заранѣе убѣдившись, что не можетъ ее осилить, не осилитъ ея, потому-что не приметъ къ тому никакихъ мѣръ....» Да и какимъ является самъ Антони глазамъ критика-моралиста? Что̀ можетъ сдѣлать законнымъ его возмущеніе? Это ядовитое безпокойство экзальтированнаго эгоизма, который дивится, что свѣтъ не ставитъ себѣ въ законъ его капризы. «Антони — прибавляетъ иронически Ларра — есть примѣръ того, чѣмъ бы должны быть всѣ люди, существо самое совершенное, какое только можно себѣ представить. Замѣтьте, что у Антони нѣтъ ни отца, ни матери. Кажется, не трудно дойти до такой степени совершенства! Оставленный на произволъ,

онъ представляетъ собою олицетвореніе человѣка въ такомъ обществѣ, какое мы когда-нибудь должны устроить. Мы, имѣющіе несчастіе знать отца и мать, мы служимъ лишь къ переходу, мы устарѣвшіе элементы, отъ которыхъ ничего нельзя ожидать въ будущемъ. Кто захочетъ быть во главѣ новой эры, тотъ долженъ такъ устроить, чтобы не родиться ни отъ кого....» Къ тому же Антони не имѣетъ тѣхъ физическихъ уродливостей, которыя порождаютъ иногда въ сердцѣ ненависть; онъ не остался въ низкой сферѣ, гдѣ зависть если не справедливѣе, то по-крайней-мѣрѣ понятнѣе. Отъ неизвѣстныхъ ему родителей наслѣдовалъ онъ исключительную физіономію, получилъ тщательное воспитаніе, онъ былъ одаренъ талантомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ: онъ всему учился, все знаетъ. Съ такими качествами, хотя онъ и незаконнорожденный, развѣ онъ не стоитъ наравнѣ съ прочими людьми? Кому какое дѣло до его рожденія, если онъ дѣйствительно обладаетъ этими талантами? Свѣтъ не воспрещаетъ ему сердечныя радости; но, если онъ захочетъ утвердить за собою славу безнравственнаго и, для перваго шага, разгласитъ, что обезчестилъ женщину, то изъ этой женщины онъ сдѣлаетъ жертву и самъ пробудится лишь у подножія эшафота: кажется, тутъ не за что обвинять общество? Можетъ ли Антони пожаловаться на недостатокъ богатства матеріяльнаго? Если онъ бѣденъ, то отчего же живетъ онъ въ роскоши? Отчего онъ до смерти умучиваетъ лошадей, преслѣдуя женщину, которая отъ него убѣгаетъ?» Мы всегда прійдемъ къ заключенію— говоритъ Ларра — что эти великолѣпныя страсти не удѣлъ бѣдняка. Еслибъ это, такъ дурно организованное общество не доставило Антони достаточно денегъ, чтобы взять почтовую карету, нанять цѣлую гостинницу, то онъ остался бы въ Парижѣ и писалъ бы классическіе стихи. Романтизмъ и возвышенныя страсти завалены людьми богатыми и праздными, и вотъ когда можно воскликнуть: Бѣдные классики!...» Картина въ гостинницѣ показываетъ сущность всей драмы. Испанскій критикъ опредѣляетъ ее однимъ словомъ: это *внутренній видъ страсти, снятый со стороны алькова.* Рѣдко можно встрѣтить такую силу анализа, здраваго смысла, насмѣшки, въ примѣненіи къ литературному труду. Какъ ясно возстаютъ всѣ пороки, всѣ нравственныя противорѣчія этого лица, которое не можетъ занять мѣста посреди славныхъ типовъ нашего вѣка, Вертера, Рене, Оберманна: эти типы, каждый съ различной точки зрѣнія, выражаютъ собою все, что есть поэтическаго, всю горькую неизвѣстность, болѣзненный ужасъ, всѣ желанія и сожалѣнія, въ переходное время.

Ларра говоритъ, что французская литература не годится для Испаніи и показываетъ заразительное ея вліяніе.

«Жизнь — говоритъ онъ — есть путешествіе; кто его предпринимаетъ, тотъ не знаетъ куда идетъ, но полагаетъ, что идетъ къ счастію. Другой отправившійся въ дорогу прежде его и уже возвращающійся изъ пути встрѣчаетъ его и говоритъ: куда ты? къ чему такая поспѣшность? я былъ уже у тѣхъ границъ, до которыхъ можно

достигнуть. Насъ обманули: намъ сказали, что къ концу путешествія находятъ миръ и отдыхъ; а знаешь ли, что на границѣ? Ничего. — Что̀ отвѣтитъ человѣкъ, съ трудомъ пробиравшійся пѣшкомъ? Онъ скажетъ: если нѣтъ ничего, такъ не стоитъ и итти далѣе. И однако же надо итти, потому-что если счастія нѣтъ нигдѣ, то не подлежитъ сомнѣнію, что благосостояніе для человѣчества, находится далеко. Въ такомъ случаѣ человѣкъ, объявившій, что онъ ничего не открылъ, не заслуживаетъ ли проклятія отъ того, кого выводитъ изъ заблужденія? Вотъ что̀ дѣлаютъ для насъ тѣ, которые хотятъ навязать намъ французскую литературу, послѣднюю изъ всѣхъ литературъ, ту, которая выражаетъ нагую и отвратительную дѣйствительность, и они наносятъ намъ еще бо̀льшій вредъ, потому-что они по-крайней-мѣрѣ, прежде чѣмъ достигли до черты, вкусили всѣ непредвидѣнныя удовольствія дороги; у нихъ была надежда. Пусть же лучше оставятъ они намъ развлеченія во время дороги, а не разочаровываютъ насъ въ то время, когда мы пускаемся въ путь! Если и ничего нѣтъ на концѣ, то пусть они предоставятъ намъ самимъ открыть это! Если намъ не суждено встрѣтить при концѣ чудеснаго вертограда, то будемъ по-крайней-мѣрѣ наслаждаться цвѣтами, окаймляющими дорогу!...»

Дѣйствительно, для Испаніи вредно вліяніе французской литературы потому, что оно втягиваетъ въ преувеличенное подраженіе, а такое подраженіе порождаетъ лишь произведенія искуственныя, поддѣльныя. Вмѣсто того, чтобы силиться усвоить мысль другихъ народовъ Испанія должна была обратить свою мысль на изученіе самой себя, изслѣдовать собственныя чувствованія, прислушаться къ внутреннему біенію своего пульса, отдать себѣ отчетъ въ своихъ нуждахъ, стремленіяхъ и идеяхъ. Вотъ изъ такого-то труда можетъ только развиться истинная народная литература, какъ по основанію, такъ и по формѣ, — однимъ словомъ, можетъ развиться оригинальность.

Этою-то литературною оригинальностію, главный источникъ которой заключается въ отчетливомъ сознаніи нравственной жизни страны или эпохи, и которая проявляется въ особенномъ блескѣ ей свойственной, самородной формы, обладалъ Ларра, тогда какъ окружавшіе его писатели не постигли тайны этой оригинальности. Въ самомъ дѣлѣ, все, что̀ относится до разумнаго обновленія Испаніи — политическіе труды, произведенія сценическія, лирическая поэзія, — все отзывается чужестраннымъ вліяніемъ, при которомъ совершается это обновленіе. Нерѣшительность мысли у бо̀льшей части публицистовъ и поэтовъ обнаруживается отсутствіемъ стиля или смѣшаннымъ обиліемъ красокъ, заимствованныхъ у всѣхъ европейскихъ литературъ. Жиль-и-Заратъ *(Gil y Zarate)*, одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ драматурговъ, пишетъ далеко не совершенно. Зоррилла *(Zorrilla)* часто предается блестящему архаизму, который есть игра для его воображенія. Эспронседа *(Espronnceda)*, самый отважный изъ поэтовъ, который, въ своемъ странномъ эскизѣ *Diablo-Mundo* старался показать,

какое отвращеніе поселило бы въ человѣкѣ соединеніе вѣчной молодости тѣла съ преждевременною зрѣлостію души, разогрѣлъ свое воображеніе чтеніемъ *Фауста* или *Манфреда*, и умеръ слишкомъ рано, такъ-что не могъ имѣть довольно силы, чтобы уберечь себя отъ подражанія, пріобрѣсти совершенную самостоятельность идеи и выраженія. Ларра далеко превосходитъ всѣхъ ихъ оригинальностію, и ему, въ современномъ возрожденіи испанскаго искусства, принадлежитъ отдѣльное, высокое мѣсто. Образы его чисты, отчетисты, вѣрны и выпуклы. Слогъ его сжатъ, исполненъ содержанія, блестящъ; исполненный плодотворной силы, онъ не украшается ложнымъ богатствомъ, въ мѣстахъ обыкновенныхъ не тащится вяло, не плетется шагъ за шагомъ; онъ ясенъ, выразителенъ, живъ, иногда примѣшивается къ нему не много жеманства, въ высшей степени мелкихъ подробностей, не слишкомъ разборчивой рѣзкости, но этотъ слогъ всегда вѣренъ мысли автора. Авторъ *Pobrecito Hablador* пишетъ слогомъ чистымъ, выразительнымъ, сжатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цвѣтистымъ, подобно языку Сервантеса, не изъ рабскаго подражанія Сервантесу, а потому, что такой языкъ свойственъ испанцу, и Ларра принаровляетъ его къ эпохѣ, въ которую живетъ, старается сдѣлать изъ него то, что сдѣлалъ бы авторъ *Донъ Кихота*, если бы ему присуждено было писать напр. *о служебной отвѣтственности*, *о непосредственномъ избраніи* и пр. И пусть не говорятъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ въ очеркѣ литературной судьбы Испаніи, что Сервантесъ не низошелъ бы до такихъ мелочей, потому-что эти-то мелочи и составляютъ въ настоящее время наше существованіе, и самый неопровержимый признакъ генія заключается въ томъ, чтобы и мысль свою и выраженіе принаровлять къ своему вѣку.

Однако же сквозь блескъ здраваго смысла, поэзіи, обильной ироніи, истины, въ произведеніяхъ Ларра легко усмотрѣть гибельную страсть, которая мало-по-малу овладѣваетъ всею душою его, подкапываетъ его геній и обнаруживается лихорадочнымъ огнемъ. Это неограниченный скептицизмъ. Какія усилія ни употребляетъ поэтъ, чтобы убѣдить себя и другихъ, что не все лицемѣріе или расчетъ въ человѣческихъ чувствахъ, въ преданности и въ любви: но, несмотря на то, какъ скоро Ларра остановится и взглянетъ вокругъ себя, онъ уступаетъ наклонности, которая съ каждымъ днемъ увлекаетъ его сильнѣе и сильнѣе; каждый шагъ его по этому пути безвозвратенъ. Онъ убѣжденъ только въ одномъ — въ вѣчной злобѣ человѣка: зло, по его понятіямъ, составляетъ на землѣ истину. Крайнее сомнѣніе подавляетъ состраданіе и порождаетъ глубокую ненависть. Природа и привычка къ путешествіямъ, которыя препятствуютъ къ развитію и образованію какой-нибудь склонности, сдѣлали изъ Ларра человѣка завистливаго и самаго непостояннаго. Нѣтъ мѣста, которое бы ему понравилось и въ которомъ онъ ужился бы хоть мѣсяцъ; нѣтъ дружбы, которая бы имѣла для него цѣну дольше недѣли. Если онъ не сѣтуетъ на продолжительность жизни, то

это лишь потому, что она доставляетъ средства къ перемѣнѣ. Въ красотѣ самой совершенной онъ отыщетъ минуты отвратительнаго безобразія, а какая-нибудь страшная мегера ему непремѣнно понравится. Это врожденное безпокойство характера сообщаетъ иногда его поступкамъ что-то лихорадочное, нервозное. Имъ овладѣваетъ скука, и тогда ему остается лишь одно — бродить безъ цѣли посреди толпы. На губахъ его блуждаетъ горькая улыбка равнодушія; онъ носитъ съ собою лорнетъ, не для того, чтобъ видѣть яснѣе, а для того, чтобы смотрѣть пристальнѣе на то, что̀ его поражаетъ: кто близорукъ, тотъ вѣдь болѣе имѣетъ права быть неучтивымъ. Съ друзьями и знакомыми онъ не кланяется: это бы значило самому принимать участіе въ комедіи, а онъ имѣетъ претензію лишь быть зрителемъ. Странное дѣйствіе скуки! всѣ впечатлѣнія онъ принимаетъ совершенно безчувственно; онъ говоритъ, что въ дни скуки для него не существуютъ ни красавицы, ни уроды, нѣтъ ни любви, ни ненависти. Это высшая степень отвращенія. Въ своемъ сочиненіи о *Сатирѣ*, онъ говоритъ: «Писатель-сатирикъ подобенъ лунѣ: онъ тѣло темное, которому суждено отражать свѣтъ; быть можетъ о немъ одномъ только можно сказать, что онъ даетъ то, чего не имѣетъ. Природная способность видѣть скорѣе дурную сторону, нежели хорощую, составляетъ обыкновенно его мученіе. Вниманіе его обращается скорѣе на солнечныя пятна, чѣмъ на солнечный свѣтъ, и глаза его, настоящіе микроскопы, примѣчаютъ преувеличенную пустоту поръ и внѣшнія неровности въ Венерѣ, въ которой другіе видятъ только совершенство формъ и красоту контуровъ. Позади поступка, повидимому великодушнаго, онъ открываетъ низкое побужденіе. И между тѣмъ говорятъ, что это значитъ быть счастливымъ!.. Это холодная непричастность зеркала, которое отражаетъ фигуры и оттого не только не получаетъ болѣе блеску, но еще само темнѣетъ».

Ларра, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣетъ сходство съ Свифтомъ, англійскимъ сатирикомъ: какъ Свифтъ онъ презиралъ людей; самолюбіе его было безгранично: онъ не прощалъ никому, кто могъ подмѣтить одну изъ его слабостей. Преувеличенное сознаніе могущества своей ироніи заставляло его видѣть въ дружбѣ низкое чувство страха, лицемѣрное благоговѣніе, воздаваемое опасному сатирику. Трудно повѣрить, — Ларра, женившійся въ молодыхъ лѣтахъ и бывшій отцомъ въ такомъ возрастѣ, когда обязанности жизни представляются въ привлекательномъ свѣтѣ, допускалъ только изрѣдка, случайно, ито лишь въ видѣ исключенія, къ столу своихъ дѣтей. Гордость уничтожала въ немъ всѣ другія наклонности, самое естественное сочувствіе. Привычка къ анализу дѣлала его недовѣрчивымъ, взыскательнымъ и строгимъ, какъ къ своимъ домашнимъ, такъ и къ свѣту. Вотъ съ этой-то стороны и походитъ испанскій юмористъ на англійскаго; только сарказмъ Свифта холоденъ, остръ какъ отточенная сталь, и вонзается въ душу какъ кинжалъ, направленный сарказмъ Ларра походитъ на сверкающій мечъ, еще

такъ это быть можетъ и было бы понятно.... Послушай, ты возвратился грустнымъ, какъ обыкновенно, а я, напротивъ, веселѣе, чѣмъ когда-либо. Зачѣмъ ты такой блѣдный, лицо у тебя такое разстроенное, взглядъ тусклый и глубокій, всякой вечеръ, когда я отворяю тебѣ дверь? къ чему эта постоянная разсѣянность? важныя, прерывчатыя рѣчи, которыя срываются съ языка твоего и которыя отрывочно до меня доходятъ? зачѣмъ ворочаешься ты ночью на своей постели какъ преступникъ, котораго терзаетъ совѣсть, между тѣмъ, какъ я сплю беззаботно? Кто изъ насъ двоихъ долженъ сжалиться надъ другимъ? Ты не слывешь за преступника; по-крайней мѣрѣ правосудіе не налагаетъ на тебя руки. Правда, правосудіе можетъ преслѣдовать только преступниковъ, которые воруютъ крюкомъ или убиваютъ ножомъ; но тѣхъ, кто поселяетъ смущеніе въ семействѣ, соблазняя жену или честную дочь, кто воруетъ съ картами въ рукахъ, кто убиваетъ все существованіе словомъ, сказаннымъ на ухо или написаннымъ въ запискѣ, переданной по секрету, — такихъ людей общество не зоветъ преступниками, потому-что жертва не точитъ крови, не показываетъ своей раны, но умираетъ въ агоніи, медленно пожирается ядомъ страсти, предложеннымъ ей ея палачемъ. Сколько мертвыхъ, погубленныхъ невѣрнымъ, неблагодарнымъ или клеветникомъ! Ихъ погребаютъ, говоря, что священникъ ничего не могъ узнать отъ нихъ, что врачь не могъ постичь, что́ это за болѣзнь? а между тѣмъ въ сердце ихъ вонженъ лицемѣрный кинжалъ. Быть можетъ ты изъ числа такихъ преступниковъ и въ самомъ себѣ носишь обвиненіе....

— Молчи,.. пьяный человѣкъ!

— Нѣтъ, ты выслушай меня, пьянаго. Ты ищешь счастія въ человѣческомъ сердцѣ, и для этого разрѣзаешь его на части, безпрестанно шевеля его, какъ роется въ землѣ человѣкъ, который ищетъ сокровища. Я, я ничего не ищу, и разочарованіе не ждетъ меня, когда надежда меня обманываетъ *(à la vuelta de la esperanza)*. Ты литераторъ, писатель, и какихъ мукъ только не переносишь ты отъ самолюбія, раздражаемаго ежедневно то равнодушіемъ однихъ, то завистью другихъ, то враждою бо́льшей части! Если бы тебѣ заплатили какъ Паскенъ *(Pasquin)*, то ты бы заставилъ смѣяться надъ своимъ другомъ, если бы у тебя были друзья, и ты еще хочешь, чтобы тебя не грызла совѣсть! Человѣкъ одной партіи, ты ведешь войну съ другою партіею, или каждое пораженіе есть для тебя униженіе, или же ты покупаешь славу слишкомъ дорого, чтобы наслаждаться ею. Ты оскорбляешь — и хочешь, чтобъ у тебя не было враговъ! Меня, кто на меня клевещетъ? кто меня знаетъ? Ты даешь мнѣ достаточное жалованіе, помощью котораго я могу удовлетворять своимъ потребностямъ. Тебѣ платитъ свѣтъ, точно такъ, какъ онъ платитъ другимъ своимъ слугамъ. Ты говоришь, что ты благороденъ, а дай тебѣ розги, ты бы сталъ сѣчь другихъ какъ сѣкли тебя. Люди свѣтскіе, вы величаете себя людьми честными и твердыми, а вы каждый день измѣняете

свои убѣжденія, отступаете отъ своихъ правилъ. Ты быть можетъ презираешь тѣхъ, для кого пишешь, а между тѣмъ, съ кадильницею въ рукахъ, ты вызываешь ихъ на лесть. Ты льстишь своему читателю, для того, чтобы и онъ льстилъ тебѣ....

— Довольно, довольно!

— Сейчасъ. У меня наконецъ нѣтъ потребностей, а ты, напротивъ, несмотря на свое состояніе, отдашься въ руки ростовщика, для удовлетворенія мимолетнаго каприза, потому-что вамъ нужно золота для какого-нибудь пира, гдѣ выставляется на показъ ваше тщеславіе, когда пьютъ тосты. Ты читаешь днемъ и ночью, перелистываешь книги для того, чтобы найти въ нихъ истину, и страдаешь оттого, что она нигдѣ не написана. Ты, странное существо, танцуешь безъ удовольствія, и быстрое твое движеніе походитъ на пламя, которое горитъ безсознательно. Ты кладешь руку на сердце, бросаешь его къ стопамъ первой попавшейся — и не хочешь, чтобы она съ презрѣніемъ топтала его въ ногахъ своихъ; ты отдаешь ей этотъ залогъ, не зная ея. Свое сокровище вручаешь ты женщинѣ за ея хорошенькое личико, и ты покоенъ, потому-что любишь ее. Если назавтра твое сокровище исчезаетъ, ты обвиняешь казначея, тогда какъ лишь тебя одного можно назвать неосторожнымъ и слабоумнымъ.

— Изъ жалости, замолчи, адскій голосъ!

— Я кончаю. Ты выдумываешь слова, а ими творишь чувства: науки, искусства, элементы существованія, политику, славу, власть, богатство, дружбу, любовь. Когда же ты открываешь, что все это только слова, тогда ты богохульствуешь и проклинаешь. А бѣдный астуріецъ ѣстъ, пьетъ и спитъ, и никто его не обманываетъ; если онъ не счастливъ, то зато и не несчастливъ; по-крайней-мѣрѣ онъ ни свѣтскій человѣкъ, ни честолюбецъ, ни франтъ, ни писатель, ни влюбленный. Сжалься же надъ бѣднымъ астурійцемъ! Ты повелѣваешь мною, а собою повелѣвать не умѣешь. Сжалься надо мною: я пьянъ отъ вина, это правда, а ты пьянъ отъ желаній и безсилія!....»

Тайна всей жизни Ларра — борьба. Грустно, что къ концу ея мы можемъ засвидѣтельствовать лишь о новой побѣдѣ смерти. Ларра написалъ «Ночь на Рождество Христово» не задолго до того времени, какъ онъ самъ занесъ на себя руку; жизнь его была еще въ полномъ цвѣтѣ: ему было двадцать восемъ лѣтъ. До самоубійства онъ былъ доведенъ крайнимъ сомнѣніемъ рѣшительно во всемъ, горькимъ отвращеніемъ, порожденнымъ неумолимою наблюдательностію; скептицимъ лишилъ его не энергіи, а прямоты, и разрушилъ въ его сердцѣ зародышъ рѣшимости, которая превосходитъ всѣ ошибки. Матеріяльное самоубійство Ларра подготовлено было самоубійствомъ нравственнымъ. Мы не будемъ судить Ларра за его умышленную смерть; мы противопоставимъ только кончину другого человѣка, которая послужила испанскому юмористу предметомъ къ краснорѣчивому мечтанью, — смерть графа Кампо Аланге, который покинулъ роскошь, легкія почести, блестящія удовольствія, для того, чтобы защищать свои убѣ-

жденія съ оружіемъ въ рукахъ, и умеръ, какъ простой солдатъ, подъ стѣнами Бидлао

«Онъ умеръ, благородный и великодушный молодой человѣкъ — говоритъ Ларра — онъ умеръ съ вѣрою въ сердцѣ. Судьба несправедлива была къ намъ, потерявшимъ его; она жестока лишь къ намъ, для него же она милосерда. Въ жизни его ожидало разочарованіе: судьба послала ему смерть. Это значитъ умереть въ полной жизни. Но между тѣми, которые его оплакиваютъ, есть такіе люди, которые не могутъ выбирать и которымъ суждено испытать всѣ разочарованія, прежде чѣмъ они умрутъ; вотъ эти-то и должны ему завидовать....»

ПУТЕШЕСТВІЕ АНГЛІЙСКАГО ТУРИСТА ПО ВОСТОКУ.

Статья первая.

На границѣ. — Какъ путешествуютъ по Турціи. — Константинополь.

I.

Въ Землинѣ кипѣла еще вокругъ меня знакомая жизнь; меня сердило и радовало еще шумное движеніе трудолюбиваго народа, дневной свѣтъ озарялъ еще открытыя женскія лица. Но на югѣ глаза мои встрѣчали уже мрачную турецкую крѣпость — историческій Бѣлградъ. Я стоялъ на рубежѣ вѣчно волнующейся Европы и жаждалъ увидѣть роскошь и нищету Востока.

Разстояніе между этими двумя пограничными городами меньше пушечнаго выстрѣла, но, несмотря на то, обитатели ихъ не имѣютъ между собою никакихъ сношеній. Между венгерцами на сѣверѣ Савы и турками и сербами на югѣ лежатъ, подумаешь, пятдесятъ царствъ. Вокругъ меня кишатъ люди на улицахъ Землина, но вѣрно ни одинъ изъ нихъ не видалъ вблизи чуждой ему націи, обитающей подъ стѣнами противолежащей крѣпости. Ихъ раздѣляютъ чума и боязнь чумы. Страхъ, внушаемый желтымъ флагомъ, прекращаетъ всякое сообщеніе. Осмѣлтесь нарушить карантинные законы, и вамъ немедленно прокричатъ вашъ приговоръ съ трибунала, воздвигнутаго за пятдесятъ шаговъ отъ васъ; священникъ не подойдетъ къ вамъ съ утѣшеніями религіи, а прочтетъ молитву стоя отъ васъ на дуэльной дистанціи; потомъ васъ разстрѣляютъ очень старательно и наскоро зароютъ въ лазаретную землю.

Когда все было готово къ отъѣзду, мы подъѣхали къ карантину, гдѣ насъ встрѣтилъ австрійскій чиновникъ. Онъ считается зачумленнымъ и проводитъ жизнь внѣ всякаго сообщенія съ обществомъ. Гребцы на ожидавшихъ насъ лодкахъ были такіе же *quasi*-зачумленные.

Коснувшись лица или вещи, принадлежащей Турецкой Имперіи, нельзя уже возвратиться на австрійскую землю, не выдержавши четырнадцатидневнаго карантина въ больницѣ. Забыть что-нибудь было бы для насъ величайшимъ несчастіемъ, и потому мы собирались выѣхать изъ Землина какъ-будто покидаемъ планету. Нѣсколько знакомыхъ, оказавшихъ намъ много услугъ во время нашего короткаго пребыванія въ Землинѣ, пришли на берегъ проститься съ нами и спросить, все ли покончили мы на христіянской землѣ, и не нужно ли намъ еще чего-нибудь? Мы въ свою очередь спросили у нашихъ слугъ: не забыто ли что-нибудь? не потерялась ли шкатулка, въ которой лежитъ бумажникъ съ векселями? Всѣ сокровища оказались на лицо, и мы готовы были отправиться хоть на край свѣта. Мы пожали руку землинскимъ знакомымъ, и они тотчасъ же оставили насъ среди площадки, удаляясь въ одну сторону, въ то время, какъ карантинный чиновникъ подходилъ съ другой. Онъ спросилъ насъ, совсѣмъ ли мы раздѣлались съ образованнымъ свѣтомъ, и протянулъ мнѣ руку. Я пожалъ ее — и мы надолго разстались съ христіянскимъ міромъ.

Скоро приблизились мы къ южному берегу рѣки; ни одного звука не вылетало изъ-за мрачныхъ, высокихъ стѣнъ крѣпости, ни одного живого существа не встрѣчали мои взоры, исключая огромнаго коршуна, медленно описывавшаго круги, надъ зараженнымъ городомъ.

Но вотъ изъ крѣпости вышла группа существъ — съ безсмертными душами и можетъ быть съ кое-какими мыслящими способностями; но для меня было важно совсѣмъ другое: на нихъ были настоящія, неподдѣльныя, неоспоримыя чалмы. Они направили шаги свои къ мѣсту причала, и тутъ-то увидѣлъ и услышалъ я наконецъ азіятцевъ. Впослѣдствіи времени я проѣхалъ Турцію отъ границъ Сербіи до Золотого Рога и отъ Сатулійскаго залива до гробницы Ахилла, но нигдѣ не встрѣчалъ такихъ архи-турецкихъ лицъ. Эти люди занимали одну изъ самыхъ скромныхъ ступеней на общественной лѣстницѣ и вышли намъ навстрѣчу въ надеждѣ заработать что-нибудь переноскою поклажи въ городъ; но при всей своей бѣдности это были очевидно турки стараго покроя, незабывшіе еще гордой осанки прежнихъ побѣдителей.

Хотя Сербія отчасти и независима, но въ Бѣлградѣ, какъ пограничной крѣпости, стоитъ турецкій гарнизонъ подъ начальствомъ паши. Я не зналъ, кто эти окружающіе насъ люди: солдаты или мирные граждане? На нихъ была древняя турецкая одежда: разноцвѣтные яркіе камзолы и полукафтанья и широкіе шальвары; шали, плотно обернутыя вокругъ стана, придавали ихъ худымъ фигурамъ почтенную осанку, неразлучную съ полнотою тѣла. У каждаго за поясомъ былъ цѣлый арсеналъ: не меньше пары огромныхъ пистолетовъ, ятаганъ или тесакъ и одинъ или два кинжала различной величины и различнаго вида. Большая часть этихъ оружій были изъ дамасской стали и обдѣланы въ серебро. Они составляли разительную противо-

положность съ поблекшею роскошью костюмовъ. Турокъ холитъ свое оружіе какъ нельзя больше: это его *point d'honneur*. Онъ никогда не дастъ своему ятагану почувствовать бѣдность, удручающую его самого Длинные, отвисшіе усы, бѣлыя нѣкогда чалмы, крупными складками ниспадающія на проницательные глаза, и сухія, жесткія черты лица, — все это придавало храбрымъ воинамъ видъ дикой гордости, все говорило объ усиліи выказать презрѣніе къ своему жалкому положенію. Я очень часто замѣчалъ это у турковъ, помнящихъ еще главную эпоху своей исторіи. Вышедшіе къ намъ думали, кажется, что перерѣзать намъ горло было бы гораздо полезнѣе и похвальнѣе, чѣмъ перенесть наши чемоданы и мѣшки. Вѣрный Стиль (слуга Метлея, изъ Іоркшира) окаменѣлъ отъ ужаса, увидѣвши поклажу своего господина на плечахъ этихъ воинственныхъ носильщиковъ, и когда мы наконецъ двинулись въ путь, онъ невольно оглянулся и бросилъ страстный взоръ на христіянскую землю. Скоро однако же онъ ободрился, и двинулся впередъ какъ человѣкъ, въ головѣ котораго бродятъ опасенія, но который примирился внутренно со всѣмъ, что́ бы его ни ожидало, и готовъ умереть, признать Коранъ, или даже вступить въ законный бракъ съ нѣсколькими женщинами.

Мусульманскій кварталъ въ восточномъ городѣ пустъ и уныль; вы восходите и нисходите по неровнымъ тропинкамъ, кривыя и жалкія улицы ограждены печальными стѣнами, въ которыхъ не прорублено ни одного окна: вотъ открытое пространство, загроможденное почернѣвшими развалинами, — тутъ былъ пожаръ; вотъ горы брошенныхъ вещей, кучи вѣкового сору, — возлѣ нихъ грѣются на солнцѣ огромныя собаки, похожія на волковъ; онѣ лежатъ неподвижно и протянувши лапы, какъ-будто издохли. На васъ важно поглядываютъ аисты и журавли, безъ всякаго страху сидя на низкихъ кровляхъ. Воздухъ, которымъ вы дышите, наполненъ запахомъ изсушенныхъ солнцемъ лимоновъ и гранатовыхъ яблокъ, или, вблизи базара, благоуханіемъ чужеземныхъ пряностей. Вамъ хочется увидѣть хоть какой-нибудь признакъ жизни, и вы крѣпче упираете ногою въ землю, какъ-будто желая скрипомъ сапогъ разбудить все спящее народонаселеніе; но нога ваша погружается въ рыхлую землю безъ звука, и вокругъ васъ продолжаетъ царить безмолвіе. Иногда встрѣтится чалма и человѣческое лицо; но ему нѣтъ до васъ никакого дѣла; оно васъ не привѣтствуетъ и не презираетъ; вы не возбуждаете въ немъ ни удивленія, ни досады: оно смотритъ на васъ какъ мы смотримъ на декабрскій снѣгъ; не въ нашей волѣ запретить ему падать, и глупо было бы на него сердиться; Богу угодно, чтобы онъ шелъ, — а зачѣмъ, это не наше дѣло.

Насъ пригласили къ пашѣ, и мы пошли въ замокъ. У воротъ нѣсколько группъ солдатъ: одни курятъ, другіе лежатъ растянувшись какъ мертвые на колодныхъ камняхъ. Мы проходимъ черезъ дворы, взбираемся на лѣстницы, переходимъ корридоры и наконецъ вступаемъ въ свѣжую, бѣлую, оштукатуренную комнату. Въ одномъ кон-

цѣ ея часы европейскаго издѣлія, въ другомъ Мустафа Паша, статный, длиннобородый старикъ, совершенный Юпитеръ, и притомъ Юпитеръ въ тучахъ, потому-что серебристый дымъ кальяна обвилъ его причудливыми облаками.

Паша принялъ насъ съ радушіемъ и вѣжливостью благовоспитаннаго османлиса. Онъ хлопнулъ слегка въ ладоши, и вся задняя часть комнаты вдругъ наполнилась рабами: съ устъ его слетѣлъ одинъ звукъ, — рабы наклонили головы и исчезли какъ тѣни. Они входили и выходили неслышно: ноги ихъ были босы, и двери въ комнатѣ замѣнялись занавѣсами. Вскорѣ принесли кофе; служители, назначенные подавать его, подносили вправо и влѣво небольшія чашки на узкомъ металлическомъ подносѣ, и вслѣдъ за ними къ каждому изъ насъ подходилъ трубочникъ; поставивши снарядъ на полу, онъ вдѣвалъ въ него длинный вишневый чубукъ и подавалъ его съ особенною граціею, ставши на колѣно. Огонь горѣлъ уже среди душистыхъ листьевъ, и мнѣ стоило только приложить губы къ янтарному мундштуку: дымъ выходилъ безъ всякаго сопротивленія, нѣжно слѣдовалъ за каждымъ движеніемъ легкихъ, старался, казалось, услуживать и угождать: во мнѣ пробудилось смутное предчувствіе азіятскаго счастья.

Азіятскаго счастья! А не прошло еще можетъ быть и часу съ тѣхъ поръ, какъ я расчитывался въ шумной многолюдной гостинницѣ, сильнымъ звономъ призывая невнимательныхъ слугъ.

Въ турецкихъ владѣніяхъ наслѣдственность не играетъ почти никакой роли, исключая только въ фамиліи султана. Богатство одно изъ самыхъ непостоянныхъ, самыхъ непрочныхъ преимуществъ, и не легко переходитъ къ потомкамъ того, кто имъ обладаетъ. Отъ этого знать, дворянство состоитъ изъ служащихъ людей, и хотя бо́льшая часть этихъ вельможъ очень низкаго происхожденія и воспитаны плохо, однако же вы очень рѣдко замѣтите въ нихъ отсутствіе граціозныхъ пріемовъ, льстивой и вѣжливой рѣчи, — характеристическихъ принадлежностей османлисовъ высшаго круга. Это оттого,что бо́льшая часть людей, облеченныхъ властью, обязаны своимъ возвышеніемъ искусству нравиться, и сохраняютъ въ своемъ величіи даръ, которому обязаны своими успѣхами. Но если вы не знаете хоть немного турецкаго языка, церемоніяльные визиты наведутъ на васъ скуку. Вмѣшательство переводчика, *драгомана*, убійственно для разговора. Я утомилъ бы васъ, если бы вздумалъ изложить вамъ сущность какого нибудь частнаго разговора на Востокѣ. Путешественникъ можетъ конечно, написать: «Такой-то паша показалъ самое живое участіе къ успѣху паровыхъ машинъ и понимаетъ, кажется, начала, на которыхъ основано это важное открытіе; онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насчетъ гигантскихъ результатовъ нашей мануфактурной промышленности, выказалъ обширныя знанія касательно индѣйскихъ дѣлъ и устройства компаніи и изъявилъ чистосердечное удивленіе къ британской націи». Но весьма возможно, что вся эта куча общихъ

II.

Часа черезъ два или три у насъ все было готово къ отъѣзду. Слуги, татаринъ, конные *суриджи*, лошади съ поклажею, составили величественную кавалькаду. Ловкій Миссери, о которомъ я вамъ буду говорить часто, и который такъ вѣрно служилъ мнѣ во время моего путешествія по Востоку, исправлялъ должность переводчика; онъ былъ мозгъ нашего тѣла. Татаринъ,—вы знаете, что это такое,—это курьеръ, посланный отъ правительства; главная обязанность его доставлять куда слѣдуетъ депеши; но онъ же сопровождаетъ и путешественниковъ, ускоряетъ ихъ путешествіе и отвѣчаетъ головою за ихъ безопасность. Въ наружности человѣка, котораго голова служила залогомъ нашему драгоцѣнному существованію, было что-то внушающее. Черты его отличались правильностію и красотою, общими всей турецкой націи (*). Въ лицѣ его выражались гордость, уваженіе къ собственной особѣ, мужество, какая-то неподдѣльная чувственность и инстинктивная мудрость, но непроницательный умъ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ былъ когда-то янычаромъ; онъ сохранилъ еще странную, ужасную нѣкогда для христіянъ походку этихъ воиновъ, — покачивался на ходу съ боку на бокъ съ какой-то оригинальной претензіей на важность, такъ-что на сценѣ точное подражаніе этой походкѣ приняли бы за преувеличеніе. Костюмъ усиливаетъ странное впечатлѣніе этой поступи. Тяжелая масса оружій на груди заставляетъ корпусъ подаваться назадъ. Члены обвѣшаны множествомъ одеждъ, и это придаетъ фигурѣ величественную полноту, заставляя ее тяжело покачиваться направо и налѣво. Въ сущности эта огромная масса шерсти, бумаги и шолку, серебра, мѣди и стали, вовсе не способна ходить пѣшкомъ; каждый шагъ разстроиваетъ ея гармонію. А бѣгать... нашъ татаринъ пустился бѣжать только *одинъ разъ*, за куропаткой, убитой Метлемъ изъ пистолета; и это усиліе произвело самый комическій эффектъ, какой только можно ожидать отъ неумѣстнаго употребленія человѣческихъ силъ. Но посадите его на сѣдло, и татаринъ въ своей сферѣ: тутъ онъ дома, въ своемъ жилищѣ, въ жилищѣ своихъ предковъ; трубка—его домашній очагъ.

Нашъ татаринъ, главнокомандующій нашими войсками, показался, когда подчиненные его уже кончали приготовленія къ отъѣзду; онъ пришелъ свѣжій, въ хорошемъ расположеніи духа, только-что изъ бани. Османлисы всегда ходятъ въ баню, передъ отъѣздомъ въ дорогу; онъ былъ старательно одѣтъ съ ногъ до головы; отъ пояса до горла обвѣшанъ оружіями и другими вещами, необходимыми въ походѣ.

(*) Постоянные браки этихъ людей съ первыми георгійскими и черкесскими красавицами одержали верхъ надъ природнымъ безобразіемъ ихъ татарскихъ предковъ.

По дорогѣ отъ Бѣлграда къ Стамбулу нигдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ, но нашъ татаринъ наслѣдовалъ свои привычки отъ предковъ, и потому старательно осмотрѣлъ, полонъ ли его мѣхъ, и хорошо ли привязанъ къ сѣдлу, возлѣ блаженнаго чубука. Все исправно, онъ пускаетъ въ суруджи градъ страшныхъ проклятій и готовъ ѣхать хоть тысячу миль; но прежде, нежели предастся сладостному бездѣйствію въ мраморныхъ залахъ стамбульскихъ бань, онъ совершенно измѣнится, онъ уменьшится. Отвѣтственность, строгая воздержность, неусыпная и неутомимая дѣятельность сдѣлаютъ изъ него только часть того толстаго Мустафы, который вывелъ его за врата Бѣлграда.

Суриджи — это погонщики вьючныхъ лошадей, бо́льшею частью цыганы. Печальна ихъ доля; они послѣдніе въ людскомъ родѣ и на нихъ позволено вымѣщать всѣ проступки высшихъ (въ томъ числѣ и лошадей). Но часто бѣднякъ производитъ эффектъ сильнѣе своего господина, и, на зло всеобщему презрѣнію къ бѣднымъ суриджи, ихъ смуглая кожа и щетинистая борода доставятъ имъ почетное мѣсто на первомъ планѣ ландшафта. Съ нами было два такихъ существа; каждый изъ нихъ правилъ лошадью, къ хвосту которой была привязана другая. Только невѣроятныя усилія могли заставить твердые и угловатые европейскіе чемоданы подчиниться новому порядку и спокойно лежать на сѣдлахъ; но наконецъ все устроилось, и глаза мои заблистали отъ радости, когда наша маленькая группа проѣхала по излучистымъ улицамъ города и великолѣпно растянулась вдоль по долинѣ. Только одинъ изъ насъ не гармонировалъ съ этою сценой,—слуга Метлея, іоркширскій уроженецъ, о которомъ я уже упоминалъ. Покрытый плащомъ, онъ съ мрачнымъ видомъ правилъ своею лошадью и старался сидѣть на турецкомъ сѣдлѣ какъ на англійскомъ.

У Метлея и у меня были англійскія сѣдла, но, кажется, намъ было бы также хорошо, если еще не лучше, подражать въ этомъ случаѣ нашему татарину. Сѣдло его какъ башня возвышалось надъ небольшой длинношерстой лошаденкой. Безъ сомнѣнія я устроился бы также, если бы имѣлъ время поближе познакомиться съ страною. Еще въ Англіи, когда я размышлялъ о предполагаемой поѣздкѣ на Востокъ, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, которую совѣтую вамъ замѣтить: я взялъ съ собою пару обыкновенныхъ шпоръ. Они принесли мнѣ много пользы въ моихъ длинныхъ поѣздкахъ верхомъ, дали мнѣ средство поддерживать усердіе множества жалкихъ клячъ, на которыхъ я ѣздилъ. Уголъ восточнаго стремени очень плохо замѣняетъ шпору.

Турецкій всадникъ, сидя на сѣдлѣ высоко надъ спиною коня и правя мундштукомъ страшной силы, заставляетъ свою лошадь поднимать голову и бѣжать иноходью; это законная дорожная побѣжка. Товарищу моему и мнѣ, на англійскихъ сѣдлахъ, было трудно заставлять нашихъ лошадей итти иноходью; скучно было проѣхать тысячу миль *впереди свиты*, почему мы обыкновенно и составляли арріергардъ нашей большой арміи; мы ѣхали шагомъ, пока поѣздъ не опе-

режалъ насъ на небольшое разстояніе, и потомъ догоняли его галопомъ.

Мы ѣхали уже два или три часа. Шумъ и тревога, сопровождавшіе нашъ выѣздъ, теперь прекратились. Дѣятельность нашей группы уменьшилась къ исходу дня; ночь настигла насъ при въѣздѣ въ большой Сербскій лѣсъ. Мы должны были проѣхать съ сотню миль этимъ лѣсомъ. По обѣ стороны дороги тянулись безконечные ряды дубовъ, мрачно возвышаясь надъ нашими головами, какъ войско великановъ. Мы напрягали слухъ, желая уловить какой-нибудь звукъ, который изобличилъ бы присутствіе живого существа въ этой массѣ зелени, голосъ какого-нибудь животнаго, крикъ ночной птицы; но ничто не нарушало безмолвія, исключая голоса кузнечиковъ, населявшихъ каждый кустарникъ и наполнявшихъ глубину лѣса безпрерывнымъ жужжаніемъ, однообразнѣе самого безмолвія.

Сначала ѣхали мы въ темнотѣ, но скоро взошла луна и бросила на блестящія оружія и смуглыя лица нашихъ спутниковъ такой блѣдный свѣтъ, что татаринъ, человѣкъ смѣтливый и опытный, подумалъ, какъ бы не встрѣтиться намъ съ лѣшими, и немедленно принялъ всѣ употребительныя въ такомъ случаѣ предохранительныя мѣры. Это, какъ и всѣ трудныя дѣла, возложено было на блѣдныхъ суриджи: они подняли ужасный крикъ, наполняя страшное уединеніе лѣса мрачнымъ воемъ. Эти предостереженія не прекращались ни на одно мгновеніе, и въ самомъ дѣлѣ были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ: мы не встрѣтили ни одного лѣшаго.

Гораздо раньше полуночи достигли мы деревушки, гдѣ должны были провесть ночь. Она состояла изъ дюжины землянокъ, расположенныхъ на клочкѣ земли, съ трудомъ завоеванномъ у лѣса. Жители говорили на славянскомъ нарѣчіи. Миссери зналъ русскій языкъ и могъ легко съ ними объясняться. Мы устроили нашу главную квартиру въ четырехугольной комнатѣ съ выбѣленными стѣнками и земляянымъ поломъ. Ни слѣда мебели, ни признака присутствія женщинъ. Насъ увѣряли однакожь, что эти сербскіе крестьяне живутъ въ довольствѣ, но тщательно скрываютъ отъ всѣхъ свое богатство и жонъ.

Поклажа, снятая съ лошадей, дала намъ средство меблировать эту лачугу. Пара тюфяковъ, разложенныхъ на полу, и мѣшокъ подъ голову, составили превосходные диваны. Вскорѣ разобраны были около насъ въ живописномъ безпорядкѣ чемоданы, шляпные ящики, портфели, книги, карты, блестящее оружіе. Изъ чемодана Миссери выглядывали кое-какія гастрономическія принадлежности, а въ деревнѣ мы надѣялись найти что-нибудь съѣстное. Сначала жители ея объявили, что курицы ихъ — старыя дѣвы, а коровы еще не за-мужемъ: но нашъ татаринъ произнесъ такое звонкое ругательство и такъ рѣшительно схватился за ятаганъ, что немедленно полились ручьи молока и воздвиглись горы яицъ.

Какъ только разлилось передъ нами благоуханіе чаю, мы тотчасъ замѣтили, что для людей, сидящихъ на землѣ, чемоданъ можетъ замѣнить мѣсто стола; два тамошніе уроженца, поумнѣе, не безъ успѣха разыграли роль подсвѣчниковъ; остальные поселяне столпились въ концѣ комнаты на порогѣ открытой двери и смотрѣли на нашъ пиръ съ благоговѣйнымъ и важнымъ вниманіемъ.

Первая ночь первой кампаніи (какъ миролюбива ни была бы эта кампанія) оставляетъ глубокій слѣдъ въ жизни. Какъ сладко освободиться отъ истертой европейской цивилизаціи! О, мой любезный союзникъ! Разостлавши въ первый разъ вашъ коверъ среди этихъ восточныхъ сценъ, вспомните на минуту о вашихъ соотечественникахъ, проводящихъ жизнь свою на площадяхъ, на улицахъ или даже (это участь многихъ) въ деревенскихъ домахъ; вспомните о тѣхъ, чье время уходитъ все на комплименты, приглашенія и сожалѣнія, что не могутъ принять его; вспомните о прикованныхъ къ длиннымъ столамъ въ столовыхъ залахъ, о задыхающихся на балахъ, — вспомните о нихъ, подумайте, сколько бѣдняковъ проводятъ жизнь такимъ приличнымъ образомъ, и вы съ гордостью насладитесь вашимъ освобожденіемъ.

Я долженъ однако же сознаться, что какъ ни пріятно спать на землѣ, но встается рано, какъ на другой день сватьбы по расчету. Задолго до разсвѣта мы уже были на ногахъ и позавтракали; потомъ, пока при свѣтѣ факеловъ сѣдлали лошадей, прошелъ довольно скучный часъ, наконецъ все было готово, и мы снова двинулись въ путь. Закутавшись въ плащи, мы сначала мрачно подвигались въ темнотѣ, изрѣдка мѣняясь нѣсколькими словами. Но вскорѣ заря заалѣла на востокѣ, и кровь заиграла въ нашихъ жилахъ такъ весело, что даже суриджи подняли на минуту головы и на лицахъ ихъ мелькнуло что-то въ родѣ удовольствія

Въ европейской странѣ переѣздъ изъ мѣста въ мѣсто отнимаетъ у путешественника самую незначительную часть времени, которымъ онъ можетъ располагать; пока вертятся колеса, онъ можетъ предаваться мыслямъ, пробуждаемымъ перемѣною мѣстности и разными встрѣчами; но онъ не забываетъ, что это состояніе только временное, и всегда уносится къ предстоящей цѣли путешествія. Привычный ходъ мыслей у туриста прерванъ, но не успѣетъ онъ еще свыкнуться съ новымъ, какъ уже мирно поселился въ отели. Не такъ на Востокѣ. Проходятъ дни, недѣли, даже цѣлые мѣсяцы, а нога ваша не покидаетъ стремени. Наслаждаться свѣжимъ воздухомъ утренней зари, ѣхать впереди или позади блестящей кавалькады до захода солнца, черезъ горныя ущелія, долины, степи,—это дѣлается вашимъ образомъ жизни, и вы кушаете, пьете, погоняете коня и проклинаете комаровъ также систематически, какъ пьютъ, ѣдятъ и спятъ друзья ваши въ Англіи.

Если вы благоразумны, вы увидите въ этомъ длинномъ періодѣ наступательнаго движенія не просто переѣздъ съ мѣста на мѣсто до цѣли вашего путешествія, но одну изъ тѣхъ рѣдкихъ эпохъ жизни, въ

которыя преобразовывается характеръ человѣка, то есть самъ человѣкъ; смотрите съ этой точки зрѣнія, и вы вскорѣ почувствуете себя счастливымъ и довольнымъ на сѣдлѣ, замѣняющемъ вамъ комнату. Что́ касается до меня и моего товарища, то мы въ началѣ пути часто забывали и Стамбулъ, и турецкую имперію, и помнили только прошедшее. Мы блуждали на берегахъ Темзы, не той старой и мрачной Темзы, которая омываетъ стѣны парламента, и въ которой купаются съ отчаянія молодыя дѣвушки, но той, которая была нѣкогда нашимъ товарищемъ въ этонской коллегіи и боролась съ нами время нашей юности, пока мы не стали сильнѣе ея. Мы смѣло надъ товарищами дѣтства, хохотали во все горло и бесѣдовали съ величественнымъ Сербскимъ лѣсомъ также запросто, какъ будто съ Виндзорскимъ паркомъ.

Мы ѣхали медленно; лошади, нагруженныя нашею поклажей, отставали и не позволяли намъ дѣлать болѣе пяти миль въ часъ. Но иногда, въ особенности ночью, овладѣвала всѣми какая-то манія движенія, вьючныхъ лошадей подымали въ галопъ,— чемоданы и мѣшки прыгали и плясали на усталыхъ бокахъ ихъ такъ сильно, а суриджи такъ усердно надѣляли ихъ градомъ ударовъ, криковъ и ругательствъ, что невозможно было ни остановиться, ни замедлить бѣгъ; остальная кавалькада пускалась тоже въ галопъ, и мы съ радостными кликами гнали передъ собою вьючныхъ животныхъ какъ стадо дикихъ козъ, заставляя ихъ взбѣгать на холмы и сбѣгать въ долины, и останавливаясь перевести духъ не прежде, какъ по прибытіи на мѣсто ночлега.

Разстоянія между станціями были очень различны; иныя были миль въ пятнадцать или двадцать, — не больше; но два раза мы на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ въ одинъ день проѣхали по шестидесяти миль.

Когда мы наконецъ выѣхали изъ лѣсу, дорога пошла по странѣ чрезвычайно похожей на англійскій паркъ. На свободной отъ лѣса и покрытой зеленью землѣ паслись стада и пестрѣли группы величественныхъ деревъ.

Львы (*) здѣсь свирѣпствуютъ очень мало: васъ не приглашаютъ пролить слезу на гробницѣ какой-нибудь знаменитости, не заставляютъ приносить дани движенія ни живымъ, ни мертвымъ, нѣтъ ни одного сербскаго или болгарскаго литератора, отъ свиданія съ которымъ вы не могли бы себя уволить: вы ничему не обязаны удивляться, ничего не обязаны хвалить. Единственный общественный памятникъ, красующійся на этой дорогѣ, выстроенъ недавно, но считается образцомъ восточной архитектуры. Онъ имѣетъ видъ пирамиды и построенъ изъ тридцати тысячъ череповъ, доставленныхъ, если не ошибаюсь, въ началѣ этого столѣтія вѣрными сербами. Не ручаюсь и

(*) Въ Англіи называется львомъ все, что́ обращаетъ на себя вниманіе порядочнаго человѣка, на что надо взглянуть ради *тона*, напр. заѣзжій поэтъ, король съ острововъ Тихаго океана, знаменитая картина, и проч.

ѣрность года, но, кажется, первый черепъ былъ положенъ въ 1806 оду. Стыдно, но должно признаться, что, выѣхавши до разсвѣта, мы роѣхали мимо этого образцоваго произведенія въ темнотѣ и такимъ бразомъ избавились отъ необходимости удивляться величавой прототѣ фантазіи архитектора и красотѣ фриза.

Мы могли бы ожидать встрѣчи съ людьми опасными; но намъ попадались на глаза разбойники только мертвые, хотя и непогребенные; несчастные сидѣли на высокихъ колахъ, и поперечныя перекладины поддерживали ихъ такъ хорошо, что скелеты ихъ, покрытые еще остатками бѣловатаго, воскоподобнаго мяса, грѣлись на солнцѣ и смотрѣли безъ глазъ.

Однажды мнѣ показалось, что дорога идетъ въ гору круче обыкновеннаго, и я подумалъ, что мы приближаемся къ Балканамъ. Какъ военная граница, Балканскій хребетъ ничтоженъ. Такого мнѣнія майоръ Геппель, изслѣдовавшій ихъ съ восточной стороны въ военномъ отношеніи, и дѣйствительно, въ Софійскомъ дефилеѣ, по которому мы ехали, нѣтъ ни одного узкаго ущелья, ни одной слишкомъ крутой возвышенности, которая могла бы на-долго замедлить движеніе осадной артиллеріи.

Передъ Адріанополемъ Метлей заболѣлъ, а когда мы прибыли въ городъ, и вовсе слегъ. Въ Адріанополѣ былъ англійскій консулъ, и я думалъ, что домъ его, по восточному выраженію, сдѣлается домомъ моего больнаго товарища. Въ обыкновенное время оно такъ и было бы, но теперь, когда чума опустошала страну, страхъ овладѣлъ консуломъ. Итакъ Метлей, надежда древней фамиліи, лежалъ, неизвѣстно при смерти или нѣтъ, на тюфякѣ, разостланномъ на полу, лишенный всякихъ матеріяльныхъ пособій, которыя облегчили бы его страданія, лишенный даже утѣшительной бесѣды друга.

Чувства нѣжности и состраданія проистекаютъ, кажется, до нѣкоторой степени изъ привычки жить взаперти. По-крайней-мѣрѣ въ то время, о которомъ я теперь говорю, жизнь на окрытомъ воздухѣ или усталость послѣ утомительнаго пути притупили мою чувствительность до такой степени, что я не могъ выносить этой болѣзни и не безъ презрѣнія смотрѣлъ на моего товарища, какъ-будто несчастный виноватъ въ потерѣ здоровья, какъ будто это съ его стороны недостатокъ энергіи. Мнѣ пришла даже въ голову мысль, совершенно впрочемъ ложная, что онъ притворяется. Вы видите, я говорю откровенно; и послѣ этого признанія я уже долженъ снисходительно смотрѣть на дикіе и варварскіе поступки поселянъ или животную жестокость солдатъ. Богъ свидѣтель, что я старался смягчиться и показать сочувствіе, котораго во мнѣ не было; но эти усилія ни мало не уменьшали страданій больнаго.

Мы обратились съ просьбою о помощи къ одному важному, какъ кажется, армянину, полусвятошѣ, полухикиму, т. е. медику. Перебирая зерна своихъ чотокъ, онъ пристально смотрѣлъ на больнаго и вдругъ сильно ударилъ его въ грудь. Метлей мужественно скрылъ боль. онъ

слабою надеждою, что насъ не примутъ съ перваго же взгляда за зараженныхъ чумою, и что передъ нами не затворятся вслѣдствіе этого двери всѣхъ христіянскихъ домовъ.

Вотъ какъ измѣнились мы съ тѣхъ поръ, какъ весело выступили изъ воротъ Бѣлграда. Лихорадка и порывъ сѣверо-восточнаго вѣтра сбили насъ съ ногъ.

Миссери имѣлъ сильное вліяніе на домъ Джіузеппини, и насъ приняли тамъ, хоть и не безъ страха и содроганія.

III.

Мы нисколько не намѣрены участвовать въ концертѣ криковъ, прославляющихъ мечети и минареты, но все-таки похвалимъ кое-что въ Стамбулѣ; можно, напр., похвалить его гавань, можно замѣтить, что ни къ одному городу море не подступаетъ такъ близко. Тутъ нѣтъ ни рифовъ, покрытыхъ раковинами, ни песчаныхъ отмелей, ни тинистыхъ рѣкъ, ни каналовъ, наполненныхъ черною жидкостью, ни шлюзовъ; ничто не раздѣляетъ сердца столицы отъ глубокихъ водъ. Вы ходите по самому шумному стамбульскому рынку, — вамъ захотѣлось отдохнуть подъ великолѣпными кипарисами, которые вы видите вдали передъ собою, — что̀жь, стоитъ только переплыть бездонный Босфоръ. Изъ вашей гостинницы вы желаете отправиться на базаръ, путь вамъ лежитъ по Золотому Рогу, гдѣ можетъ помѣститься тысяча линейныхъ кораблей. Вы привыкли къ гондоламъ, скользящимъ по Венеціи; здѣсь, въ Стамбулѣ, вы встрѣчаетесь на улицѣ съ стодвадцати-пушечнымъ кораблемъ. Венеція отшатнулась отъ материка; въ старые го́ды своей славы, она посылала перваго своего сановника обручаться съ моремъ; но бурная невѣста дожа — покорная раба султана; она приноситъ къ стопамъ его сокровища міра, она переноситъ его изъ дворца во дворецъ; она какимъ-то волшебствомъ заставляетъ вѣтеръ ласкать блѣдныя ланиты своего господина и владыки; она подводитъ флотъ къ воротамъ его сада; она охраняетъ стѣны его сераля; она поглощаетъ интриги его министровъ; она прекращаетъ всякой скандалъ при дворѣ; она избавляетъ его отъ соперниковъ; она закрываетъ уста его женамъ, если онъ на нихъ не доволенъ. Велики тайны морской пучины!

Во все время моего пребыванія въ Константинополѣ тамъ свирѣпствовала чума, хоть и не очень сильно. Присутствіе ея, не очень впрочемъ пріятное, придавало что-то таинственно-заманчивое первымъ минутамъ, посвященнымъ мною знакомству съ большимъ восточнымъ городомъ. Чума придавала особенный оттѣнокъ, особенный характеръ всему, что̀ я чувствовалъ и видѣлъ; оттѣнокъ этотъ былъ мраченъ, но очень шелъ къ печальнымъ памятникамъ падшаго величія, дряхлаго могущества. Чума присоединяется ко всему истинно-восточному: она вмѣстѣ съ правовѣрными живетъ въ самыхъ свя-

енныхъ кварталахъ: персія платья и шляпы считаются столько же причастными заразѣ, сколько и некрасивыми. Но богатые мѣха, рогія шали, шитыя туфли, позолоченная сбруя, запахъ алоэ, процательный ароматъ патчули,—вотъ признаки присутствія чумы. Понувши гордый Лондонъ, центръ обширнѣйшаго и могущественнѣйаго государства въ мірѣ, вы переноситесь въ столицу восточнаго сударя и встрѣчаете упадшую власть, поблекшее величіе, возбужющее насмѣшку; но если мрачный ангелъ чумы въ Стамбулѣ, онъ льнѣе всякой арміи, ужаснѣе Солимана въ эпоху его славы, — онъ идаетъ такую торжественность, такое величіе слабой столицѣ, что ы слѣдите за тѣнями умершаго царства съ очевиднымъ почтеніемъ...

Почти всѣ европейцы, живущіе на Востокѣ, убѣждены въ томъ, о чума передается посредствомъ прикосновенія къ зараженнымъ щамъ, и что смертоносные атомы преимущественно скрываются въ хахъ и матеріяхъ. Не такъ опасно дышать однимъ воздухомъ, съ мнымъ больнымъ или даже трогать его кожу, какъ коснуться маѣйшей частицы шерстяной или нитяной ткани, которая была въ заженномъ мѣстѣ. Если это мнѣніе основательно, чумѣ страшно спообствуетъ обычай, существующій между жителями Стамбула. По мерти османлиса разрѣзываютъ одно изъ его платьевъ на кусочки и высылаютъ ихъ на память друзьямъ покойника. По понятіямъ европейца, ничто не можетъ быть пагубнѣе этого подарка; онъ часто заставляетъ живого не только помнить о мертвомъ, но еще и слѣдовать нимъ въ могилу.

Пока свирѣпствуетъ чума, европейцы выходятъ на улицу только необходимыхъ случаяхъ и тщательно избѣгаютъ всякаго соприсновенія съ людьми, мимо которыхъ должны проходить; въ этомъ аленіи поведеніе ихъ составляетъ совершенную противоположность поведеніемъ правовѣрныхъ: мусульманинъ идетъ безъ всякаго опаія, будучи увѣренъ, что на немъ покоится взоръ Господень; онъ вершенно примиренъ съ судьбою, одинаково готовъ жить или уметь. Европейцы ходятъ задумчиво, боязливо, стараются избѣжать ерти, и нѣкоторые (въ особенности французы) думаютъ, что, зазавшись въ навощенную ткань, могутъ смягчить удары рока.

Нѣсколько времени можно ходить по стамбульскимъ улицамъ, изѣгая страшнаго соприкосновенія. Хотя турки глубоко презираютъ рахъ европейцевъ, но вообще очень вѣжливо уступаютъ безполезй и нечестивой, по ихъ мнѣнію, предосторожности. Они васъ простятъ, если могутъ; но какъ только вы углубились въ узкія улицы олюдныхъ кварталовъ, то нѣтъ уже никакого средства избѣжать прикосновенія.

Что касается до меня, я уберегся не на долго. Прошелъ день, и осьбы моей хозяйки начали терять свою силу; онѣ не могли удерть меня отъ зараженной части Золотого Рога. Я обѣщалъ старательно избѣгать соприкосновенія со всѣми возможными вещами, какъ и соблазнительны онѣ ни были. Я вышелъ осторожно и благопо-

лучно дошелъ до берега; но прежде нежели лодка моя была готова, нѣсколько человѣкъ жалкаго виду быстро сошли съ лѣстницы, неся трупъ зараженнаго, который хотѣли похоронить между правовѣрными, на противоположномъ берегу. Я стоялъ какъ разъ на дорогѣ процессіи и не только коснулся людей, несшихъ тѣло, но, кажется, даже задѣлъ за ногу мертвеца, свѣсившуюся съ носилокъ. Этотъ случай, естественно, сдѣлалъ меня врагомъ теоріи контагіонистовъ. Я отверъ ихъ ученіе и принялъ систему гораздо удобнѣе: началъ ходить куда вздумается, не принимая на себя труда избѣгать опаснаго соприкосновенія. Теперь мнѣ кажется очень вѣроятнымъ, что европейцы правы, и что чума дѣйствительно можетъ переходить отъ одного человѣка къ другому; но въ пребываніе мое на Востокѣ я смотрѣлъ на эти вещи глазами фаталиста, такъ-что во время свирѣпствованія египетской чумы я жилъ среди умирающихъ безъ всякой боязни; а мнѣ бы отъ нея не уйти, если бы я вообразилъ себѣ, что всякое прикосновеніе должно быть смертельно.

Вы зашли въ узкую, извучистую, мрачную улицу, огороженную двумя большими бѣлыми стѣнами—и вдругъ встрѣчаете идущую мимо вамъ кисеи и кашемира; это идетъ дама; за нею рабыни; она плетется неловко, спотыкается, обремененная неудобной одеждой. Въ тяжелой обуви и двухъ парахъ туфель она болѣе похожа на гробъ, нежели на султаншу. Но женщина высказывается: сознаніе власти и красоты проглядываетъ сквозь тяжелый и смѣшной костюмъ. Вы видите только два кончика розовыхъ пальцовъ и двѣ черныя, блестящія, ослѣпляющія васъ точки. Она смотритъ, оборачивается, озирается, не наблюдаетъ ли за нею какой-нибудь мусульманинъ; потомъ, внезапно приподнимая съ лица покрывало, *яшмакъ*, она является во всемъ блескѣ красоты. Брови ея тонки какъ дуга молодого мѣсяца, уста сжаты въ гордомъ выраженіи, вы поражены, удивлены, вы блѣднѣете, вы сильно взволнованы. Она видитъ это и улыбается; рука ея протягивается къ вамъ, розовые пальцы касаются васъ; вы взволнованы до глубины души, — и вдругъ величественныя уста ея раскрываются, и она произноситъ: «*юмурь джакъ!* христіянинъ, у меня чума! Передаю ее тебѣ!» Съ этими словами она исчезаетъ, хохоча и вперивши въ васъ свои черные большіе глаза. Вы остаетесь подъ волшебною властью этого взгляда; у васъ дѣлается лихорадка, вы замыкаетесь у себя въ кабинетѣ, не хотите никого видѣть; медикъ приноситъ вамъ лекарства, и чрезъ восемь дней вы умираете, все еще чувствуя на себѣ взоръ черныхъ глазъ мусульманки. Это называется у нея шуткою. Что касается до меня, я не желалъ еще умирать и расхохотался; это немного сконфузило даму; она сердито приподняла свой *яшмакъ* и величественно пошла дальше, покачиваясь съ боку на бокъ. Рабыни ея, сначала смѣявшіяся забавной выдумкѣ своей госпожи, погрузились въ печальное молчаніе; онѣ были въ совершенномъ отчаяніи, что не удалось обмануть христіянина. Эта шутка конечно не нова, но въ Турціи любятъ древнія установленія и старыя увеселенія.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Константинополь Метлей началъ поправляться; нельзя было однако же надѣяться, чтобы онъ оправился достаточно для зимняго путешествія, и я рѣшился не покидать его до совершеннаго выздоровленія. Я запасся лошадью и *трубкой спокойствія* (*) и взялъ себѣ учителя турецкаго языка. Я очень старался понять этотъ языкъ и наконецъ ознакомился нѣсколько съ его синтаксисомъ; турецкій языкъ обогащенъ, можно даже сказать—отягченъ арабскими и персидскими словами; они служатъ бо́льшею частію для выраженія религіозныхъ чувствъ, догматовъ, для обозначенія предметовъ искусства и роскоши, бывшихъ вовсе неизвѣстными татарамъ, предкамъ нынѣшнихъ османлисовъ; но складъ и духъ языка еще полны жизни, и медовыя слова константинопольскаго лавочника до сихъ поръ понятны милліонамъ неукротимыхъ номадовъ сѣверной Азіи. Конструкція языка, особенно въ длинныхъ фразахъ, очень похожа на латинскую; періодъ развивается медленно, украдкою, до самаго конца не показывая, къ чему ведетъ рѣчь; тутъ ставится окончательное, рѣшительное слово, дающее смыслъ и связь всему предъидущему. Если вы участвуете въ подобномъ разговорѣ, то вниманіе ваше не притупляется, а напротивъ того, оживляется все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развивается фраза.

Османлисы говорятъ хорошо. Въ странахъ съ европейскою цивилизаціей обязанность убѣждать судей предоставлена людямъ, посвящающимъ себя исключительно этому занятію; но въ Турціи этого раздѣленія труда никогда не существовало, и всякой самъ себѣ адвокатъ. Важность реторики неизмѣрима, потому-что дурная рѣчь поставляетъ въ опасность все имущество оратора, его пяты и свободное отправленіе легкихъ. Отъ этого бо́льшая часть турковъ говорятъ съ подробностями, дѣлая выводы за выводами, какъ правовѣды. Покупка на базарѣ малѣйшей бездѣлки сопровождается длинными рѣчами, и вѣчная неизвѣстность цѣнности продаваемыхъ предметовъ покрываетъ безконечное поле краснорѣчію. Продавецъ всегда запрашиваетъ за товаръ цѣну несравненно выше той, за которую уступитъ его послѣ, и это составляетъ вѣчный источникъ неудовольствія для англичанъ, не понимающихъ какъ честный купецъ можетъ назначить за вещь, которую надѣется вамъ сбыть, цѣну гораздо болѣе той, за которую наконецъ отдаетъ ее; а это оттого, что константинопольскій купецъ не имѣетъ другого средства узнать приблизительно цѣну своего товара. Затрудненіе это понятно, если сравнить торговую систему востока съ тою, которая принята у насъ. Въ Англіи, какъ и во всякой другой большой торговой странѣ, масса купленныхъ или проданныхъ вещей переходитъ чрезъ руки оптового торговца; онъ ссорится споритъ съ цѣлой націей покупателей, заключая торговыя сдѣлки

(*) Трубка спокойствія – это длинный чубукъ, неудобный для дороги. Она служитъ вѣрнымъ признакомъ, что ея владѣлецъ ведетъ осѣдлую жизнь или становился на долгій отдыхъ во время путешествія.

съ купцами, занимающимися розничной торговлей. Довольно нѣсколькихъ значительныхъ сдѣлокъ, чтобы цѣнность товара установилась во всемъ государствѣ; но въ Турціи, по старой привычкѣ и за отсутствіемъ капиталовъ и кредита, негоціантъ, ввозящій товаръ, оптовый торговецъ и розничный, коммисіонеръ, повѣренный, лавочникъ,—все это соединяется въ одномъ лицѣ. Какой-нибудь Мустафа, или Абдалла, или Хаджи Могамедъ, возвращается съ берега, неся подъ мышкой небольшой свертокъ товаровъ, купленныхъ у капитана греческаго судна. Пришедши на свое обычное мѣсто на базарѣ, онъ раскладываетъ товары передъ конторкою своей лавки и самъ садится на конторку; потомъ, закуривъ трубку, остается неподвиженъ на своемъ постѣ, терпѣливо ожидая, что судьба пошлетъ покупателя, который дастъ хорошую цѣну за товаръ. Но только рядъ попытокъ открываетъ ему эту *хорошую* цѣну. Для опредѣленія требованія на его товаръ у него только одна мѣрка—цѣна, предлагаемая ему покупателями. Поэтому онъ сначала запрашиваетъ самую отчаянную цѣну, и потомъ понижаетъ запросъ постепенно, пока не найдется дѣйствительный покупщикъ. Все это порождаетъ борьбу, неисчерпаемый источникъ споровъ. Если продавецъ замѣтилъ, что вещь плѣнила взоръ надежнаго покупателя, онъ заводитъ рѣчь. Онъ бсыпаетъ тощую шолковую матерію или мохнатое сукно цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Покачивая рукою съ медленною граціей, онъ развиваетъ свои волнистые періоды, и пускаетъ ихъ въ покупателя какъ метательное оружіе. Покупатель выслушиваетъ всю рѣчь серьёзно, съ глубокимъ вниманіемъ; потомъ наступаетъ его очередь. Онъ подробно начинаетъ излагать причины, непозволяющія ему платить за вещь и двадцать разъ дороже настоящей цѣны. Прохожіе, привлеченные диспутомъ, вмѣшиваются и принимаютъ въ немъ участіе; продавецъ возражаетъ и сбавляетъ немного цѣны, что̀ вызываетъ на новый споръ. Благочестивый и богатый купецъ-мусульманинъ иногда разыгрываетъ роль съ бо̀льшимъ достоинствомъ. Онъ принимаетъ позу важнаго сановника и принимаетъ подходящихъ какъ просителей, а не какъ покупателей. Онъ выслушиваетъ терпѣливо до конца длинную рѣчь, оканчивающуюся предложеніемъ извѣстной платы, и сухо и кратко отвѣчаетъ односложнымъ *йокъ*, *нѣтъ*.

Я какъ-будто заглянулъ въ древній языческій міръ. Долго занятое изученіемъ военныхъ предметовъ, сердце мое разучилось сочувствовать поэзіи. Я присмотрѣлся къ огню сраженій — и не замѣчалъ огня человѣческой фантазіи, не столько жгучаго, но болѣе прекраснаго. Въ книгахъ, которыя я тогда читалъ, я любилъ слѣдить за правовѣрными воинами по пескамъ Аравіи, итти по ужаснымъ слѣдамъ татарскаго нашествія. Окруженный въ Константинополѣ сценами, полными интереса для любителя классической древности, я отгонялъ пробуждаемыя ими воспоминанія, какъ отбросилъ бы отъ себя старую греческую грамматику. Я обратилъ взоръ свой къ великолѣпному Востоку, забылъ древнюю Элладу и всѣ чистыя богатства, завѣщанныя ею

этому прозаическому міру, такъ сильно привязанному къ факту. Но однажды случилось мнѣ быть на возвышенности близь Перы; я наслаждался зрѣлищемъ великолѣпнаго города и живыхъ водъ; потомъ я взглянулъ далѣе, за Скутари, полускрытый грустными кипарисами, потомъ еще дальше и еще выше увидѣлъ я на небѣ бѣлое облако, неизмѣнявшееся отъ движенія вѣтерка; оно сіяло яркой и чистой бѣлизной какъ покрывало Цитереи, и блистало плѣнительнымъ огнемъ, какъ-будто изъ-за прозрачной пелены искрились очаровательные глаза какой-нибудь богини. Я страшно ошибся въ высотѣ и въ разстояніи этого предмета, сосредоточившаго на себѣ мое вниманіе. Вскорѣ я узналъ въ немъ бѣлоснѣжную вершину Олимпа....

АЛЬБЕРТЪ ТОРВАЛЬДСЕНЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Около половины послѣдняго столѣтія жилъ въ Копенгагенѣ честный ремесленникъ, съ трудомъ добывавшій себѣ насущный хлѣбъ тѣмъ, что дѣлалъ Химеръ, Тритановъ и другія миѳологическія фигуры для кормы кораблей. Увидавъ скромнаго артиста, поселившагося съ своею молодой женой въ одной изъ самыхъ темныхъ улицъ датскаго предмѣстья, никто не могъ бы повѣрить, что этотъ человѣкъ можетъ хвалиться высокимъ происхожденіемъ, что онъ въ числѣ предковъ своихъ насчитываетъ начальниковъ клановъ, князей и богатыхъ землевладѣльцевъ. Однако же это фактъ, засвидѣтельствованный автентическими преданіями. Родъ этого ремесленника восходитъ до баснословныхъ временъ датской исторіи, до короля Гаральда Гильдетанда (Гаральда — золотой зубъ), который былъ убитъ, въ 735 году, въ бравальскомъ сраженіи. Потомки Гаральда удалились въ Норвегію, а одно изъ колѣнъ ихъ впослѣдствіи поселилось въ Исландіи. Одинъ изъ нихъ, по имени Олафъ Паа, отличался разумнымъ и великолѣпнымъ употребленіемъ своего богатства. Знаменитый Финнъ Магнусенъ съ похвалою относится о немъ въ своихъ розысканіяхъ датской археологіи, а въ сагѣ Лаксдаля находимъ блестящую картину его жилища.

«Онъ построилъ — говоритъ авторъ саги — самую широкую и самую изящную залу, какая когда-либо существовала. Стѣны и потолокъ были покрыты живописью, изображавшею замѣчательнѣйшія происшествія, о которыхъ упоминается въ легендахъ. Когда зала эта была окончена, Олафъ далъ въ ней большой пиръ, на который явился скальдъ Ульфъ Уггазонъ и сочинилъ пѣснь, сюжетомъ которой были сцены, изображенныя вдоль стѣнъ.»

«Боги обѣщали Гаральду потомка, слава котораго разольется отъ оконечностей сѣвера до областей южныхъ. Геній искусства однимъ изъ своихъ лучей освѣтилъ разумъ Олафа Паа».

Девятнадцатаго ноября 1770 года скромный копенгагенскій ремесленникъ крестилъ ребенка, который долженъ былъ осуществить предсказанія, сдѣланныя его царственному предку Гаральду и довести до высшей степени развитія наивныя концепціи артиста Олафа, своего другого предка. Ребенокъ этотъ былъ *Бертель* (Альбертъ) *Торвальдсенъ*.

Первый предметъ, поразившій взоры Бертеля, когда онъ началъ немного мыслить, былъ рѣзецъ и кой-какія произведенія, нѣчто в родѣ скульптуры. Весьма не долго ходилъ онъ въ школу и почти ничему тамъ не выучился (*). Одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ сталъ посѣщать безденежно послѣдовательный курсъ рисованія и скоро отличился своимъ прилежаніемъ.

Въ 1787 году онъ на конкурсѣ получилъ серебряную медаль. В это время молодой Бертель былъ чрезвычайно тихъ, очень серьёзенъ, говорилъ мало и работалъ съ большимъ жаромъ: если онъ уже взялся за карандашъ, то разсѣять его было невозможно; онъ склонялъ голову надъ своею работою и на вопросы товарищей едва отвѣчалъ полусловами. Несмотря на частыя похвалы, его самолюбіе пробуждалось очень медленно. Отецъ хотѣлъ, чтобы онъ помогалъ ему въ его работахъ, и онъ помогалъ ему вырѣзывать грубыя украшенія, не находя ничего для себя обиднаго въ желаніи отца. Однако же успѣхъ, которымъ онъ пользовался въ академіи, уже разнесся по городу, чему служитъ доказательствомъ слѣдующій случай. Бертель пришелъ в церковь для того, чтобы конфирмоваться. Пасторъ, видя, что онъ одѣтъ плоховато и не слишкомъ-то образованъ, не обратилъ на него никакого вниманія; но когда онъ услыхалъ его фамилію, то спросилъ, не братъ ли его получилъ въ академіи премію. — Нѣтъ, г. пасторъ, отвѣчалъ Бертель: — это я. Съ этихъ поръ пасторъ сдѣлался къ нему очень внимателенъ и называлъ его не иначе, какъ господинъ Торвальдсенъ.

Въ 1789 г. онъ вторично получилъ премію. Отецъ его, полагая, что онъ уже достаточно образованъ, хотѣлъ взять его изъ школы, но профессора этому воспротивились. Часть своей юности Торвальдсенъ посвятилъ наукамъ; въ свободное время онъ работалъ для семейства. Въ Копенгагенѣ до сихъ поръ есть нѣсколько изъ его лѣпныхъ работъ, относящихся къ этому времени. Приближалось время большого конкурса. Сначала Бертель не хотѣлъ къ нему явиться. Его удерживало и чувство гордости и чувство скромности: онъ не надѣялся на свою силу, чтобы получить премію, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ испытать стыда неудачи. Но друзья его употребляли всѣ усилія, чтобы побѣдить это сопротивленіе. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ

(*) Разсказываютъ, будто Торвальдсенъ на семнадцатомъ году, находясь въ обществѣ молодыхъ людей, которые хотѣли разыграть комедію, долженъ былъ отослать назадъ свою роль, потому что не могъ прочитать ее.

гинные его пріятели подходили къ нему не иначѣ, какъ съ словами: рвальдсенъ, позаботься о конкурсѣ.

Когда насталъ торжественный день, бѣдный Бертель съ сильнымъ ніемъ сердца переступилъ порогъ академіи. Ученики должны были браться въ общей залѣ, чтобы получить конкурсную программу, томъ каждый долженъ былъ удалиться въ особенную комнату и ѣлать эскизъ. По этимъ-то эскизамъ и допускались къ конкурсу и о-то именно и устрашало Торвальдсена. Когда онъ очутился одинъ комнатѣ, лицомъ къ лицу съ своею программою, боязнь его удво-ась; онъ отворилъ дверь и хотѣлъ убѣжать чрезъ задній ходъ. Въ время, какъ онъ уже приводилъ въ исполненіе свое намѣреніе, ъ встрѣченъ былъ однимъ изъ профессоровъ, который такъ красно-чиво сталъ упрекать его въ трусости, что пристыженный Торвальд-нъ возвратился назадъ. Задача состояла въ томъ, чтобы сдѣлать рельефъ, изображающій Геліодора, изгоняемаго изъ храма. Молодой ложникъ въ два часа окончилъ эскизъ и получилъ вторую золотую даль.

Въ 1793 г. былъ новый конкурсъ. На этотъ разъ Торвальдсенъ лся съ бо́льшею рѣшительностію и самоувѣренностію и получилъ рвую премію, съ которою сопряжено было право на римскаго пан-нера съ жалованіемъ 1200 франковъ. Однако же деньги не выдава-сь, и Торвальдсенъ ждалъ ихъ три года. Въ это время онъ продол-лъ учиться, давалъ уроки рисованья и сдѣлалъ нѣсколько работъ і королевскаго дворца.

Наконецъ, въ 1796 г., онъ получилъ деньги на путешествіе. Бер-ль въ эту минуту до того считалъ себя богатымъ, что отправился одному изъ своихъ пріятелей, который жаждалъ сдѣлаться арти-мъ, и предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ въ Римъ и раздѣлить съ нимъ й пансіонъ. Но пріятель зналъ лучше Бертеля, что̀ значатъ четы-сотни экю, и отказался. Торвальдсенъ отправился двадцатаго мая 96 г. на фрегатѣ, шедшемъ въ Средиземное море. Плаваніе продол-лось долго. Фрегатъ нѣсколько мѣсяцовъ простоялъ въ Сѣверномъ рѣ; онъ приставалъ потомъ въ Малагѣ, въ Алжирѣ, въ Триполи, въ альтѣ. Наконецъ Торвальдсенъ отказался отъ дальнѣйшей морской спедиціи и пересѣлъ на судно, отправлявшееся въ Неаполь; вось-го марта 1797 года онъ прибылъ въ Римъ.

Въ первые годы, проведенные имъ въ этомъ городѣ, онъ не разъ пытывалъ сильныя огорченія. Въ то время вся Европа находилась волненіи, которое проникало даже въ кабинетъ ученаго и мастер-ю художника. Важные политическіе вопросы подавляли поэтиче-е чувство. Торвальдсенъ работалъ съ любовью, съ энтузіазмомъ, но то не поощрялъ его, хотя онъ и могъ ожидать поощренія.

Срокъ, на который онъ былъ посланъ на счетъ академіи, прошелъ, нъ еще не научился расчитывать на могущество своего генія. Въ 1 онъ готовился возвратиться въ Данію. Однако же ему хотѣлось отъѣзда окончить одно произведеніе, которымъ онъ хотѣлъ по-

чтить свою родину. Это былъ Язонъ, овладѣвающій золотымъ руномъ. Онъ уже вылѣпилъ его въ-чернѣ, но разбилъ, и сдѣлалъ вторично въ бо́льшихъ размѣрахъ; когда увидалъ это произведеніе Канова, бывшій въ то время царемъ искусства, онъ воскликнулъ: «*Questa opera di quel giovane Danese è fatta di uno stilo nuovo e grandioso!*» (Это произведеніе молодого датчанина въ стилѣ новомъ и грандіозномъ). Одинъ изъ соотечественниковъ Торвальдсена, ученый Зоэга, который в сихъ поръ оказывалъ лишь холодное уваженіе къ молодому артисту, отдалъ полную справедливость Язону. Дама, прославившаяся въ Даніи своими стихотвореніями и своимъ литературнымъ салономъ, Фредерика Бруннъ, также говорила объ этой статуѣ съ восторгомъ.

Всѣ эти похвалы, какъ сладки ни были онѣ для слуха Бертеля, не сдѣлали однако же никакой перемѣны въ матеріяльномъ состояніи артиста. У него была лишь небольшая сумма, необходимая для возвращенія на родину, и Торвальдсенъ собирался уѣхать. Чемоданъ былъ уже уложенъ, ветуринъ ждалъ у дверей, какъ вдругъ скульторъ Гагеманнъ, изъ Берлина, товарищъ его путешествія, вошелъ къ нему и объявилъ, что паспортъ еще не изготовленъ, почему и нельзя уѣхать. Встрѣча съ профессоромъ спасла Торвальдсена, когда онъ хотѣлъ уклониться отъ конкурса; встрѣча не менѣе счастливая спасла его во второй разъ. Банкиръ Гопъ случайно вошелъ въ его мастерскую, увидалъ Язона и былъ пораженъ этою статуею. «Сколько вамъ нужно—сказалъ Гопъ, обращаясь къ скульптору — чтобы исполнить эту статую изъ мрамора?» — Шесть сотъ скуди, отвѣчалъ Торвальдсенъ въ замѣшательствѣ, опасаясь спросить много. — «Я вамъ дамъ восемь сотъ», возразилъ Гопъ и немедленно вручилъ эту сумму. Торвальдсенъ остался въ Римѣ, и геній, которымъ онъ былъ одаренъ, свободно взмахнулъ крылами. Черезъ нѣсколько лѣтъ это уже не былъ бѣдный копенгагенскій пансіонеръ, съ трудомъ живущій своимъ скуднымъ доходомъ, всѣми забытый. Это былъ художникъ, славный своими произведеніями, человѣкъ, въ которомъ заискивали люди знатные, человѣкъ, пользующійся почестями, воздаваемыми великому генію. Слухъ о славѣ Торвальдсена дошелъ до Даніи и возбудилъ живое чувство народной гордости. Онъ сдѣланъ былъ членомъ академіи, въ которой былъ прежде ученикомъ. Для королевскаго дворца ему было заказано нѣсколько работъ. Когда открыта была мраморная каменоломня, то Христіанъ, въ то время бывшій еще принцемъ, предложилъ Торвальдсену употребить его геній на службу отечеству. Торвальдсенъ былъ въ то время насильно удержанъ въ Римѣ нѣсколькими предпріятіями. Полагали, что въ 1812 году Наполеонъ пріѣдетъ въ Римъ; ему устроивали дворецъ на Квиринальномъ холму. Датскаго скульптора пригласили участвовать въ этомъ дѣлѣ. Въ три мѣсяца онъ сдѣлалъ одну изъ лучшихъ своихъ работъ — фризъ изъ гипса, въ шестдесятъ футовъ въ ширину, изображающій тріумфъ Александра. Датчане открыли подписку, для того, чтобы онъ могъ это чудное произведеніе высѣчь изъ мрамора. Желаніе ихъ исполнилось.

Торвальдсенъ, однако же, не уѣзжалъ изъ Рима. По временамъ, посреди быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ, онъ впадалъ въ глубокую меланхолію, меланхолію великихъ людей, терзаемыхъ мечтами, которыхъ самое благородное веселье этого міра никогда не можетъ удовлетворить. Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ часовъ онъ высѣкъ одинъ изъ славнѣйшихъ барельефовъ, изображающій *ночь*, и почти въ тоже время, силою того же вдохновенія, онъ сдѣлалъ *день*.

Просьбы соотечественниковъ заставили его наконецъ оставить Италію и возвратиться на берега Балтики. Въ 1819 году онъ, среди огромной толпы, въѣхалъ въ Копенгагенъ. Въ продолженіи двадцати трехъ лѣтъ, говоритъ г. Тіель, онъ сильно измѣнился, но сердце его сохранило всю свѣжесть, всю молодость первой страсти. Воспоминанія заронились въ головѣ его, и онъ вздохнулъ привольно и широко, увидавъ мѣста, гдѣ протекло его дѣтство. У дверей академіи его ожидалъ кто-то: это былъ старый привратникъ. Торвальдсенъ бросился къ нему и горячо его обнялъ.

Въ продолженіи цѣлаго года ему курили ѳиміамъ, воспѣвали его, благословляли. Когда онъ уѣхалъ опять, то его провожали великолѣпно. Онъ проѣхалъ чрезъ Берлинъ, Дрезденъ, Варшаву, Вѣну, — всюду встрѣчали его съ восторгомъ, всюду чествовали. Возвратясь въ свою римскую мастерскую, онъ смоделировалъ большую, величественную статую Коперника, потомъ статуи Христа и двѣнадцати апостоловъ, которыя украшаютъ теперь церковь Божіей Матери въ Копенгагенѣ. Римляне, одаренные отъ природы чувствомъ изящнаго, съ восторгомъ говорили о Торвальдсенѣ Ему—художнику протестанту поручено было высѣчь статую Пія VII; король Людовикъ Баварскій, прибывъ въ Римъ, прежде всего посѣтилъ Торвальдсена.

Обогатившись отъ своихъ произведеній, окруженный всѣми наслажденіями роскоши, и тѣми, какія доставляютъ отношенія съ свѣтомъ — справедливымъ цѣнителемъ его генія, Торвальдсенъ тѣмъ не менѣе рѣшился возвратиться на родину. Въ Копенгагенѣ вкусилъ онъ первыя впечатлѣнія жизни, въ Копенгагенѣ онъ хотѣлъ и умереть. Онъ уѣхалъ изъ него бѣднымъ и свободнымъ; возвратился въ ореолѣ славы и богатства, но все-таки свободнымъ. Какъ часто представлялись ему выгодныя партіи: онъ отказывался отъ нихъ, чтобы предаваться всѣмъ существомъ своимъ искусству. Однако же любовь закралась въ его сердце: онъ испыталъ наслажденіе быть отцомъ; въ Римѣ была у него дочь, которой онъ далъ свое имя.

Душа Торвальдсена была нѣжна и способна къ сочувствію. Разсказываютъ много случаевъ, свидѣтельствующихъ о его щедрости. Вотъ одинъ изъ нихъ.

— Бѣдный датскій художникъ, который долго былъ боленъ, пришелъ однажды къ Торвальдсену, чтобы поблагодарить его за помощь, и объявилъ, что онъ отправляется въ Данію.

— Конечно вы не пѣшкомъ отправляетесь? спросилъ Торвальдсенъ.

— Я не могу отправиться иначе, какъ пѣшкомъ.

— Но вы еще слишкомъ слабы; гдѣ же вамъ выдержать такую сильную усталость.

Потомъ, давая ему горсть скуди, онъ прибавилъ:

— Возьмите это и наймите лошадь.

Ремесленникъ, пересчитавъ деньги, сказалъ, что ихъ хватитъ только до Флоренціи.

— Ну, возразилъ Торвальдсенъ со смѣхомъ, отворяя свое бюро:— сколько же вамъ нужно, чтобы покойно доѣхать до Даніи?

Ремесленникъ сказалъ, сколько нужно, и Торвальдсенъ весело вручилъ ему требуемую сумму, проводилъ до дверей и взялъ обѣщаніе въ томъ, что онъ поѣдетъ не иначе, какъ въ каретѣ.

Торвальдсенъ вообще говорилъ мало. Характеръ его проявлялся со всею живостію лишь въ задушевной бесѣдѣ и проявлялся тогда и странныхъ порывахъ. Однажды завязался у него споръ съ скульпторомъ, который слишкомъ неучтиво и рѣзко хвастался своими собственными произведеніями.

— Э-эхъ! сказалъ Торвальдсенъ — да свяжите мнѣ руки — бьюсь объ закладъ, что я зубами высѣку изъ мрамора лучше чѣмъ вы рѣзцомъ.

Знаменитый художникъ сохранилъ гипсовыя модели всѣхъ своихъ работъ. Всю коллекцію онъ хотѣлъ перевезти въ свою родную страну, со всѣми своими статуями и картинами. Въ Даніи открылась подписка на основаніе музея, который бы носилъ имя великаго скульптора и вмѣщалъ въ себѣ эти сокровища. Во всѣхъ провинціяхъ королевства листы покрылись подписями: служанки, крестьяне — и тѣ приносили свою лепту. Въ короткое время собрали сумму въ 300,000 франковъ. Король далъ мѣсто. Зданіе начали строить.

Въ 1838 г. изъ Даніи посланъ былъ фрегатъ въ Италію за Торвальдсеномъ и его произведеніями. Датскій флагъ, выкинутый надъ башнею Святого Николая, возвѣстилъ жителямъ Копенгагена о приближеніи славнаго скульптора. Всѣ стремятся къ гавани, по столицѣ Даніи распространилась всеобщая радость. Пушки палятъ, корабли пестрѣютъ флагами, море покрылось множествомъ шлюпокъ, изукрашенныхъ какъ на праздникъ. Здѣсь появляются студенты съ эмблематическими знаменами, тамъ толпа молодыхъ дѣвушекъ машетъ платками, при видѣ шлюпки, спустившейся съ фрегата и несущей Торвальдсена къ пристани. Крики восторга, виватъ, ура несутся издалека. Народъ выпрягаетъ лошадей, заложенныхъ въ карету его любимаго артиста, и везетъ его въ карлоттенбургскій дворецъ, гдѣ его мастерская убрана цвѣтами и гирляндами. Вечеромъ труппа артистовъ является подъ его окнами и даетъ серенаду; улицы освѣщены пылающими факелами.

Праздникъ за праздникомъ. То академія музыки празднуетъ возвращеніе знаменитаго датчанина, то студенты, которые гордятся честью назвать его почетнымъ членомъ ихъ собраній. Торвальдсенъ,

сегда скромный, не могъ повѣрить, что онъ — единственный предметъ сѣхъ этихъ почестей. Однажды, проходя по улицѣ, иллюминованной для него, онъ сказалъ :

— Должно быть богатая сватьба сегодня.

Онъ вспомнилъ, что въ Даніи есть обычай освѣщать домъ ново брачныхъ.

Недалеко отъ живописнаго залива Престё, изъ-за свѣжей зелени выглядываетъ красивая вилла Низё — жилище барона Станпа. Сюда удалился Торвальдсенъ послѣ первыхъ овацій и прославилъ новыми работами гостепріимный кровъ. Баронесса Станпъ заботилась о немъ какъ о сынѣ и своими попеченіями, своимъ поощреніемъ поддерживала дѣятельность знаменитаго гостя. Въ мастерской, приготовленной для него въ саду, въ виду моря, Торвальдсенъ сдѣлалъ послѣднія свои работы : *Христа, несущаго крестъ*, *Входъ въ Іерусалимъ*, *Ревекку у колодца*.

Однако же новыя празднества безпрестанно призывали его въ Копенгагенъ.

Въ 1841 г. онъ, съ семействомъ барона, сдѣлалъ послѣднее путешествіе въ Италію, посѣтилъ Берлинъ, Дрезденъ, Франкфуртъ, прирейнскіе города, Мюнхенъ и вездѣ принимаемъ былъ съ тріумфомъ.

Проведя зиму въ Римѣ, онъ возвратился въ Данію и удалился въ свое любимое убѣжище — виллу Низё. Здѣсь сочинилъ онъ еще чудесный барельефъ, изображающій ликованье о Рождествѣ на небѣ, потомъ статую генія поэзіи, которую подарилъ Эленшлегеру, сказавъ ему: это вашъ медальонъ.

24 марта 1844 г. нѣсколько короткихъ пріятелей Торвальдсена находилось съ нимъ въ Копенгагенѣ, въ домѣ барона Станпа. Торвальдсенъ былъ необыкновенно веселъ, живъ, онъ разсказывалъ разныя происшествія и съ восторгомъ упоминалъ о путешествіи, которое хотѣлъ предпринять въ Италію. Въ этотъ вечеръ на театрѣ въ первый разъ давали *Griseldis* Гальма (Мюнхбимгингаузенъ). Торвальдсенъ не слишкомъ жаловалъ трагедію; онъ любилъ комедію, и преимущественно добродушныя, славныя комедіи Гольберга. Однако же объ этой трагедіи много говорили, и онъ рѣшился прослушать ее. Въ шесть часовъ онъ одинъ отправился въ театръ, занялъ свое обычное мѣсто, склонилъ голову и сдѣлался неподвиженъ. Кто сидѣлъ подлѣ него, подумалъ, что онъ въ обморокѣ. Его вынесли изъ залы. Торвальдсенъ былъ мертвъ.

Когда вскрыли его тѣло, то увидѣли, что внезапная смерть произошла отъ поврежденія органа сердца. Лицо его сохранило спокойное, ясное выраженіе : онъ походилъ на прекрасную мраморную статую. Нечего упоминать о всеобщемъ горѣ, скажемъ только, что всѣ, по какому-то внезапному чувству, надѣли трауръ — и тѣ, которые шли за гробомъ, и тѣ, которые смотрѣли на процессію изъ оконъ.

Такъ угасъ знаменитый Альбертъ Торвальдсенъ. Судьба излила на него свои милости. Вельможи гордились, если онъ удостоивалъ посѣтить ихъ салоны. Народъ, зная, что онъ родился изъ его среды, гордился и его славою и его успѣхами, онъ смотрѣлъ на Торвальдсена какъ на избранника небесъ.

Изъ Даніи вѣсть о смерти знаменитаго художника быстро разнеслась по другимъ государствамъ Европы и вездѣ встрѣчена была непритворнымъ сожалѣніемъ. Въ Берлинѣ и Римѣ служили молебны и упокой души его. Мѣсто, которое онъ занималъ въ копенгагенскомъ театрѣ, было обито крепомъ и увѣнчано лавровыми вѣтвями.

Наканунѣ того дня, въ который онъ умеръ, окончили памятникъ, по его приказанію устроенный въ срединѣ музея. Но самый музей, со всѣми произведеніями Торвальдсена, служитъ лучшимъ памятникомъ великому артисту, который будетъ жить вѣчно въ сердцахъ людей, сочувствующихъ искусству.

ОТКРЫТІЕ МѢДИ, СВИНЦУ И ПРОЧ. ВЪ КРОВИ ЧЕЛОВѢКА. До сихъ поръ полагали, что изъ металловъ (за исключеніемъ щелочныхъ и земелистыхъ) въ крови находится только желѣзо. Г. Миллонъ *(Millon)* нашелъ, что въ ней есть кромѣ того мѣдь, свинецъ, марганецъ, также кремнеземъ. Онъ употребилъ при анализѣ крови новый способъ, весьма простой и удобный, состоящій въ употребленіи хлора. Кровь смѣшиваютъ съ хлорною водою; она принимаетъ отъ этого темный цвѣтъ и свертывается. Жидкая часть, которую легко отдѣлить отъ свернувшейся процѣживаніемъ, заключаетъ всѣ минеральныя вещества, содержавшіяся въ крови. Если эту жидкость выпарить до-суха и остатокъ прокалить, то получается пепелъ, въ которомъ легко открыть присутствіе всѣхъ вышеупомянутыхъ металловъ обыкновенными аналитическими способами.

Послѣ открытія этихъ металловъ въ крови, естественно было предложить себѣ вопросъ: находятся ли эти металлы въ кровяныхъ кружечкахъ, какъ желѣзо, или они распредѣлены въ жидкой части крови? Г. Миллонъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ опытомъ, неоставляющимъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія: онъ взялъ кровь, которая свернулась сама собою, и разлагалъ по новому способу отдѣльно сверотокъ и сыворотку; онъ нашелъ, что все количество металловъ было сосредоточено въ сверткѣ; слѣдовательно, они находятся, какъ и желѣзо, въ кровяныхъ кружечкахъ и безъ сомнѣнія составляютъ въ нихъ такую же существенную часть, какъ и желѣзо.

Извѣстно, что недостатокъ желѣза въ крови считается ближайшею причиною нѣкоторыхъ болѣзней, напримѣръ дѣвичьей блѣдности *(chlorosis)*. Не имѣетъ ли вліянія на состояніе организма отсутствіе и другихъ металловъ — мѣди или свинца? Или можетъ быть ихъ избытокъ въ крови производитъ въ свою очередь извѣстное разстройство въ организмѣ?

Эти вопросы, невозможные до изслѣдованія г. Миллона, самымъ очевиднымъ образомъ показываютъ ту тѣсную связь, которая существуетъ между различными отраслями знаній. Химія находитъ новый, точнѣйшій способъ разложенія крови, и тѣмъ открываетъ для физіологіи и медицины совершенно новое поле для изслѣдованій, о которомъ до того и подозрѣвать было невозможно.

Вслѣдъ за открытіемъ г. Миллона, г. Дешанъ *(Deschamps)* представилъ также изслѣдованія о постоянномъ нахожденіи мѣди въ крови человѣка. Онъ оканчиваетъ свою статью слѣдующими заключеніями: что всѣ осадочныя породы должны содержать мѣдь (?),—что мѣдь въ нихъ постоянно сопровождается желѣзомъ,—что желѣзо и мѣдь происходятъ вѣроятно изъ сѣрнистаго желѣза, содержащаго мѣдь,—что растенія принимаютъ мѣдь изъ почвы; что переходъ мѣди въ растенія легко объясняется: мѣдь содержится въ почвѣ въ видѣ углекислой окиси, а это соединеніе растворяется въ водѣ, содержащей углекислоту или углекислый аммоніакъ, и растворъ всасывается корнями растеній; что въ животныхъ мѣдь переходитъ чрезъ посредство растеній, которыми они питаются,—что впрочемъ присутствіе мѣди и свинцу въ крови человѣка и домашнихъ животныхъ можетъ зависѣть отъ употребленія мѣдной посуды и оловянной, всегда содержащей свинецъ, также и отъ глиняной посуды съ свинцовою глазурью. *(Comptes rendus № 2 и № 4 1848).*

НОВЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ДѢЙСТВІИ ХЛОРОФОРМА И О ЕГО ПРИГОТОВЛЕНІИ. Съ тѣхъ поръ какъ открытіе доктора Симпсона сдѣлалось общимъ достояніемъ, съ помощію хлороформа произведено было много удачныхъ операцій. При этомъ восхищались, что для вдыханія хлороформа ненужно никакихъ приборовъ, что вдыханіе его вовсе не такъ непріятно, какъ вдыханіе эѳира, наконецъ, что приведеніе больного въ безчувствіе совершается съ изумительною быстротою. Однакожь среди похвалъ, расточаемыхъ новому открытію, слышались и противоположные отзывы, утверждавшіе, что введеніе въ организмъ вещества, содержащаго до 89 процентовъ хлора, не можетъ быть безъ вреднаго вліянія. Имъ возражали, что хлороформъ вещество весьма постоянное, что оно не горитъ даже въ воздухѣ, что слѣдовательно и въ организмѣ оно останется безъ измѣненія, и слѣдовательно вреднаго дѣйствія отъ хлора бояться нечего. Сообщаемъ новыя замѣчанія касательно употребленія хлороформа, представленныя Парижской Академіи стразбургскимъ профессоромъ г. Седильо *(Sédillot)*.

Основываясь на двадцатипяти случаяхъ изъ своей практики, г. Седильо утверждаетъ, что послѣ вдыханія хлороформа замѣчается тяжесть головы, продолжительная слабость во всемъ тѣлѣ и разстройство (?) *(dérangement)* въ кишкахъ. У больныхъ, которымъ были сдѣланы операціи съ помощію хлороформа, пульсъ въ продолженіи нѣ-

скольких дней оставался необыкновенно полным и частым; при кровопусканіяхъ, предписанныхъ вслѣдствіе этого, замѣчали, что кровь необыкновенно густа.... Всѣ эти явленія требуютъ внимательнаго изслѣдованія.

Г. Седильо указываетъ еще на другую опасность отъ хлороформа. При употребленіи эѳира, какъ скоро вдыханіе его прекращено, безчувственное состояніе продолжается еще нѣкоторое время, но не усиливается; слѣдовательно, какъ скоро замѣтятъ, по біенію пульса, что дѣйствіе возрасло до значительной степени, вдыханіе эѳира прекращаютъ и тѣмъ избавляются отъ всякихъ послѣдствій. При употребленіи хлороформа, напротивъ, и послѣ прекращенія вдыханія его, анестетическія дѣйствія усиливаются самымъ опаснымъ образомъ; біеніе пульса и дыханіе слабѣютъ, блѣдность и охлажденіе усиливаются, и если дойдетъ до того, что біеніе сердца и дыханіе совершенно прекратятся, смерть неизбѣжна. Г. Седильо, пораженный этими явленіями, сдѣлалъ нѣсколько опытовъ надъ собаками: онъ прекращалъ вдыханіе хлороформа, когда у животныхъ дыханіе и біеніе пульса совершались еще съ полною силою; несмотря на то, анестетическія дѣйствія усиливались и оканчивались смертію животнаго.

Подобные же опыты производилъ надъ собаками и кроликами г. Плювье *(Plouviez)*; результаты его сходны съ результатами г. Седильо. Видя нѣкоторую аналогію между признаками, сопровождающими смерть отъ хлороформа и смерть отъ недостатка кислорода или отъ вдыханія вредныхъ газовъ, онъ взумалъ попробовать для приведенія въ чувство тѣже средства, какія обыкновенно употребляются въ послѣднемъ случаѣ, т. е. вдувалъ животнымъ въ легкія свѣжій воздухъ и потомъ слегка сдавливалъ грудь, чтобы произвести выдыханіе. Такимъ образомъ ему удавалось спасти животныхъ отъ смерти. Нѣсколько разъ онъ простиралъ свои опыты до того, что дыханіе совершенно останавливалось, и все-таки, вдувая тотчасъ за тѣмъ въ легкія воздухъ, онъ возвращалъ животное къ жизни.

Въ отношеніи дѣйствія, производимаго хлороформомъ на организмъ, нельзя сказать ничего рѣшительнаго: мы читаемъ совершенно разногласящія мнѣнія; напр., Фюрнари сообщаетъ *(Comptes rendus № 3, 1848)*, что у больного, оперированнаго съ помощію хлороформа, кровь, вытекавшая изъ раны, была темнаго цвѣта; напротивъ того, Груби утверждаетъ *(L'Institut 9 Févr. 1848)*, что пары хлороформа дѣлаютъ алый цвѣтъ артеріяльной крови еще ярче, и что венная кровь отъ нихъ принимаетъ свѣтлокрасный цвѣтъ.

Добываніе хлороформа весьма удобно производится по способу Суберана, при нагрѣваніи виннаго спирта съ растворомъ хлорноватокислой (бѣлильной) извести; гг. Гюро и Ларокъ *(Huraut et Larocque)* предлагаютъ нѣкоторыя измѣненія въ этомъ способѣ, отъ которыхъ добываніе должно быть и удобнѣе и дешевле. Въ кубъ наливаютъ 3 ведра воды и нагрѣваютъ до 36 или 40 градусовъ; потомъ въ ней распускаютъ 12½ фунтовъ ѣдкой извести и 25 фунтовъ бѣлильной извести, наконецъ приливаютъ

штофъ виннаго спирта въ 85 процентовъ; эту смѣсь перегоняютъ, стараясь какъ можно скорѣе довести ее до кипѣнія. Чрезъ нѣсколько минутъ крышка куба нагрѣвается, и когда нагрѣваніе распространится и по трубѣ, ведущей къ охладнику, огонь умѣряютъ; почти въ тоже время начинается перегонка. Въ пріемникѣ получаются два слоя: нижній состоитъ изъ хлороформа, верхній преимущественно изъ воды и неизмѣненнаго алькоголя, содержащаго нѣсколько хлороформа въ растворѣ. Гюро и Ларокъ снимаютъ верхній слой, прибавляютъ къ нему столько виннаго спирту, чтобы получить штофъ жидкости, и вливаютъ ее въ кубъ, въ который предварительно добавлены ведро воды, 10 фунтовъ ѣдкой и 25 фунтовъ бѣлильной извести, и производятъ вторую перегонку. Съ продуктами второй перегонки поступаютъ подобнымъ образомъ. Повторяя такимъ образомъ послѣдовательно одну за другою 4 перегонки, изъ трехъ штофовъ алькоголя 85 процентовъ (что составляетъ 9½ фунтовъ), они получили: при первой перегонкѣ 1⅝ фунта, при второй 1⅞, при третьей 1¾, при четвертой 1⅛ фунта хлороформа. Такимъ образомъ фунтъ хлороформа обошелся въ Парижѣ около 5½ франковъ.

Эти господа нашли, что хлороформъ, кромѣ употребленія въ хирургіи, можетъ быть годенъ и въ другихъ случаяхъ: онъ удобно растворяетъ каучукъ, гумми — какъ и вообще смолы; бромъ, іодъ, жиры, летучія масла, органическія щелочи также растворяются въ немъ. *(Comptes rendus* 17 января, 1848).

СОХРАНЕНІЕ КОРАБЕЛЬНАГО ЛѢСА. Когда Либихъ и Суберанъ изучали дѣйствіе хлора на алькоголь, думали ли они, что вещества, открытыя ими при этомъ, получатъ когда-нибудь практическое примѣненіе; безъ сомнѣнія они полагали, что и самыя названія этихъ веществъ сохранятся только въ лѣтописяхъ химіи и останутся вовсе неизвѣстными для общества, а теперь одинъ изъ этихъ продуктовъ— хлороформъ — возбуждаетъ общій интересъ. Вотъ еще примѣръ того, какъ изслѣдованія, повидимому неимѣющія никакого отношенія къ практическимъ примѣненіямъ, начатыя съ цѣлью чисто ученою, привели однакожь къ результатамъ практически полезнымъ.

Г. Катрфажъ *(Quatrefages)*, при своихъ изслѣдованіяхъ надъ устройствомъ половыхъ органовъ *ползучекъ* (*serpula* и *sabella*), замѣтилъ, что, если къ морской водѣ, содержащей ихъ, примѣшать самыя небольшія количества ядовитыхъ солей, то сѣменная жидкость самцовъ теряетъ способность оплодотворять. Необходимая принадлежность плодотворнаго сѣмени есть присутствіе сѣмянныхъ тѣлъ (*spermatozoa*); пока они движутся, сѣмя оплодотворяетъ; съ прекращеніемъ ихъ движенія или съ ихъ удаленіемъ (посредствомъ процѣживанія), оно лишается оплодотворяющей способности. Ядовитыя соли мгновенно уничтожаютъ ее, какъ замѣтилъ г. Катрфажъ, и это подало ему мысль уничтожать этимъ способомъ въ самомъ началѣ распространеніе *кара-*

бельнаго шашня (Teredo navalis, les Tarets), который сильно повреждаетъ запасы корабельнаго лѣса, сохраняемаго въ водѣ, просверливая дерево своею раковиною. Но для этого надобно было сначала увѣриться, что у шашней, какъ и у ползучекъ, раздѣльные полы. Катрфажъ дѣйствительно нашелъ, что, несмотря на совершенное наружное сходство половыхъ органовъ у самца и самки, раздѣльность половъ существуетъ. Опыты его показали, что достаточно прибавить къ водѣ $^1/_{200000}$ насыщеннаго раствора мѣднаго купороса или свинцоваго сахару, чтобы въ продолженіи двухъ часовъ уничтожить плодотворность сѣмени; $^1/_{2000000}$ раствора сулемы убиваетъ ее въ 40 минутъ. Корабельный лѣсъ долженъ быть помѣщенъ подъ водою въ ограниченномъ бассейнѣ, и въ то время, когда наступитъ для шашней время метанія икры, надобно прибавить въ бассейнъ вышеупомянутыхъ солей.

ВОЗДУХОПЛАВАНІЕ. Въ 1847 году брюссельская Академія Наукъ получила для разсмотрѣнія чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ два проэкта воздухоплаванія. Оба имѣютъ цѣлію летать по воздуху въ опредѣленномъ направленіи; но средства, предлагаемыя для этой цѣли, различны. Одинъ изъ проэктовъ, принадлежащій г. Фанъ Геке (*van Hecke*), считаетъ невозможнымъ придать аэростату произвольное направленіе посредствомъ механизма и ограничивается тѣмъ, чтобы воспользоваться теченіями, существующими въ атмосферѣ; но такъ какъ на различныхъ высотахъ эти теченія имѣютъ различныя направленія, то надобно найти возможность по произволу переходить именно въ тотъ слой, въ которомъ теченіе идетъ къ мѣсту назначенія воздухоплавателя; тогда аэростатъ будетъ уноситься этимъ движеніемъ въ томъ же направленіи. Другой проэктъ, г. Фанъ Эшенъ (*van Esschen*), старается найти возможность придать аэростату опредѣленное направленіе, какова бы ни было движеніе атмосфернаго слоя, въ которомъ онъ находится. Такимъ образомъ видно, что начала, положенныя въ основаніе проэктовъ, совершенно различны, поэтому и самые воздухоплавательные приборы тоже, какъ осуществленіе основныхъ началъ.

Коммиссія академіи, состоявшая изъ гг. Кетлэ, Дево и Тиммермана, представила теперь свой отзывъ объ этихъ проэктахъ, и мы заимствуемъ оттуда существенное.

Въ приборѣ Фанъ Геке воздухоплаватели помѣщаются въ легкомъ ящикѣ, имѣющемъ около 5 футовъ въ длину и 3 въ ширину, подвѣшенномъ на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ отъ шара. Къ четыремъ угламъ ящика прикрѣплены приборы, посредствомъ которыхъ можно по произволу подниматься или опускаться. Каждый изъ приборовъ состоитъ изъ вертикальной оси, сквозь которую проходятъ горизонтально два стальныхъ стержня; они составляютъ между собою прямой уголъ, и на нихъ, симетрически относительно оси, прикрѣплены два крыла изъ шолковой ткани, натянутой на стальной квадратной рамкѣ. Каждое крыло образуетъ косую поверхность и дѣйствуетъ на-подобіе

ильевъ вѣтряной мельницы; только здѣсь они получаютъ вращатель-
движеніе не отъ вѣтра, а вращаются людьми, находящимися въ
икѣ, когда нужно подниматься или опускаться. Для этой цѣли въ
динѣ ящика находится колесо съ рукояткой, отъ котораго посред-
омъ безконечнаго ремня вращательное движеніе можетъ быть пе-
ано вертикальнымъ осямъ; при вращеніи въ одну сторону крылья
тавляютъ аэростатъ подниматься; при вращеніи ихъ въ противопо-
кную сторону, онъ опускается; между тѣмъ перемѣщеніе аэростата
горизонтальномъ направленіи зависитъ отъ собственнаго движенія
о слоя воздуха, въ которомъ онъ находится.

Въ приборѣ Фанъ Эшена воздухоплаватели помѣщаются въ кругі корзинкѣ, имѣющей 4½ фута въ діаметрѣ, и почти такую же рину; она привѣшена къ аэростату въ значительномъ разстояніи. центрѣ этой корзинки помѣщается вертикальная ось или мачта желѣза вышиною въ 8 футовъ; она можетъ вращаться на пятникѣ. верхней части мачты на горизонтальныхъ осяхъ помѣщены крылья; сообщается вращательное движеніе посредствомъ безконечныхъ ней, идущихъ отъ большого колеса, помѣщеннаго внизу. На каждой оси предполагается помѣстить по три крыла, обтянутыхъ шолкоой тканью; слѣдовательно, здѣсь дѣйствіе этихъ крыльевъ должно изводить горизонтальное движеніе воздухоплавательнаго прибора, подобіе гребныхъ колесъ въ пароходахъ. Сообщая всей оси вращательное движеніе, можно измѣнять направленіе движенія, безъ помощи рукъ. Коммиссія заключаетъ свой отзывъ слѣдующими словами: мы остережемся сдѣлать заключеніе, чтобы та или другая изъ сказанныхъ системъ могла составить дѣйствительный успѣхъ въ воздухоплаваніи; но если бы пришлось выбирать между ними, то мы отдали бы преимущество системѣ Фанъ Геке; по простотѣ своей она представляется намъ окруженною меньшими трудностями въ исполненіи, и можно надѣяться, что она можетъ быть съ успѣхомъ употреблена для изученія свойствъ нашей атмосферы въ доступныхъ для насъ слояхъ ея.

Уже послѣ представленія этого донесенія были сдѣланы опыты съ приборомъ Фанъ Геке. Двое изъ членовъ коммиссіи, гг. Дево и Кетлэ, также г. Сэбинъ (*Sabine*), секретарь лондонскаго королевскаго общества, присутствовали при этомъ первомъ опытѣ. По отзыву г. Кетлэ, ожиданія, высказанныя изобрѣтателемъ проэкта, вполнѣ оправдались.

ПРИМѢНЕНІЕ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ КЪ ОБРАБОТКѢ ПОЛЕЙ.

Съ скоро была открыта сила, заключающаяся въ упругости водяныхъ паровъ, какъ скоро поняли всю выгоду, которую можно извлечь изнея, и придумали удобные механизмы, чтобы воспользоваться ея дѣйствіемъ, прежде всего ее заставили работать въ мастерскихъ фабрикъ. Во многихъ случаяхъ паръ съ выгодою замѣнилъ прежнихъ двигателей — животныхъ не столь сильныхъ и неутомимыхъ и воду, дѣйствіе которыхъ подвержено неравномѣрностямъ. Паровую машину можно поставить вездѣ, можно построить ее, по произволу такой си-

лы, какая сообразна съ размѣрами производства — не малое преимущество. Теперь въ странахъ, гдѣ цвѣтетъ промышленность, паровыя машины приводятъ въ движеніе прядильные и ткацкіе станы, набиваютъ ткани, выковываютъ желѣзо, тянутъ проволоку, печатаютъ книги и газеты; на ихъ долю отдали самую тяжелую часть работы, предоставили управлять тѣми сложными механизмами, которые заняютъ дѣйствіе руки его. Въ морскихъ путешествіяхъ паръ снялъ съ насъ зависимость отъ дѣйствія вѣтровъ, неправильнаго и непостояннаго, и мы переносимся теперь черезъ океаны во всякое время и произвольномъ направленіи. На сушѣ съ помощію пара и желѣзныхъ дорогъ для насъ болѣе и болѣе сокращаются разстоянія, удалявшія насъ отъ центровъ цивилизаціи, торговли и промышленности.

Но есть чисто механическая работа, повторяемая ежегодно въ огромныхъ размѣрахъ во всѣхъ странахъ земного шара, работа необыкновенной важности для человѣчества, къ выполненію которой до сихъ поръ еще не примѣнили дѣйствіе паровъ: мы разумѣемъ пахание земли. Отчего же это замедленіе, при томъ общемъ направленіи къ промышленности замѣнять ручную работу работою движителей неодушевленныхъ? Замѣтимъ, что со стороны механической примѣненіе паровъ къ обработкѣ почвы составляетъ задачу необыкновенной трудности, какъ ни кажется проста съ перваго взгляду эта работа; кромѣ того замѣненіе ручной работы въ земледѣліи подниметъ за собою новыя запутанности въ положеніи рабочаго класса, которыхъ соціальная наука еще не въ силахъ разрѣшить.

Уже много разъ пытались примѣнить дѣйствіе паровъ къ воздѣлыванію почвы, но эти попытки не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Въ Англіи и Америкѣ, гдѣ земледѣліе производится большими хозяйствами, много было придумано машинъ для этой цѣли, но всѣ онѣ исчезали также скоро, какъ являлись, по ихъ неудобности. Напр. такая машина состояла изъ ряда сохъ, къ которымъ вмѣсто лошади припрягали родъ паровоза или употребляли неподвижныя паровыя машины, которыя посредствомъ цѣпей или веревокъ тянули сохи отъ одного конца поля до другого.

Въ такомъ положеніи оставался вопросъ о примѣненіи паровъ къ паханію земли до настоящаго времени. Теперь г. Барра *(Barral)* устроилъ машину для этой цѣли, совершенно отличную отъ прежнихъ; мы постараемся дать понятіе объ этой машинѣ, сколько это можно безъ чертежей, и сообщимъ результаты опытовъ, которые были произведены съ нею.

Цѣль паханія состоитъ въ томъ, чтобы увеличить доступъ воздуха къ почвѣ: для этого переворачиваютъ земляной слой и раздробляютъ крупныя глыбы. Безъ сомнѣнія самыя первоначальныя орудія для этой цѣли были — заступъ и мотыка, и теперь эти орудія употребляются въ огромномъ хозяйствѣ, и всякой знаетъ, что они выполняютъ свое дѣло превосходно; но обработка почвы съ помощію ихъ идетъ медленно, и въ этомъ состоитъ недостатокъ ихъ сравнительно

ь плугомъ. Другой недостатокъ тотъ, что эти орудія непремѣнно
ебуютъ работы человѣка; въ нихъ нельзя запречь животное.

Г. Барра̀ составилъ свою машину изъ мотыкъ, только замѣнилъ
йствіе людей паровою машиною. Мотыка, какъ и заступъ, состо-
ъ изъ деревянной рукоятки и широкой желѣзной части; различіе
отъ заступа только то, что широкая часть помѣщена перпендику-
рно къ рукояти. Когда человѣкъ работаетъ ею, онъ съ силою опу-
аетъ ее такъ, что широкая часть входитъ въ слой, и потомъ, толкая
коять или притягивая къ себѣ, заставляетъ отрѣзанный слой пере-
ротиться.

Представьте же себѣ небольшой четырехколесный паровозъ; ободья
лесъ очень широки, потому-что они должны итти по рыхлой поч-
; помощію удобныхъ приводовъ онъ можетъ съ удобностію двигать-
взадъ и впередъ и поворачиваться въ стороны. — Въ задней ча-
и его помѣщенъ валъ, въ которомъ укрѣплены 12 мотыкъ. Дѣйствіе
оизводится такимъ образомъ: паровозъ идетъ впередъ; машина,
ащая валъ, въ которомъ укрѣплены мотыки, заставляетъ ихъ под-
маться, и потомъ онѣ падаютъ и погружаются въ слой земли, ос-
вшійся сзади паровоза. — Но чтобы въ тоже время производилось
реворачиваніе отрѣзаннаго этимъ погруженіемъ слоя, мотыки по-
узившись въ землю, получаютъ толчокъ въ горизонтальномъ напра-
ніи назадъ: это дѣлается продвиганіемъ назадъ всего вала, въ ко-
ромъ онѣ укрѣплены; послѣ этого онѣ снова поднимаются, въ тоже
емя паравозъ подвинулся уже впередъ на ширину одной борозды,
мотыки снова падаютъ, и такъ дѣйствіе повторяется.

Скажемъ теперь о результатахъ опытовъ съ этою машиною, произ-
денныхъ близъ Берси, въ паркѣ маркиза Николаи; мы заимствуемъ
о извѣстіе изъ *Technologiste (Décembre 1847)*.

Опыты производились надъ участкомъ земли, съ котораго хлѣбъ
вно былъ снятъ; почва его состоитъ изъ неглубокаго слоя крупнаго
ску, а подпочву образуетъ плотный туфъ.

Машина г. Барра̀ имѣла силу въ 3½ паровыхъ лошади; это пер-
я машина, построенная г. Барра̀, и потому естественно, что въ
й не всѣ части получили надлежащія измѣренія и ту правильность
движеніяхъ, которую при настоящемъ совершенствѣ въ построеніи
шинъ не трудно будетъ придать сообразно потребностямъ ра-
ты.

Паровозъ подвигался впередъ на полфута при каждомъ ударѣ мо-
къ; въ минуту мотыки дѣлали отъ 32 до 40 ударовъ; слѣдователь-
въ минуту паровозъ подвигался на 16 — 20 футовъ; такъ какъ
къ мотыковъ занимаетъ ширину около 7 футовъ, значитъ въ мину-
было обработано 112 квадр. футовъ, на глубину ⅓ фута; допуская
простоты 100 квадр. футовъ, найдемъ, что въ 10 часовъ будетъ
работано 60,000 квадр. футовъ.

Разсматриваніе обработанной почвы показало, что слой земли ве-
ь былъ поднятъ равномѣрно, нигдѣ не осталось необработанныхъ

мѣстъ, что глубина была вездѣ одинакова; однимъ словомъ, что обработанная почва представляла всѣ свойства обработанной ручной мотыкой.

Замѣтимъ, что употребленіе этой машины дѣлаетъ совершенно не нужнымъ бороньбу, и это обстоятельство непремѣнно должно быть принято въ соображеніе при оцѣнкѣ выгодъ, доставляемыхъ новою машиною, сравнительно съ прежними способами обработки почвы.

Форма и измѣренія мотыкъ должны измѣняться сообразно съ свойствами обрабатываемой почвы: на почвѣ твердой и плотной — онѣ должны быть крѣпче, тяжелѣе; на почвѣ, гдѣ много корней (напр. послѣ люцерны), онѣ должны имѣть очень острый край изъ стали, чтобы удобнѣе перерубать корни.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ПРИГОТОВЛЯТЬ ГРАВИРОВАЛЬНЫЯ ДОСКИ. Во 2-мъ нумерѣ Современника, мы сообщили извѣстіе о новомъ способѣ Ньепса копировать гравюры посредствомъ іода, и высказали ожиданіе, что это открытіе получитъ болѣе обширное практическое примѣненіе. Теперь г. Поатвенъ *(Poitevin)* нашелъ средство превращать іодистыя копіи на металлѣ въ рельефныя изображенія, такъ-что такія доски могутъ быть употреблены для сниманія оттисковъ. Для этого гравюру подвергаютъ дѣйствію паровъ іода, который садится на черныхъ мѣстахъ въ количествѣ пропорціональномъ тѣнямъ, какъ уже описано при способѣ Ньепса; потомъ ее накладываютъ на посеребренную мѣдную доску: іодъ соединяется съ серебромъ, такъ-что на доскѣ іодистое серебро образуетъ изображеніе гравюры. Эту доску опускаютъ на нѣсколько мгновеній въ растворъ мѣднаго купороса и пропускаютъ электрическій токъ, какъ при гальванопластикѣ; мѣдь садится только на мѣстахъ покрытыхъ чистымъ серебромъ, т. е. на мѣстахъ соотвѣтствующихъ свѣтлымъ частямъ рисунка. Тогда іодистое серебро удаляютъ, погружая доску въ растворъ сѣрноватистокислаго натра. Послѣ этого доску слегка накаливаютъ, такъ-что мѣдь окисляется. Потомъ доску обливаютъ ртутью: она соединяется только съ серебромъ и не пристаетъ къ мѣстамъ, покрытымъ окисью мѣди; слѣдовательно, амальгама (соединеніе ртути съ серебромъ) соотвѣтствуетъ темнымъ мѣстамъ гравюры, а окись мѣди свѣтлымъ. Послѣ амальгамаціи доску покрываютъ листочками золота и нагрѣваютъ: ртуть улетаетъ, и тѣ мѣста, гдѣ была ртуть, позолачиваются; золото, неприставшее къ мѣстамъ, покрытымъ окисью, стираютъ щоткою. Тогда погружаютъ доску въ растворъ азотнокислаго серебра: тогда окись мѣди переходитъ въ растворъ, а на ея мѣсто садится серебро. Итакъ, послѣ всѣхъ этихъ операцій, на доскѣ находятся золотыя мѣста, соотвѣтствующія темнымъ мѣстамъ гравюры, на серебряномъ полѣ; тогда погружаютъ доску въ слабую азотную кислоту: она вытравляетъ мѣста, гдѣ находится серебро, и оставляетъ золотыя мѣста безъ измѣненія; слѣдовательно, на доскѣ останутся выпуклости, соот-

ѣтственно темнымъ, и углубленія, соотвѣтственно свѣтлымъ частямъ равюры, и такая доска можетъ быть употреблена для оттискиванія исунковъ, какъ обыкновенная гравировальная доска.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Нынѣшняя зима. — Важность облегченія и ускоренія сообщеній въ Россіи. — Мнѣніе объ устройствѣ необходимѣйшихъ линій желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ отечествѣ. — Необходимость сбереженія лѣсовъ въ видахъ обезпеченія горючаго матеріала и вообще для благосостоянія общественнаго. — Отчетъ компаніи желѣзно-конной дороги между Волгою и Дономъ; на чемъ должны основываться главныя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ? — Засѣданія Минералогическаго Общества. — Мысли о первоначальномъ образованіи. — Новый воздухоплавательный снарядъ. — Извѣстія: Романы повѣсти и разсказы Е. П. Гребенки. — Музыкальный Альбомъ гг. Степанова и Даргомыжскаго. — Карикатурный Альбомъ г. Неваховича.

Фактъ, поражающій теперь вниманіе каждаго, есть необыкновенное состояніе зимы: отовсюду слышны жалобы на сильные холода тамъ, гдѣ ихъ не бывало, и на зловѣщее безснѣжіе тамъ, гдѣ зимніе холода естественны. Такъ: въ Парижѣ Сена замерзла; въ южной Франціи, вслѣдствіе необыкновенныхъ морозовъ, судоходство по каналамъ остановилось; по извѣстію изъ Гамбурга отъ 11 января (н. ст.), вся Эльба, до самого устья, покрыта такимъ толстымъ слоемъ льду, что по немъ ѣздятъ тяжелыя повозки съ кладью. Такая ненормальность зимы сопровождается еще необыкновенною сухостію воздуха, такъ сказать, зимнею засухою. Такъ, въ Лионѣ, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ журналовъ, многіе фабрики и заводы, а также общественныя бани по необходимости должны были закрыться на это время. Въ Архангельскѣ, съ 29 ноября по 23 декабря, въ продолженіе 25-ти дней, барометръ показывалъ постоянно *ясно* и *хорошая погода*, т. е. не опускался ниже 30 и восходилъ до 31 д., гдѣ надписывается *великая сушь*. Эти отличительныя качества нынѣшней зимы — безснѣжіе и сушь, по извѣстіямъ о Россіи, простираются отъ глубокаго сѣвера ея до южныхъ ея предѣловъ; такъ: въ Одессѣ, санная дорога установилась лишь въ исходѣ декабря, хотя навигація прекратилась тамъ уже съ 11 декабря; въ Крыму декабрь былъ очень холодный и отличался сильными холодными вѣтрами. Безснѣжіе нынѣшней зимы порождаетъ болѣе или менѣе основательныя опасенія относительно того, что оно не останется безъ вредныхъ послѣдствій для сѣмянъ, ввѣренныхъ землѣ, и порождаетъ во многихъ мѣстахъ жалобы на дороговизну съѣстныхъ припасовъ, вслѣдствіе затруднительной доставки ихъ по оледенѣлому пути. Природа, подвергая человѣка дѣйствію своихъ законовъ, вызываетъ къ жизни его мысль, которая одна

только въ силахъ оградить отъ вредоносныхъ вліяній его бытіе. Важность и необходимость для Россіи улучшенныхъ путей сообщенія, преимущественно передъ остальною Европой, давно уже ясно представлялась уму каждаго, кому не могло не представиться ея огромное протяженіе; а кому оно могло не представиться? Но еще яснѣе начали представлять себѣ эту необходимость съ тѣхъ поръ, какъ начали входить въ сознаніе та истина, что время есть капиталъ, излишняя, непроизводительная трата котораго столь же пагубна для общества, сколько и напрасная трата цѣнностей вещественныхъ, и что одно изъ существенныхъ условій процвѣтанія торговли и промышленности есть быстрое сообщеніе людей и вещей. Мѣстности А и Б, соединенныя между собою на протяженіи напримѣръ 100 верстъ желѣзною дорогою, и мѣстности С и Д, между которыми на томъ же разстояніи нѣтъ иного пути, кромѣ болотнаго и гористаго, въ успѣхахъ жизни разойдутся на далекія пространства другъ отъ друга. На сообщеніе между первыми потребуется не болѣе двухъ часовъ, на сообщеніе между послѣдними — по-крайней-мѣрѣ десять; значитъ, обмѣнъ нуждъ вещественныхъ и нравственныхъ между первыми можетъ произойти двѣнадцать разъ въ сутки, между послѣдними — не болѣе двухъ. Какая разница въ послѣдствіяхъ, ясно видно всякому. Эта мысль о важности и необходимости облегченія и ускоренія сообщеній въ Россіи неоднажды высказываема была у насъ въ печати, и недавно, въ №№ 19 и 20 Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, нѣкто Н. Б. изложилъ развитіе ея въ отношеніи къ вліянію, какое могутъ имѣть желѣзныя дороги на торговлю и земледѣліе въ Россіи. По мнѣнію автора, самыя необходимыя желѣзныя дороги должны быть устроены по слѣдующимъ направленіямъ: 1) отъ Витебска до Орла, 2) отъ Кременчуга до Одессы, 3) опять отъ Орла чрезъ Тамбовъ до Саратова, и наконецъ 4) отъ Кременчуга чрезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тулу до Москвы. Остальныя предполагаемыя линіи, какъ-то: отъ Москвы до Нижняго Новгорода и Казани, отъ Симбирска до Пензы, Воронежа, Харькова, Ростова на Дону и Таганрога, равно и другихъ многихъ пунктовъ, по мнѣнію автора статьи, уже дѣло роскоши и излишества. На устройство этихъ линій желѣзныхъ дорогъ можетъ быть достаточно, по мнѣнію его, частныхъ капиталовъ,— такъ какъ изъ отчета г. министра финансовъ явствуетъ, что къ 1 января 1847 г. въ Сохранныхъ Казнахъ, Заемномъ и Коммерческомъ Банкахъ и Приказахъ Общественнаго Призрѣнія состояло капиталовъ, внесенныхъ частными лицами, изъ прибыли четырехъ процентовъ, на сумму 607,923,874 руб. 76 к. сер., а желѣзныя дороги несомнѣнно доставляютъ 8,10 и болѣе процентовъ, какъ показываетъ дивидентъ пробной царскосельской желѣзной дороги. Авторъ далѣе не совѣтуетъ строить желѣзныя дороги параллельно водянымъ путямъ. Французы, говоритъ онъ, сдѣлали большую ошибку, устроивъ желѣзныя дороги отъ Парижа по обоимъ берегамъ рѣки Сены.

Но съ устройствомъ линій желѣзныхъ дорогъ тѣсно связанъ во-

просъ о средствахъ для [illegible]
горючемъ матеріалѣ. [illegible]
пара. Каменный уголь и [illegible]
ныхъ доселѣ матеріаловъ [illegible]
доселѣ перваго рода [illegible]
ныхъ дорогъ. безъ [illegible]
ность. Но вмѣстѣ съ [illegible]
трудно будетъ обойтись [illegible]
этого, въ видахъ [illegible]
только сбереженія. [illegible]
по недостаткѣ [illegible]
неблагоразумнаго [illegible]
тели согласны въ [illegible]
гибельныя послѣдствія [illegible]
ваніе частными лѣсами [illegible]
только для владѣльцевъ [illegible]
новить успѣхи [illegible]
нить лѣса [illegible]
примѣръ [illegible]
своихъ лѣсовъ [illegible]
лія и благомъ [illegible]
какъ этого [illegible]
и очевидно [illegible]
движимыми [illegible]
правило [illegible]
стѣ и [illegible]
особенно въ [illegible]
назначилъ [illegible]
требленія [illegible]
нія всего [illegible]
лѣса [illegible]
доставлено [illegible]
лучшимъ [illegible]
постановленія [illegible]
ляютъ въ [illegible]
тельства [illegible]
ное [illegible]
ческаго [illegible]
казны [illegible]
корпорація [illegible]
ство [illegible]
нымъ [illegible]
временно [illegible]
[illegible]
[illegible]
въ [illegible]

изъ частныхъ владѣльцевъ не имѣетъ права рубить своего лѣса безъ разрѣшенія лѣсного управленія; а это разрѣшеніе не иначе дается, какъ когда лѣсъ достигаетъ должной зрѣлости и когда владѣлецъ покажетъ, что вмѣсто каждаго дерева, которое онъ назначаетъ къ срубкѣ, онъ развелъ по 4 молодыхъ деревца, которыя достигли по-крайней-мѣрѣ трехлѣтняго возраста.

Наше правительство, обращая вниманіе на всѣ мѣры къ улучшенію сельскаго лѣсного хозяйства, не могло упустить изъ виду столь важнаго обстоятельства, и теперь, когда оно нашло, что время къ тому наступило, рѣшилось приступить къ положительнымъ мѣрамъ сбереженія и устройства частныхъ лѣсовъ отъ истребленія въ Петербургскомъ и Царскосельскомъ уѣздахъ. Высочайше утвержденнымъ 25 ноября 1846 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено: для лучшаго устройства помѣщичьихъ лѣсовъ въ упомянутыхъ уѣздахъ постановить, въ видѣ опыта, на три года, слѣдующія правила:

1. Помѣщики означенныхъ уѣздовъ обязываются содержать принадлежащія имъ лѣсныя дачи въ порядкѣ и чистотѣ, по правиламъ, постановленнымъ для казенныхъ лѣсовъ въ ст. 662 Уст. Лѣсн. (Св. Зак. Т. VIII изд. 1842 г.).

2. На помѣщичьи дачи сихъ уѣздовъ распространяются: а) ст. 651—655 того же Устава о предосторожностяхъ при раскладкѣ огня какъ въ самыхъ лѣсахъ, такъ и вблизи оныхъ, и б) ст. 655 и 658 о мѣрахъ къ потушенію лѣсныхъ пожаровъ. Изложенныя въ сихъ послѣднихъ статьяхъ обязанности пожарнаго старосты, возлагаются на сотскаго.

3. Для надлежащаго присмотра за исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ и для охраненія частныхъ лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ, владѣльцы обязаны содержать при лѣсныхъ дачахъ особыхъ сторожей изъ собственныхъ крестьянъ или изъ наемныхъ людей въ числѣ, какое будетъ опредѣлено по постановленію уѣзднаго дворянства, съ утвержденія Гражданскаго Губернатора.

4. Лѣсные сторожа сіи подчиняются непосредственному надзору Земской Полиціи, которая, въ случаѣ надобности, побуждаетъ сторожей къ исполненію ихъ обязанностей, а при уклоненіи самихъ помѣщиковъ отъ исполненія предписанныхъ правилъ, доводитъ о томъ до свѣдѣнія Уѣзднаго Предводителя Дворянства.

5. Уѣздные Предводители обязаны убѣждать помѣщиковъ о содержаніи ихъ лѣсныхъ дачъ въ порядкѣ и буде убѣжденія сіи останутся безъ дѣйствія, то извѣщать о томъ Губернскаго Предводителя Дворянства, который дѣлаетъ такимъ владѣльцамъ напоминанія при первомъ собраніи дворянъ, а при дальнѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія требуемаго, увѣдомляетъ Гражданскаго Губернатора, для зависящаго съ его стороны распоряженія.

— Компанія желѣзно-конной дороги между Волгою и Дономъ обнародовала свой отчетъ о дѣйствіяхъ ея въ прошедшемъ году. Изъ отчета этого между прочимъ видно:

1) Со времени учрежденія компаніи по 1 ноября 1847 года поступило въ Правленіе компаніи суммъ 332,356 руб 26 коп. сер.

Изъ нихъ употреблено на устройство дороги, содержаніе управленія и всякаго рода принадлежности 327,447 р. 81½ коп.

Осталось на лицо и въ долгахъ 4,908 р. 44½ коп.

2) Дорога сооружена отъ посада Дубовки въ Саратовской губерніи до станицы Качалинской — въ землѣ Войска Донскаго на пространствѣ 62-хъ верстъ и 300 саж., и по окончательной отдѣлкѣ всѣхъ частей и устройствѣ достаточнаго количества вагоновъ, цѣнность каждой версты ограничится до 5,700 руб. сер.

3) Постоянная перевозка съ Волги на Донъ грузовъ открыта съ 10 апрѣля 1847 года.

Товаровъ перевезено по 1-е ноября :

Вѣсовыхъ.	482,323	пуд.
Тесу	5,004	шт.
Брусьевъ	8,228	
Барокъ.	5	
На сумму.	18,697 69¼	к.

4) Масса перевозки товаровъ составляетъ едва восьмую долю того количества, сколько ежегодно передвигается обыкновеннымъ путемъ по направленію дороги. Причины же ограниченія успѣховъ перевозки въ текущемъ году заключались: а) въ несовершенномъ еще устройствѣ дороги; б) въ недостаточномъ количествѣ вагоновъ и в) въ постигшей тамошній край, въ самое дѣятельное для перевозки время, эпидеміи, которая надолго остановила всякаго рода обороты.

5) Для предстоящей навигаціи предположено имѣть вагоновъ въ дѣйствіи до 235, на которыхъ представляется возможность перевезть товаровъ до 3 мил. пуд.

6) По окончательномъ устройствѣ дороги представляются виды какъ на умноженіе количества перевозимыхъ отъ Волги къ Дону товаровъ, такъ и на обратную перевозку съ Дона на Волгу каменнаго угля, что все въ совокупности представляетъ ручательство въ отношеніи вѣрности начальныхъ, при устройствѣ этой дороги, соображеній и видовъ на полученіе хорошихъ на акціяхъ дивидендовъ.

Хотя устройство желѣзно-конной дороги предполагаетъ нѣкоторыя другія условія, нежели построенія желѣзныхъ дорогъ, по которымъ производится движеніе помощію пара, и хотя изъ отчета Компаніи желѣзно-конной дороги между Волгою и Дономъ не видно, чтобъ были перевозимы по ней, кромѣ товаровъ, пассажиры; но какъ выше была рѣчь о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, то мы считаемъ неизлишнимъ присоединить здѣсь краткое извѣстіе о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ во Франціи, относительно того: что̀ представляетъ болѣе выгодъ, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ — перевозка пассажировъ, или товаровъ? Изъ изслѣдованій г. Тейсерана *(Teisserun)* видно, что

расходы на желѣзныхъ дорогахъ сравнительно съ доходами значительнѣе при возкѣ пассажировъ, чѣмъ при возкѣ товаровъ, и сборъ съ перевозки товаровъ доставляетъ сумму дохода болѣе значительную, чѣмъ перевозка пассажировъ. Слѣдовательно, надо заключить, что на перевозкѣ тяжестей должны основываться главныя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ, въ противность тому, какъ до сихъ поръ полагали. (См. любопытныя данныя объ этомъ предметѣ въ Ж. М. Г. И. №1 1848 г.).

— Императорское Минералогическое Общество, 30 ноября и 14 декабря прошедшаго года, имѣло свои 12-е и 13-е собранія. Директоръ Общества, С. Куторга, говорилъ объ особенномъ, имъ впервые наблюденномъ строеніи *унгулитоваго песчаника* силюрійскихъ пластовъ рѣки Луги, близъ Ямбурга. — О первоначальномъ образованіи земного шара — сказалъ г. Куторга — у насъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ; мы знаемъ неболѣе какъ поверхностную кору его, дѣйствіемъ огня и воды нѣсколько разъ измѣнявшуюся и въ своемъ внутреннемъ составѣ, и въ наружной формѣ. Всѣ эти измѣненія состояли въ томъ, что древнѣйшіе пласты постепенно разрушались, и изъ ихъ частей образовались новые пласты. Вулканическій огонь и теперь еще, разрушая старое, выбрасываетъ его на поверхность земли, то въ видѣ грязи, то въ формѣ пепла, огарей, шлаковъ, или лавы. Дожди, тающіе снѣга и рѣки, быстро разъѣдаютъ цѣлыя горы, и увлекаютъ ихъ составныя части въ озера и моря, гдѣ осажденіемъ ихъ на дно, образуются новые планеты.

Однимъ словомъ, всѣ доселѣ изслѣдованныя горныя породы, суть либо *огненнаго*, либо *воднаго*, или *осадочнаго* происхожденія. Разсмотрѣвъ ближе эти послѣднія, мы увидимъ, что онѣ происходили двоякимъ образомъ, такъ называемымъ *химическимъ*, или *механическимъ* путемъ. Въ первомъ случаѣ минеральныя частицы, увлеченныя водою, растворяются въ ней и потомъ осаждаются болѣе или менѣе правильно, даже кристаллически. Во второмъ, болѣе грубыя частицы падаютъ по своей тяжести на дно моря, образуя пласты, состоящіе изъ механической смѣси минеральныхъ частицъ, которыя иногда до того бываютъ крупны, что ихъ легко отличить простымъ глазомъ, даже можно по одиначкѣ брать въ руки. На такихъ горныхъ породахъ ясно видно, что онѣ образовались на счетъ разрушенныхъ, обломанныхъ прежде уже существовавшихъ, и потому ихъ называютъ по преимуществу *обломочными породами*. Къ нимъ принадлежатъ всѣ песчаники, а слѣдовательно и нашъ унгулитовый

Изслѣдовавъ составъ этого песчаника, С. Куторга нашелъ, что углекислая известь, связывающая его кварцевыя зерна, представляетъ здѣсь превосходное *шпатовое сложеніе*. Въ тѣхъ мѣстахъ породы, гдѣ шпатовое сложеніе не такъ ясно, преизобилуютъ кварцевыя зерна, слабо связанныя между собою. Къ этимъ двумъ составнымъ частямъ примѣшаны во множествѣ очень раздробленныя частички и даже совершенно полные экземпляры унгулитовъ (раковинъ). Наконецъ по-

[ка]левой шпатъ песчаника окрашенъ въ буро кирпичный цвѣтъ окисомъ желѣза.

Вообще, по составнымъ частямъ своимъ, и по своему наружному виду, песчаникъ этотъ очень напоминаетъ граниты, съ тою только разностью, что мѣсто слюды здѣсь заступаютъ унгулиты, и это сходство съ гранитомъ поразительно въ особенности на твердыхъ кускахъ съ свѣжимъ изломомъ.

С. С. Куторга изложилъ наблюденія свои надъ образованіемъ и геогностическимъ положеніемъ новѣйшихъ *известковыхъ туфовъ* С. Петербургской губерніи.

Туфами или осадками называются ноздреватые, легкіе известняки, образующіеся на днѣ холодныхъ прѣсныхъ водъ, богатыхъ углекислотою и содержащихъ въ растворѣ известь, которая осаждается вслѣдствіе постепеннаго испаренія воды.

Вся именная сѣверная полоса нашей губерніи, идущая по южному берегу Невы и Финскаго залива, представляетъ превосходныя условія развитія туфовъ. Ея рѣчки начинаются въ ущеліяхъ и трещинахъ силурійскихъ известняковъ очень холодными и прозрачными ключами, содержащими въ растворѣ большое количество углекислой извести. Протекая [illegible] по [illegible], ровнымъ пространствамъ, онѣ значительно нагрѣваются и принимаютъ какъ губку окрестныя болота. въ [illegible] вода быстро испаряется и осаждаетъ известь на нихъ. [illegible] листья и сучья или въ [illegible] пространства. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] такимъ образомъ [illegible] представляютъ [illegible] различной величины глыбы. [illegible] или [illegible] [illegible] и какъ бы [illegible] иногда зернистыя [illegible]

Чтобъ видѣть [illegible] — [illegible] — [illegible] обширнымъ и [illegible] [illegible] [illegible] рокую, [illegible] [illegible] царкъ. Съ трехъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

расходы на желѣзныхъ дорогахъ сравнительно съ доходами значительнѣе при возкѣ пассажировъ, чѣмъ при возкѣ товаровъ, и сборъ съ перевозки товаровъ доставляетъ сумму дохода болѣе значительную, чѣмъ перевозка пассажировъ. Слѣдовательно, надо заключить, что на перевозкѣ тяжестей должны основываться главныя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ, въ противность тому, какъ до сихъ поръ полагали. (См. любопытныя данныя объ этомъ предметѣ въ Ж. М. Г. И. №1 1848 г.).

— Императорское Минералогическое Общество, 30 ноября и 14 декабря прошедшаго года, имѣло свои 12-е и 13-е собранія. Директоръ Общества, С. Куторга, говорилъ объ особенномъ, имъ впервые наблюденномъ строеніи *унгулитоваго песчаника* силюрійскихъ пластовъ рѣки Луги, близъ Ямбурга. — О первоначальномъ образованіи земного шара — сказалъ г. Куторга — у насъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ; мы знаемъ неболѣе какъ поверхностную кору его, дѣйствіемъ огня и воды нѣсколько разъ измѣнявшуюся и въ своемъ внутреннемъ составѣ, и въ наружной формѣ. Всѣ эти измѣненія состояли въ томъ, что древнѣйшіе пласты постепенно разрушались, и изъ ихъ частей образовались новые пласты. Вулканическій огонь и теперь еще, разрушая старое, выбрасываетъ его на поверхность земли, то въ видѣ грязи, то въ формѣ пепла, огарей, шлаковъ, или лавы. Дожди, тающіе снѣга и рѣки, быстро разъѣдаютъ цѣлыя горы, и увлекаютъ ихъ составныя части въ озера и моря, гдѣ осажденіемъ ихъ на днѣ, образуются новые планеты.

Однимъ словомъ, всѣ доселѣ изслѣдованныя горныя породы, суть либо *огненнаго*, либо *воднаго*, или *осадочнаго* происхожденія. Разсмотрѣвъ ближе эти послѣднія, мы увидимъ, что онѣ происходили двоякимъ образомъ, такъ называемымъ *химическимъ*, или *механическимъ* путемъ. Въ первомъ случаѣ минеральныя частицы, увлеченныя водою, растворяются въ ней и потомъ осаждаются болѣе или менѣе правильно, даже кристаллически. Во второмъ, болѣе грубыя частицы падаютъ по своей тяжести на дно моря, образуя пласты, состоящіе изъ механической смѣси минеральныхъ частицъ, которыя иногда до того бываютъ крупны, что ихъ легко отличить простымъ глазомъ, даже можно по одиначкѣ брать въ руки. На такихъ горныхъ породахъ ясно видно, что онѣ образовались на счетъ разрушенныхъ, обломанныхъ прежде уже существовавшихъ, и потому ихъ называютъ по преимуществу *обломочными породами*. Къ нимъ принадлежатъ всѣ песчаники, а слѣдовательно и нашъ унгулитовый

Изслѣдовавъ составъ этого песчаника, С. Куторга нашелъ, что углекислая известь, связывающая его кварцевыя зерна, представляетъ здѣсь превосходное *шпатовое сложеніе*. Въ тѣхъ мѣстахъ породы, гдѣ шпатовое сложеніе не такъ ясно, преизобилуютъ кварцевыя зерна, слабо связанныя между собою. Къ этимъ двумъ составнымъ частямъ примѣшаны во множествѣ очень раздробленныя частички и даже совершенно полные экземпляры унгулитовъ (раковинъ). Наконецъ по-

левой шпатъ песчаника окрашенъ въ буро кирпичный цвѣтъ окисломъ желѣза.

Вообще, по составнымъ частямъ своимъ, и по своему наружному виду, песчаникъ этотъ очень напоминаетъ граниты, съ тою только разностью, что мѣсто слюды здѣсь заступаютъ ушулиты, и это сходство съ гранитомъ поразительно въ особенности на твердыхъ кускахъ съ свѣжимъ изломомъ.

С. С. Куторга изложилъ наблюденія свои надъ образованіемъ и геогностическимъ положеніемъ новѣйшихъ известковыхъ туфовъ С. Петербургской губерніи.

Туфами или осадками называются воздреватые, легкіе известняки, образующіеся на днѣ холодныхъ прѣсныхъ водъ, богатыхъ углекислотою и содержащихъ въ растворѣ известь, которая осаждается вслѣдствіе постепеннаго испаренія воды.

Вся низменная сѣверная полоса нашей губерніи, идущая по южному берегу Невы и Финскаго залива, представляетъ превосходныя условія развитія туфовъ. Ея рѣчки начинаются въ ущеліяхъ и трещинахъ силюрійскихъ известняковъ очень холодными и прозрачными ключами, содержащими въ растворѣ большое количество углекислой извести. Протекая впослѣдствіи по низменнымъ, ровнымъ пространствамъ, онѣ значительно нагрѣваются и пропитываютъ какъ губку окрестныя болота, въ которыхъ вода быстро испаряется и осаждаетъ известь на мхи, древесныя листья и сучья, или въ свободныя пространства, подъ поверхностнымъ зыбкимъ болотнымъ дерномъ. Окрѣпшая такимъ образомъ известь, представляетъ иногда различной величины глыбы, болѣе или менѣе воздреватыя и какъ бы разъѣденныя, иногда зернистый, разсыпающійся слой извести.

Чтобъ видѣть развитіе туфовъ — говоритъ г. Куторга — въ разсѣрѣ обширномъ и въ разнообразныхъ формахъ, надобно посѣтить широкую, низменную котловину, на которой раскинутъ Ропшинскій паркъ. Съ трехъ сторонъ ее опоясываютъ высокіе обрывы силюрійскихъ известняковъ, представляющіе то поросшіе зеленью скаты, то голыя стѣны, выдающіеся углы, или глубокія трещины; къ сѣверу она сливается съ низменною полосою губерніи. Въ глубинѣ одной изъ таковыхъ трещинъ или овраговъ, у мѣльницы деревни *Большія Горки*, вытекаетъ рѣчка *Стрелка*, получающая притоки, изъ-подъ Кипеня, изъ Ропшинскихъ прудовъ, и изъ силюрійскаго оврага близъ деревни Михайловой, богатаго превосходными экземплярами трилобитовъ. Она быстро бѣжитъ къ сѣверному выходу котловины, прорѣзывая безчисленными своими изгибами голубую глину, и лежащій надъ нею не болѣе ¹/₄ аршина, желтоватый, слоистый песчаникъ. Берега ея, ниже парка, по всему протяженію котловины, очень низменны, и потому вода ея просачивается въ болота, отлагаетъ въ нихъ туфъ, мѣстами представляющій желтоватую известь, до того рыхлую, что ее можно разрывать палкою; мѣстами твердые желваки различной величины, или большія воздреватыя весьма легкія глыбы, снѣж-

[illegible]

[illegible]

[illegible] почти [illegible] Въ [illegible] бьетъ [illegible] быстро бѣгущую по глубокой [illegible] пласты [illegible] Недоходя [illegible] глубина рѣчки значительно расши- [illegible] около двухъ верстъ [illegible] Вся котловина [illegible] пластами [illegible] Известняки эти [illegible] болотныхъ, о которыхъ [illegible] пластами, часто [illegible] желтоватаго цвѣта. [illegible] чрезвычай- [illegible] рядовъ [illegible] съ тѣми [illegible] что [illegible] требуетъ еще болѣе точ- [illegible]

[illegible] Іудесть [illegible] здѣсь нѣкогда [illegible] котораго поверхность усилива- [illegible] на нѣ известь, обле- [illegible] постепенно всѣ [illegible]

[illegible] — [illegible] распадается на [illegible] болотныхъ туфовъ, существу- [illegible] сомнѣнія, что раз- [illegible] такъ медленно.

что человѣческой жизни едва ли достаточно для того, чтобъ замѣтить и убѣдиться въ этомъ, такъ сказать осязательно. 2) Развитіе озернаго пудостскаго туфа прекратилось совершенно; обнаженные пласты его лежатъ теперь на сушѣ, внѣ всякаго вліянія рѣчки, теперь бѣдной водою, и слѣдовательно матеріаломъ углекислой извести. Конечно, на днѣ борозды, вырѣзанной рѣчкою въ этихъ туфахъ, въ особенности же ближе къ берегамъ, на мхахъ, каждый легко можетъ замѣтить еще свѣжую, едва отложившуюся известь, въ видѣ мельчайшаго порошка, или жидкости, похожей на сливки; но это отложеніе слишкомъ ничтожно, и сверхъ того, образуется насыпь отъ разрушенія старыхъ пластовъ, и тутъ же уносится и смывается значительною быстротою Пудости, которая отлагаетъ матеріалъ этотъ въ болотахъ ниже *Пудостской мельницы*, и доставляетъ Ижорѣ столь большое содержаніе извести, что всѣ пруды чрезвычайно болотнаго Гатчинскаго парка, стоящіе нѣсколько выше устья Пудости, пропитываются известью до того, что отлагаютъ ее во множествѣ на всѣ болотныя растенія ихъ дна. Прошлымъ лѣтомъ очищали эти пруды, и извлеченныя груды состояли исключительно изъ извести въ видѣ инкрустацій на растеніяхъ. — Рѣка Ижора, даже гораздо ниже Гатчины, такъ еще много содержитъ извести, что у деревни *Антелевой*, снова залегаютъ въ берегахъ ея болотные туфы, представляющіе шарообразныя отдѣльности, съ кулакъ толщиною, лежащія въ толщѣ слабой, разсыпающейся извести.

Пудостскій известнякъ, на самомъ мѣстѣ ломки, пожигается на известь, и изъ плотныхъ, желтоватыхъ кусковъ, выпиливаютъ таблицы для водоочистительныхъ машинъ. Онъ очень легокъ, удобно пилится на куски любой величины и формы, и потому дѣлали изъ него пробы построекъ, которыя оказались однакожь не прочными въ нашемъ непостоянномъ климатѣ. Въ Петербургѣ изъ него выведены наружныя колонны и обкладка стѣнъ Казанскаго собора; въ Гатчинѣ обелискъ и перила моста, ведущаго отъ обелиска въ главную улицу; въ Петергофѣ колонны противъ сѣвернаго дворцоваго фасада.

Въ заключеніе собранія директоръ С. Куторга прочелъ отчетъ свой о дѣйствіяхъ Общества и о ходѣ геогностическихъ, палеонтологическихъ и минералогическихъ наукъ въ Россіи вообще, за 1847 г. — Исчисливъ оригинальныя наблюденія и открытія сочленовъ Общества, въ кругѣ его дѣятельности и внѣ его, г. Куторга сказалъ: Ученыя Общества никогда не должны являться какъ бы кастами, заключенными въ самихъ себя. Они становятся органами вполнѣ дѣятельными въ наукѣ, и тѣмъ самымъ благодѣтельными для соотчичей, когда видятъ въ своемъ соединеніи, не болѣе какъ одинъ изъ многихъ центровъ, вѣчно подвижныхъ, никогда неумолкающихъ въ своей дѣятельности, направленной постоянно къ одному и тому же исходному пункту, къ выясненію и всеобщему распространенію чистыхъ истинъ круга своихъ наукъ.

расходы на желѣзныхъ дорогахъ сравнительно съ доходами значительнѣе при возкѣ пассажировъ, чѣмъ при возкѣ товаровъ, и сборъ съ перевозки товаровъ доставляетъ сумму дохода болѣе значительную, чѣмъ перевозка пассажировъ. Слѣдовательно, надо заключить, что на перевозкѣ тяжестей должны основываться главныя выгоды отъ желѣзныхъ дорогъ, въ противность тому, какъ до сихъ поръ полагали. (См. любопытныя данныя объ этомъ предметѣ въ Ж. М. Г. И. №1 1848 г.).

— Императорское Минералогическое Общество, 30 ноября и 14 декабря прошедшаго года, имѣло свои 12-е и 13-е собранія. Директоръ Общества, С. Куторга, говорилъ объ особенномъ, имъ впервые наблюденномъ строеніи *унгулитоваго песчаника* силюрійскихъ пластовъ рѣки Луги, близъ Ямбурга. — О первоначальномъ образованіи земного шара — сказалъ г. Куторга — у насъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ; мы знаемъ неболѣе какъ поверхностную кору его, дѣйствіемъ огня и воды нѣсколько разъ измѣнявшуюся и въ своемъ внутреннемъ составѣ, и въ наружной формѣ. Всѣ эти измѣненія состояли въ томъ, что древнѣйшіе пласты постепенно разрушались, и изъ ихъ частей образовались новые пласты. Вулканическій огонь и теперь еще, разрушая старое, выбрасываетъ его на поверхность земли, то въ видѣ грязи, то въ формѣ пепла, огарей, шлаковъ, или лавы. Дожди, тающіе снѣга и рѣки, быстро разъѣдаютъ цѣлыя горы, и увлекаютъ ихъ составныя части въ озера и моря, гдѣ осажденіемъ ихъ на днѣ, образуются новые планеты.

Однимъ словомъ, всѣ доселѣ изслѣдованныя горныя породы, суть либо *огненнаго*, либо *воднаго*, или *осадочнаго* происхожденія. Разсмотрѣвъ ближе эти послѣднія, мы увидимъ, что онѣ происходили двоякимъ образомъ, такъ называемымъ *химическимъ*, или *механическимъ* путемъ. Въ первомъ случаѣ минеральныя частицы, увлеченныя водою, растворяются въ ней и потомъ осаждаются болѣе или менѣе правильно, даже кристаллически. Во второмъ, болѣе грубыя частицы падаютъ по своей тяжести на дно моря, образуя пласты, состоящіе изъ механической смѣси минеральныхъ частицъ, которыя иногда до того бываютъ крупны, что ихъ легко отличить простымъ глазомъ, даже можно по одиначкѣ брать въ руки. На такихъ горныхъ породахъ ясно видно, что онѣ образовались на счетъ разрушенныхъ, обломанныхъ прежде уже существовавшихъ, и потому ихъ называютъ по преимуществу *обломочными породами*. Къ нимъ принадлежатъ всѣ песчаники, а слѣдовательно и нашъ унгулитовый

Изслѣдовавъ составъ этого песчаника, С. Куторга нашелъ, что углекислая известь, связывающая его кварцевыя зерна, представляетъ здѣсь превосходное *шпатовое сложеніе*. Въ тѣхъ мѣстахъ породы, гдѣ шпатовое сложеніе не такъ ясно, преизобилуютъ кварцевыя зерна, слабо связанныя между собою. Къ этимъ двумъ составнымъ частямъ примѣшаны во множествѣ очень раздробленныя частички и даже совершенно полные экземпляры унгулитовъ (раковинъ). Наконецъ по-

левой шпатъ песчаника окрашенъ въ буро кирпичный цвѣтъ окисломъ желѣза.

Вообще, по составнымъ частямъ своимъ, и по своему наружному виду, песчаникъ этотъ очень напоминаетъ граниты, съ тою только разностью, что мѣсто слюды здѣсь заступаютъ унгулиты, и это сходство съ гранитомъ поразительно въ особенности на твердыхъ кускахъ съ свѣжимъ изломомъ.

С. С. Куторга изложилъ наблюденія свои надъ образованіемъ и геогностическимъ положеніемъ новѣйшихъ *известковыхъ туфовъ* С. Петербургской губерніи.

Туфами или осадками называются ноздреватые, легкіе известняки, образующіеся на днѣ холодныхъ прѣсныхъ водъ, богатыхъ углекислотою и содержащихъ въ растворѣ известь, которая осаждается вслѣдствіе постепеннаго испаренія воды.

Вся низменная сѣверная полоса нашей губерніи, идущая по южному берегу Невы и Финскаго залива, представляетъ превосходныя условія развитія туфовъ. Ея рѣчки начинаются въ ущеліяхъ и трещинахъ силюрійскихъ известняковъ очень холодными и прозрачными ключами, содержащими въ растворѣ большое количество углекислой извести. Протекая впослѣдствіи по низменнымъ, ровнымъ пространствамъ, онѣ значительно нагрѣваются и пропитываютъ какъ губку окрестныя болота, въ которыхъ вода быстро испаряется и осаждаетъ известь на мхи, древесныя листья и сучья, или въ свободныя пространства, подъ поверхностнымъ зыбкимъ болотнымъ дерномъ. Окрѣпшая такимъ образомъ известь, представляетъ иногда различной величины глыбы, болѣе или менѣе ноздреватыя и какъ бы разъѣденныя, иногда зернистый, разсыпающійся слой извести.

Чтобъ видѣть развитіе туфовъ — говоритъ г. Куторга — въ разкрѣ обширномъ и въ разнообразныхъ формахъ, надобно посѣтить широкую, низменную котловину, на которой раскинутъ Ропшинскій паркъ. Съ трехъ сторонъ ее опоясываютъ высокіе обрывы силюрійскихъ известняковъ, представляющіе то поросшіе зеленью скаты, то голыя стѣны, выдающіеся углы, или глубокія трещины; къ сѣверу она сливается съ низменною полосою губерніи. Въ глубинѣ одной изъ таковыхъ трещинъ или овраговъ, у мѣльницы деревни *Большія Горки*, вытекаетъ рѣчка *Стрѣлка*, получающая притоки, изъ-подъ Кипеня, изъ Ропшинскихъ прудовъ, и изъ силюрійскаго оврага близъ деревни Михайловой, богатаго превосходными экземплярами трилобитовъ. Она быстро бѣжитъ къ сѣверному выходу котловины, прорѣзывая безчисленными своими изгибами голубую глину, и лежащій надъ нею не болѣе ¼ аршина, желтоватый, слоистый песчаникъ. Берега ея, ниже парка, по всему протяженію котловины, очень низменны, и потому вода ея просачивается въ болота, отлагаетъ въ нихъ туфъ, мѣстами представляющій желтоватую известь, до того рыхлую, что ее можно разрывать палкою; мѣстами твердые желваки различной величины, или большія ноздреватыя весьма легкія глыбы, снѣж-

но-бѣлаго или охрянаго цвѣта, которыми завалены многіе дворы деревни Михайловой. — Точно такіе же ноздреватые туфы, залегаютъ въ болотахъ, на западъ отъ Ропши, у деревень *Забродье*, *Ядино*, гдѣ ихъ питаютъ ручьи, изъ которыхъ составленъ такъ называемый *Петергофскій каналъ*, и у *Гостилицъ*, по теченію рѣчки *Гостилки*.

Всѣ туфы, о которыхъ выше было говорено, называются *болотными туфами* или *известняками*; въ нихъ вовсе нѣтъ никакихъ раковинъ, потому-что животныя эти не любятъ жить въ стоячихъ, гнилыхъ водахъ болотъ. Они пригодны на пожогу извести, и очень кстати употреблены въ Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ, Петергофѣ, для искусственныхъ каскадовъ; ноздреватыя глыбы ихъ, наваленныя одна на другую, только слегка удерживаютъ теченіе воды, раздробляя ее на множество струекъ.

Явленія, интересныя въ иныхъ отношеніяхъ, представляетъ *Пудостскій известковый туфъ*, залегающій по нижней части теченія *Пудости*. — У деревни *Старыя Скворицы*, верстахъ въ 14-ти на с. з. отъ *Гатчины*, есть глубокій оврагъ, или трещина въ силюрійскихъ известнякахъ, начинающаяся узкимъ слѣпымъ концемъ, и идущая въ видѣ глубокой и довольно узкой, слегка вьющейся долины, почти вплоть до деревни *Большія Пудости*. Въ слѣпомъ углѣ бьетъ обильный водою, холодный ключь, который уже въ нѣсколькихъ саженяхъ ниже, образуетъ рѣчку *Пудость*, быстро бѣгущую по глубокой долинѣ, въ обоихъ берегахъ которой видны пласты силюрійскихъ известняковъ, съ ихъ характерными окаменѣлостями. Недоходя съ полверсты до деревни *Б. Пудости*, ложбина рѣчки значительно разширяется и дѣлается плоскою, образуя котловину, около двухъ верстъ длиною по теченію, и до 1½ версты шириною. Вся котловина выполнена толстыми горизонтальными пластами известковаго туфа, въ которомъ рѣчка прорѣзываетъ себѣ узкую ложбину. Известняки эти, во всѣхъ отношеніяхъ отличны отъ болотныхъ, о которыхъ говорено было выше. Они залегаютъ здѣсь правильными пластами, часто болѣе аршина толщиною, снѣжно-бѣлаго или слегка желтоватаго цвѣта, по большей части плотнаго сложенія, или съ ноздринками чрезвычайно мелкими; въ нихъ множество прѣсноводныхъ раковинъ изъ родовъ *Cyclas, Planorbis, Limnæus*, повидимому тождественныхъ съ тѣми, которыя и теперь здѣсь живутъ, что однакожь требуетъ еще болѣе точнаго изслѣдованія.

Изъ всего видно, что рѣчка Пудость разширялась здѣсь нѣкогда въ видѣ небольшаго, плоскаго озерка, котораго поверхность усиливала испареніе воды, и вслѣдствіе этого отлагала на днѣ известь, облекавшую жившія здѣсь же раковины и образовавшую постепенно всѣ видимые теперь пласты туфа.

Образуются ли эти туфы еще и теперь? — Отвѣтъ распадается на двѣ части: 1) Всѣ условія образованія болотныхъ туфовъ, существуютъ во всей силѣ и въ наше время, поэтому нѣтъ сомнѣнія, что развитіе новыхъ массъ ихъ продолжается, но притомъ такъ медленно,

что человѣческой жизни едва ли достаточно для того, чтобъ замѣтить и убѣдиться въ этомъ, такъ сказать осязательно. 2) Развитіе озернаго пудостскаго туфа прекратилось совершенно; обнаженные пласты его лежатъ теперь на сушѣ, внѣ всякаго вліянія рѣчки, теперь бѣдной водою, и слѣдовательно матеріаломъ углекислой извести. Конечно, на днѣ борозды, вырѣзанной рѣчкою въ этихъ туфахъ, въ особенности же ближе къ берегамъ, на мхахъ, каждый легко можетъ замѣтить еще свѣжую, едва отложившуюся известь, въ видѣ мельчайшаго порошка, или жидкости, похожей на сливки; но это отложеніе слишкомъ ничтожно, и сверхъ того, образуется насыпь отъ разрушенія старыхъ пластовъ, и тутъ же уносится и смывается значительною быстротою Пудости, которая отлагаетъ матеріалъ этотъ въ болотахъ ниже *Пудостской мельницы*, и доставляетъ Ижорѣ столь большое содержаніе извести, что всѣ пруды чрезвычайно болотнаго Гатчинскаго парка, стоящіе нѣсколько выше устья Пудости, пропитываются известью до того, что отлагаютъ ее во множествѣ на всѣ болотныя растенія ихъ дна. Прошлымъ лѣтомъ очищали эти пруды, и извлеченныя груды состояли исключительно изъ извести въ видѣ инкрустацій на растеніяхъ. — Рѣка Ижора, даже гораздо ниже Гатчины, такъ еще много содержитъ извести, что у деревни *Антелевой*, снова залегаютъ въ берегахъ ея болотные туфы, представляющіе шарообразныя отдѣльности, съ кулакъ толщиною, лежащія въ толщѣ слабой, разсыпающейся извести.

Пудостскій известнякъ, на самомъ мѣстѣ ломки, пожигается на известь, и изъ плотныхъ, желтоватыхъ кусковъ, выпиливаютъ таблицы для водоочистительныхъ машинъ. Онъ очень легокъ, удобно пилится на куски любой величины и формы, и потому дѣлали изъ него пробы построекъ, которыя оказались однакожь не прочными въ нашемъ непостоянномъ климатѣ. Въ Петербургѣ изъ него выведены наружныя колонны и обкладка стѣнъ Казанскаго собора; въ Гатчинѣ обелискъ и перила моста, ведущаго отъ обелиска въ главную улицу; въ Петергофѣ колонны противъ сѣвернаго дворцоваго фасада.

Въ заключеніе собранія директоръ С. Куторга прочелъ отчетъ свой о дѣйствіяхъ Общества и о ходѣ геогностическихъ, палеонтологическихъ и минералогическихъ наукъ въ Россіи вообще, за 1847 г. — Исчисливъ оригинальныя наблюденія и открытія сочленовъ Общества, въ кругѣ его дѣятельности и внѣ его, г. Куторга сказалъ: Ученыя Общества никогда не должны являться какъ бы кастами, заключенными въ самихъ себя. Они становятся органами вполнѣ дѣятельными въ наукѣ, и тѣмъ самымъ благодѣтельными для соотчичей, когда видятъ въ своемъ соединеніи, не болѣе какъ одинъ изъ многихъ центровъ, вѣчно подвижныхъ, никогда неумолкающихъ въ своей дѣятельности, направленной постоянно къ одному и тому же исходному пункту, къ выясненію и всеобщему распространенію чистыхъ истинъ круга своихъ наукъ.

— Жизнь мысли проявляется въ различныхъ фактахъ. Указавъ въ предъидущемъ нумерѣ нашего журнала на появленіе книгъ для чтенія народа, какъ на одинъ изъ доводовъ справедливости того, что дѣло религіозно-нравственнаго образованія народа составляетъ одинъ изъ настоятельныхъ вопросовъ нашей современности, мы не можемъ не привести здѣсь также мыслей объ этомъ предметѣ, изложенныхъ въ 34 № Спб. Вѣдомостей, г-мъ Порошинымъ. «Главное — говоритъ г. Порошинъ — при образованіи народа, состоитъ въ томъ, чтобы это образованіе не было дѣломъ случайности, пріобрѣталось бы методически, а не самоучкою. Для этого надобно имѣть *хорошихъ* учителей и въ достаточномъ количествѣ, а для образованія хорошихъ учителей необходимы хорошо-направленныя учительскія школы. Образцовая страна въ этомъ отношеніи есть Пруссія, гдѣ мы видимъ счастливое исполненіе на дѣлѣ того аѳоризма внутренней политики, что правительство не столько должно производить, сколько давать направленіе производящимъ силамъ народа. Книги безъ учителя — только пособія, и безъ него обойтись не могутъ, предполагая необходимо его содѣйствіе. Но отъ учителя прежде всего требуется, чтобы онъ былъ образованнѣе своихъ учениковъ. Мало того, если онъ будетъ только грамотный. Кругъ первоначальнаго обученія не составляетъ умѣнье читать, писать и считать; но школы первоначальнаго обученія (того и другого пола) должны имѣть предметомъ своимъ правильное развитіе человѣческихъ способностей посредствомъ преподаванія самыхъ необходимыхъ въ жизни свѣденій! Высшая цѣль ихъ — развитіе душевныхъ силъ, разума, ума, внѣшнихъ чувствъ и силъ тѣлесныхъ (гимнастикой). Объ этомъ предметѣ есть, между прочимъ, два отличныя сочиненія; одно: *Вильма: Essai sur l'éducation du peuple par J. Willm*, 1843, которое содержитъ въ себѣ подробный взглядъ на устройство учебной части и на способы согласовать это устройство съ цѣлью его назначенія. Авторъ говоритъ о нераздѣльности воспитанія и ученія, и видитъ въ послѣднемъ средство къ развитію способностей. Другое сочиненіе—*Жирара: De l'enseignement régulier de la langue maternelle, par le P. Greg. Girard*, 1844, развиваетъ мысль, что языкъ человѣческій есть прекрасное облаченіе всѣхъ понятій и чувствованій человѣчества, а правильное изученіе языка — откровеніе міра внѣшняго и внутренняго. Очевидно, что въ этомъ смыслѣ грамотность равнозначительна образованности, въ самомъ обширномъ значеніи слова, и лѣта, посвященныя ея изученію, могутъ служить напутствіемъ цѣлой жизни. Эта мысль — говоритъ г. Порошинъ — отозвалась и у насъ, только въ странномъ видѣ. Богатая и плодотворная въ самомъ уже начертаніи своемъ, она доведена до крайней степени нищеты въ брошюрахъ г. Маслова, въ Москвѣ, и подражателя его, г. Дмитріева, въ Петербургѣ. Г. Масловъ прочелъ въ *Journal des Débats* извѣстіе о наградѣ, присужденной Жирару, съ краткимъ, разумѣется, указаніемъ основной его мысли, и это, какъ кажется, внушило ему также мысль: «О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи», 1845 г. —

Благое намѣреніе достойно всякаго уваженія; но нельзя не подивиться тому, какъ легкомысленно авторъ надѣется достигнуть высшей цѣли образованія нравственно-религіознаго, одной перемѣной учебника, даже простой перемѣной шрифта».

— Сообщаемъ здѣсь опытъ усовершенствованія аэростатовъ, предпринятый у насъ въ Петербургѣ. Онъ принадлежитъ г. Тибо, давно уже занимающемуся физикою, химіей и механикою. Мы долгомъ считаемъ довести до свѣдѣнія публики его любопытныя изысканія. Вотъ его собственныя слова:

«При изобрѣтеніи воздухоплавательной машины принялъ я въ образецъ полетъ птицы и нашелъ, что необходимо соблюсти два условія: 1) привести всю машину въ уравновѣсіе съ воздухомъ, 2) сообщить ей силу, для производства которой не нуждались бы въ грузныхъ матеріялахъ и снарядахъ, требуемыхъ при подобныхъ извѣстныхъ силахъ, и потому неумѣстныхъ при этомъ изобрѣтеніи.

Уравновѣшеніе воздухоплавательной машины съ воздухомъ, какъ намъ уже извѣстно, достигается посредствомъ водороднаго газа, 3) Требуется изобрѣсть новое удобопримѣняемое средство для произведенія силы, что̀ мнѣ и удалось.

«Изъ физики извѣстно, что колона воздуха давленіе во всѣ стороны оказываетъ равное давленію 28 дюйм. ртутнаго столба; отселѣ на каждый квадр. дюймъ давленіе равно 20-ти фунтовой силѣ, но чтобъ воспользоваться этою силою давленія, необходимо имѣть воздушное пространство, образованіе котораго я основалъ на химическомъ сродствѣ тѣлъ, а въ особенности калія съ угольною кислотою; многіе опыты убѣдили меня, что кали мгновенно поглощаетъ угольную кислоту, и въ сосудѣ, въ которомъ она находилась, образуется совершенная пустота, такъ-что воздухъ можетъ произвести посредствомъ здѣсь описанной машины желаемое давленіе и составить требуемую безпрерывную силу».

— Мы уже извѣщали читателей о «Романахъ, Повѣстяхъ и Разсказахъ» *Е. П. Гребенки*, которые выходятъ съ начала нынѣшняго года небольшими красивыми томиками. Теперь такихъ томиковъ вышло уже *пять*.... Успѣхъ въ публикѣ этихъ книжечекъ всего лучше говоритъ въ ихъ пользу, а успѣхъ этотъ такъ значителенъ, что рѣдкая русская книга, даже и въ первый разъ появляющаяся въ печати, пользуется такимъ успѣхомъ. Причина этого успѣха столько же въ несомнѣнномъ талантѣ автора, сколько и въ самомъ характерѣ этого таланта — легкаго и остраго, схватывающаго на лету явленія жизни и останавливающагося на нихъ именно на столько, чтобъ не утомить вниманія читателя, всегда болѣе или менѣе развлеченнаго, болѣе или менѣе усталаго и привыкшаго искать въ книгѣ отдохновенія.... Вотъ содержаніе этихъ пяти книжекъ:

Томъ I: Искатель мѣста. — Вѣрное лекарство. — Такъ иногда люди женятся. Томъ II: Иванъ Ивановичъ. — Горевъ, Николай Ѳедо-

ровичъ. Томъ III: Быль не быль и не сказка. — Лука Прохоровичъ. — Мачиха и Панночка. Томъ IV: Нѣжинскій полковникъ Золотаренко. — Куликъ. — Первый концертъ Рубини. Томъ V: Записки Студента. — Факторъ.

Сколько чтенія занимательнаго и разнообразнаго!... И все это за 1 р. 25 коп. сер. (потому-что, какъ мы уже извѣщали, томикъ сочиненій г. Гребенки стоитъ только 25 к. серебр.). Мы уже говорили, что отдадимъ подробный отчетъ о сочиненіяхъ г. Гребенки, когда накопится побольше выпусковъ; теперь же совѣтуемъ запастись вышедшими до нынѣ томиками всѣмъ любителямъ чтенія занимательнаго, легкаго и разнообразнаго....

— Господинъ Неваховичъ, издатель каррикатурнаго альбома: «Ералашъ», просилъ насъ довести до нашихъ читателей слѣдующее извѣстіе:

«Неожиданный успѣхъ «Ералаша», постоянное вниманіе, кото-«рымъ онъ пользовался въ теченіи двухъ лѣтъ, служитъ доказатель-«ствомъ, что такого рода изданія начинаютъ входить у насъ въ по-«требность. Это заставляетъ меня еще дѣятельнѣе заняться моимъ «каррикатурнымъ альбомомъ и употребить всѣ зависящія отъ меня «средства, чтобы сдѣлать его болѣе достойнымъ вниманія русской «публики. Съ нынѣшняго года изданіе «Ералаша» будетъ находиться «въ полномъ моемъ распоряженіи и завѣдываніи. Заботясь о разно-«образіи и занимательности содержанія, я принялъ уже мѣры къ «улучшенію и наружнаго вида моего изданія. Въ теченіи 1848 года, «по примѣру прошлыхъ годовъ, мною изданы будутъ, одна за дру-«гою, *четыре* тетради. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ отъ «5 до 6 листовъ и въ каждый листъ войдутъ отъ 6 до 12 каррикатур-«ныхъ рисунковъ».

«Подписка на Ералашъ 1848 года принимается въ книжномъ ма-«газинѣ Ратькова и комп.

Господа Степановъ и Даргомыжскій предприняли изданіе «Музыкальнаго Альбома», который появится въ свѣтъ къ святой нынѣшняго года.

Онъ будетъ состоять изъ пьесъ: гг. Глинки, кн. Одоевскаго, гр. Вельегорскаго, Львова, Варламова, Алябьева, Даргомыжскаго, Толстаго, князя Кастріота-Скандарбека и другихъ. При каждой пьесѣ будетъ приложена каррикатура композитора. Всѣхъ каррикатуръ будетъ 10, и всѣ онѣ будутъ нарисованы г. Степановымъ.

Дарованіе композиторовъ ручается за достоинство музыкальныхъ пьесъ, а что̀ касается до каррикатуръ, то мы напередъ увѣрены, что онѣ будутъ и остроумны и оригинальны: г. Степановъ мастеръ своего дѣла, въ чемъ наши читатели скоро удостовѣрятся, получивъ «Иллюстрированный Альманахъ», въ которомъ найдутъ между прочимъ восемь превосходныхъ каррикатуръ работы г. Степанова.

II.

Новости англійской и французской литературы: Альфредъ Теннисонъ. — Самуилъ Варренъ и его новый романъ. — Шекспиръ-ростовщикъ. — Разоблаченіе литературныхъ обмановъ, соч. г. Керара. — Новое изданіе Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ. — Естественная исторія Плинія, переведенная г-мъ Литтре.—Записка поданная г. Вернетомъ въ Парижскую Академію Художествъ. — Разныя извѣстія: — Памятникъ Жоффруа Сентъ-Илеру. — Монте-Кристо, драма г. Дюма. — Продолженіе процесса графа Мортье.

Парламентскія бури и наконецъ страшныя событія, совершившіяся во Франціи, изгнали совершенно въ послѣднее время изъ французскихъ журналовъ литературный фельетонъ и беллетристику, — и потому мы ограничимся нынѣшній мѣсяцъ только краткими извѣстіями о новостяхъ англійской и французской литературы....

— Англійскій писатель Альфредъ Теннисонъ написалъ новую поэму: «*Принцесса*». Говорятъ, это одно изъ лучшихъ его произведеній.

— Самуэль Варренъ издалъ романъ *Now and then* (Теперь и Прежде), содержаніе котораго заимствовано изъ собранія замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ. Вотъ въ чемъ состоитъ это содержаніе: одно честное семейство, вслѣдствіе своего нерасчетливаго великодушія, дошло до совершенной бѣдности. Оно владѣетъ еще клочкомъ своего наслѣдія, но и отсюда старается выжить его управитель графа Мильверстона. Сопротивленія бѣднаго Айлиффа и его сына сердятъ управителя; онъ клянется погубить ихъ и обвиняетъ молодого Айлиффа въ нарушеніи законовъ охоты. Айлиффъ осужденъ, и у него вырываются угрозы противъ управителя. Нѣсколько дней спустя, праздникъ въ замкѣ прерванъ убіеніемъ лорда Алькмонда, сына графа Мильверстона. Несчастный найденъ весь въ крови, въ паркѣ; въ тоже время увидѣли бѣгущаго Айлиффа, бросились за нимъ въ погоню и схватили. Айлиффъ отданъ подъ судъ, управитель дѣлаетъ показаніе противъ него, и онъ осужденъ на смертную казнь Только два человѣка не теряютъ вѣры въ его невинность: старикъ отецъ и Гильтонъ, приходскій священникъ, надѣющійся найти возможность оправдать его передъ судомъ. Но отецъ убитаго такъ твердо убѣжденъ въ справедливости приговора присяжныхъ, что малѣйшую отсрочку въ исполненіи его считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ. Капитанъ полка, въ которомъ служилъ сынъ его, могъ бы сказать кое-что въ пользу осужденнаго, но лордъ не позволяетъ ему говорить. Священникъ не теряетъ между тѣмъ бодрости, спѣшитъ въ Лондонъ и выпрашиваетъ нѣсколько дней отсрочки для дополнительнаго изслѣдованія дѣла; но пересмотръ процесса приводитъ только къ подтвержденію приговора. Гильтонъ находитъ доступъ къ королю, и король смягчаетъ наказаніе: Айлиффъ отправленъ въ ссылку. Двадцать лѣтъ

— 2 февраля на Историческомъ театрѣ дана была въ первый разъ первая часть исполинской драмы г. Дюма: *Монте-Кристо*. Вторая часть этой драмы представлена была на другой день.

— 8 февраля въ одномъ изъ парижскихъ судовъ начались слѣдствія по дѣлу графа Мортье. Графъ, который находится теперь въ больницѣ ума лишенныхъ у г-жи Деламарисъ, испросилъ дозволеніе присутствовать при слѣдствіи. Г-жа Мортье также присутствовала при этомъ слѣдствіи... Графъ Мортье предлагалъ нѣсколько вопросы свидѣтелямъ. По окончаніи засѣданія, онъ снова отвезенъ былъ въ Больницу. — Когда окончится это дѣло, еще неизвѣстно.

V.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ОДѢВАТЬСЯ КЪ ЛИЦУ.

ОПЫТЪ ВЕЛИКО-СВѢТСКАГО РОМАНА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

ДАЧА ЖИЗНИ НАЧИНАЕТЪ ПОНЕМНОГУ РАСКРЫВАТЬСЯ МУЖУ МОЕЙ ГЕРОИНИ.

О, какъ грустна жизнь, господа! какъ грустна, какъ тяжела эта пыль, повседневная дѣйствительность, которая преслѣдуетъ васъ всюду! Духъ вашъ стремится въ міръ горній, въ міръ мечты, онъ хочетъ расплыться огромною рѣкою — и въ ней уже свѣжѣетъ зелень деревъ, лазурь неба, человѣкъ дышетъ тихою зыбью пьетъ свѣтъ, звучитъ, какъ прекрасно-настроенная арфа; а тутъ въ эти чудныя, высоко-поэтическія минуты является передъ вами вашъ камердинеръ говоритъ:

— Ваше сіятельство, вотъ счетъ изъ англійскаго магазина; прикажетъ дожидается. Что прикажете сказать.

Такъ проходили недѣли и мѣсяцы. Вкусъ его незамѣтно развивался и очищался съ каждымъ днемъ... Онъ начиналъ понимать, что истинно изящное – просто и никогда не бросается въ глаза. Вслѣдствіе этого онъ подарилъ всѣ свои пестрые бархатные и атласные жилеты своему камердинеру....

Для него начинался новый періодъ жизни....

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

II.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

ШЛЯПКИ. — КАПОТЫ И ПЛАТЬЯ. — МАНТИЛЬИ. — ШУБЫ И САЛОПЫ. — БАЛЬНЫЕ ТУАЛЕТЫ.

Всѣ театры во время вечернихъ и утреннихъ спектаклей на Масляницѣ были полны. Особенно блестящъ былъ утренній спектакль въ воскресенье на Большомъ театрѣ. Здѣсь присутствовала почти вся высшая петербургская публика. Это былъ послѣдній спектакль нынѣшняго театральнаго сезона, въ которомъ участвовала г-жа Фреццолини. Она была осыпана рукоплесканіями и букетами. Въ ложахъ и бенуарахъ не было ни одной дамы съ открытой головой. Шляпки преимущественно были бѣлыя, изъ неразрѣзного бархата. Замѣчены также шляпки цвѣта *maïs*. Этотъ цвѣтъ также идетъ къ брюнеткамъ, какъ *вердъ-де-гри* къ блондинкамъ. Тюль-бульоне подъ шляпками есть истинно геніяльная выдумка: ничто такъ не освѣжаетъ кожи и не оттѣняетъ румянца, какъ тюль. Лентъ и цвѣтовъ подъ шляпками не носятъ.

Капоты и платья дѣлаются бо́льшею частью изъ *пу-де-суа* свѣтлыхъ цвѣтовъ. Бѣлыя шолковыя мантильи въ большомъ употребленіи; ихъ не носятъ только съ темными бархатными платьями.

При разъѣздахъ изъ театровъ замѣчено нами много богатыхъ бархатныхъ шубъ, эти шубы всѣ безъ капишоновъ. Впрочемъ, чтобы вполнѣ насладиться зрѣлищемъ *великолѣпныхъ* салоповъ, надо было отправиться подъ горы часу въ 4-мъ и 5-мъ. Въ эти часы послѣ обѣда прокатывались дамы изъ купеческаго сословія... Но при этомъ богатствѣ какое безвкусіе, какіе яркіе цвѣта!... Одинъ салопъ дороже и безвкуснѣе другого, и капишоны этихъ салоповъ, о ужасъ! обшиты аграмантомъ....

На вечернихъ спектакляхъ, дамскіе туалеты отличались необыкновенною роскошью и изяществомъ.... Бальныя туалеты (а баловъ

въ послѣднее время въ Петербургѣ было очень много) доведены до совершенства. Невозможно передать всей легкости, прелести и разнообразія этихъ туалетовъ.... Креповыя платья не украшаются кружевами; кружева есть принадлежность шолковыхъ матерій. Бархатныхъ бальныхъ платьевъ не такъ много....

Вотъ туалетъ, на который мы не могли необратить особеннаго вниманія. Дама, которой принадлежалъ этотъ туалетъ — блондинка. Волосы ея причесаны *à la Sevignée* и коса убрана жемчугомъ. Платье на ней изъ бѣлаго шолковаго тюля, юбка покрыта буфами изъ тюля, *драпри* изъ тюля и маленькія буфы образуютъ рукавчики; ни одной ленты, ни кружевъ, ни цвѣтовъ, ни перьевъ, — но какъ это платье хорошо и нарядно!

Вотъ еще одинъ туалетъ, поразившій насъ своею оригинальностію и смѣлостію:

Темно-каштановые волосы спускаются на грудь длинными локонами, между ними маленькія кисти винограда съ зеленью; коса обвита виноградными листьями. Бѣлое платье-муаре украшено тремя большими фальборами; на бертѣ вокругъ плечъ вьются виноградныя листья и почти закрываютъ лифъ спереди. На рукахъ браслеты съ изумрудами.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ

ОБЩЕЙ И ПРИКЛАДНОЙ МЕХАНИКИ.

Руководство къ преподаванію механики въ архитекторскомъ отдѣленіи института и въ строительномъ училищѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. Соч. *И. Ястржембскаго*. Со множествомъ политипажныхъ рисунковъ въ текстѣ и отдѣльною тетрадью чертежей. 2 тома съ атласомъ. Спб. 1846. Цѣна 7 рубл., съ перес. 8 рубл.

САМОѢДЫ

ВЪ ДОМАШНЕМЪ и ОБЩЕСТВЕННОМЪ БЫТУ.

Соч. Владиміра Ислявина.

Съ политипажными рисунками и картою тундры Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи. Спб. 1847. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 30 коп.

НРАВЫ, ОБЫЧАИ и ПАМЯТНИКИ

ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Индустанъ, *Н. Н. Тютчева.* — Заганскій полуостровъ, *А. Стойковича.* Великолѣпное изданіе, украшенное множествомъ рисунковъ, отпечатанныхъ и изящно раскрашенныхъ въ Парижѣ. Одинъ томъ въ 8-ю *д. л.* большаго формата (470 стр.) на лучшей бумагѣ и новымъ шрифтомъ. Москва 1846. Цѣна 6 руб., съ перес. 7 руб.

СТРОЕНІЯ ПО ЧАСТИ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА,

или указаніе сельскому хозяину лучшихъ способовъ производства домашнихъ построекъ, устройства лучшихъ земледѣльческихъ орудій и повозокъ, расположенія усадебъ и садовъ, а равно и раздѣленія полей, съ примѣненіемъ къ настоящему состоянію сельскаго хозяйства, и съ присовокупленіемъ замѣчаній объ ономъ, составленное для содѣйствія народному благосостоянію *Э Г Нейманомъ*. Одинъ томъ въ 4-ю *д. л.* Съ 207 чертежами на 21 табл. Спб. 1844. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 75 к. с.

EN VENTE CHEZ Fᵒ BELLIZARD ET Cⁱᵉ.

Au pont de Police, maison de l'Eglise Hollandaise.

LIVRES NOUVEAUX.

(En roubles d'argent).

AUX PRIX DE PARIS.

AUDOUIT (Edmond). L'Herbier des demoiselles, ou traité complet de la Botanique présentée sous une forme nouvelle et spéciale; ouvrage orné de planches coloriées et illustré de jolies vignettes. Paris 1847. Un volume in-8. 4 rbls. 30 c.

BASANVILLE (Madame la Comtesse). La Corbeille de fleurs, dédiée aux jeunes filles. Paris 1848. Un beau volume in-8, orné de jolies gravures, richement relié, d. s. t. 7 rbls. 15 c.

BASTIAT (Frédᵈ) Sophismes économiques, troisième édition. Paris 1847. Un volume in-18. 30 cop.

BONNEVILLE. Traité des diverses institutions complémentaires du régime pénitentiaire. Paris 1847. Un fort volume in-8. 2 rbls. 60 c.

CANTU (César). Histoire universelle, soigneusement remaniée par l'auteur et traduite sous ses yeux par Eugène Aroux et Piersilvestro Leopardi. Bruxelles 1845—1847, *édition illustrée de cent gravures.* Les livraisons 1 à 100, formant cinq volumes grand in-8, ont paru; l'ouvrage complet formera neuf volumes publiées en 180 livraisons. Le prix de chaque volume, avec les planches, est de 3 rbls.

Le même ouvrage, édition de Paris (Firmin Didot), formera dix-huit volumes in-8, sans gravures. Douze volumes sont en vente, prix de chacun 1 rbl. 70 c.

CHASLES (Philarète). Etudes sur l'antiquité, précédées d'un essai sur les phases de l'histoire littéraire et sur les influences intellectuelles des races Paris 1847. Un vol. in-12. 1 rbl.

DEGOUSSÉE. Guide du sondeur, ou traité théorique et pratique des sondages. Paris 1847. Un volume in-8, accompagné d'un atlas de 34 planches gravées. 4 rbls. 30 c.

FEUILLIDE (C. de). Histoire des révolutions de Paris. Paris 1847. Les tomes 1 et 2 (première et deuxième époque) sont en vente, l'ouvrage complet formera 6 volumes in-8 à 2 rbls. 15 c.

FLOURENS. Théorie expérimentale de la formation des os. Paris 1847. Un volume grand in-8, avec 7 planches gravées. 2 rbls. 15 c.

GRISIER. Les Armes et le duel, ouvrage agréé par S. M. l'Empereur de Russie. — Préface anecdotique par *Alexandre Dumas,* Notice sur l'auteur par *Roger de Beauvoir;* Epitre en vers de *Méry,* lettre du Comte L. d'Horbourg. Dessins de E. de Beaumont. Paris 1847. Un beau volume grand in-8 illustré. 2 rbls. 85 c.

INSTRUCTION POUR LE PEUPLE. Cent traités sur les connaissances les plus indispensables. Ouvrage entièrement neuf, avec des gravures intercalées dans le texte. - Cette collection sera composée de cent livraisons gr. in-8, à deux colonnes et formera deux volumes renfermant la matière de plus de 500 feuilles in-8. Il a paru 65 livrais. L'ouvrage complet coute 7 rbls. 15 c.

HAILLOT. Statistique militaire et recherches sur l'organisation et les institutions des armées étrangères. Bruxelles 1846—1847. Trois volumes in-12. 2 rbls. 60 c.

HEIDELOFF (Charles). L'Ornementation du moyen-âge, ou collection d'ornements et de profils remarquables tirés de l'architecture byzantine et du style germanique, accompagnée d'un texte français par Ramée. Paris 1846—1847. Deux vol in-4 cartonnés. 21 rbls. 45 c.

KOCK (Paul de). L'amour qui passe et l'amour qui vient. Bruxelles 1847. Un volume in-18. 60 cop.

KUHLMANN (Fréd.). Expériences chimiques et agronomiques. Paris 1847. Un vol. in-8. 1 rbl.

LAMARE. Du traitement curatif de la phthisie pulmonaire par le mucilage animal à haute dose; des causes de cette maladie et des moyens de s'en préserver. Paris 1847. br. in-8. 60 cop.

LARROQUE. Traité de la fièvre typhoïde. Paris 1847. Deux vol. in-8. 3 rbls. 50 c.

LASALLE (Madame R.). Almanach du monde élégant pour l'année 1848. Un vol. in-18. 15 cop.

LEBER. Essai sur l'appréciation de la fortune privée au moyen-âge relativement aux variations des valeurs monétaires et du pouvoir commercial de l'argent; suivi d'un examen critique des tables de prix du marc d'argent, depuis l'époque de Saint-Louis. Paris 1847. Un volume in-8. 2 rbls.

LEFEBVRE (Armand). Histoire des Cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire, écrite avec les documents réunis aux archives des affaires étrangères (1800—1815). On vient de mettre en vente le Tome 3e de cet ouvrage (depuis la fin de la campagne de Prusse, 1806, jusqu'aux événements de Bayonne, 1808). Paris 1847. Un volume in-8. 2 rbls. 15 c.

MAUDUIT (Hippolyte). Les derniers jours de la grande armée, ou souvenirs, documents et correspondance inédite de Napoléon en 1814 et 1815. Paris 1847. Un vol. in-8. 2 rbls. 15 c.

MENEVAL (Baron de). Récit d'une excursion de l'Impératrice Marie-Louise aux glaciers de Savoie en Juillet 1814. Paris 1848. br. in-8. 85 cop.

MORTREUIL. Histoire du Droit Bizantin, ou du Droit Romain dans l'Empire d'Orient depuis la mort de Justinien jusqu'à la prise de Constantinople en 1453. Paris 1847. Trois volumes in-8. 7 rbls.

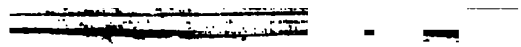
RICHARD. De la conformation du cheval, suivant les lois de la physiologie et de la mécanique. Haras, courses, types reproducteurs, amélioration des races, vices redhibitoires. Paris 1847. Un volume in 8. avec planches. 2 rbls. 30 c.

RUDTORFFER. Géographie militaire de l'Europe, trad. de l'allemand par L. A. Unger. Paris 1847. Deux volumes gr. in-8. 5 rbls. 70 c.

SCHWERZ. Culture des plantes économiques oléagineuses, textiles et tinctoriales, trad. de l'allemand par M. Laverrière. Paris 1847. Un volume in 8. avec planches. 1 rbl.

SOULIÉ (Fréd.). Histoire d'Olivier Duhamel. Bruxelles 1847. Deux volumes in-18. 1 rbl. 20 c.

WALSH (Vicomte). Saint-Louis et son siècle. Paris 1847. Un beau volume gr. in-8. orné de portraits et de gravures sur acier par MM. Rouargue frères. 3 rbls. 45 c.



Stanford University Libraries
3 6105 012 054 040

AP
50
S695
n.s.
v. 8:1
1848

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE